РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ЛИНИИ РОСТА

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ XVI–XVIII ВВ. ПРИУРАЛЬЕ, СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

МОСКВА 2024

УДК 069.538:[904(=512.14):903.43(470.41)] «9/14»
ББК 63.444(235.54)–421.1л6+63.48(=630)–421.1л6
Л59

Проект создан при поддержке фонда «История Отечества»

Фонд ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АВТОРЫ

Могилевский Константин Ильич (г. Москва)
Гагкуев Руслан Григорьевич (г. Москва)
Багрин Егор Андреевич (г. Санкт-Петербург)
Базаров Биликто Александрович (г. Улан-Удэ)
Нолев Евгений Владимирович (г. Улан-Удэ)
Миягашев Денис Алексеевич (г. Улан-Удэ)
Корусенко Михаил Андреевич (г. Омск)
Герасимов Юрий Викторович (г. Омск)
Крих Анна Алексеевна (г. Омск)
Маслюженко Денис Николаевич (г. Курган)
Виноградов Роман Олегович (г. Курган)
Новиков Игорь Константинович (г. Курган)
Забияко Андрей Павлович (г. Благовещенск)
Трухин Владимир Ильич (г. Благовещенск)
Черкасов Андрей Николаевич (г. Благовещенск)
Чёрная Мария Петровна (г. Томск, г. Новосибирск)
Визгалов Георгий Петрович (г. Сургут)
Селянина Марина Юрьевна (г. Сургут)
Крадин Николай Петрович (г. Хабаровск)
Крадин Николай Николаевич (г. Владивосток)
Бородовский Андрей Павлович (г. Новосибирск)
Чибышев Павел Васильевич (г. Омск)
Скобелев Сергей Григорьевич (г. Новосибирск)
Кениг Александр Владимирович (г. Новосибирск)
Майничева Анна Юрьевна (г. Новосибирск)
Новиков Андрей Владиленович (г. Новосибирск)
Горохов Сергей Валерьевич (г. Новосибирск)
Понкратова Ирина Юрьевна (г. Магадан)
Константинов Александр Васильевич (г. Чита)
Константинова Наталья Николаевна (г. Чита)
Горлышкин Никита Евгеньевич (г. Кемерово)
Тулуш Демир Константинович (г. Казань, г. Кызыл)
Корчагин Павел Анатольевич (г. Пермь)
Зах Виктор Алексеевич (г. Тюмень)
Аношко Оксана Михайловна (г. Тюмень)
Рафикова Татьяна Николаевна (г. Тюмень)
Харинский Артур Викторович (г. Иркутск)
Яровой Борис Павлович (г. Иркутск)
Иванюк Сергей Александрович (г. Волгоград)
Коваль Владимир Юрьевич (г. Москва)
Хайрутдинов Рамиль Равилович (г. Казань)
Валеев Рафаэль Миргасимович (г. Казань)
Ситдиков Айрат Габитович (г. Казань)
Сайфутдинова Гузель Маратовна (г. Казань)
Хамидуллин Булат Лиронович (г. Казань)
Хуснуллина Алия Азатовна (г. Казань)

Л59 **ЛИНИИ РОСТА. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОГРАНИЧЬЯ РОССИИ XVI–XVIII ВВ. ПРИУРАЛЬЕ, СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК** / К.И. Могилевский и др. — Москва : Кучково поле Музеон, 2024. — 424 с.

ISBN 978-5-907939-01-1

Книга является вторым томом, продолжающим исследования истории оборонительных линий на пограничье России. В издании под эгидой Российского исторического общества собраны материалы о современном состоянии 67 объектов культурного наследия 20 регионов Российской Федерации, связанных с историей оборонительных укреплений Приуралья, Сибири и Дальнего Востока XVI–XVIII вв. Специалистами актуализированы сведения о сохранившихся участках объектов фортификации, обращено особое внимание на необходимость их выявления и постановки на государственную охрану как объектов историко-культурного наследия. Книга богато иллюстрирована фотографиями и изобразительными материалами, а также 3D-моделями оборонительных валов, сторожевых ворот, крепостей.

Книга рассчитана на историков, археологов, архитекторов, специалистов по охране памятников, краеведов и на широкий круг заинтересованных лиц, занимающихся историей объектов культурного наследия, военной историей России и историей родного края.

УДК 069.538:[904(=512.14):903.43(470.41)] «09/14»
ББК 63.444(235.54)–421.1л6+63.48(=630)–421.1л6

© Авторский коллектив, 2024
© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2024
© Фонд «История Отечества»
© Оформление ООО «Мастер-Граф», 2024

ISBN 978-5-907939-01-1

Уважаемые читатели!

Трехсотлетняя история масштабного освоения бескрайних просторов Сибири и Дальнего Востока сопровождалась постоянным возведением оборонительных сооружений — от небольших зимовий Ермака Тимофеевича до мощных крепостей XIX века, ставших свидетельством невероятного мужества и упорства наших предков.

Книга, которую вы держите в руках, стала результатом работы нескольких десятков исследователей из 20 регионов Российской Федерации совместно с экспертами Российского исторического общества. Принимая решение о продолжении работы над изучением истории «линий роста», мы руководствовались представлением, что фортификационные сооружения представляют собой единую систему оборонительных линий, которые тянулись по всему пограничью. Именно поэтому их изучение и популяризация должны осуществляться комплексно, по всем границам русского фронтира.

Хочу выразить искреннюю признательность всему авторскому коллективу альбома за большой и кропотливый труд. Убежден, что эта книга будет интересна как профессиональным историкам, так и самому широкому кругу читателей, всем, кто любит нашу Родину.

С.Е. Нарышкин
Председатель
Российского исторического
общества

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ 6

ГЛАВА I
СИСТЕМА КРЕПОСТЕЙ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI — XVII ВЕКЕ 14

Основные этапы и динамика строительства крепостей в Сибири 17
Динамика развития обороноспособности сибирских крепостей 22
«Базовые крепости» Сибири: значение, контролируемая территория, основные факторы обороноспособности 26

ГЛАВА II
НАСЛЕДИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ ПРИУРАЛЬЯ, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. РЕГИОНЫ РОССИИ 40

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ 42
Бикатунский острог (Бий-Катунский острог, Бийская крепость) 44

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ 46
Кумарский острог 52
Албазинский острог 54
Долонский острог 66

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ 68
Баргузинский острог 74
Селенгинский острог 82
Телембинский острог 83
Удинский острог 84

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ 94
Иргенский острог 100
Шилкский острог 102
Нерчинский острог 106
Аргунский острог 116
Акшинская крепость 120

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ 124
Иркутский острог 128
Бельский острог 134
Братский острог 136
Илимский острог 138

КАМЧАТСКИЙ КРАЙ 142
Нижнекамчатский острог 146

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ 152
Сосновский острог 154
Верхотомский острог 156
Кузнецкий острог 158
Мунгатский острог 160
Каштакский острог 162

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ 164
Енисейский острог (Енисейск) 166
Старотуруханское городище 168
Канский острог 174
Саянский острог 176

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ 182
Крепость слободы Царево Городище (Царев Курган) 188
Кочердыкский редут 194
Форпост Алабужский 196

МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ 198
Город Гижигинск 202

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ 212
Умревинский острог 216
Чаусский острог 226

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ 232
Тарская крепость 234
Иртышская линия 238
Редут Соляной Поворот на Среднем Иртыше 242
Маяк Иртышской оборонительной линии между редутом Соляной Поворот и Черлакским форпостом 246
Старо-Ишимская линия XVIII в. 248
Форпост Кушайлинский 254
Форпост Ирчинский 256
Форпост Нюхаловский 258
Форпост Квашнинский 260
Форпост Кумырский 262
Ново-Ишимская линия 264
Крепость Николаевская (Крепость Николаевская-II) 268
Редут Волчий (Волчий-II) 270
Крепость Покровская 272
Редут Дубровный 274
Редут Степной (Степной-II) 276

ПЕРМСКИЙ КРАЙ 278
Строгановский Орел-городок 284
Осинский кремль 290
Соликамский кремль 292
Чердынский кремль 294
Острог Егошихинского завода 298
Кунгурский кремль 302

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ 306
Томский кремль 308

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ 318
Тюменский острог и укрепленный посад 326
Тобольский острог 330
Тарханский острог 342

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ 346
Ачанский острог 348
Острог Полякова и Москвитина 352

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ 354
Абаканский острог 356

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ — ЮГРА 358
Городище Березовское 360
Ляпинский острог 366
Казымский (Юильский) острог 372
Сургутский острог 386

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ) 390
Стадухинский острог 392
Зашиверск, Зашиверский острог, Индигирский острог 396
Якутская крепость 402

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ 412
Обдорская крепость 414
Мангазея 418

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

История Евразийского степного порубежья уникальна для мировой истории и культуры. На огромных пространствах степного фронтира формировались масштабные исторические этнокультурные общности: скифы, сарматы, тюрки, славяне, монголы, угры и многие другие. Пограничье выступало зоной культурного обмена и взаимопроникновения традиций, разных хозяйственных укладов, сопровождавшихся и острыми конфликтами, и взаимодействием. Появление и на востоке, и на западе крупных централизованных государств Евразии, стремившихся обезопасить пограничные зоны, становилось фактором строительства протяженных линейных фортификационных сооружений, тянувшихся на десятки, сотни, а иногда и тысячи километров вдоль южной или северной границ степной зоны: Великая Китайская стена, линии обороны по границам Римской империи, стены Уйгурского каганата на Алтае, засечные линии в российском пограничье и многие другие подобные сооружения.

В российской истории возведение пограничных укрепленных линий происходило по южной границе лесной зоны. Процесс строительства оборонительных систем сопровождался и основанием десятков поселений, многие из которых продолжают свою историю и сегодня, а некоторые стали крупными городами. Оборонительные линии следует рассматривать как первичные элементы сложной поселенческой системы с преобладанием русского населения. История их развития — пример длительного целенаправленного формирования военно-социальной, инженерно-оборонительной и экономической структуры, представляющей оригинальное линейное расселение. В этнокультурном отношении их становление тесно переплетено с привлечением представителей служилых сословий: русских стрельцов, казаков и пахотных солдат, а также служилых татар, мордвы, польской и малороссийской шляхты и многих народов Восточной Европы и Сибири.

Укрепление и консолидация Российского государства в XVI–XIX вв. включали в себя обширную военно-фортификационную программу обеспечения безопасности южных рубежей. Возведение специальных укрепленных участков границы стало началом строительства большой протяженности засечных черт в европейской части Российского государства в XVI–XVII вв. В дальнейшем их развитие продолжилось в виде пограничных оборонительных линий XVII–XIX вв. в Поволжье, Приуралье, а также на Кавказе, в Сибири, Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Строительство сложных систем укреплений опиралось на анализ природного ландшафта, включение в них искусственных земляных валов и рвов, а также комплекса крепостей. Это явление, имеющее длительную многовековую историю, вышло за рамки только военной науки и имеет сегодня общенаучный культурологический характер.

Результат организованного государством труда многих десятков тысяч людей, в течение нескольких столетий строивших на сотни километров линии укреплений, крепости, поселения, остроги, является сегодня культурным достоянием народов России. Благодаря научным исследованиям появляется осознание особой ценности уникального творения нашей культуры, дошедшего до нас через века. Начавшиеся с масштабной государственной программы защиты российских земель, линейные оборонительные системы на пограничье сшили собой в единую структуру укреплений и поселений обширные регионы и стали одним из важнейших механизмов формирования государственного управления линиями роста на огромных территориях нашей страны. Движимое русским населением, освоение новых земель проходило с вовлечением в этот процесс расселения татар, мордвы, калмыков и других народов, оказывавшихся участниками строительства линий укреплений и организации их защиты. На линиях соприкосновения проходило и сближение культур местных народов, разных традиций в поликультурное пространство многонационального Российского государства.

Наследие пограничных линий сберегло в себе многогранную российскую историю, и тем оно особенно ценно для народов современной России. Сохранение и изучение богатого наследия истории линий укреплений — одна из приоритетных задач Российского исторического общества. Занимающиеся этой темой ученые вносят неоценимый вклад в приумножение новых знаний о прошлом военной, социально-политической и экономической жизни нашей страны. Их исследования становятся научной основой в сохранении выявленных памятников нашей истории для будущих поколений. Они представляют миру столь значимый и неповторимый пример созидания материальной культуры и сосуществования традиций. Внимание, обращенное к сохранению этого достояния, безусловно, явля-

ется одной из важнейших задач современной России.

22 января 2020 г. во время встречи Президента Российской Федерации с представителями общественности в городе Усмани Липецкой области выступивший от историков региона А.Н. Бессуднов обратился к Президенту страны Владимиру Владимировичу Путину с просьбой уделить внимание необходимости сохранения и популяризации уникального военно-исторического наследия России — засечных черт Европейской части России. По итогам встречи 2 апреля 2020 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин дал поручение Правительству Российской Федерации, совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, при участии Российского исторического общества, подготовить и представить предложения, касающиеся организации работы по выявлению объектов культурного наследия, связанных с Белгородской засечной чертой, их государственной охране, научному изучению и дальнейшему использованию в целях развития познавательного туризма, а также по организации туристского маршрута по местам расположения этих объектов. Во исполнение поручения была сформирована рабочая группа Российского исторического общества, в состав которой вошли представители научного сообщества из более чем 20 регионов России. Основными целями разработанного ими комплексного проекта стали работы, направленные на выявление, сохранение и популяризацию объектов, связанных с засечными чертами и оборонительными линиями Российского государства.

В 2020 г. Российское историческое общество приступило к комплексному исследованию сохранившихся памятников, связанных с оборонительными линиями XVI–XVIII вв. (засечными чертами) в Европейской части страны. Одним из итогов этого крупномасштабного проекта стало издание в начале 2022 г. книги «Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв.». Издание было подготовлено Российским историческим обществом, Институтом археологии Российской академии наук, Федеральным архивным агентством, Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан при поддержке фонда «История Отечества».

В книге была собрана информация о 68 памятниках историко-культурного наследия пограничья Европейской России XVI–XIX вв. из 19 субъектов Российской Федерации, связанных с историей засечных черт и оборонительных линий. Книга охватывает три века истории отечественной фортификации — от укреплений эпохи Ивана Грозного до артиллерийских фортов екатерининского времени. «Линии роста» стали своеобразной «дорожной картой» в определении новых направлений научных исследований и для последующего развития мемориальной инфраструктуры, популяризации объектов, связанных с оборонительными линиями, их использования в целях развития внутреннего туризма.

По инициативе фонда «История Отечества» осенью 2022 г. было инициировано создание второго тома, который включил в себя объекты оборонительных линий Приуралья, Сибири и Дальнего Востока. Сибирь и Дальний Восток — это обширные пространства с долгой и насыщенной историей. Прошлое этих земель — объект исследовательских устремлений многих поколений историков и археологов. Но, несмотря на все их усилия, восточные земли до сих пор хранят тайны, а многие из страниц их истории так и остаются неизведанными. Ввиду отдаленности друг от друга многих объектов в этой части России и сложности транспортной доступности изучение большинства объектов и сейчас крайне затруднено. Местоположение некоторых из них известно только по письменным источникам; сами объекты до сих пор не найдены и не исследованы.

При подготовке данного издания специалистами было отобрано 68 объектов оборонительных линий, имеющих лучшую изученность и занимающих особое место в истории регионов. В написании статей и разделов участвовали ученые Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, представляющие 20 субъектов Российской Федерации и изучающие Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский, Хабаровский края, Амурскую, Иркутскую, Кемеровскую, Курганскую, Магаданскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области, Республики Бурятия, Хакасия, Якутия, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В написании тома приняли участие специалисты из 28 научных и образовательных центров, объединенных Российским историческим обществом, из Москвы, Казани, Волгограда, Улан-Удэ, Омска, Новосибирска, Кургана, Благовещенска, Томска, Сургута, Хабаровска, Владивостока, Ханты-Мансийска, Санкт-Петербурга, Магадана, Читы, Кемерово, Перми, Тюмени, Иркутска, Кызыла.

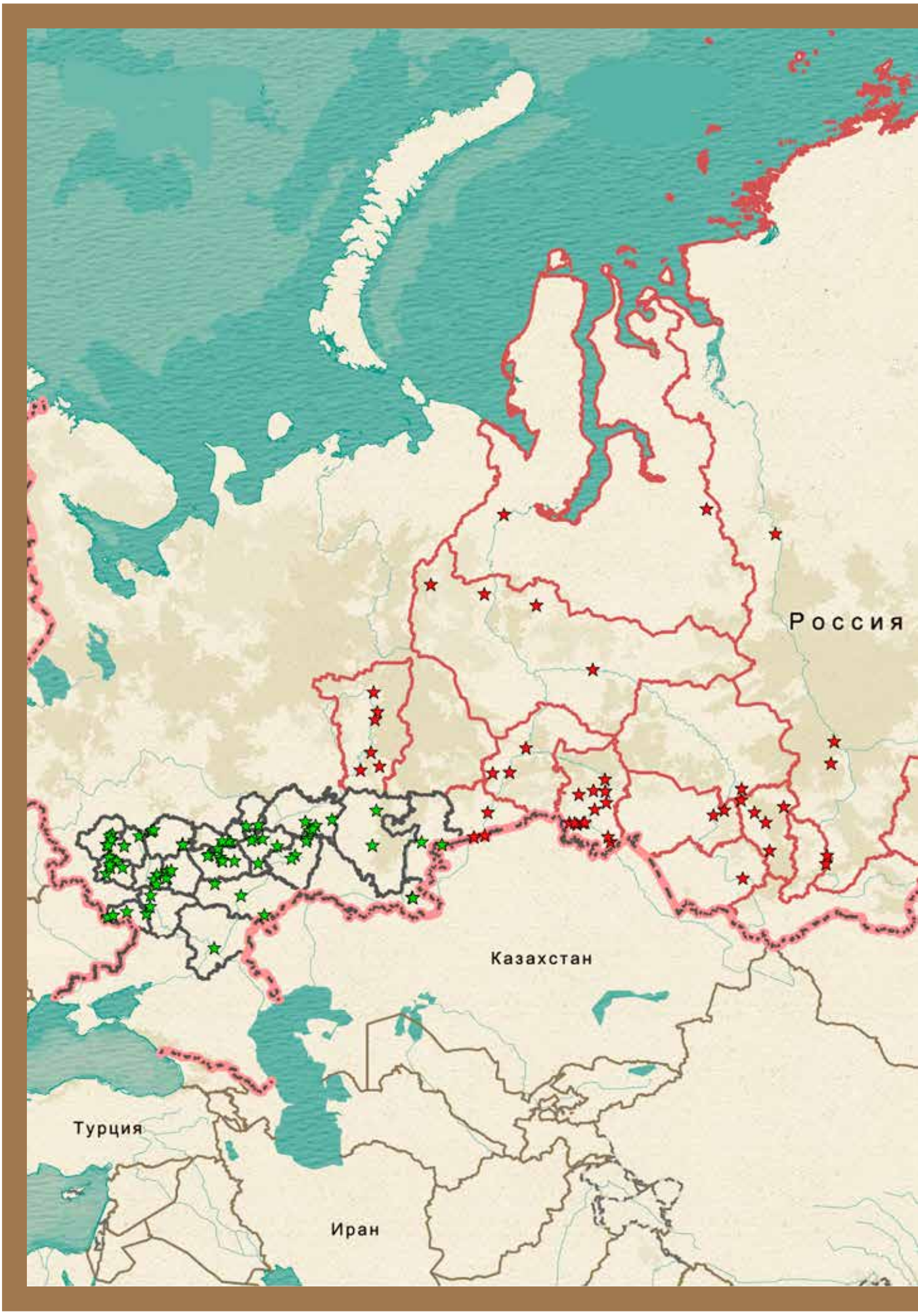
Более чем трехсотлетнее прошлое освоения Сибири и Дальнего Востока неразрывно связано с историей крепостей и линий укреплений на этом огромном пространстве. Несколько поколений русских людей заселяло эти обширные земли, строя крепости, остроги, зимовья. Сближались и взаимопроникали друг в друга культуры новых поселенцев и местных народов.

История появления и развития оборонительных линий Сибири и Дальнего Востока

EVROPÆ
RVSSIÆ
PARS
PARS
PARS
SAMOIEDA
Petzora
OCEANVS
Molgomzaia
Obdora
BAIDA
Sub Circulo
Colmak
LICOMORYE
IOVGHORIA
Tumen
KITHAISKO
NAGAIA HORDA
KALMVCKI
KASAKKI TARTARI
Bulgaria
MARE DE SALA vel DE BACHV, olim HYRCANVM, sive CASPIVM
KARAKITAY
TVRCHESTAN
MAVRENACHER
ASRVSENE
SAMARCHAND
SIRISITVR
OCRAGE
BVCARA
SIMIANSIMIAN
SACHI
GIECVM
ISTIGIAS
CIARCIAN
TICALISTAN
PERSIÆ PARS
Milliaria Germanica communia

Карта Тартарии из «Большого атласа» Я. Блау, 1662 г. Том 10

Россия
Казахстан
Турция
Иран

Объекты засечных и оборонительных линий, изученных в рамках проекта «Изучение засечных черт» с 2020 г.

имеет как ряд общих моментов в строительстве пограничных укрепленных линий для всех этапов их развития, так и некоторые отличия, обусловленные особенностями территорий. В Азиатской части прослеживаются устойчивые закономерности в порядке формирования, уходящие своими корнями в предшествующие традиции:

1) строительство крепостей велось государством в реализации политики, направленной на обеспечение безопасности и укрепление рубежей Отечества;

2) места возведения крепостей были привязаны к крупным рекам, которые служили важными транспортными магистралями и естественными преградами в организации защиты границ;

3) строительство крепостей увязывалось с топографией местности и особенностями ландшафта для усиления их обороноспособности;

4) крепости, ставшие центрами уездов, опирались на сеть прилегающих к ним небольших укреплений, расположенных в их близи;

5) крепости образовывали единую пограничную линию укреплений, создавая систему оборонительных военно-инженерных сооружений.

Сибирские крепости возводились военными (служилыми людьми) либо по прямому приказу правительства о возведении укрепления в том или ином месте, либо в рамках региональных инициатив выполнения более широких военных задач, связанных с закреплением новых территорий. Некоторые крепости и остроги возникали на месте ранее существовавших небольших поселений.

Появление крепостей зависело как от политической ситуации в стране, так и от накопления информации о новых территориях и их коренном населении. Из возведенных форпостов в соседние земли постоянно направлялись экспедиции, которые собирали необходимые данные и отправляли в Москву в Приказ Казанского дворца, а с середины XVII в. — в Сибирский приказ. Параллельно этому процессу шло закрепление уже присоединенных территорий путем постройки сети небольших крепостей, в которых несли службу люди из уездного военно-административного центра.

Предприимчивые промысловики через Мангазею открывали богатейшие соболем и «моржовой костью» районы крайнего востока Сибири. Правительство, возводя на этих землях новые крепости, стремилось осуществлять свой контроль на этих территориях, а также обеспечить безопасность населения. Оно же содействовало активизации поиска в Сибири драгоценных металлов — золота и серебра — для развивающейся экономики государства.

Продвижение в Забайкалье координировалось из Енисейска в рамках линии крепостей, выстраиваемой в Прибайкалье, а проникновение в Приамурье было организовано из Якутска, где интересы государства объединились с интересами большого количества вольных людей, стремящихся найти новые земли с пушниной.

Формирование развитой поселенческой структуры способствовало росту городов и развитию городской культуры, торгово-ремесленных традиций. Многие поселения, изначально строившиеся исключительно как военные крепости для защиты пограничных рубежей, в последующем превращались в крупные города, центры торговли и ремесла. Поселения становились местами межкультурной коммуникации между русским и местным населением.

История строительства крепостей несет в себе и важные культурные традиции русского зодчества, опирающегося также и на западноевропейские традиции бастионного строительства фортов. Сохранившееся наследие фортификационной истории несет в себе огромный потенциал для будущих исследований, принимая во внимание, что перед исследователями стоят и задачи по выявлению еще не найденных крепостей, связанных с историей линий роста.

Ученые, объединенные Российским историческим обществом, во взаимодействии с Министерством культуры Российской Федерации, региональными органами охраны памятников, при поддержке фонда «Истории Отечества», осознают необходимость продолжения изучения памятников, связанных с оборонительными линиями XVI–XIX вв. Прошлое оборонительных и засечных линий не может быть исчерпано всего в двух томах. Сегодня остаются вовсе не освещенными в изданиях укрепленные Псков-Смоленск-Брянская, Кавказская, Изюмская, Украинская и Днепровская линии в России, Кокандская, Сырдарьинская, Эмбинская, Акмолинско-Кокчетавская линии в Центральной Азии. Каждая из них достойна самостоятельного рассмотрения и требует привлечения также широкого круга специалистов из этих регионов.

Фондом «История Отечества» проводится большая работа по поддержке проектов в различных регионах России. С момента начала проекта «Изучение засечных черт» были поддержаны инициативы из более чем 10 регионов России: опубликовано 3 книги, разработана рабочая программа для общеобразовательных организаций, открыт музей и представлена тематическая выставка, а также археологические полевые работы, проведены более 13 научно-практических мероприятий в виде конференций, круглых столов

и форумов, поддержаны 5 мультимедийных проектов.

Работа исследователей над подготовкой первых двух томов выявила потребность в учете данных об объектах и памятниках историко-культурного наследия пограничья России. С применением инструментов цифровизации реализуются три проекта по картированию имеющейся информации о засечных и оборонительных линиях:

1. Геоинформационная система «Засечные линии. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв.»; разработчик — Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ при поддержке фонда «История Отечества» (https://culturetat.info.historyrussia.org/show/research_arch/7d74f00c-1a0e-437d-9375-d3068ee2fdb9/);

2. Сибирские пограничные линии Геоинформационной системы «Археологические памятники Омска и окрестностей»; разработчик — Омский научный центр СО РАН при поддержке фонда «История Отечества» (проект №121022000112–2, https://klis.omsu.ru/geo-objects/fortress);

3. Каталог деревянных оборонительных сооружений Русского (Российского) государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII вв.; разработчик — С.В. Горохов (https://gorokhov-sv.nextgis.com/resource/9/display?panel=layers).

Интерактивный каталог деревянных оборонительных сооружений Русского (Российского) государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII в. представляет собой свод имеющихся данных об этих объектах с учетом понимания, что фортификационные сооружения рассматриваются и как археологические памятники. Для каждого объекта указаны географические координаты в формате WGS84 с тремя уровнями точности локализации объектов в зависимости от точности имеющейся информации. Всего в каталоге учтено 475 фортификационных сооружений. Работа над каталогом продолжается. Ежегодно выходит обновление.

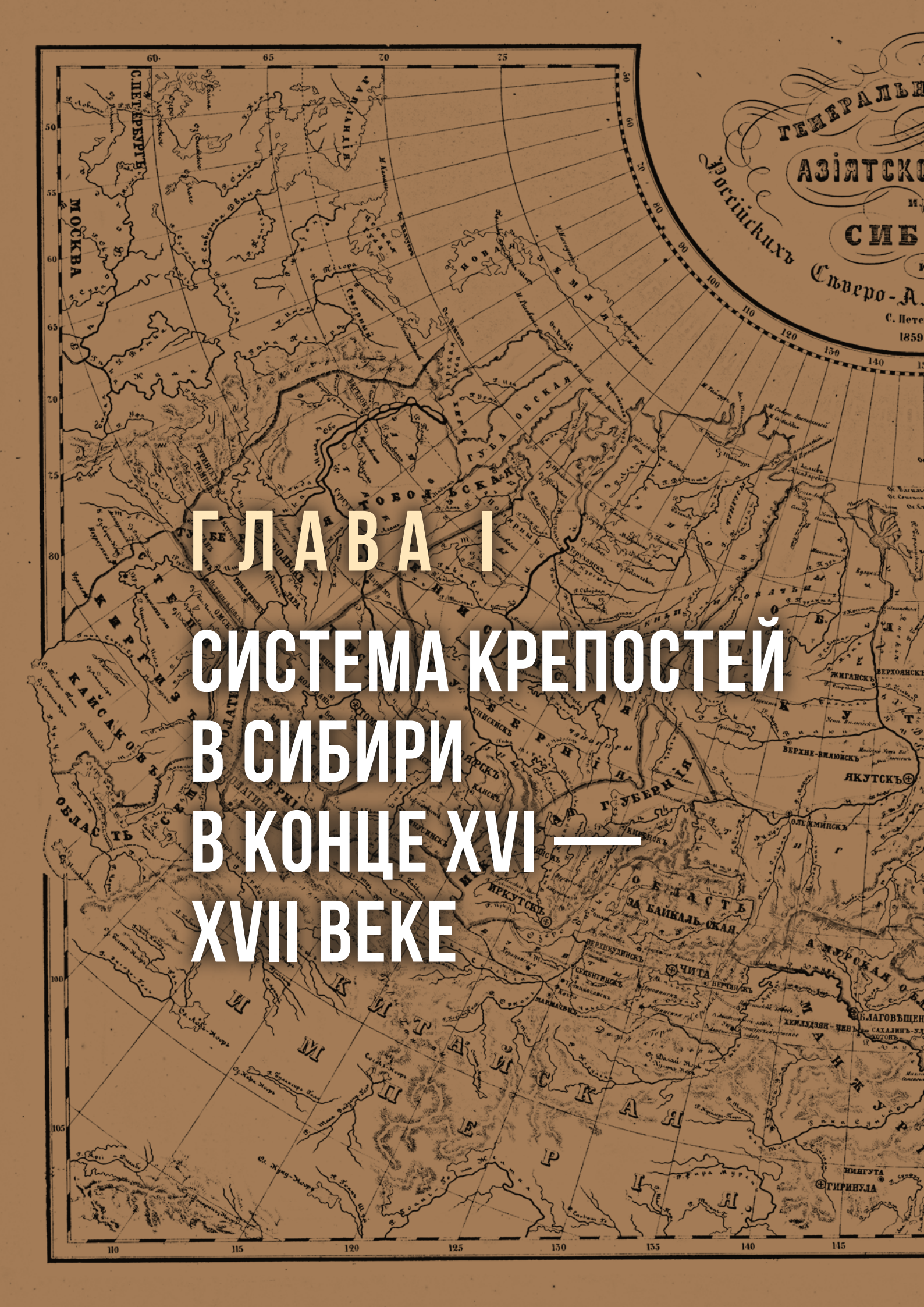
На основе каталога АНО «Руниверс» создало интерактивную карту фортификационных сооружений Русского (Российского) государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII в. (https://map.runivers.ru/?year=850). На карте имеется шкала времени, позволяющая отображать динамику появления деревянных оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке.

Попытка формирования списка подобных объектов впервые была сделана в 1978 г. в монографии В.И. Кочедамова «Первые русские города Сибири». В ней содержатся сведения примерно о двухстах фортификационных сооружениях в Сибири и на Дальнем Востоке. В статье П.П. Епифанова «К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII веке» 1981 г. приведен перечень городов, острогов и укрепленных зимовий в Зауралье. В работах В.И. Кочедамова и П.П. Епифанова, а также трудах Г.Х. Самигулова и А.Р. Артемьева предпринята попытка создания свода фортификационных сооружений для юга Западной Сибири и Забайкалья.

Засечные черты и последующие системы оборонительных линий и крепостей укрепили защиту пограничных рубежей Российского государства, а также способствовали заселению лесостепной и степной зон, повлияв на более активное освоение новых территорий выходцами из русских земель. С XVIII в. опыт строительства укрепленных линий и организации на них специальной службы широко использовался при сооружении пограничных укреплений. История пограничных линий — это история и ратного, и трудового подвига людей, создававших нашу страну. Их история — это история самопожертвенной защиты своей Родины, ставшая единой биографией многонациональной России.

История изучения засечных черт и оборонительных линий показывает, что среди исследователей на данный момент превалирует внимание к военной истории, но не менее интересны вопросы истории повседневности людей, проживавших и служивших в крепостях, острогах и других пунктах засечных и оборонительных линий. Осмысление вопросов сосуществования культур, их сближения дает основу для сохранения многообразия традиций разных народов нашей страны. Археологические и этнографические исследования раскрывают историю проникновения материальной и духовной культуры русских и пришедших в Сибирь других народов Восточной Европы в традиции местного населения.

Накопленный опыт в изучении культурного наследия пограничных линий России дает возможность не только определить приоритеты дальнейших работ, но и стать основой выработки оценки ценности объектов в понимании их места в контексте мировой истории. Безусловно, подобная направленность решения задач по изучению памятников фортификации российских пограничных линий укреплений может поставить и вопрос об актуальности их включения в список объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Под эгидой Российского исторического общества и фонда «История Отечества» может быть инициирована и задача создания серийной номинации объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, которая позволит им занять достойное место среди других объектов как составной части гуманитарного наследия человечества.

ГЛАВА I

СИСТЕМА КРЕПОСТЕЙ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVI — XVII ВЕКЕ

ая карта
ой россіи
ири
терпанскимъ владыкій.
рбургъ.
года.
Масштабъ
Чукотская
Берингово
Ледовитое
Тихое
Охотское
Камчатка
Петропавловскій
Верхне-Камчатскъ
Нижне-Камчатскъ
Охотскъ
Нижне-Колымскъ
Средне-Колымскъ
Верхне-Колымскъ
Западная Сибирь
Архипелагъ Алеутскихъ острововъ
Курильскихъ (Тсисима)
Новоархангельскъ
Русскія Американскія Британскія
Земли

К исследованию вопросов, связанных с возникновением и развитием русских крепостей в Сибири, исследователи обратились в XVIII в., практически сразу, как только начала изучаться история присоединения Сибири к России. В дореволюционной России в историографию, посвященную сибирским крепостям — острогам и городам, большой вклад внесли Г.Ф. Миллер, П.А. Словцов, В.К. Андриевич, Н.Н. Оглоблин, П.Н. Буцинский и др.[1] В это время были выделены основные черты, характерные для строительства сибирских крепостей:

1) крепости планомерно строились государством;

2) места возведения крепостей тяготели к крупнейшим рекам, которые служили основными транспортными магистралями;

3) строительство крепости согласовывалось с местными топографическими условиями так, что особенности ландшафта максимально усиливали обороноспособность укреплений;

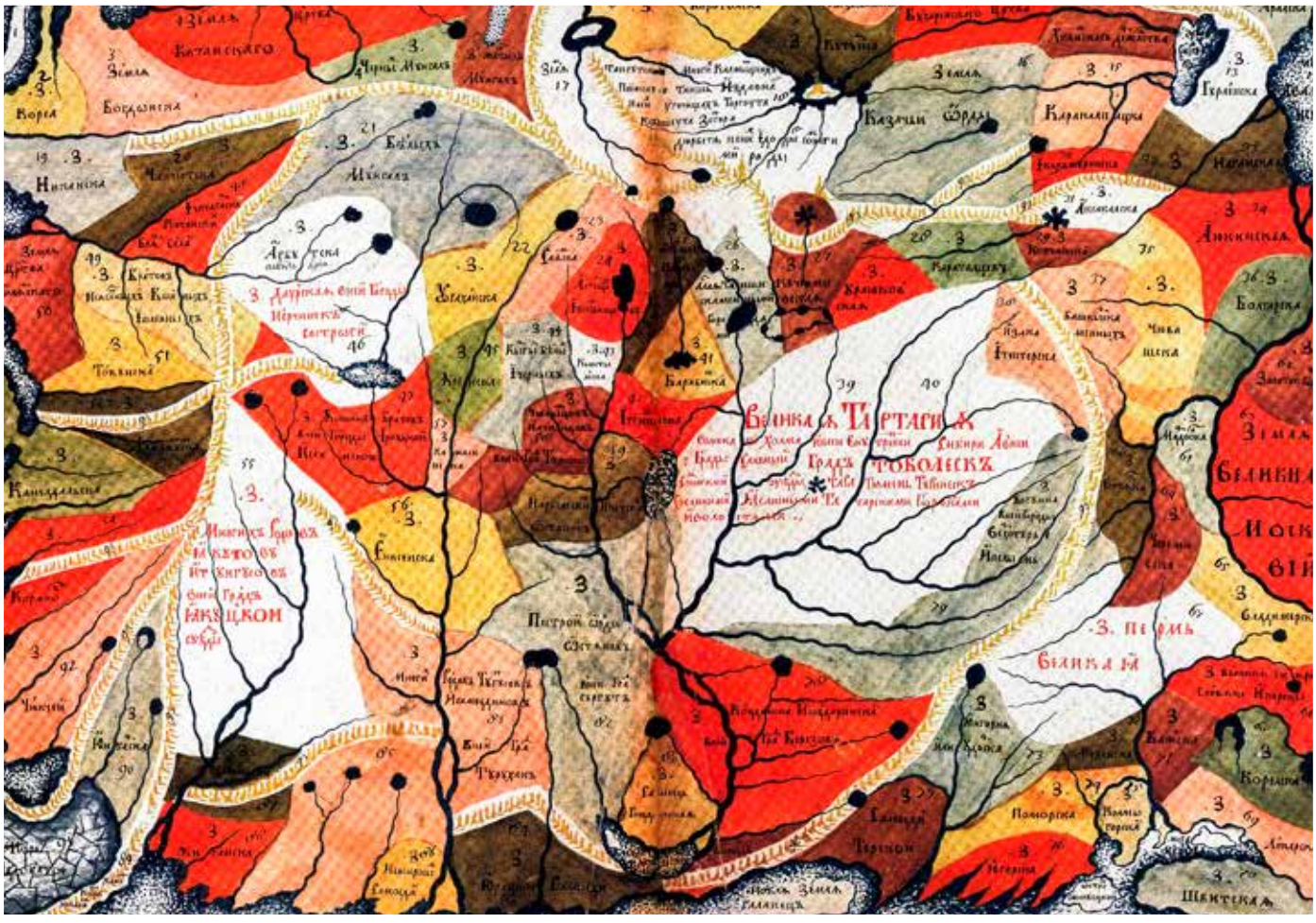
4) крепости, ставшие центрами уездов (крупных административно-территориальных единиц), опирались на сеть зависимых от них небольших укреплений (зимовья, остроги и др.), распределенных по всему уезду;

5) крепости строились так, что образовывали пограничную сеть (или линии) укреплений, защищавшую территориальные приобретения России.

Также уже в конце XIX — начале XX в. сформировалось представление о том, что сибирские крепости возводились военными (служилыми людьми) либо по прямому приказу правительства о возведении укрепления в том или ином месте, либо в рамках выполнения более широких задач, связанных с разведкой и закреплением на новой территории.

В советской историографии, начиная с трудов С.В. Бахрушина, В.Н. Шерстобоева,

[1] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1–2. М.–Л., 1937–1941; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1: С 1585 по 1742 год. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886; Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб., 1889; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1–4. – М.: Унив. тип., 1895–1901; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889.

Карта Сибири с русскими городами и острогами. Опубликована в книге «Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями»

Ф.Г. Сафронова, происходит дальнейшее углубление знаний по истории сибирских крепостей, вводятся в оборот новые источники, которые дополняются данными археологических исследований (например, М.И. Белов и др.).[2] В этот же период в среде археологов и архитекторов оформилось новое направление исследований, напрямую относящихся к развитию военного дела за Уралом в XVII–XVIII вв. — история градостроения в Сибири. В рамках этой темы ученые плодотворно изучали процесс строительства, а также особенности фортификации сибирских городов, острогов и зимовий. Наиболее яркими исследователями данной тематики стали архитекторы В.И. Кочедамов, С.Н. Баландин, Н.П. Крадин. Огромное значение имеют представленные в трудах В.И. Кочедамова графические реконструкции целого ряда сибирских городов, включающие в себя их оборонительные сооружения, внутренние постройки, посадскую часть, а также расположение на местности. Эта работа до сих пор в большинстве случаев не имеет аналогов и является эталоном для их современного моделирования. С.Н. Баландин первым сфокусировал свое внимание исключительно на оборонных элементах укреплений, описав конструкции стен и башен ряда сибирских зимовий, острогов и городов. Это же направление было развито в трудах Н.П. Крадина, который, обратившись к фортификационным особенностям сибирских крепостей, также провел их сравнение с укреплениями, расположенными в европейской части России[3].

В современное время в российской исторической науке изучению крепостей Сибири XVII столетия уделяется большое внимание. Во многом это связано с тем, что нет настороженного отношения к исследованию военных аспектов присоединения Сибири, которое было характерно для периода Советского Союза. Появились монографии, обстоятельно описывающие историю как отдельных крепостей, так и системы укреплений целых регионов: Западной Сибири (В.Д. Пузанов), Северо-Востока Сибири (А.С. Зуев), Дальнего Востока (А.Р. Артемьев)[4]. Ежегодно выходят научные статьи, посвященные различным аспектам градостроительства в Сибири, создаются тематические сайты.

В исследовании мы сконцентрируем свое внимание на крепостях, которые перечислены в Росписи военных сил России в Сибири на 1689 г.[5] как имеющие самостоятельное управление и гарнизоны. Обозначим их как «базовые» крепости. Это 21 крепость: Тюмень (1586)[6], Тобольск (1587), Пелым (1593), Березов (1593), Тара (1594), Сургут (1594), Нарым (1598), Верхотурье (1598), Туринский острог (1600), Мангазея (1601), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Илимский острог (1630/1647), Якутск (1632), Нерчинск (1658), Иркутск (1661), Селенгинск (1665), Албазинский острог (1665/1666) и Удинск (1665/1679).

Другие укрепления (зимовья, остроги) Сибири, гарнизоны которых формировались из людей, отправленных на временную службу из вышеперечисленных крепостей, мы обозначим как «крепости-сателлиты».

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ДИНАМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТЕЙ В СИБИРИ

Первый этап строительства крепостей в Сибири пришелся на 1586–1604 гг. В этот период, занявший около 18 лет, было построено 11 крепостей. Первыми появились Тюмень (1586) и Тобольск (1587). Затем 6 лет крупные крепости не возводились, после чего активное строительство продолжилось. За 2 года были построены 4 крепости: Пелым (1593), Березов (1593), Тара (1594) и Сургут (1594). Потом вновь был перерыв в строительстве на 4 года. Затем новый виток градостроительства — возведены Нарымский острог (1598), Верхотурье (1598), Туринский острог (1600) и Мангазея (1601), основан Томск (1604).

Можно заметить, что строительство крепостей внутри первого этапа носило волнообразный характер: возводились две крепости,

---

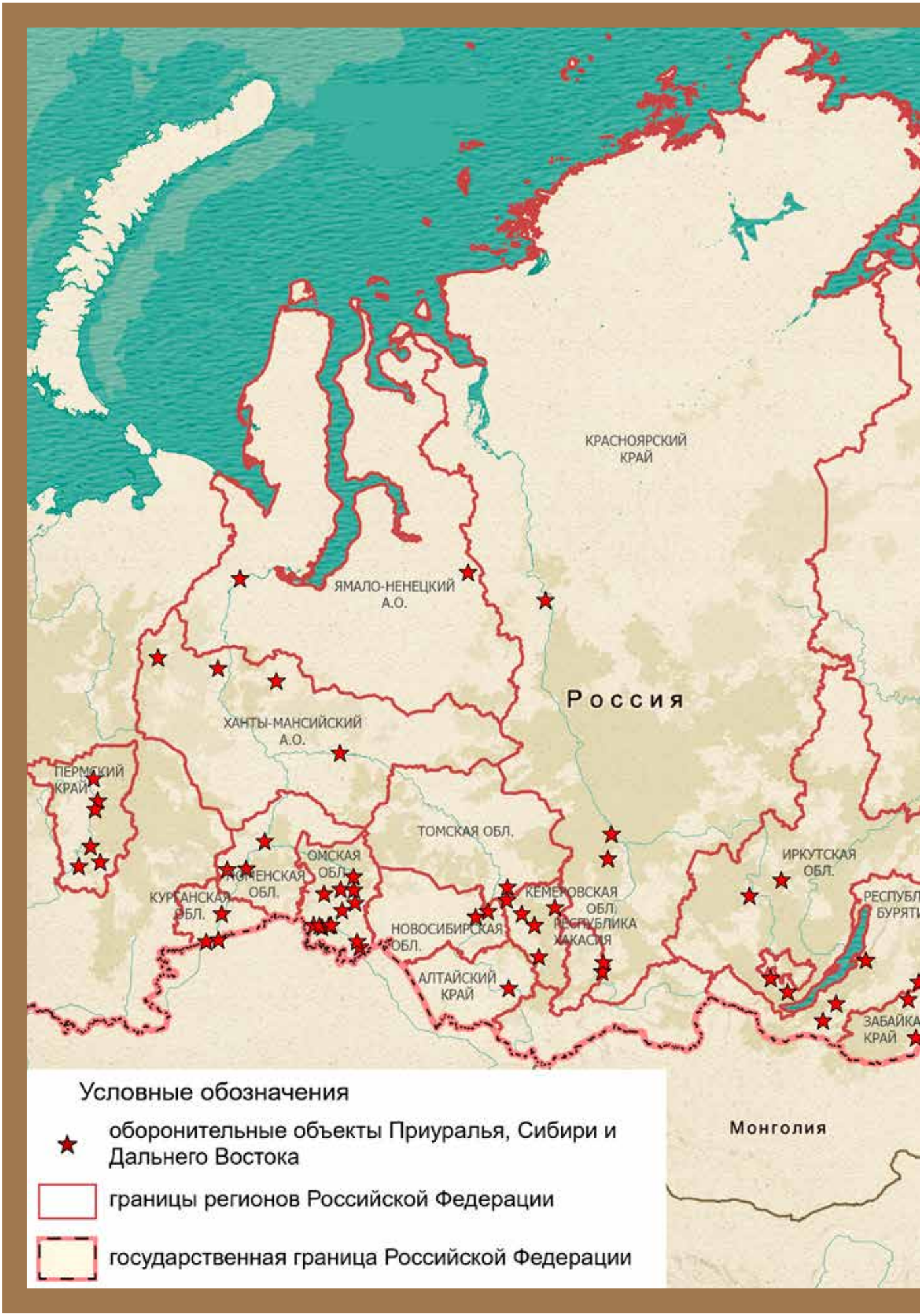
[2] Бахрушин С.В. Научные труды. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. — Т. 4. — С. 7-192; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. — Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. — Т. 1. — С. 37–75, 98, 476–493, 500, 510; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М.: Наука, 1978. — 258 с.

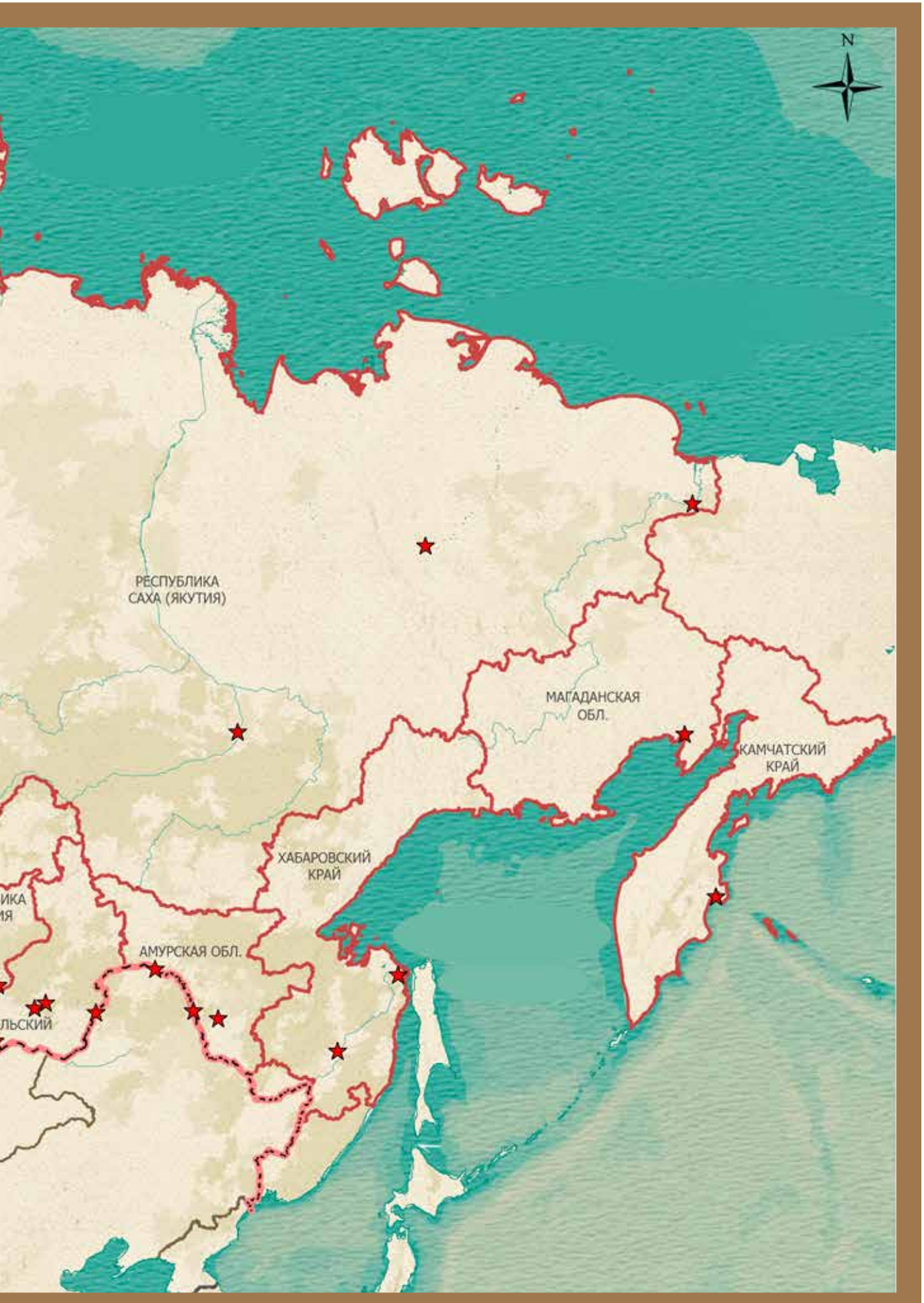
[3] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск, 1974. — С. 7–37; Кочедамов В.И. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. Издание в 4 томах. Том IV. — СПб.: Сохраненная культура, 2020. — 354 с.; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — 190 с.

[4] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010; Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск, 2002; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999.

[5] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 272–280.

[6] В скобках здесь и далее указана дата основания крепости.

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ А.О.
Россия
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ А.О.
ПЕРМСКИЙ КРАЙ
ТОМСКАЯ ОБЛ.
ОМСКАЯ ОБЛ.
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛ.
КУРГАНСКАЯ ОБЛ.
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛ.
КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛ.
РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ
АЛТАЙСКИЙ КРАЙ
ИРКУТСКАЯ ОБЛ.
РЕСПУБЛ
БУРЯТИ
ЗАБАЙКА
КРАЙ
Монголия
Условные обозначения
оборонительные объекты Приуралья, Сибири и Дальнего Востока
границы регионов Российской Федерации
государственная граница Российской Федерации

Оборонительные объекты Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, изученные в рамках проекта «Изучение засечных черт» в 2022–2024 гг.

на следующий год или через год еще две, затем следовал длительный перерыв. Причиной такого графика могло быть то, что московское правительство имело определенный план по расширению своих границ, который соотносился с финансово-экономическими возможностями государства. В период, когда крепости в Сибири не строились, ресурсы накапливались либо распределялись на другие направления. В это же время в России параллельно идет активное строительство крепостей на южном направлении, где создавалась система безопасности от вторжения крымских татар. А.Р. Артемьев отмечал, что «исследователи единодушны во мнении о существовании в этот период [в XVI–XVII вв.] одной общей для всей страны системы организации строительства новых укреплений», выработанной приказной администрацией России в XVI в.[7] П.А. Словцов считал, что основные черты политики присоединения Сибири были разработаны правительством Б. Годунова (1587–1605).

На данный момент мы не знаем документов, прямо касающихся долговременного планирования сети укреплений при продвижении на восток за Урал, но то, что подобный план был, видно из динамики возникновения сибирских крепостей.

После основания Томска новые крепости не строились в течение 14 лет, ибо в России разгорелась гражданская война — так называемое Смутное время. Страна подверглась разорению и стояла на грани утраты государственности, ресурсов, и политической воли на продвижение в Сибирь не было.

Также следует учитывать, что динамика возникновения крепостей зависела и от накопления информации о новых территориях и их коренном населении. Из возведенных форпостов в соседние земли постоянно направлялись экспедиции, которые собирали все необходимые данные и отправляли их в Сибирский приказ в Москву. Я.Г. Солодкин отметил, что перед постройкой первых сибирских крепостей происходила обязательная рекогносцировка мест будущей постройки с передачей этих сведений в Москву. Такая практика была обычной и для строительства укрепленных пунктов в приграничной зоне России (Поле и Поволжье)[8]. Параллельно этому процессу шло закрепление уже присоединенных территорий путем постройки сети зимовий и маленьких крепостей-сателлитов, в которых несли службу люди из уездного военно-административного центра.

Второй этап характеризуется возникновением Кузнецкого (1618) и Енисейского острогов (1619). Можно предположить, что строительство этих крепостей было продолжением старого плана продвижения на юг и в центр Сибири, которое по причине Смутного времени застопорилось после основания Томска. Россия немного восстановилась после гражданской войны, к власти в стране пришла новая династия — Романовы, ресурсы Сибири были по-прежнему привлекательны, и движение на восток было продолжено. Однако возобновленное сибирское строительство совпало с последним актом русско-польской войны — походом польского короля Сигизмунда на Москву в 1618 г. и ее осадой. В государственной казне был дефицит средств. Поэтому правительство, требуя возведения крепостей в новых землях, в значительной мере полагалось на перераспределение ресурсов, которые поступали в уже существующие крепости. Поэтому первоначально укрепления Кузнецкого и Енисейского острогов были небольшими, а гарнизоны маленькими. В них на годовую службу зачислялись военные из соседних крепостей (Томска и др.). На усиление Кузнецка и Енисейска как самостоятельных центров понадобилось еще несколько лет.

На этом же этапе на юге Сибири русские столкнулись с постоянной военной угрозой со стороны калмыков, киргизов, ойратов. Особенно активны кочевники были в 1620–1630-х гг. Борьба с ними требовала значительных финансовых трат и людских ресурсов.

Поэтому в сибирском градостроительстве снова наступил значительный перерыв, который продолжался 9 лет.

Третий этап — постройка Красноярского (1628) и Илимского (1630) острогов и Якутска (1632).

Основание Красноярска и Илимска являлось прямым продолжением строительства линии крепостей в южной и центральной части Сибири. Здесь усиливается значение Енисейского острога, который в дальнейшем начинает контролировать большую территорию, включая Прибайкалье (с помощью Братского (1631), Баргузинского (1648) и Балаганского (1654) острогов).

Строительство же Якутского острога явилось значимым событием, определившим ход строительства крепостей в Сибири на следующие годы. Мы видим, что характерная

[7] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 120.

[8] Солодкин Я.Г. К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири // Вестник «Альянс-Архео». — № 24. — 2018. — С. 45–56.

для предыдущих этапов система постепенного продвижения внутрь Сибири с опорой на ближайшие к границе крепости в случае с Якутском была нарушена. В то время, когда еще только выстраивалась линия укреплений, не дошедшая почти 1000 км до Байкала, более чем в 3000 км от него дальше на восток возникает Якутский острог.

Причиной такого скачка в пространстве, нехарактерного для предыдущих 48 лет развития системы сибирских крепостей, было то, что в процессах покорения Сибири появляется новая сила, действующая параллельно с государственной. С.В. Бахрушин справедливо отмечал, что строительство крупных укреплений в восточной части Сибири было связано не только с государственной волей, но и с действием народной колонизации. Предприимчивые промысловики через Мангазею открыли богатейшие соболем и «моржовой костью» районы крайнего востока Сибири. В эти земли устремилось множество «промышленных людей» (промысловиков). Правительство должно было определить новые территории под свой контроль и поставило там свою крепость.

Якутский острог, ставший военно-административным центром, оказался вне прежней системы крепостей, став, по сути, новой отправной точкой для присоединения восточной части Сибири. Важно указать, что после строительства Якутска крепости, становившиеся центрами новых крупных территориальных единиц, не строились на протяжении 21 года!

В чем причина? Экономика России находилась на подъеме. Однако государство имело большие амбиции на западе и юге — туда и были направлены все усилия страны. В 1632 г. началась успешная для России война с Польшей, а на юге с 1634 г. — масштабное сооружение оборонительной линии («засечной черты»). П.П. Смирнов, исследовавший динамику развития городов Московского государства в XVII в., отметил, что к 1650 г. в течение предшествующих ему 30 лет в России (исключая Сибирь) было построено 45 городов-крепостей[9]!

Якутский острог стал центром огромной и очень богатой соболями области. Для того чтобы ее освоить и контролировать, требовалось много времени. Возводились обеспечиваемые Якутском остроги-сателлиты: Жиганск (1632), Олекминск (1635), Вилюйск (1634), Верхоянск (1638), Зашиверск (1639), Колымский острог (1643), Охотск (1647), Анадырский острог (1649).

Однако для того чтобы поддерживать Якутский острог и его спутники, требовались значительные ресурсы. Якутск был удален на значительное расстояние не только от Москвы, но и от сибирских крепостей. Доставка в Якутск людей, хлеба, товаров, оружия требовала очень больших расходов. Построенные ранее в Западной и Центральной Сибири остроги и их сателлиты, несмотря на развитие в них внутренней торговли и производства, также не имели возможности полностью себя обеспечивать. Каждая новая сибирская крепость увеличивала нагрузку на государство. Видимо, поэтому постройка Якутского острога, закрепившего за Россией северо-восточную часть Азии, привела к большому перерыву в возведении крупных острогов, которые могли стать центрами новых, присоединенных к России территорий.

Четвертый этап — постройка Нерчинского острога (1658) и первая попытка закрепиться в Приамурье.

Около 20 лет после постройки Якутского острога правительство России в Сибири занималось укреплением уже созданной системы крепостей, расположенной от Уральских гор до озера Байкал, и созданием новой системы, охватывающей восток и северо-восток Сибири с центром в Якутске. В этот период времени в Москву в Сибирский приказ поступают сведения о Забайкалье и Приамурье — землях, естественным образом примыкающих к уже освоенным территориям. В это же время правительство активизирует поиски в Сибири драгоценных металлов — золота и серебра, которые требует развивающаяся экономика государства. Поэтому снова появляется интерес к продвижению в новые земли.

Продвижение в Забайкалье координировалось из Енисейска в рамках линии крепостей, выстраиваемой в Прибайкалье, а проникновение в Приамурье было организовано из Якутска, где интересы государства объединились с интересами большого количества вольных людей, стремящихся найти новые земли с пушниной и военной добычей.

Экспансия Забайкалья прошла по прежнему сценарию: в 1658 г. был возведен Нерчинский острог, ставший центром, удерживающим новые территориальные приобретения с помощью небольших укреплений-сателлитов (Телембинский (1658), Еравнинский (1675), Итанцинский (1679) и Аргунский (1681) остроги).

---

[9] Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. — Т. 1. — Вып. 1–2. — Киев, 1917–1919.

Пеший казак из «сибирских городов» в Забайкалье. 1689–1690 гг. Реконструкция Е. Багрина, Н. Фомина. Художник Николай Фомин

Однако в Приамурье Россия столкнулась с противодействием империи Цин. В течение первого периода пребывания русских на этой территории с 1649 по 1658 гг. ни один из острогов, которые правительство приказало построить на Амуре, не был построен. Возводились только временные укрепления. В 1658 г. русская амурская экспедиция потерпела тяжелое поражение от цинских войск и, потеряв больше половины людей, вынуждена была вернуться в Якутск.

Пятый завершающий этап. С 1654 по 1667 гг. Россия воевала с Польшей и испытывала кризис денежной системы, а в Москве происходили народные бунты. Несмотря на это, на территориях, тяготеющих к Байкалу, в продолжение линии острогов, возводившихся под началом Енисейска, были построены Иркутск (1661) и Селенгинск (1665).

Однако главные события на этом этапе развернулись на юго-востоке. В 1665/1666 г. отрядом русских людей, бежавших из Илимского острога, на Амуре на месте городка даурского князя Албазы был построен Албазинский острог. Через несколько лет острог из «вольного» перешел под государственное управление. К этому моменту Албазинская крепость контролировала значительные территории Приамурья, а в 1682 г. стала центром Албазинского воеводства. Новый конфликт с Цинским Китаем привел к осадам Албазина маньчжурами в 1685–1687 гг. Это была единственная крепость Сибири, осажденная регулярной армией, имеющей артиллерию. Следуя Нерчинскому договору 1689 г., Россия ушла из Приамурья, и Албазин был разрушен.

В это же время система крепостей в Забайкалье была значительно усилена за счет людей, переведенных сюда на службу из сибирских городов, а Удинский острог, развившийся из небольшого зимовья, решением правительства стал крупным военно-административным центром.

Постройка острогов на Камчатке в XVIII в. завершила создание сети укрепленных форпостов России в Сибири.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СИБИРСКИХ КРЕПОСТЕЙ

Здесь мы рассмотрим обороноспособность каждой из 21 «базовой» крепости (в хронологическом порядке возведения), дополнив эти данные сведениями об основном значении крепостей и контролируемой ими территории с ясачным населением. Для оценки обороноспособности сибирских крепостей мы обратимся к динамике изменений таких данных, как: **численность гарнизона, количество крепостных башен и артиллерии**.

Если численность гарнизона и количество артиллерии — показатели достаточно очевидные, то почему мы будем учитывать только увеличение (уменьшение) числа крепостных башен в отрыве от всего оборонительного

комплекса крепостей? Естественно, что кроме башен они имели довольно разнообразные фортификационные сооружения, влияющие на их обороноспособность. Однако именно увеличение числа башен связано с качественно новым этапом существования крепости, ее перестройкой, расширением. Поэтому увеличение (уменьшение) числа башен в крепости мы можем считать хорошим показателем, отражающим изменение в ее боеспособности и значение как военно-административного центра для государства в целом.

Перед тем как перейти к основной части, дадим краткую характеристику контингенту военных людей, укреплениям и тяжелому вооружению в Сибири XVII в.

Военный контингент

Русского населения на огромных пространствах Сибири было очень мало. Дефицит людей, выполнявших военные и связанные с ними службы, был обычным явлением. Жалобы из крепостей на крайнюю нехватку людских сил даже в мирное время — одни из самых частых документов этого периода. Однако правительство очень неохотно увеличивало численность гарнизонов, т. к. оно не могло позволить себе содержать большое число людей во всех крепостях, обходясь минимумом людей, на которых приходился максимум нагрузки. Укреплялись только важнейшие направления.

Основу сибирских войск составляли выходцы из северных и восточных уездов европейской России. Кроме людей из других регионов страны их дополняли: 1. «литва» и другие «немцы» (т. е. иностранцы) — в основном это были жители Речи Посполитой, попавшие в плен во время русско-польских войн; 2. «черкасы» — выходцы с малороссийских земель; 3. «новокрещены» — представители коренного населения, принявшие православие. Военнослужащие делились на категории, которые определяли основной характер их службы: дети боярские и начальные люди (атаманы, сотники, пятидесятники и др.), стрельцы, конные и пешие казаки, пушкари и затинщики (артиллеристы, обслуживающие тяжелые крепостные ружья — затинные пищали). «Литва», «черкасы», «новокрещены» и «служилые татары» несли конную службу. Эти категории могли полностью отсутствовать в крепостях восточной части Сибири, однако в западной и южной частях их присутствие могло достигать 30 % от общего числа людей в гарнизоне. Кроме того, к выполнению разных служб нередко привлекали добровольцев из числа промысловиков («охочие люди»), которые воевали на условиях получения ими военной добычи.

Гарнизоны сибирских крепостей обычно насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Только крупнейшие центры могли позволить себе гарнизон порядка 1000 и более человек. Даже в конце рассматриваемого нами периода, в 1689 г., общее число военных людей в Сибири было всего 8684 человека. Кроме «базовых» острогов они были распределены по большому числу укреплений-сателлитов. В 1689 г. самые большие гарнизоны были в Тобольске (3008 чел.), Томске (1211 чел.), Тюмени (915 чел.), Якутске (911 чел.), Таре (753 чел.) и Красноярском остроге (746 чел.)[10]. В Алба-

Иркутский сын боярский. 1696 г.
Реконструкция Е. Багрина, Н. Фомина. Художник Николай Фомин

[10] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 272–280.

Пищаль двухгривенковая «Соловей». Мастер Евсевий Данилов. 1681 г. Состояла на вооружении Нерчинского острога. Коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург. Фото Е.А. Багрина

зинском остроге на момент второй осады маньчжурами в 1686 г. было собрано 826 чел.

Таким образом, мы видим, что распределение сил по военным центрам Сибири происходило очень неравномерно. Шесть крупнейших военно-административных центров вмещали в себя около 90 % всех военных людей в Сибири, тогда как оставшиеся 10 % приходились на 14 крепостей, также контролировавших огромную территорию.

Фортификация

Обычная сибирская крепость имела деревянные или дерево-земляные укрепления, построенные в соответствии с традициями русского военного зодчества. Это были укрепленные поселения так называемой регулярной планировки, появившиеся в России в конце XV в.[11]

Такие крепости успешно выполняли свою функцию, т. к. сибирские народы, с которыми у русских происходили военные конфликты, использовали, как правило, примитивные осадные средства и не имели огнестрельного оружия и артиллерии. Ни одна из «базовых» крепостей, за исключением Албазинского острога, не была взята неприятелем. Противникам русских в Сибири удавалось уничтожить только маленькие крепости с небольшим гарнизоном. Албазин здесь исключение из правила, т. к. он был осажден маньчжурскими войсками, применившими крупнокалиберную осадную артиллерию, в т. ч. европейского типа.

Сибирские крепости обычно назывались «острогом» или «городом». Острогом назывались те крепости, где стены делались в виде «тына» — ограды из стоящих вертикально или под углом («косой острог») бревен, заостренных на верхних концах. «Городом» считались крепости, где были «рубленые» стены («городни» и «тарасы»). Бревна в этих стенах ложились горизонтально. Такие стены имели более трудоемкую конструкцию и использовались для укрепления крепостей, располагавших большими по сравнению с другими крепостями человеческими ресурсами. Крепости, имевшие больше 4 башен, в ряде случаев называли «городом» вне зависимости от конструкции

[11] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 120; Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 9–37.

стен[12]. Часть крепостей имела дополнительные стены с башнями, которые примыкали к основным укреплениям для защиты жилых построек, расположенных с внешней стороны («посад»). Эти стены назывались «острогом», а крепость в этом случае так же могли определять как «город».

Деревянные стены в виде срубных конструкций могли усиливаться засыпкой «хрящем» (тяжелым грунтом). Стены в виде тына дополнялись внутренней стеной, а промежуток между ними засыпался грунтом. Подобные конструкции делались и для защиты башен, но с внешней стороны («обрубы»). Для стрельбы в стенах и башнях делали специальные отверстия — «бои» — на верхнем, среднем и нижнем уровнях. К верхним боям с внутренней стороны стены подводили специальные помосты. Для того чтобы затруднить врагам подход к крепости, часто делали валы и рвы, «чеснок», или «частик», — вбитые в землю короткие заостренные колья — и «надолбы» — длинные заостренные бревна, вкопанные в землю прямо или под углом острием в сторону возможного нападения, соединенные между собой перемычками.

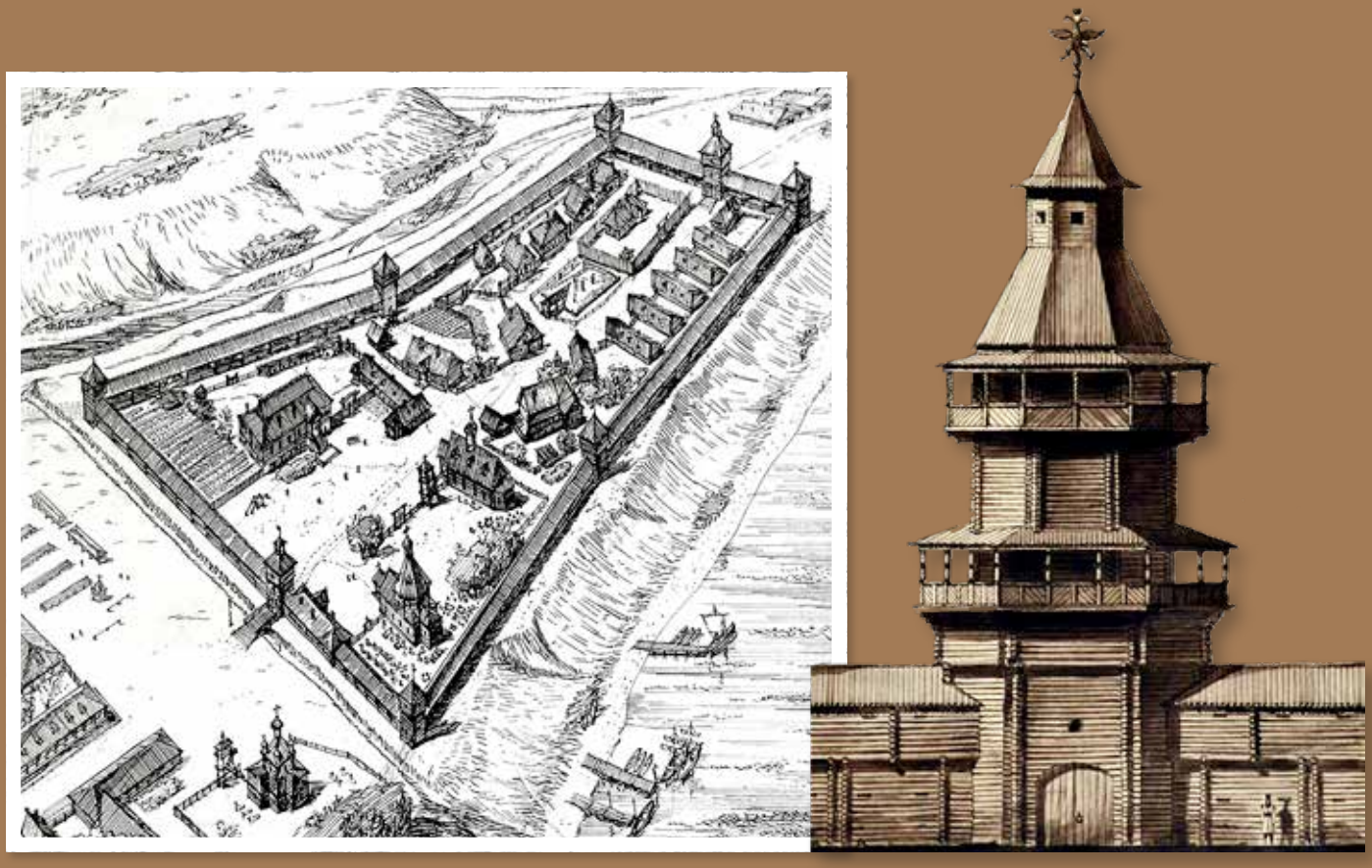
Крепости, как правило, имели четырехугольную планировку и башни на углах и в середине стен. Башни были «глухие», т. е. предназначенные исключительно для обороны, и «проезжие», служившие также воротами в крепость. Простейшие укрепления могли иметь меньше 4 башен или вообще их не иметь. Самые защищенные крепости, наоборот, располагали большим количеством башен.

Артиллерия

Артиллерия сибирских крепостей состояла из пушек («пищалей»), имевших различные технические характеристики. Орудия, которые можно отнести к тяжелой артиллерии, делились на «полковые», «полуторные», «вестовые», «скорострельные», «волконейки», «верховые» (мортиры) и др. Большинство из них имели небольшой калибр: 1–2 фунта. Легкая артиллерия была представлена «затинными» пищалями, т. е. крепостными ружьями большого калибра.

Пушек в сибирских крепостях было очень мало. Доставлять в Сибирь тяжелые орудия, железные и свинцовые ядра и порох к ним

[12] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 9–37.

Тюмень (слева). Проездная башня Новой Мангазеи (справа). XVII в. Реконструкции В.И. Кочедамова

было очень сложно. Для этого требовалось много времени, различного транспорта и человеческих усилий. Чем дальше было расстояние от сибирской крепости до Москвы и Тобольска, бывшего в регионе центром распределения оружия и военных припасов, тем меньше шансов было на вооружение артиллерией. Например, в 1640 г. в Якутский острог вместе с отрядом воеводы П. Головина было привезено 12 орудий, новая же присылка пушек случилась только около 1679 г., т. е. спустя почти 40 лет[13].

Так что оснащение (либо лишение) сибирских крепостей артиллерийскими орудиями также является хорошим маркером заботы государства об обороноспособности и важности крепости.

«БАЗОВЫЕ КРЕПОСТИ» СИБИРИ: ЗНАЧЕНИЕ, КОНТРОЛИРУЕМАЯ ТЕРРИТОРИЯ, ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ

Тюмень (1586). Первый город России в Сибири, отправная точка для присоединения территорий по Иртышу, Оби и Тоболу на начальном этапе продвижения за Урал и первая крепость, защищавшая от кочевников (Кучумовичей, ойратов и др.) южные рубежи русских владений в Сибири. Общая численность ясачного населения Тюменского уезда была около 1000–2000 человек или около 300 человек плательщиков ясака (татары и предки башкир)[14].

Первый гарнизон, несший службу в крепости, составлял 300 человек, затем около половины людей были отправлены в другие места, в т. ч. для строительства Тобольска. В 1624–1633 гг. число людей в крепости вернулось к прежнему уровню и составляло 322–336 человек[15]. Затем гарнизон был увеличен почти в 3 раза и с 1636 по 1699 гг. насчитывал от 808 до 1002 человек[16].

В 1593–1627 гг. Тюмень имела 8 башен в крепости и 4 башни в остроге, окружавшем посад (с 1603 г.). В 1660–1680-е гг. в крепости было по-прежнему 8 башен[17].

В первую половину XVII в. число артиллерийских орудий в Тюмени колебалось от 12 до 18 (1–4 пушки, 8–11 затинных пищалей). В 1660-е гг. количество пушек было увеличено до 10–13, количество затинных пищалей не изменилось. Так как орудия постоянно посылались в уезд для усиления обороноспособности слободских укреплений, то в 1680-е гг. количество артиллерии в крепости уменьшилось до 9 пушек и 6 затинных пищалей. В 1697 г. артиллерийский наряд составлял 10 орудий, включая «скорострельное», и 6 затинных пищалей[18].

Тобольск (1587). Военно-административный центр, столица всей Сибири. Руководители всех сибирских уездов согласовывали свои действия с тобольской администрацией. Тобольск контролировал распределение ресурсов, присылаемых Москвой в Сибирь: оружие и боеприпасы, хлеб, соль и деньги для жалованья военным людям. Также крепость служила местом формирования отрядов военных людей, отправляемых для временной и постоянной службы в разные части Сибири. Одновременно Тобольск являлся главным сибирским «религиозным, торговым и ремесленным центром»[19]. Коренное население насчитывало до 7880 человек (из них около 1250 чел. плательщиков ясака) и состояло из остяков (хантов) и татар[20].

Первый отряд, несший службу в крепости, составлял 500 человек. В последующие годы численность гарнизона постоянно увеличивалась: до 730 человек к 1624 г., 1299 человек к 1636 г. и от 1764 до 3008 человек в 1670–

---

[13] Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 138–141.

[14] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 42–43.

[15] В большинстве случаев не учитывались люди, стоявшие на должностях подьячих, городничих, приставов и т. п., хотя в ряде острогов их занимали служилые люди.

[16] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 208.

[17] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. – С. 9–37; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 204–205; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 61, 87.

[18] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 206; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – Спб.: Нестор-История, 2013. – С. 147–149; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 132–133.

[19] Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – С. 57.

[20] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 57, 59.

1699 гг.[21] Гарнизон Тобольска был самым большим в Сибири. Это позволяло Москве иметь за Уралом центр, из которого можно было оперативно отправлять военную силу в различные части Сибири.

К 1606–1609 гг. в крепости было 7 башен, в 1627 г. крепость и острог, окружавший посад, в совокупности имели 12 башен, в период с 1645/1646 по 1677 гг. — 9[22] или 10[23] башен (только в крепости). С 1688 г. Тобольск дополнительно был окружен «земляной крепостью» — восьмиметровым валом с 7 башнями[24].

В течение первой половины XVII столетия число пушек и затинных пищалей в крепости колебалось от 9 до 10. Артиллерийские орудия требовались для защиты территорий уезда, и орудия, поступавшие в казну Тобольска, отправлялись на места. Так, в слободах Тобольского уезда было до 28 пищалей (из них 23 затинные), в то время как в крепости оставалось от 3 до 6 орудий. К 1670–1680-м гг. численность артиллерии в Тобольске резко увеличилась до 19–22 единиц (из них около половины — затинные пищали). В 1697 г. число пушек в городе увеличилось до 34, включая «верховую» и 3 «обозных». В уездных крепостях находились 20 пушек и 19 затинных пищалей[25].

Пелым (1593). Контролировал часть бассейна Иртыша (бассейн рр. Лозьвы, Сосьвы и Тавды). Весь рассматриваемый период Пелым служил ясачным и некоторое время торговым центром. Пелыму подчинялись вогулы (от 507 до 695 чел. плательщиков ясака в разные годы)[26].

Крепость возведена отрядом, состоящим из 500 человек. Однако через некоторое время численность гарнизона резко уменьшилась — часть людей была направлена в другие сибирские крепости, а часть вернулась в Смутное время в европейскую часть России. В течение 1612–1699 гг. число военных в крепости колебалось от 54 до 86 человек. В последние десятилетия XVII в. число их было порядка 60 человек[27].

При постройке крепость имела 7 башен. В 1621 г. Пелым полностью сгорел. С 1623 до 1699 гг. крепость имела 4 башни и 1 и затем 2 башни в остроге, окружавшем примыкавший к крепости посад.

Артиллерия Пелыма к 1685 г. насчитывала 8 орудий. В 1697 г. она включала 1 пушку, 2 тюфяка и 4 затинных пищали[28].

Березов (1593). Контролировал часть нижнего течения р. Оби от устья Иртыша. Березов собирал ясак с остяков (ханты и ненцы) и самоедов, количество которых было около 12000 человек (из них более 2400 чел. плательщиков ясака)[29]. Военные столкновения с остяками происходили начиная с момента основания крепости и до конца 1670-х гг.

В течение 1608–1699 гг. число служилых людей в крепости было относительно стабильным и колебалось от 239 до 314 человек. Минимальное количество людей в Березове приходится на середину XVII в., 1633–1663 гг., а максимальное — на 1670–1680-е гг. Также до 1644 г. военную службу в Березове несли остяки (ханты) из Кодского княжества[30].

При постройке крепость имела 4 башни. В 1665 г. после очередного восстания остяков башен стало 5 (при этом число военных

---

[21] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 28-29.

[22] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 9–37; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 120; 35. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 65.

[23] Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // Ab Origine. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. — Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. — С. 76–91.

[24] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 72; Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. — Тобольск, 2008. — С. 59.

[25] Пузанов В.Д. Политика Русского государства по снабжению уездов Сибири оружием в XVII веке // Исторический формат. — № 4. — 2016. — С. 106–123; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI-XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 122–123; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 147–149; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 140–147.

[26] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 29, 31.

[27] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 163.

[28] Дополнения актам историческим. — СПб. — Т. 11. — 1869. — С. 267–272; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 117.

[29] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 65, 77.

[30] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 28–29; Пузанов В.Д. Березов: город и гарнизон на Севере Сибири // Вестник угроведения. — № 2 (17). — 2014 — С. 121–128; Солодкин Я.Г. Служилые люди Березова в конце XVI — первой трети XVII века: источники формирования и состава гарнизона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — Т. 8. — № 4. — 2017. — С. 10–16.

людей в крепости было доведено до максимального). В остроге, окружавшем посад, также с 1664 г. было 5 башен[31].

Число пушек и затинных пищалей в Березове колебалось в течение XVII столетия от 7 до 11 (обычно их было 10). В 1697 г. — 7 пушек и 3 затинных пищали[32].

Тара (1594). Контролировала верховья и среднюю часть бассейна Иртыша, населенные татарами, и защищала южные границы сибирских владений России от набегов кочевников (Кучумовичей, ногаев, калмыков). Наиболее активно эти набеги происходили в период 1606–1634 гг. Также важной задачей крепости было обеспечение безопасности торговых путей между Сибирью и Средней и Центральной Азией. Коренное население, контролируемое Тарой, насчитывало в разные годы более 5000 человек (до 950 чел. ясачных плательщиков)[33].

Первоначальный гарнизон Тары составлял 320 человек. В период 1624–1633 гг. количество военных в крепости выросло на 100 человек (итого 421–425 чел.). Затем гарнизон увеличился еще почти в 2 раза и насчитывал от 658 до 783 человек[34].

С 1594 до 1669 гг. крепость Тара имела 5 башен. Острог, защищавший посад с 1624 г., имел 6 башен. После пожара 1669 г. крепость долго перестраивалась, в связи с чем в 1672–1680 гг. Тара имела только 1 крепостную стену с одной башней. К концу XVII в. в крепости было 6 башен (или 5, по данным В.И. Кочедамова). Кроме того, 2 башни были в остроге, защищавшем посад[35].

В период с 1594 по 1689 гг. количество орудий в крепости достигло 37 (в т. ч. 20 затинных пищалей). Одна из пушек при первоначальном возведении города была взята в Пелыме. В 1697 г. наряд составлял 7 пушек, включая «скорострельную» и 2 «волконейки», и 10 затинных пищалей[36].

Сургут (1594). Контролировал верховья и среднюю часть бассейна Оби и нарымских остяков, которые вместе с селькупами до 1597–1598 гг. (по другим сведениям, до 1601 г.) входили в военный союз Пегая Орда, противостоящий продвижению русских на свои территории. Весь рассматриваемый период Сургут служил ясачным центром. Количество ясачного населения (ханты, селькупы, кеты), подчиненного Сургуту, колебалось примерно от 4000 до 5000 человек (около 1000 плательщиков ясака)[37].

Первоначальный гарнизон 155 человек был увеличен через 2 года, в 1596 г. еще на 112 человек. После победы над Пегой Ордой число военных в Сургуте было уменьшено, и до конца XVII в. оно было относительно стабильным и колебалось от 179 до 206 человек[38].

Первоначально крепость имела 4 башни[39], однако из-за постоянных волнений остяков, продолжавшихся в течение всего рассматриваемого периода, в 1602 г. была добавлена еще 1 башня. Острог, окружающий посад, сначала имел 1 башню, но с 1627 г. их стало 7, и, таким образом, в совокупности с крепостными башен в Сургуте было 12[40].

В течение XVII в. на вооружении острога было от 4 до 6 артиллерийских орудий (2–3 пушки и 1–4 затинные пищали)[41].

Нарым (1598)[42]. Нарым задумывался как временное укрепление, необходимое только для покорения Пегой Орды, однако он остался постоянным форпостом, необходимым для

---

[31] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 191.

[32] Пузанов В.Д. Березов: город и гарнизон на Севере Сибири // Вестник угроведения. – № 2 (17). – 2014 – С. 121–128; Дополнения актам историческим. – СПб. – Т. 11. – 1869. – С. 267–272; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 122–123.

[33] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 50,52.

[34] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 259.

[35] Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Градостроительное развитие города Тары в XVIII–XIX вв. // Омский научный вестник. – № 5. – 2013. – С. 239–245; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 86–87.

[36] Фаистов Т.Н., Татауров С.Ф. Артиллерия Тарской крепости в 1594–1689 гг. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст: В 2-х томах. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. – Том I. – С. 180–182; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 157.

[37] Пузанов В.Д. Сургутский уезд в конце XVI–XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири // Вестник угроведения. – № 4 (15). – 2013. – С. 135–151.

[38] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 177; Солодкин Я.Г. К определению численности Сургутского гарнизона на рубеже XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по истории России. Сборник научных трудов. – Нижневартовск: Чореф Михаил Михайлович, 2018. – С. 28–32.

[39] По В.И. Кочедамову 5 башен. См. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 97.

[40] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 173–174.

[41] Пузанов В.Д. Сургутский уезд в конце XVI – XVIII в. Историко-этнографический аспект колонизации Сибири // Вестник угроведения. – № 4 (15). – 2013. – С. 139; Дополнения актам историческим. – СПб. – Т. 11. – 1869. – С. 267–272; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 182–183.

[42] Существуют и другие варианты дат основания острога: 1596, 1597 и 1601 г.

контроля удаленных от Сургута территорий в среднем Приобье и проживающего на них коренного населения — остяков (селькупов). Численность их была небольшой — до 1440 человек, из них в лучшие годы набиралось 360 человек плательщиков ясака[43].

Гарнизон первоначально состоял из 10–30 человек, временно присылаемых из Сургута[44], затем, не позднее 1625 г., гарнизон его стал постоянным и с 1630-х гг. увеличивался до 50 человек в 1680 г. и 94 человек в 1689 г. Однако в 1697 г. он был снова сокращен до 50 человек[45].

О крепости сохранилось мало данных. Несколько раз она перестраивалась на новых местах. Сначала, вероятно, она имела не более 4 башен. К началу XVIII в. Нарым имел 7 башен[46].

Судя по тому, что в 1646 г. в крепости были 2 пушкаря, а в 1680 г. — 1 пушкарь, она имела 1 или 2 артиллерийских орудия. В 1697 г. 2 пушки и 3 затинных пищали[47].

Верхотурье (1598). Самая западная крепость Сибири, контролировавшая территорию «вдоль Уральского хребта от верховьев Уфы на юге до истоков Печеры на севере», бассейнов Камы на западе и Иртыша на востоке[48]. Первоначально Верхотурье служило базой, где концентрировались запасы хлеба, отправляемые на жалование военным людям в Сибирь. Достаточно быстро крепость, стоявшая, по выражению О.Н. Вилкова, на основной транспортной магистрали, соединяющей Сибирь с Русью, стала одним из крупнейших таможенных центров за Уралом[49]. Общая численность плательщиков ясака Верхотурского уезда колебалась от 208 до 348 человек (вогулы и татары)[50]. Со временем Верхотурский уезд стал центром земледелия Западной Сибири. Относительно защищенный от набегов кочевников, тем не менее он периодически им подергался, особенно во время башкирского восстания 1662–1667 гг.[51]

Большую часть XVII столетия крепость имела 4 башни. Крепостной острог вокруг посада имел 8 башен[52]. В конце XVII в. система укреплений Верхотурья насчитывала в совокупности 10 башен[53].

Гарнизон первоначально состоял из 46–49 человек. В дальнейшем численность его постоянно увеличивалась и достигала 68–75 человек в 1624–1633 гг., 88–112 человек в 1636–1663 гг. и 143–160 человек в 1670–1699 гг.[54] На территории уезда земледельческие поселения охраняли беломестные казаки (более 100 чел.)[55].

Артиллерия крепости первоначально состояла из 8–9 затинных пищалей, а к 1627 г. усилилась еще 3 пушками. Орудия периодически отправлялись в укрепленные поселения Верхотурского уезда для защиты его от кочевников. В последующие годы до конца XVII в. количество артиллерии, находящейся в Верхотурье, постоянно менялось от 4 до 8 орудий разного типа (2–4 пушки, 3–4 затинные пищали). В 1697 г. в городе находилось 3 пушки, а в уездных слободах 4 пушки и 5 затинных пищалей[56].

Туринск (Тура) (1600). Крепость, которая была связующим звеном между Верхотурьем и Тюменью. Туринский уезд был самым малень-

---

[43] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 88–89; Буцинский П.Н. К истории Сибири. Нарым и Нарымский уезд (1598–1645 гг.) // Записки Императорского Харьковского университета, книга II, Харьков 1893 г. http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_26_2.htm

[44] Солодкин Я.Г. Сколько сургутян «годовали» поначалу в Нарымском и Кетском острогах? (опыт нового прочтения нескольких документов из Миллеровской «Истории Сибири») // Материалы и исследования по истории России. Сборник научных трудов. — Нижневартовск: Чореф Михаил Михайлович, 2019. — С. 30–35.

[45] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 275, 272–280; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 184.

[46] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 97.

[47] Буцинский П.Н. К истории Сибири. Нарым и Нарымский уезд (1598–1645 гг.) // Записки Императорского Харьковского университета, книга II. Харьков, 1893 г. http://ostrog.ucoz.ru/publikacii/4_26_2.htm; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 189.

[48] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 20.

[49] Багрин Е.А. Верхотурская таможня в период формирования и первых лет своей деятельности в 1598–1613 гг. Гостиный двор // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 3 (51). — С. 208–223.

[50] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 29, 31.

[51] Пузанов В.Д. Спорные вопросы истории башкирского восстания 1662–1667 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. — Курган: Курганский государственный университет, 2017. — С. 99–105.

[52] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 228.

[53] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 51, 92.

[54] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 231.

[55] Пузанов В.Д. Беломестные казаки на Востоке России // Северный регион: наука, образование, культура. — 2009. — № 1 (19). — С. 23–29.

[56] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 228–229; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 109–111.

ким в Сибири. Под контролем Туринска в разные годы находилось до 580 человек вогулов (от 74 до 144 ясачных плательщиков), перенявших значительную часть татарской культуры[57].

Гарнизона у Туринска первоначально не было. По военным вестям сюда присылали десяток человек из Тюмени или Верхотурья. Кроме них военные обязанности возлагались на живших в крепости ямщиков (50 чел.). С 1614 г. город получил свой гарнизон, численность людей в котором до 1699 г. была практически неизменна и колебалась от 50 до 65 человек[58].

Первоначально крепость имела 6 башен. К началу XVIII в. их количество увеличилось до 8[59].

Артиллерия Туринского острога в 1684–1697 гг. состояла из 5 артиллерийских орудий (1 пушка и 5 затинных пищалей)[60].

Мангазея (1601). Новая Мангазея (Туруханск) (1672). Крепость основана на р. Таз как административный центр очень богатого пушниной промыслового района. После того как Мангазея пришла в упадок, центром притяжения промысловиков стало Туруханское зимовье (известно с 1607 г.), расположенное в месте впадения Нижней Тунгуски в Енисей. Поэтому по официальному указу в 1672 г. в этом месте была заложена Новая Мангазея, куда и был перемещен административный центр[61]. Население Мангазейского уезда составляли самоеды, остяки и тунгусы в количестве до 10 000 человек (около 2500 чел. плательщиков ясака)[62].

До 1633 г. в крепости посменно несли службу 50 годовальщиков из Березова. К 1629 г. в Мангазее сформировался собственный гарнизон, насчитывающий 105 человек (видимо, вместе с годовальщиками). При этом временное население Мангазеи могло доходить до 1200 человек за счет приезжавших в город промысловиков и торговцев, которые при необходимости могли быть использованы в качестве военной силы[63]. После переноса крепости в новое место гарнизон Новой Мангазеи был существенно увеличен и к 1689 г. составлял 183 человека, а в 1697 г. — 160 человек[64].

Первоначально крепость имела 4 башни. В период с 1625 по 1672 гг. — 5 башен. После переноса Мангазеи в 1672 г. на место Туруханского зимовья крепость также имела 5 башен[65].

Артиллерия города в 1601 г. состояла из 1 пушки «скорострельной» и 3 затинных пищалей. В 1625–1626 гг. в крепости было 9 затинных пищалей. В 1697 г. 3 пушки и 4 затинные пищали[66].

Томск (1604). Контролировал бассейны нижнего течения р. Томи, среднего течения Оби и нижнего и среднего течения Чулыма. Основная задача крепости — сдерживать набеги кочевников (калмыков и киргизов) в юго-восточной части Западной Сибири, которые продолжались почти непрерывно в течение всего XVII в. Крепости как административному центру подчинялось тюркоязычное население региона (томские и чатские татары и др.), насчитывавшее до 3000 человек (из которых 728 были плательщиками ясака)[67].

Гарнизон Томска постоянно увеличивался. К 1609 г. он составлял 100, к 1620 г. — 283, к 1625 г. — 375, к 1646 г. — 606, к 1689 г. — 1211 человек. К 1697 г. произошло некоторое его уменьшение до 910 военных чинов, не считая «мурз и татар»[68]. Военные силы крепости усиливали воины из местного населения — юртовские татары.

---

[57] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 35, 38.

[58] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 28–29; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 240, 244.

[59] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 47–48, 95.

[60] Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 244; Дополнения актам историческим. – СПб. – Т. 11. – 1869. – С. 267–272; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 111.

[61] Вершинин Е., Визгалов Г. Новая Мангазея // Родина. – № 2. – 2012. – С. 55–59.

[62] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 179.

[63] Кочедамов В.И. Город Мангазея // Строительство и архитектура. – Новосибирск, 1969. – № 2. – С. 84.

[64] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 278, 272-280; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 207–208.

[65] Кочедамов В.И. Город Мангазея // Строительство и архитектура. – Новосибирск, 1969. – № 2. – С. 82-88; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 52, 113, 116; Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. – С. 9–37.

[66] Росписной список города Мангазеи // Русская Историческая библиотека Издаваемая Археографическою коммиссиею. Т. 2. – Санкт-Петербург, 1875; Ополовников А.В., Крадин Н.П. Стены и башни Мангазеи // Архитектурное наследство. – М., 1980. Т. 28. – С. 89–97; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 209.

[67] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 102.

[68] Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сборник третий. Томск: Издание Томского государственного университета. 1953. – С. 21–48; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 275, 272–280; Окладная книга Сибири 1697 года. – М.: Исторический музей, 2015. – 296 с. – С. 158, 160.

В 1604 г. Томск имел 4 башни (по С.Н. Баландину — 3)[69]. После 1648 г. крепость имела 7 башен. С 1609 г. посад Томска был обнесен острожной стеной сначала с 3, а затем 4 башнями. В 1630 г. с одной из сторон крепости также был построен дополнительный острог с 8 башнями[70].

При постройке крепости в нее направлялась 1 «пищаль скорострельная». В 1626 г. в Томске было 6 пушек и 5 затинных пищалей[71]. В 1685 г. артиллерия Томска насчитывала 14 орудий (в т. ч. 6 затинных пищалей)[72]. В 1697 г. 10 пушек, в т. ч. 3 «роздутых», и 1 затинная пищаль. В 1705 г. в крепости осталось 5 пушек, а в укреплениях, расположенных в уезде, было 10 пушек и 1 затинная пищаль[73].

Кузнецк (1618). Контролировал бассейн Верхней Томи, населенный тюркоязычными народами (абинцами, шорцами и др.), число которых достигало 5400 человек (1359 плательщиков ясака)[74]. Крепость предназначалась для защиты только что образованного Кузнецкого уезда от вторжений степняков и многократно подвергалась набегам кочевников (енисейских киргизов, телеутов и джунгаров).

Предположительно, первое время укрепления Кузнецка в виде острога или зимовья, окруженного острогом, не имели башен[75]. Затем были возведены укрепления с 3 башнями. Посадскую часть защищал острог с 4 башнями. К 1680 г. крепость имела 4 башни, где роль четвертой дополнительной башни играли ворота с часовней, вооруженные 5 орудиями (по В.И. Кочедамову, уже в 1668 г. башен было 6, но это, вероятно, ошибка), а посад защищали вал и ров с «земляными городками с башнями». После осады Кузнецка кочевниками в 1700 г. вокруг «старой» крепости была построена «новая» с 5 башнями[76].

Данных о первоначальном гарнизоне Кузнецка мало. Исследователи отмечают, что их могло быть от 8 до 45 человек[77] «годовальщиков». Затем число защитников крепости в виде постоянного гарнизона выросло до 150 человек в 1637 г.[78] и 187 человек[79] в 1655 г., а к 1689 г. их число достигло 256 человек и 261 чел., включая служилых татар в 1697 г.[80]

В 1661 г. в Кузнецке было 15 артиллерийских орудий (из них не менее 8 затинных пищалей). В период 1697–1705 г. крепость имела 13–14 пушек и 3 затинных пищали[81].

Енисейск (1619). Служил основным форпостом продвижения русских в Якутию и Забайкалье. Развился как торгово-транспортный, судостроительный и ремесленный центр. В Енисейском уезде проживало около

---

[69] Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 100.

[70] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 62–63; Черная М.П. Были и небыли Томского кремля // Вестник Томского государственного университета. — № 281. — 2004. — С. 70–75.

[71] Из истории земли Томской 1604–1917 (Сборник документов и материалов). Вып. 1. — Томск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm

[72] Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 146–149.

[73] Из истории земли Томской 1604–1917 (Сборник документов и материалов). Вып. 1. Западно-Сибирское книжное издательство. Томск. 1978. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 162–163.

[74] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 106.

[75] Добжанский В.Н, Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 года и его перестройка в 1620 году // Кузнецкая крепость: литературно-художественный альманах управления культуры администрации г. Новокузнецка. — № 5 (2002); № 6 (2003). — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2002. — С. 4–15.

[76] Каменецкий И.П. Военный облик Кузнецка XVII–XVIII вв. // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура). Материалы Всероссийской научной конференции. — Омск: Издательство Омского государственного историко-краеведческого музея, 2010. — С. 150–153; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 104.

[77] Добжанский В.Н., Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 года и его перестройка в 1620 году // Кузнецкая крепость: литературно-художественный альманах управления культуры администрации г. Новокузнецка. — № 5 (2002); № 6 (2003). — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2002. — С. 4–15.

[78] Бродников А.А. К вопросу о времени строительства первых православных храмов в Енисейском остроге // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Памяти академика Николая Николаевича Покровского. Сер. «Археография и источниковедение Сибири». — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2015. — С. 32–40.

[79] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 104.

[80] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 278, 272–280; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 163–168.

[81] Каменецкий И.П. Военный облик Кузнецка XVII–XVIII вв. // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура). Материалы Всероссийской научной конференции. — Омск: Издательство Омского государственного историко-краеведческого музея, 2010. — С. 150–153; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 169–171.

Якутский казак в Приамурье 1649–1653 гг. (экспедиция Е.П. Хабарова). Реконструкция Е.А. Багрина, Н.Д. Фомина. Художник Николай Фомин

6640 человек (около 1490 чел. плательщиков ясака) тунгусов, бурятов и остяков[82].

Первая крепость была небольшой, она имела 3 башни. В 1651 г. Енисейск был перестроен в восьмибашенную крепость. Посадская часть в 1667 г. была окружена острогом с 6 башнями[83].

Первоначально гарнизон Енисейска насчитывал 40 человек годовальщиков. С 1623 г. крепость получила постоянный гарнизон в 100 человек, который увеличился почти вдвое к 1630 г. К 1635 г. число военных в Енисейске уже достигало 400 человек, после чего темпы роста военной силы в крепости не были большими. В 1689–1697 гг. крепостной гарнизон состоял из 484–486 человек[84].

Также нужно учитывать, что в 1630-е гг. в связи с ростом значения Енисейска в нем проживало более 600 человек «временного» населения: промысловиков и торговцев, а в 1650-е гг. число их достигало 2500 человек. Все они при необходимости также могли выступать как вооруженная сила[85].

Артиллерия. Первоначальное вооружение крепости к 1628 г. состояло из 7 орудий (2 пушек, 4 затинных пищалей и «туфяка» — орудия, стрелявшего картечью). К концу 1660-х гг. все артиллерийские орудия из крепости были отправлены с экспедициями в новые земли. Вскоре возникла угроза нападения кочевников (джунгаров и киргизов) на Енисейск, и из Тобольска туда было отправлено 9 пушек. Кроме того, в 1673 и 1676 гг. на месте в самом Енисейске было сделано 18 орудий. Так что крепость могла располагать 27 орудиями. Однако мы должны учитывать, что артиллерия по-прежнему распределялась из Енисейска и в другие укрепленные поселения Сибири. В конце XVII столетия крепость имела всего 4 пушки и 12 артиллерий-

---

[82] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 219–220.

[83] Царев В.И., Царев В.В. Русские крепости в Центральной Сибири XVII-XVIII веков: архитектурно-планировочное формирование // Баландинские чтения. — Т. 13. — № 1. — 2018. — С. 199–204; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 119.

[84] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 278, 272–280; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 193.

[85] Бродников А.А. К вопросу о времени строительства первых православных храмов в Енисейском остроге // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Памяти академика Николая Николаевича Покровского. Сер. «Археография и источниковедение Сибири». — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2015. — С. 32–40.

ских орудий в сети укреплений Енисейского уезда, включая 8 затинных пищалей[86].

Красноярск (1628). Имел преимущественно военное значение для отражения нападений кочевников на Енисейский уезд и ответных походов на джунгаров и енисейских киргизов. Местное население состояло из представителей тюркоязычных народов, кетов и самоедов, насчитывавших до 7750 человек (из них около 1870 человек плательщиков ясака)[87].

Первоначально гарнизон Красноярска включал 303 человека. В течение всего XVII в. количество военной силы в остроге планомерно увеличивалось по причине постоянных столкновений с кочевниками (енисейскими киргизами, джунгарами и др.). В 1689 г. военных в крепости было 746[88], а в 1693 г. — 673 человека и в 1697 г. — 631 человека[89].

Изначально крепость имела 5 башен. Аналогичную планировку укрепления Красноярска сохраняли до начала XVIII в.[90] Кроме того, крепость имела 2 башни в окружавшем посад остроге[91].

На протяжении почти 10 лет от постройки крепости до 1636 г. она имела всего 2 артиллерийских орудия (1 пушку и 1 затинную пищаль). К 1657 г. в Красноярске было 5 орудий, а к моменту масштабного нападения джунгаров в 1667 г. — 4 орудия. После чего в крепость поступило 13 орудий, т. е. общее число пушек и затинных пищалей достигло 17 штук. Они, так же как и в Енисейске, распределялись по укрепленным

---

[86] Барахович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 65–95; Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. — Красноярск: Литера-принт, 2019; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 198–199.

[87] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 273.

[88] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 278, 272–280.

[89] Барахович П.Н. Службы «на крови». Служилые люди Красноярского острога и борьба с енисейскими киргизами в конце XVII столетия // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 538–592; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 210–214.

[90] Иллюстрированная история Красноярья (XVI — начало XX в.) / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, В.А. Безруких. — Красноярск: РАСТР, 2015. — С. 21–22.

[91] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 50.

Казак Анадырского и камчатских острогов 1700–1740 гг.
Реконструкция Е.А. Багрина, Н.Д. Фомина. Художник Николай Фомин

Якутск. Гравюра Николааса Витсена. 1711 г.

пунктам уезда. В конце XVII в. в Красноярском уезде было 23 орудия, из них только 7 в самом Красноярске[92]. В 1697 г. в городском наряде числились 17 пушек и 8 затинных пищалей[93].

Илимск (1630 зимовье, с 1647 острог). Одна из немногих «базовых» крепостей, постепенно развившихся из зимовья благодаря выгодному положению на волоке, ведущем в Якутск (с р. Илим в р. Лену). В Илимском уезде проживало около 9100 человек коренного населения (тунгусы и буряты), из которых около 1900 человек были плательщиками ясака[94].

В 1676 г. военные силы острога насчитывали 209, в 1689 г. — 183 человека и 119 человек в 1697 г.[95]

В 1647 г. Илимский острог имел всего 2 башни. С 1667 г. укрепления было полностью перестроены, и до начала XVIII в. крепость имела 8 башен[96].

С момента перестройки Илимска в 1667 г. в остроге было 5 пушек, однако к 1694 г. число их уменьшилось до 2 (в 1727 г. их также отправили в Якутск)[97].

Якутск (1632). Контролировал огромную территорию востока и северо-востока Сибири, опираясь на сеть укреплений-сателлитов: Жиганск, Олекминск, Вилюйск, Верхоянск,

---

[92] Барахович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 65–95.

[93] Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 216–217.

[94] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 293.

[95] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 278, 272–280; РГАДА Ф. 214. Оп.1. Д. 633. Л. 34–46; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 217, 221.

[96] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 48, 127; Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: издательство Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 9–37.

[97] Лыхин Ю.П. Об Илимском остроге и Спасской проезжей башне // Тальцы. № 2 (35). — 2010. — С. 3–18; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 222.

Зашиверск, Колымский острог, Охотск, Анадырский острог и др. Коренное население Якутского уезда составляли якуты, тунгусы и юкагиры всего до 46 350 человек (из них около 11 580 человек плательщиков ясака)[98], без учета вовлеченных в русскую систему управления с конца XVII — начала XVIII в. чукчей, эскимосов, коряков, ительменов и айнов.

Первый гарнизон Якутска, учитывая толмачей и кузнецов-оружейников, насчитывал 406 человек[99]. В дальнейшем число военных планомерно наращивалось, в 1690-е гг. численность гарнизона колебалась в пределах 866–920 человек[100].

В 1632 г. роль башен в стенах Якутской крепости играли 3 избы и 2 амбара с «рублеными нагороднями». В 1642 г. укрепления были перестроены и получили 5 полноценных башен. С 1682 г. Якутск имел 8 башен в крепости и 8 башен в остроге, окружавшем посад. Перестройка и обновление крепости в этот период связаны с гипотетической угрозой маньчжурского нападения[101].

В момент перестройки в 1642 г. артиллерия крепости насчитывала 12 пушек. Их активно использовали в походах, в т. ч. в Приамурье, поэтому к 1671 г. в Якутске оставалось только 4 пушки. В 1679 г. количество пушек было увеличено до 7, положение не менялось до начала XVIII в.[102]

Нерчинск (1658). Контролировал значительную часть «Даурии», т. е. Восточное Забайкалье, опираясь на Телембинский, Еравнинский, Итанцинский и Аргунский остроги. Ясак собирался с тунгусов и бурятов, численность которых в уезде достигала 15 550 человек (3120 человек ясачных плательщиков)[103].

Первый гарнизон Нерчинского уезда насчитывал не менее 460 человек. Однако его численность резко сократилась к 1662 г. до 75, а затем в 1664 г. до 46 человек. В последующие годы число военных людей в крепости планомерно наращивалось и увеличилось со 124 человек в 1669 г. до 200–213 человек в 1680-х гг. В 1688–1690 гг. к гарнизону временно добавились 200 человек из полка Ф. Головина. После их вывода гарнизон был усилен за счет остатков гарнизона Албазина и новоприборных людей. Общая его численность колебалась в 1690-е гг. от 425 до 550 че-

[98] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 548.

[99] Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 138.

[100] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 280, 301; Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 224, 228.

[101] Кочедамов В.И Якутская деревянная крепость конца XVII века // Труды Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Серия Архитектура. — 1970. — Вып. 2; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 66–67, 123; Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 9–37.

[102] Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 139–141.

[103] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 351.

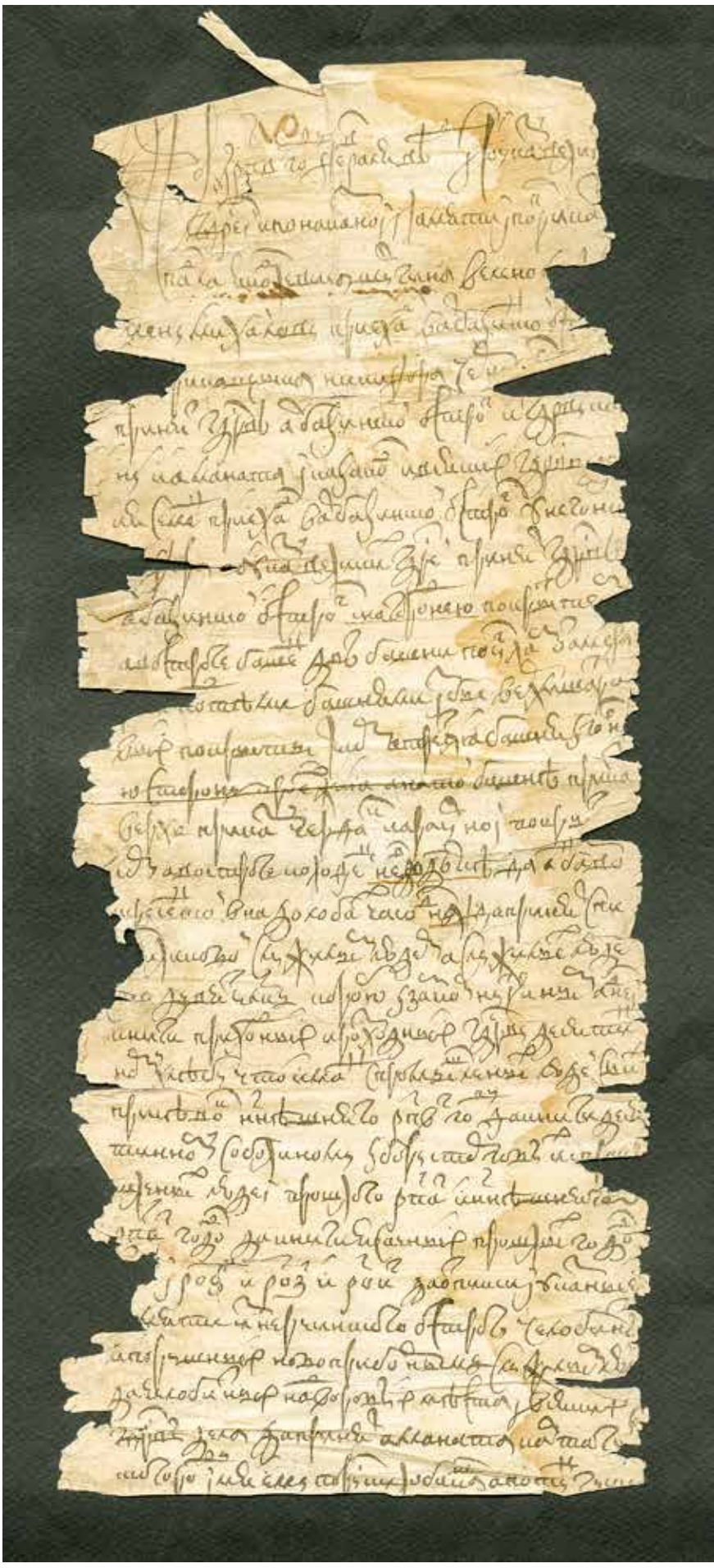
Пищаль двухгривенковая. Мастер Осип Иванов. 1679 г. Состояла на вооружении Селенгинского острога. Коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург. Фотограф Е.А. Багрин

ловек. В 1700 г., согласно окладным книгам, нерчинский гарнизон состоял из 470 человек[104].

С 1658 г. в Нерчинске было 4 башни. В новой крепости, спешно построенной и укрепленной Ф. Головиным, прибывшим из Москвы для переговоров с Цинской империей в 1689 г., — 5 башен, а в 1697 г.[105] снова 8 башен.

До 1672 г. в крепости было всего 2 пушки, а в уездных укреплениях совсем не было артиллерии. По мере усиления напряженности отношений с Китаем количество артиллерийских орудий стало планомерно увеличиваться, в т. ч. они поступили и в другие крепости Нерчинского уезда. В 1697 г. в арсенале Нерчинска уже 31 пушка, 2 затинных пищали и 2 мортиры, что было прямым следствием военного конфликта с маньчжурами, во время и после которого правительство активно «насыщало» регион оружием[106].

Иркутск (1661). Контролировал Приангарье. В 1681 г. правительство наделило Иркутск полномочиями уездного центра, управлявшего Предбайкальем и западной частью Забайкалья. Здесь к 1717 г. в сферу влияния Иркутска входили 2 города, 11 острогов и зимовье[107]. Коренного населения уезда, тунгусов и бурят, насчитывалось до 11 270 чело-

Росписной список Албазинского острога 1674 г. Коллекция Российской национальной библиотеки

---

[104] Багрин Е.А. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. — 2021. — Т. 7, № 3(73). — С. 14–33; Он же. Гарнизон Нерчинска в конце 1689–1691 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. — 2021. — Т. 7, № 4. — С. 3–19; Трухин В.И., Багрин Е.А. «Учинили новую нелютцкую и тунгускую землю прочну и стоятельну»: экспедиции Петра Бекетова и Афанасия Пашкова в Забайкалье (1652–1662). Исследования и источники. — Улан-Удэ: Номад, 2024. — 512 с.

[105] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 48, 53, 55.

[106] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 349; Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 142.

[107] Города: Селенгинск и Удинск, остроги: Баргузинский, Ангарский, Баунтовский, Верхоленский, Кучидский, Идинский, Тункинский, Кабанский, Ильинский, Бельский, Балаганский и Култукское зимовье (Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). — М., 2012. — С. 28, 42–46).

век (из них около 2320 человек ясачные плательщики)[108].

К 1689 г. в Иркутском гарнизоне было 120 человек[109]. К 1700 г. количество военной силы постепенно было увеличено и составило больше 385 человек, включая годовальщиков из Удинска[110].

Первые укрепления, построенные в 1661 г., вероятно, имели 4 башни. В 1670 г. крепость была перестроена в восьмибашенную (роль одной из башен играл «амбар с боем», такой же «амбар» располагался и над воротами). В 1693 г. Иркутск получил новые шестибашенные укрепления. Роль 7-й башни играло «сушило с боем» (вероятно, по мнению архитектора Б. Ярового, постройка, аналогичная «амбару»). Вместо 8-й угловой башни был построен огромный дом воеводы[111].

В 1697 г. в арсенале крепости было 3 пушки, однако к 1699 г. количество орудий в Иркутске было резко увеличено до 21 пушки и 2 затинных пищалей[112].

Селенгинск (1665). Контролировал бассейн р. Селенги в Забайкалье. Служил местом дипломатических встреч с представителями кочевого мира и пограничной крепостью, препятствовавшей набегам монголов на территорию русского Забайкалья.

Первоначально гарнизон Селенгинска состоял из 85 человек. В 1672–1693 гг. в крепости было от 133 до 156 человек. С 1691 г. к ним присоединялись 100 годовальщиков из Удинска[113].

В 1665 г. крепость имела 4 угловые башни и 1 въездную (не имела полноценной защитной функции). К 1669 г. Селенгинск расширил свои укрепления за счет примыкавшего к крепости острога с 2 башнями без внутренних стен («быки»). В 1685 г. Селенгинская крепость была перестроена. Старые острожные стены были заменены городовыми, башен было по-прежнему 4, причем одну из угловых башен заменяла собой церковь[114].

С 1665 г. в течение 17 лет в крепости была только 1 пушка. В период 1682–1685 гг. в связи с напряженностью на восточной границе количество артиллерии в Селенгинске увеличилось до 4 пушек и 1 затинной пищали[115].

Албазин (1665/1666). Контролировал бассейн р. Амур. В 1670–1680-е гг. Албазин был центром противостояния России и Цинской империи, которое завершилось прямым военным конфликтом. В 1685 г. Албазин был сожжен маньчжурскими войсками. Укрепления, возведенные в 1686 г. на прежнем месте после успешного отражения новой атаки маньчжуров, были разрушены русскими по условиям Нерчинского договора в 1689 г. В Албазинском уезде могли проживать до 32 260 человек коренного населения: дауры, дючеры, тунгусы[116].

С 1666 до 1682 г. число военных людей Албазинской крепости постепенно увеличилось с 82 до 222 человек. Русское население уезда составляло порядка 500–800 человек. Часть этих людей, вооружившись, усилили гарнизон в момент первой осады крепости маньчжурами в 1685 г., когда в Албазине собралось около 450 защитников. В 1686 г. во время второй осады Албазинского острога в нем было собрано 826 человек (из них 713 профессиональных военных)[117].

Первоначально, в 1666–1682 гг., острог имел 3 башни; в 1682–1685 гг., после значительного расширения и усиления укреплений, — 9 башен (в т. ч. 3 башни первого острога). В 1686 г., после того как Албазин был сожжен маньчжурами, на его месте был возведен «земляной город» — крепость со стенами, сформированными из грунта. Она имела 3 башни, 4 бастионных выступа и 3 контрфорса. Новые укрепления выдержали повторную осаду

---

[108] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 324.

[109] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 56. По данным Сибирского приказа в 1690–1691 гг. «в Ыркуцком» служили «старых жилых служилых людей 6 человек детей боярских, 126 человек казаков» (Там же. Л. 279).

[110] Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. — СПб., 1902. — С. 19–25; Багрин Е.А. Гарнизон Иркутска в конце XVII века: к вопросу об увеличении штата служилых людей // Известия лаборатории древних технологий. — 2021. — Т. 17. — № 2 (39). — С. 94–111.

[111] Архив СпбИИ РАН. Ф. 168. Д. 138б. Л. 10, 12; Яровой Б. Границы Иркутского деревянного острога в 1670 г. // Земля Иркутская. — 2010. — № 36. — С. 18-20; Астраханцева В.В., Дружинина И.Е. Остроги на территории Иркутской области в XVII веке // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — № 2 (13). — 2015. — С. 132–141; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 46.

[112] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 349; Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. — СПб., 1902. — С. 3.

[113] Багрин Е.А. Гарнизон Селенгинска и учреждение конной службы в 1690–1693 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. — 2021. — Т. 7 (73). — № 2. — С. 20–38.

[114] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 64–67; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 55.

[115] Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. — СПб.: Нестор-История, 2013. — С. 142.

[116] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Академия наук СССР, 1960. — С. 611–613.

[117] Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники — опыт исторической реконструкци // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Т. X. — С. 385–431.

маньчжурских войск, которые непрерывно в течение 5 месяцев обстреливали крепость из пушек[118].

В первые годы острог не имел артиллерии. В 1675 г. из Нерчинска в Албазин прислали «пищаль медную полковую» и пищаль железную затинную. В 1680–1682 гг. в его арсенале было 3 пушки и 2 затинные пищали, в 1686–1689 гг. — 8 пушек, 3 затинные пищали и 1 мортира[119].

Удинск (1665 зимовье, с 1679[120] острог). Крепость возникла из зимовья в устье реки Уды. В 1680-е гг. выросла роль Удинска как «ворот в Даурию», т. е. перевалочной базы между Байкалом и Забайкальем и Приамурьем, в связи с чем он был значительно расширен и укреплен.

До конца 1670-х гг. в Удинске находились по 20 годовальщиков из Селенгинска. После постройки крепости в 1679 г. ее гарнизон состоял из 50 человек[121]. В 1690 г. Удинск стал одним из важнейших военных центров в Забайкалье. Здесь был размещен гарнизон из 835 человек, прибывших из сибирских городов с полком Ф. Головина, затем часть из них вернулась на основное место службы. В 1691 г. они входили в состав полка Н. Сенотрусова. Общее их число составляло 593 человек, включая 100 человек, находившихся на «береговой» годовой службе в Селенгинске. В 1697 г. в городе осталось 340 человек[122].

Начальный человек. Албазинский острог. 1670–1680-е гг. Реконструкция Е.А. Багрина, Н.Д. Фомина. Художник Николай Фомин

Построенный в 1679 г. острог был четырехугольным: на двух углах были башни, а на других углах бастионные выступы — «быки». В 1688 г. Удинск был перестроен полком Ф. Головина, прибывшего для заключения мирного договора с Цинской империей. Новая крепость имела 5 башен и шестиугольный «раскат» высотой 8,5 метра: конструкцию, предназначенную для стрельбы из пушек в разных направлениях[123].

В 1697 г. в арсенале Удинска находилось 7 пушек[124].

Таким образом, правительство России, вне зависимости от царя, находящегося на троне, в течение конца XVI—XVII в. постоянно стремилось расширить границы государства на восток и удерживать их, несмотря на то,

---

[118] Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники — опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Т. X. — С. 385–431.

[119] Там же; Трухин В.И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». — Вып. 5. — 2020. — С. 200–215.

[120] Бураева О.В. Откуда есть пошел град Удинский // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество. — Иркутск: «Оттиск», 2016. — С. 14–20.

[121] Там же.

[122] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 72–75; Багрин Е.А. Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. — 2022. — Т. 18. — № 3 (44). — С. 171–193.

[123] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток, 1999. — С. 73.

[124] Архив СПбИИ РАН. Ф. 168. Д. 101. Сст. 1–4; Багрин Е.А. Гарнизон Удинска в 1690-е гг.: формирование и арсенал (с именным списком состава 1691 и 1697 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. — 2022. — Т. 18. — № 3(44). — С. 171–193.

что сибирское направление политики не считалось наиболее важным. Правительство старалось покорить новые земли и построить в них крепости минимальными силами, на которые приходилась максимальная нагрузка. Для сравнения, для похода на Крым в 1689 г. Россией было собрано войско, насчитывавшее до 150 000 человек, тогда как всю Сибирь удерживало только 8684 человека, рассеянных на огромном пространстве.

Опираясь на приведенные данные, можно исследовать динамику усиления/ослабления обороноспособности сибирских городов от момента их основания до конца XVII в.:

Таблица 1.
Военный контингент крепостей

При подсчете не учитывались колебания численности (увеличения/уменьшения) военной силы в диапазоне 1–15 %, т. к. эти изменения не имеют реального значения для оценки изменений в обороноспособности крепости.

Увеличилось	Тюмень, Тобольск, Тара, Нарым, Верхотурье, Мангазея, Томск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Якутск, Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Албазин, Удинск
Не изменилось	Березов, Сургут, Тура, Илимск
Уменьшилось	Пелым

Таблица 2.
Фортификация (количество башен)

Увеличилось	Тобольск, Березов, Тара, Сургут, Нарым, Тура, Мангазея, Томск, Кузнецк, Енисейск, Илимск, Якутск, Иркутск, Селенгинск, Албазин, Удинск, Нерчинск
Не изменилось	Тюмень, Верхотурье, Красноярск
Уменьшилось	Пелым

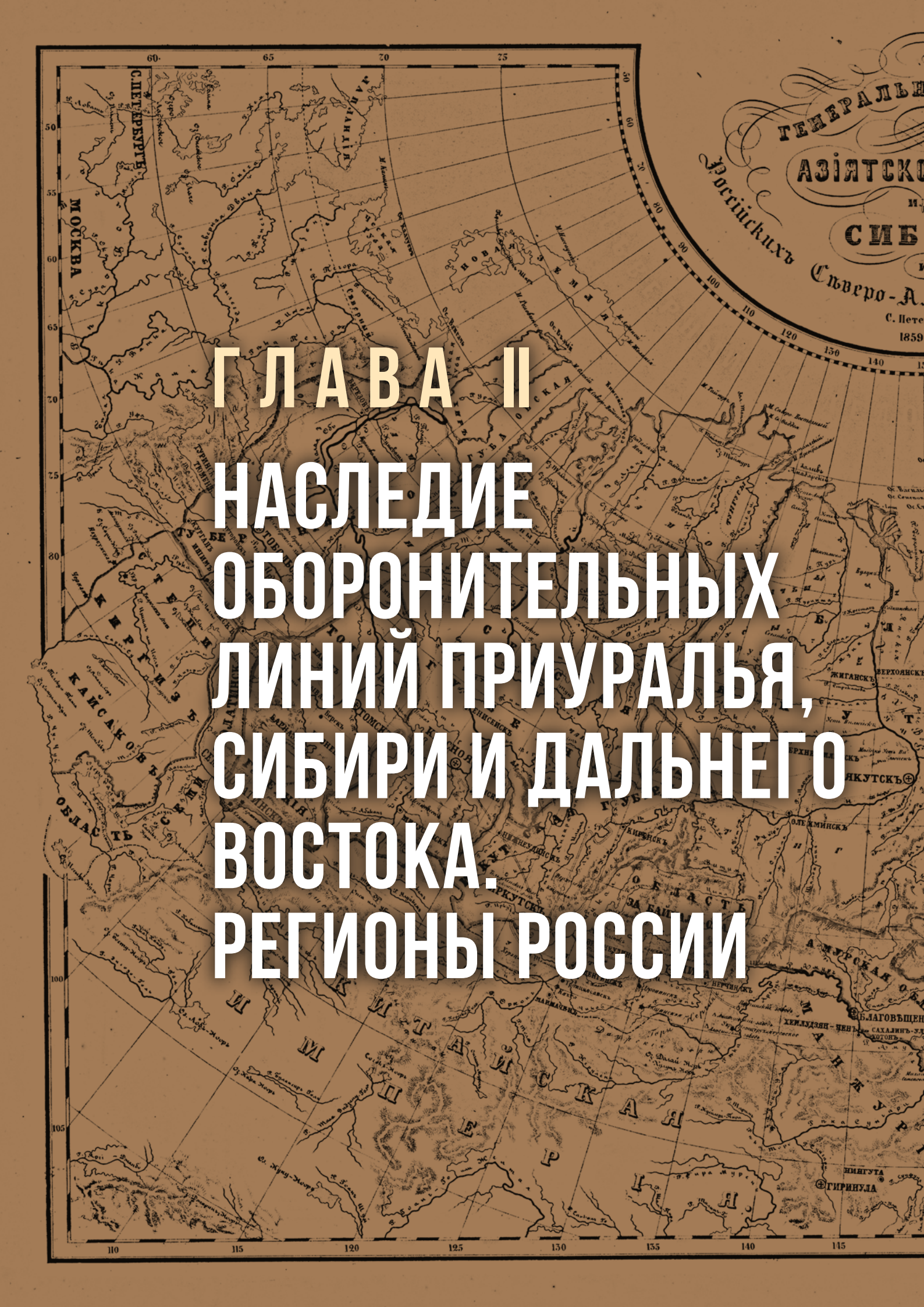
Таблица 3.
Артиллерия: при подсчете кроме общего числа в первую очередь учитывалось также соотношение артиллерии крупного калибра

Увеличилось	Тобольск, Мангазея, Кузнецк, Нерчинск, Иркутск, Селенгинск, Албазин, Удинск
Не изменилось	Тюмень, Пелым, Березов, Сургут, Нарым, Верхотурье, Тура, Томск, Красноярск
Уменьшилось	Енисейск, Илимск, Тара, Якутск

Исходя из данных Таблицы № 1, видно, что гарнизоны большинства крепостей Сибири (76 %) в течение XVII в. либо увеличивались, либо сохраняли свой потенциал (19 %). В Таблице № 2 мы также видим, что большинство крепостей Сибири (76 %) перестраивались в сторону увеличения их обороноспособности, а 19 % сохраняли свое устройство в неизменном виде. Кроме того, мы должны учитывать, что почти все из них также усиливали свою обороноспособность за счет развития внешних укреплений (острога вокруг посада и др.). Данные об артиллерии, приведенные в таблице № 3, возможно, меньше всего близки к объективности в силу того, что информация на современном этапе изучения вопроса недостаточно полна. Следует учитывать также то, что в Тюмени, Енисейске и Красноярске уменьшение артиллерии связано с распределением орудий из основной крепости в укрепления-сателлиты, находящиеся в уезде. При этом совокупное количество пушек и затинных пищалей, находящихся в крепости и уезде, увеличивалось по сравнению с предыдущими годами. Пелым следует, скорее всего, отнести к крепостям, не изменяющимся по рассматриваемым нами параметрам в течение XVII в., т. к. отмеченная убыль гарнизона и перестройка крепости связаны только с самым начальным периодом ее существования.

Приведенные данные об изменении обороноспособности сибирских крепостей позволяют нам оспорить устоявшееся утверждение о том, что они теряли свое военное значение по мере продвижения границы на восток в течение XVII в. Наоборот, военное значение их в этот период увеличивалось либо продолжало сохраняться на стабильном уровне. Это позволяет говорить о том, что вся территория Сибири в течение более 100 лет считалась Россией пограничной зоной вне зависимости от времени проникновения туда русских и удаленности ее от Урала. Также следует учитывать, что эта зона на всю свою протяженность и глубину была зоной «нестабильности» вследствие давления кочевого мира и Цинской империи, находящихся в «подбрюшье» русской Сибири.

Таким образом, конец XVI — XVII в. стали периодом активного военного строительства России в Сибири, набиравшего обороты с каждым десятилетием. Этот процесс продолжался и позднее и начал исчерпывать себя только в 1720–1730-х гг.

ГЛАВА II

НАСЛЕДИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ ПРИУРАЛЬЯ, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. РЕГИОНЫ РОССИИ

ая карта
ой россіи
ири
терпанскимъ владыкій.
рбургъ.
года.
Масштабъ
Чукотская
Берингово
Ледовитое
Тихое
Охотское
Камчатка
Петропавловскій
Верхне-Камчатскъ
Нижне-Камчатскъ
Охотскъ
Нижне-Колымскъ
Средне-Колымскъ
Верхне-Колымскъ
Западная Сибирь
Архипелагъ Алеутскихъ острововъ
Курильскихъ (Тсисима)
Новоархангельскъ
Русскія Американскія Британскія
Земли

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ

Решительный шаг в передвижении российской границы вверх по Енисею к Саянским горам был сделан лишь после событий 1703–1706 гг., связанных с уводом кыргызов во внутренние районы Ойратского государства. В 1707 г. был заложен Абаканский острог, позволивший русским контролировать нижнее течение р. Абакан. Вскоре верховья Абакана вошли в состав Кузнецкого уезда, а остальные земли кыргызов были включены в Красноярский и Томский уезды. Граница между этими уездами проходила по реке Чулым, причем Черный Июс оставался в ведении томской администрации, а Белый Июс — в ведении Красноярска.

Успешная реализация давнего плана закрепления близ устья р. Абакан, вероятно, способствовала тому, что столичные власти вернулись к старому замыслу создания российской крепости у начала Оби, на слиянии рек Бии и Катуни.

После неудачи организованной томскими воеводами в 1632 г. военной экспедиции Федора Пущина новых попыток закрепиться у вершины Оби с помощью военной силы сибирская администрация уже не предпринимала. Возведение крепости на устье Бии могло привести к вооруженному конфликту с ойратами и теленгетами. Вплоть до начала XVIII в. недостаточная военная мощь России на юге Сибири заставляла власти отдавать предпочтение дипломатическим методам во взаимоотношениях с южными соседями.

В середине первого десятилетия XVIII в. ставка вновь была сделана на военную силу. Увод кыргызов, очевидно, был воспринят сибирской администрацией как слабость Ойратского государства, после чего начинается активное строительство русских крепостей на юге Западной Сибири. В 1707 г. был основательно обновлен Кузнецкий острог и воздвигнут Абаканский острог на Енисее. Сведения об этом к концу 1707 г. были отправлены боярским сыном И. Цицуриным в Сибирский приказ[1]. Следующим шагом в продвижении на юг стало решение о сооружении крепости на слиянии Бии и Катуни.

[1] Бутанаев В.Я. История строительства городов и крепостных сооружений на территории Хонгорая (Хакасско-Минусинского края) // Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.) / КГБУК Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»; [отв. за вып. В.И. Терентьева]. — Шушенское, поселок (Красноярский край): [б. и.], 2014. — 158, [1] с. — С. 57.

Карта Алтайского горного округа XVIII в.

БИКАТУНСКИЙ ОСТРОГ (БИЙ-КАТУНСКИЙ ОСТРОГ, БИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ)

Бикатунский острог был возведен летом 1709 г. на слиянии рек Бии и Катуни, на месте, удобном для переправы, а также торговых маршрутов. Решение о строительстве острога было принято 28 февраля 1708 г. губернатором Сибири М.П. Гагариным[2]. Однако исполнителю — кузнецкому воеводе и стольнику Михаилу Овцыну — приказ поступил только 30 сентября, поэтому экспедиция для надежности была запланирована уже на следующий год.

Карта Н. Витсена, 1687 г.

В начале июня 1709 г. отряд под командованием головы конных казаков Якова Максюкова выступил из Кузнецка. 10 июля они вернулись и сообщили воеводе, что «по вышеписанному великого государя указу мы, всяких чинов люди, на рр. Бии и Катуни острог построили со всякими крепостми и з жилыми избами»[3]. Как позднее писал М. Овцын в Москву, это произошло 18 июня. Быстрые сроки возведения крепости позволяют предполагать, что отряд Якова Максюкова был достаточно большим и насчитывал не менее 300 человек. В новой крепости остался гарнизон в 100 человек под началом «кузнецкого сына боярского» и 2 пушки, остальные строители возвратились назад.

В том же 1709 г., осенью или зимой, в Москву из Кузнецка были посланы сотник Кондратей Паренов и толмач Иван Максюков «с вестовыми отписки, и с послужным списком, и с чертежем о строении острога на реках Бии и Катуни»[4]. Отписки о текущих вестях, послужной список и единственный известный по документам чертеж Бикатунского острога они передали в Сибирский приказ.

К сожалению, чертежа первой русской крепости на Бии никто из исследователей в столичных архивах пока не нашел. Зато в московском архиве сохранился послужной список 1709 г. с именами и фамилиями тех, кто участвовал в строительстве Бикатунского острога в июне–июле, и тех, кто оборонял Кузнецк в августе[5]. В нем перечислено более 600 человек.

В августе 1710 г. ойраты совершили новый подход на Кузнецкий уезд. На этот раз во главе войска в 4 тысячи человек стоял зайсан Духар. Они разорили несколько деревень и взяли после трехдневной осады Бикатунский острог, вынудив его гарнизон бежать с одной пушкой на остров.

В апреле 1717 г. губернатор Сибирской губернии М.П. Гагарин дал указание кузнецкому коменданту полковнику Б.А. Синявину о немедленном строительстве нового острога у слияния рр. Бии и Катуни. Для этого снаря-

[2] Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. — Барнаул: АлГПУ, 2015. — С. 102–103.

[3] Там же. С. 95.

[4] Там же. С. 96.

[5] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1660. Л. 2–9.

дили отряд, собранный из числа всех укрепленных поселений уезда.

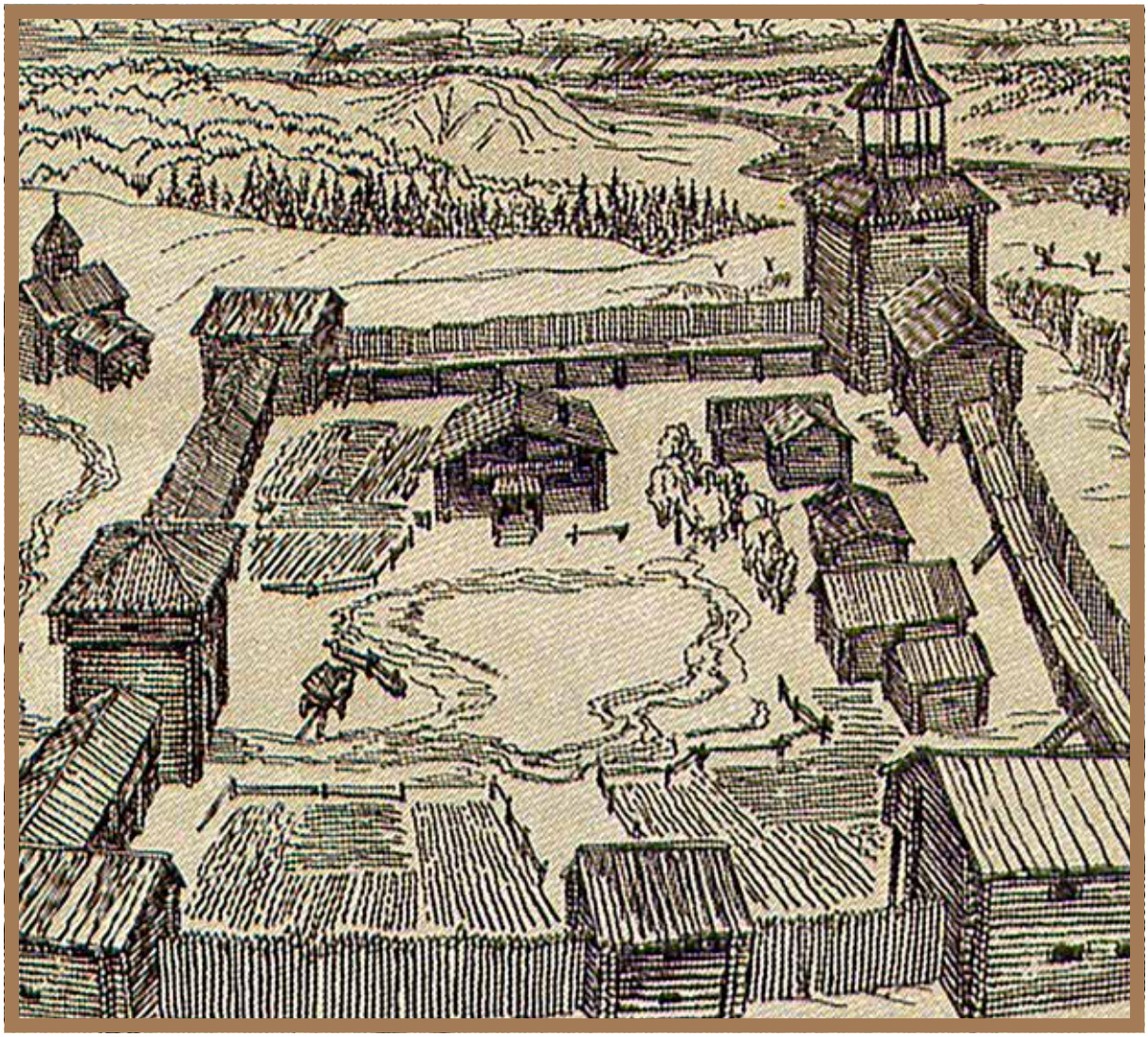
Новый поход в телеутские земли начался в середине июня 1717 г. Военной экспедицией командовал сын руководителя строительства первого Бикатунского острога Якова Максюкова — Иван Максюков. Отряд состоял из служилых людей, казаков, состоявших на русской службе, сибирских татар и телеутов количеством 420 человек и нескольких десятков крестьян[6].

В июле того же года Максюков доложил в Кузнецк о сооружении острога на Белом Яру возле р. Оби (недалеко от сегодняшнего города Барнаула). Но стратегически важный район в Верхнем Приобье по-прежнему оставался без русской крепости. В июле следующего, 1718 г., на Бию прибыл новый отряд для восстановления военного форпоста. Однако новую Бикатунскую крепость по неизвестным причинам соорудили выше по течению реки от прежнего места. Именно на месте этой новой крепости постепенно сформировался населенный пункт, ставший городом Бийском. Однако датой основания города считается постройка старого Бикатунского острога.

В 1732 г. Бикатунская крепость была переименована в Бийскую. Новая крепость находилась в старой части современного Бийска, на месте сквера имени Кузьмы Фомченко.

Основные исследования по Бикатунскому острогу — исторического характера, опирающиеся на письменные источники. Археологических раскопок и исследований не производились, в связи с чем нет четких сведений ни о планиграфии памятника, ни о его состоянии.

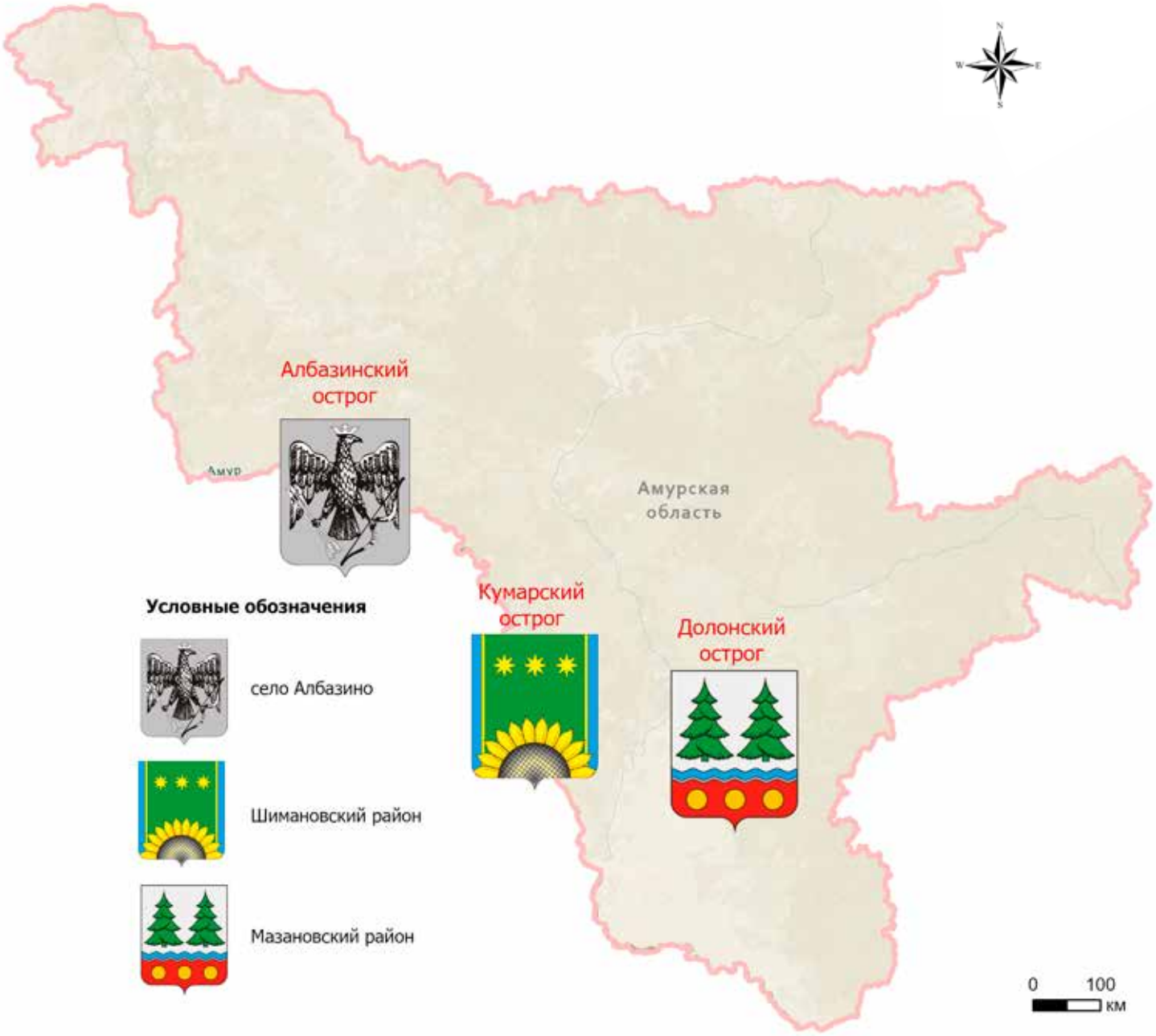
[6] Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. — Барнаул, 1975. — С. 20.

Художественная реконструкция Бикатунского острога

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Первые десятилетия XVII в. были временем быстрого продвижения русских первопроходцев через Сибирь «встречь солнца», на восток. В 1632 г. стрелецкий сотник Петр Иванович Бекетов во главе отряда вышел к р. Лене и основал Якутский острог. В 1632 г. было учреждено Якутское воеводство. Пределы Русского государства вплотную приблизились к Дальнему Востоку, Тихому океану и Приамурью.

С целью изучения земель к юго-востоку от Якутска в 1637–1638 гг. был снаряжен отряд из 50 казаков под командованием атамана Дмитрия Епифановича Копылова. Отряд прошел по Лене и далее по ее правому притоку Алдану в направлении Станового (Алданского) хребта. На берегу Алдана 28 июня 1638 г. на земле тунгусской родовой группы Бута был поставлен Бутальский острог — опорный пункт движения к Тихому океану и Приамурью. Отсюда Д.Е. Копылов весной 1639 г. направил дальше на восток отряд из 31 казака под руководством Ивана Юрьевича Москвина. Вскоре русские впервые вышли к Тихому океану, а после зимовки экспедиция обследовала побережье, рр. Охта, Уду и др., обогнула Шантарские острова, открыла Сахалинский залив, дошла до устья р. Амура («Мамура», как здесь его называли), собрала сведения о живущих по реке нивхах (гиляках) и даурах, о собольном промысле и хлебопашестве приамурских жителей. Здесь русские впервые узнали о притоках Амура — Чие (Зее) и Омути (Амгуни). Проведя почти два года на побережье, в июле 1641 г. отряд Москвитина вернулся в Якутск.

Полученные сведения оказались крайне важными. Растущие потребности развития России требовали новых ресурсов. Во-первых, большим спросом пользовалась пушнина, которая шла не только на внутренний рынок, но и на внешний. Во-вторых, следовало найти доступные для разработки собственными силами месторождения серебра. В-третьих, растущее русское население Сибири нуждалось для пропитания в хлебе, однако многие осваиваемые территории были плохо пригодны для земледелия, а местное население хлебопашеством не занималось.

Освоение Амура стало с начала 1640-х гг. государственной задачей. С Амуром и его притоками тесно связаны важнейшие исторические события XVII в. Осознавая значение Приамурья, сибирские власти, продолжая дело первых походов, отправили несколько следующих экспедиций — Максима Перфильева (1638), Еналея Леонтьевича Бахтеярова (1640), которые разными маршрутами подошли вплотную к истокам Амура, но не смогли выйти в русла его притоков. Впервые это удалось экспедиции под руководством «письменного головы» (помощника воеводы) Василия Даниловича Пояркова.

Экспедиция Пояркова была снаряжена на Амур по приказу якутского воеводы Петра Петровича Головина «для государева ясачного сбору и для прииску вновь неясашных людей», поиска месторождений серебра и меди. Экспедиция была укомплектована 112 казаками, 15 «охочими» людьми, 2 сборщиками дани (целовальниками) и 2 переводчиками. В оснащение входила «пушка на вертлюге». Однако предполагалось, что поход должен иметь прежде всего мирный характер, в приказе было предписано «чтоб грабежу и насильства Русским людем торговым, и промышленным, и иноземцом отнюдь никому ни от ково не было и нихто б ни ково ничем не изобижал». Для налаживания хороших отношений Поярков был снабжен подарками для местных жителей — сукном, медной и оловянной посудой, бисером[1].

В июле 1643 г. отряд Пояркова отправился из Якутска вверх по притокам Лены, осенью на Становом хребте достиг водораздела бассейнов Лены и Амура. Здесь часть отряда была оставлена на зимовку под командованием пятидесятника Минина, а около 90 человек пошли дальше. Перевалив водораздел, Поярков зимой достиг основного русла Зеи. Перед русскими впервые открылись просторы Приамурья. Спускаясь по Зее, поярковцы в условиях суровых холодов отстроили небольшой острожек в устье р. Умлекан. Это было первое укрепленное поселение русских на новооткрытой территории. Зимовка была трудной, запасы продуктов истощались, В.Д. Поярков отправил для поиска пропитания отряд казаков во главе с пятидесятником Петровым вниз по Зее к устью Селемджи, где находился укрепленный городок дауров Молдыкидыч. Казакам было велено местных князцов «из острожку вызывать ласкою под государеву высокую руку, и как они князцы выдут к ним из острожку, и их князцов взяв в аманаты, отъити к лесу и засекою или вежею рубленою укрепиться накрепко, а к острожку не приступать»[2]. Дауры приняли русских невраждебно, снабдили продовольствием. Однако казаки, нарушив наказ, решили с ходу

[1] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. – 336 с. – С. 18.

[2] Акты о плавании письменного головы Василья Пояркова из Якутска в Охотское море,1646, после июля 12. // Дополнения к актам историческим. Т. 3. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. – С. 55.

штурмовать городок, но понесли большие потери и едва ушли от преследования, вернувшись к Пояркову с пустыми руками. План «засекою или вежею рубленою укрепиться накрепко», т. е. создать второе русское укрепленное поселение на Зее в устье Селемджи, не состоялся[3].

Тяжелейшие условия похода поставили весной 1644 г. экспедицию Пояркова на грань неудачи. Положение исправил подошедший на судах с верховий Зеи отряд Минина. Василий Поярков, двигаясь вниз по Зее, а потом по Амуру предпринимал попытки закрепиться где-то на берегу, однако они не увенчались успехом. К осени экспедиция достигла устья Амура, где в сентябре отряд встал на зимовку. Весной 1646 г. поярковцы двинулись побережьем моря в обратный путь и в июне добрались до Якутска. В составленной в Якутске «распросной речи» Василий Поярков представил план строительства на Зее и Среднем Амуре 3 острогов с численностью до 50 служилых людей в каждом[4]. Местоположение Умлеканского острожка и других упомянутых выше укрепленных поселений не установлено.

Весной 1649 г. якутским воеводой Дмитрием Андреевичем Францбековым на Амур был направлен отряд Ерофея Павловича Хабарова. К этому времени уже был известен новый речной маршрут на Амур — вверх по Лене до устья Олекмы, далее по Олекме к устью Тунгира; отсюда путь шел волоком через водораздел, спуск по южным склонам которого выводил на Верхний Амур, в Даурию. На Тунгирском волоке Хабаров, по некоторым сведениям, поставил острог, перезимовав в котором, 19 января 1650 г. отряд двинулся дальше[5]. По другим сведениям, на месте Тунгирского волока укреплений не было, стояли только избы зимовья[6].

Под руководством Е.П. Хабарова поход продолжался до сентября 1653 г. В течение этого времени участники почти постоянно двигались по руслу Амура и его притокам, достигая на стругах, «судах больших и малых» до низовий Амура и возвращаясь назад на Верхний Амур. Хабаров при освоении территории делал ставку на военную силу. Он занимал брошенные или захватывал остроги местных князей, разрушал их, иногда вновь восстанавливал для того, чтобы обеспечить безопасность участников похода. Так, на Верхнем Амуре отряды стояли в бывших даурских острожках Чипин и Албазин.

Согласно русским источникам XVII в.[7], многие даурские укрепленные городки, острожки имели глубокие рвы и валы, нередко — бревенчатые башни и стены, а также

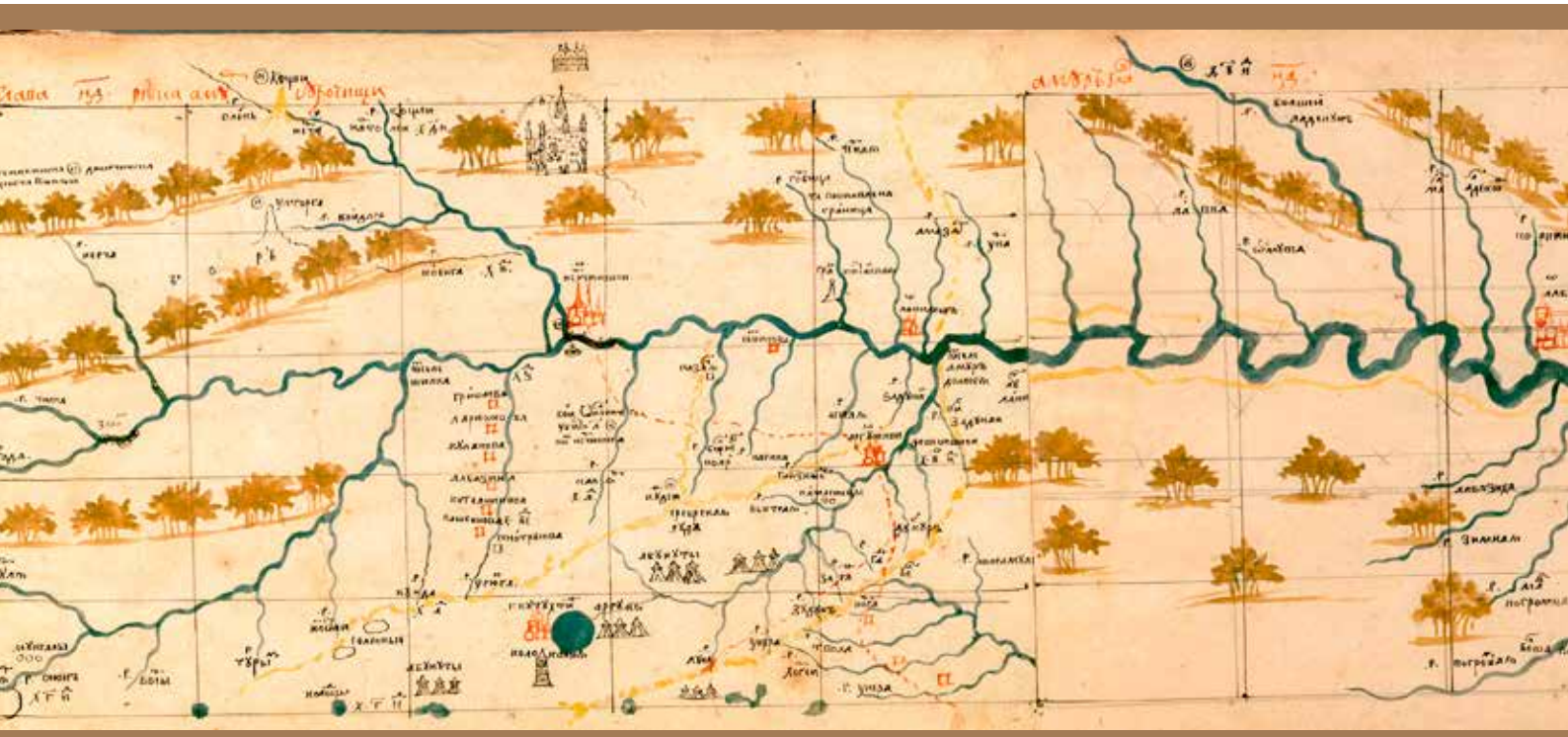
[3] Там же.

[4] Там же. С. 58.

[5] Отписка якутского воеводы Дмитрия Францбекова о походе Ерофея Хабарова на руку Амур, 1650, мая 26 // Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. — С. 261.

[6] Распросные речи войскового атамана Артемья Филипова с товарищами о разбитии китайцами русского отряда на реке Амур и проч. 1659 октября 3 // Дополнения к актам историческим. Т. 4. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. — с. 347.

[7] Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. — 574 с.; Дополнения к актам историческим. Т. 4. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. — 448 с.

особые тайные ходы для доступа к воде в случае осады. Так, укрепленное поселение князей Гуйгудара, Олгемзы и Лотодия (Гуйгударов городок) представляло собой 3 рядом стоящие крепости, разделенные стенами. Города имели валы, стены, башни, вокруг внешних стен были выкопаны 2 ряда рвов глубиной более 2 м. Ворота отсутствовали, вместо них имелись проложенные под стенами специальные проходы — «подлазы»[8]. Согласно сведениям Полякова, город князя Толги имел такую фортификацию: «А тот Толгина город крепок был выше меры в две стены рублен в целом древе, а промежу стенами был сыбан хрящ. И кругом города было копано три рва, по три сажени глубины, а широта по четыре сажени»[9]. Крепость, следовательно, имела бревенчатую стену из 2 рядов бревен, внутрь которой засыпан грунт, 3 рва глубиной более 6 м и шириной более 8 м (1 сажень = 2,13 м). Из источников известно, что некоторые городки имели на валах до 5 башен. Укрепленные городки использовались зачастую лишь в ходе военных действий для обороны от неприятеля, а в мирное время основная часть населения жила в селениях, занимаясь сельскохозяйственным трудом.

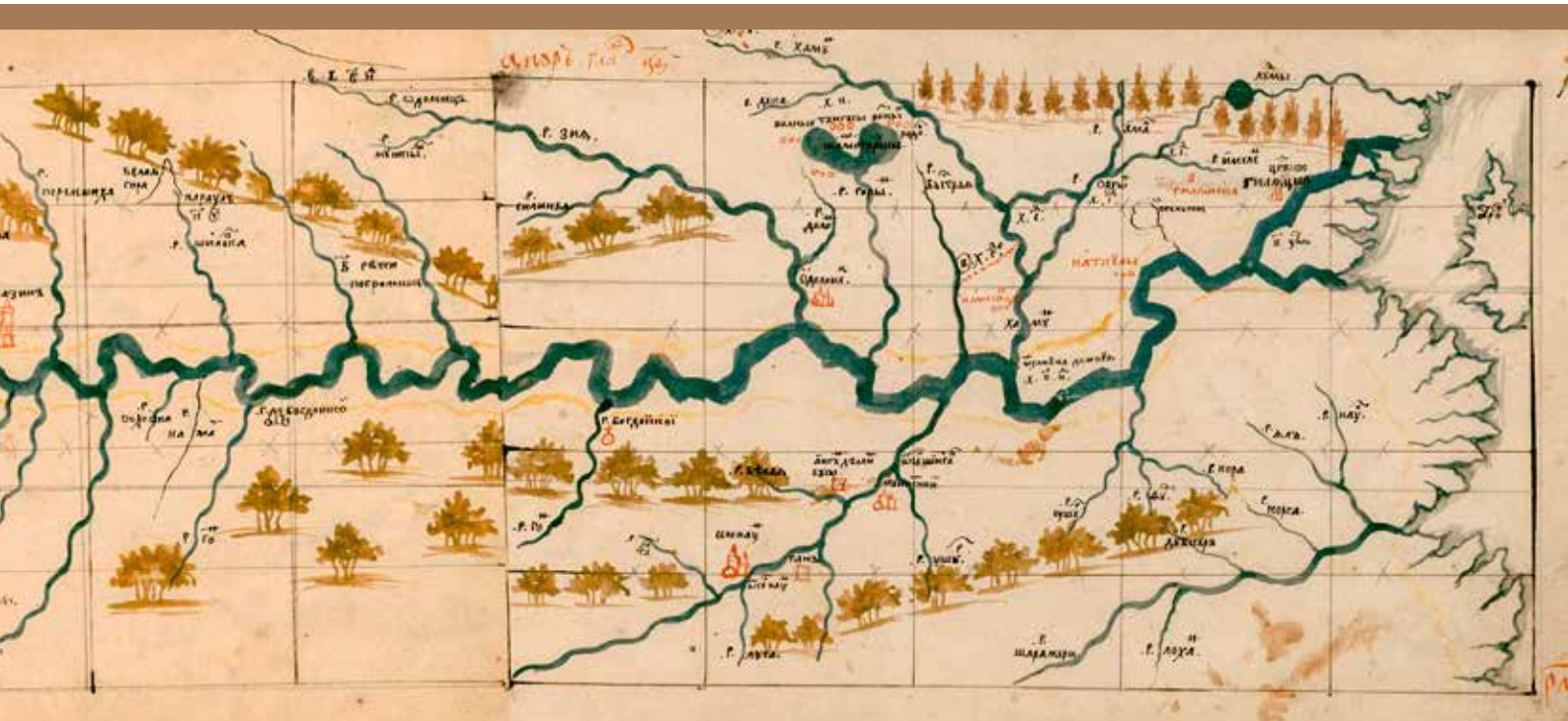
Несколько острогов русскими первопроходцами было отстроено. Так, 29 сентября 1651 г. отряд Хабарова встал на зимовку на левом берегу Нижнего Амура в землях дючеров и ачанов (предков нанайцев) близ ачанского улуса (поселения). Казаки поставили «юрты» и, очевидно, успели возвести бревенчатые стены и башни для защиты от нападения — Ачанский острог. Уже 8 октября около тысячи дючеров и ачанов ранним утром пошли на приступ, подожгли со всех сторон стены. 106 находившихся в городке защитников успешно отбили атаку, затем 70 человек дали бой за стенами острога, а остальные стреляли «с пушек и мелкого оружия» с башен. Нападавшие бежали[10].

Весной следующего года, 24 марта, «на утреней заре» на острог неожиданно напали отряды регулярной маньчжурской армии численностью около 600 человек при поддержке 1,5 тысяч местных воинов. Острог к тому времени был восстановлен после октябрьских событий, но, очевидно, без должного радения о безопасности. Так, позднее казаки обвиняли Хабарова в том, что для пушек не был сооружен «роскат» — высокий помост внутри острога для стрельбы в разные стороны поверх стен, пушки он, будто бы, «поставил среди

[8] Отписка якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и проч., 1652 в августе // Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. — С. 360.

[9] Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. — Владивосток: Российская Академия наук, 1995. — С. 37.

[10] Отписка якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и проч., 1652 в августе // Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. — С. 364–365.

Река Амур с урочища из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова

Изображение Селинбинского острога в экспозиции Албазинского краеведческого музея

Изображение Верхозейского острога в экспозиции Албазинского краеведческого музея

Карта острогов Албазинского воеводства в экспозиции Албазинского краеведческого музея

улицы просто»[11]. Нападавшие использовали орудия и ручное огнестрельное оружие, к вечеру им удалось проломить три звена крепостной стены и устремиться через пролом внутрь. Однако казаки успели поставить напротив пролома «пушку большую медную», оружие меньшего калибра и вовремя открыть стрельбу по нападавшим. Враг был отброшен, казаки устремились в атаку, наголову разгромив врагов. Как только Амур освободился ото льда, 22 апреля отряд Хабарова оставил Ачанский острог и ушел на судах на Средний Амур к устью Зеи[12].

В дальнейшие годы XVII в. русские, скорее всего, не использовали острог как долговременное укрепленное поселение. Со временем зримые следы его существования исчезли. Поискам Ачанского острога уделяли внимание Р.К. Маак, Б.П. Полевой, Н.П. Крадин, А.Р. Артемьев, Ю.М. Васильев, другие ученые и краеведы[13]. Острог пытались локализовать в пределах мыса Джари, горы Оджал, озера Болонь, сел Ачма, Омми, Малмыж и других мест. Однако ни осмотры местности, ни археологические изыскания очевидного результата не дали. Местонахождение до сих пор остается предметом дискуссии.

Политика Хабарова, нередко творившего в нарушение полученных от государственной власти «наказов» произвол, привела к расколу в рядах военной экспедиции. Против Хабарова, представителя «промышленных» людей, выступила большая группа казаков, «служилых» людей. В августе 1652 г. на стоянке в устье Зеи около 130 казаков отказались далее исполнять волю Хабарова и ушли на 3 судах во главе с «вольным казаком» Степаном Васильевичем Поляковым и «десятником» Костькой Ивановым Москвитиным вниз по Амуру в земли гиляков. Здесь на Нижнем Амуре они поставили свой острог. Этот острог хорошо соответствовал фортификационным правилам своего времени — он имел башни и «тарасы» (ячейки с стене), засыпанные «хрящем» (землей, щебнем), против пушечного боя. Осенью Хабаров с верными ему людьми настиг казаков, осадил острог, поставил «роскаты» и начал его обстрел из пушек. В январе 1653 г. он обманом взял острог и жестоко покарал своих противников. 7 февраля Хабаров, согласно «Изветной челобитной» Полякова, велел «острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова»[14]. В мае русские ушли вверх по Амуру, подпалив оставшиеся после зимовки строения. Местоположение острога и русского лагеря не установлено.

Наряду со строительством и использованием острогов в качестве военных объектов предпринимались усилия по организации вокруг них сельскохозяйственной деятельности. Так, прибывший летом 1653 г. на Амур царский посланник дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев доставил не только военный отряд, но и сельскохозяйственные орудия, имея задание уже к следующему году обустроить рядом с острогами пашню, способную кормить хлебом многотысячную армию.

В августе 1653 г. во главе русских отрядов был поставлен казак Онуфрий Степанов. При нем военное противостояние на Амуре перешло в новую фазу. Правящие круги Цинской империи поставили цель решительно покончить с присутствием русских на Амуре. Отрядам Степанова пришлось вступить в вооруженный конфликт с регулярной маньчжурской армией, которая представляла многочисленную, хорошо оснащенную силу, имевшую большой опыт войны. «...Здесь на Великой реке Амуре стоят драки сильные с Богдойскими воинскими людьми, что прислано войско от царя Богдойского», — сообщал Степанов в отписке якутскому воеводе[15].

---

[11] Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. — Владивосток: Российская Академия наук, 1995. — С. 37–38.

[12] Отписка якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и проч., 1652 в августе // Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. — С. 364–368.

[13] Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. — СПб.: Типография Карла Вульфа, 1859. — 577 с.; Полевой Б.П. О местонахождении Ачанского городка // Советская археология. — 1960. — № 3. — С. 328–333; Крадин Н.П. Крепость Албазин. Оборонное строительство на северо-востоке Русского государства в XVII веке // Россия и АТР. — 1992. — № 1. — С. 67–79; Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 140–147; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. — Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. — 336 с.; Васильев Ю.М. Где искать Ачанский городок? // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. — 2002. — №. 1. — С. 23–33.

[14] Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. — Владивосток: Российская Академия наук, 1995. — С. 21.

[15] Отписка якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому приказного человека Онуфрия Степанова о присылке в Комарский острог пороха, свинца и писчей бумаги, об отправлении в Москву ясачной казны и о приступе Богдойских ратный людей к означенному острогу, 1655, после 4 апреля // Дополнения к актам историческим. Т. 4. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. — С. 27.

КУМАРСКИЙ ОСТРОГ

Крупным событием этого периода была оборона Кумарского (Комарского, Усть-Комарского) острога. Острог был возведен в ноябре 1654 г. на правом берегу Амура в устье р. Комары (Кумары, кит. Хумаэрхэ). С учетом наличия у противника тяжелого и легкого огнестрельного оружия, разных приспособлений для штурма острог был предусмотрительно поставлен с применением современных фортификационных технологий — с глубокими рвами, валами, засыпанными с внутренней стороны «хрящем» стенами, выдерживавшими удары пушечных ядер, «быками» (башенными выступами для стрельбы вдоль стены, по флангам и фронту), «роскатом», противопожарными желобами, идущими от колодца к стенам и избам, и т. д. «А острог у нас был поставлен на валу стоячей, а по углам вывожены были быки, а тот острог ставлен по снегу в самом заморозе ноября в 2 день, а круг того острожку копан ров, а тот ров копали зимою, мерзлой земли секли в вышину сажень печатную, а ров в ширину 2 сажени, а круг того рву бит чеснок деревянной, а круг того чесноку деревянного бит чеснок железной стрельной опотайной. И Божею милостию, а государским счастьем, как пришли те Богдойские люди к приступу, и у того деревянного чесноку щиты поставили, а на том железном чесноку многие Богдойские люди кололися и итти к острогу не могли от того железного чесноку к стене; а в остроге было изподней и верхней бои, а внутрь острожной стены засыпали хрящем с нижнево бою и до верху от пушечного бою, и в том остроге копан был у нас колодезь пяти сажен, а из колодезя были вывожены жолобы на все 4 стороны вышина 6 сажен печатных, для зажегу, да были сделаны на остроге козы железные, а в тех козах зажигали смолье для свету и для их Богдойского ночного приступу, чтоб от того видети было Богдойских людей за стеною, да ставлены были к острогу для их лестниц и щитов судовое дощеничное деревье высокое, да были на острожке кладены кадки для их, Богдойских людей, навальнаго приступу, да в острожке срублен был роскат, и с того роскату били мы из пушек по тому Богдойскому войску»[16].

13 марта 1655 г. десятитысячная армия маньчжуров и их союзников из местных народов осадила острог. На вооружении нападавших стояли 15 пушек, осадное оборудование («всякие приступные мудрости») и огнестрельное оружие. До 4 апреля маньчжурское войско «верховыми огненными зарядами» и пушками обстреливало острог «по всякий день и ночь», несколько раз ходило на приступ. Защитники надежно удерживали крепость, осуществляя смелые вылазки на пределы стен. Противник нес большие потери без надежды на победу, в лагере кончалось продовольствие. Маньчжурский командующий Минъаньдали принял решение снять осаду и уйти. Русские преследовали отступавших, захватив запасы пороха, ядер и другие трофеи.

В 1655–1657 гг. на Нижнем Амуре, где велись военные действия, ближе к устью Сунгари, стояли 2 русских острога — Куминский и Косогирский. О них известно лишь то, что они служили местом зимовки.

Осенью 1658 г. Кумарский острог вновь стал опорным пунктом русских. К нему они отступили после тяжелого поражения 30 июня, когда русские суда были обстреляны в устье р. Сунгари объединенным маньчжуро-корейским отрядом. Онуфрий Степанов и 270 казаков погибли, 227 человек добрались до Кумарского острога. Вскоре, оставив острог из-за отсутствия продовольствия, разделившись на 2 отряда, русские ушли вверх по Амуру и на Зею[17]. Кумарский острог стал фактически последним форпостом русского присутствия на Амуре в 50-е гг. XVII в. В последующие десятилетия он пришел в запустение и более не использовался.

Местонахождение Кумарского острога на территории Китайской Народной Республики, установленное вполне определенно по историческим источникам с привязкой

[16] Там же. С. 29–30.

[17] Распросные речи войскового атамана Артемья Филипова с товарищами о разбитии китайцами русского отряда на реке Амур и проч. 1659 октября 3 // Дополнения к актам историческим. Т. 4. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. — С. 176.

Графическая реконструкция внешнего облика казака Амурского войска Онуфрия Степанова после отражения осады Кумарского острога. Авторы Е.А. Багрин, Н.Д. Фомин

к современному ландшафту, не вызывает сомнений. Следы его существования наблюдал в 1855 г. Р.К. Маак[18]. Археологические исследования напротив устья Хумаэрхэ на левом, российском, берегу на Верхнекумарском утесе проведены в 1988 г. под руководством А.Р. Артемьева отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН[19]. Территория острога, расположенная на правом, китайском, берегу, до настоящего времени не становилась предметом археологических раскопок.

[18] Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. – СПб.: Типография Карла Вульфа, 1859. – 577 с. – С. 99.

[19] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. – 336 с. – С. 100–101.

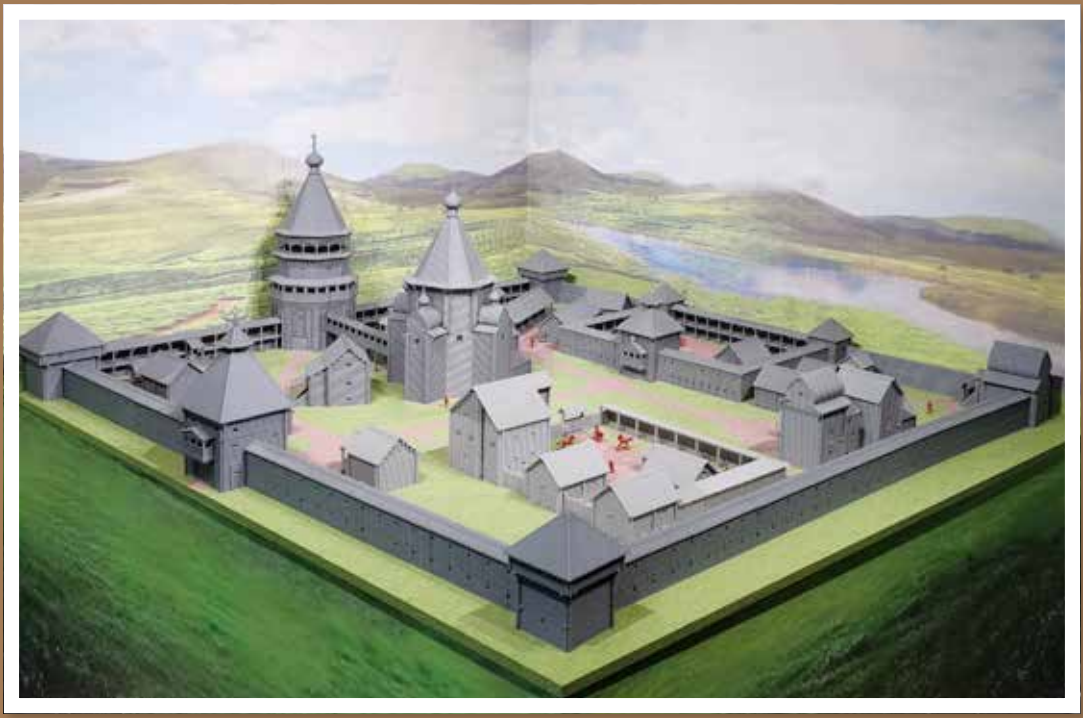
АЛБАЗИНСКИЙ ОСТРОГ

Археологический памятник федерального значения городище «Албазинская крепость» — Албазинский острог. Располагается в Сковородинском районе Амурской области, регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия 281540354750006.

Албазинский острог знаменует следующий этап строительства острогов на Амуре, который открывается походом отряда Никифора Черниговского. В июне 1665 г. Черниговский, будучи в должности казачьего пятидесятника, вместе с группой казаков убил на р. Лене воеводу Лаврентия Обухова. Совершив преступление, Черниговский во главе ватаги казаков и крестьян бежал на Верхний Амур, где уже осенью беглецами был заложен острог. Острог поставили в хорошо известном месте — на «городище», где прежде находился сожженный Хабаровым в 1651 г. острог даурского князца Албазы и где русские в 50-е годы неоднократно останавливались[20].

[20] Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. — Иркутск: «Репроцентр А1», 2008. — 378 с.

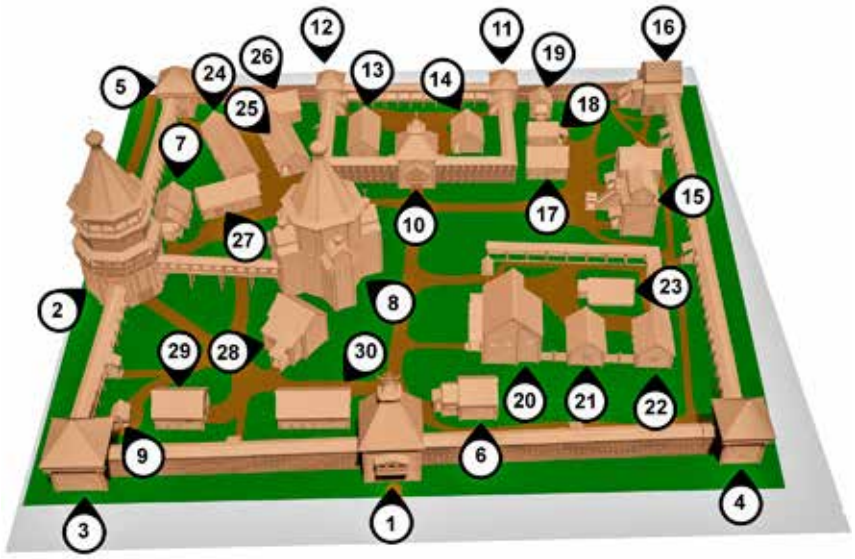
Албазинский острог 1685 г. Макет. Экспозиция в Научном музее АмГУ. 2021 г.

Герб Албазинского острога на печати (1683)

Осада Албазинского острога (Luosha), рисунок на шелке из китайского атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, New Menggu tu». Библиотека Конгресса США (Вашингтон)

Экспликация к иллюстрации «Албазинский острог 1685 г. Макет». Схема расположения объектов

1. Проездная «Большая» башня.
2. Проездная «Круглая» башня.
3. Угловая башня.
4. Угловая башня.
5. Угловая башня.
6. Караульная изба.
7. Караульная изба.
8. Воскресенская церковь.
9. Колодец.
10. Проездная «Спасская» башня.
11. Башня (глухая).
12. Башня (глухая).
13. Государев амбар.
14. Государева житница.
15. Воеводские хоромы.
16. Жилья (Башнеподобное жилое сооружение).
17. Амбар.
18. Поварня.
19. Мыльня.

Двор Съезжей избы.

20. Съезжая изба.
21. Амбар.
22. Амбар.
23. Зелейный (пороховой) погреб.
24. Торговые лавки.
25. Торговые лавки.
26. Амбар.
27. Амбар.
28. Изба таможенных целовальников.
29. Амбар.
30. Амбар.

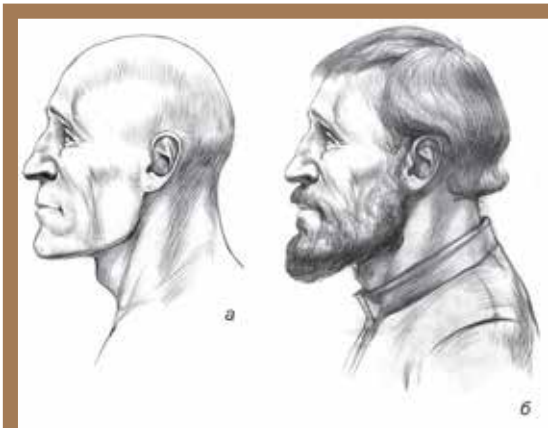

Графическая реконструкция внешнего облика албазинца. Приамурье. 1660-е гг. Авторы Е.А. Багрин, Н.Д. Фомин

Острог стал центром восстановления российского военно-политического контроля над Приамурьем и пашенного земледелия. Год за годом албазинцы расширяли занятую территорию, уходя все дальше по Амуру и по берегам Зеи, где ставили зимовья и острожки. Вскоре к албазинцам потянулся поток крестьян-переселенцев, оседавших близ острога и на других подконтрольных землях. Появились новые поселения, русские жители споро взялись за выращивание хлеба и скота, обустройство мельниц, кузниц. Так, в 1680 г. на р. Зее в устье р. Долонец был поставлен Долонский (Зейский) острог, распахана пашня. Здесь «место было хлебородно», со временем с распашек были получены урожаи, которые кормили расселившихся здесь «служивых и промышленных пашенных людей»[21].

В марте 1674 г. после многократных обращений албазинцев к властям о помиловании царем Алексеем Михайловичем они были прощены за заслуги в освоении амурских земель. Албазинский острог был переведен вместе с людьми и имуществом в го-

[21] Розыск о злоупотреблении Нерчинского воеводы Фёдора Воейкова // Дополнения к актам историческим. Т. 12. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1872. – С. 4–6.

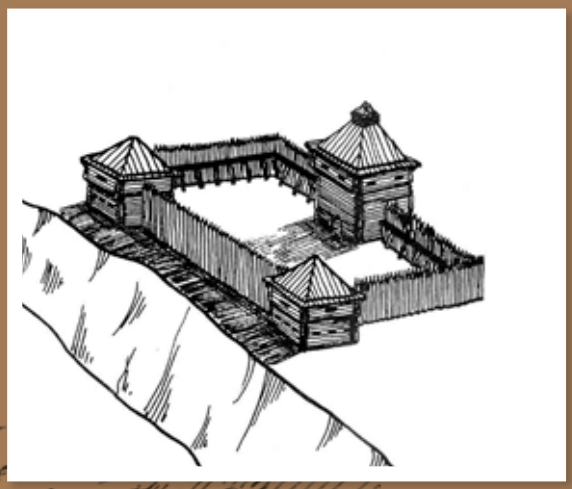

Графическая реконструкция лица защитника Албазина по черепу, обнаруженному в раскопе на территории острога. Авторы Д.В. Пежемский и А.Н. Рыжкин

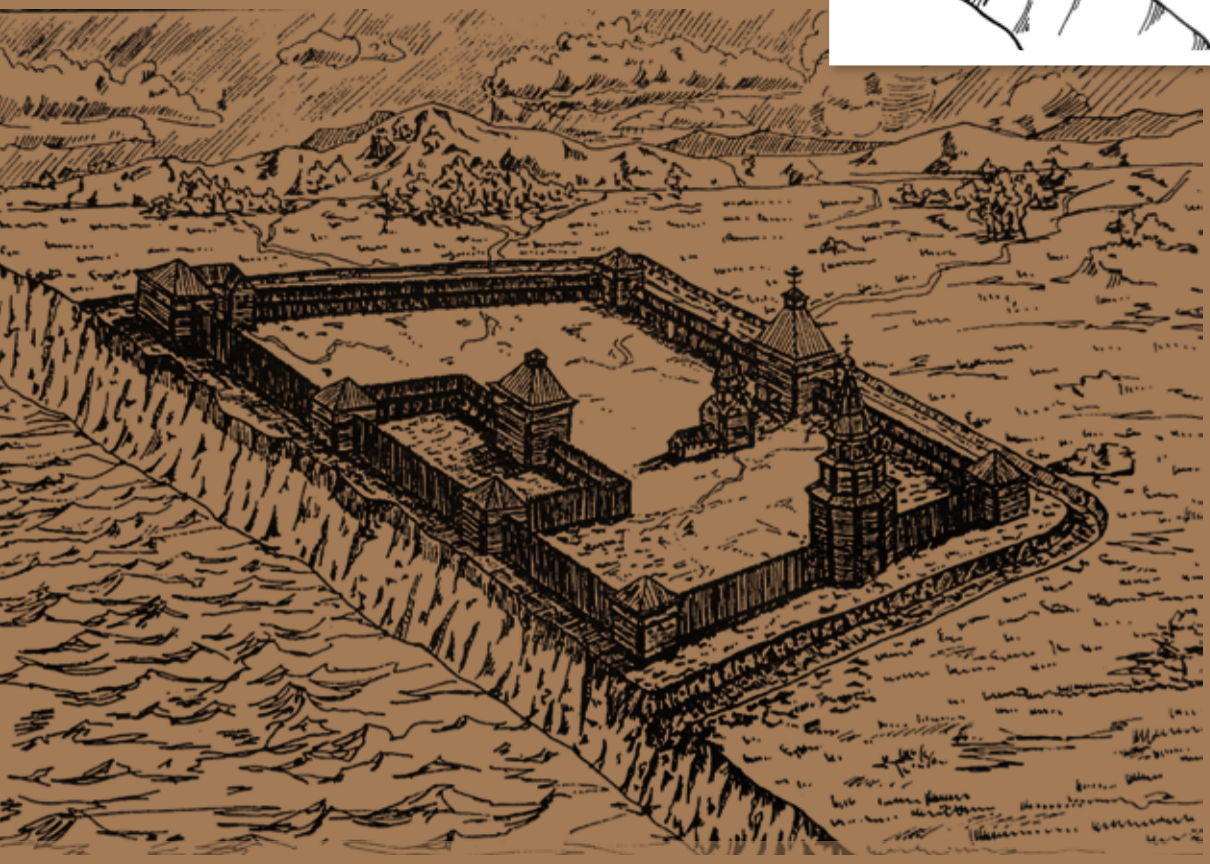
сударственное владение. Посланным из Нерчинска на Амур С.М. Вешняком была составлена опись принятого от «приказчика» Никифора Черниговского имущества — «Росписной список Албазинского острога». Но в первой широко известной редакции этого документа были допущены ошибки. В ней строения острога описаны так: «...Албазинской острог с нагороднею покрыт тесом, а в остроге башен две башни по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровыя, покрыты тесом, а третья башня Приказ, сверху Приказу чердак караульной покрыт тесом, а в остроге колодец на вододейке да амбар Воскресенской, в надолбах часовня...»[22]. В уточненной публикации этого документа указано, что третья башня — «проежжия», а вместо «колодец на вододейке» в оригинальном тексте написано «...а колодец в остроге не в доделке», т. е. недостроен[23]. Т. о. острог Черниговского представлял собой

[22] Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2: История города Албазина: Извлеч. из соч. г. Миллера, доп. с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением офиц. бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирного торгового договора, заключенного с китайцами в г. Нерчинске. — М.: Типография Н. Степанова, 1844. — 208 с. — С. 138.

[23] Трухин В.И. «Росписной список» Албазинского острога (1674) // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 3. К 200-летию императора Александра II. — СПб.: Президентская библиотека, 2018. — С. 186.

Албазинский острог в 1665–1681 гг. Реконструкция А.Р. Артемьева

Албазинский острог в 1682–1685 гг. Реконструкция А.Р. Артемьева

Албазинский острог в 1682–1685 гг., панорама. Реконструкция Н.Н. Крадина

достаточно хорошо укрепленное для обороны от набегов местных военных отрядов сооружение, основу которого образовывали тыновые стены (две длиной ок. 40 м и две длиной ок. 30 м), составленные из вертикально составленных бревен, и три башни высотой ок. 6,5 м. Однако такой острог, что было ясно его защитникам и нерчинским властям, не мог противостоять вооруженной стенобитными пушками маньчжурской армии. Работы по его укреплению проводились регулярно.

К 1678 г. острог, согласно «Росписи государеве казне Албазинского острогу», выглядел так: «Албазинской острог с нижним и с верхним боем покрыт тесом. На остроге три башни крыты тесом. В Сп(а)ской проежжей башни две пищали. Одна медная полковая весом шесть пуд две чети. А ядро весом полтора фунта. А другая пищаль железная затинная. Ядро весом дватцать золотников. Острогу мера длина осмнатцать сажен печатных, поперег тринатцать сажен. Около острогу ров широта две сажени с аршином, глубина четыре аршина. Около рву бит чеснок в шесть рядов. Около чесноку поставлены надолобы»[24].

В октябре 1681 г. в Нерчинском воеводстве было принято решение о масштабной перестройке острога. В ноябре управляющий острогом А.Ф. Воейков сообщал о планах весной, как только оттает земля, построить стены больших размеров, возвести дополнительно две проездные башни по 4 сажени и три угловых башни по 3 сажени высотой, окружить стены рвом, «чесноком» и надолбами[25]. К лету 1682 г. на месте прежнего был возведен больший по площади острог. В мае 1684 г. после приезда в Албазин вое-

[24] Трухин В.И. Албазинский острог от «росписи» до «росписи» // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. — СПб.: Президентская библиотека, 2020. — С. 202.

[25] Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2: История города Албазина: Извлеч. из соч. г. Миллера, доп. с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением офиц. бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирного торгового договора, заключенного с китайцами в г. Нерчинске. — М.: Типография Н. Степанова, 1844. — 208 с. — С. 146.

Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

воды А.Л. Толбузина была составлена опись нового острога и всего, что было к нему приписано — «Роспись Албазинского острога»[26].

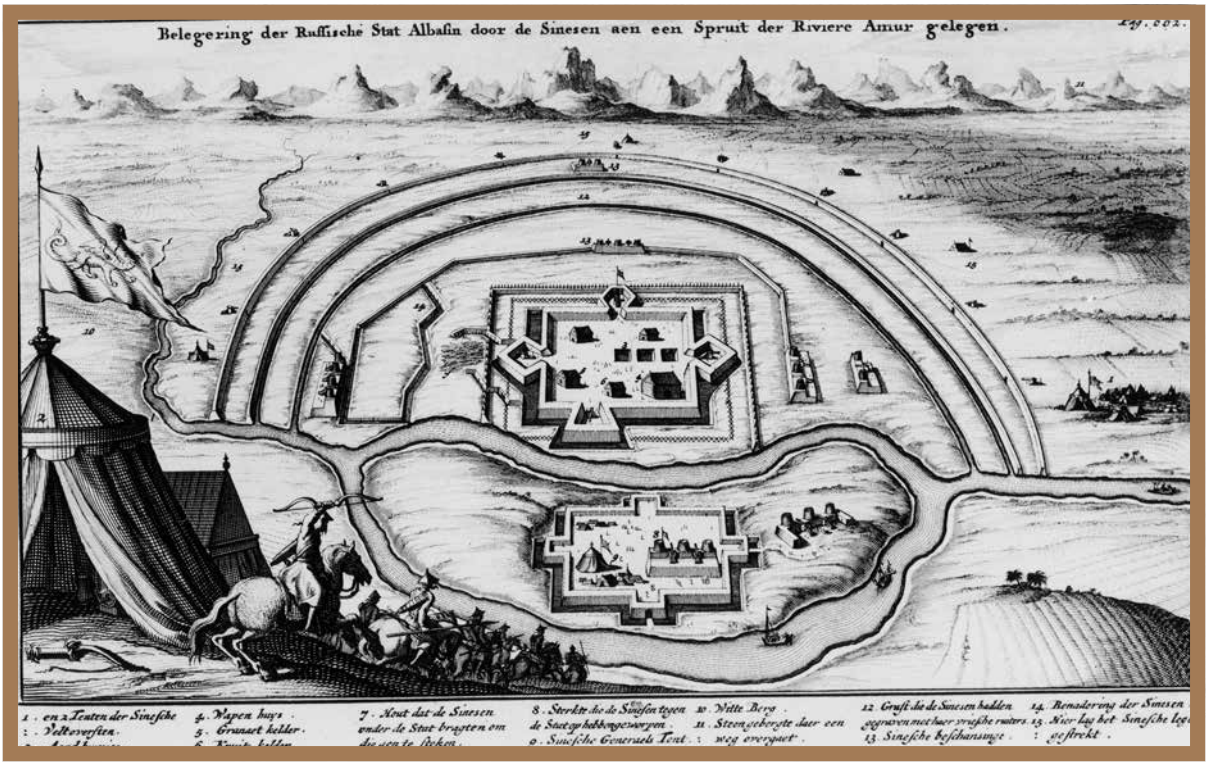
Новый острог в трех сторон окружил прежние постройки бревенчатым стенами — тыном. «Они имели высоту 5,3 м и были укреплены изнутри земляной насыпью шириной 0,71 м и высотой 2,13 м, обшитой плетнем. Северная стена острога имела длину 85 м и заканчивалась квадратной 6,4×6,4 м угловой башней высотой 7,8 м с двумя мостами, то есть перекрытиями, и была таким образом трехэтажной. Восточная стена делилась проездной башней размерами 8,5×8,5 м и высотой 19,2 м на отрезки 46 и 37 м и заканчивалась двухэтажной угловой башней размерами 6,75×6,75 и высотой 7,8 м. Южная стена крепости также имела проездную башню, но уже круглую восьмистенную высотой 29,5 м, которая делила стену на отрезки в 32 и 43 м. Западная береговая стена длиной 93,7 м включала в себя две башни острога, поставленного Н.Г. Черниговским»[27]. В остроге находились Воскресенская церковь, «государской двор на приезд воеводам и приказным людям», съезжая изба, поварня, мыльня, амбары, пороховой погреб, колодец, торговые лавки, избы и другие сооружения.

В начале июня 1685 г. цинская армия под командованием полководца Лантаня подошла к стенам Албазина и осадила острог. Армия насчитывала около 10 тыс. человек и более 200 пушек, из них 50 — стенобитные орудия. Силы защитников крепости насчитывали около 450 казаков, крестьян и ремесленников. Пушек было 3. Обороной руководил воевода Толбузин. В ходе подготовки острога к обстрелу из «проломных» пушек Толбузин наскоро постарался усилить стены «крепями» — в наиболее уязвимых местах изнутри была установлена еще одна стена, а между стен засыпана земля.

Маньчжуры возвели валы, поставили на них стенобитные пушки. Лантань предложил русским сдать крепость и уйти. Албазинцы отказались. 29 июня (15 июня по новому стилю) начался штурм острога. Мощные стенобитные пушки разрушили часть стен, оставшаяся часть была подожжена. Ядрами были разбиты строения внутри — церковь,

[26] Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 109–110.

[27] История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во РИО, 2008. – 424 с. – с. 194–195.

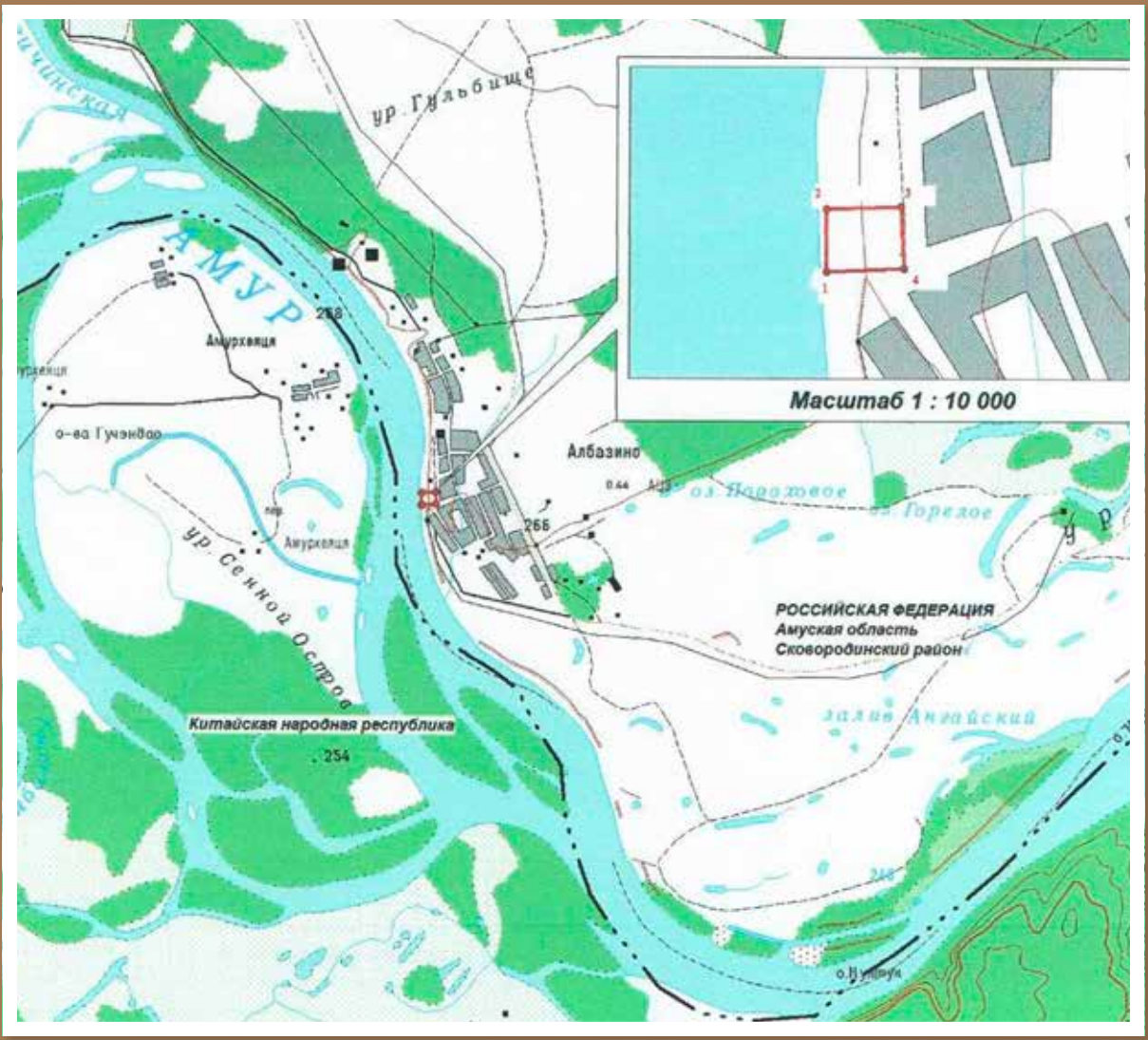

Гравюра из книги Николааса Витсена

хлебные амбары, дома. «Огненными стрелами», пускаемыми из станкового арбалета, зажжены были постройки. Лучники постоянно осыпали русских градом стрел. Защитники крепости отбивались, больше ста человек погибло, но заканчивался порох и свинец, горели стены. Положение стало безвыходным. В этой ситуации Толбузин вступил в переговоры, согласился сдать крепость на условиях ухода с оружием в Нерчинск. Маньчжуры приняли предложение албазинцев. После отступления русских маньчжуры в начале июля разрушили крепость и окрестные деревни, сожгли находившийся

Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

Карта-схема местоположения объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Городище Албазинская крепость». 2015 г.

неподалеку от острога Спасский монастырь. Так закончилась первая осада Албазина[28].

Русские и цинские укрепления 1685 г. с большой долей приближения к реальности запечатлены в китайской манере на страницах атласа карт «Aihun, Luosha, Taiwan, Menggu tu», созданного в 1697–1722 гг.

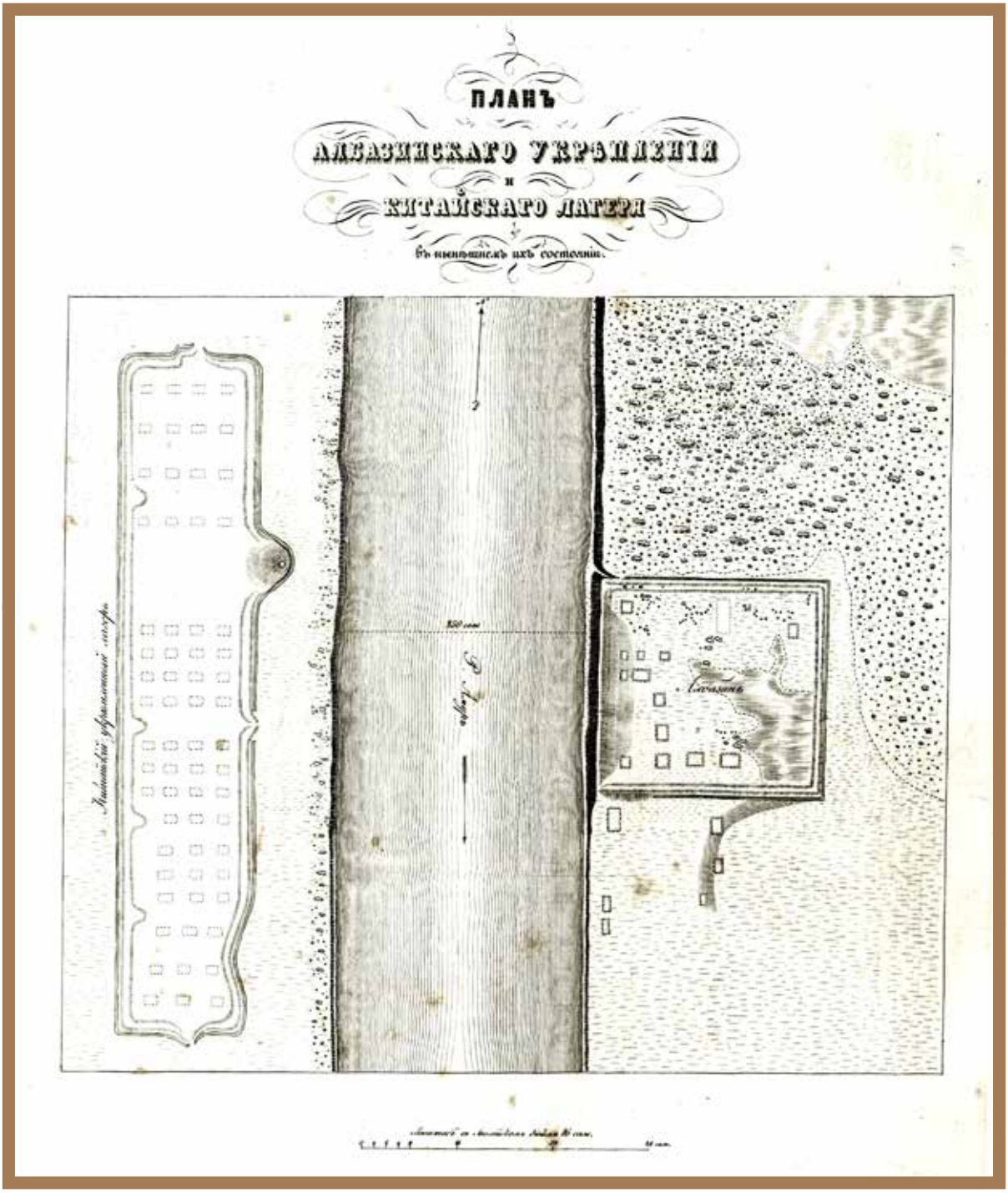
В Нерчинске отступивший отряд А.Л. Толбузина соединился в июле со спешившим ему на подмогу отрядом А.И. Бейтона. Объединенные силы русских в составе 514 казаков, 155 крестьян и ремесленников в конце августа вернулись в Албазин. На месте разрушенного острога к ноябрю был поставлен новый — «земляной городок». Новый острог был построен с учетом недостатков прежнего по всем правилам современной фортификации. Толбузин сообщал, что высота укреплений «земляного городка» составляет «полторы сажени печатных», в «ширину четыре сажени печатных» (т. е. около 3,3 м и 8,7 м)[29]. Такая высота и толщина земляных укреплений позволяла выдержать обстрел из осадных орудий. Образец «земляного городка» был отправлен в Москву. «Новоалбазинский острог» был достроен в июне 1686 г. — «только башни не покрыты»[30].

С долей условности общий вид острога 1686 г. передает гравюра «Осада синцами русского города Албазина, стоящего на притоке реки Амур» из книги Николааса Витсена. На гравюре острог представляет собой

[28] Акты об осаде и взятии Албазина китайцами, 1685 июня 4 — августа // Дополнения к актам историческим. Т. 12. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1872. — С. 107–114.

[29] Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова к Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову // Дополнения к актам историческим. Т. 10. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. — С. 253.

[30] Отписка Нерчинского воеводы Ивана Власова окольничему и воеводе Фёдору Головину о происшествиях в Даурии с июня 1685 по 26 июля 1686 г. и о возобновлении Албазина, разоренного китайцами // Дополнения к актам историческим. Т. 10. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. — С. 259.

План Албазинского острога. 1855 г.

четырехугольное укрепленное сооружение бастионного типа. Бастионы — выступы в стене трех-, четырех- и шестиугольной формы возведены по линии четырех стен[31]. На рисунке не указаны башни, отмеченные в русских письменных документах, которые, очевидно находились на углах крепости. Земляные стены были укреплены плетнем. В целом острог представлял тип дерево-земляной крепости. Перед стенами находился ров и вкопанные в землю заостренные колья.

[31] Witsen Nicolaes. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekent zijn geweest. Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste… Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische-Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen Niuche, Dauria, Jesso, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen: Verdeeld in twee Stukken, Met der zelver Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen. Tweede Druk. — Amsterdam: Halma, 1705.

Цинские власти, узнав о возвращении русских, вновь направили к Албазину многотысячную хорошо вооруженную армию. 7 июля 1686 г. маньчжурские войска второй раз осадили крепость.

В крепости заняли оборону 826 человек под командованием А.Л. Толбузина. Окружив город, маньчжуры из пушек начали его непрерывный обстрел. Стены крепости стояли крепко, но люди гибли. На пятый день от пушечного ядра погиб Толбузин. Оборону возглавил А.И. Бейтон. Много раз цинские войска штурмовали крепость, но русские умело и бесстрашно отбивали атаки. К декабрю обе стороны понесли тяжелые потери — острог защищало около 150 человек, большинство из которых были ранены или больны, осаждающие потеряли более 1500 человек[32].

Осада Албазина затягивалась. Русские не сдавали крепость, а маньчжуры не могли ее взять. Интенсивность боевых действий снижалась, заключались перемирия, но стычки возникали регулярно, росло с обеих сторон количество убитых и раненых. В лагерях осажденных и осаждавших начались болезни и голод. К весне 1686 г. потери в цинском лагере составляли 2500 человек[33]. Обе стороны, истощенные войной, искали выход в переговорах. Они начались с поездки в Пекин посольства Н. Венюкова и И. Фаворова. Поиск мирного решения, сопровождавшийся блокадой острога, вооруженными стычками, тяжелыми потерями с двух сторон, затянулся надолго. Наконец, в августе 1689 г. в Нерчинске Ф.А. Головиным был подписан мирный договор. Несмотря на необходимость, по условиям договора оставить Албазин, в целом статьи соглашения отражали интересы России. Они позволили ей утвердиться на главных притоках Амура — Шилке и левобережье Аргуни[34]. Ратные подвиги защитников Албазина и упорный крестьянский труд, обеспечивший хозяйственное освоение Приамурья, внесли крупный вклад в формирование новых реалий в порубежье России и Китая.

[32] Отписка из Удинского острожка Андрей Яковлева и Емельяна Паникадильникова Селенгинскому приказному человеку с сообщением известий, полученных ими от разных лиц об осаде китайцами Албазина и об убиении во время осады воеводы Алексей Толбузина // Дополнения к актам историческим. Т. 10. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. — С. 263–265.

[33] Донесение казачьяго головы поручика Бейтона нерчинскому воеводе Власову, 1689 не ранее января 2 // Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2: История города Албазина. — М.: Типография Н. Степанова, 1844. — С. 180–188.

[34] Отписка окольничего и воеводы Фёдора Головина к якутскому воеводе Петру Зиновьеву о заключении с китайцами вечного мира и об определении границ между Россией и Китаем // Дополнения к актам историческим. Т. 10. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. — С. 265–266.

Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

История изучения и реконструкции Албазинского острога

На основе полученных от очевидцев вполне достоверных сведений первым в XIX в. Албазинский острог был описан Н.И. Бичуриным, одним из основоположников российского китаеведения. На берегу Амура отчетливо видны «четвероугольник» крепостных стен, «имевший до 60 русских сажен в поперечнике», земляные валы и рвы с тремя выходами. В контексте современных исследований и реконструкций острога важно замечание, что «с наречной стороны крутояра и вала не видно»[35]. Оно свидетельствует, что уже в начале XIX в. примыкавшая к Амуру часть крепости отсутствовала в результате обрушений берега.

В 1854 г. расположение Албазинского острога было осмотрено со сбором подъемного материала участниками амурского сплава. В 1855 г. съемку топоплана острога и цинского лагеря провел Р.К. Маак, приложивший к топоплану описания русских и китайских укреплений[36].

В 1949 г. Г.С. Новиков-Даурский осуществил осмотр острога и сделал его краткое описание[37]. На протяжении многих десятилетий большую работу по сохранению территории острога, сбору и музеефикации артефактов проводила основательница албазинского музея А.Н. Дорохина. Расположенный рядом с острогом музей с. Албазино является одним из центров сохранения и популяризации военной истории XVII в.

В 1974–1980 гг. отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН) провел первые раскопки на остроге, в которых приняли участие профессиональные археологи — С.Г. Глинский, Б.С. Сапунов, В.В. Сухих, а также студенты Благовещенского государственного педагогического института[38]. Археологические исследования были продолжены в 1988–2002 гг. Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. В 2001–2002 гг. археологическая разведка в окрестностях Албазина с целью поиска Спасского монастыря и других объектов проведена сотрудниками лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета под руководством А.П. Забияко[39]. В 2007 и 2013 гг. в рамках спасательных археологических работ

---

[35] Бичурин Н.И. Статистическое описание Китайской империи. В двух частях. Часть вторая. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1842. — 350 с. — С. 217.

[36] Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. — СПб.: Типография Карла Вульфа, 1859. — 577 с. — с. 65–67.

[37] Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. — Благовещенск: Б.и., 1961. — 200 с. — С. 16–17.

[38] Глинский С.В., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7. — Благовещенск: Кн. изд-во, 1992. — С. 17–24.

[39] Забияко А.П., Кобызов Р.А., Волегов С.В. Этнорелигиозные контакты в приграничных районах Приамурья (по материалам полевых исследований) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. — Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. — Вып. 5. — С. 392–400.

на остроге проводили раскопки сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области (ЦСН) под руководством Н.Н. Зайцева, Д.П. Волкова, С.В. Коваленко[40]. С 2011 г. на территории острога и окрестностей Албазина регулярно ведет работу Албазинская археологическая экспедиция под руководством А.Н. Черкасова. Экспедиция проводит археологические исследования в сотрудничестве с ЦСН и Амурским государственным университетом, а также ведущими научными центрами изучения средневековой археологии[41].

Албазинский и другие укрепленные поселения XVII в. на Дальнем Востоке являются объектом историко-архитектурных исследований Н.П. Крадина[42]. Исторической реконструкции Албазинского острога посвящены труды В.И. Трухина[43]. Одним из итогов работы в этом направлении стало создание В.И. Трухиным, И.Е. Ереминым, А.В. Нацвиным, А.Ю. Лоховым на основе 3D-технологий наиболее полного макета Албазинского острога 1685 г., экспонируемого в Научном музее Амурского государственного университета[44].

Антропологии русских защитников Албазина посвящены исследования Д.П. Пежемского и Н.А. Лейбовой[45].

В 2017 г. в Москве в Музее-заповеднике «Коломенское» был возведен в натуральную величину фрагмент деревянного Албазинского острога. В 2023 г. в парке «Патриот» близ г. Благовещенска завершены работы по возведению полной копии Албазинского острога 1685 г. В 2024 г. построенный комплекс дополнен музейной экспозицией, посвященной освоению Приамурья в XVII веке.

---

[40] Савченко Т.П. История исследования Албазинского острога // Современные научные исследования на Дальнем Востоке. – Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. ун-т, 2011. – С. 262–263; Коваленко С.В. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок на городище «Албазинская крепость». – Благовещенск, 2013.

[41] Черкасов А.Н., Беляков А.О., Вальчак С.Б., Чхаидзе В.Н. Исследования Албазинской археологической экспедиции в 2011–2012 годах // Традиционная культура Востока Азии.– Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. – Вып. 7. – С. 222–230; Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.

[42] Крадин Н.П. Крепость Албазин. Оборонное строительство на северо-востоке Русского государства в XVII веке // Россия и АТР. – 1992. – № 1. – С. 67–79; Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 109–110.

[43] Трухин В.И. «Росписной список» Албазинского острога (1674) // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 3. К 200-летию императора Александра II. – СПб.: Президентская библиотека, 2018. – С. 178–188; Трухин В.И. Албазинский острог от «росписи» до «росписи» // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. – СПб.: Президентская библиотека, 2020. – С. 200–215.

[44] Еремин И.Е., Коробий Е.Б., Нацвин А.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Высокотехнологичный макет Албазинского острога // Информатика и системы управления. – 2021. – № 3 (69). – С. 3–24.

[45] Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с. – с. 193–224.

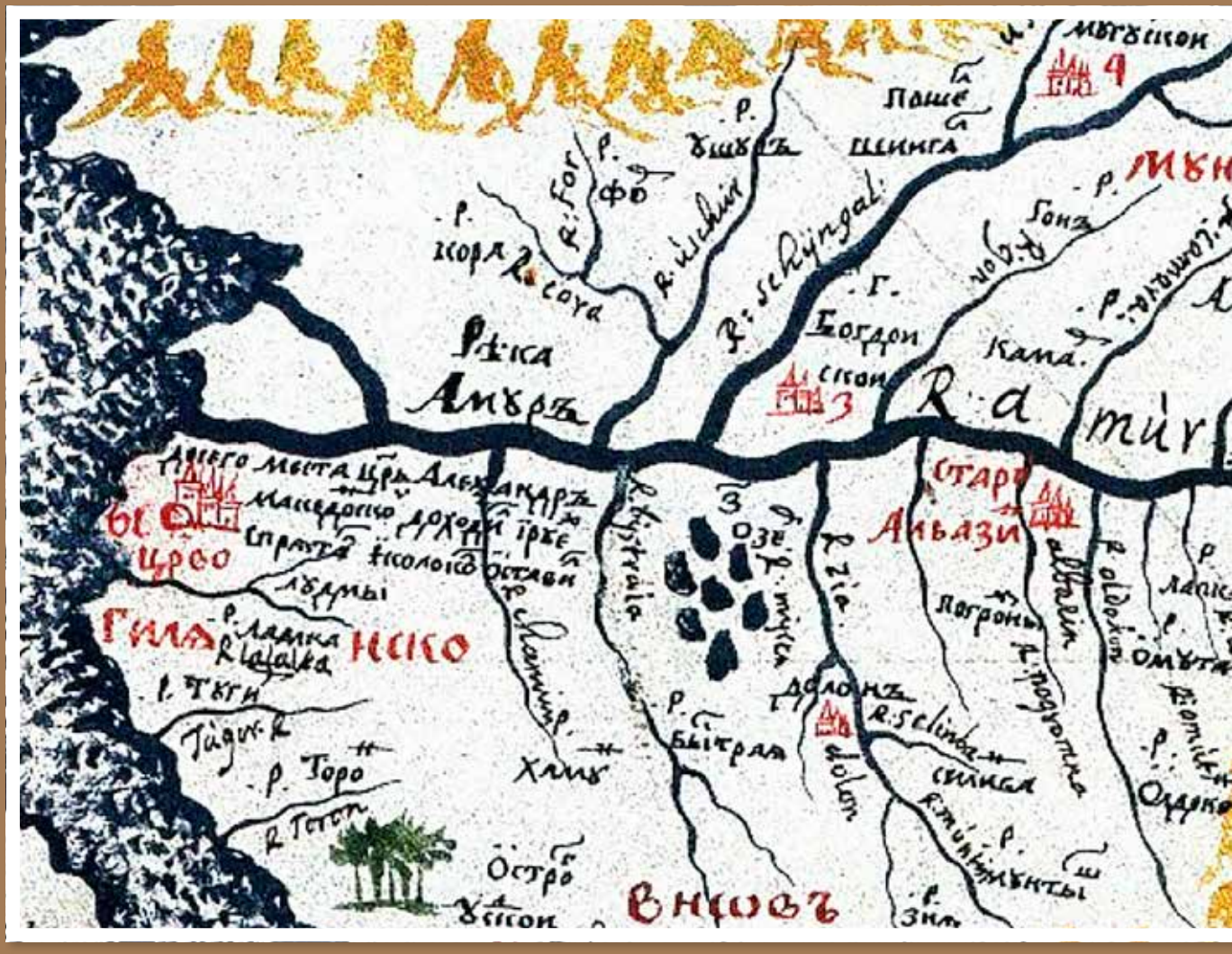
Албазинский острог. Копия. Парк «Патриот», г. Благовещенск. 2024 г.

ДОЛОНСКИЙ ОСТРОГ

К 1686 г. на территории учрежденного в 1682 г. Албазинского воеводства было отстроено, кроме Албазинского, еще три небольших острога, располагавшихся на р. Зее — Долонский (устье р. Долонец), Селинбинский (устье р. Селемджи), Верхнезейский (верховья Зеи).

Сохранились достаточно полные сведения о Долонском остроге. Он был возведен посланными из Албазина в 1680 г. казаками под предводительством Г.С. Стефанова. Острог был заложен ниже устья Селемджи, в устье впадающей в Зею р. Долонец. Особенность Долонского острога заключалась в том, что он должен был в ближайшем будущем стать укрепленным поселением для защиты русского крестьянского населения. Место для острога было выбрано прежде всего из соображений наличия поблизости пахотных земель, пригодных для поселения в этих местах пашенных крестьян. Нерчинский воевода Воейков докладывал в 1682 г. в Москву: «...И в нынешнем, государь, во 190 году Февраля в 22 день писал ко мне холопу твоему с Зии реки из Зийского острогу Нерчинской сын боярской Игнатей Милованов и прислал в Нерчинской острог чертеж Зийских и Селенбинских острогов и ясачных зимовей и пахотной земли, а в отписке, государь, его Игнатьеве написа-

но: приехал де он Игнатей на Зию реку, ниж Селинбы реки, на усть Долонца речки поставлен Албазинскими казаками острожек, одни стены подоле трех сажен, а другия стены полтретьи сажени печатных, у того острогу изба четырех сажен, а на остроге и на избе верхней бой и вышка для караулу, и в том месте на усть Долонца, по край Зии реки, на берегу, острогу быть пригоже, и хлебородные места есть, и пашенных крестьян селить есть где; (...) вылуговых старых пашень много, и ялани есть, хлебородные места и сенные покосы и всякие угодья есть же»[46].

Казакам удалось распахать пашню, собрать первые урожаи. Вскоре, однако, из-за Долонского острога развернулась отраженная в дипломатической переписке тяжба с Цинскими властями. Ситуацию обостряли начавшиеся поблизости от него военные стычки. Чтобы избежать крупного конфликта, русская сторона предпочла временно оставить острог. Но вернуться в него казакам уже было не суждено из-за приближавшейся войны.

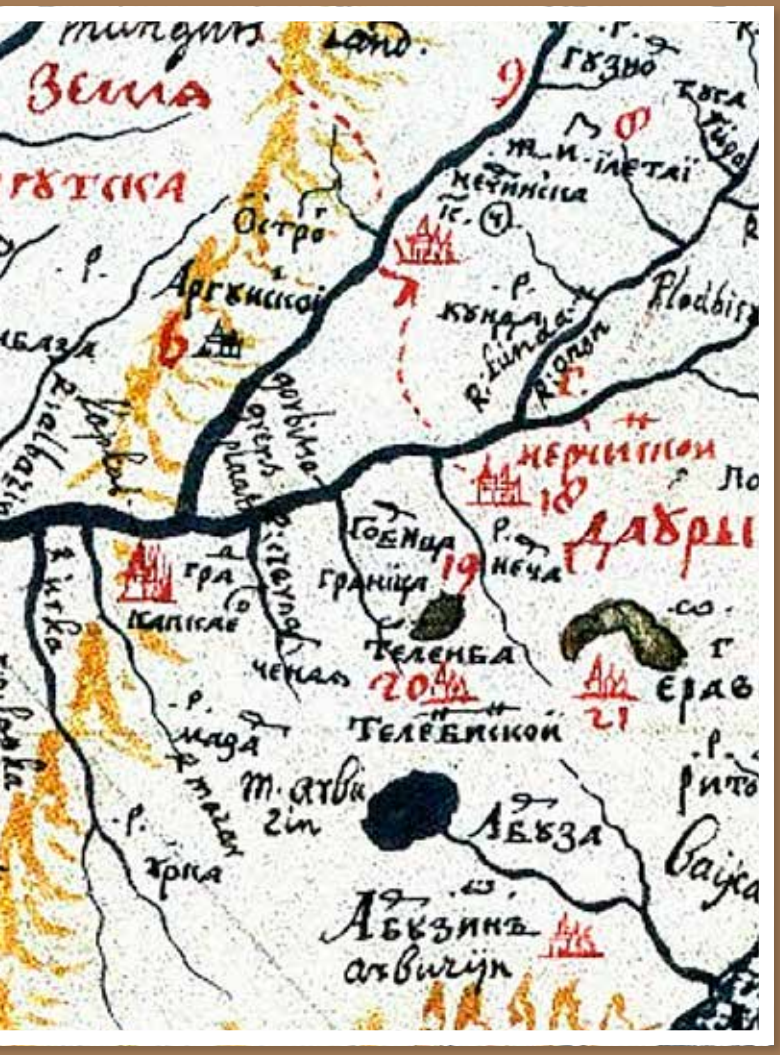
Кроме острогов, на Зее и на других притоках Амура располагались зимовья «для ясашного сбора». Типичное ясачное зимовье представляло собой прямоугольную бревенчатую постройку с надстроенным «верхним боем, а пред зимовьем сени прирубные с верхним же боем с зимовейным в повал»; длина стен в среднем могла достигать 3–4 печатных сажен, т. е. около 7–9 м[47].

К концу 1686 г. Долонский и другие остроги, ясачные зимовья по Зее и Селемдже были оставлены русскими и разрушены противником. Их точное местоположение не установлено.

---

[46] Отписка царю нерчинского воеводы Федора Воейкова о походе на Зею и на Селинбу сына боярского Игнатья Милованова 1682 г. марта 22 // Дополнения к актам историческим. Т. 7. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. — С. 368–369.

[47] Акты, относящиеся до путешествия через Сибирь в Китай посланника Николая Спафария, XXIII // Дополнения к актам историческим. Т. 7. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. — С. 369.

Долонский и Албазинский остроги в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г.

РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ

Укрепление военно-политического потенциала Российского государства в XVII в. определило более активную внешнюю политику в восточном направлении, продиктованную расширением границ, интеграцией местных народов в политико-правовое пространство России, хозяйственным освоением необъятных просторов Сибири, а также расширением источников поступления «мягкой рухляди», высоко ценимой на европейском рынке. Стихийность процесса проникновения в Сибирь после падения Сибирского ханства сменилась более основательным курсом: продвигаясь по крупным сибирским рекам, отряды казаков, служилых людей основывали многочисленные зимовья, которые сначала становились опорными и перевалочными базами, а в дальнейшем разрастались в крупные остроги. Присоединение этого обширного региона стало важной вехой в историко-культурном развитии России, превратившей ее в евразийскую державу. Вместе с тем выход на азиатские рубежи поставил перед страной ряд сложных внешнеполитических задач, касавшихся прежде всего взаимодействия с кочевыми народами и государствами Внутренней Азии[1].

Процесс освоения Байкальской Сибири, являясь, безусловно, важной государственной задачей, реализовывался за счет инициативы малочисленных отрядов, ставших авангардом российской колонизации. Служилые люди, следовавшие указу приводить новые народности в подданство «лаской и приветом», на практике во время продвижения в Азию зачастую сами определяли направления и механизмы колонизации, post factum обретавшей вид государственной стратегии. Как отмечает академик РАН Б.В. Базаров, присоединение территорий Восточной Сибири, включавшей обширные земли «братских народов», как называли бурят русские первопроходцы, было сложным и неоднозначным, однако поступательным и восходящим[2]. Несмотря на имевшиеся случаи произвола со стороны первопроходцев по отношению к местному населению, исследователи подчеркивают самостоятельность и прогрессивность присоединения народов, расселенных на территории современной Бурятии, к Российскому государству. Так, возможность закрепления за Россией громадных относительно густонаселенных областей Забайкалья весьма малочисленными отрядами русских смельчаков Л.К. Минерт объяснял добровольным присоединением бурятского и эвенкийского народов, обусловленным обретением ими пути к миру и спокойной жизни в составе Российского государства[3]. Исторический выбор, определивший преимущества подданства «Белого царя» в сложных геополитических условиях постоянных набегов крупных и мелких монгольских владетелей и угрозы попадания в зависимость от империи Цин, спустя 350 лет был закреплен концепцией «добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства» на государственном и академическом уровнях. Экс-президент Республики Бурятия, сенатор Российской Федерации В.В. Наговицын отмечал, что вхождение Бурятии на добровольных началах в состав Российского государства имело важное историческое значение, т. к. означало оформление юго-восточных границ Российской империи в Азии. Тем самым были заложены базовые условия расширения внешнеполитических интересов России на области Центральной и Юго-Восточной Азии, в первую очередь во взаимоотношениях с Китаем[4].

По мере русского продвижения на восток функции острогов — форпостов российского имперского пространства на территории Забайкалья — были сосредоточены на решении пограничных задач: приведение в подданство монголоязычных племен, сбор ясака, хозяйственное освоение территории, урегулирование противоречий и конфликтов среди местных племен, защита от набегов монгольских князей, выстраивание отношений с Цинской империей. Остроги в Байкальской Азии, где при ведении преимущественно кочевого образа жизни традиция градостроительства не получила развития, стали не только военными, экономическими и административными центрами, но и опорными пунктами формирования качественно иной для монголоязычных племен политической культуры подданства[5].

Осенью 1648 г. отряд сына боярского Ивана Галкина в составе 60 человек основал первый

---

[1] Базаров Б.В., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В. Форпосты Российского государства на монгольском пограничье: от сибирских острогов до границы с империей Цин // Российская история. — 2018. — № 5. — С. 60.

[2] Базаров Б.В. К 350-летию присоединения Бурятии к России: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX веков // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России [Текст]: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров, отв. ред. Л.В. Курас. — Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2011. — С. 6.

[3] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 7.

[4] Наговицын В.В. 350 лет добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства // Власть. — 2011. — № 5. — С. 5.

[5] Базаров Б.В., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В. Форпосты Российского государства на монгольском пограничье: от сибирских острогов до границы с империей Цин // Российская история. — 2018. — № 5. — С. 61–62.

русский острог в Забайкалье — Баргузинский острог, один из опорных пунктов освоения края, служивший короткое время до основания Даурского воеводства военно-административным центром проникновения русских людей в Забайкалье. Миссия отряда Галкина состояла в строительстве острога, который следовало «всякими крепостями укрепить накрепко и с того острогу призвать к себе тамошних иноземцев, а также собирать информацию об окрестных народах, государствах, подлинно проведать про золотую и серебряную руду»[6]. Острог возвели на правом берегу одного из рукавов р. Баргузин между устьями ручьев Банного и Нелерчи в 42 км от впадения реки в оз. Байкал[7]. Спустя 20 лет после основания в Баргузинский острог платили ясак представители семи тунгусских родов общей численностью до 200 человек. В конце XVII в. Баргузинский острог состоял из 4-угольной крепости с 2 проездными башнями. В нем располагалась Спасская церковь с приделом Николая угодника и Преображенская церковь.

В феврале 1736 г. Баргузинский острог посетил С.П. Крашенинников, оставив детальное описание: 4-угольный тыновый острог имел проезжую башню в западной стене, включал казенный двор, приказную избу, амбар, в верхнем этаже которого помещалась ясачная, а в нижнем — пороховая казна. Пожар 1734 г. уничтожил все эти постройки и обе башни, оставив только несколько звеньев острога. К острогу было приписано 6 родов ясачных тунгусов общей численностью 144 человека[8]. Острог имел размеры 100×40 сажень или 216×86,4 м. Его вооружение состояло из 2 медных пушек и 100 ядер к ним, а также 2 пищалей с 96 ядрами и 16 самопалов. В остроге проживало 78 человек[9]. Академик И.Г. Георги, посетивший Баргузин в 1772 г., отметил, что «здесь все еще сохраняются острожные постройки, вокруг которых размещено 15 обывательских дворов. Внутри острога — канцелярия, магазин, несколько артиллерийских орудий. Все постройки в Баргузине деревянные, рядом с остатками острога на другом берегу речки — две деревянные церкви: Спасо-Преображенская и Николаевская. Гарнизон из 41 казака проживает в ближайших селениях. Население самого Баргузина — чуть больше 200 чел.»[10] В 1783 г. Баргузин был определен уездным городом Нерчинской волости.

В 1658 г. отрядом А.Ф. Пашкова между Большим и Малым озерами Телемба был основан Телембинский (Теленбинский) острог[11]. В 80-х гг. XVII в. Телембинский острог был единственным местом в Восточном Забайкалье, где добывалась железная руда и выплавлялось железо[12]. «Согласно перечневой книге 1715 г., острог окружали тыновые стены периметром 32 сажени (69,1 м), с одной проездной башней и двумя избами в стене с аманатами. Вооружение острога составляли: затинная железная пищаль весом три пуда с 27 ядрами, семь пудов пороха и 497 пищальных кремней. Приказчиком острога был Григорий Куделин»[13]. По описанию академика Г.Ф. Миллера, в 1735 г. к острогу были приписаны 10 небольших деревень и платили ясак 7 тунгусских родов общей численностью 195 человек[14]. Острог окончательно утратил свое значение к концу XVIII в. Остатки Телембинского острога, находящиеся на восточной стороне протоки, соединяющей оз. Телемба и Бочкарева, в 2008 г. были обследованы археологическим отрядом НПО «Байкал-Экспедиция» под руководством П.Е. Марнуева. Памятник археологии имеет статус выявленного объекта археологического наследия[15].

---

[6] Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). – Иркутск: Оттиск, 2019. – 508 с. – С. 14.

[7] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 81.

[8] Крашенинников С.П. С.П.Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы / подг. текста, вступ. статья Н.Н. Степанова / АН СССР. Сибирск. отд-ние. – М.; Л.: Наука, 1966. – 239 с. – С. 130, 137.

[9] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIIIвв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 86.

[10] Цит. по Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). – Иркутск: Оттиск, 2019. – 508 с. – С. 44.

[11] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / АН СССР. Сибирск. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 185, 186.

[12] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIIIвв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 131.

[13] Там же.

[14] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / АН СССР. Сибирск. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 206, 207.

[15] Памятники археологии. Т. II. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / науч. ред. П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: ООО «НоваПринт», 2011. – 392 с. – С. 135.

В 1665 г. енисейского острога казачий пятидесятник Гаврила Ловцов и десятник Оська Васильев с товарищами подали приказчику Баргузинского острога стрелецкому и казачьему голове Первому Самойлову челобитную отпустить их на р. Селенгу для возвращения в русское подданство бежавших туда «братцких людей и для ради острожного ставления». Получив разрешение, казаки поднялись вверх по Селенге и 27 сентября (7 октября) 1665 г. возвели на правом берегу р. Селенги, в 7 км от устья впадающей в нее р. Чикой, Селенгинский острог. Первоначально в остроге находилось 85 человек, среди них 16 служилых людей из Баргузинского острога и «охочие новоприборные казаки». Острог имел тыновые стены высотой 5,4 м и периметром 128 м с четырьмя башнями по углам. Последние были с обламами и крытыми дозорными вышками. Вокруг острога возвели «крепь, ров, чеснок и надолбы»[16].

Селенгинскому острогу, как справедливо отмечал А.Р. Артемьев, с момента своего основания суждено было стать местом дипломатических встреч. Отсюда в 1665 г. отправился О. Васильев с небольшим отрядом с целью призвать в русское подданство монгольского Цецен-хана, который по итогам переговоров направил к царю Алексею Михайловичу послов с письмом и подарками. Однако по пути в Москву послы сбежали весной 1666 г. во время зимовки в Иркутском остроге. В 1668 г. через Селенгинский острог пролегал путь сына боярского И. Перфильева, ездившего с дипломатической миссией к Цецен-хану. А в 1675 г. Н.Г. Спафарий, проезжавший через острог по пути в Китай, отметил: «... тот острог лучше всех украинских сибирских острожков... а паче всех лучше мочно завести в нем торг великой, потому что Китайское государство недалеко, как ниже сего написано, а Мунгалы кочуют везде кругом зело много и торгуют с казаками: продают кони, и верблюды и скот, также и всякие китайские товары; только в остроге Русских людей немного, и торговать не кому»[17]. В январе 1688 г. в Селенгинск прибыл посол Ф.А. Головин, следовавший в Пекин с целью установления мира между Россией и Цинским Китаем. Сюда же прибыло посольство Тушету-хана с предложением обсудить спорные вопросы, касающиеся, в частности, «возвращения» ясачных бурят, кочевавших между Селенгинским и Удинским острогами. Не дав времени обдумать это предложение, монгольские феодалы взяли Селенгинский острог в осаду, которая продолжалась 3 месяца, отрезав Ф.А. Головина от своего полка, зимовавшего в Удинском остроге. Защитники острога стойко выдержали осаду и попытки приступа, а прибывшие на подмогу московские стрельцы заставили отступить монгольские отряды[18]. В 1725 г. в Селенгинск прибыл граф С.В. Рагузинский, инициировавший строительство новой Селенгинской крепости с целью укрепления обороноспособности государства. В строительстве этой крепости принимал участие прадед А.С. Пушкина — А.П. Ганнибал.

В связи с тем, что к концу XVIII в. административные функции управления краем сосредоточились в Верхнеудинске, а торговые — в Троицкосавске, Селенгинск утратил былое значение. К тому же пожары 1780, 1781 и 1783 гг. нанесли городу непоправимый урон, в результате чего жители его покинули[19]. В 1822 г. город Селенгинск был выведен за штат.

Месторасположение старого Селенгинска было обследовано экспедицией под руководством А.Р. Артемьева осенью 1991 г., в ходе которой было установлено, что на его территории сохранился каменный Спасский собор, строившийся с 14 мая 1784 г. по 13 июня 1789 г.[20].

В 1675 г. на восточном берегу Малого Еравного озера по распоряжению приказчика Баргузинского острога сына боярского Богдана Несвидаева был основан Еравнинский острог с целью перевода сюда ясачных тунгусов киндигирского рода Нелтия и Калбея «с родниками своими» с озера Баунт, где они обитали ранее. Просьба тунгусских князей о переселении определялась поиском более благоприятных условий для разведения коней при отсутствии иных способов добычи средств к пропитанию. В 1675 г., по свидетельству Н.Г. Спафария, были возведены башни острога и 6 дворов, в которых проживало

---

[16] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIIIвв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 81, 134.

[17] Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году / сост. Ю.В. Арсеньев // Записки ИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1882. – Т. 10. – Вып. 1. – 215 с. – С. 127.

[18] Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – М.: Наука, 1987. – 235 с. – С. 56.

[19] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1977. – 190 с. – С. 143; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 150.

[20] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Владивосток, 1997. – 459 с. – С. 150.

15 служилых людей. Согласно городовому списку 1704 г., острог имел тыновые стены, ограждавшие прямоугольную площадку размерами 7×3 сажени (15,1×6,5 м), и 2 избы в стене[21]. В 1735 г. к Еравнинскому острогу в качестве плательщиков ясака были приписаны 5 тунгусских родов общей численностью 92 человека, при этом деревень, относящихся к острогу, в Еравнинском дистрикте не было[22]. К концу XVIII в. острог постепенно утратил военные и административные функции и пришел в запустение.

В 1679 г. в устье р. Итанцы (правый приток р. Селенги) на месте современного села Острог Прибайкальского района Республики Бурятия был возведен Итанцинский острог с целью укрепления обороны Забайкалья, защиты местного населения от набегов монгольских ханов и сбора ясака. «По списку 1704 г. Итанцинский острог был окружен тыновыми стенами периметром 14,5 сажень (31,3 м) и высотой 2 сажени (4,32 м). Вооружение острога состояло из 60 самопалов, в том числе одной пищали-винтовки, два знамени "дрогильныя и одно знамя кумачевое", 21,6 кг пороха с мешком и 92 кг свинца»[23]. К острогу была приписана 21 деревня. Эти деревеньки в 2–3 двора протянулись вдоль р. Итанцы на 55–60 верст: Сухинская, Угрюмово, Улан-Челотовское, Добрынино, Захарово, Костромино, Иркилик, Петрушево, Верещагино, Карымская, Зырянская, Утатейская, Ловцово, Ангарская, Батранино, Батурино, Плюснино, Гурылево, Игумново, Родионово[24]. В 1735 г., по сведениям Г.Ф. Миллера, к острогу относилось 28 деревень и было приписано 11 бурятских родов общей численностью 1751 человек[25]. В 1775 г. посадское население Итанцинского острога составляло 50 человек, приписных крестьян — 133, в то время как ясачных людей за ним уже не числилось. Спустя четверть века острог запустел, при этом отдельные деревеньки, приписанные к острогу, существуют и сегодня в виде сел Прибайкальского района Республики Бурятия.

В октябре 1665 г. было основано Удинское зимовье, положившее начало истории города Улан-Удэ — современной столицы Республики Бурятия. В 1679 г. на месте Удинского зимовья был основан Удинский острог. В 80-х гг. XVII столетия в официальной переписке Удинское зимовье именуется острогом, что отражает расширение и усиление его укреплений и вместе с тем возрастающее административное значение[26]. К XVIII в. острог состоял из крепости с начавшим формироваться посадом. Крепость, очень удачно расположенная и хорошо укрепленная в 1688 г. по приказу Ф.А. Головина, служила надежным убежищем для населения во время нападения со стороны монголов: она была защищена четырьмя башнями, там же хранились все стратегические запасы — порох, оружие и продовольствие. Посадское население вполне могло укрыться в небольшой крепости ввиду его немногочисленности: в 90-е гг. XVII в. в посаде проживало всего 6 семей. В 1696 г. в Удинске была возведена церковь Всемилостливого Спаса. В 1727 г. на плане Удинска, который выполнил М. Зиновьев, зафиксирован новый острог, расположенный на низменной террасе и примыкающий к крепости с запада[27]. В 1775 г. Удинск получил статус города, став центром Удинской провинции. При этом Удинский город еще долгое время продолжал именоваться острогом, ввиду сложившейся традиции употребления названия «острог» в широком смысле для всех укрепленных пунктов[28]. Административное и экономическое значение Удинска резко возросло. Вместе с тем к концу XVIII в., в связи с утратой значения военного форпоста после установления добрососедских пограничных отношений и взаимовыгодных торговых связей с Китаем, Удинская крепость служила лишь складом и тюрьмой. Ввиду этого сооружения крепости со временем обветшали, разваливались «от гнилости» и заносились песком[29]. Удинский острог просуществовал до начала XIX в., когда указом императора России

---

[21] Там же. С. 134, 162.

[22] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / АН СССР. Сибирск. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 186, 199, 207.

[23] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 164, 165.

[24] История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII — начало XX в. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 624 с. — С. 106.

[25] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г. Ф.Миллера как источник по истории Сибири / АН СССР. Сибирск. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 199–201, 207–209.

[26] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 153.

[27] Там же. С. 158.

[28] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 25.

[29] Там же. С. 30.

от 6 мая 1812 г. городским властям Верхнеудинска было разрешено снести сохранившиеся остатки деревянной крепости[30].

Летом 1688 г. на месте Ильинской слободы в 10 верстах ниже устья р. Итанцы на левом берегу р. Селенги был построен Ильинский острог периметром 230 саженей. С целью обороны острога были доставлены 4 пушки и 16 пудов пороха. По данным 1775 г., в Ильинском остроге проживало 62 человека разночинцев и дворян, 623 посадских человека и было приписано к нему 594 человека крестьян[31]. Однако соседство с динамично развивающимся Удинским острогом не позволило Итанцинскому острогу перерасти в крупное городское поселение. Сегодня на месте, где располагались Ильинский острог и Ильинская слобода, находится село Ильинка Прибайкальского района Республики Бурятия.

В 1692 г. в отписке приказчика Степана Казанца впервые упоминается Кабанский острог на месте Кабаньей заимки. При этом Кабанск получил статус «острога» без строительства вокруг него оборонительных укреплений. По данным 1775 г., в Кабанском остроге проживало 6 разночинцев и дворян, 250 человек посадских, 37 цеховых и было приписано к нему 306 человек крестьян[32].

В июне 1727 г. на месте русского сторожевого поста Барсуковское зимовье по приказу графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского была заложена Ново-Троицкая крепость, часто упоминаемая под названием Троицкосавская крепость в честь имени ее основателя и дня основания — праздника «Троицын день». Позднее крепость вместе с Кяхтинской торговой слободой превратились в город Троицкосавск, ставший форпостом на Востоке России. Главным сооружением форпоста стал Гостиный двор, где 25 августа 1728 г. состоялся первый торг, в котором приняли участие 10 русских и 4 китайских купца[33], ознаменовав выдающуюся историческую судьбу будущего крупного пограничного торгового города на маршруте Великого чайного пути. Согласно плану академика Г.Ф. Миллера, составленному в 1735 г., крепость имела форму прямоугольника размерами 192×128 м, по территории крепости проходила р. Кяхта. Внутри укрепления находились Троицкая церковь, офицерские и солдатские казармы, хлебные амбары и сарай с артиллерийскими припасами. Севернее крепости стояли дома офицеров и солдат, а в полукилометре от нее — большой прямоугольный дом казарм пограничной охраны[34]. В 1743 г. по Указу Сената Кяхтинский форпост получил статус торговой слободы. С 1772 г. Кяхта стала единственным пунктом, через который осуществлялась легальная русско-китайская торговля[35]. В начале XIX в. Троицкую крепость снесли. В XX столетии город был переименован в Кяхту.

20 августа 1727 г. был подписан Буринский трактат, согласно которому в общих чертах определялось направление русско-китайской границы на монгольском участке. В том же году был составлен Кяхтинский договор о границах и торговле, подписанный в 172 г. Оформление государственной границы на монгольском участке российско-цинского пограничья и укрепление торговых отношений между двумя странами предопределили изменение назначения острогов в Западном Забайкалье. Из оборонительных форпостов фронтирного движения Московского царства они должны были превратиться в административные и экономические центры окраины Российской империи. Однако пути продвижения казаков, на которых возводились остроги, не всегда совпадали с новыми торгово-экономическими маршрутами. «Основанные в качестве военно-опорных пунктов остроги быстро теряют свое стратегическое значение. Как населенные пункты продолжают развиваться только те из них, росту экономики которых благоприятствовали условия»[36]. В новых исторических условиях одни остроги (Удинский, Баргузинский, Троицкосавский), став городами, вступили в эпоху динамичного развития, другие, утратив былое значение, постепенно приходили в запустение.

---

[30] Бураева О.В., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. У истоков сибирского города // Вопросы истории. — 2019. — № 10. — С. 116.

[31] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс … доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 177.

[32] Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII века и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. — 1998. — № 5. — С. 145.

[33] Цыденова Л.Б. Необычайная Кяхта. — Улан-Удэ, 2018. — 176 с. — С. 15.

[34] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования): дисс … доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 194.

[35] Цыденова Л.Б. Необычайная Кяхта. — Улан-Удэ, 2018. — 176 с. — С. 18.

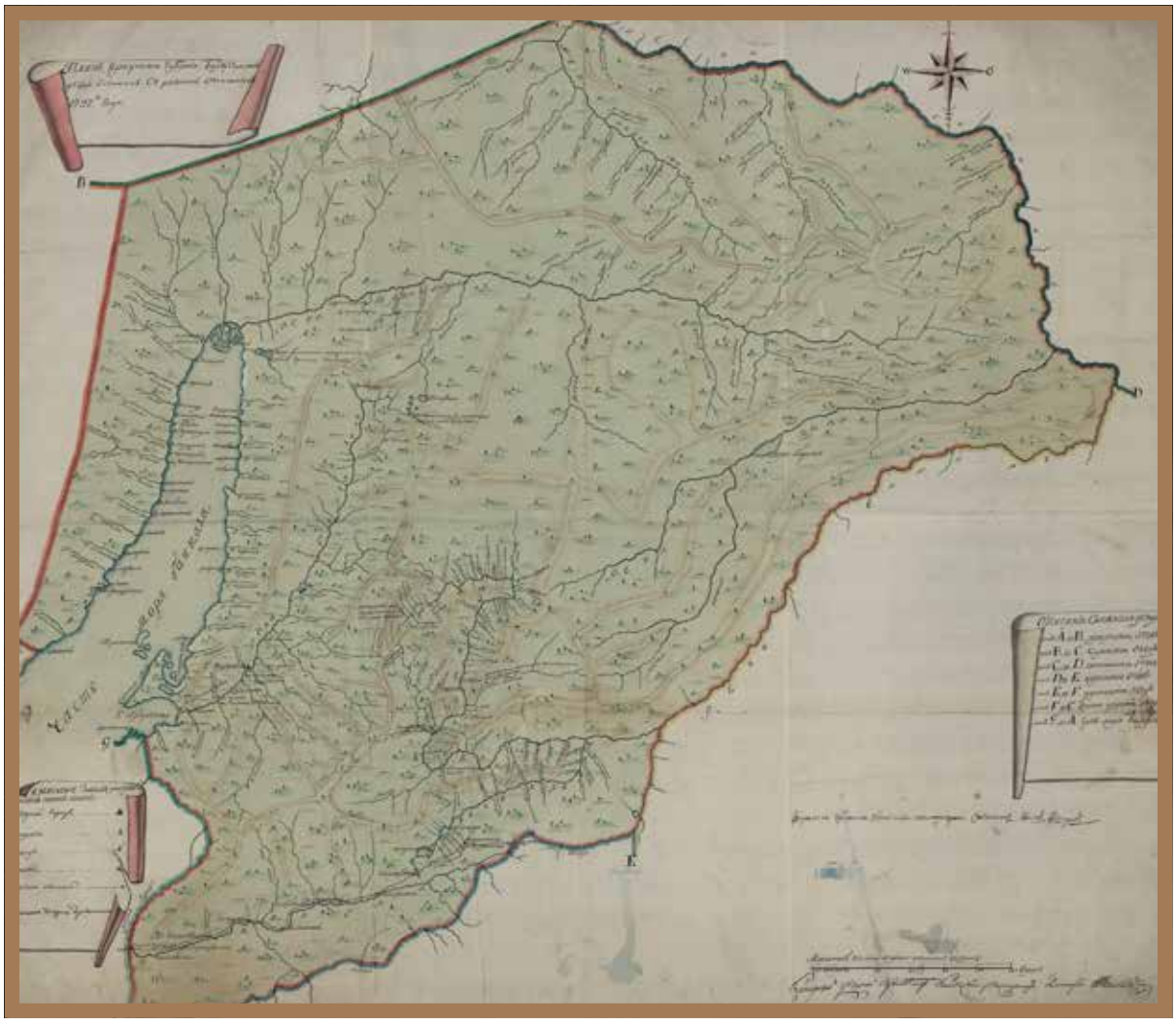
[36] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 7.

БАРГУЗИНСКИЙ ОСТРОГ

Баргузинский острог находится в центральной части с. Баргузин Баргузинского района Республики Бурятия (ул. Красноармейская), в устье р. Банной, на правом берегу одного из рукавов р. Баргузин, в 42 км от впадения р. Баргузин в оз. Байкал. В материалах к отводу зон охраны объектов археологического наследия исторического поселения пос. Баргузин острог обозначен как «Баргузин-XVII. Речка Банная». В районе основания острога установлена памятная стела с табличкой: «На этом месте в 1648 году казацким атаманом Иваном Галкиным был заложен Баргузинский острог».

Приказом Республиканской службы государственной охраны объектов культурного наследия Республики Бурятия №28 от 27.05.2009 были утверждены границы зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения пос. Баргузин, режимы использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон. На схеме границ зон охраны объектов культурного наследия пос. Баргузин выделена территория острога, рекомендованная к постановке на государственную охрану. В дальнейшем работы по установлению границ территорий

План Баргузинского уезда Иркутской губернии, 1797 г.

объектов археологического наследия, проводившиеся на территории Баргузинского района, так и не коснулись острога. Также не были проведены процедуры по выявлению острога как археологического памятника для включения его в перечень выявленных объектов археологического наследия Республики Бурятия.

Строительство Баргузинского острога в 1648 г. положило начало проникновению русских казаков в Забайкалье. Выделяя среди целей основания острога обложение ясаком новых народов, точное описание мест около Байкала, а главное — разведку золотых и серебряных месторождений, академик И.Э. Фишер отмечал важное значение Баргузинского острога в освоении Забайкалья: «от коего довольное время все завоевания по ту сторону Байкала зависели»[37].

Острог был возведен осенью 1648 г. отрядом казаков сына боярского Ивана Галкина на правом берегу одного из рукавов р. Баргузин, в 42 км от впадения реки в оз. Байкал. Он состоял из 2 рубленых проезжих башен и прямоугольной в плане ограды палисада, внутри которой были канцелярия, магазин и другие строения[38]. Острог имел размеры 100×40 сажень, или 216×86,4 м. Его вооружение состояло из 2 медных пушек и 100 ядер к ним, а также 2 пищалей с 96 ядрами и 16 самопалов. В остроге проживало 78 человек[39].

По предположению Т.С. Бреславской и Т.С. Филипповой, в 1648 г. казаками был установлен православный крест на высоком правом берегу Теплого ручья (Мельничный ручей, речка Банная) при его впадении в р. Баргузин. Высокий деревянный крест на крутом берегу р. Баргузин был запечатлен на рисунке 1832 г.[40] К началу XVIII в. в остроге располагались Спасская церковь с приделом Николая угодника и Преображенская церковь[41]. В 1834 г. рядом с местом основания острога стараниями местного купца Ивана Черных и местных жителей была возведена каменная Спасо-Преображенская церковь, переименованная в 1872 г. в Соборную[42]. В феврале 1736 г. Баргузинский острог посетил С.П. Крашенинников, в 1772 г. академик И.Г. Георги, оставившие его описание (смотри текст выше).

Земледелие в Баргузине, несмотря на достижение некоторых успехов, широкого распространения не получило, что было обусловлено главным образом опасением ликвидации соболиных угодий, а также непредсказуемыми природно-климатическими условиями и каменистым грунтом[43]. С ослаблением военно-политического значения, обусловленным строительством укрепленной линии острогов на юге Забайкалья во второй половине XVII в., Баргузинский острог становится центром сбора ясака на севере Забайкалья, куда до начала XVIII в. направляли ясак из Ангарского, Баунтовского и Кучидского острогов, постепенно превращаясь в один из центров «пушной торговли с Даурией»[44]. «Редчайшие черные» баргузинские соболя считались одними из самых красивых в Сибири и отличались необычайно высокой стоимостью. В то время как цена обычных соболей колебалась от 1 до 3 рублей за штуку, секретарь посольства в Китай А. Брант в 1693 г. отмечал, что сотрудники посольства покупали баргузинских соболей по цене от 8 до 50 рублей за пару. В 1669 г. в Баргузинский острог платили ясак представители 7 тунгусских родов общей численностью в 200 человек[45]. В 1691 г. в Баргузинском и других острогах случилось поветрие оспы, что привело к катастрофическим последствиям среди эвенкийского населения: умирали целыми родами, так что в опустевших стой-

---

[37] Фишер И.Э. Сибирская история с самаго открытия Сибири до завоевания сей земли российскимъ оружиемъ, сочиненная на немецкомъ языке и в собрании Академическомъ читанная членомъ Санктпетербургской Академии наукъ и профессоромъ древностей и истории, такъ же членомъ историческаго Геттингскаго собрания Иоганном Ебергардом Фишером. — СПб.: Императорская Академия наук, 1774. — 631 с. — С. 554.

[38] Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1983. — 192 с. — С. 132.

[39] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 86.

[40] Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). — Иркутск: Оттиск, 2019. — 508 с. — С. 19.

[41] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 84.

[42] Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). — Иркутск: Оттиск, 2019. — 508 с. — С. 73.

[43] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 85; Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). — Иркутск: Оттиск, 2019. — 508 с. — С. 31; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 98.

[44] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 87; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 98.

[45] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 86, 87.

Макет Преображенской церкви

Макет Спасской церкви

бищах хоронить было некому. Численность плательщиков ясака в 1693 г. сократилась до 75 человек[46]. В 1736 г. к острогу было приписано 6 родов ясачных тунгусов общей численностью 144 человека[47]. В середине XIX в. в Баргузинском округе открылись первые золотые прииски, что открыло новые перспективы для развития города.

Вместе с тем Баргузинский острог стал известным местом ссылки и наказания. В 1681 г. отмечен факт ссылки в острог «сынов боярских Юрия Крыженовского и Петра Ярыж-

[46] Бреславская Т. С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648-1927). – Иркутск: Оттиск, 2019. – 508 с. – С. 33.

[47] Крашенинников С.П. С.П. Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы / подг. текста, вступ. статья Н.Н. Степанова/ АН СССР. Сибирск. отд-ние. – М.; Л.: Наука, 1966. – 239 с. – С. 137.

Экспозиция

кина, провинившихся на службе в Охотском и Зашиверском острожках, с женами и детьми в пешую казацкую службу. Они чинили обиды и налоги великие, и соболи добрые и лисицы черные имали себе»[48]. В первой половине XIX в. г. Баргузин становится местом пребывания ссыльных декабристов М.К. Кюхельбекера и В.К. Кюхельбекера и других поселенцев, сыгравших большую роль в просвещении местного населения. С 40-х гг. XIX столетия в Баргузинском крае появилось много еврейских семей, сосланных на поселение из западных приграничных районов России, представители которых внесли большой вклад в экономическое развитие края[49].

С 1648 г. до образования в 1655 г. Нерчинского (Даурского) воеводства Баргузинский острог был военно-административным центром. В 1683 г. был приписан к Селенгинскому острогу, а в 1775 г. — к Удинской провинции Иркутской губернии. В 1783 г. Баргузин стал уездным городом Нерчинской области, в 1822 г. переведен в заштатный город. В 1927 г. Баргузин утратил статус города и был преобразован в село, сохранив при этом административное значение центра Баргузинского аймака. В 1973–2004 гг. за Баргузином был закреплен статус рабочего поселка. В 1990 г. Баргузин был включен в перечень исторических городов России и сохранял этот статус до 2010 г.[50] Сегодня село Баргузин является административным центром Баргузинского района Республики Бурятия.

Непосредственно на территории современного села Баргузин систематические археологические исследования, за исключением периодических обследований в рамках мероприятий по охране объектов культурного наследия, не проводились.

Первые сведения о древних следах пребывания человека в Баргузинской котловине принадлежат горному инженеру И.А. Лопатину, который в 1865 г. по заданию Сибирского отдела Русского географического общества прошел

[48] Цит. по: Бреславская Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927). – Иркутск: Оттиск, 2019. – 508 с. – С. 33.

[49] Гомбоев Б.Ц. Культовые места Баргузинской долины. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 287 с. – С. 22.

[50] Бреславская Т.С., Кальмина Л.В. Городская «биография» Баргузина: типичная нетипичность // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1. – С. 53.

Макет острога

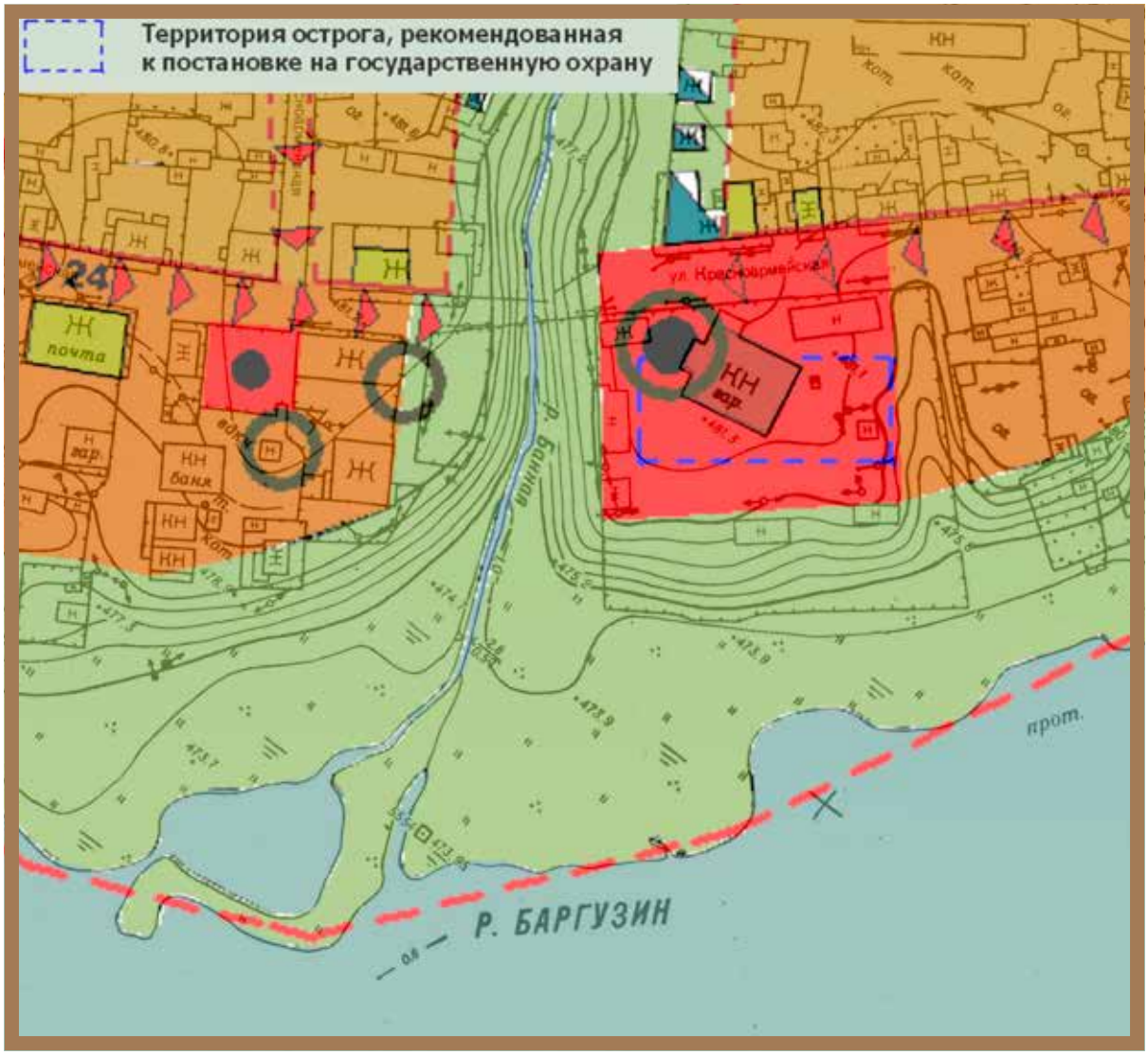
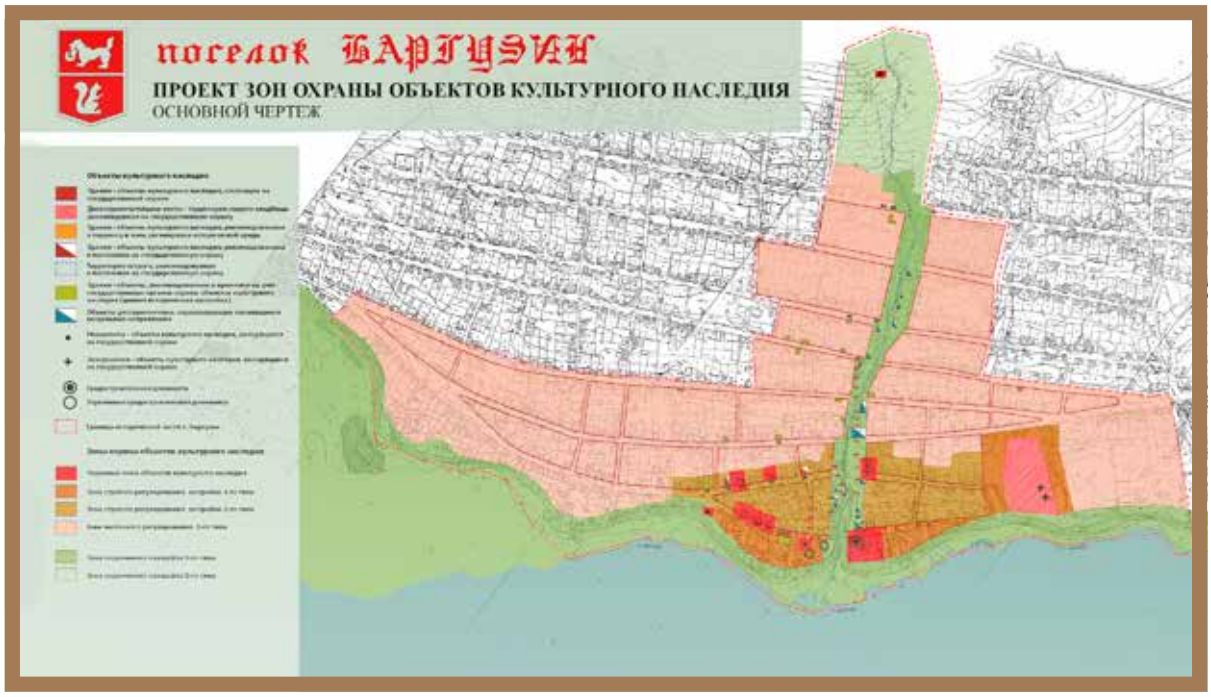
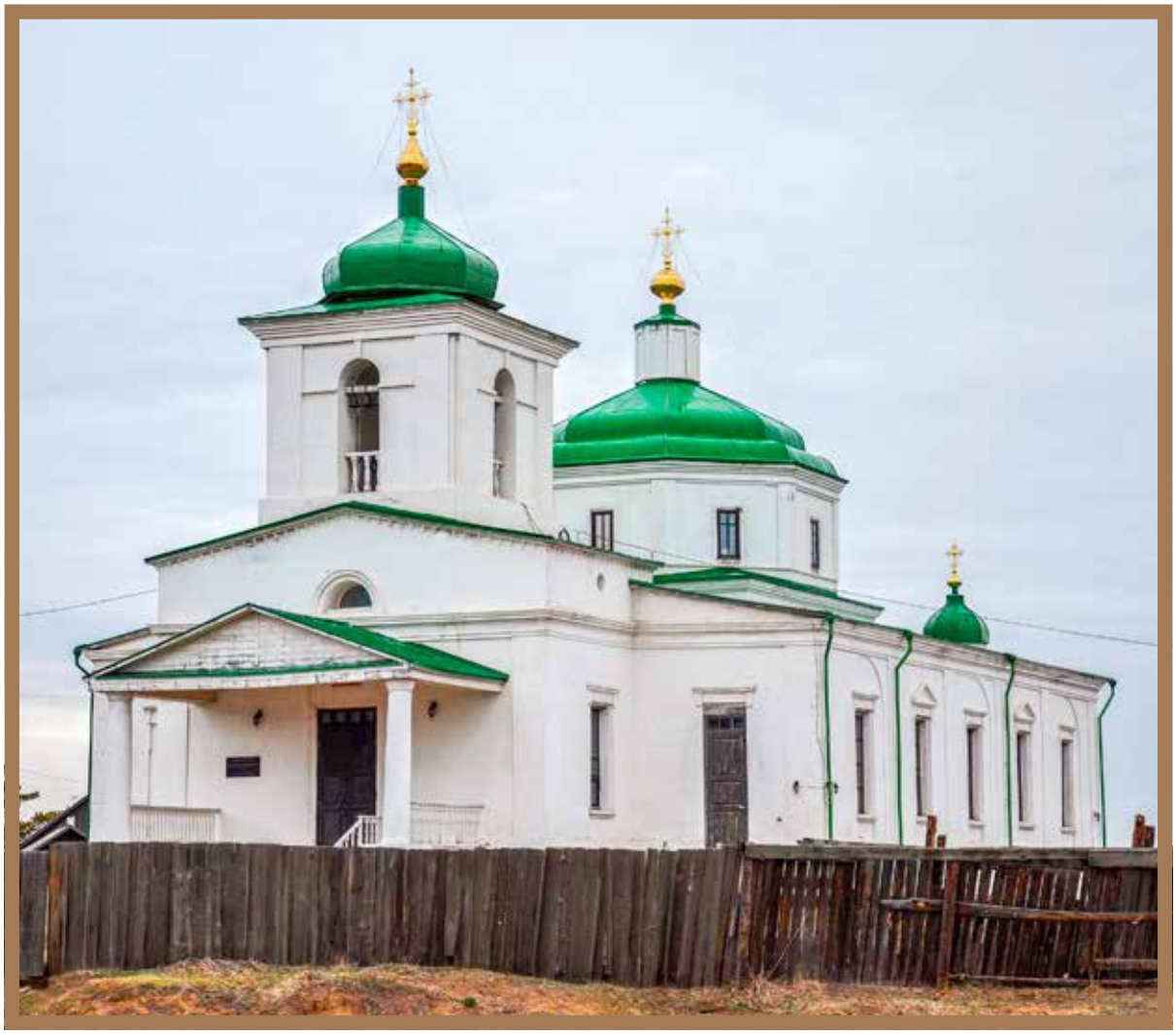

Схема острога Баргузин

Охранные зоны Баргузин

Спасо-Преображенский собор

всю долину р. Баргузин — от ее низовий до истока. И.А. Лопатин писал, что «...находят кости древних народов, здесь обитавших, по названию Баргутов, и что кости эти очень больших размеров... Крестьяне находили прежде железныя стрелы и небольшие сошнички, но медных орудий совсем не встречалось»[51]. Позднее П.П. Хороших, известный сибирский краевед, при обследовании долины р. Баргузин, зафиксировал не только новые археологические памятники, но и указал на бытующие до сих пор названия, имеющие отношение к баргутам[52].

В 1960-е гг. Е.А. Хамзиной были начаты археологические исследования в долине р. Баргузин[53]. В 1970-х гг. долину обследовали сотрудники производственного бюро по охране памятников в рамках работ по сбору материалов к планируемому Своду памятников истории, археологии и культуры. В 1979 г. на территории Баргузинской котловины работал Курумканский отряд ЛОИА АН СССР и ИИФФ СО АН СССР в связи с интенсивным проектированием и строительством осушительно-оросительных систем[54]. В 1986 г. археологические работы в Баргузинской котловине начинает Байкальский археологический отряд под руководством Б.Б. Дашибалова[55]. С 2007 г. археологические

[51] Лопатин И.А. Дневники Витимской экспедиции. – Записки ВСОРГО, 1895 г. – Т. 23. – Ч. 1. – 293 с.

[52] Хороших П.П. Тысячелетние памятники долины р. Баргузин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1962.

[53] Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. – 142 с.

[54] Асеев И.В. Исследования в долине р. Баргузин // Археологические открытия 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 189–190.

[55] Дашибалов Б.Б. Пояснительная записка к инвентаризации и картированию археологических памятников республики Бурятия (Баргузинский район). – Улан-Удэ, 1993. – с. 29 // Архив Комитета по государственной охране объектов культурного наследия МК РБ. № 61; Дашибалов Б.Б. Среднеазиатские торговые фактории в Баргуджин – Токуме // Древности Востока. – 2004. – С. 148–157; Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – 174 с.

Стела на месте основания Баргузинского острога

работы в Баргузинской долине проводит Б.А. Базаров[56].

За прошедшие годы исследований в Баргузинском районе на территории пос. Баргузин была выявлена серия объектов археологического наследия, представленных стоянками и поселениями. Особое место в их ряду занимает Баргузинский острог. Острог был выявлен в 1987 г. Л.В. Лбовой в ходе работ по проектированию планировки пос. Баргузин. По ее описанию, острог находится в центральной части поселка, на левобережье р. Банной, по ул. Красноармейской. Культурный слой XVII в. мощностью от 0,1 до 1,2 м. Слой содержит остатки изб, фрагменты керамики, оконной слюды, бытовые предметы из железа и кости животных. Археологический слой острога распространен на площади 200 кв. м[57].

В материалах к отводу зон охраны объектов археологического наследия историче-

[56] Базаров Б.А. Отчет об археологической разведке на территории муниципальных образований «Баргузинский район» и «Курумканский район» Республики Бурятия в 2007 г. – Улан-Удэ, 2008. // Архив Комитета по государственной охране объектов культурного наследия МК РБ; Базаров Б.А. Отчет об археологической разведке на территории муниципальных образований «Прибайкальский район», «Баргузинский район» и «Курумканский район» Республики Бурятия в 2008 г. – Улан-Удэ, 2009. // Архив Комитета по государственной охране объектов культурного наследия МК РБ; Базаров Б.А. Отчет об археологической разведке на территории Республики Бурятия в 2009 г. – Улан-Удэ, 2010. // Архив Комитета по государственной охране объектов культурного наследия МК РБ; Базаров Б.А. Промежуточные итоги изучения археологических древностей Баргузинской котловины (Байкальская рифтовая зона) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – Вып. 4. – С. 30-46.

[57] Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с. – С. 37.

ского поселения пос. Баргузин острог обозначен как «Баргузин-XVII. Речка Банная». В предложениях по охране рекомендовано данный объект археологического наследия подвергнуть историко-культурной экспертизе на предмет сохранности культурных горизонтов. Указано, что левый приустьевой мыс, помимо возможной сохранности археологических горизонтов, является вновь выявленным объектом культурного наследия — территорией Баргузинского острога[58].

На месте основания Баргузинского острога находится Спасо-Преображенский собор (Собор Преображения Господня в Баргузине), построенный в 1834 г. Л.К. Минерт характеризовал Спасо-Преображенскую церковь как самобытный памятник архитектуры русского классицизма. «Ее план — почти квадрат (22,26х24,22 м), к которому с запада примыкает пристрой колокольни со служебными помещениями. Непременный выступ алтаря с восточной стороны отсутствует. Основной объем продольными стенами разделен на 3 нефа, из которых средний в 2 раза шире крайних (8,60 и 4,33 м). В первом размещался главный престол во имя Преображения господня, в южном, "теплом", — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, в северном, "холодном", — во имя святителя и чудотворца Николая... Интерьеры не имели росписи. Главным их украшением служили иконостасы»[59]. В Спасо-Преображенском храме иконостас был светло-голубого цвета на четырех колоннах, царские ворота — резные, позолоченные; в боковых пределах иконостасы — «столярной работы... с позолотой местами»[60]. В 1939 г. вышел указ Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР о закрытии Спасо-Преображенского собора в Баргузине. После закрытия церковь переоборудовали, снесли верхний ярус колокольни и купольные надстройки. 31 декабря 1940 г. в здании церкви открыли кинотеатр, впоследствии там находилась ремонтная мастерская комбината быта[61]. В 1993 г. в с. Баргузин был зарегистрирован православный приход, а спустя 2 года здание церкви было передано местной православной общине. В 2011 г. были завершены наружные работы, направленные на восстановление храма в первозданном виде. В настоящее время храм полностью восстановлен и освящены все 3 придела. Центральный придел в честь Преображения Господня, правый придел в честь Благовещения Богородицы, левый придел в честь святителя Николая Чудотворца. Регулярно проводятся богослужения.

В школьном историко-краеведческом музее с. Баргузин под руководством Т.С. Филипповой была создана экспозиция, посвященная истории Баргузинского острога. Экспозиция включает аутентичные предметы (в основном случайные находки), исторические карты, картины, а также детальные макеты исторических зданий, выполненные учащимися Баргузинской средней школы и их родителями. В настоящее время деятельность по сохранению и изучению исторического наследия Баргузинского острога в школьном историко-краеведческом музее осуществляется под руководством М.С. Шелковниковой.

Стела на въезде в Баргузин

[58] Материалы к отводу зон охраны объектов археологического наследия исторического поселения пос. Баргузин. – Улан-Удэ: НПЦ охраны памятников РБ, 2008. – 13 с. – С. 11.

[59] Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Издательство Наука. Сибирское отделение, 1983. – 192 с. – С. 133-134.

[60] Ваганова Е.В. Историко-культурное наследие с. Баргузин Баргузинского района Республики Бурятия: история и современное состояние // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 507.

[61] Там же. С. 508.

СЕЛЕНГИНСКИЙ ОСТРОГ

Место основания Селенгинского острога

Основанный в 1665 г., Селенгинский острог играл важную пограничную роль в Забайкалье. Первая острожная крепость представляла собой квадратный план размерами 15 х 15 саженей с 4 угловыми башнями и обламами. Высота стен составляла около 5 м, а периметр — 60 саженей, вокруг острога «креп, ров, чеснок и надолбы». Спустя 8 лет крепость изменила свою конфигурацию и размеры. Поставленный наспех первый острог, по-видимому, пришел в ветхость, и его перестроили. Теперь он имел вид прямоугольника со сторонами 28 саженей 1 аршин и 19 саженей, и площадь его стала почти вдвое больше. Новый острог простоял 20 лет, и в 1685 г. очередной его приказчик, сын боярский Иван Поршенников, возвел новую крепость, доложил в Енисейск, что он «город построил с великой крепостью с нагороднями и с верхним боем и с подошвенным, а в полуденной верхней стене построена церковь». Третья Селенгинская крепость стала не только крупнее по размерам, изменилась и ее конфигурация — вместо прямоугольной она вновь стала квадратной в плане. Острожные стены были заменены более мощными и прочными срубными. Таким образом, изменение конструкции стен привело и к изменению типа крепости — из острога Селенгинск превратился в город. Примечательно, что новая крепость была возведена всего за два месяца.

Иван Поршенников вместе с донесением отправил енисейскому воеводе чертеж и подробное описание Селенгинска: «А городу мера четыре стены по тридцати сажень, а всего кругом города мера сто двадцать сажень. А по углам башни: на востошной стене наугольная башня, мерою в стенах четыре сажени, а высота с земли до верхних боев пушечных по пяти сажень печатных, а до средних боев четыре сажени, а всей башни высота девять сажень. Другая наугольная башня с северной стороны мерою в стенах трех сажень, а высота девять сажень. Третья наугольная башня трех сажень, высота до верхних пушечных боев пять сажень, а на верхе боев колокольня, а всей башне высота и с колоколной десять сажень. А промеж башнями в средине стены ворота проезжие, а над воротами часовня рубленая брусчатая, а поверх часовни бочка, обита лемехом. В часовне образ небесных сил воеводы Архистратига Михаила, а в бочке учрежден образ Господа Саваофа. А высота городовым стенам полтретьи сажени. И тому Селенгинскому новому городу и церкве и башням написан чертеж, и тот чертеж послан в Енисейск к тебе боярину и воеводе князю Константину Осиповичу».

Памятник «Поклонный Крест казакам — основателям города»

Расположенная в южной части Забайкалья, Селенгинская крепость примыкала к владениям монгольских феодалов и длительное время была самым южным русским форпостом в условиях отсутствия пограничного размежевания, поэтому ее прочности и уделялось такое внимание.

ТЕЛЕМБИНСКИЙ ОСТРОГ

Телембинский (Теленбинский) острог предположительно был основан служилыми людьми из отряда даурского воеводы А.Ф. Пашкова зимой 1657/1658 г. между Большим и Малым озерами Телемба, в 1 км к востоку от впадающей в р. Витим р. Конды[1].

К 1675 г. гарнизон Теленбинского острога состоял из 42 служилых людей[2]. Приказчиком острога был даурский сын боярский Бажен Никитин[3]. Позднее, в ноябре 1675 г., Н. Спафарий отметил, что в Теленбинске было больше 30 казаков и даурский сын боярский, а также более 10 воинов ясачных тунгусов. Артиллерийский наряд состоял из 2 небольших пушек: одной медной и одной железной[4]. Возле острога стояла часовня и 13 дворов, в которых проживало около 30 казаков. В остроге содержались аманаты, под которых туда платили ясак более 200 тунгусов[5].

К началу 1683 г. в Теленбинском остроге численность гарнизона составляла 40 казаков[6]. По «денежной сметной и пометной» книге 1699 г. в остроге числилось 28 служилых людей[7].

По списку 1710 г. «Теленбинский острог стоячей мерою кругом тритцать две сажени. Башня с проезжими вороты. В стене две избы в которых сидят аманаты. В том остроге наряду: пищаль затинная железная весом три пуда и к ней дватцать семь ядер железных по кружалу и весом по полугривенке ядро, итого в них весу тринатцать гривенок с полугривенкою, дватцать два самопала, двенатцать стволин пищальных, семь пуд пороху пушечног(о) и з деревом четыре ста девяносто семь кремней»[8].

Телембинский острог на карте «Река Селенга с урочищи» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова

В 80-х гг. XVII столетия Телембинский острог был единственным местом в Восточном Забайкалье, где добывалась железная руда и выплавлялось железо[9].

В 1735 г. Телембинский острог описал Г.Ф. Миллер: «С одной стороны находятся две стоящие рядом избы — одна в качестве судной, а другая в качестве караулки, между которыми имеются сени с общим входом. За избами расположен двор, окруженный с трех сторон палисадом. Размеры двора вместе с избами не превышают 10 саженей в длину и 8 саженей в ширину. Посредине двора имеется амбар, в котором хранится ясачная казна. Это называется острогом. Вне острога есть 10 дворов жителей, но церкви нет»[10].

---

[1] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 1977. Л. 6; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 185–186; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. – 336 с. – С. 63.

[2] РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

[3] АИ, 1842, т. 4, с. 561; ДАИ, 1857, т. 6, с. 368.

[4] Спафарий-Милеску Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. – 214 с. – С. 102.

[5] Арсеньев Ю.В., 1882. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году И Записки имп. РГО по отд. этнографии. – СПб. – Т.10. – Вып. 1. – 215 с. – С. 138.

[6] АИ, 1867, т. 10, с. 238.

[7] Найденов Н.А. 1886. С. 10,11.

[8] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. ед. хр. 1977.

[9] Комогорцев И.И. 1965. С. 104.

[10] Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 186.

УДИНСКИЙ ОСТРОГ

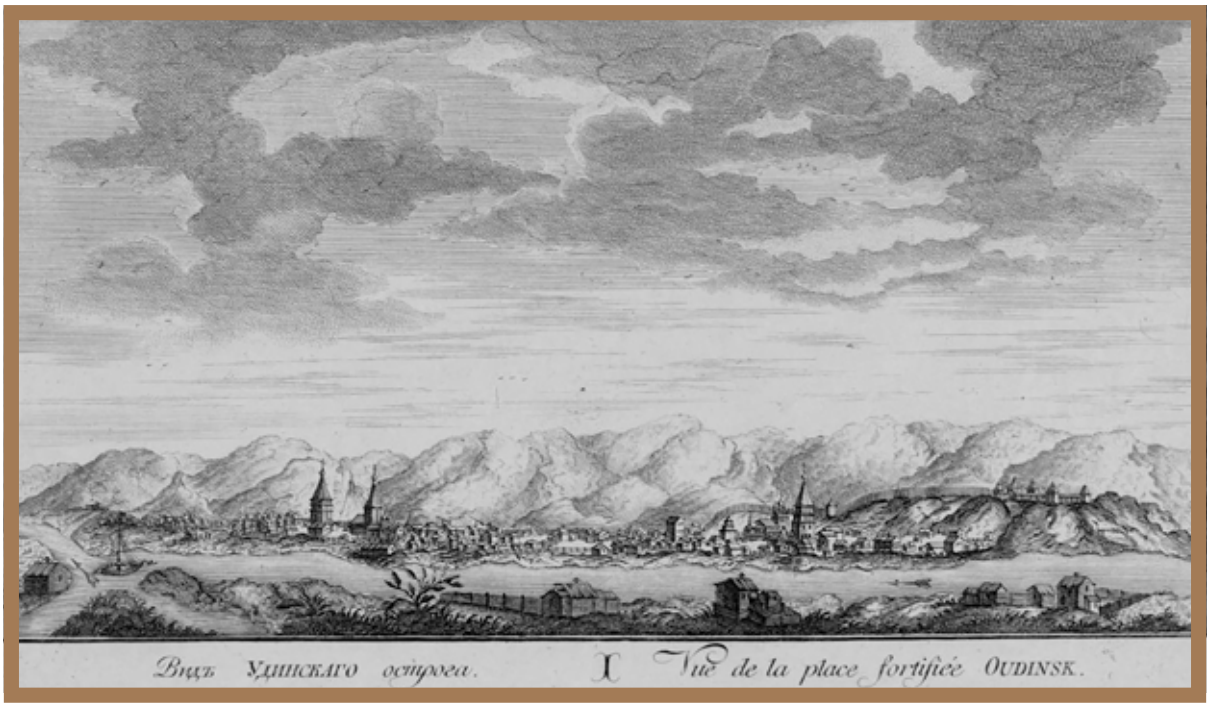
Название объекта — «Удинский острог» (в соответствии с Постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 «О постановке на государственную охрану вновь выявленных недвижимых памятников истории и культуры»).

Удинский острог (Советский район города Улан-Удэ, Республика Бурятия) расположен на правом приустьевом мысу р. Уды, в 2 км выше впадения р. Уды в р. Селенгу, на поверхности цокольной террасы высотой 20–24 м. Ф.М. Шулунов отмечал, что «русские казаки, основавшие зимовье, выбрали для него очень удобное в стратегическом отношении место на высоком холме у устья р. Уды. С юга зимовье прикрывала Уда, с запада Селенга, а с севера и востока — горы. С холма открывался великолепный вид на горы, обе реки, долины которых были пригодны для земледелия и скотоводства»[62].

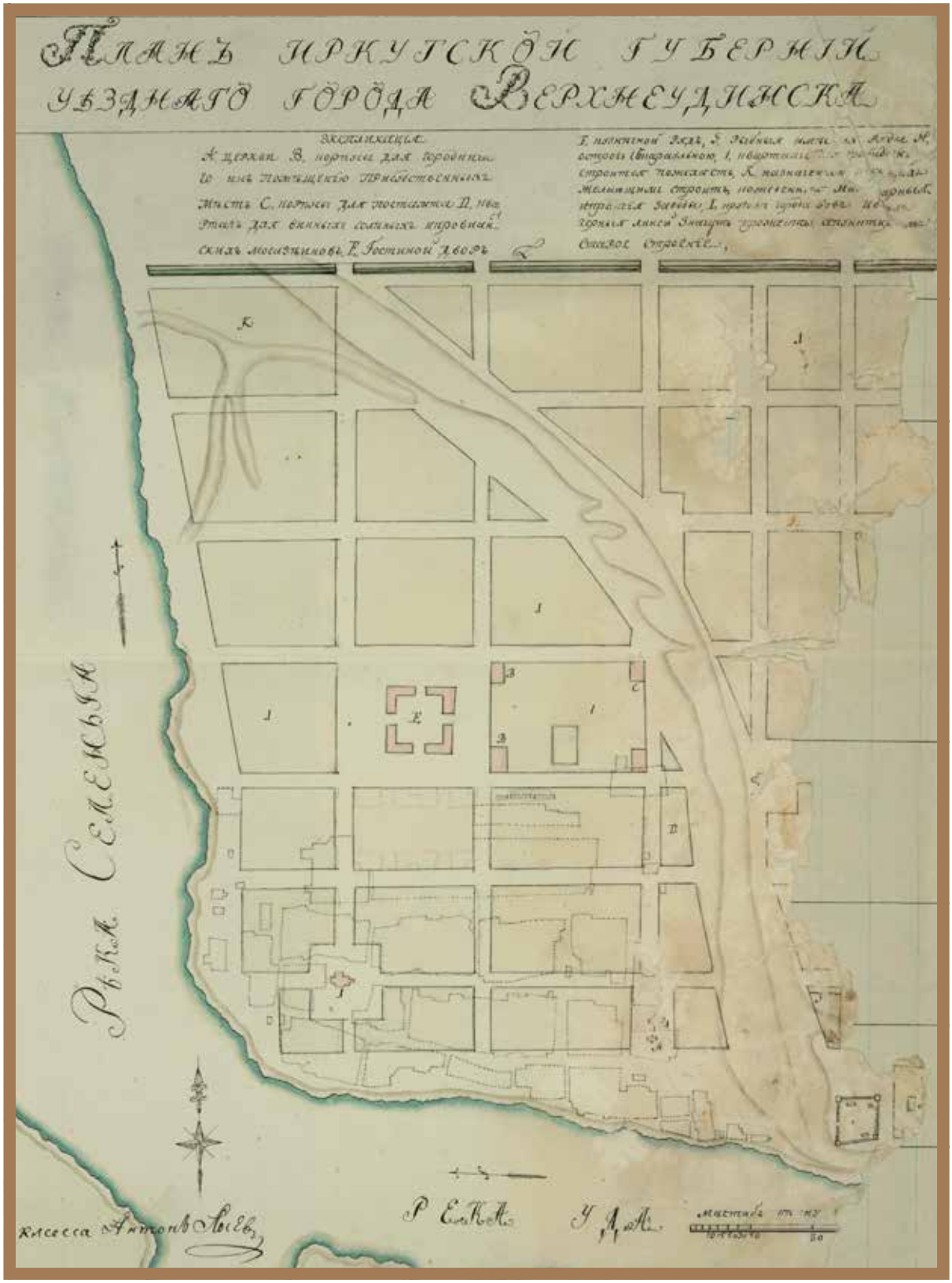
Место основания острога находится на вершине небольшой горы у края каменного утеса. Гора эта называется «Батарейная гора /Батарейка», также можно встретить используемое реже название «Вшивая горка». Как отмечал архитектор и историк города Л.К. Минерт, современное название «Батарейная гора», или «Батарейка», закрепилось за данной местностью в связи с установкой здесь во второй половине XIX в. лагеря (батареи) конноартиллерийской бригады Забайкальского казачьего войска[63]. С вершины горы, где располагался острог, открывается живописный вид на исторические кварталы г. Улан-Удэ, р. Уду и долину р. Селенги. В 1991 г. здесь был установлен памятник «Поклонный Крест казакам — основателям города» — с выгравированной надписью: «Сей Крест установлен в честь 325-летия со дня основания города Верхнеудинска в 1666 году русскими казаками. Благодарные потомки». Мемориальная табличка на памятнике свидетельствует: «Гаврила Ловцов и Осип Васильев, Божиею ми-

[62] Шулунов Ф.М. Улан-Удэ. – Улан-Удэ.: Типография Министерства культуры БМАССР, 1955. – 52 с. – С. 7.

[63] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. – 248 с. – С. 56.

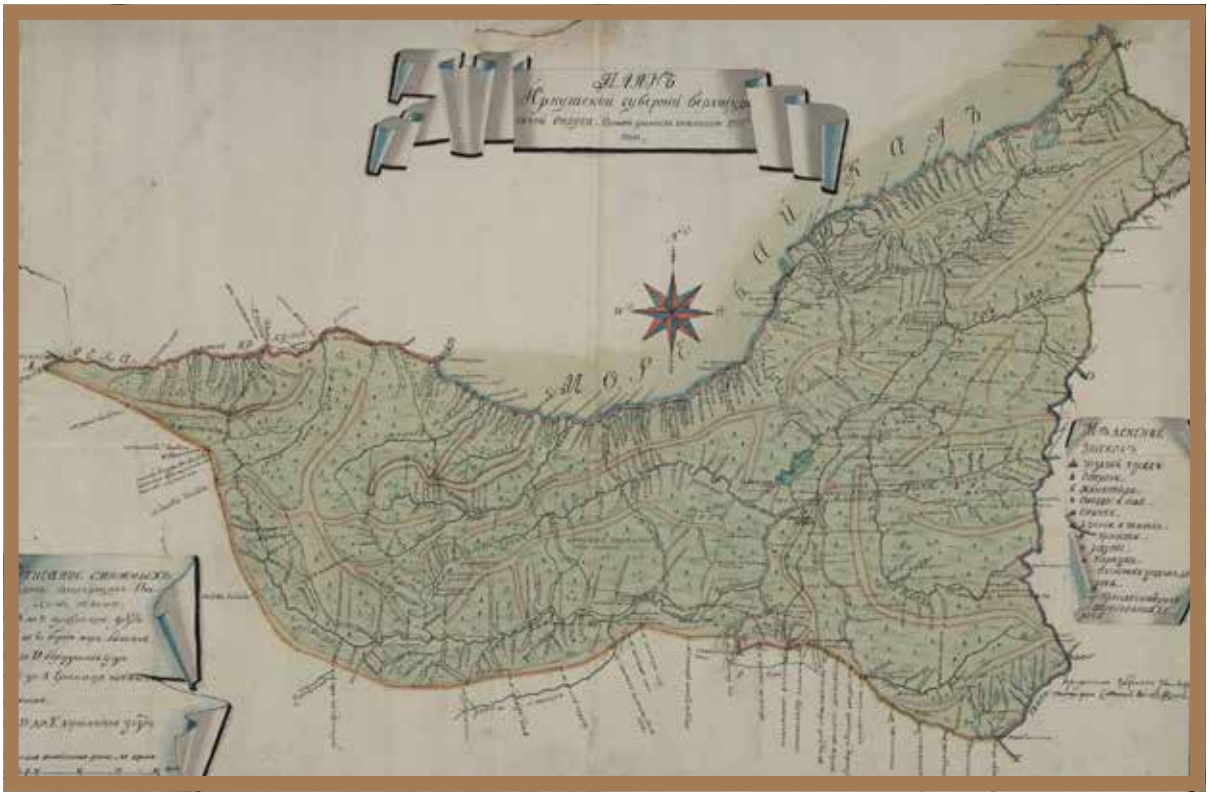
Вид Удинского острога , 1769 г.

План г. Верхнеудинска

лостью, возвели здесь острожное ясачное зимовье — давшее начало граду Верхнеудинск (Улан-Удэ)».

Удинский острог — объект культурного наследия (памятник истории и культуры) федерального значения. Зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 137908-р от 22.12.2017 «О регистрации объекта культурного наследия федерального значения "Удинский острог" XVII в. (Республика Бурятия) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

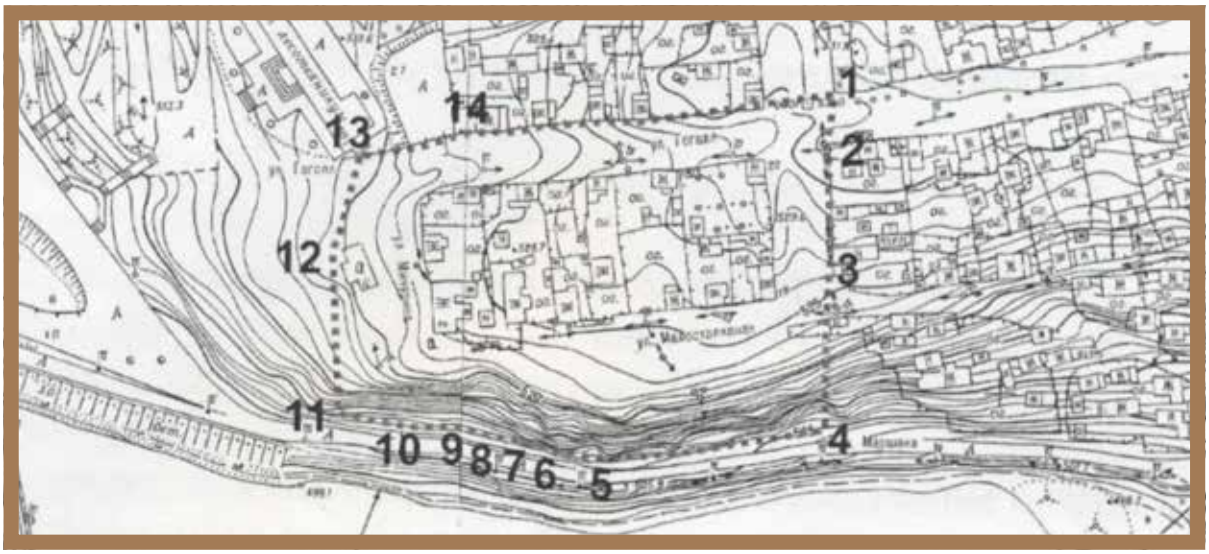
План Верхнеудинской округи, 1797 г.

Регистрационный номер объекта культурного наследия в ЕГРОКН: 031741019150006.

История Удинского острога и г. Верхнеудинск имеет богатую историографическую традицию[64]. Долгое время датой основания Удинского зимовья считался 1666 г. В настоящее время доказано, что зимовье поставлено казаками из отряда пятидесятника Гаврилы Ловцова и десятника Осипа Васильева в октябре 1665 г.

Зимой 1664–1665 гг. к начальнику Баргузинского острога стрелецкому и казачьему голове Первому Самойлову обратились служилые люди из его гарнизона с предложением снарядить экспедицию далеко на юг, «в глубь Мунгальской земли, по Селенге реке до устья

[64] Шулунов Ф.М. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Типография Министерства культуры БМАССР, 1955. – 52 с.; Минерт Л.К. Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 80– 107; Тиваненко А.В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Изд.-во БНЦ СО РАН, 1995. – 119 с.; Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской: Из истории улиц Верхнеудинска. – Издательство БНЦ СО РАН, Улан-Удэ, 1998; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Изд-во РАН, 1999. – 335 с.; Улан-Удэ – 350: История и современность: В 2-х томах / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – Том I: XVII – начало XX в. – 2016. – 369 с.

Границы территории Удинского острога

Чика реки»[65]. Миссия экспедиции состояла в возвращении «отъезжих братцких людей» в подданство Московского царя. Выслушав доводы Гаврилы Ловцова и Осипа Васильева, Первой Самойлов отпустил их на «государево дело», частично обеспечив экспедицию: ветхим судном, оружием и судовой оснасткой. Большинство расходов по организации экспедиции легло на инициаторов похода. При этом казакам предписывалось «..."ласкою и приветом дарить и удобрять иноземцов братских и тунгуских людей, и вновь призывать и уговаривать всякою ласкотою и добротою"... к ясачному соболиному платежу»[66]. 27 сентября 1665 г. был основан Селенгинский острог. Удинское зимовье было основано в октябре 1665 г. казаками, направленными к устью р. Уды из Селенгинского острога[67].

В 1675 г. посол Николай Спафарий, проезжавший через Забайкалье в Китай, зафиксировал наличие Удинского зимовья: «А река Уда течет из хребта, по ней казаки промышляют соболем, и ныне на усть реки Уды есть зимовье казачье». Он же обратил внимание и на возможности, благоприятствующие строительству здесь острога: «А в тех местах от реки Уды степь в ширину версты по три, а за степьми горы, а на горах лес всякий, и места самыя добрыя и конские кормы хорошие и солонцы многие, что лучше тех кормов, что по Уде скоту не надобно; и подле реки Уды мочно и острог ставить и суды делать и места хлебороднаго сыскать мочно». Во время его путешествия с 1675 по 1677 г. (в 1677 г. Спафарий возвратился через Забайкалье в Тобольск) на Уде существовало зимовье. 16 ноября 1675 г. он написал: «...а р. Уда течет из хребта, и по ней казаки промышляют соболи, и ныне на усть реки Уды есть зимовье казачье»[68]. Главным же достоинством Удинского зимовья, определившим его дальнейшую судьбу, стало расположение на самом удобном транспортном пути в Восточное Забайкалье.

[65] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. – 248 с. – С. 16.

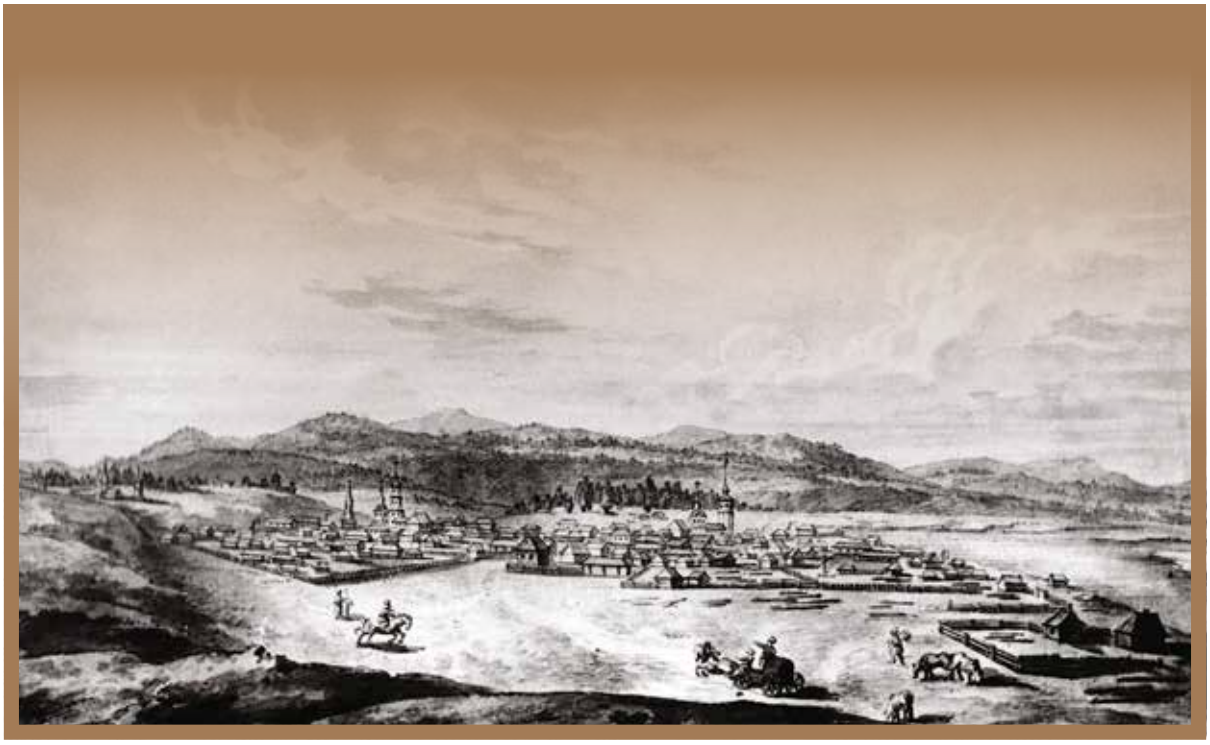
[66] Там же.

[67] Там же. С. 19, 20.

[68] Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году / Сост. Ю.В. Арсеньев // Записки ИРГО по отделению этнографии. – СПб., 1882. – Т. 10. – Вып. 1. – 215 с. – С. 136.

Град Удинский в Чертежной книге Сибири С. У. Ремезова

Е.М. Корнеев. Вид Верхнеудинска. 1804 г.

Космоснимок расположения Удинского острога

В 1679 г. на месте Удинского зимовья был построен Удинский острог[69]. По данным А.В. Тиваненко, первые оборонительные стены были возведены в 1678 г.[70] К 1680 г. Удинский острог уже стал важным звеном военно-оборонительной системы Забайкалья: в нем находилась артиллерия, во главе гарнизона стоял пятидесятник. Со временем росло экономическое значение острога: сюда посылались для хранения и дальнейшего распределения «пушечные» и «хлебные запасы». Усиление административной функции острога привело к обсуждению в Москве в 1684 г. вопроса о переводе гарнизона Селенгинского острога в Удинский. Однако этот план не был реализован в силу геополитических соображений[71].

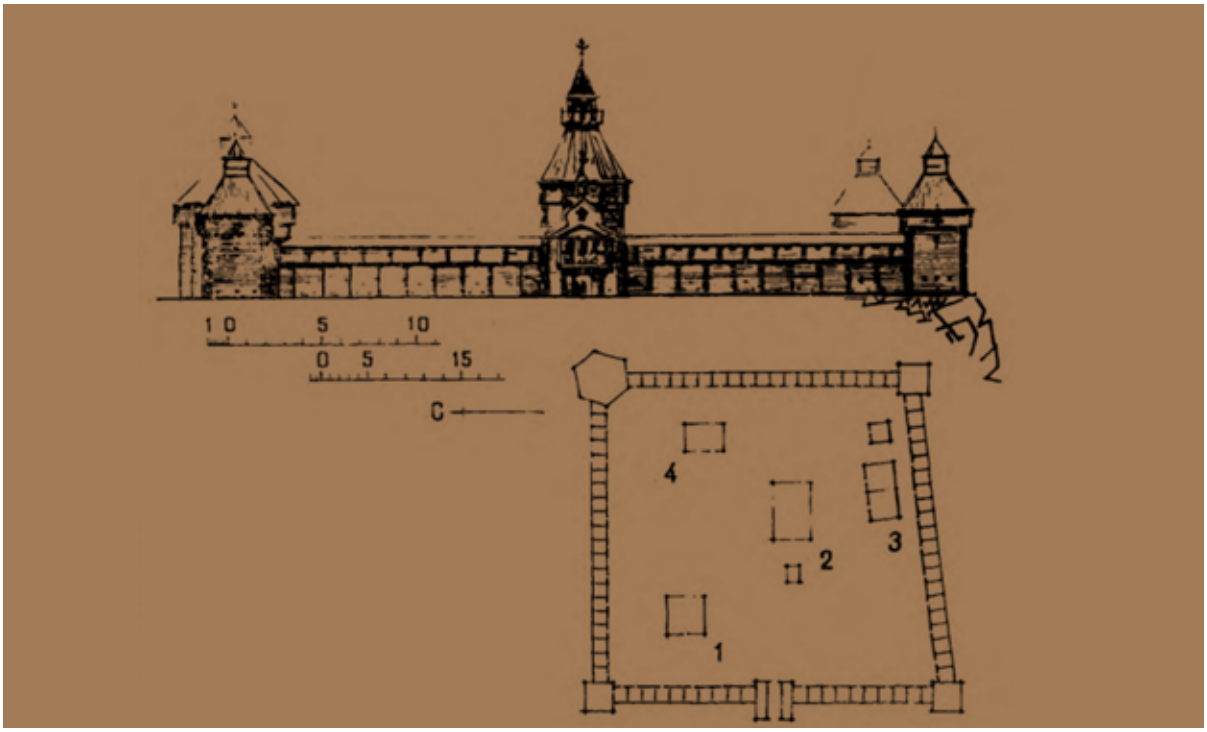
Особое значение острог приобрел в ходе событий, предшествовавших заключению в Нерчинске русско-китайского договора в августе 1689 г. Глава русского посольства Ф.А. Головин прибыл в Удинский острог 10 сентября 1687 г. 12 июня 1688 г. посланник монгольского геген-кутухты Болдан Удзин сообщил Ф.А. Головину о том, что к Селенгинску с большим войском направляются китайские послы. Ввиду этого посол приказал срочно укрепить Удинский острог. Силами московских стрельцов был возведен деревянный город, квадратный в плане, размерами 49×49 м. Городни или срубы, из которых состояли стены, имели высоту 6,4 м и ширину на уровне облама (верхняя выступающая часть стены) 2,5 м. Кроме того, был сооружен деревянный 6-угольный раскат для стрельбы из пушек в любом направлении. Он имел ширину 12,8 м и высоту 8,5 м. Внутри города был построен пороховой погреб, а над ним амбар. Вокруг города и слобод был возведен также тройной ряд надолб (острог в виде тына из невысоких бревен) периметром 660 м[72]. В 1689 г. Ф.А. Головин получил Указ об увели-

[69] Бураева О.В., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. У истоков сибирского города // Вопросы истории. — 2019. — № 10. — С. 114.

[70] Тиваненко А.В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Изд.-во БНЦ СО РАН, 1995. — 119 с.

[71] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 23, 24.

[72] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 154-155.

Удинский острог (крепость) 1688 г.
Реконструкция Л.К. Минерта

чении гарнизона Удинска до 1000 человек, который в силу малочисленности гарнизонов в других острогах не мог быть выполнен. Покидая Забайкалье в феврале 1689 г., Ф.А. Головин оставил в Удинске 835 стрельцов и казаков[73].

В конце XVII в. в Удинском, Селенгинском, Ильинском и Кабанском острогах отмечено нарастание социальных противоречий, обусловленное ростом цен на хлеб, что ударило по служилому населению, наименее связанному с земледелием. В результате столкновения служилых людей с администрацией в Удинском остроге был арестован приказчик острога А.А. Бейтон[74].

Согласно составленному в конце XVII в. С.У. Ремезовым «Чертежу земли Иркутского города», Удинский острог представлен крепостью, обнесенной стенами в виде квадрата в плане с 5 башнями: четырьмя угловыми и одной въездной[75]. Три угловые башни были квадратными (3×3 сажени), а четвертая — северо-восточная — 6-угольной. Шатровые крыши башен завершались дозорными вышками. Проезжая башня была больше других, квадратной и имела прямой проезд. Для обороны ворот был устроен балкон на консолях со сквозным полом и крышей. На втором этаже надвратной башни располагалась часовня[76]. Внушительности архитектуры острогов, их башен, в особенности въездных, придавалось большое значение. Л.К. Минерт отмечал, что суровая выразительность архитектуры острога должна была вызывать уважение к новым властям, «достойно представлять Русское государства в этих суровых местах»[77].

В 1727 г. на плане, который выполнил М. Зиновьев, зафиксирован новый острог, расположенный на низменной террасе и примыкающий к крепости с запада. «Он был окружен палисадной стеной с рогатками. Восточная стена нового острога включала западную стену старого города и имела общую длину около 420 м. Северная стена имела протяженность около 870 м и западная около 800 м. Территория нового острога имела плотную квартальную застройку. В западной части города находилась Спасская церковь, а в восточной — Одигитриевский собор»[78].

В 1775 г. после учреждения Иркутской губернии, Удинск получил право именоваться городом, став центром Удинской провинции. В 1783 г. после учреждения Иркутского наместничества Удинск становится центром Верхне-Удинского уезда, городом Верхнеудинском[79]. Вместе с тем к концу XVIII в. в связи с утратой значения военного форпоста после установления добрососедских пограничных отношений и взаимовыгодных торговых связей с Китаем Удинская крепость служила лишь складом и тюрьмой. Ввиду этого сооружения крепости со временем обветшали, разваливались «от гнилости» и заносились песком[80]. Указом императора России от 6 мая 1812 г. городским властям Верхнеудинска было разрешено снести сохранившиеся остатки деревянной крепости[81].

При этом выгодные географические условия, благоприятные для развития экономической деятельности, динамика исторического и политического развития города обусловили стремительный рост населения, торговли, промышленного производства, развитие культуры и образования в начале XX столетия. В 1923 г. Верхнеудинск стал столицей Бурят-Монгольской АССР. В 1934 г. произошло переименование города в Улан-Удэ. Сегодня г. Улан-Удэ, основанный на месте Удинского острога, является столицей Республики Бурятия, крупным промышленным, экономическим, транспортно-логистическим, научным и культурным центром Дальнего Востока России с многонациональным и поликонфессиональным населением[82].

---

[73] Бураева О.В. Откуда есть пошел град Удинский // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. — Иркутск: Оттиск, 2016. — С. 18.

[74] Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. — 1957. — Т. 59. — С. 268, 297, 299.

[75] Ремезов С.У. Земли Иркутского города // Чертежная книга учинися по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича всей великой и малой и белой России самодержца всей Сибири и городов и земель налично описанием с прилежащими жительствы. В лето от создания света 7209 от Рождества Христова 1701 году, января в 1-й день. — Тобольск, 1701. — Л. 37 об.

[76] Бураева О.В., Базаров Б. А., Именохоев Н. В., Миягашев Д. А. У истоков сибирского города // Вопросы истории. — 2019. — № 10. — С. 115.

[77] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 27.

[78] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (историко-археологические исследования).: дисс ... доктора исторических наук: 07.00.06. — Владивосток, 1997. — 459 с. — С. 158.

[79] Бураева О.В. Откуда есть пошел град Удинский // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. — Иркутск: Оттиск, 2016. — С. 19.

[80] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. — 248 с. — С. 30.

[81] Бураева О.В., Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. У истоков сибирского города // Вопросы истории. — 2019. — № 10. — С. 116.

[82] Там же, С. 114.

Археологические исследования Удинского острога имели в основном эпизодический характер. Основные сведения по архитектуре и планиграфии были получены из архивных материалов — отписок казаков, исторических планов, описаний в дневниках путешественников и посольств. Первые раскопочные работы на Удинском остроге были произведены любителем-краеведом П.Т. Труневым и учителем И. Ноздровским, в небольшом пробном раскопе они наткнулись на нижние венцы одной из караульных башен. Археологические работы на площади памятника в виде шурфовки были проведены в 1982 г. А.В. Тиваненко, обнаружившим остатки кострищ и обгоревших кусков древесины в 1 линию (тыновая острожная стена?)[83]. Однако нет привязок мест постановки шурфов, что значительно снизило ценность проведенных работ.

Следующие, значительные по своим масштабам, археологические работы проводились под руководством Л.В. Лбовой в 1988 г.[84] Работы велись в рамках разработки проекта охранных зон и регенерации центра г. Улан-Удэ. В цели осуществленных работ входило, во-первых, выявление культурного слоя XVII–XVIII вв., характера и границ его распространения, определение степени его сохранности, а во-вторых, определение истинных размеров острога и кремля путем вскрытия и зачистки отдельных участков.

Для достижения поставленных целей исследовательской группой была заложена серия шурфов и траншей. Основными результатами исследований 1988 г. являются: а) выявление культурного слоя XVII–XVIII вв., вмещенного в толщу мелкозернистого светло-желтого песка эолового генезиса (глубина залегания в центральной части участка от 60 см до 140 см, на периферии с юга — до 10 см, с востока — 90 см); б) фиксация остатков частокола в шурфах № 1, 3 и 5, интерпретируемых либо как «острожины», окружавшие казачье зимовье (1666 г.), либо как конструктивный элемент оборонительной стены (1690-е гг.); в) определение оборонительной стены как «тарасной конструкции», о которой упоминает Л. Минерт[85]. По мнению Л.В. Лбовой, «острог был скорее хозяйственным, нежели военным организмом, и вел относительно спокойную жизнь».

В год празднования 350-летнего юбилея города в 2016 г. на части объекта археологического наследия «Удинский острог» археологической экспедицией ИМБТ СО РАН были проведены спасательные археологические работы[86]. Раскопки 2016 г. были сосредоточены на свободном участке, расположенном на пересечении улиц Гоголя (с севера) и Мичурина (с запада), с юга и с востока участок ограничен жилыми постройками. В геоморфологическом отношении участок представляет собой площадку на поверхности цокольной террасы (высота 20–24 м) р. Уды, перекрытой эоловыми песками. С западной стороны к ней прислоняется селенгинская первая надпойменная терраса (высота 12–17 м). Земельный участок расположен на небольшой возвышен-

[83] Тиваненко А.В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Изд.-во БНЦ СО РАН, 1995. – 119 с.

[84] Лбова Л.В. Отчет об археологическом обследовании исторических памятников Верхнеудинского острога и Гусиноозерского дацана в г. Улан-Удэ и в Селенгинском р-не Бурятской АССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д 13063. 86 л.

[85] Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. – 248 с. – С. 85.

[86] Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Миягашев Д.А. Предварительные результаты археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Удинский острог» 2016 года // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2016. – С. 11–14; Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Именохоев Н.В. Актуализация направления «спасательная археология» в деятельности ИМБТ СО РАН // Республике Бурятия – 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 251–255; Клементьев А.М., Базаров Б.А., Миягашев Д.А., Именохоев Н.В., Дикий Я.В. Локальная археозоология Удинского острога: содержимое тарасной конструкции // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 84–102.

1

2

3

1 — тарасная конструкция, камера № 2, вид с востока; 2 — тарасная конструкция, камера № 4, вид с запада; 3 — тарасная конструкция, камера № 6, вид с востока; 4 — тарасная конструкция, камера № 7, вид с запада; 5 — вертикальные столбы в камере № 4; 6 — конструкция из деревянных столбов в границах камер № 4–5, вид с востока

Удинский острог. Реконструкция

ности, сильно измененной в ходе строительных работ: с северной стороны возвышенность была срезана дорогой, а с западной стороны произведена подсыпка, поднявшая общий уровень на 3–4 м. Ранее на участке располагались 2 дома, от которых остались только столбы заборов и остатки каменного фундамента.

После руинирования жилых домов на участок сваливали бытовые отходы, так что современная дневная поверхность оказалась полностью завалена мусором.

Поскольку ранее на памятнике проводились работы с целью установления размеров острога с фиксацией результатов на топооснову и было известно, что на участке работ проходит западная стена острога, то изначально было решено в рекогносцировочных целях заложить траншею поперек стены острога — по линии З–В. В западной части траншеи, в слое желтого среднезернистого песка, удалось зафиксировать овальное пятно серого цвета с угольками и со следами прокала по контуру. Конфигурация пятна выходила за границы траншеи. Для уточнения размеров пятна ширина траншеи была увеличена.

В восточной части на глубине 1,9 м от дневной поверхности, в слое желтого среднезернистого песка появились включения древесной щепы, перекрывающей слой светло-коричневой супеси. На поверхности слоя светло-коричневой супеси был найден один фрагмент керамики коричневого цвета. Восточным краем траншеи удалось зафиксировать остатки бревна, уходящего в северную и южную стенки раскопа. Для уточнения размеров и характера остатков путем прирезки с северной стороны площадь траншеи была увеличена до полноценного раскопа (№ 1), сориентированного по сторонам света, общая площадь его составила 160 кв. м (20×8 м). Вся поверхность раскопа была покрыта мусором, в северо-восточной части раскопа были остатки каменного фундамента дома № 14 по ул. Гоголя. Раскопом № 1 удалось вскрыть деревянную конструкцию. Выявленная деревянная конструкция уходила за границы вскрытого участка. Для уточнения размеров объекта, его планировки и конструктивных особенностей были сделаны прирезки с северной (24 кв. м) и южной (50 кв. м) сторон по линии деревянной конструкции. Прирезка с северной

4

5

6

Крест, найденный во время археологических раскопок на месте Удинского острога в 2016 г.

стороны позволила выявить остатки северо-западной угловой башни. Прирезкой с южной стороны установлено, что деревянная конструкция продолжается без разрывов на всем протяжении.

Под стенами Удинского острога впервые был открыт православный некрополь, имеющий, по нашему предположению, непосредственное отношение к острогу. Ввиду небольшой площади раскопок остатки некрополя представлены всего лишь 3 могилами: коллективным захоронением, парным и остатком одиночного погребения. В первой могиле было устроено 4 погребения, 3 из которых располагались горизонтально в один ряд в направлении с севера на юг, а четвертое было размещено выше (так называемое ярусное погребение). Все погребения были совершены в деревянных колодах, головой ориентированы на запад с небольшим отклонением на юг.

Оборонительная стена

На поверхности оборонительная конструкция не была выражена. Она была выявлена только в ходе раскопочных работ. Сохранность оборонительной стены и северо-западной башни, сооруженных полностью из дерева, была различной для отдельных участков, в ряде случаев сохранились 3–4 венца; на некоторых участках фиксировался только нижний венец или его остатки. В ходе раскопок удалось установить, что оборонительная стена острога представляет собой тарасную конструкцию — 2 параллельные стены из горизонтально уложенных бревен, скрепленных между собой поперечными стенами — перерубами, образующими отдельные камеры. На исследованном участке стены было выявлено 7 камер. Для возведения стен тарасной конструкции использовали бревна диаметром 20–30 см. В северной части стены сохранилась южная стена и остатки западной и восточной стен северо-западной угловой башни.

Северо-западная угловая башня

Северная стена тарасной конструкции примыкала к южной стене северо-западной башни, ширина которой шире тарасы. Западная часть южной стены башни отходит от внешней стены тарасной конструкции на 2,4 м, на этом участке от нее сохранился только нижний венец. От западной стены башни сохранился только фрагмент нижнего венца длиной 80 см, основная ее часть была разрушена оврагом, по которому сейчас проходит ул. Гоголя. Стены башни, как и всего оборонительного сооружения, были рублены в «обло», т. е. с остатком в 20–25 см. Во внутренней части башни, у юго-западного угла сохранился фрагмент деревянного настила из плах, длиной 1,4 м и шириной 72 см. Восточная часть южной стены башни сохранилась частично. На расстоянии 2,1 м от внутренней стены тарасной конструкции фиксируется угловое соединение (юго-восточный угол башни). Восточная стена башни представлена фрагментом нижнего венца длиной 60 см. Вход в башню отмечен разрывом 70 см в южной стене башни, на уровне второго венца, ближе к юго-восточному углу башни.

Тарасная конструкция

Стены тарасной конструкции стояли на расстоянии 3 м друг от друга, перерубы поставлены через 2,6 м. Камеры тарасов не были заполнены грунтом (хрящем) для защиты от артиллерийского огня. В пользу этого свидетельствует наличие во внутренней стене тарасов, на расстоянии 80–90 см от переруба, на уровне второго венца, дверных проемов шириной 60 см, через которые можно было попасть в камеры. При этом между собой камеры не сообщались. В ряде случаев под угловыми соединениями перерубов и внешней стены тарасов были зафиксированы крупные камни (камеры № 2, 4 и 5). Строительство тарасной конструкции начиналось с укладки нижних венцов внешней и внутренней стены, на которую укладывался венец переруба, далее снова укладывались венцы стен и так далее. Из-за плохой сохранности не удалось зафиксировать длину и количество бревен тарасных стен.

Пол камер настилался без лагов прямо на землю и представлял собой настил в несколько слоев из коры хвойных деревьев, бересты и деревянной стружки. Камеры № 2 и 3 были заполнены деревянной стружкой, обрезками кожи, цельными фрагментами подошвы кожаной обуви, скорлупой кедрового ореха. Под эти слоем шел прослой чистого песка, а далее настил пола. Вероятно, такое наслоение стало результатом обрушения потолочного перекрытия камеры, однако остатков самого перекрытия зафиксировано не было.

В камерах № 4 и 6 были зафиксированы изделия из дерева, интерпретируемые нами как люки 0,8х1 м из деревянных плах, скрепленных поперечной рейкой под небольшим углом относительно направления плах. В камере № 7 сохранились упавшие потолочные крепления из бревен диаметром 20 см. Крепления укладывались в углы камеры, так что они лежали в диагональном направлении относительно стен тарасов. Очевидно, такая конструктивная особенность потолочных перекрытий обеспечивала большую устойчивость всей тарасной конструкции.

В камере № 4, в 30 см от юго-восточного угла переруба, под перекрытием пола был выявлен ряд из 7 вертикально вкопанных столбов, диаметром 15–25 см, ориентированных по линии З–В. В восточной части столбы уходят за пределы внутренней стены в стенку раскопа, в западной части ряд столбов на расстоянии 1,6 м от внутренней стены делает поворот на юг и проходит через камеру № 5, и под южным перерубом делает поворот на восток. Северо-западный угол конструкции из столбов укреплен крупными камнями. Назначение данной конструкции пока неясно, возможно, это остатки частокола.

Спасательные археологические раскопки на части территории объекта археологического наследия федерального значения «Удинский острог» дали следующие результаты:

1. Выявлена западная часть оборонительных стен острога, которая была возведена в конце 1860-х гг. по приказу Ф.А. Головина. Тарасная конструкция острога проходит в широтном направлении с незначительным отклонением к востоку, под развалами дома № 14 по ул. Гоголя, в восточной части участка, на котором запланированы работы 1-й очереди по благоустройству территории Удинского острога, в 9–12 м западнее забора соседнего участка (ул. Гоголя, 16). Вероятно, из-за того, что в момент проведения работ по установлению границ острога в 1988 г. дом, под которым была выявлена стена, еще был заселен, исследовательской группе не удалось выявить западную часть стен острога.

2. Под внутренней стеной тарасов был выявлен фрагмент конструкции из вертикально вкопанных столбов, характер и назначение ее еще не понятен, однако стратиграфически она залегает ниже тарасов и, вероятно, относится к раннему периоду существования острога.

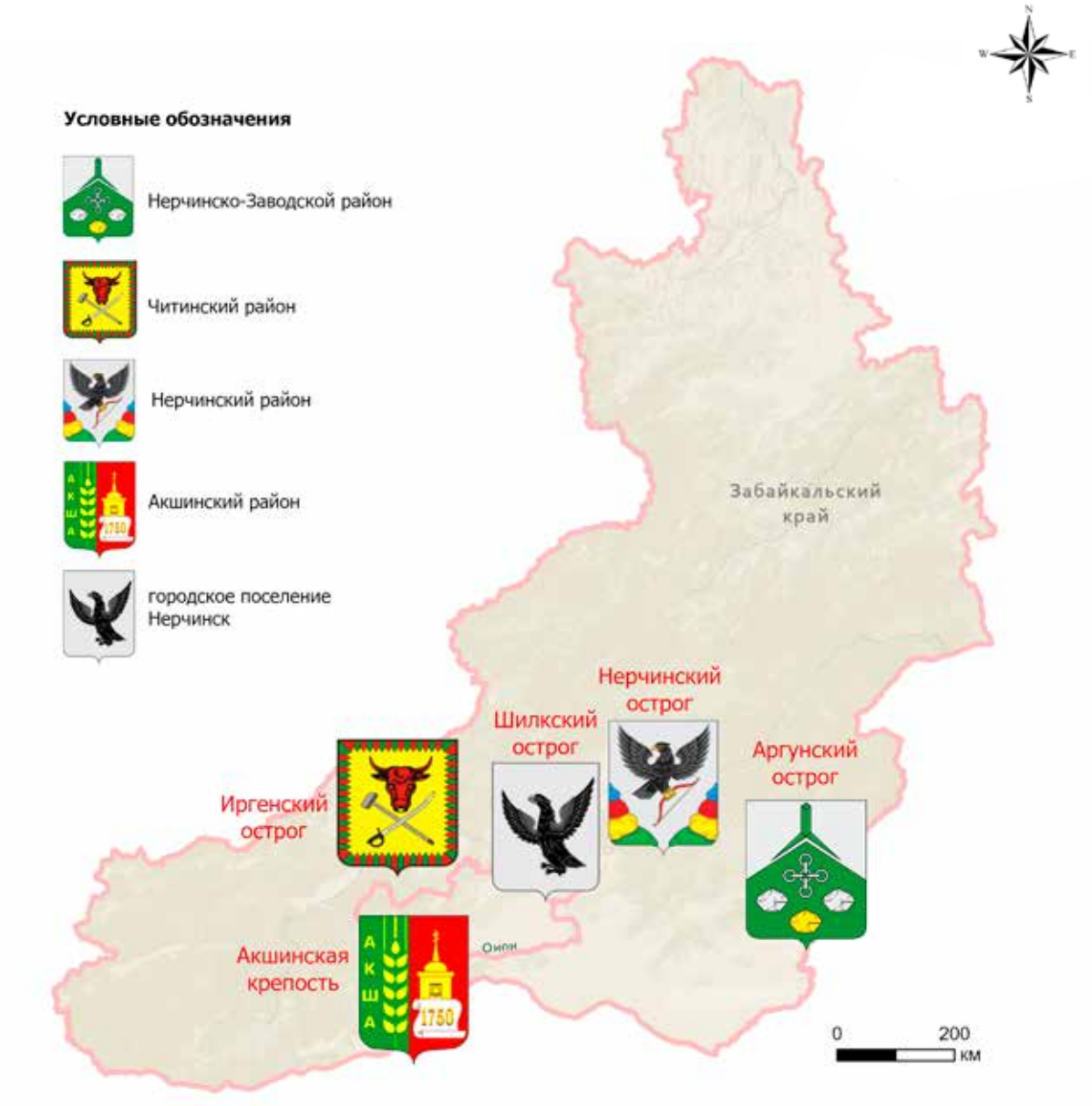
3. Культурный слой XVII–XIX вв. в пределах участка, ограниченного с запада тарасной стеной, достаточно мощный — более 3500 единиц находок в камерах тарасной конструкции и на участке протяженностью 23 м и шириной 1–1,5 м — под внутренней стеной тарасов.

4. За пределами тарасной конструкции горизонт XVII–XIX вв. выделяется черной прослойкой мощностью до 10 см, на глубине 1–1,5 м от современной дневной поверхности, археологический материал не фиксируется. Общая площадь обследованного участка к западу от тарасной конструкции составляет 128 кв. м.

5. Обнаружение коллективных погребений позволяет предположить наличие православного некрополя XVII–XVIII вв., о котором пока нет никаких свидетельств в архивах. Факт выявления православного некрополя открывает исследовательские перспективы в рамках нового направления изучения истории города — исторической некрополистики.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ

Основной этап присоединения Забайкалья к России протекал в течение 2-й половины XVII в. В разные годы были основаны Верхнеангарский, Баргузинский, Баунтовский, Иргенский, Теленбинский, Нерчинский, Кучидский, Селенгинский, Удинский, Еравнинский, Итанцинский, Аргунский и Кабанский остроги, ставшие здесь форпостами русской государственности. Известный новосибирский историк А.С. Зуев отметил, что «присоединение Забайкалья носило преимущественно мирный характер, хотя отдельные вооруженные столкновения… имели место. Близость крупных северо-монгольских (халхаских) ханств заставляла русских действовать с большой осторожностью и лояльно относиться к местному населению»[1].

Первый русский острог в Забайкалье был поставлен в 1648 г. казаками отряда енисейского сына боярского Ивана Галкина на р. Баргузин недалеко от места ее впадения в оз. Байкал[2]. Тогда же была и построена Спасская церковь с приделом Николая Чудотворца или Спаса преображения, которая стала первым православным храмовым сооружением за Байкалом.

1649 г., когда Иван Галкин послал из Баргузинского острога 3 служилых людей «Завьялка Андреева с товарыщи» на р. Шилку к князцу Лавкаю[3], можно считать отправной точкой в освоении русскими казаками Восточного Забайкалья, основными вехами которой стали походы отрядов енисейского сына боярского Петра Бекетова и даурского воеводы А. Пашкова.

Разведки, проведенные из Баргузинского острога с целью собрать максимально возможные сведения о Забайкалье, были весьма успешными. Енисейский воевода Афанасий Пашков в отписке Томскому воеводе, датируемой 11 апреля 1652 г., представил подробный план отправки «на великую реку Шилку и Иргень озеро» в 160 (1652) г. отряда енисейских служилых людей в количестве 100 человек[4].

Возглавить эту экспедицию А. Пашков, как теперь общеизвестно, поручил Петру Бекетову. Основным целями похода, согласно документам, составленным самим Петром Бекетовым, были заявлены: строительство 2 острогов на оз. Иргень и на р. Шилке «в самых крепких и в угожих местех»; приведение в российское подданство «немирных землиц людей» и сбор с них ясака; поиск месторождения серебряной руды[5].

Осенью на пути к Байкалу, несмотря на нацеленность на максимально быстрое продвижение, отряд был вынужден отвлекаться на вооруженные стычки с бурятами на реках Осе, Белой, Голоустной[6], но все они носили скорее вынужденный характер. Отсутствие попутных ветров, осенняя погода также не сопутствовали быстрому продвижению отряда по рекам. Пересечь Байкал отряд смог только 1 октября 1652 г. При движении по Байкалу дощаник «Фетки Торопченина с товарыщи розбило… со всеми запасы». Для того чтобы не потерять этот дощаник, казаки были вынуждены укрыться в заливе у устья р. Прорвы, где ждали это судно неделю. В результате позднего прибытия на восточный берег Байкала и этой задержки сезонное похолодание вынудило отряд Бекетова встать на в устье р. Прорва на зимовку.

Готовясь к зимовке, служилые люди в устье реки Прорвы срубили «новое государево зимовье». Во время встречи казаков П. Бекетова с царевичем Кунтуцином казаки назвали построенное зимовье «государевым новым острожком»[7]. Безусловно, это было сделано для того, чтобы повысить в глазах монгольского царевича статус своего отряда. Термин «зимовье», которое в своей отписке использовал сам П. Бекетов, скорее говорит о том, что это было временное, сезонное сооружение, которое не планировалось сохранять и постоянно использовать в будущем. Других сведений об этом зимовье не сохранилось.

11[8] (по другой отписке 16[9]) июня 1653 г. Бекетов на дощаниках от устья р. Прорвы пошел по оз. Байкал, рр. Селенге и Килке к Беклемишевским озерам. На весь путь от устья р. Прорвы он потратил чуть больше 100 дней (102–107 дней).

---

[1] Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. — Новосибирск, 2017. — С. 69–71.

[2] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12 т. — СПб., 1846–187. — Т. 3. — 1848. — 572 с. — С. 220.

[3] Там же. С. 221.

[4] Там же. С. 343–345.

[5] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 326.

[6] Там же. Л. 179.

[7] Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1. — 493 с. — С. 193.

[8] Там же. С. 192.

[9] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 326 об.

На следующий день, после прибытия на Иргень, Петр Бекетов с 4 своими наиболее опытными служилыми людьми в течение 3 дней на конях проводил осмотр окружающей местности[10].

По результатам этой разведки были составлены описания близлежащих озер Шакшинской группы — Иргень Шакша, Арахлей, выбрано место под строительство Иргенского острога, а также определен наиболее удобный и легкий для преодоления водораздела волок.

Три дня потребовалось на выбор места для острога. Какое-то время было потрачено на заготовку леса, поэтому реально первые работы по возведению Иргенского острога могли начаться только в октябре 1653 г.

Для строительства острога Бекетов отобрал «служилых людей и казачьих наемщиков и гулящих охочих людеи семьдесят два ч(е)л(о)в(е)ка». Руководить возведением острога было поручено казачьему десятнику Дружинке Васильеву Попову Даурскому.

Острог был поставлен «по нижную сторону Ергенсково истоку к Ирьгеню озеру в стрелке вверх идучи по Килку реке на левой стороне против самово волоку Онгидинсково»[11].

Еще до начала строительства Иргенского острога П. Бекетов отобрал 30 человек служилых людей и казачьих наемщиков из состава своего отряда и поручил им перенести за волок на р. «Онгиду» все свои запасы. Возглавить этот отряд было поручено пятидесятнику казачьему Ивашке Котелникову. Перешедшим за волок служилым людям и казачьим наемщикам П. Бекетов приказал делать плоты. Плоты были готовы во второй декаде октября. К этому времени и сам П. Бекетов со своим имуществом перешел за волок. 19 октября 1653 г., погрузив все перенесенное за волок имущество, начал сплав по р. Ингоде на р. Шилку «для острожново ставленья и для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачно во збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)ръскую высокую руку». Однако далеко продвинуться они не смогли. Проплыв по р. Ингода полдня и преодолев расстояние примерно 10 верст, плоты наткнулись на ледовый затор. Поняв, что дальнейший сплав невозможен, П. Бекетов принял решение о строительстве в районе ледового затора укрепленного зимовья. Зимовье состояло из «государева амбара» и 3 казачьих изб. Наиболее вероятно, что в плане территория зимовья была прямоугольной, в трех углах которой находились избы, а в четвертом — амбар. После завершения строительства оно в отписках П. Бекетова именовалось «новым государевым зимовьем». Вне всякого сомнения, это зимовье, как и зимовье на р. Прорве, было временным сооружением.

Однако задержка сплава П. Бекетова не обескуражила. Сразу по завершении возведения зимовья и перемещения туда всего имущества он конным путем отправил на р. Шилку отряд из 10 человек, возглавляемый казачьим десятником Максимкою Уразовым, «к нелюдскому князцу Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожново поставленья и для государева ясачного збору и вновь землиц при воду под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)ръскую руку». Старшим в «новом государеве зимовье» был назначен Ивашко Котельников. Сам Бекетов вернулся зимовать в Иргенский острог[12].

20 января 1654 г. в Иргенский острог с р. Шилки с отписками от М. Уразова пришел служилый человек Поздейко Яковлев Шанов. Он сообщил, что «служилые люди на великой реке Шилке, против устья Нерчи реки, Шилкою рекою на низ пловучи на правой стороне, приискав крепкое и угожее место где быть г(о)с(у)д(а)р(е)ву большому острогу, у рыбных ловель и у пашенных мест, для заимки поставили малой острожек, а в нем одна изба с нагороднею»[13]. Позднее этот острожек П. Бекетов называл «Шилской»[14].

Вместе с отписками П. Бекетов из Иргенского острога также направил в Енисейский острог «чертежи Байка[лу озеру и сторонним] рекам которые впали в Байкал озеро [Селенге и Килке рекам] и Иргеню озеру и Шапше и Раклею и Тасею [и про]чим озерам и рекам которые ис тех озер вышли и во[локу Ирген]скому и иным волокам которые волоки и с ыных [покатей ле]жат на Ингоду реку и великой реке Шилке и Нерчи и иным [всяк] им сторонним рекам и г(о)с(у)д(а)р(е)ву новому острогу Иргенскому [и острогу на реке Шил]ке ж и росписи всем озерам и рекам»[15]. Причем важно отметить, что, не найдя в отписке М. Уразова чертежа самого острога, П. Бекетов подробно расспросил прибывше-

[10] Там же. Л. 328–328 об.

[11] Там же.

[12] Там же. Л. 329–330.

[13] Там же. Л. 330 об.

[14] Там же. Л. 334.

[15] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.

го оттуда казака, и «тот г(о)с(у)д(а)р(е)в острог ввел в чертеж»[16].

В мае 1654 г., отпустив ясачную и десятинную казну, П. Бекетов разделил оставшихся казаков на 2 части. Восемнадцать служилых людей он оставил в Иргенском остроге. А с остальными сорока семью перешел через волок на р. Ингоду и, сделав плоты, стал сплавляться к устью р. Нерчи на р. Шилке[17]. По пути к своему отряду он присоединил зимовавших в государевом зимовье на Ингоде. Вероятно, чтобы облегчить себе размещение на реке Шилке и снизить трудозатраты на изготовление плотов, зимовье и избы служилыми людьми были разобраны и связаны в плоты. В более поздних документах оно не упоминается.

Однако на р. Шилке экспедиция П. Бекетова распалась. Большая часть отряда — 33 человека (служилые и гулящие люди и казачьи наемщики) во главе с Онтипкой Черкашенином и Савкой Кочиным — бежали с устья р. Нерча на Амур[18].

Оставшись с 14 служилыми людьми и понимая, что источником пищи для них может быть только пашня, П. Бекетов приказал всем заняться подготовкой земли под нее. После сева П. Бекетов планировал поставить на устье р. Нерчи острог. Однако иноземцы не позволили ему сделать это. Большой острог на устье р. Нерчи остался не возведенным. П. Бекетов, чтобы избежать голода среди оставшихся с ним казаков, ушел на Амур к Онуфрию Степенову, а острожек, построенный М. Уразовым, был тунгусами сожжен.

Осенью 1655 г. в Иргенский острог пришел отряд, возглавляемый енисейским сыном боярским Никифором Кольцовым. Казаки этого отряда восстановили Шилкский острожок, который после ухода из него Микифора Кольцова возглавил Калинка Полтинин.

После того как 10 октября 1656 г. ясачные «иноземцы» «шунниские и челкагирские Зярма да Зягара шаман с товарыщи», изменив, захватили и сожгли Иргенский острог, в живых из его гарнизона остались только 2 раненых — Петрушка Офонасьев Новгородец и казачий наемщик Микитка Ситник. Сплавившись на плоту по р. Ингоде, они «приплыли голодны и холодны октября в 23 день» в Шилкский острог. Ободренные успехом, тунгусы осадили и Шилкский острог. Руководивший крепостью Полтинин написал отписку Пашкову с просьбой о срочной помощи людьми и провиантом, т. к., питаясь «сосною и травою и кореньем», они расчитывали продержаться там только до весны 1657 г. Полтинин отправил отписку с описанием всех произошедших событий 18 декабря 1656 г. Она была получена в Братском остроге 10 мая 1657 г., когда даурский полк Пашкова направлялся в Забайкалье. Однако на помощь русским отрядам, оставшимся в Забайкалье, он прийти не успел. Судьба и этого острога была предрешена. Не получив серьезного подкрепления, Шилкский, как и Иргенский острог, был уничтожен тунгусами, а находившиеся в них казаки были убиты[19].

В 1650-х гг. из отписок енисейских и якутских воевод в Москву о походах Е. Хабарова и П. Бекетова стали поступать сведения о богатой Даурской земле, расположенной рядом с р. Амур. Однако Зиновьев привез с Амура и тревожные вести о том, что казаки не смогли создать в Приамурье крепость, которая могла бы стать центром закрепления за Россией новых земель. Отсутствие опорных пунктов осложнялось острой нехваткой запасов продовольствия даже для имеющихся на Амуре сил. Даурские пашни были заброшены, а собственных посевов не было.

Сведя воедино все полученные данные, царь повелел енисейскому воеводе Пашкову оставить свой пост в Енисейском остроге и «в Даурской земле быти воеводою».

По следам отряда П. Бекетова даурский воевода Афонасий Пашков пришел со своим отрядом в Забайкалье. Пройдя тем же маршрутом, что и П. Бекетов — по рр. Селенга и Хилок, он так же смог достичь оз. Иргень. Прибыв на оз. Иргень, Пашков на месте сожженного построил «острог з жилыми избами и всякия острожныя крепости учинил и надолбы круг острога поставил в самом угожем месте и у рыбных у больших ловель». Зимой 1657/1658 г. служилыми людьми из отряда Даурского воеводы А.Ф. Пашкова между Большим и Малым озерами Телемба был основан Теленбинский острог, который долгое время был единственным местом в Восточном Забайкалье, где добывалась железная руда и выплавлялось железо[20].

Здесь следует заметить, что к этому времени западное Забайкалье уже считалось присоединенным к Енисейскому воеводству, поэтому в наказе А. Пашкову было определено,

[16] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 334–335.

[17] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.

[18] Там же. Л. 4.

[19] РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. Л. 334.

[20] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12 т. — СПб., 1846–1872. — Т. X. — 1867. — 516 с. — С. 252–254.

что ему следует поставить острог восточнее Шилского острога, возведенного казаками П. Бекетова.

Зимой 1658 г. полк Пашкова вышел из Иргенского острога, перейдя за волок на р. Ингоду. На р. Ингоде началась масштабная заготовка леса для строительства укреплений крепости, которая будет контролировать «новую Даурскую землю», под которой на этот момент подразумевались территории Приамурья. Пашков предполагал, что на Амуре богдойские и «и иных неверных земель люди» могут помешать ему «лес сечь и башни рубить», поэтому было решено сделать все заранее, сплавив до места строительства по воде.

В заготовке леса участвовали полковые ратники из сибирских городов и 160 человек новоприборных служилых людей. Они изготовили 8 башен для Даурского острога, в т. ч. 2 с проезжими воротами и 200 сажен острогу для 4 стен. Кроме этого, тут же был заготовлен лес и для восстановления Шилского острога, который был назван Верхним Шилкским острогом.

Весной 1658 г., как только растаял лед, оба острога и лес для церковного строительства были «сплочены» в 170 плотов и начался их сплав к устью р. Нерчи. Маршрут пролегал по рр. Ингоде и Шилке.

В устье р. Нерчи Пашков выбрал место для острога так, чтобы удобно было контролировать племена тунгусов и нелюдов, а также заниматься хлебопашеством и соболиным промыслом. Строительство Верхнего Шилкского острога не вызвало затруднений. Уже 29 июля 1658 г. этот острог был возведен.

Действуя в соответствии с наказом, А. Пашков провел разведку местности вниз по Амуру, чтобы подобрать место для строительства Даурского острога. 18 июня 1658 г. даурский воевода отправил на Амур своего сына Еремея и 30 служилых людей в легких стругах. Еремей должен был определить, где лучше поставить Даурский острог. Отряд вернулся в Верхний Шилкский острог к 29 июля 1658 г. Еремей доложил о том, что «пристоит де поставить ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в острог в Даурской земле на Албазине городище».

16 июня 1658 г. Пашков послал на низ Амура «до моря» казачьих пятидесятников Андрея Потапова и Вавилка Фомина и 30 человек в легких стругах. Они должны были найти полк О. Степанова и известить его о том, что нужно идти на соединение с Пашковым и строить острог для контроля над Даурской землей. Степанов должен был подняться по Амуру до Албазинского городища и здесь ждать полк Пашкова. Кроме того, он должен был отрядить 100 человек в Верхний Шилкский острог для помощи в сплаве леса, предназначенного для строительства Даурского острога и церкви.

Однако объединение полка Пашкова и казаков Амурского войска, возглавляемого Степановым, в результате его уничтожения маньчжурами 30 июня 1658 г. не произошло. Присоединение приамурских земель к территории, контролируемой Пашковым в Забайкалье, не состоялось ни фактически, ни формально. Даурский острог и Воскресенская церковь остались невозведенными.

Летом 1658 г. обстановка в отряде А. Пашкова стала ухудшаться. У служилых людей стало заканчиваться продовольствие. По данным Пашкова, в полку к 29 июля 1658 г. 58 человек были убиты и умерли от «хлебной скудости». Еще 53 человека лежали при смерти. Учитывая складывающуюся обстановку, в 1659 г. А. Пашков перешел из Верхнего Шилкского острога в Иргенский острог, где оставался до его перемены Л. Толбузиным. Начиная с 1659 г. в грамотах Сибирского приказа Верхний Шилкский острог получил название «Нерчинский», которое в последствии за ним и закрепилось. После смены А. Пашкова Л. Толбузиным, а в дальнейшем и Д. Аршинским, Нерчинский острог продолжал развиваться.

Ко времени начала мирных переговоров между русским послом Ф. Головиным и маньчжурами в 1689 г. Нерчинский острог заметно обветшал. В статейном списке посольства Головина находим следующие сведения о состоянии Нерчинского острога: «...А Нерчинской острог был гораздо мал и худ, и многие бревна подгнили, и к воинскому промыслу был безнадежен...»[21].

Когда переговоры зашли в тупик и маньчжуры фактически осадили Нерчинский острог, Ф.А. Головин предпринял меры к увеличению его обороноспособности. Были проведены работы по фортификационному оборудования подступов к крепости. Несмотря на серьезность складывающейся обстановки, за счет дипломатических усилий с русской стороны, прямого боестолкновения удалось избежать. Поэтому сразу после подписания Нерчинского мирного договора по распоряжению Федора Головина на старом острожном месте была начата коренная перестройка Нерчинского острога,

[21] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – 836 с. – С. 537.

Находки экспедиции А.Р.Артемьева на месте расположения Иргенского острога

Памятный камень на месте Иргенского острога, 2015 г. Фото А.В. и Н.Н. Константиновых

в которой приняли участие прибывшие с ним стрельцы.

Однако полноценно завершить строительство острога не удалось. Даже спустя 7 лет с начала перестройки острога его стены оставались некрытыми, а из угловых башен покрыта только одна. Из-за этой нерасторопности башни и стены острога, возведенные усилиями сотен стрельцов и казаков, начали гнить и разрушаться, а через 2 года в весеннее половодье р. Нерча подмыла одну из угловых башен.

В дальнейшем выше по течению р. Нерчи возвели новую крепость, которая в целом сохранила основные объемно-планировочные решения острога 1689 г. постройки.

ИРГЕНСКИЙ ОСТРОГ

План места расположения Иргенского острога. 1 — границы культурного слоя; 2 — границы кладбища; 3 — шурфы 1–6

Иргенский острог был основан казаками отряда енисейского сына боярского П. Бекетова. В одной из своих отписок Бекетов указал, что пришел на оз. Иргень за неделю до праздника Покрова Пресвятой Богородицы[22]. Более точно он указал дату своего прибытия на Иргень в «скаске», записанной с его слов в Якутском остроге, — 26 сентября 162 (1653) г.[23]

На следующий день после прибытия на Иргень Петр Бекетов с 4 своими наиболее опытными служилыми людьми — пятидесятником казачьим Ивашкою Котелниковым, десятником казачьим Ивашкою Герасимовым Чебучаковым, Якункою Ивановым Поповым и Феткоою Семеновым Мантуровым — в течение 3 дней на конях проводил осмотр окружающей местности для определения места постройки будущего Иргенского острога[24].

По результатам этой разведки были составлены описания близлежащих озер Шакшинской группы — Иргень? Шакша, Арахлей, найдено место под строительство Иргенского острога, а также определен наиболее удобный и легкий для преодоления водораздела волок. Острог был поставлен «по нижную сторону Ергенсково истоку к Ирьгеню озеру в стрелке вверх идучи по Килку реке на левой стороне против самово волоку Онгидинсково».

В большинстве исследований датой начала строительства Иргенского острога названо 24 сентября. Однако это неверно, поскольку к оз. Иргень отряд прибыл только 26 сентября[25]. Три дня потребовалось на выбор места для острога. Какое-то время было потрачено на заготовку леса, поэтому реально первые работы по возведению Иргенского острога могли начаться только в октябре 1653 г.[26]

Для строительства острога Бекетов отобрал «служилых людей и казачьих наемщиков и гулящих охочих людеи семьдесят два ч(е)л(о)в(е)ка». Руководить возведением острога было поручено казачьему десятнику Дружинке Васильеву Попову Даурскому. В остроге были поставлены государев казенной анбар, 6 изб казачьих жилых с нагородни, 2 ворот, караульня над воротами. О размерах острога ничего не известно. К сожалению, в известных документах ничего не сказано и о конструкции стен, но термин «острог», как правило, предусматривает их тыновую конструкцию. Известно, что в остроге была «съезжая изба» и какие-то иные «всякие острожные крепости». Под ними можно подразумевать верхний и нижний бой в стенах, на внешнем периметре стен ров и «чеснок». Но о том, что было сделано реально, можно только догадываться. Вокруг острога были установлены «надолопы»[27]. Возможно, при возведении острога в нем была построена часовня. По крайней мере, 10 октября 1656 г. перед тем как Иргенский острог, построенный отрядом П. Бекетова, был тунгусами уничтожен, в нем часовня была. По свидетельству казаков, в часовне были: икона «Спас», икона «Пречистая Богородица», икона «Иванна

[22] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 327–327 об.
[23] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.
[24] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 328–328 об.
[25] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.
[26] Трухин В.И., Багрин Е.А. Походу Петра Бекетова в Забайкалье 370 лет: новые штрихи к известным событиям. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». — Т. 9 (75), № 1. — 2023. — С. 126.
[27] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 328 об. – 329.

Предтечи», а также казна: книги и свечи[28]. Иргенский острог, построенный отрядом енисейского сына боярского Петра Бекетова, был сожжен «воровскими» тунгусами, которые, изменив в 7164 г., побили баунтовских и баргузинских служилых людей и, разворовав ясачную соболиную казну, откочевали в Забайкалье. Служилые люди, бывшие в Иргенском остроге, были «обманом» перебиты. Тунгусам достались казенные сукна, олово и якоря. Позднее даурским служилым людям отряда даурского воеводы А. Пашкова удалось поймать зачинщиков измены «Сажик да Волосач Боявица да Ломанейко с товарищи». Они были посажены в тюрьму, и их планировали повесить «созвав... ясачных многих людей... что б... на то смотря, такия ж воры... изменники впредь... острогов не жгли и служилых людей не побивали и казны... не грабили»[29].

Через год отряд А.Ф. Пашкова, который уже был в статусе даурского воеводы, по рр. Селенге и Хилок также смог достичь оз. Иргень. Прибыв на оз. Иргень, Пашков на месте сожженного построил «острог з жилыми избами и всякия острожныя крепости учинил и надолбы круг острога поставил в самом угожем месте и у рыбных у больших ловель». Подробных сведений о его фортификации не сохранилось. Однако можно согласиться с мнением А.Р. Артемьева, который считал, что в описании Иргенского острога 1704 г. речь идет о крепости, построенной казаками Пашкова, поскольку по своим размерам и насыщенности башнями она уступала только Нерчинскому острогу, в то время как военного значения давно не имела[30]. Удалось выявить еще одно аналогичное описание Иргенского острога, относящееся к 1710 г., с одним важным уточнением. В нем указано, что сохранившиеся башни острога были глухими: «Иргенский острог стоячий мерою кругом пятдесят две сажени. По тому острогу четыре башни ветхие глухие огнили и розвалились. Под башнями избы. А ведом тот острог к Теленбинскому острогу»[31].

Место острога расположено в 1,5 км к северо-востоку от с. Иргень (Читинский район, Забайкальский край) на берегу оз. Иргень, где озерная протока соединяется с Хилком. Река в этих местах совсем небольшая, берега озера и реки низкие, местами заболоченные, поросшие лиственницей. Месторасположение острога не было забыто, поскольку еще в XVIII в. на его месте была построена часовня в честь казаков Симеона, Киприана, Иосифа и Василия, загубленных, по легенде, по приказу «неправедного воеводы» и объявленных святыми великомучениками. В 1862 и 1872 гг. на этом месте построили церкви, в 1866 г. возник миссионерский стан. Иргень стала местом массового паломничества христиан, куда ежегодно совершались крестные ходы. В 1920-е гг. миссионерский стан был закрыт, его строения разобраны, запрещены были и крестные ходы (в 1990-е гг. возобновились). В 2015 г. на месте Иргенского острога забайкальскими казаками был установлен памятный камень.

Впервые археологические раскопки на месте острога были проведены Верхнеамурской археологической экспедицией Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева в 1983 г. Установлено, что верхняя часть отложений культурного слоя связана со временем миссионерского стана, а нижняя — острога. Нижняя часть культурного слоя содержала большое количество костей рыб и животных, а также фрагменты керамики, глиняные грузила для сетей, костяную накладку на лук, наконечник стрелы, костяную свистунку, стеклянные бусы, подкову, ножи и костяную пластину со сквозными отверстиями[32].

В 1994 г. месторасположение памятника было обследовано Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. На памятнике было заложено шесть шурфов размерами 2×2 м. В одном из шурфов найдено два бронзовых наперстка, бронзовый перстень-печатка. Помимо этого, найдены кресало, медная деньга 1748 г., пастовая бусина, два железных ножа, костяная накладка, сапожная подковка[33].

---

[28] РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. Л. 343.

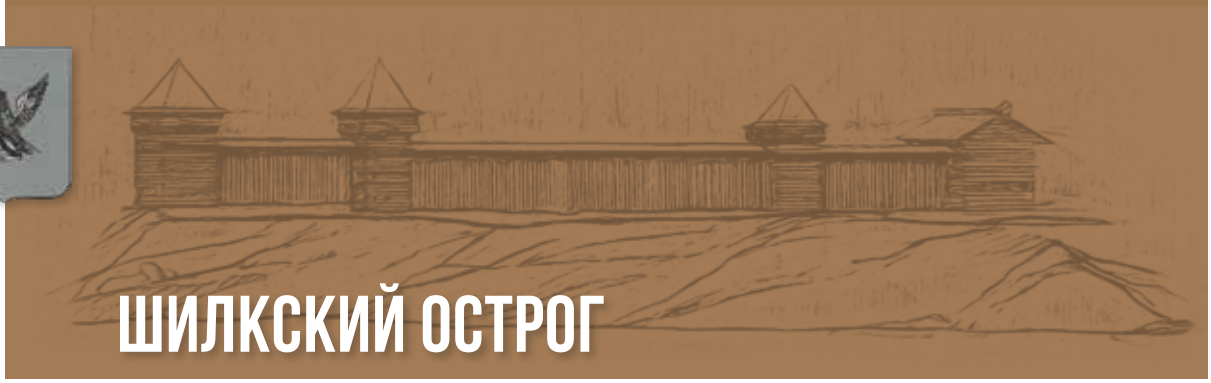
[29] Там же. Л. 333–335.

[30] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. – 336 с. – С. 45.

[31] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед.хр. 1977. Л. 6.

[32] Ковычев Е.В. Иргенский острог // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С.142–143.

[33] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток, 1999. – 336 с. – С. 43–46.

ШИЛКСКИЙ ОСТРОГ

Предшественником Нерчинского острога традиционно считается Шилкский острог, построенный казаками из отряда Петра Бекетова, возглавляемыми М. Уразовым.

Еще до начала строительства Иргенского острога в сентябре 1653 г. П. Бекетов отобрал 30 человек служилых людей и казачьих наемщиков из состава своего отряда. Они должны были перенести за волок на р. «Онгиду»[34] все свои запасы. Возглавил этот отряд Ивашко Котелников. Кроме того, для ускорения этого процесса казакам, занимавшимся строительством Иргенского острога, было поручено перенести за волок хлеб из расчета 2 пуда хлеба на каждого человека отряда И. Котельникова. За волоком служилые люди и казачьи наемщики сделали плоты. Здесь важно отметить, что средства сплава были выбраны не случайно. Казаки знали, что в устье р. Нерчи нет леса, пригодного для возведения острога. Можно предположить, что материал плотов они планировали использовать для возведения укреплений и хозяйственных построек. Плоты были готовы во второй декаде октября. 19 октября 1653 г. П. Бекетов с казаками И. Котелникова, погрузив все перенесенное за волок имущество, начал сплав по р. Ингоде на р. Шилку «для острожново ставленья и для г(о)с(у)д(а)р(е)-ва ясачново збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)ръскую высокую руку». Однако далеко продвинуться они не смогли. Проплыв по р. Ингода полдня и преодолев расстояние примерно 10 верст, плоты наткнулись на ледовый затор. Поняв, что дальнейший сплав невозможен, П. Бекетов принял решение о строительстве в районе ледового затора укрепленного зимовья. Зимовье состояло из «государева амбара» и 3 казачьих изб. Наиболее вероятно, что в плане территория зимовья была прямоугольной, в 3 углах которой находились избы, а в 4-м амбар. После завершения строительства оно в отписках П. Бекетова именовалось «новым государевым зимовьем». Вне всякого сомнения, это зимовье, как и зимовье на р. Прорва, было временным сооружением. Название «государево» было связано исключительно с тем, что в амбаре хранилось государственное имущество. Вполне вероятно, для ускорения строительства амбар и казачьи избы были сооружены из плотов. Однако задержка сплава П. Бекетова не обескуражила. Сразу по завершении возведения зимовья и перемещения туда всего имущества он конным путем отправил на р. Шилку отряд из 10 человек, возглавляемый казачьим десятником Максимкою Уразовым, «к нелюдскому князцу Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожново поставленья и для государева ясачного збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)ръскую руку». Старшим в «новом государеве зимовье» был назначен Ивашко Котелников. Сам Бекетов вернулся зимовать в Иргенский острог[35].

20 января 1654 г. в Иргенский острог с р. Шилки с отписками от М. Уразова пришел служилый человек Поздейко Яковлев Шанов. Он сообщил, что «служилые люди на великой реке Шилке, против устья Нерчи реки, Шилкою рекою на низ пловучи на правой стороне, приискав крепкое и угожее место где быть г(о)с(у)д(а)р(е)ву большому острогу, у рыбных ловель и у пашенных мест, для заимки поставили малой острожек, а в нем одна изба с нагороднею»[36]. Позднее этот острожек П. Бекетов называл «Шилской»[37].

Вместе с отписками П. Бекетов из Иргенского острога также направил в Енисейский острог «чертежи Байка[лу озеру и сторонним] рекам которые впали в Байкал озеро [Селенге и Килке рекам] и Иргеню озеру и Шапше и Раклею и Тасею [и про]чим озерам и рекам которые ис тех озер вышли и во[локу Ирген]скому и иным волокам которые волоки и с ыных [покатей ле]жат на Ингоду реку и великой реке

[34] Современная р. Ингода.
[35] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л.329–330.
[36] Там же. Л. 330 об.
[37] Там же. Л. 334.

Шилке и Нерчи и иным [всяк]им сторонним рекам и г(о)с(у)д(а)р(е)ву новому острогу Иргенскому [и острогу на реке Шил]ке ж и росписи всем озерам и рекам»[38]. Причем важно отметить, что, не найдя в отписке М. Уразова чертежа самого острога, П. Бекетов подробно расспросил прибывшего оттуда казака, и «тот г(о)с(у)д(а)р(е)в острог ввел в чертеж»[39].

В мае 1654 г., отпустив ясачную и десятинную казну, П. Бекетов разделил оставшихся казаков на 2 части. Восемнадцать служилых людей он оставил в Иргенском остроге. А с остальными сорока семью перешел через волок на р. Ингоду и, сделав плоты, стал сплавляться к устью р. Нерчи на р. Шилке.[40] По пути к своему отряду он присоединил зимовавших в государевом зимовье на Ингоде. Вероятно, чтобы облегчить себе размещение на реке Шилке и снизить трудозатраты на изготовление плотов, зимовье и избы служилыми людьми были разобраны и связаны в плоты. Причина этому была банальна — разместиться всему отряду в Шилском острожке, состоящем из одной избы, было невозможно, поэтому, чтобы не оказаться в открытом поле без крыши над головой, казаки должны были об этом подумать. На этом свое существование зимовье на р. Ингоде, вероятно, прекратило, поскольку в более поздних документах оно не упоминается.

Однако на р. Шилке экспедиция П. Бекетова распалась. Большая часть отряда — 33 человека (служилые и гулящие люди и казачьи наемщики) во главе с Онтипкой Черкашенином и Савкой Кочиным, бежали с устья р. Нерчи на Амур.

Оставшись с 14 служилыми людьми и понимая, что источником пищи для них может быть только пашня, П. Бекетов приказал всем заняться подготовкой земли под нее. После сева П. Бекетов планировал поставить на устье р. Нерчи острог. Однако иноземцы не позволили ему сделать это. Большой острог на устье р. Нерчи остался невозведенным. П. Бекетов, чтобы избежать голода среди оставшихся с ним казаков, ушел на Амур к Онуфрию Степенову, а острожек, построенный М. Уразовым, был тунгусами сожжен.

Осенью 1655 г. в Иргенский острог пришел отряд, возглавляемый енисейским сыном боярским Никифором Кольцовым. Казаки этого отряда восстановили Шилкский острожок, который после ухода из него Микифора Кольцова возглавил Калинка Полтинин. Несмотря на то, что острог, в котором находились казаки Калинки Полтинина, назывался Шилским, как и первый острог, поставленный казаками Петра Бекетова в устье р. Нерчи, отождествлять 2 эти оборонительных сооружения нецелесообразно. В отписке К. Полтинина

[38] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.
[39] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 334–335.
[40] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 3.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы Нерчинского Успенского монастыря. Вид с севера. В настоящее время с. Калинино Нерчинского района. Фото Ф.Д. Соседко. 1902 г. Из собрания ГАЗК

неоднократно подчеркивалось, что из Иргенского острога доплыть до Шилского острога и вернуться из него назад можно двигаясь по р. Ингоде, а не по р. Шилке. Также К. Полтинин подчеркивал, что для того, чтобы попасть из Шилского острога к устью р. Нерчи, надо плыть вниз по р. Шилке. Из чего можно сделать вывод, что р. Нерча, хоть и находилась относительно недалеко от Шилского острога, но все же это было обособленное место[41].

Причиной такого расположения Шилского острога К. Полтинина могло послужить отсутствие в устье р. Нерчи пригодного для строительства острога леса. На это в своей работе указал и Г.Ф. Миллер, описывая Городищенскую слободу. Кроме того, он обратил внимание и на самоназвание слободы, связав его с местом расположения одного из острожков, поставленных енисейскими казаками до постройки Нерчинского острога[42]. Поэтому вполне вероятно, что острожек К. Полтинина был поставлен в устье р. Ингоды, в то время как М. Уразов поставил свой острог ниже устья р. Нерчи.

После того как 10 октября 1656 г. ясачные «иноземцы» «шунниские и челкагирские Зярма да Зягара шаман с товарыщи», изменив, захватили и сожгли Иргенский острог, в живых из его гарнизона остались только 2 раненых — Петрушка Офонасьев Новгородец и казачий наемщик Микитка Ситник. Сплавившись на плоту по р. Ингоде, они «приплыли голодны и холодны октября в 23 день» в Шилкский острог. Ободренные успехом, тунгусы осадили и Шилкский острог. Руководивший крепостью Полтинин написал отписку Пашкову с просьбой о срочной помощи людьми и провиантом, т. к., питаясь «сосною и травою и кореньем», они расчитывали продержаться там только до весны 1657 г. Полтинин сообщал, что оставит острог, если к этому моменту не будет подмоги: «и как… лед скроетца и мы… из острогу взяв… казну и в стругу пойдем в верх по Ингоде реке днем и ночью с великим береженьем до Иргенсково волоку… и дошед до волоку тое… казны поднять не на чем за волок и носить голодным немошно и мы… порох и свинец и медь и олово спрятав в яму и за волок попадать станем как мошно». Принимая во внимание важность доставки этого письма, Полтинин отпустил с ним 7 человек, оставив в крепости только 5 служилых людей. Полтинин отправил отписку с описанием всех произошедших событий 18 декабря 1656 г. Она была доставлена в Братский острог 10 мая 1657 г., когда даурский полк Пашкова направлялся в Забайкалье. Однако на помощь русским отрядам, оставшимся в Забайкалье, он прийти не успел. Судьба и этого острога была предрешена. Не получив серьезного подкрепления, Шилкский, как и Иргенский острог, был уничтожен тунгусами.

Предположение о том, что Шилкский острог располагался на месте с. Калинино Нерчинского района, высказывали Н.П. Крадин, М.Ю. Тимофеева[43] и А.Р. Артемьев[44]. Село расположено на правом берегу Шилки несколько ниже устья Нерчи. Вероятность такого расположения острога подтверждает и анализ карты. Предполагаемое место — это единственный, совсем небольшой участок по правому берегу Шилки, где изгиб протоки вплотную подходит к террасе и имеется «крепкое и угожее место». Привлекательно это место было и тем, что вдоль правого берега реки протянулся Борщовочный хребет, покрытый строевым лесом, а левый берег — степной. Таким образом, Шилкский острог располагался примерно в пяти километрах от Нерчинского, но был построен в 1653 г. и сожжен тунгусами в 1656 г. Вероятно, позже это место вновь стало осваиваться.

Известно, что по просьбе первых забайкальских землепроходцев на имя Петра I была подана челобитная. В ней они молили государя об устроении обители: «И те престарелые отставленные служилые люди желают постричься. А в Нерчинске де монастыря не бывало, и по се время нет»[45]. Нерчинский Успенский монастырь был создан по царскому указу в 1706 г. Для сооружения монастыря выбрали тихое и «угожее» место недалеко от Нерчинска на противоположной стороне Шилки.

О расположении, размерах монастыря позволяет судить его план, составленный С. Немцовым в 1728 г.[46] Территорию монастыря (8×57 саженей) оконтуривала кирпичная

---

[41] РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. Л. 342, 343.

[42] Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отдние. 1990. 247 с. — С. 184–185.

[43] Крадин Н.П., Тимофеева М.Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. — 1988. — № 1. — С. 171–174.

[44] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. — Владивосток, 1999. — 336 с. — С. 57, 228.

[45] Казакова Т.П. Нерчинский Успенский монастырь (1706–1764) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник № 6. — Чита, 2003. — С. 82–87; Казакова Т.П., Литвинцев С.Ю. Успенский монастырь // Нерчинск. Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья». — Чита: ЗабГУ, 2013. — С. 31–39.

[46] РГАДА. Ф. 192. Д. № 80/1.

ограда. Внутри находилась каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы (1712), каменные и деревянные кельи, келья игумена, амбары, кладовые, погреб, трапезная. К востоку от ограды за ключом располагались дворы монастырских вкладчиков, кузница, мельница, кожевня, дубня, конный двор, баня, гумно, два овина. С церковной колокольни хорошо были видны башни Нерчинского острога и каменная Троицкая церковь, построенная в 1720 г. Монастырь также планировалось окружить прямоугольной крепостью с четырьмя башнями по углам. Не удалось построить и земляные бастионы наподобие нерчинских, так что крепостью монастырь так и не стал. Вокруг монастыря образовалось село, получившее название Монастырское (до 1923 г.).

Монастырь был обителью не только монахов. Здесь содержали особо опасных государственных преступников. Среди монастырских узников самым известным был Гедеон (Георгий Дашков) — один из иерархов Русской православной церкви начала XVIII в., вице-президент Св. Синода, архиепископ Ростовский и Ярославский, обвиненный в государственной измене и сосланный в 1735 г. в Нерчинский монастырь с наказом «содержать его там до смерти не исходно под крепким караулом и никого к нему не допускать»[47]. Дашков умер в 1740 г. и был похоронен как государственный преступник, а в 1741 г. после смерти императрицы Анны Иоановны реабилитирован.

Монастырь просуществовал до 1773 г., после чего церковь стала приходской. В 1781 г. было получено разрешение на разборку каменных стен и келий. В наше время от монастыря сохранилась только каменная церковь Успения Пресвятой Богородицы (с 2022 г. идет ее реконструкция).

В 2012, 2015–2017 гг. исследования на памятнике проводились археологическим отрядом Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» совместно с Забайкальским государственным университетом под руководством А.В. Константинова. Проведение работ также поддержали Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Нерчинский краеведческий музей.

Раскопки проводились у северной, обращенной к Шилке, стены храма внутри современной ограды. Раскоп площадью около 100 кв. м вытянулся вдоль всей стены от главного входа в храм до алтаря. Раскопки позволили выявить стратиграфию памятника, получить набор артефактов, понять характер их распространения, выявить неизвестные прихрамовые структуры. Все находки связаны с верхней частью отложений (почвенно-дерновый слой) и залегают в нем до глубины в 15–20 см. Ниже идет другой литологический слой — темный (до черноты) почвенный слой времени атлантического оптимума (8–4 тыс. л. н.), который не содержит находок.

В ходе раскопок найдено более 300 артефактов. Среди них кованные гвозди, фрагменты керамики, а также обломки фаянсовых и стеклянных сосудов, фрагменты слюды, медный нательный крестик и скорняжная черешковая провертка. С целью изучения некрополя за алтарем был заложен еще один раскоп, которым выявлено семь плотно расположенных захоронений. Выявлены контуры шести могильных ям и массивная погребальная плита из песчаника размерами 0,6×1,5 м и толщиной до 0,3 м (могилы не вскрывались). Можно предположить, что с учетом близости к алтарной части храма, они относятся к начальной истории монастыря[48].

К археологическим поискам были подключены геофизические исследования методами электротомографии и георадиолокации. Последние выполнялись сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск), Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (Чита) под руководством В.В. Оленченко. Целью геофизических исследований было обнаружение церковного некрополя, оценка инженерно-геокриологических условий на территории и в основании церкви[49].

Абсолютное большинство находок, несомненно, связано с историей монастыря и церкви. Выявить и доказать точное местоположение острога сложно, тем более что просуществовал он совсем не долго. Вполне возможно, что он находился ближе к Шилке на краю террасы, но эта территория сейчас застроена сельскими усадьбами. При оценке роли монастыря следует учитывать, что само его основание тесно связано с землепроходцами Забайкалья. К тому же и монастырь стоял на восточных рубежах России и были планы превратить его в крепость, прикрывающую Нерчинск.

---

[47] Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Патриарший период. – М.: Харвест, 2007. – 370 с. – С. 260; Георгий Дашков в ссылке в Нерчинске // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1867. – № 2 (14 января). – С. 15–24.

[48] Константинов А.В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 125–136.

[49] Константинов А.В., Оленченко В.В., Шеин А.Н. Археогеофизические исследования на территории Успенской церкви в селе Калинино (Забайкальский край) // Регион в историческом развитии: приграничный формат: Материалы международной конференции. Чита, 23–25 сентября 2017 г. – Чита: изд-во ЗабГУ, 2017. – С. 20–24.

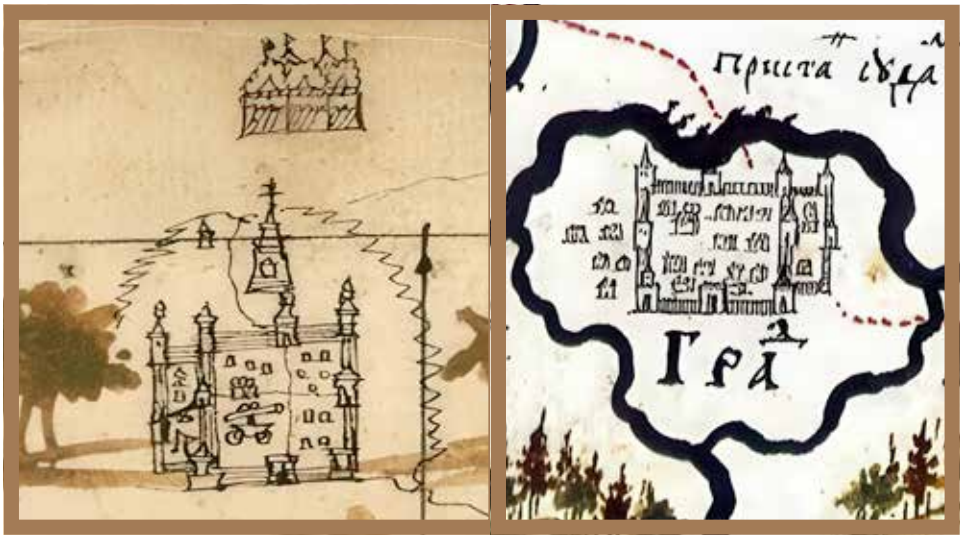
НЕРЧИНСКИЙ ОСТРОГ

Зимой 1658 г. полк А. Пашкова вышел из Иргенского острога, перейдя за волок на р. Ингоду. Здесь следует заметить, что к этому времени западное Забайкалье уже считалось присоединенным к Енисейскому воеводству, поэтому в наказе А. Пашкову было определено, что ему следует поставить острог восточнее Шилского острога, возведенного казаками П. Бекетова. Восстановление Шилского острога, сожженного тунгусами, не было основной задачей его отряда. Этим он просто обеспечивал себе тылы и промежуточную базу на своем пути в Даурию. На р. Ингоде началась масштабная заготовка леса для строительства укреплений крепости, которая должна была контролировать «новую Даурскую землю», под которой на этот момент подразумевались территории Приамурья. Пашков предполагал, что на Амуре богдойские и «и иных неверных земель люди» могут помешать ему «лес сечь и башни рубить», поэтому было решено сделать заготовки для строительства острога заранее, сплавив их до места строительства по воде.

В заготовке леса участвовали полковые ратники из сибирских городов и 160 человек новоприборных служилых людей. Они изготовили 8 башен для Даурского острога, в т. ч. 2 с проезжими воротами и 200 сажен острогу для 4-х стен. Кроме этого, тут же был заготовлен лес и для восстановления Шилского острога, который был назван Верхним Шилкским острогом: «Да тое ж г(о)с(у)д(а)ри зимы на Ингеде ж реке срубил я холоп ваш служилыми и новоприборными людьми на ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в другой верхней Шилкской острог четыре башни да к тем г(о)с(у)д(а)ри башням изготовил острог весь сполна». Из этого описания видно, что Верхний Шилкский острог был существенно меньше Даурского, что еще раз подчеркивает факт того, что восстановление острога на устье р. Нерчи было задачей второстепенной. В новом Даурском остроге Пашкову предписывалось построить «настоящую церковь, во имя Воскресения Христова; а у той церкви приделати два предела, во имя Алексея митрополита, да Алексея человека Божия». Поэтому вместе с заготовками для строительства крепостей был подготовлен лес и для церкви[50].

Весной 1658 г., как только растаял лед, заготовки на оба острога и лес для церковного строительства были «сплочены» в 170 плотов и начался их сплав к устью р. Нерчи. Кроме того, на плотах были размещены имущество, полковые лошади и по 2–3 служилых человека на 1 плот. Маршрут пролегал по рр. Ингоде и Шилке.

[50] Там же. Л. 65, 144, 325.

Наиболее ранние изображения Нерчинской крепости 1689 г. Слева направо: фрагмент листа 148 из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова. Глава 54 «Река Амур с урочищи»; фрагмент листа 65 «Чертеж земли Нерчинскаго города» из «Служебной чертежной книги» С.У. Ремезова

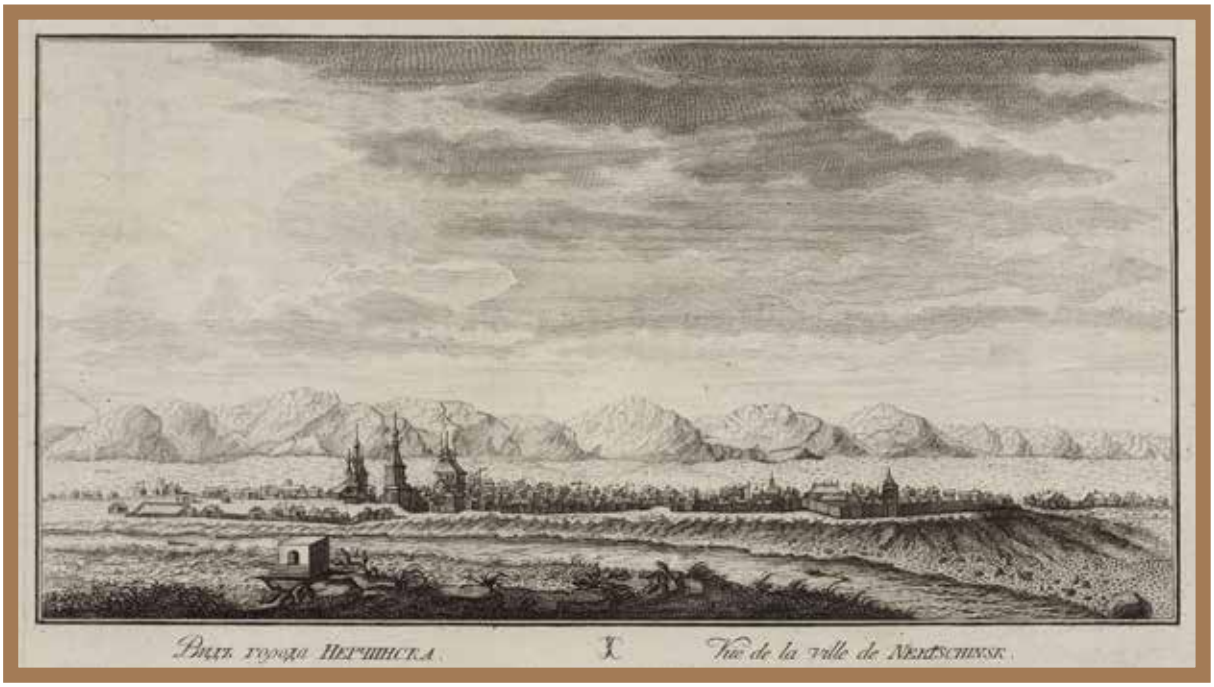

Нерчинская крепость. Гравюра «De hoft-stadt Nerzinskoi, in Dauria» из книги И. Идеса «Записки о русском посольстве в Китай»

Несмотря на значительную предварительную подготовку, сплав заготовленных конструкций по забайкальским рекам проходил сложно. В весенний период рр. Ингода и Шилка полноводны, но скорость течения у них очень высока, глубокие места сменяются мелями, и для больших плотов они труднопроходимы. Поэтому потери леса при сплаве были неизбежны. Из-за того, что Ингода «река каменная и быстрая», путь занял 3 недели. Плоты разбивало, возникали заторы и простои. В судах же этот путь можно было преодолеть за 4 дня[51].

В устье р. Нерчи Пашков выбрал место для острога так, чтобы удобно было контролировать племена тунгусов и нелюдов, а также заниматься хлебопашеством и соболиным промыслом. Строительство Верхнего Шилкского острога не вызвало затруднений. Уже 29 июля 1658 г. этот острог был возведен: «и доплыв г(о)с(у)д(а)ри я холоп ваш до усть Нерчи реки где та река впала в великую реку Шилку

[51] Там же. Л. 326, 340, 345.

И.В. Люрсениус. Вид города Нерчинска

розыскав самое угожее место в нелютцкой и в тнгуской землях у хлебных пашень и у соболиново угожево промыслу поставил ваш г(о)с(у)д(а)р(е)в острог». К сожалению, в отписках Пашкова описание этого острога не сохранилось. Однако, по имеющимся сведениям, о произведенных для его строительства заготовках можно предположить, что, как и в Иргенском остроге, в нем было 4 глухих угловых башни, а стены острога были тыновыми. Внутри острога, по свидетельству протопопа Аввакума, были избы, в одной из которых он жил[52]. Крепость была защищена надолбами и другими «острожными крепостями»[53].

Действуя в соответствии с наказом, А. Пашков провел разведку местности вниз по Амуру, чтобы подобрать место для строительства Даурского острога. Именно там А. Пашков планировал поставить и трехпрестольную церковь, строительство которой было оговорено в «Наказе...», данном ему при отправлении на службу в Даурию. Однако и Верхний Шилкский острог не остался без церкви. Как сообщил в своей отписке сам А. Пашков: «Да против тово вашево г(о)с(у)д(а)р(е)ва острогу в острожных крепостях в надолбах по бл(а)гословению преосвященного Симеона архиепископа Сибирского и Тоб[оль]ского и по своему г(о)с(у)д(а)ри я холоп ваш обещанью и сибирских разных одиннатцати городов всех служ[и]лых людей которые со мною холопом вашим на вашу г(о)с(у)д(а)р(е)ву даурскую службу посланы зачал рубить ц(е)рк(о)вь Б(о)жию наемными плотники во имя пресвятые вл(а)д(ы)ч(и)цы н(а)шея Б(огоро)д(и)цы и пр(и)сно д(е)вы М(а)рии чеснаго и славнаго ея благовещения. А срубить г(о)с(у)д(а)ри им плотником тое ц(е)рковь Б(о)жию по угов[о]р[у] на срок к Успениеву дни пр(е)св(я)тыя вл(а)д(ы)ч(е)-цы н(а)шея Б(огоро)д(и)цы и пр(и)сно д(е)вы М(а)рии н(ы)нешняго 166 г(о) году»[54]. То есть строительство церкви планировалось завершить к 15 августа 1658 г. Судя по названию, церковь планировалось построить однопрестольной[55].

Одним из специалистов по строительству деревянных церквей в Восточной Сибири был казак Г. Иванов, которого Пашков в 1656 г. взял с собой из Братска в Даурию «для церковного строения». Вероятно, именно он возглавил «наемных плотников», строивших первую нерчинскую церковь. В дальнейшем он служил в Даурии в течение 6 лет, а 1670 г. за заслуги в строительстве церквей в Восточной Сибири просил о пожаловании его в дети боярские[56]. По свидетельству Лариона Толбузина, эта церковь была освящена не позднее 14 мая 1662 г.[57]

В результате уничтожения маньчжурами 30 июня 1658 г. отряда О. Степанова контроль над приамурскими землями был утрачен. По существу, присоединение Амурских земель к Даурскому воеводству не состоялось. Территория, фактически контролируемая А.Ф. Пашковым, ограничилась Забайкальем. Поэтому Даурский острог и церковь остались невозведенными. В 1659 г. А. Пашков перешел из Верхнего Шилкского острога в Иргенский острог, где оставался до его перемены Л. Толбузиным. Начиная с 1659 г. в грамотах Сибирского приказа Верхний Шилкский острог получил название «Нерчинский», которое впоследствии за ним и закрепилось.

После смены А. Пашкова Л. Толбузиным, а в дальнейшем и Д. Аршинским Нерчинский

[52] Аввакум (Петров). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. — Чита: Экспресс-издательство, 2009. — 144 с. — С. 76–77.

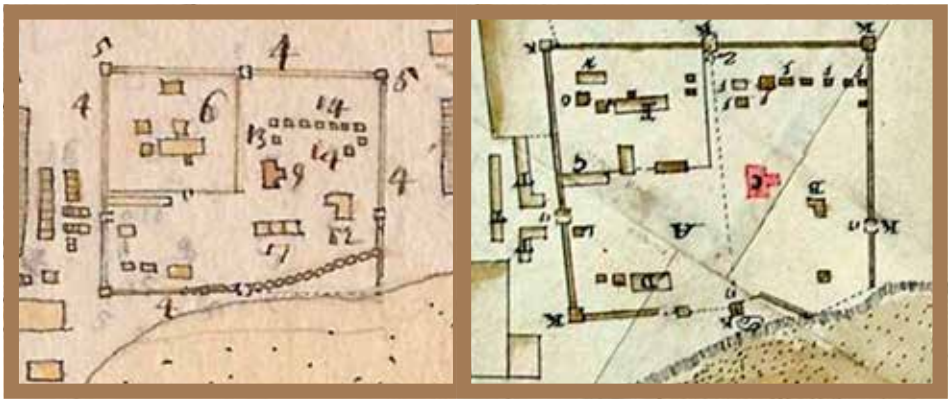
[53] РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. Л. 326, 340, 345.

[54] Там же. Л. 345–346.

[55] Багрин Е.А., Трухин В.И. Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662) // Известия Лаборатории древних технологий. — 2023. — Т. 19. — № 3. — С. 70.

[56] Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). — М.: Изд-во Моск. педаг. гос. ун-та, 2012. — С. 168.

[57] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 132. Л. 182.

Планы Нерчинской крепости 1726 и 1728 гг. Слева направо: фрагмент «Плана города Нерчинска». СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/33; фрагмент «Чертежа старой и новой крепости Нерчинских, рек Шилки и Нерчи с окружными местами». РГАДА. Ф. 192. Д. 80

План и проспект г. Нерчинска М. Татаринова

острог продолжал развиваться. Некоторые дополнительные сведения, характеризующие конструкции стен Нерчинского острога, можно почерпнуть из «Отписки приказного человека Даурских острогов Д. Аршинского о строительных работах в Нерчинском остроге»[58]. В ней говорилось: «...Да в нынешнем же во 178-м году сделал я, холоп ваш, Великих Государей, с нерчинскими служилыми лядьми на остроге облавы, и покрыты тесом, и в остроге служилые ляди делают колодец». То есть в 178 г. (в современном летоисчислении это период с 1 сентября 1669 г. по 31 августа 1670 г.) стены острога были усилены облавами и покрыты тесом[59].

Не исчезли и планы возведения Воскресенской церкви, правда теперь уже в Нерчинском остроге. Возможно, причиной этому был заготовленный и сплавленный к Нерчинскому острогу еще при А. Пашкове необходимый для строительства церкви лес. В документе «Отписка приказчика Албазинского острога Федора Евсиева начальнику Нерчинских острогов Павлу Яковлевичу Шульгину о положении дел в остроге в связи со сведениями Спафария о нападении китайцев»[60] говорится о просьбе албазинцев вернуть им «подчал дощанничный», взятый приказным человеком Даурской земли Л.Б. Толбузиным. В этом тексте интересно указание на то, что в Нерчинск подчал был взят «для ради церковного строительства на время». Очевидно, что там в это время строилась церковь. Основываясь на том, что Л.Б. Толбузин находился на приказе в Даурской земле с мая 1662 г. и по апрель 1669 г., а Албазинский острог как сооружение был построен не ранее зимы 1665 — весны 1666 гг., можно говорить о том, что в Нерчинске в период между 1666 и 1669 гг. велось строительство какой-то церкви. Однако окончить начатое Л. Толбузину не удалось[61].

Завершение строительства этой Нерчинской церкви планировалось уже при новом приказном человеке Даурских острогов Даниле Даниловиче Аршинском. Об этом говорит его отписка, в которой он сообщает: «В нынешнем, великии государи, во 178-м году по вашему, великих государей, указу

[58] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1659. Л. 97.

[59] Лохов А.Ю., Трухин В.И., Зайцев И.В. Нерчинский острог 1689 года // Известия лаборатории древних технологий. — Т. 17. — № 4. — 2021. — С. 122.

[60] РНБ. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. V. № 4610. Л. 1.

[61] Трухин В.И., Лохов А.Ю. Первая православная церковь Нерчинского острога // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — № 1 (47). — 2022. — С. 141.

Вид сверху на с. Михайловка (космоснимок, дата съемки 29.4.2019)

в Нерчинском остроге строитца церковь божия во имя Воскресения Христа Бога нашего и Пресвятые Владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения и во имя Алексея человека Божия, и сего лета церковь состроитца». Освящена эта церковь была не позднее 29 апреля 1671 г. О завершении ее строительства также сообщил Д. Аршинский в своей отписке: «А ныне в Нерчинском остроге по вашему великих государей указу состроилась церковь Божия во имя Воскресения Христа Бога нашего и Пресвятые Владычицы нашея Богородицы Чеснаго и Славнаго ея Благовещения вся наготова и освящена»[62].

В 1675 г. через Нерчинский острог проезжал русский посол в Китай Н. Спафарий. Он оставил очень краткое описание Нерчинского острога: «...А острог Нерчинский стоит на левой стране реки Нерчи на ровном месте; а ниже острогу р. Нерча впадает в Шилку, а в остроге церковь Воскресения Христова, а жилых дворов казачьих с 60, а служилых людей, кроме промышленных человек, с 200...»[63]

Каких-либо иных сведений о том, как выглядел Нерчинский острог, построенный в 1658 г., до настоящего времени найти не удалось. Поэтому говорить о форме острога, конструкциях стен, количестве башен можно лишь предположительно. Однозначно можно утверждать, что острог был построен, а его стены были тыновыми. Сверху они были укреплены обламами и крыты тесом. Внутри были воеводский двор и избы, а в 1671 г. острожная церковь была освящена.

Ко времени начала мирных переговоров между русским послом Ф. Головиным и маньчжурами в 1689 г. Нерчинский острог заметно обветшал. В статейном списке посольства Головина находим следующие сведения о состоянии Нерчинского острога: «...А Нерчинской острог был гораздо мал и худ, и многие бревна подгнили, и к воинскому промыслу был безнадежен...»[64].

Когда переговоры зашли в тупик и маньчжуры фактически осадили Нерчинский острог, Ф.А. Головин предпринял меры к увеличению его обороноспособности. Были проведены работы по фортификационному оборудования подступов к крепости. Вокруг нее срочно сооружались тройные надолобы, перед которыми выкапывались окопы, не дающие маньчжурам беспрепятственно приблизиться к стенам острога. Кроме этого, из плотов, на которых приплыли служилые люди полка Ф. Головина в Нерчинский острог, рубились укрепления «чтоб хотя мало зделать город», усиливающие внешнюю линию обороны острога. Несмотря на серьезность складывающейся обстановки, за счет дипломатических усилий с русской стороны, прямого боестолкновения удалось избежать. Поэтому сразу после подписания Нерчинского мир-

[62] НИА СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 218. Л. 1–2.

[63] Спафарий-Милеску Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. – 214 с. – С. 140.

[64] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – 836 с. – С. 537.

ного договора по распоряжения Федора Головина на старом острожном месте была начата коренная перестройка Нерчинского острога, в которой приняли участие прибывшие с ним стрельцы.

Как правило, в большинстве исследований, посвященных истории Нерчинского острога, сообщается, что под командованием Ф.А. Головина новый острог был построен. В действительности же в кратчайшие сроки были возведены основные укрепления острога. Стрельцами полка Ф. Головина были возведены 3 стены Нерчинского города: «...одна стена длиною 90 сажен, 2 стены по 70 по 6 сажен..., а вышиною стены по 3 сажени»[65]. Кроме того, стрельцами были построены «2 проезжие башни вышиною до обламов по 3 сажени, шириною по 4 сажени, 3 наугольных»[66]. Из более поздних планов и описаний Нерчинска видно, что крепость имела 8 башен. Вполне вероятно, что 3 башни старого острога были в хорошем состоянии и могли быть использованы без дополнительной перестройки. Четвертую стену было поручено «строить нерчинским старым конным казаком и всяких чинов жителем». Сами же нерчинские казаки о строительстве острога рассказывали так: «а мы, холопи ваши, того города ставим две ж стены и башни и в городе казенные анбары и зелейные погребы, и воевоцкие дворы и аманацкие избы»[67].

Первое известное описание этого острога содержится в городовом списке 1701 г. Однако сведения об остроге для него были взяты из более раннего росписного списка 205 (1696/1697) г. Вот это описание: «Нерчинской город. По росписному списку 205 г. не крыт, а в стенах 4 башни проезжия с воротами, да по углам 4 башни глухия, в них одна покрыта, да у 2 проезжих башен на воротах 2 калитки, а на верху у башни нарублен чердак и кругом перила, в чердаке часы боевые. В городе ж зелейный погреб... В городе ж оружейной сарай... В городе ж в казенном

План Иркутской губернии г. Нерчинска. Нач. XIX века. Чертил Г. Чернышев. РГАДА. Ф. 192. Карты Иркутской губернии. №118

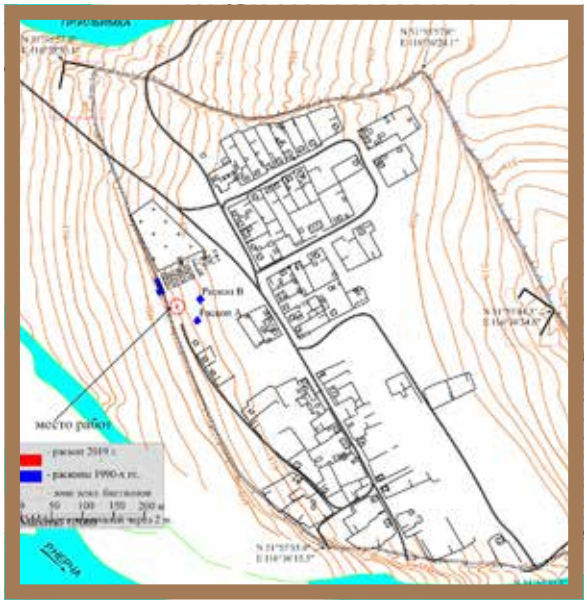
[65] Там же. С. 618.

[66] Там же.

[67] РГАДА. Ф.214. Оп. 3. Ст. 1059. Л. 264.

Вид с запада на с. Михайловка (космоснимок, дата съемки 29.4.2019)

Топоплан местности

амбаре...»[68] Из текста этого документа видно, что, несмотря на то, что с момента начала перестройки острога уже прошло 7 лет, его стены остались некрытыми, а из угловых башен покрыта только одна. Из-за этой нерасторопности башни и стены острога, возведенные усилиями сотен стрельцов и казаков, начали гнить и разрушаться, а через 2 года в весеннее половодье р. Нерча подмыла одну из угловых башен.

Наиболее ранние русские графические изображения Нерчинского острога, датируемые концом XVII — первыми годами XVIII в., сохранили картографические атласы Семена Ульяновича Ремезова. Первое из них содержится в «Хорографической чертежной книге» в главе 54 «Река Амур с урочищи», второе — в «Служебной чертежной книге» на листе 65 «Чертеж земли Нерчинскаго города»[69]. Оба изображения схожи, но кажутся зеркальным отражением друг друга. Это вызвано тем, что на изображении из «Служебной чертежной книги» юг находится в верхней части рисунка. Рядом с 8-башенным острогом на обоих рисунках мы видим пристройку с 2 башнями. Никакими другими источниками ее наличие подтвердить пока не удалось. Однако, анализируя более поздние картографические изображения этого острога, можно предположить, что там располагался гостиный двор с торговыми рядами (даже на плане «Иркутской губерни города Нерчинска» 1820 г. это место обозначено как «Гостиный двор»[70]).

Широко известны гравированные изображения Нерчинска в изданиях, вышедших в Голландии в начале XVIII в. Наиболее раннее содержится в первом голландском издании «Записок о русском посольстве в Китай (1692–1695)» Избранта Идеса (Ides, Evert Ysbrants). Книга вышла из печати в 1704 г., а гравюра получила название «De hoft-stadt Nerzinskoi, in Dauria»[71]. Вторая гравюра была включена в изданную Николаасом Витсеном книгу «Северная и восточная Тартария» под названием «Nertzinskoy in het Lantschap Dauria» в 1705 году[72]. Известно, что изданием записок Идеса занимался Николаас Витсен, благодаря чему обе гравюры схожи. Вне всякого сомнения, они опираются на воспоминания о Нерчинске, сделанные И. Идесом, поскольку ни сам Н. Витсен, ни его граверы никогда не были в Нерчинске.

В 1726 г. сибирский губернатор доложил в Военную коллегию о том, что в «Нерчинску город деревянной рубленой стал быть ветх и стены опали, да от оного ж де большею водою подмыло башню и унесло» и что он велел город «починить без замедления»[73]. Для исправления сложившегося положения был разработан проект восстановления стены в виде тына без восстановления угловой башни, который нашел отражение на «Плане города Нерчинска»[74]. На этом плане крепости также отображены: «воеводский двор», «канцелярия», «амбар, для сохранения ясачной казны», «подвал казенной для содержания

---

[68] Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – М.: типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.П. Лаврова и К), 1886. – 148 с. – С. 12.

[69] Дергачева-Скоп Е.И. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. – Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. – 168 с. – С. 65.

[70] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. «Карты Иркутской губернии». № 118.

[71] Ides E.Y. Drie-JarigeReizenaar China; teLandegedaan, door den Moskovischen Afgezant: E. Ysbrants Ides Neven-seenenieuwe Beschryvinge van datmagtig Keizerryk. – Amsterdam: Halma, 1704. – 247 p. – P. 44.

[72] Witsen N. (1705) Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekent zijn geweest. Beneffens verscheide tot noch toe onbekende, en meest nooit voorheen beschreve Tartersche en Nabuurige Gewesten, Landstreeken, Steden, Rivieren, en Plaetzen, in de Noorder en Oosterlykste Gedeelten van Asia en Europa, Zoo buiten en binnen de Rivieren Tanais en Oby, als omtrent de Kaspische, Indische – Ooster, en Zwarte Zee gelegen; gelijk de Landschappen, Moegalia, Kalmakkia, Tangut, Usbek, en Noorder Persie, Turkestan, Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, Samojedia, en andere aen hunne Tzaersche Majesteiten Kroon gehoorende Heerschappyen: Verdeeld in twee Stukken, Met der zelver Land-kaerten: mitsgaders, onderscheidene Afbeeldingen van Steden, Drachten, enz. Zedert naeuwkeurig onderzoek van veele Jaren, en eigen ondervindinge ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven, door Nicolaes Witsen. – Amsterdam: Halma, 1705. – вклейка между С. 94–95.

[73] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – 836 с. – С. 348, 349.

[74] СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/33.

пороховой казны», «сарай под коим артиллерия стоит», «гауптъвахта», «старая канцелярия», «соляныя амбары», «хлебныя амбары», «цеигаус», «таможня».

Уже тогда стало ясно, что восстанавливать старую крепость не имеет смысла, поэтому начали подбирать место для строительства новой. В 1728 г. Степаном Немцовым была сделана топографическая съемка Нерчинской крепости[75]. На ней подмытая р. Нерча крепостная стена отображена разрушенной. План С. Немцова содержит информацию о находившихся в Нерчинской крепости постройках. Согласно ему, в крепости находились канцелярия, каменный пороховой погреб, цейхгауз, воеводский двор, магазины, сарай, где стояла артиллерия, караул, баня, поварня.

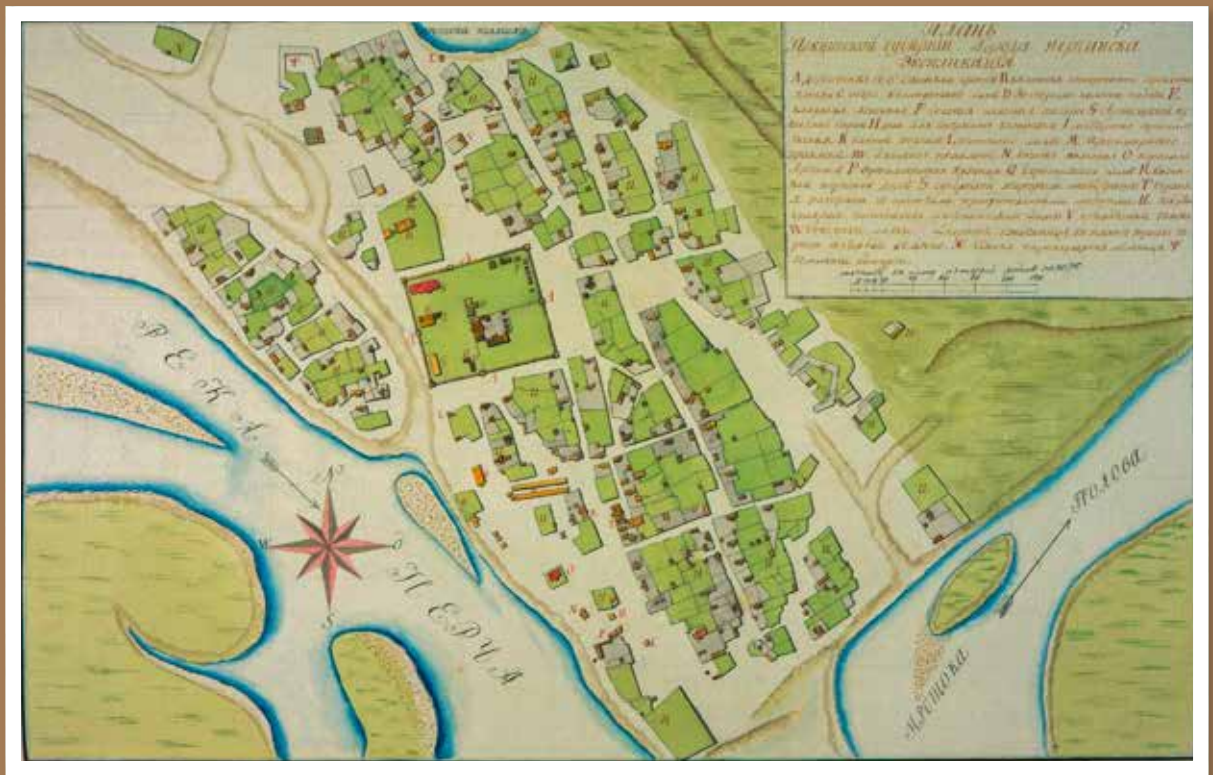
В 1735 г. в Нерчинске работала экспедиция профессоров Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина. Г.Ф. Миллер в своей работе так описал состояние Нерчинского острога: «Нынешняя крепость, построенная еще в 1689 г., четырехугольная, длиной с севера на юг вдоль Нерчи в 85 саженей и шириной в 70 саженей. Она была основана с четырьмя боевыми башнями по четырем углам. Однако одна из башен, а именно нижняя по берегу Нерчи, в 1725 г. при высокой весенней воде сильным течением Нерчи, которое размывало тамошнюю почву, была снесена вместе с прилегающей частью деревянной крепостной стены, после чего вместо нее это место было обнесено палисадом. Помимо этих угловых башен на речной стороне на надлежащем расстоянии есть еще две башни; под одной из них ворота. И три другие стороны точно так же снабжены каждая по одной башне посередине; через них тоже есть въезды в крепость. Кажется, что не без особого умысла речная сторона укреплена сильнее, чем противоположная. Ибо поскольку Нерчинск является городом пограничного уезда, то он имеет перед собой противником соседних китайцев»[76].

В ходе работы экспедиции был составлен план Нерчинска[77]. На плане крепости были нанесены: канцелярия, дом воеводы, караулка, цейхгауз, каменный пороховой погреб, амбар, в котором хранился поступающий ясак, соляной амбар и 7 хлебных магазинов. Интересно, что тогда же в составе экспедиции работал «рисовальным мастером» И.В. Люрсениус (Lursenius Iohann Wilhelm). В 1735 г. им был создан рисунок панорамы Нерчинска. В 1753 г. рисунок Люрсениуса был перерисован, исправлен и подготовлен для издания по нему гравюры мастером Рисовальной палаты Академии наук И.Э. Гриммелем. Гравюра была выполнена Н.Ф. Челнаковым, получила название «Вид города Нерчинска — Vue de la ville de Nertschinsk» и датируется 1770 г. Оттиски этой

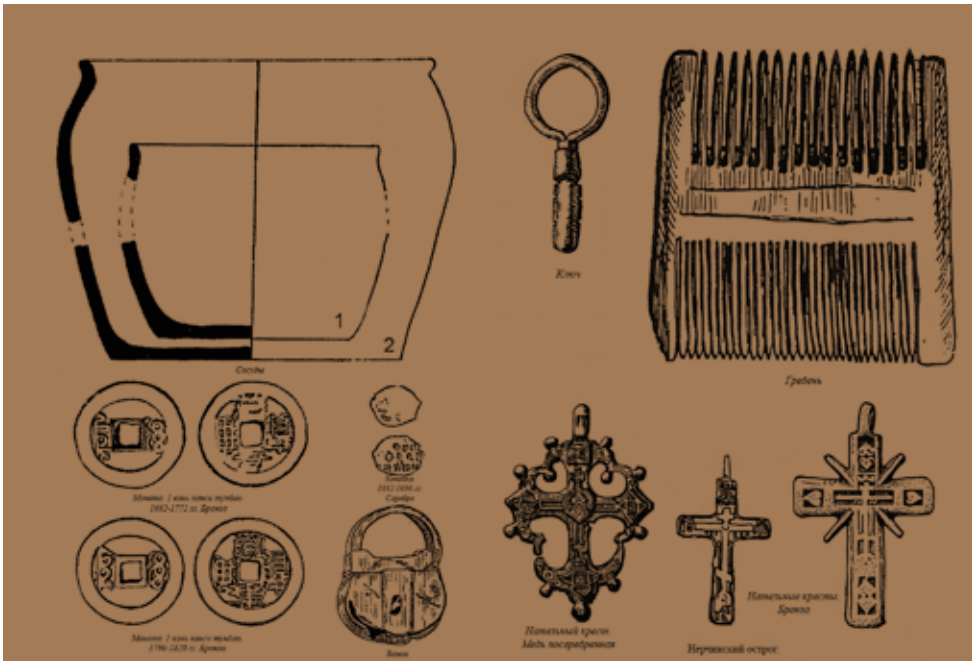
[75] РГАДА. Ф. 192. № 80.

[76] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 173–174.

[77] Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39. Л. 32.

План г. Нерчинска. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21528. Ч. 6. Л. 41

Находки экспедиции А.Р. Артемьева на месте расположения Нерчинского острога

гравюры сохранились в ряде российских и зарубежных библиотек и архивов[78].

В дальнейшем выше по течению р. Нерчи возвели новую крепость, которая в целом сохранила основные объемно-планировочные решения острога 1689 г. постройки. Свидетельством того является «План и проспект города Нерчинска»[79].

Составлен он штурманом М.И. Татариновым. На нем показаны два острога, построенные в XVII и XVIII вв. (расстояние между ними 250 м). Новый острог, судя по плану, имел четыре башни по углам и четыре проезжих башни по центру стен. Помимо этого, теперь острог защищали два земляных бастиона, сооруженных с северной и восточной сторон. Внутри острога в северо-западной его части показана построенная в 1720 г. каменная Троицкая церковь (это очень важно для современной привязки острога к местности), а за его пределами на территории кладбища — деревянная Вознесенская.

Строительство нового острога происходило под руководством Ф.И. Соймонова. Он же руководил Нерчинской секретной экспедицией, которая была создана для изучения края и подготовки к присоединению Приамурья. Также он преподавал в созданной Нерчинской навигацкой школе[80].

Перенос острога на более возвышенное место острова не спас его от наводнений, и в 1812 г. Нерчинск был перенесен на восемь километров выше по Нерче, где находится и поныне. Прежнее место города нерчинцы называют «Старым городом», сейчас здесь расположено с. Михайловское (Михайловка). Следует говорить о нескольких последовательно сменяющихся острогах, географически связанных с устьем Нерчи. Первый заложен М. Урасовым и П.И. Бекетовым, второй — А.Ф. Пашковым и Ф.А. Головиным, и третий — Ф.И. Соймоновым. Остатки первого находятся немного ниже устья Нерчи на правом берегу Шилки (территория с. Калинино), а последующие — на одном из островов в устье Нерчи (территория с. Михайловка).

Археологические исследования на территории острога в с. Михайловка впервые проводились Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева в 1991, 1992 и 1997 гг. В ходе работ было заложено четыре раскопа на двух участках общей площадью 440 кв. м. Два раскопа были заложены вдоль линии, где проходила, как считал А.Р. Артемьев, опираясь на «План и проспект города Нерчинска» М.И. Татаринова, северная стена крепости, напротив развалин церкви Воскресения. Еще два раскопа были заложены северо-западнее церкви, вдоль ограды действующего сельского кладбища.

Раскопы были заложены в северной части села на свободной от застройки площадке размерами примерно 100×150 м. Артемьев ошибочно принял остатки Троицкой церкви за Вознесенскую (в начале XIX в. она была перенесена в Нерчинск) и посчитал, что заложил раскопы за пределами острога. На самом деле раскопы «попали» на острог.

В раскопах было выявлено значительное количество находок, при этом толщина куль-

[78] Например, см.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. «Карты Иркутской губернии». № 131.

[79] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22219.

[80] Березницкий С.В. Нерчинская экспедиция. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 296 с.

турного слоя не превышала 0,6 м, а ниже шел материк, под которым понимались аллювиальные отложения. Среди находок — железный замок и ключ, дверное кольцо, чугунное ядро, бронзовые пуговицы, гвозди, железные ножи, нательные кресты, гребни, костяная шахматная фигурка — ладья, цинские монеты, фрагменты керамических сосудов. Особо следует выделить обломки оконной деревянной рамы с пластинами слюды, коллекцию обуви — остатков туфель, поршней, сапог. Полученные материалы А.Р. Артемьев датировал второй половиной XVIII в., т. е. раскопами изучалась территория острога, построенного Ф.И. Соймоновым[81].

В 2019 г. исследования на памятнике проводились археологическим отрядом Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» совместно с Забайкальским государственным университетом под руководством А.В. Константинова. Работы также поддержали ООО «Красноярская геоархеология», Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН и Нерчинский краеведческий музей. Организация археологических работ была вызвана необходимостью решения ряда научных задач, потребностью проведения охранных мероприятий и возрастанием общего интереса к истории и историко-культурным объектам Нерчинска.

Установлено, что вокруг села без согласования с органами охраны историко-культурного наследия в 1990-е гг. после очередного наводнения была построена дамба, которая частично наложилась на земляные бастионы XVIII в. К тому же дорога, ведущая из села на север к Нерчинску, прошла через земляной бастион, что привело к его частичному разрушению. На памятнике регулярно «работают» черные археологи, которые наносят значительный урон памятнику.

Путем сравнения планов города XVIII в. и космоснимков установлена локализация острогов на территории современного села. Местоположение острогов также подтверждено благодаря ныне существующим «реперам» — остаткам Троицкой церкви (взорвана в 1930-х гг. и сейчас представляет собой кучу кирпича) и земляным бастионам. Установлено, что распространение культурных остатков связано с территорией с. Михайловское — Старый Нерчинск.

На территории села заложено два раскопа. Первый размерами 2×7 м заложен на свободной площадке южнее бывшей Троицкой церкви, в 62 м от южной ограды кладбища. Раскопом выявлена стратиграфия памятника (почвенный слой, аллювиальные отложения, галечник), мощность отложений составила 0,9 м. Культурный слой (до 0,4 м) связан с почвой, отмечается большое число находок. Среди них многочисленные кости животных, птиц, фрагменты керамики, фаянсовой посуды, пластинки слюды с отверстиями, шлак, несколько неопределимых железных изделий, чешуя рыб. Среди остеологического материала (определение А.М. Клементьева) установлено наличие домашних и промысловых видов млекопитающих. Среди промысловых животных — косуля и заяц-беляк, дзерен, домашние виды — свинья, крупный рогатый скот и баран. На этой площадке проведены геофизические исследования под руководством В.В. Оленченко. Культурный слой, исходя из характера находок и местоположения раскопа, датируется второй половиной XVIII в.

Еще один раскоп размерами 2×6 м был заложен на территории заброшенной усадьбы в 170 м от южной ограды кладбища. В пахотном слое обнаружено только несколько фрагментов керамики, видимо раскоп попал на межострожное пространство.

Сотрудниками ООО «Красноярская геоархеология» (Л.Л. Галухин, Е.М. Левачева, М.В. Михайлова) составлена топографическая карта с. Михайловка. На карту нанесено местоположение земляных бастионов, археологических раскопов 1990-х гг. А.Р. Артемьева, раскопов 2019 г., по построенной дамбе определены границы объекта археологического наследия[82].

Перспективным представляется изучение южной части села, где на территории заброшенных усадеб теперь стало возможным проведение археологических раскопок на месте острога XVII в. В Нерчинском краеведческом музее оформлена экспозиция, посвященная острогу, здесь же хранятся археологические коллекции. Территория, занимаемая Нерчинским острогом, несомненно, представляет большой интерес для изучения начального этапа русской истории края. Отдельно можно говорить и строить планы использования этой территории в просветительской деятельности, организации туризма.

---

[81] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. — Владивосток, 1999. — 336 с.; Артемьев А.Р. Нерчинский острог // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. — Новосибирск: Наука, 2011. — С. 221–222.

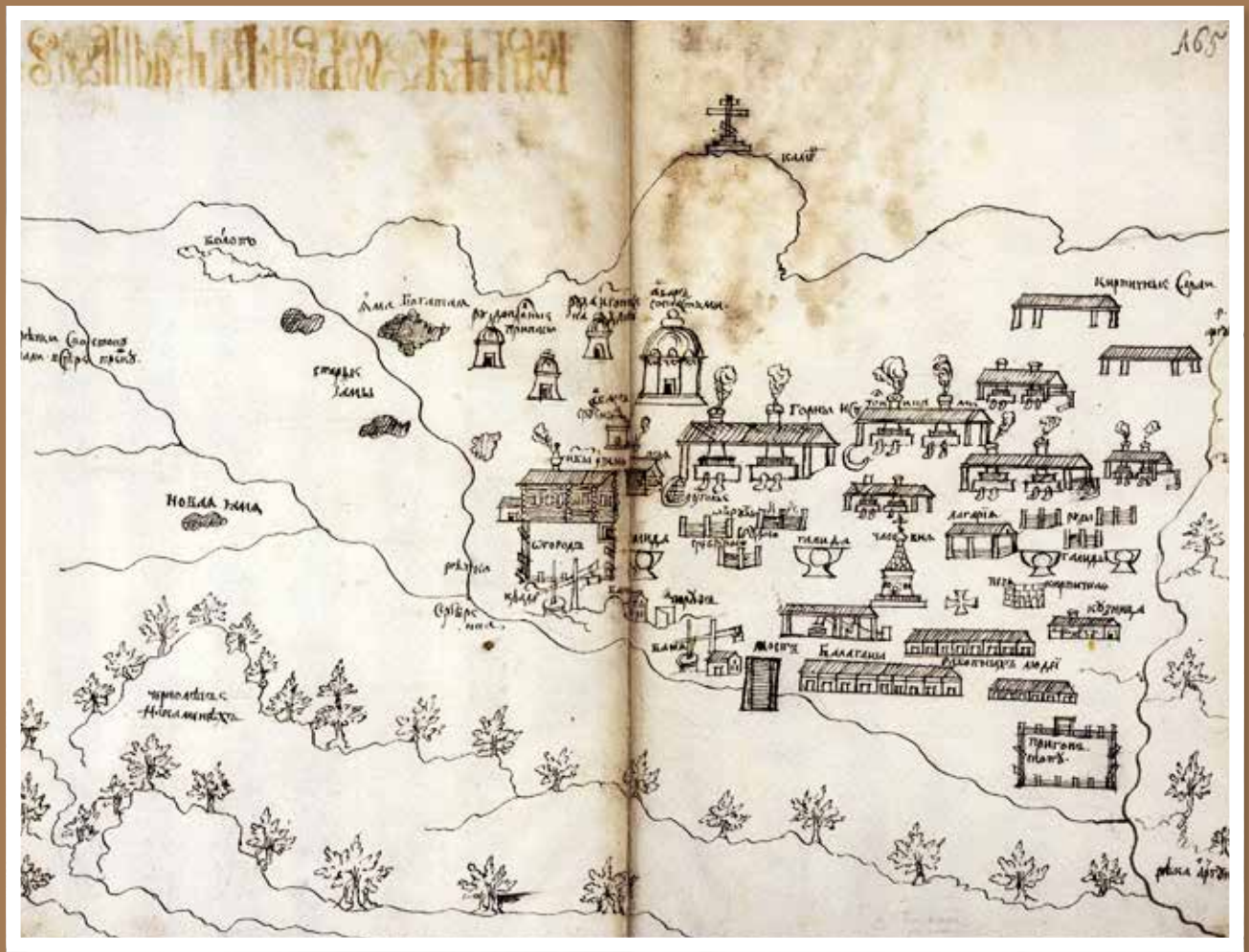
[82] Константинов А.В., Оленченко В.В. Археогеофизические исследования на территории Нерчинского острога // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества». — Чита: ЗабГУ, 2019. — Вып. 136. — С. 49–57; Константинов А.В., Константинова Н.Н. К истории Нерчинского острога (историко-археологический аспект) // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23–25 октября 2019 г. — Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. — С.181–184.

АРГУНСКИЙ ОСТРОГ

До 1675 г. территория в районе р. Аргуни контролировалась из Албазинского острога. Видимо, тогда и были получены первые сведения о наличии в этом районе серебряных руд. Поэтому 28 июля 1675 г. на место приказного человека Албазинского острога Нерчинским приказчиком П.Я. Шульгиным был назначен служилый человек Нерчинского острога Василий Милованов[83], которому предписывалось организовать поиск серебряных руд. Первые конкретные указания о местонахождении серебряных и оловянных руд в Забайкалье Нерчинский приказной человек П. Шульгин получил от бурятского контайши и намясинских тунгусов в 1676 г.

В 1677 г. албазинским бронным мастером Куземкой Новгородцем из образцов добытой казаками руды был выплавлен первый свинец. Повторная плавка была в этом же году произведена греческими рудознатцами Иваном Юрьевым и Спиридоном Астафьевым, попавшими в Нерчинск с караваном Николая

[83] НИА СПбИИ РАН. Поуездная коллекция (К 110). Ед. хр. 9. Л. 1–5.

«Чертеж серебряного дела и руд». Нерчинский сереброплавильный завод. По «Служебной Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова. 1701 г.

Общий вид на с. Аргунск, р. Аргунь и впадающую в нее р. Камару вдали. Фото С.А. Середкина

Спафария. Однако тогда получить серебро не удалось.

В 1681 г. на Нерчинское воеводство заступил Ф.Д. Воейков. В условиях, когда давление на Нерчинские остроги со стороны Цинского Китая возрастало, существенного результата в поиске серебряных руд ему достичь не удалось. Единственным стратегическим достижением Воейкова стало строительство, на основании царского наказа, вблизи от мест, где были обнаружены оловянно-свинцовые руды, Аргунского острога. Для строительства острога 13 июня 1681 г. нерчинский воевода Ф.Д. Воейков отпустил казачьего десятника Василия Милованова с 10 служилыми и 9 охочими промышленными людьми по их челобитью на р. Аргунь. Для этого казакам было выдано 100 пудов казенной «яришной» муки из Албазинского острога и закуплено 60 пудов ржаной муки в Нерчинском остроге. Кроме того, они получили оружие — порох, свинец и мушкеты, а также плотницкие инструменты — долота, тесла, буравы и скобели[84]. Уже 6 сентября 1681 г. В. Милованов отчитался перед Ф. Воейковым о постройке на р. Аргуни острога «со всякою острожною крепостью». Ф. Воейков в свою очередь доложил в Москву царю что: «А от того, государь, Аргунского острога до серые руды, что называют серебряною рудою, верст с десять»[85].

В плане Аргунский острог был 4-угольным со сторонами 8–10 саженей и располагался на правом берегу р. Аргуни возле устья р. Маритки. В 1735 г. его остатки были еще хорошо видны[86].

Прибывший в мае 1684 г. на перемену Ф.Д. Воейкову И.Е. Власов, несмотря на все более нарастающую внешнюю угрозу, силами казаков, уже ранее побывавшими на старых рудокопных местах, провел активный поиск серебряных руд. Добытые образцы руды немедленно направлялись в Москву. Получив сведения о возможном наличии серебряных руд в районе старых рудокопных мест на р. Аргуни, московское правительство стремилось локализовать поиск и административно закрепить эти земли за собой, а также как можно скорее отработать технологию выплавки из полученных руд серебра. Причем сделать это

[84] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12 т. — СПб., 1846–1872. — Т. X. — 1862. — 372 с. — С. 325, 326.

[85] Там же. С. 327.

[86] Миллер Г.Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 180.

Место впадения р. Камары в р. Аргунь. Правобережный устьевой участок р. Камары обследовался в ходе спасательных работ в 1998–1999 гг. Фото С.А. Середкина

силами местных специалистов не удалось. Поэтому включение в состав посольского полка Ф. Головина, направлявшегося на переговоры с маньчжурами, специалиста, «...что ...у многих рудоплавных дел бывал, а признаки, есть ли, будет какая руда, знает...», было вполне логичным. Этим специалистом стал Лаврентий Нейдгарт. По прибытии в Нерчинск он провел опытную плавку из уже имевшейся у Власова руды и получил первое российское серебро[87].

Желание царей начать добычу серебра немедленно было настолько сильно, что для его организации было принято решение привлечь средства гостя Остафия Филатьева. О чем 6 июля 1688 г. в своем письме Головин писал нерчинскому воеводе Власову: «...Указали Великие Государи, по присылке к себе Великим Государем, серебряного опыту о плавленье серебра, в пополненье денежной казны промысл со всяким тщательным радением, чтоб из тою руды выплавить серебра немалое число, и для того, о том, серебряном плавех, прислана ко мне и от Великих Государей Грамота... А для всяких плавильных заводов, указали Великие Государи для поспешения, взять гостя Остафия Филатьева, у приказчиков ево в Енисейске денег 500 рублев...»[88]

Конечно, для полноценной организации сереброплавильного производства потребовалось еще значительное количество времени, финансовых средств и человеческого труда. Только в 1704 г. было положено начало полноценной выплавке аргунского серебра и свинца. В «Служебной книге» С.У. Ремезова сохранился «Чертеж серебряного дела и руд» — это немасштабное изображение Нерчинского сереброплавильного завода.

Поэтому неудивительно, что закрепление земель, где были обнаружены серебряные руды, стало одним из основных вопросов на переговорах в Нерчинске. В целом эта задача посольством Ф. Головина была решена, однако маньчжуры настаивали на перенесении острога на левую сторону р. Аргуни, которую предполагалось сделать естественной границей между Россией и маньчжурским Китаем в Забайкалье. В статье второй текста Нерчинского мирного договора по этому вопросу была сделана специальная оговорка: «строение с полудневные стороны той реки Аргуни снесть на другую сторону тое ж реки»[89].

На левый берег Аргуни острог был перенесен в 1690 г. В росписи 1710 г. острог описан так: «Пограничной Аргунской острог деревянной стоячей. Мерою тот острог в длину шесть сажен с полусаженью поперег четыре сажени с аршином. В высоту две сажени. В стене две избы. Наряду пушка медная мерою два аршина четыре вершка. Весом восмь пуд дватцать шесть гривенок. К ней сто дватцать ядер по полторы гривенки ядро. Итого в них весу четыре пуда с полупудом. Пушка медная мерою аршин пятнатцать вершков. Весом семь пуд. К ней семьдесят семь ядер весом по гривенке с четью ядро. Итого два

[87] Трухин В.И. О «бедном» Нейдгарте замолвите слово // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». – 2012. – №12. – С. 46–47.

[88] РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 43. Л. 29–30.

[89] Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – 836 с. – С. 572, 583, 593.

пуда четынатцать гривенок с полугривенкою. Пушка затинная медная ж в ложе мерою пятнатцать вершков. Весом шеснатцать гривенок. Две пищали гладкие. Два знамени. Шесть пуд семнатцать гривенок пороху пушечного и три деревом. Семнатцать гривенок фитилю»[90].

С начала 1680-х гг. через Аргунский острог проходил официальный путь, по которому отправлялись в Китай русские гонцы и посланники. В 1699 г. в Аргунском остроге находились на службе 20 конных и 33 пеших казака[91]. В 1719 г. там впервые упоминается церковь Вознесения[92]. В июле 1735 г. Аргунский острог посетил Г.Ф. Миллер. Согласно его описанию, там к тому времени были возведены новые укрепления, хотя остатки прежних были «на нынешнем месте острога еще отчетливо видны».

Летом 1990 г. месторасположение Аргунского острога в с. Аргунск Нерчинскозаводского района Читинской области было обследовано Амурским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А.Р. Артемьева. В ходе этих работ было выяснено, что в настоящее время следы острога визуально не прослеживаются[93].

В 1998–1999 гг. Аргунский острог изучался экспедицией Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова под руководством Р.Г. Федотова. Определена привязка построек и вещественного материала к береговой линии Аргуни в месте впадения в нее р. Камары. Выявлены два основания бревенчатых срубов. В подвальном срубе обнаружена рубленая лестница, железные крючья, серебряные монеты времен царствований Алексея Михайловича (2 шт.) и Петра Алексеевича (1 шт.), полушка (3 шт.), деньга (16 шт.) первой половины XVIII в., костяные гребни, оконная слюда, ружейные кремни, фрагменты китайского фарфора, кусочки листового и рубленого свинца, ключ к замку.

В береговом обрыве на глубине 1–1,5 м обнаружено шесть грунтовых погребений. В пяти могилах костяки завёрнуты в бересту, а под черепа подложены каменные «подушки», также обернутые в бересту. Обнаружены два староцерковных креста и бронзовый колокольчик[94].

[90] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед.хр. 1977. Л. 5 об.–6.

[91] Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. — М.: типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.П. Лаврова и К), 1886. — 148 с. — С. 11.

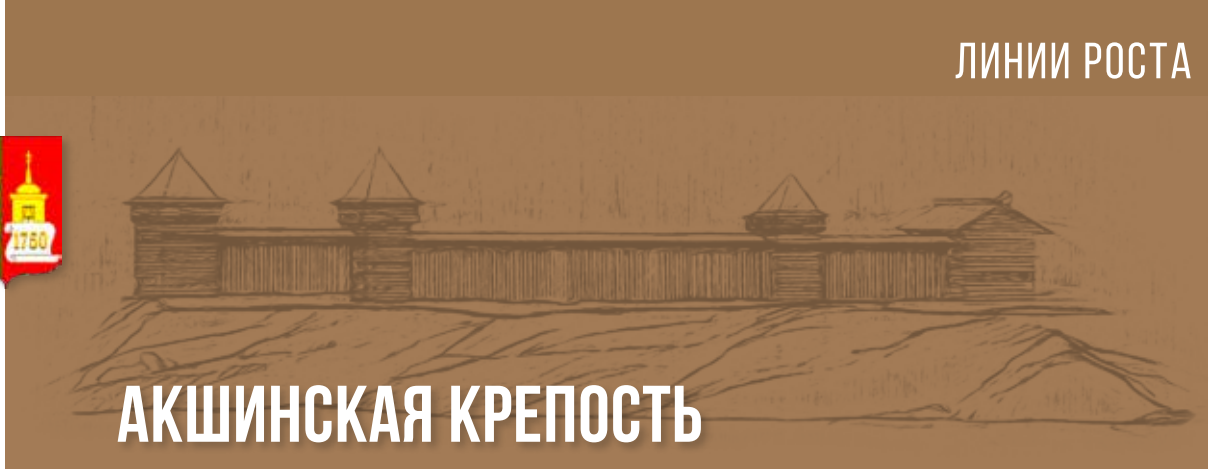
[92] Там же. С. 22, 36.

[93] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток: ИАЭТ ДВО РАН, 1999. — 336 с. — С. 81.

[94] Константинова Н.Н. Русский острог на Аргуни / Забайкалье: Судьба провинции. — Чита: Поиск, 2002. — Вып. 4. — С. 70; Константинова Н.Н. Рубеж полуденного края (формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII — начале XX веков. — Чита: Экспресс-издательство, 2014. — 208 с. — С. 31–36; Константинова Н.Н. Порубежный острог на Аргуни // Нерчинский Завод / гл. ред. К.К. Ильковский. — Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. — С. 60–64; Федотов Р.Г., Константинова Н.Н. Аргунский острог // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. — Новосибирск: Наука, 2011. — С. 51–52.

Общие виды р. Аргунь из с. Аргунск. Фото С.А. Середкина

АКШИНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Основание первых населенных мест в Забайкалье относится к середине XVII в., когда в 1648 г. был поставлен Баргузинский, в 1665 г. Селенгинский острог, ставший более чем на 100 лет административным центром западного Забайкалья[95]. Появившиеся также в XVII в. Кабанский и Ильинский остроги уже в первой трети XVIII в. превратились в крупные селения. Шаг за шагом осваивалась территория, пригодная для ведения сельского хозяйства, — районы рр. Селенги, Хилка с их притоками, а затем Ингоды, Нерчи, Шилки, Зеи и верховьев Амура.

Нужно напомнить, что борьба за приамурские земли, развернувшаяся во второй половине XVII в. между русским государством и маньчжурами, закончилась Нерчинским договором (1689), по которому большая территория, называемая «Даурией», оказалась ничейной. Ни одна из сторон не должна была ее использовать для хозяйственных нужд и заселять. Забайкалье оставалось русской территорией, однако четкая граница между двумя государствами не была определена и здесь.

Южные границы Забайкалья охранялись так называемыми сторожами — небольшими аванпостами, выставленными на основных путях движения. Такие разъезды имелись на дорогах из Монголии и Китая, там, где ныне расположены селения Цурухайтуй, Акша, Чиндант, Харацай, Троицкосавск и др. В 1756–1770 гг. вдоль китайской границы в Забайкалье было сооружено 3 редута (караулы) и установлено 17 пикетов, а также построено несколько крепостей — Старо-Тункинская, Харацайская, Троицкосавская, Кударинская, Акшинская, Чиндантская, Новоцурухайтуевская. В Чиндантскую и Троицкосавскую крепости определено было по 150 казаков, а в остальные — по 100 человек. К каждой крепости находился комендант. Все крепости были вооружены пушками с артиллерийской прислугой, находившейся в них до 1810 г., когда

[95] Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья. XVII — середина XIX в. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 286 с. — С. 8.

солдаты и прислуга были из крепостей выведены, а постройки проданы с торгов[96].

Что касается непосредственно Акшинской крепости, то ее строительство осуществлялось по специальному решению Сената: новое укрепление предполагалось построить на месте Акшинской деревни, «где места к проходу через границу удобныя и где бывали уже воровские въезды монголов в 1756 году...»[97] В середине октября 1764 г. императрицей был утвержден специальный доклад комиссии по обороне Забайкалья, в котором ставилась такая первоочередная задача:

«На наиболее вероятных путях из Монголии (по долине верхнего Онона на Нерчинской границе и по долине Чикоя и Селенги на Селенгинской, по которым не раз вторгались воровские шайки монголов) построить крепости Акшинскую, Селенгинскую и Кударинскую; обнести их рвом и палисадником, сделать земляные редуты, вооружить артиллериею»[98].

Из намеченных к строительству пограничных крепостей в Забайкалье не все из них были построены. Первыми стали возводить Кударинскую и Акшинскую — каждую силами 2 рот солдат. На строительные работы правительство выделяло по 3000 рублей на каждую из крепостей. В течение 1765 г. Кударинская крепость была практически закончена, а строительство Акшинской приостановили по причине установившегося на границе затишья. Весной 1769 г. в Акшу, в том числе и для строительства крепости, переселили часть гарнизона казаков из Нерчинска. Дело в том, что Нерчинск, оказавшийся «в тылу» в связи со строительством пограничных крепостей, потерял свое прежнее стратегическое значение. Поэтому в нем оказалась упраздненной должность казачьего головы и значительно сокращен штат казачьего войска.

Акшинская крепость находилась на одном из рукавов р. Онон, недалеко от небольшого озера. В 1772 г. она оставалась все еще недостроенной. Спустя 7 лет инженер-поручиком Чурнашовым были составлены новые проекты нескольких крепостей. Их, как составную часть общего проекта укрепления границы, иркутский губернатор Кличка отправил в Петербург, в военную коллегию, на рассмотрение и утверждение. Как и прежде, почти все проекты крепостей остались на бумаге, «кроме крепости Акши, где насыпи и рвы были действительно сделаны»[99].

Что же представляла собой земляная Акшинская крепость? Восьмиугольная в плане, она располагалась на равнинной местности между двумя слободами, в которых

[96] Забайкалье: краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области / издание Забайкальского Областного Статистического Комитета. – Иркутск: Типография К.И. Витковской, 1891. – 605 с. – С. 16.

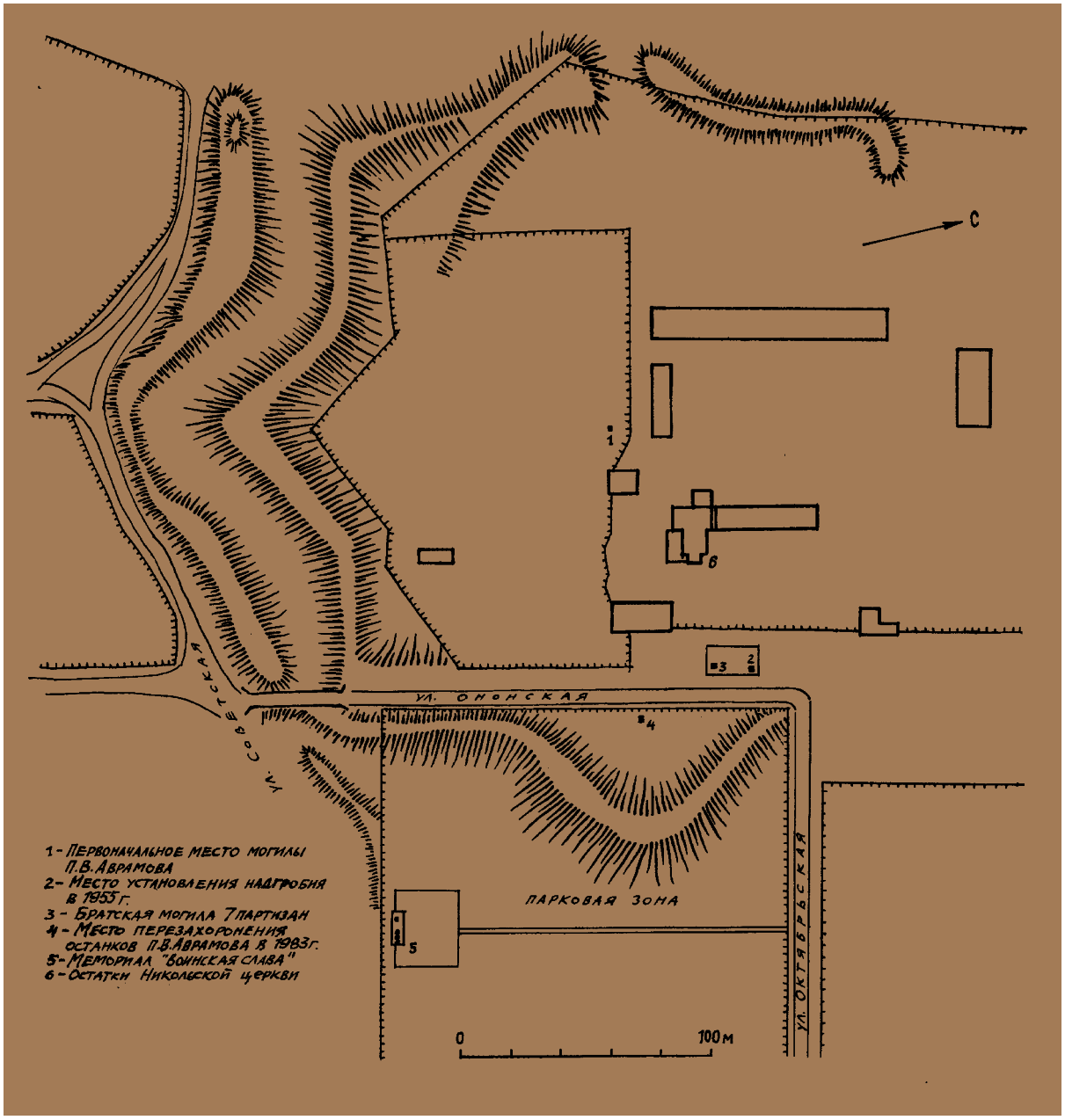
[97] Забайкальские казаки: исторический очерк: [в 3 т.] / А.П. Васильев. – Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916–1918. – Т. 2. Забайкальское казачество. – 1916. – 267 с. – С. 170.

[98] Там же. С. 185.

[99] Там же. С. 230.

Остатки земляных валов в Акше. Фото Н.П. Крадина. 2001 г.

Обмеры остатков земляных валов и вида крепости в Акше. Выполнил Н.П. Крадин. 2001 г.

насчитывалось не более 75 дворов. В начале XIX в. в крепости, кроме деревянной церкви (в 1843 г. рядом с ней построен каменный Николаевский собор), стояли несколько полуразвалившихся строений. В 1840 г. статский советник Любимов, возвращаясь из поездки в Пекин, совершил по пути инспекторский объезд границы и в отчете отметил, что «построенные в 1764–1773 гг. семь пограничных крепостей — Горбиченская, Цурухайтуевская, Чиндант-Турукаевская, Акшинская, Кударинская, Харацайская и Тункинская пришли в совершенный упадок, не имея ни орудий, ни ограды». Он даже предлагал для укрепления границы восстановить эти крепости и пополнить их необходимым количеством казаков.

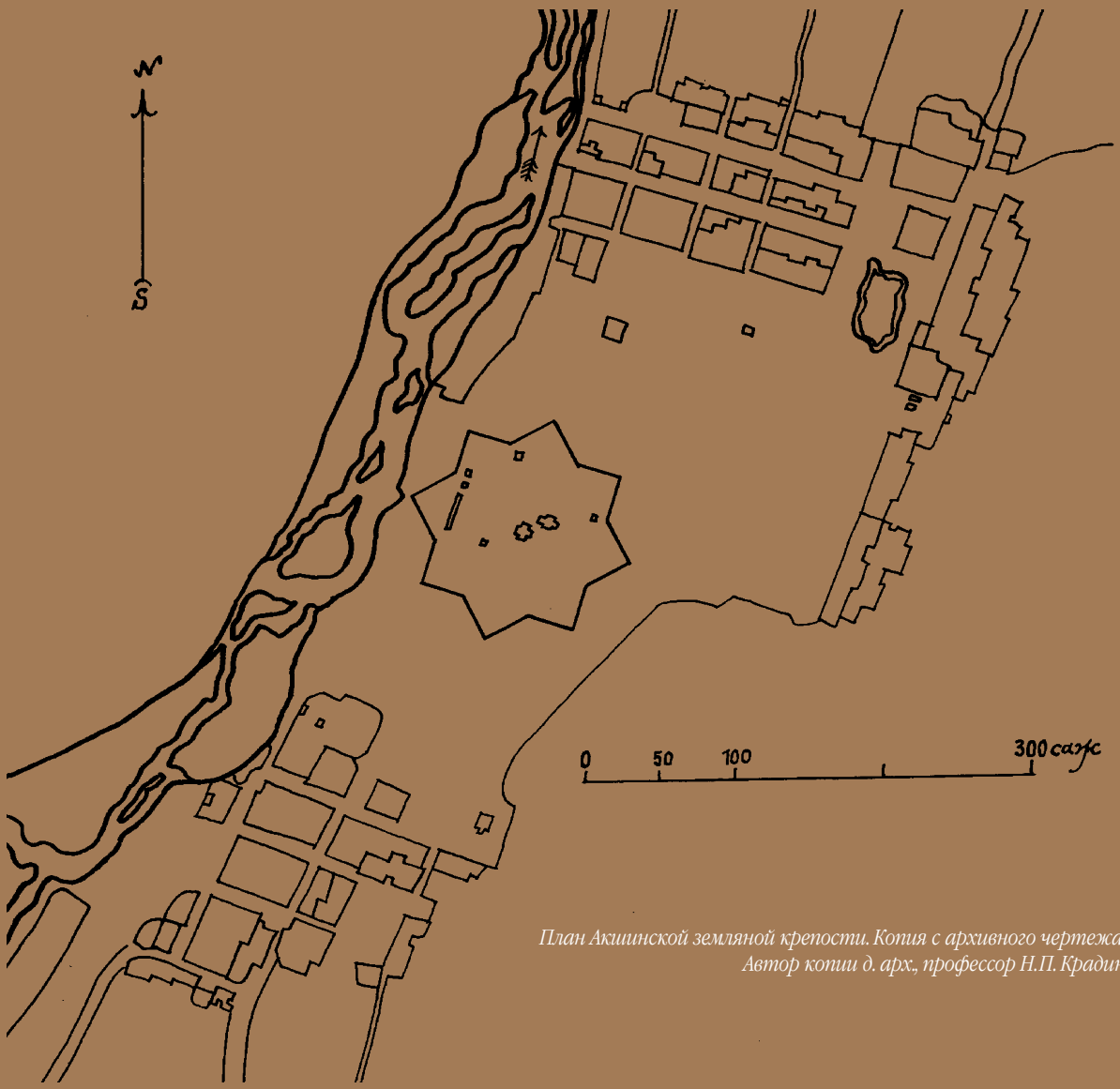
Спустя 5 лет подобную инспекторскую поездку совершил сенатор Толстой, обнаруживший от крепостей только их жалкие остатки:

«От прежних редутов и острогов не осталось и следа, только в одной Акшинской крепости видны были остатки ветхой деревянной башни, ежегодно грозившей падением, с воротами под нею. О существовании некоторых крепостей и редутов едва напоминали земляные валы и рвы. Редуты (караулы) ничем не отличались от простых селений». В это время положение на границе значительно стабилизировалось, поэтому было принято решение пришедшие в ветхость крепости не восстанавливать, «чтобы не нарушать налаженную с Китаем торговлю и не возбуждать его без лишней меры»[100].

[100] Там же. С 231, 261, 263.

На плане Акшинской крепости хорошо видно, что дистанция между крепостью и жилыми усадьбами поселения соблюдена — здесь она составляет чуть более 200 саженей. Современные границы поселения давно уже изменились, и остатки крепости находятся уже в центре поселка. В плане крепость имеет вид восьмиугольной звезды, однако из восьми ее углов сохранились и хорошо просматриваются лишь пять. Один из углов (восточный) отсечен от крепости улицей Ононской, проходящей параллельно береговой полосе, а 3 северных угла полностью утрачены. Внутри крепости сохраняются остатки бывшего Николаевского собора и находятся футбольное поле, а также постройки производственного и хозяйственного назначения. С восточной стороны к крепости примыкает небольшой поселковый парк с мемориальной зоной. Восьмиугольная конфигурация плана крепости имеет в своей основе 2 квадрата со стороной 235 м (110 саженей), повернутых относительно друг друга (вокруг общей оси) на 45 градусов. Оплывшие земляные валы составляют в высоту от 2,5 до 3 м. С внешней стороны крепости, повторяя ее конфигурацию, проходит ров, который заполнялся водой из протоки Онона.

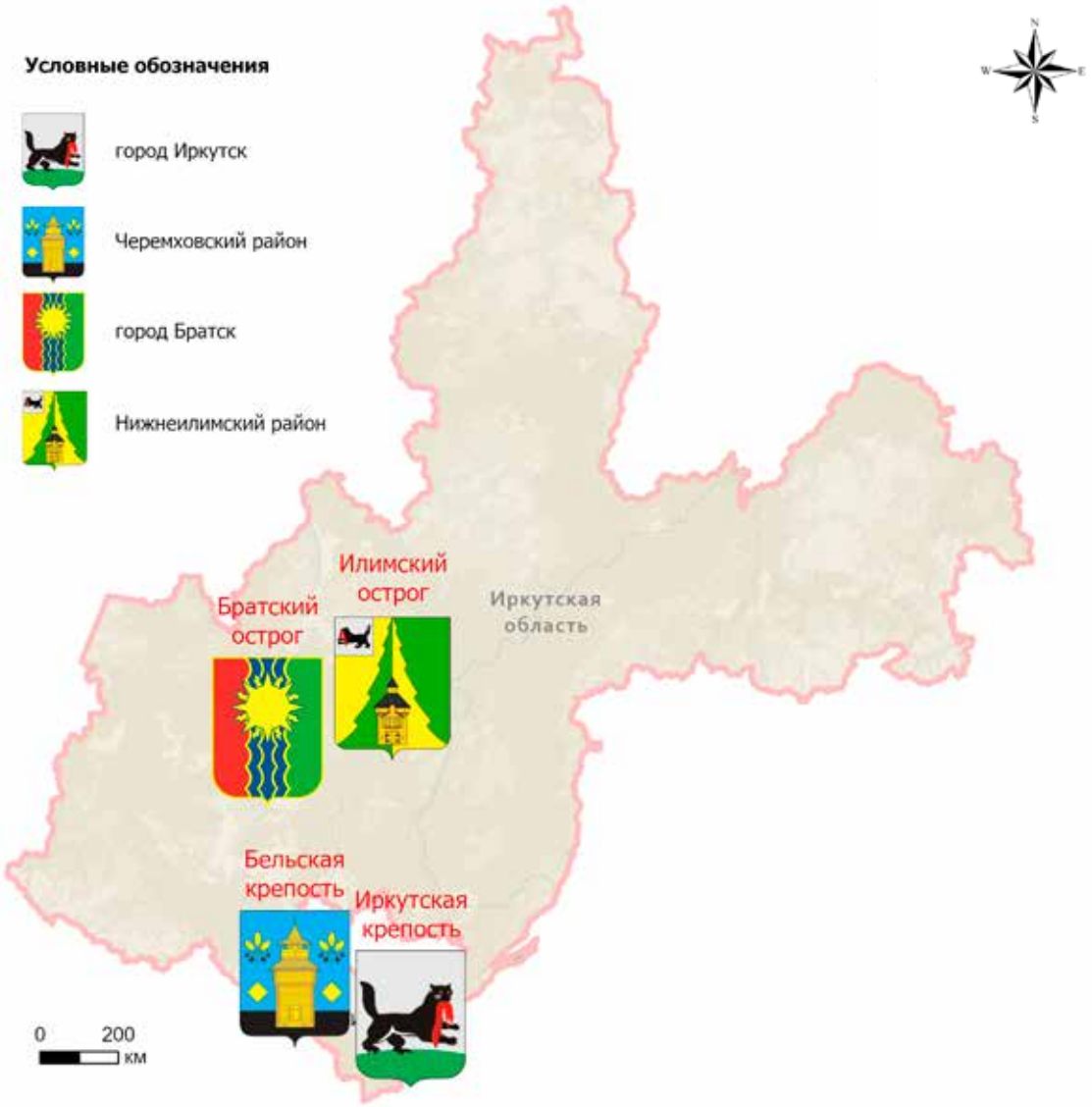
Сохранившиеся в настоящее время остатки земляных валов Акшинской крепости представляют собой большой научный интерес и историческую ценность как редкий образец русского фортификационного искусства XVIII в. в Забайкалье. Подобных остатков, насколько известно, больше не существует на всей территории от Байкала до Тихого океана.

План Акшинской земляной крепости. Копия с архивного чертежа. Автор копии д. арх., профессор Н.П. Крадин

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

На территории Иркутской области в XVII веке, как и в Сибири в целом, особую роль играли крепостные сооружения — остроги. Их структура, масштабы, архитектурный образ, а также особенности размещения, несмотря на визуальную схожесть, имеют индивидуальные различия. Иногда эти различия влияли на специфику формирования поселений при острогах.

Первые остроги здесь появились в первой половине XVII в.: Илимский (1630), Братский (1631), Усть-Кутский (1631), Верхоленский (1641), Удинский (1649), Чечуйский (?). Чуть позже появились Балаганский (1654), Иркутский (1661), Киренский (1665) и Бельский (1691) остроги.

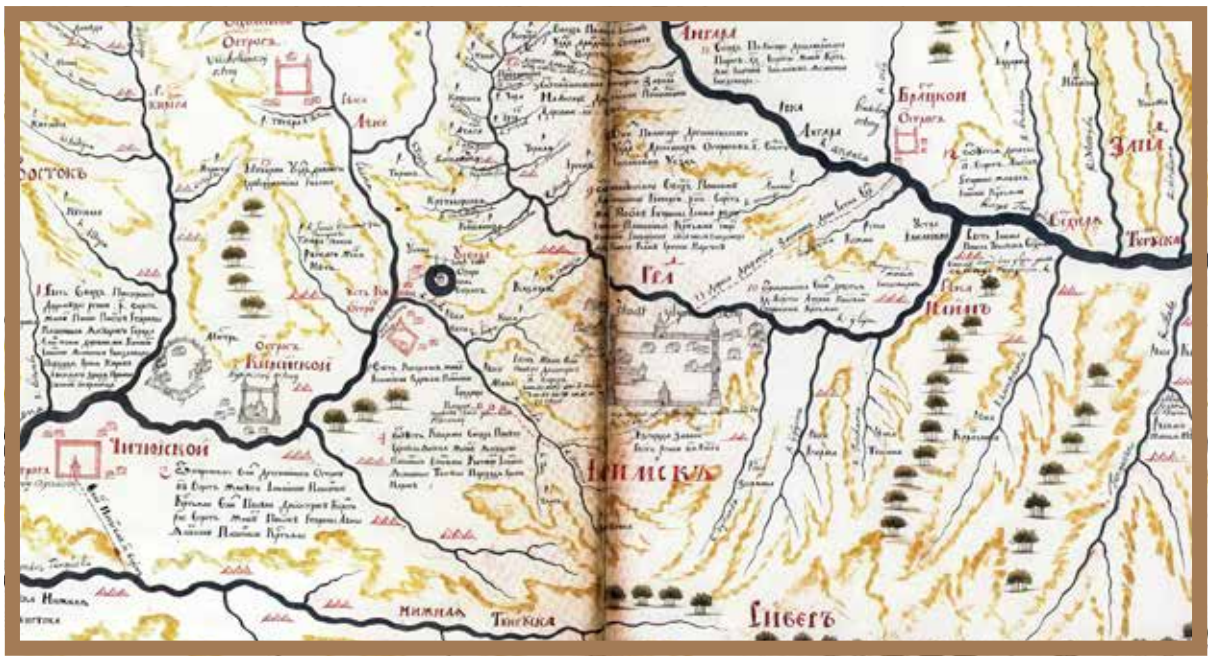
К этому периоду самым крупным, согласно «Чертежной книге Сибири» и «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова, был Илимский острог, который в течение сотни лет служил главным форпостом российского государства на территории Сибири и Дальнего Востока.

Его построили к 1630 г. Окруженный тыновыми стенами, острог состоял из четырех угловых башен — двух наугольных береговых (нижней и верхней) и двух наугольных нагорных, одной глухой и трех проезжих башен — Спасской, Богоявленской и Введенской. Тын состоял из 8 прясел. Внутри острога располагались гостиный двор, соболиный и соляной амбары, воеводский (или государев) двор, приказная изба, Спасская церковь с отдельно стоящей колокольней. Казанская часовня была срублена за пределами острога и располагалась перед Спасской въездной башней.

В 1631 г. на Падунских порогах Ангары был поставлен Братский «первый острожек». В 1635 г. тунгусы напали на острог, убили казаков и сожгли строения. В 1636 г. более крепкий и основательный острог был поставлен И. Похабовым на новом месте, в устье р. Оки, у впадения ее в Ангару. Он построен по чертежу И. Колмогора и служил для сбора ясака с местного населения. В 1654 г. Д. Фирсовым Братский острог был перенесен с правого берега Оки на левый, где земли лучше и крепче.

Летописи подчеркивают, что Братский острог играл как оборонительную, так и функцию жилых помещений. Первый этаж башен отделялся от второго, утеплялся мхом, второй оставался холодным. Перекрытие первого этажа выполнялось из бревенчатого настила, утепленного глиной и слоем земли. Внутри располагались печи, топившиеся по-черному. К 1675 г. в остроге была церковь Пресвятой Богородицы Владимирской, 20 жилых казачьих домов, приказная изба. В Братской волости к концу XVII в. действовало две церкви и часовня. Выше по течению Оки, на холме располагались две «государевы житницы» без замков, «крытые драньем», на Черной речке — «ветхая государева мельница». При остроге имелся нижний посад с «ветхими строениями».

В 1631 г. был основан Усть-Кутский острог. В нем размещался двор приказчика и государевы амбары. Возле острога находились 10 дворов судовых плотников, 2 двора казаков и двор попа. В 1639 году неподалеку от «острожка», в 3 верстах от Усть-Кута, открыли первый в Сибири солеваренный завод. Острог никогда не видел сражений и сразу стал цен-

Фрагмент карты С.У. Ремезова из книги «Чертежная книга Сибири» 1701 г. Изображены остроги XVII в. Илимский, Братский, Усть-Кутский, Киренский, Верхоленский, Чечуйский

тром притяжения и выгодного товарообмена. Уже в XVII в. вблизи острога на Лене и Куте образовалась цепочка небольших деревень, составивших Усть-Кутскую волость.

Верхоленский острог был поставлен в 1641 г. на р. Илге и предназначался для сбора ясака. В 1647 году перенесен на новое место на р. Лене при впадении в нее реки Куленги. Новый острог представлял четырехугольник 20×20 саженей, в углах стояли избы, между ними проезжая башня. В остроге находились часовня, шатровая Вознесенская церковь (1661), 8 жилых казацких дворов. В 1660-х гг. острог пострадал от осады бурят, после чего был заново отстроен. В конце XVII в. острог был перестроен и представлял собой четырехугольник с 4 глухими и 2 проезжими башнями; внутри размещались приказная изба, двор приказчика и государевы амбары, снаружи находилось около 40 дворов пашенных крестьян.

Балаганский острог для сбора ясака был выстроен в 1654 г. боярским сыном Д. Фирсовым напротив Осинского острова, на левом берегу р. Ангары и на р. Унге. После нескольких нападений на острог со стороны бурят и монголов и в связи с их бегством в Монголию (1655) острог утратил ясачную функцию. Местность вокруг острога славилась богатыми железными рудами и пашенными землями (буряты сеяли ячмень и гречиху). В 1668 г. на острог напало войско монгольского Сейгун-Тайши. Тогда острог сильно пострадал и от пожаров. За XVII век сгорело шесть церквей, а каменная соборная церковь была разрушена в 1932 г.

В 1649 г. на правом берегу Уды был построен первый «острожек» под названием Покровский городок. Несколько раз восстанавливался после нападений местного кочевого населения. Удинский острог (с 1664 г.) был центром торговли, хозяйственного и административного управления, внутри располагались первоначально деревянная, позднее каменная Спасская церковь, позже — острожная Архангельская. Жилые постройки острога ограничивались избами, а для хранения пороха были пороховые погреба, кладовые для хлеба и других продуктов (амбары). В 1681 г. острог был вновь перестроен, а в 1700 году переименован в Нижнеудинск.

Киренск был основан как Никольский погост в 1630 г., а в 1665 г. уже переименован в Усть-Киренский острог, где размещались зимовья для жилья, часовня, склады и лабазы. К 1675 году острог стал называться городом. Он размещался на острове и представлял собой крепостное сооружение со стенами и башнями, откуда легко можно было обороняться от степных кочевников, но он никогда не видел сражений. Наоборот, выгодная торговля притягивала к новому поселению коренные племена, занимавшиеся охотой.

В 1661 г. на правом берегу Ангары в устье р. Иркут Я. Похабовым был поставлен Иркутский острог. Строительство острога велось медленно — не хватало леса, который был на удалении от места основания. Первый острожек имел лишь 89 саженей и с 1670 г. перестраивается. Новый острог 50×50 печатных саженей имел тыновые стены. Уникальность башен Иркутского острога заключа-

Фрагмент карты С.У. Ремезова из книги «Чертежная книга Сибири» 1701 г. Иркутский острог и Бельская слобода

ется в их многофункциональности: и жилая, и хозяйственная, и оборонительная функции, включая проезжие башни. В 1682 г. Иркутск стал центром самостоятельного воеводства, а в 1686 г. был возведен в ранг города, получив в 1690 г. свои герб и печать. Это обстоятельство послужило основанием очередной перестройки крепости.

К началу XVIII в. Иркутск делится на «малый город» — острог и «большой город» — посад и превращается в торгово-складскую, продовольственную и военно-административную базу для целого потока людей, переселявшихся с запада на восток.

С постепенной утратой оборонительных функций острогов происходило слияние относительно плотно населенных посадов с прилегающими поселениями. Так произошло со многими городами, в частности с Иркутском, Илимском, Братском, Верхоленском, Киренском и другими[1].

Среди множества городов XVII в. в Иркутской области практически все утратили свои оборонительные сооружения. Так, не уцелело ни одного деревянного объекта из острога Иркутска, Усть-Кута, Верхоленска, Киренска, Нижнеудинска. А те ценные исторические постройки, которые еще сохранялись до начала XX в. — некоторые сооружения Илимского, Братского, Балаганского острогов — были утрачены после затопления ложа Братской и Усть-Илимской ГЭС. Сохранилось лишь две сторожевых башни Братского острога: одна перенесена в «Ангарскую деревню», другая — в Коломенское в Подмосковье — музеи деревянного зодчества под открытым небом, а также Спасская проездная башня Илимского острога и Казанская часовня (второй половины XVII в.), перенесенные в музей деревянного зодчества «Тальцы» в Иркутске. Единственным объектом оборонительной архитектуры той эпохи, сохранившимся на месте своего создания, является сторожевая башня в селе Бельск.

Поселение Бельск основано в 1691 году на левом берегу р. Белой, впадающей ниже по течению в Ангару. Острог возник на вершине холма с целью защиты новых пашенных земель междуречья Белой и Ангары от набегов монголов. В 1667 году появляется острог в виде тыновой ограды с приказной избой, церковью и государевыми амбарами. В «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова упоминается Бельская слобода со схематичным изображением Сретенской церкви. В то время церковь была деревянной и располагалась внутри острога. Позже, во второй половине XVIII века, ее заменили на каменную (1788). Она и дала второе название слободе — Сретенская. Предполагается, что в 1691 г. острог был перестроен, появились две сторожевые башни, а за укрепленной стеной приказная изба, церковь, казенные амбары, горницы для казаков, избы служилых, посадских, пашенных людей. Все строения до середины XVIII в. возводились из «топорного» леса.

Бельская сторожевая башня отличается от многих других подобных строений наличием шатра с обходной галереей для дозорных часовых. С этого сторожевого поста открывается панорамный обзор окружающей местности. Вышка срублена из бруса в лапу, в отличие от всей остальной башни. Высота сооружения с вышкой составляет почти 12 м. Ограждение вокруг обходной галереи утрачено.

Фундамент представлял собой бревенчатые обрубки, врытые в землю вертикально и плотно стоящие друг к другу по периметру сруба. После реставрации в 1987 году он был укреплён бетоном, заменены сгнившие венцы.

Внутри башня имеет три яруса — две промежуточные площадки и три лестницы. Вход организован с территории острога с северной стороны. Судя по месторасположению башни, особенностям ее строения и размещению на рельефе, тын примыкал с двух противоположных сторон от входа со смещением к внутренней стороне острога.

Постепенно острог ветшал и от него осталась лишь одна башня и руины некогда великолепной белокаменной церкви. Со временем острог превратился в церковное кладбище.

Сохранившаяся башня острога и сегодня поражает величием и мощью. В то же время она великолепно «держит» и подчиняет себе пространство, вокруг которого разворачиваются исторические события. Исключительность башни заключается еще и в сохраненном ее историческом и градостроительном контексте, что особенно ярко проявляется при ее визуальном восприятии. Этот памятник архитектуры демонстрирует нам не только свои мощные оборонительные функции, но и сочетает в себе высокие художественные качества русского деревянного зодчества и градостроительного мастерства XVII в.[2]

---

[1] Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная... – М.: ОПОЛО, 2004. – 536 с.

[2] Астраханцева В.В., Дружинина И.Е.Остроги на территории Иркутской области в XVII веке // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – № 2 (13), 2015. – С. 132–141.

ИРКУТСКИЙ ОСТРОГ

Оборонительная архитектура Сибири XVII–XVIII вв. — это один из важных разделов русского архитектурного наследия. Процессы и специфика формирования крепостных комплексов крайне значимы для истории региональной архитектуры периода вхождения Сибири, и в частности Восточной Сибири, в состав России. Осваивая Сибирские края, русские строили зимовья, остроги, кремли, монастыри, обрастающие посадом. Исследования по данной теме актуальны тем, что в каждом конкретном случае с течением времени крепость либо оказывалась не востребована и, утратив оборонительные функции, могла быть даже оставлена людьми, если не возникало предпосылок для дальнейшего развития, либо крепость перерождалась в населенный пункт, село, город, порт и влияла на уникальную планировку развивающегося поселения. Также значительное влияние оказывали деятельность человека и особенности ландшафта местности: «Почти неизменными в обозримой ретроспективе оставались величественные ландшафты Сибири, которые играли определяющую роль в формировании объемно-пространственной структуры и архитектурно-художественной образности городов и сельских поселений. Поэтому, кому бы ни принадлежали эти города и поселения, они всегда получались сибирскими, обладающими особым колоритом, особой духовной аурой»[1].

Первый вид источников, изученных в процессе работы, — документы о городе Иркутске, в основном текстовые. Прежде всего к ним относятся исторические акты. Самыми важными историческими документами, описывающими Иркутский острог, являются описи, отписки, челобитные и счетные списки. Наиболее полно они представлены в сборнике «Первое столетие Иркутска»[2]. Но и вторая половина XX в. тоже была богата на открытия, в их числе архивные находки Б.П. Полевого[3], Е.Б. Шободоева[4] и других историков и архитекторов[5]. Летописи Иркутска, которые составляют богатое наследие, дополняют панораму исторических событий, хотя порой идут с ними вразрез, например в датировках и именах, что можно принимать с поправкой на временную отдаленность момента написания летописи от самих исторических фактов.

Чертеж земли Иркутского города (фрагмент) из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. 1701 г.

В целом текстовые документы дают богатый материал для методичной реконструкции, однако надо заметить, что для города такого уровня развития их известно не так уж много, что позволяет надеяться на новые находки в архивах (которые, возможно, сделают исследователи в будущем). К тому же такие материалы не слишком информативны по отношению к архитектурно-строительным деталям.

Следующий вид источников — графические документы, в определенной степени полезные для задач воссоздания архитектурного облика. Во-первых, существует изображение деревянного кремля с натуры, написанное художником И.В. Люрсениусом, состоявшим в сибирской экспедиции Г. Миллера. Это изображение не богато мелкими

---

[1] Градостроительство Сибири. — СПб.: ИД «Коло», 2011. — 784 с. — С.9.

[2] Первое столетие Иркутска / изд. В.П. Сукачева. — СПб., 1902. — 186 с.

[3] Полевой Б.П. Забытое описание Иркутского острога 70-х годов 17 в. // Записки Иркутского обл. краеведческого музея: сб. к 300-летию Иркутска. Вып. 2. — Иркутск, 1961. — С. 36–39.

[4] Шободоев Е.Б. Иркутский острог 1731 года // Земля Иркутская. — 2001. — № 16. — С. 9–12.

[5] Бубис Н.Г. Возникновение и основные этапы развития города Иркутска // Земля Иркутская. — 2001. — № 15. — С. 2–7.

деталями, так как в целом на нем представлена панорама города (с северо-западной стороны). Во-вторых, существуют планы города Иркутска разных лет, в том числе XVIII в., отличающиеся, вероятно, не слишком высокой топографической точностью, но, несомненно, обладающие богатейшим информационным слоем, полезным для наших задач. Многие историки и архитекторы использовали их в своих работах, в том числе при исследовании развития города и планировки «малого города» — крепости[6]. Кроме того, в разные годы были произведены археологические раскопки на интересующей нас территории, где когда-то располагался Иркутский деревянный кремль[7]. Они напрямую соотносятся с планами этого участка города.

Наконец, есть целый ряд изданных работ исследователей русского деревянного зодчества, оборонного зодчества и появления русских городов Сибири[8], которые обобщили, систематизировали широкий спектр материалов по данному вопросу.

Хотелось бы затронуть вопрос о крайне слабой изученности территории, которая является историческим ядром города Иркутска и в то же время археологической зоной охраны объекта культурного наследия — Иркутского

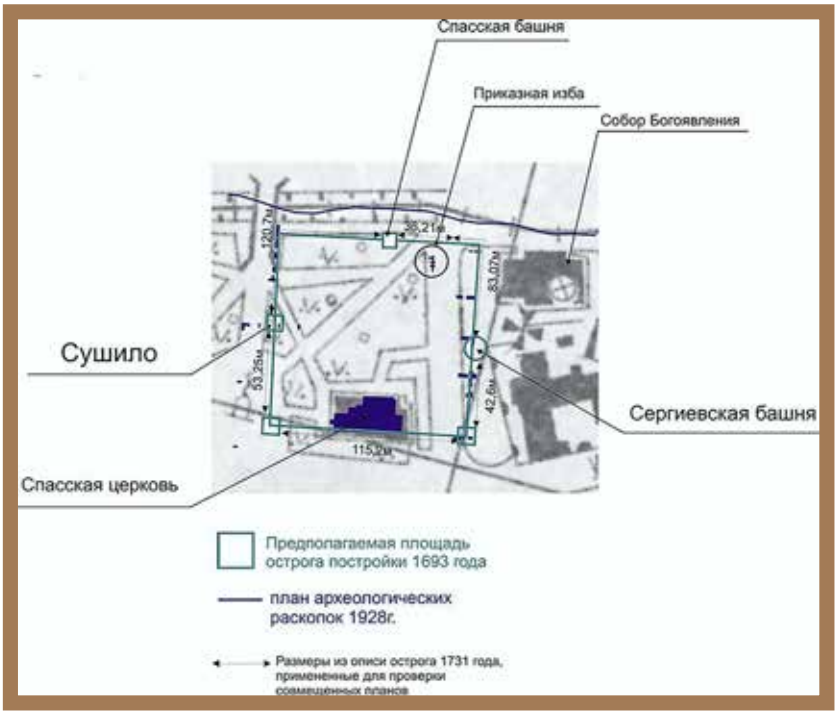
[6] Бубис Н.Г. Возникновение и основные этапы развития города Иркутска // Земля Иркутская. — 2001. — № 15. — С. 2–7; Яровой Б.П. Возвращение к границам Иркутского острога // Земля Иркутская. — 2001. — № 17. — С. 18–20; Яровой Б.П. Еще раз о границах Иркутского острога // Земля Иркутская. — 2002. — № 2 (19). — С. 10–12; Яровой Б.П. Границы Иркутского деревянного острога в 1670 г. // Земля Иркутская. — 2010. — № 1 (36). — С. 18–20; Свяжина Д.А. Первый опорный историко-архитектурный план Иркутска и его автор В.Т. Щербин // Баландинские чтения. — 2016. — Т. 11. — № 1. — С. 301–303; Орлова А.О., Юндунов Х.И. Исторические аспекты установления границ города Иркутска // Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК: материалы всероссийской науч.-практ. конф. (6–7 марта 2020 года, Иркутск). — Иркутск, 2020. — С. 285–293; Трахтенберг О.Л. Древнейший архитектурно-культурный памятник Иркутска // Современные технологии и научно-технический прогресс. — 2012. — Т. 1. — С. 39.

[7] Лаптев С. К материалам по истории Иркутска (археологические раскопки Иркутского острога в 1928 г.) / публ. и примеч. А.Н. Гаращенко // Земля Иркутская. — 2001. — № 16. — С. 13–17.

[8] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — 190 с.; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — 190 с.; Хруник Е.В. Особенности формирования исторических поселений в Сибири в XVI–XIX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2015. — № 9 (104). — С. 90–99; Майничева А.Ю. Виртуальные реконструкции Сибирских острогов и городов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2019. — № 3 (35). — С. 166–171. (In Russ.) https://doi.org/10.31554/2222-9175-2019-35-10-166-171; Майничева А.Ю. Проблемы реконструкции Сибирских острогов XVII–XVIII веков [Электронный ресурс] // Три века Саянского острога: история, значение, перспективы: сб. Материалов межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Саянского острога (1718–2018) (27 июля 2018 г., Шушенское). — Шушенское, 2019. — С. 79–83. URL: http://www.shush.ru/nauka/izd/013.pdf#page=79 (25.11.2020); Горохов С.В. Сведения из путевого дневника И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13 (1). — С. 132–136. https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10080; Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Проблемы макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13 (1). — С. 384–393. https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10059; Царев В.И., Царев В.В. Реконструкция Красноярского острога 1748 г. Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2019. — Т. 21 (4). — С. 35–52. https://doi.org/10.31675/1607-1859-2019-21-4-35-52; Скобелев С.Г. Основные особенности планировки русских острогов Средней Сибири по описаниям Г.Ф. Миллера // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 54. — С. 53–58. https://doi.org/10.17223/19988613/54/8; Солодкин Я.Г. К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири // Вестник «Альянс-Архео». — 2018. — № 24. — С. 45–56; Тихонов С.С. Планиграфические особенности сибирских городов конца XVI — начала XVII века (по материалам «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова) // Баландинские чтения. — 2018. — Т. 13 (1). — С. 195–198. https://doi.org/10.24411/9999-001A-2018-10028; Муратова С.Р., Тычинских З.А. Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. — 2017. — № 3 (77). — С. 33–38.

Иркутский острог в 1735 г.
Фрагмент гравюры А.Г. Рудакова с рисунка И.В. Люрсениуса

Промежуточный итог совмещения планов с привязкой к карте участка города. Автор реконструкции Б.П. Яровой

Предварительный план крепости, существовавшей на отрезке времени 1693–1715 гг. перед пожаром 1716 г., насыщенный информативными данными, был привязан к современной карте изучаемой городской территории. Это и стало главным научным результатом предварительной работы с планами и привязками объектов структуры Иркутского кремля. Разумеется, внутренняя структура крепости показана приблизительно и еще требует дальнейшей проработки.

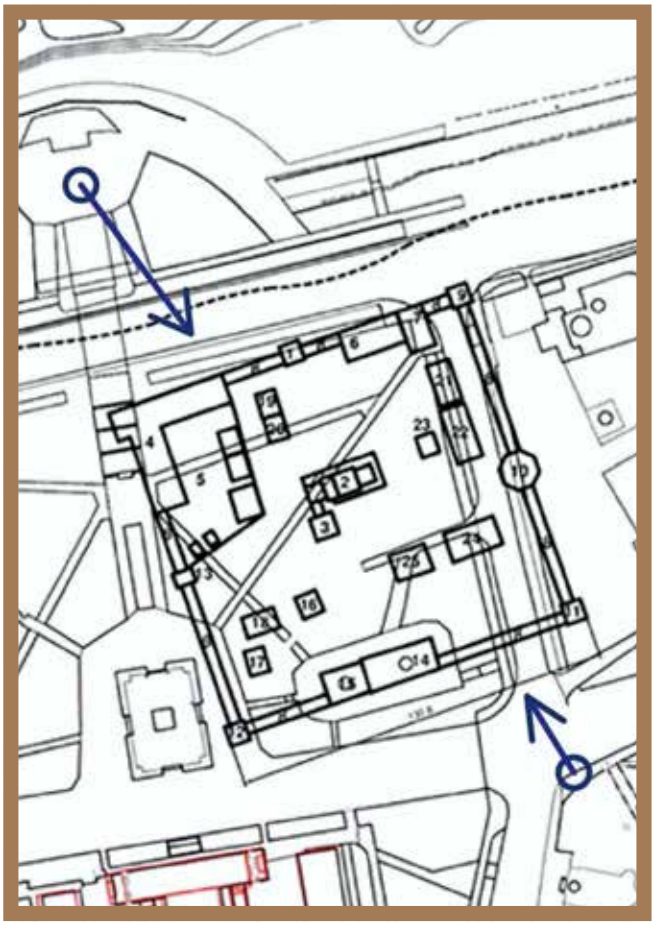
Далее для установки моделируемых объектов на топографической основе были выбраны векторы видов городского ландшафта. Так как северное и северо-западное направление, совпадающее с руслом Ангары, представляет собой сложившийся исторический коридор (источник процессов освоения Приангарья в XVII–XVIII вв.), то и направления для фотосъемки были выбраны соответствующие —

острога. В отличие от Иркутска, в других городах, таких как Томск, Енисейск, Ялуторовск, место основания города тщательно изучается, выявляется богатый уникальный материал, а в некоторых случаях даже на фоне изучения такого исторического материала происходит воссоздание деревянных крепостей на историческом месте.

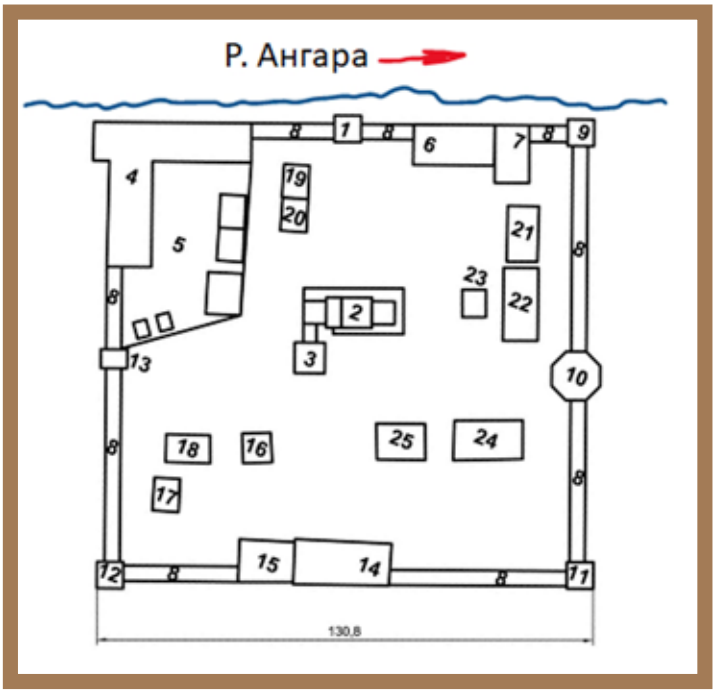
Еще чуть более полувека назад весь участок, на котором располагался Иркутский острог, мог быть изучен без создания помех городской инфраструктуре. К сожалению, этого не произошло, впрочем, удалось сохранить храмы-ровесники Иркутского кремля. На данный момент, исходя из результатов исследований автора, большая часть территории бывшего кремля не занята какими-либо чужеродными надземными строениями. К сожалению, большая часть оснований северной и восточной стен крепости теперь находится под автотрассами.

Первым этапом работы было изучение изобразительных источников. Такие документы, как чертеж острога в издании С. Ремезова и гравюра И.В. Люрсениуса, дают общее представление о периметре крепости — стенах и башнях, и частично — о внутренних постройках. Их дополняют текстовые документы.

Вторым этапом работы было опытное совмещение планов, содержащих данные об Иркутском кремле, с целью предварительного установления местонахождения крепости (постройки 1693 г.) на современной карте города.

Выбор видов городского ландшафта. Автор реконструкции Б.П. Яровой

План Иркутского деревянного кремля на 1715 г. (перед пожаром 1716 г.): 1 — проезжая Спасская башня (построенная еще в остроге 1670 г.); 2 — деревянная Спасская церковь (1672); 3 — шатровая колокольня (1680–83 гг.); 4 — воеводский дом; 5 — воеводский двор; 6 — каменная воеводская канцелярия (1702–04 гг.); 7 — сени канцелярии, под ними тюрьма; 8 — деревянная рубленая (городовая) стена крепости, в ней различные хозяйственные и жилые помещения; 9 — нижняя (относительно течения реки) угловая башня северной стены крепости; 10 — проезжая Сергиевская башня в восточной стене; 11 — нижняя угловая башня южной (полуденной) стены; 12 — верхняя угловая башня южной стены; 13 — сушило с боями — помещение для просушки чего-либо методом проветривания, было с бойницами, так как имело 2 или 3 этажа — фактически крепостная башня; 14 — каменная Спасская церковь (1710); 15 – колокольня каменная Спасской церкви (построена ориентировочно в 1760 г., оставлена в данном плане для узнаваемости Спасского храма); 16 — каменный пороховой погреб; 17 — жилое деревянное здание; 18 — деревянный пороховой склад; 19 — винный погреб; 20 — соляной амбар; 21 — таможня с амбаром; 22 — гостиный двор, в нем 11 лавок; 23 — жилая изба для приезжих; 24 — караульная изба (в дальнейшем гауптвахта); 25 — казенное помещение (возможно, ревизионная кантора). Автор реконструкции Б.П. Яровой

северное (вид с реки) и южное (вид из города на реку).

Перед вторым этапом работ по предварительному макетированию и компьютерному моделированию были изучены все параметры фортификационных и хозяйственных сооружений, все данные, взятые из исторических источников об Иркутском кремле. Эти данные были соотнесены с аналогами, которые проанализировали в своих исследованиях такие авторы, как В.И. Кочедамов, Н.П. Крадин[9] и др.

За основу модульности первого уровня был взят усредненный диаметр бревна, равный 6 вершкам, что составляет около 27 см. Сажень (а также фигурирующая в документах печатная сажень — эталонная сажень, с печатью) была принята как устоявшаяся к концу XVII — началу XVIII в. единица измерения, равная: в XVII в. — 2,16 м, в XVIII в. — 2,13 м (приведенная уже к дюймовой системе). В результате компьютерного моделирования удалось получить виды проекции стен и башен, выполненные в пропорциональных соотношениях. Это послужило отправной точкой для моделирования в трехмерной графике.

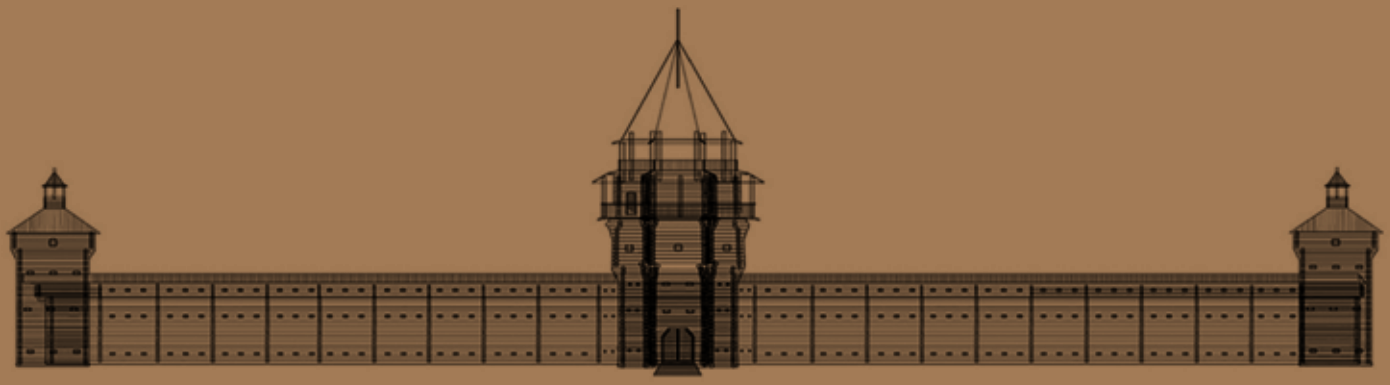
На этапе создания плоскостных изображений уже стало понятно, что высоты башен и стен Иркутского кремля были уникальны по своей величине. Это была самая высокая крепость в Приангарье. Если сравнивать с другими регионами, то соперничать по высоте башен с ней мог, пожалуй, только Якутский острог. Несомненно, Иркутский кремль, наряду с окружавшими его культовыми зданиями, был архитектурной доминантой. Это был ансамбль, определявший лицо города, обрамленный могучим водным путем. Перед моделированием трехмерных изображений автор посчитал необходимым выполнить макет крепости, чтобы «вживую» увидеть объемы. Макет был выполнен в масштабе 1:100. Являясь результатом научного эксперимента, он продолжает службу в экспозиции Музея истории города Иркутска.

Предварительные трехмерные модели башен и стен, выполненные в компьютерных программах, были отмасштабированы согласно топоосновe и установлены на предполагаемые свои исторические места. Ракурсы для рендеринга были установлены согласно заранее выбранным видам в ландшафте города. Особенно эффектно кремль выглядел с севера. Высокие башни северной стены и центральная, Сергиевская проезжая, башня восточной стены по высотно-массовым характеристикам являлись центром городского силуэта для взора прибывающих с запада путешественников, служилых людей и местного населения.

[9] Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — 190 с.; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — 190 с.

Западный фасад Илимского острога. Автор реконструкции В.И. Кочедамов

Восточная стена Иркутского кремля. В центре — проезжая восьмигранная Сергиевская башня. Автор реконструкции Б.П. Яровой

Вид с севера (северо-запада) на фрагмент северной стены Иркутского кремля. Автор реконструкции Б.П. Яровой

Макет Иркутского кремля в Музее истории города Иркутска. Автор Б.П. Яровой

Вид с юга на фрагмент южной стены Иркутского кремля. Автор реконструкции Б.П. Яровой

БЕЛЬСКИЙ ОСТРОГ

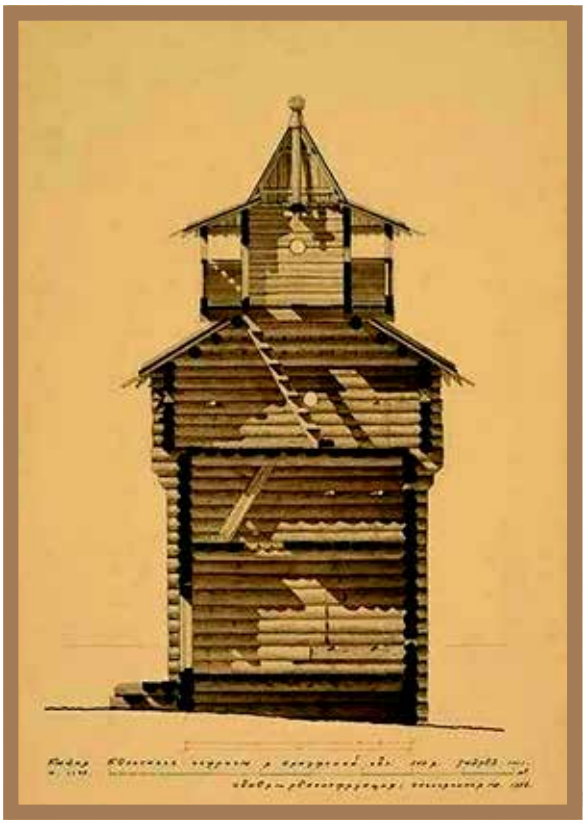
Острог основан в конце XVII в., когда Приангарье уже вошло в состав Русского государства. Предназначенный для защиты границ нового воеводства, острог долгое время играл роль сторожевого пункта. Согласно историческим материалам, он имел небольшие размеры, был окружен тыновыми стенами, в которых располагались две башни (по некоторым другим сведениям башня в остроге имелась одна). Бельский острог являлся ярким примером небольшого оборонительного сооружения, так называемой крепости малой статьи. Одна из башен острожка сгорела в начале XX в., а вторая сохранилась и представляет сегодня единственный пример деревянной оборонной башни, сохранившейся на месте существования крепости.

В дошедшей до нашего времени башне ярко выражена ее сторожевая функция — наверху вокруг вышки устроена обходная галерея, предназначенная для несения караульной службы и обозрения окрестностей. При всем сходстве конструкции Бельской башни с подобными сооружениями других сибирских крепостей ее дозорная галерея не только вносит своеобразие в композицию башни, но и делает ее отличной от других. Среди всех сохранившихся башен сибирских острогов Бельская — единственная, в которой такая галерея имеется.

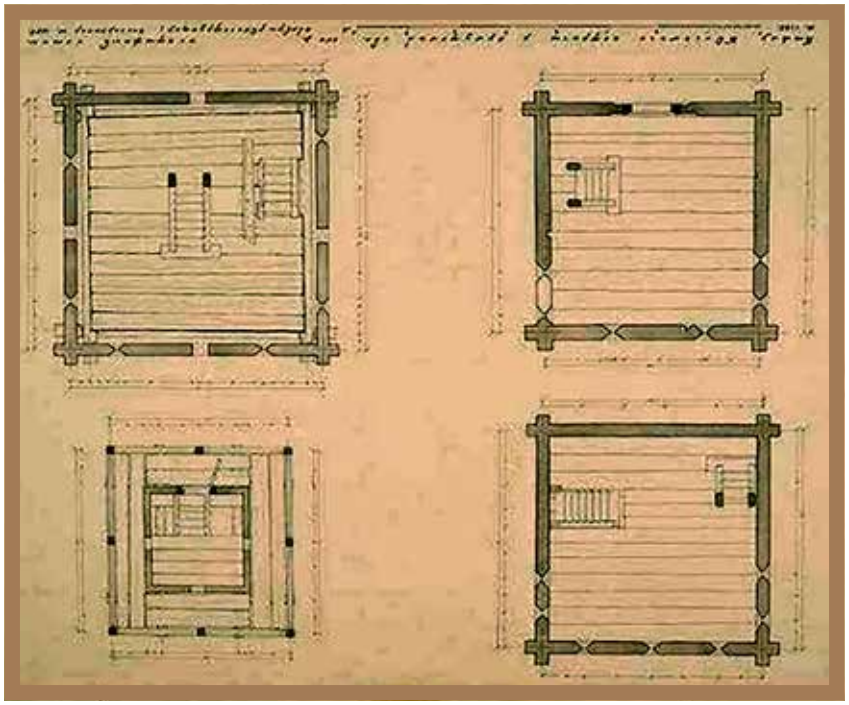
Конструктивное устройство башни Бельского острога традиционно для подобного рода сооружений: квадратный в плане сруб, состоящий из 17 венцов. Длина бревен составляет 4,8 м, а толщина бревен 30–35 см. Нависающий над основным срубом облам срублен из 8 венцов и завершен шатром, над срезом которого устроена обходная галерея. Общая высота башни вместе с вышкой достигает 12 м. Внутри башни для подъема на верхние уровни (на облам и смотровую вышку) устроены три деревянные лестницы. За долгое время своего существования башня не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Кроме

Восточный фасад башни Бельского острога (1691). Рисунок А.В. Ополовникова

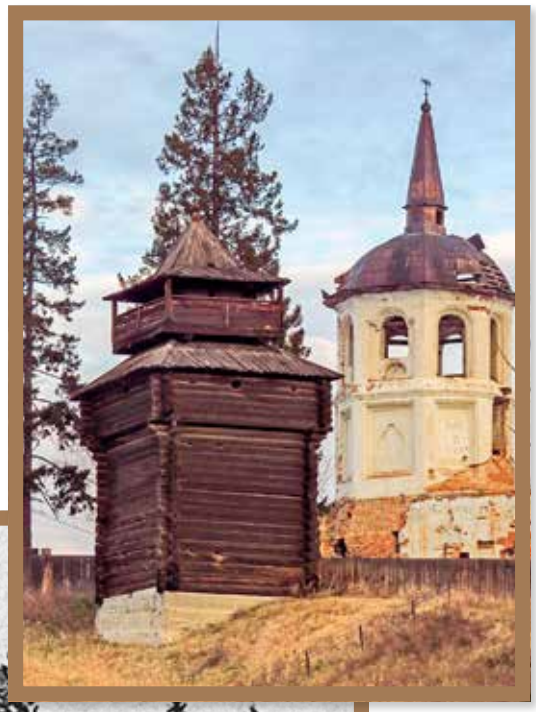
Восточный фасад башни Бельского острога в разрезе. Рисунок А.В. Ополовникова

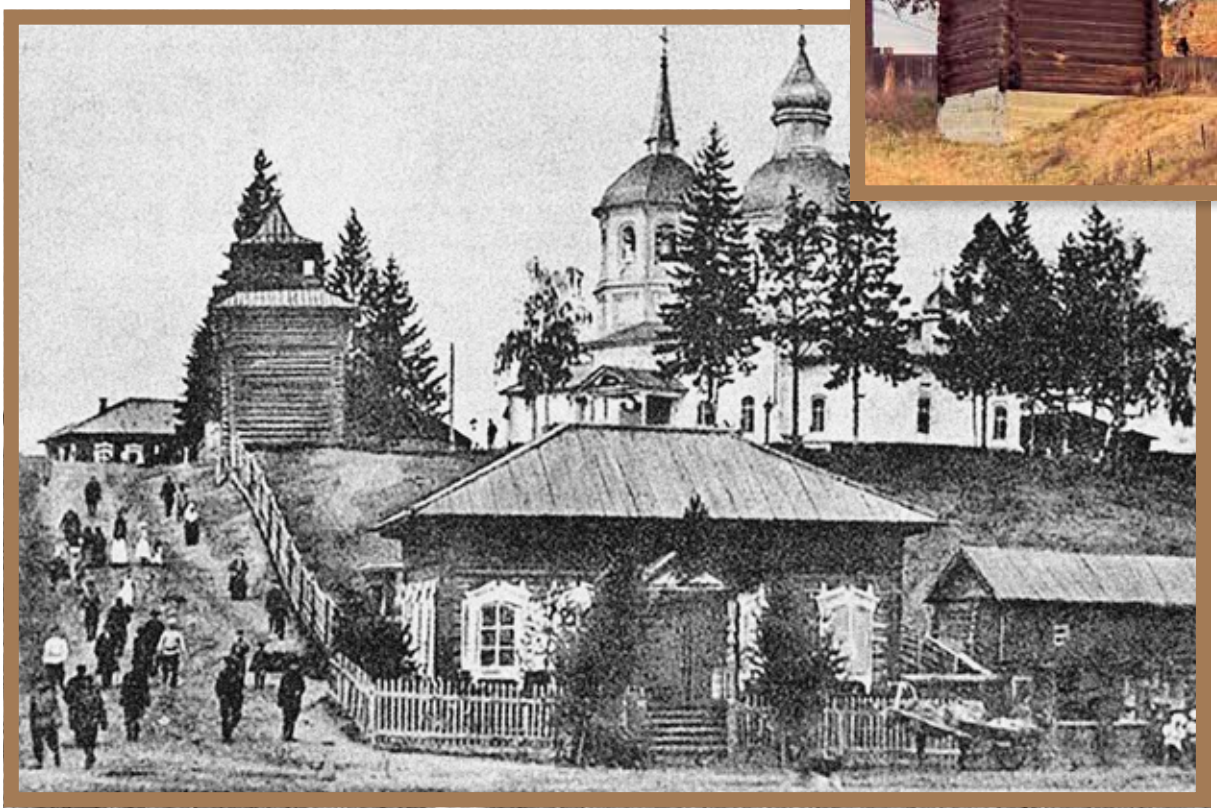
Планы четырех этажей башни Бельского острога (1691). Рисунок А.В. Оловникова

замены досчатой кровли, в ней был несколько увеличен дверной проем, а также утрачено ограждение галереи вокруг вышки.

Общий вид Бельской башни, ее фрагменты и отдельные детали, включая даже такие мелкие, как бойницы, — все свидетельствует о ее совершенстве. Небольшая по своим размерам, компактная, хороших пропорций, она в полной мере отражает оборонительные функции и вместе с тем олицетворяет творческое кредо русских мастеров-плотников, умевших наделять свои постройки и сугубо утилитарными, и художественными качествами.

Самая поздняя и самая маленькая башня Бельского острога. Источник: https://dzen.ru/a/YlVHU8dKtWE4t-TF

Вид на Бельский острог. Источник: https://dzen.ru/a/YlVHU8dKtWE4t-TF

БРАТСКИЙ ОСТРОГ

Братский острог в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова

Возникший в 1631 г., Братский острог, как и многие сибирские крепости, неоднократно переносился на новое место и перестраивался. Сохранившиеся до настоящего времени две его башни относятся к третьей крепости, построенной в 1654 г. Поставленный на возвышенном месте, острог имел четыре угловых башни, в трех из которых было устроено жилье, а четвертая башня служила проездом в острожную крепость. На воротной (проезжей) башне имелась часовня. По периметру почти квадратный в плане острог имел 120 саженей. Расположенный в довольно равнинной местности, он занимал между тем удобное положение — недалеко от впадения р. Оки в Ангару. Реки, плодородные земли и богатые зверем окрестные леса способствовали превращению небольшого укрепления в развитое поселение, просуществовавшее более трех столетий. Не случайно Братский острог стал важным опорным пунктом в процессе дальнейшего освоения Прибайкалья.

Уникальность сохранившихся двух башен Братского острога заключается в том, что они представляют собой редкий тип башен, в которых совмещены две функции — жилая и оборонительная.

Очень рано утратив свои военно-оборонительные функции, Братский острог превратился в сельский погост, а две его оставшиеся башни ветшали, всеми забытые и заброшенные. Тем не менее судьба оказалась к ним благосклонной. Ни у кого не поднялась рука их сжечь или разобрать на дрова, как это часто случалось с остатками других сибирских крепостей.

Сохранившееся от первой четверти XVIII в. описание острога дает наглядное представление об особенностях его планировочной структуры и некоторых характерных деталях устройства: «Острог мерою в четырех стенах 120 сажен. Около острогу надолбы ветхие. В нагорную сторону по углам того острогу 2 башни на жилых избах... В решную сторону того же острога проезжие ворота, у тех ворот запор железный. А на тех воротах построен казенный анбар, где бывает ясашная и денежная и товарная всякая казна... Около того анбару перила, забраны с трех сторон досками в косяк, покрыты тесом. А на тех перилах с двух сторон створные двери на крюках железных... В стене острожной в нутряную сторону в углу приказная изба старого строения без анбара и без сеней...В остроге 3 анбара ветхие, крыты драньем... В остроге ж 2 погреба, в том числе один с выходом, ветхой, другой зелейной, творило выкладено кирпичем... Над ним покрыт сарай тесом. Две лавки с перерубами, у перерубов двери особые, без замков... По верхную сторону острога 2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ними сени с казенкою, крыты тесом в зубец, под одной кровлей... семеры двери, 4 окошницы. На задворье башня ветхая, да анбар ветхой, крыты драньем».

Как видно из описания, уже в первой трети XVIII в. острог имел только две угловых башни, приспособленных под жилье, а над воротами, через которые попадали в крепость, был устроен казенный амбар для хранения ясачной, денежной и товарной казны. К этому времени Братский острог уже потерял значение военно-опорного пункта, поэтому со временем башни и другие его постройки приходили в ветхость. Тем не менее две его башни, срубленные из лиственницы, сохранились до нашего времени. В связи со строительством каскада гидроэлектростанций на Ангаре и затоплением территории, на которой располагался Братский острог, в 1950-е гг. башни были разобраны и перевезены — одна в музей «Коломенское» под Москвой, а другая оставлена в Братске и перенесена в парковую зону города.

Сохранившаяся от Братского острога северо-западная башня находится в музее

«Коломенское» под Москвой, в зоне сосредоточения памятников деревянного зодчества, перевезенных в музей из разных мест России. Сюда ее перевезли и собрали заново в 1959 году. Башня представляет собой сруб почти квадратной в плане формы (5,2×4,9 м), высотой 4,5 м. Над срубом нависает еще один невысокий, всего в 5 венцов, сруб, так называемый облам. Венчает башню миниатюрная смотровая вышка.

Несмотря на общее сходство и практически одинаковые размеры со второй сохранившейся башней, оставленной в Братске, северо-западная башня имеет существенные отличия от нее. Главное отличие — в способе рубки и укладки венцов сруба.

Известно, что, укладывая венцы один на другой и сочленяя их, мастера выдалбливали или прорубали топором вдоль каждого бревна желоб или паз, чтобы бревна плотнее примыкали друг к другу. В данной башне этот паз устроен в верхней части каждого венца. Такой способ сочленения венцов друг с другом имел распространение в русском деревянном зодчестве примерно до конца XVI в. На практике оказалось, что данный способ способствует быстрому гниению бревен, потому что в пазах, как в лотках, скапливалась дождевая вода. Таким образом, этот древний способ оказался непрактичным и от него со временем отказались. В дальнейшем бревна венцов стали переворачивать с тем, чтобы паз находился внизу. В настоящее время в русском деревянном зодчестве сохранилось лишь несколько памятников, срубы которых имеют сочленение венцов с пазом в верхней части. И среди них — северо-западная башня Братского острога, срубленная в середине XVII в.

В отличие от предыдущей, северо-западной, юго-западная башня Братского острога срублена более практичным способом — пазы в бревнах ее венцов прорублены в нижней части. Отметим еще одну особенность этой башни, характерную, впрочем, и для северо-западной. Она касается устройства нижней части башен. Обычно нижняя и верхняя части башен сибирских острогов имели между собой связь. По лестнице, поставленной внутри башни, ее защитники могли подниматься на промежуточные ярусы и облам, где были прорублены бойницы.

В башнях Братского острога, как уже отмечалось, нижняя часть представляла собой избы для казаков. Примечательно, что между венцами в них был проложен слой мха для утепления, а внутри срубов устроены печи и нары. Печи топились «по-черному». В верхнюю часть башен, на облам, можно было подняться по наружной лестнице, а уже из облама имелся вход-лаз в смотровую вышку. Междуэтажное перекрытие в башнях представляло собой сплошной бревенчатый настил, утепленный глиной и слоем земли.

О том, что в башнях деревянных крепостей совмещались различные функции, в том числе военно-оборонительные и жилые, нам известно из письменных источников. И если относительно других сибирских крепостей об этой характерной особенности мы знаем лишь из исторических документов, то сохранившиеся башни Братского острога наглядно демонстрируют нам эту особенность, и в этом их непреходящая ценность. Следует отметить, что в процессе сборки обеих башен на новых местах были восстановлены их утраченные фрагменты — в частности, сгнившие нижние венцы срубов, крыльца и наружные лестницы. Восстановлены и дозорные вышки.

Вполне возможно, что в одной из двух сохранившихся башен Братского острога зимовал в 1656/57 гг. известный протопоп Аввакум, о чем он писал позднее в своем житии: «...Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья. Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Много мышей было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей много было. Хотел на Пашкова кричать: "прости!" — да сила божия возбранила, — велено терпеть».

Башня Братского острога в музее-заповеднике «Коломенское». Фото А. Савина

ИЛИМСКИЙ ОСТРОГ

На месте бывшего Илимского острога сегодня плещутся волны Усть-Илимского водохранилища, а единственная башня, сохранившаяся от многобашенной крепости, была перевезена к Байкалу, где устроен знаменитый теперь на всю Россию музей деревянного зодчества под открытым небом «Тальцы». Илимский острог, или, как его называли, «град Илимск», длительное время был центром огромного воеводства, учрежденного царским правительством в середине XVII в. Первый острог, описание которого было сделано в 1649 г., был маленьким — в его стенах имелись всего две башни, а внутри крепости располагались Спасская церковь, воеводский двор, таможня, съезжая изба, хлебные, соболиные и соляные амбары, а также тюрьма, аманатская изба и несколько других деревянных строений. В 1666 г. острог значительно пострадал от пожара, и спустя год под руководством воеводы Оничкова был срублена новая крепость — значительно крупнее по размерам. В ее тыновых стенах располагались 8 крепостных башен — 3 из них проездные. Длина стен вокруг острога составляла почти 700 м, почти в три раза больше, чем в первой крепости. Именно от этого острога, сооруженного русскими мастерами в 1667 г., сохранилась единственная башня, перевезенная спустя почти 300 лет на берег Ангары у Байкала.

Новый острог постепенно обрастал посадом, развивавшимся вдоль берега реки, в последующее время он подвергался ремонтам и некоторым изменениям. Последняя его перестройка относится к 1703 г., когда и было составлено подробное описание крепости. Опись охватывает крепостные сооружения, а также все остальные постройки. В ней были зафиксированы сведения не только о размерах стен крепости и башен, но и о способе их устройства, расположении отдельных элементов, типе ворот, подсчитано было даже сколько находилось тыновых столбов в каждой из стен крепости, а общее их количество вокруг острога составляло 2961 тынину.

Илимский острог имел двухчастную структуру планировки — в западной его части находились казенные строения, а всю восточную часть занимал комплекс воеводского двора. Общая конфигурация крепости представляла собой вытянутый прямоугольник, в углах которого были поставлены глухие башни, а в середине стен — проездные. Примечательно, что кроме подробной описи был составлен и план крепости.

Спасская башня Илимского острога в музее «Тальцы». Источник: https://dzen.ru/a/ZSzZpGmsHCnMWCag

Реконструкция Илимского острога в музее «Тальцы». Источник: https://varandejlivejournal.com/433153.html

Вид на Илимский острог. Фото Б.П. Яровой

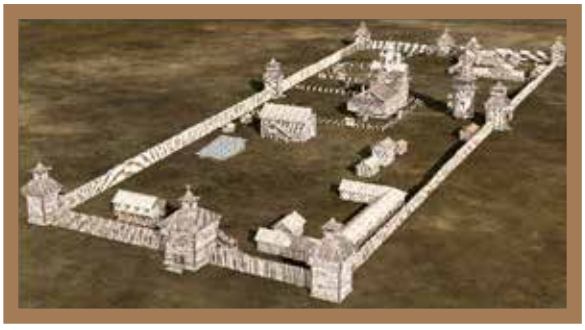

Реконструкция Приказной избы Илимского острога по плану 1703 г. Фото А.П. Бородовского

Сохранившийся чертеж Илимска показывает, хотя и в схематическом виде, что собой представляли все постройки в смысле архитектуры. План этот не повторяет письменный документ, а дополняет и расширяет его данные. Из чертежа понятно, какую форму имели шатры башен, что собой представлял комплекс воеводского двора, где размещались культовые и другие постройки. Таким образом, можно сделать вывод, что сохранившийся от начала XVIII в. план Илимского острога представляет собой уникальный по ценности графический документ, позволяющий значительно расширить наши знания не только о планировочной и композиционной структуре сибирский крепостей, но и об их конфигурации и конструктивном устройстве.

Генеральный план реконструкции Илимского острога 2011 г. Источник: https://ruskontur.com/ilimskij-ostrog/

Графическая реконструкция Илимского острога Н.П. Крадина. Источник: https://ruskontur.com/ilimskij-ostrog/

Уникальность сохранившейся проездной башни Илимского острога заключается в том, что она совмещает в себе две функции — оборонительную и культовую. Навесная часовня над входом, увенчанная главкой с крестом, осеняла защитников крепости. Сделанное в 1703 г. описание Илимского острога свидетельствует, что башня стояла в острожной стене и имела размеры в плане 8,9×7,5 м, а высота ее до облама составляла 30 венцов. Облам из 8 венцов нависал над основным срубом, образуя по всему периметру башни щель, через которую защитники могли поражать врага, подступившего к ее стенам. Составленная со всеми подробностями, опись дает нам представление и о конструктивном устройстве Спасской башни: «...рублена в лапу под скобель, вершена шатром с вышкою, крыта тесом, вышина башне до орла 8 сажен печатных. Снаружи за острогом часовня у той башни на свесе, часовня вершена бочкою, а на верх бочки маковица

с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом... Ход в часовню из острогу по лестнице. В башне ворота брусяные, створные, с калиткою».

В процессе перевозки башни на новое место ее раскатали по бревнышку, заменили сгнившие бревна новыми, пропитав их укрепляющими растворами. Заново были сделаны досчатое и лемеховое покрытия шатров и бочки над часовней, а также из нового материала сооружена лестница, ведущая на облам. Пол в башне и перекрытие между основным срубом и обламом тоже были настланы из новых плах. Для получения более полного впечатления о характере Илимского острога в музее «Тальцы», куда была перевезена Спасская башня, возведены несколько прясел тыновой

Илимский острог. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Церковь иконы Божьей Матери и проездная Спасская башня. Фото А.П. Бородовского

Привратная церковь Казанской иконы Божьей Матери Илимского острога 1667 г. Фото А.Ю. Майничева

острожной стены, воссозданы две угловые башни. Восстановление комплекса деревянной крепости продолжается чисто в музейных целях, для привлечения туристов. Работы выполняются на основе аналогов и историко-архивных материалов, касающихся Илимского острога в целом и отдельных его построек, в первую очередь оборонительных.

Реконструкция угловой башни Илимского острога. Фото А.П. Бородовского

Спасская проездная башня Илимского острога 1669 г. Фото А.П. Бородовского

КАМЧАТСКИЙ КРАЙ

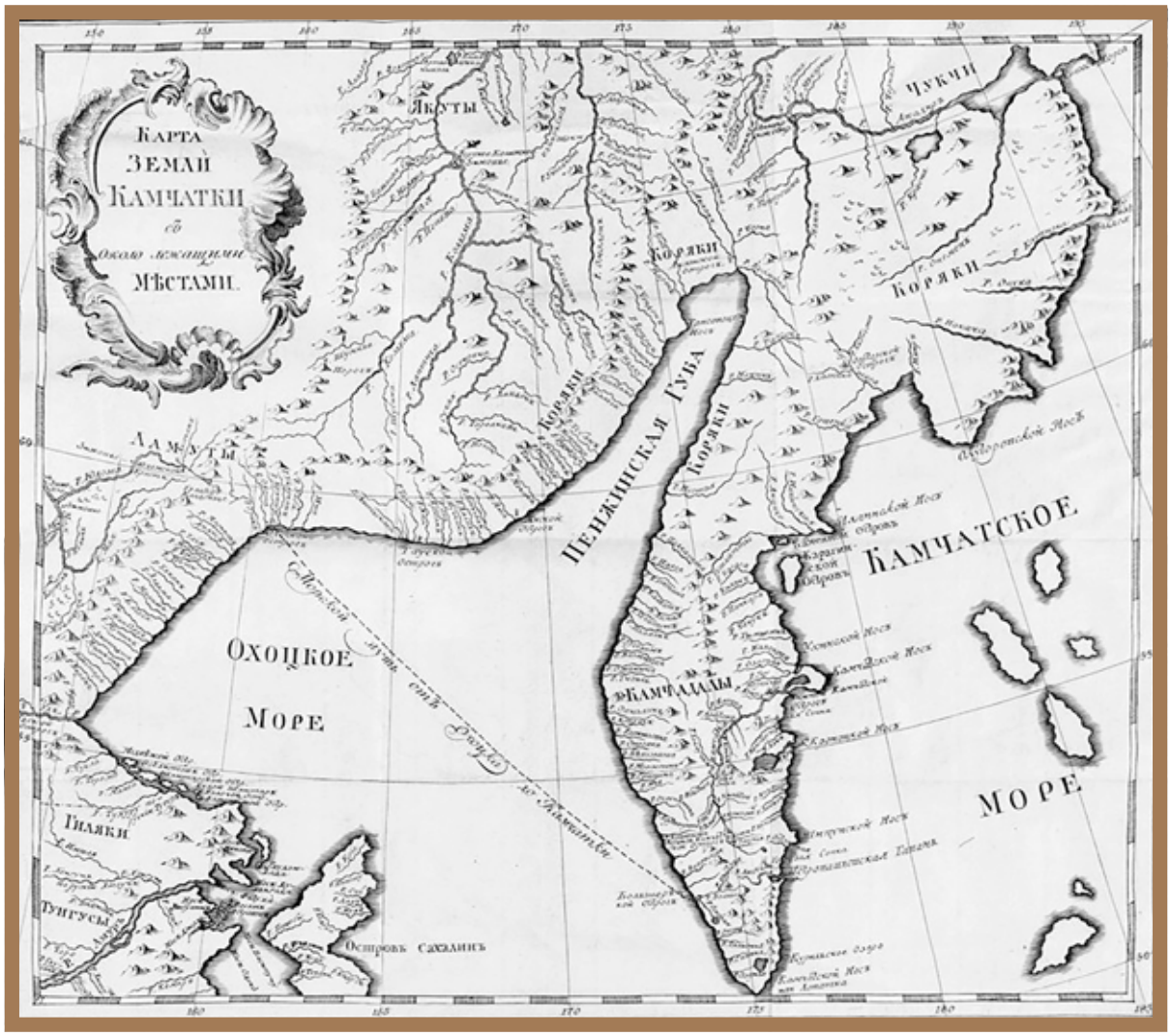

Камчатка — полуостров на севере Дальнего Востока России, освоение которого русскими людьми началось в конце XVII в. В XVII–XVIII вв. на Камчатке функционировало четыре острога: Тигильский, Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский. Тигильский острог возник в начале XVIII в. у устья р. Тигили, на ее правом берегу. Большерецкий острог поставлен в 1705–1706 гг. при впадении р. Быстрой в р. Большую на западном побережье полуострова Камчатка. Верхнекамчатский острог основан казачьим пятидесятником В.В. Атласовым в долине р. Камчатки, у левого притока р. Кали-кыг (русское название — Андриановка) около 1697 или 1698 гг.[1] В начале XVIII в. в нижнем течении р. Камчатки, в 30 км от современного поселка Усть-Камчатск, был построен Нижнекамчатский острог. В 1740 г. основана Петропавловская крепость[2].

До 1731 г. Камчатка подчинялась Якутску, откуда для ее управления присылали приказчика или комиссара, иногда с помощником — писцом. В свою очередь приказчики посылали в остроги казаков во главе с «управителями». Когда образовалось Охотское управление (1731 г.), начальники Камчатки (командиры) назначались то Сенатом, то иркутским провинциальным воеводой, то охотским главным командиром. По желанию начальники выбирали себе резиденцию: одни — Большерецк, другие — Верхнекамчатск, третьи — Нижнекамчатск. С 1740 г. установилось постоянное «присутственное» место — Большерецк. На

[1] Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сборник. — СПб.: Тип. морского мин-ва в Главном Адмиралтействе, 1869. — 63 с.; Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. — 842 с.; Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. — Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. — 192 с.; Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. — 330 с.

[2] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М.: Наука, 1978. — С. 92.

Карта Камчатки, 1755 г. Иллюстрация к первому изданию «Описания земли Камчатки». Санкт-Петербург: Императ. Акад. наук, 1755 © С.П. Крашенинников

далекой окраине большинство камчатских командиров злоупотребляло своим положением, что вело к беспорядкам, распрям, ссорам между ними[3].

С 1753 г. Камчатка находилась в независимом от Охотска положении и подчинялась главному командиру, сначала Анадырского острога, а после его ликвидации в 1769 г. — Большерецкого. Главные командиры Камчатки, резиденция которых находилась в Большерецке, заведовали кроме Камчатки районом Гижигинского острога, Курильскими и Алеутскими островами. Они подчинялись непосредственно иркутскому губернатору и Иркутской губернской канцелярии. По именному указу от 2 марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» Охотское приморское управление стало одной из этих областей и было разделено на четыре уезда: Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. Камчатка снова стала подчиненной Охотску. Центральные уезды этих селений стали называться городами. Безуездными оставались Петропавловский и Большерецкий порты. Во главе всего края поставлен вместо главного командира комендант. При нем в штате состояли секретарь, канцелярские служащие; он возглавлял Нижний земской суд. Во главе Нижнекамчатского уезда были поставлены городничие, действовавшие по инструкциям охотских комендантов. Их резиденция была переведена в Нижнекамчатск[4].

Далекая окраина казалась самым подходящим местом для обогащения высокопоставленным лицам — часто имели место произвол, грабеж местного населения, казнокрадство. И для разработки мер к устранению злоупотреблений охотских и камчатских начальников император Александр I образовал комитет министров. В итоге 11 августа 1803 г. появился именной указ «Об устройстве областного правления на Камчатке и предварительного управления в Охотске», по которому Камчатка впервые выделилась в самостоятельную область во главе с комендантом. Было учреждено областное правление под председательством коменданта, состоящее из областного судьи, областного земского исправника, двух заседателей, гижигинского комиссара и секретаря, которые подчинялись иркутскому губернатору. 9 апреля 1812 г. областное управление было ликвидировано — остался только начальник с подчинением иркутскому губернскому правительству[5].

В результате административных реформ М.М. Сперанского в 1822 г. были образованы Охотское и Камчатское приморские управления. На Камчатке «оно осталось в прежних штатах и состояло из начальника, морских офицеров, его помощника, объездного комиссара, секретаря, трех писарей, двух лекарей и трех лекарских учеников»[6]. Так оставалось до середины XIX в., когда генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев предложил закрыть Охотский порт и перенести его в Петропавловскую гавань, сосредоточив там все морские силы. В связи с этим Охотское приморское управление было упразднено, а на Камчатке 10 января 1851 г. образована самостоятельная область во главе с военным губернатором. Область состояла из двух округов — Петропавловского и Гижигинского. В Петропавловском округе имелись исправник с помощником, окружной суд, казначейство, окружной стряпчий. Аборигенное население Охотско-Камчатского края управлялось, как и ранее, родовыми старшинами[7]. В связи с освоением бассейна р. Амур и основанием там ряда городов все отношения с российскими владениями на Тихом океане стали осуществляться через эту территорию. В результате 31 октября 1856 г. вышел указ об образовании Приморской области, в которую вошла и Камчатка под названием Петропавловского округа. Таким образом, с открытием Амурского речного пути побережье Охотского моря потеряло первенствующее значение в освоении прибрежных районов Тихого океана. Камчатка, как и Гижига, Охотск и пр., превратилась в «захолустный» район Приморской области[8].

[3] Там же. С. 31.
[4] Там же. С. 37–38.
[5] Там же. С. 40.
[6] Там же. С.44.
[7] Там же. С. 47.
[8] Там же. С. 48.

Часовня на месте Большерецкого острога. Фото А.П. Бородовского

НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ОСТРОГ

Первоначальное название — Нижне-Шантальский острог. Данных о постановке на учет не имеется.

С основанием Нижнекамчатского острога связывают имена В. Атласова, Т. Кобелева, М. Зиновьева[9]. О точной дате и месте его основания ведутся споры[10]. Есть мнение, что Нижнекамчатский острог вырос из маленького зимовья, поставленного первым приказчиком полуострова Т. Кобелевым в 1700–1701 гг. на р. Камчатке[11]. Основание острога связывают с событиями 1731 г., когда ительмены, восставшие под предводительством тайона Ф. Харчина, сожгли одноименный русский острог на р. Ключи. Новый острог был укреплен частоколом, имел башню и четыре бастиона, в нем располагалась церковь. Основная часть поселения находилась за пределами острога[12].

Нижне-Камчатск имел спокойную гавань, верфь для строительства судов, и в начале 40-х гг. XVIII в. сюда начали съезжаться купцы, мореходы, промысловики, казаки[13]. Нижне-Камчатск стал перевалочной базой для мор-

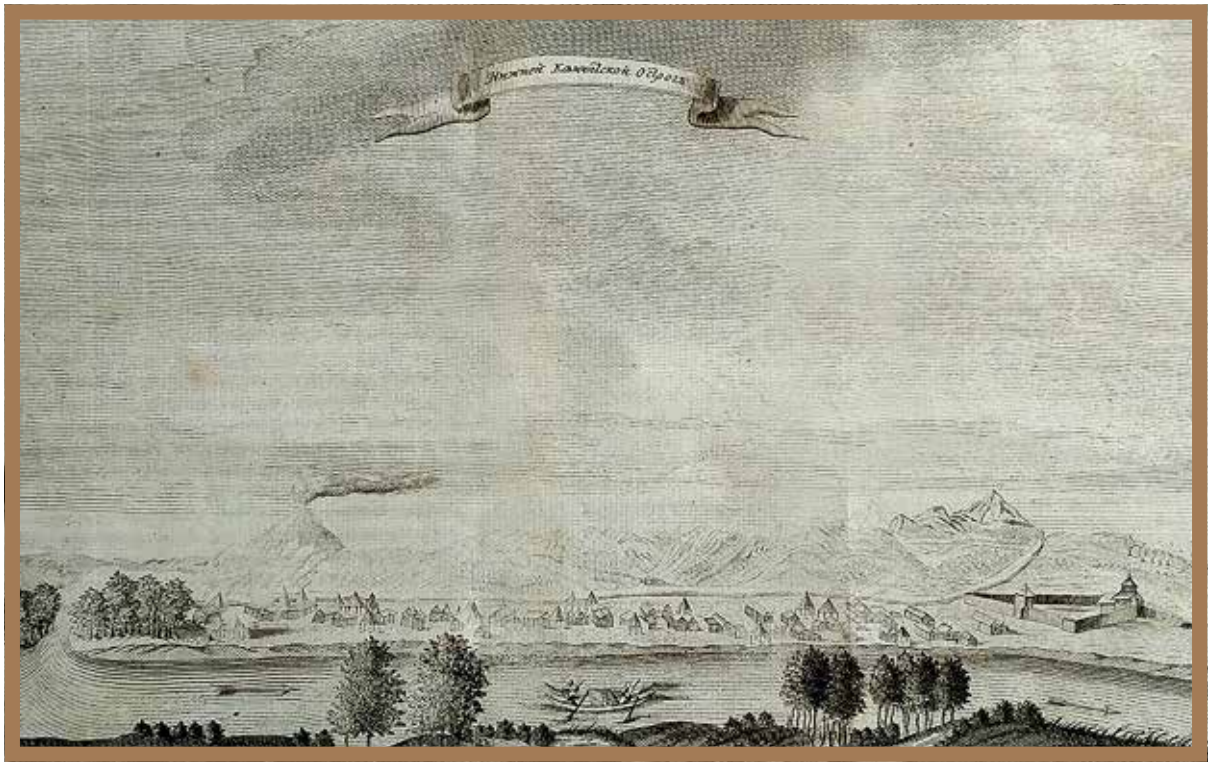
[9] Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М.: Наука, 1982. — С. 36; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М.: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. — 189 с.; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М.: Наука, 1978. — С. 22.

[10] Быкасов В.Е. Некоторые неясные места из истории образования первых русских поселений на Камчатке // Материалы XXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 24–37.

[11] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М. : Наука, 1978. — С. 22.

[12] Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. — Санкт-Петербург: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — Т. 1. — С. 10–11.

[13] Кедров Н.Н. Нижнекамчатский острог на реке Радуге — колыбель российского купеческого частнопредпринимательского флота на Тихом океане // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 1996. — Вып. 3. — С. 38–46.

Нижнекамчатский острог. Иллюстрация к первому изданию «Описания земли Камчатки». Санкт-Петербург: Император. Акад. наук, 1755 © С.П. Крашенинников

Нижне-Камчатск. Церковь Успения Пресвятой Богородицы и жилые дома © А. Сильницкий, 1901 г.

ских экспедиций на Тихом океане и к берегам Аляски[14]. Здесь побывали известные путешественники, ученые и предприниматели, оставившие описания тех мест. В их числе К. Дитмар[15], Н.В. Слюнин[16], епископ Камчатский, Курильский и Алеутский И. Вениаминов[17] и др. Именно здесь в 1737–1740 гг. периодически жил и работал участник Второй Камчатской экспедиции С.П. Крашенинников — автор фундаментального труда «Описание земли Камчатки»[18].

В 1783 г. Екатерина II указом «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» разделила иркутскую губернию на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую с 17 уездами. К Охотской области были причислены уезды: Охотский, Ижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. В составе Охотской области появились гг. Охотск, Окланск, Гижигинск и Нижне-Камчатск[19] — установлено одинаковое управление с другими провинциями европейской России.

В 1790 г. утвержден герб Нижне-Камчатска: в верхнем поле изображался бабр (тигр), а в нижней части «китъ, во знакъ того, что у сего Города въ Океане много ихъ находится»[20]. Нижне-Камчатск располагался на богатой рыбой и большой судоходной реке, «воздух тут гораздо чище и суше, и здесь не бывает столько частых дождей, сколько в других местах; пища заготавливается и лучшего качества, и легче.... У населения в изобилии имеются северные олени, лебеди, зайцы, утки, глухари и куропатки, ... ягоды

[14] Зуев А.С. Нижнекамчатский острог, Нижнекамчатск. [Электронный ресурс] // Библиотека Сибирского краеведения. URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/nizhnekamchatskiy-ostrog-nizhnekamchatsk (дата обращения: 23.05.2024).

[15] Дитмар К. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 758 с.

[16] Слюнин Н.В. Охотско-камчатский край: естественно-историческое описание Т. 1. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. – 767 с.

[17] Творения Иннокентия митрополита Московского / Собр. Иваном Барсуковым. Кн. 1–3. М.: Синод. тип., 1886-1888. / Кн. 2. 1887. – 494 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/tvorenija-innokentija-mitropolita-moskovskogo-kniga-vtoraja/2 (дата обращения: 20.05.2024).

[18] Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – Санкт-Петербург: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. – В 2-х томах.

[19] ПСЗРИ. Т. XXI. 1781–1783 гг. [Электронный ресурс] URL: https://www.runivers.ru/lib/book3130/9829/#BookContents (дата обращения: 12.04.2024).

[20] ПСЗРИ. Книга чертежей и рисунков (Рисунки гербов городов). Санкт-Петербург 1843 г. [Электронный ресурс]. URL: http://f-gl.ru/книги,-брошюры,-труды/полное-собрание-законов-российской-империи-собрание-первое-книга-чертежей-и-рисунков-рисунки-гербов-городов (дата обращения: 12.04.2024).

Объект культурного наследия регионального значения «Успенская церковь (деревянная), 1864 г.» (Камчатский край, Усть-Камчатский район, бывший населенный пункт Нижне-Камчатск) © Понкратова И.Ю., 2011 г.

составляют добрую часть запасов..., в изобилии есть лес... строительный... с небольшими затратами воздвигнуты наилучшие, обширнейшие и удобнейшие жилища, и в изобилии бочки и другие вместилища для хранения рыбы и год..., соль у них не так дорога: они имеют возможность сразу доставить себе столько топлива, сколько им надо в течение всего года, ... лисицы и соболи водятся не только в большем количестве, но гораздо лучшего качества, чем в других местах..., корякские товары... получают из первых рук, и тем легче население обходится без товаров русских и китайских[21]».

Основные занятия населения Нижне-Камчатска: рыболовство, скотоводство, огородничество, охота. Вулканические пеплы способствовали плодородию камчатской земли: выращивали репу и редьку, ячмень, овес. На зиму заготавливали лесные ягоды, ловили рыбу и промышляли зверя[22].

Торговля являлась одним из главных средств связи постоянного русского населения с местными жителями. Русские купцы получали от них соболей, лисиц, песцов, белок и другие меха, оленьи кожи, моржовые клыки, мамонтовые бивни. Через торговлю сюда проникали неизвестные до тех пор товары: железные и медные изделия, посуда, ткани, порох и свинец, продукты, в том числе мука, сахар, соль, чай[23].

Интересна история Нижне-камчатской церкви. Так, известно, что первый храм во имя Николая Чудотворца был построен на р. Ключевке Иваном Енисейским в 1713 г. Освящена церковь была только в 1725 г. иеромонахом Иосифом Лазаревым. Это был первый храм на недавно присоединенной к России Камчатке. В 1725 г. Синод дал разрешение на строительство двухпридельной церкви во имя Успения Божией Матери. Однако строительство церкви не состоялось. В 1731 г. вспыхнуло восстание между казаками и местным населением. Сами камчадалы церковь пожалели, но в результате подавления восстания храм во имя Николая Чудотворца сгорел. В 1737 г. была выстроена двухпридельная церковь во имя Успения Божией Матери около слияния рр. Камчатки и Радуги. Из-за нехватки церковной утвари храм был освящен только в июне 1741 г. В 1760 г. второй придел храма во имя Николая Чудотворца был преобразован в самостоятельную церковь. В XIX в. на Нижне-Камчатск обрушиваются стихийные бедствия — разрушительной силы наводнения 1806 и 1838 гг., приведшие к перенесению жилых и хозяйственных строений на другое место. Из остатков обеих прежних церквей, пострадавших от наводнения, была построена новая церковь. Эта церковь существовала вплоть до начала XX в. В советское время в храме Успения Божией Матери оборудовали зал для просмотра кинофильмов. В 1993 г. благодаря усилиям группы энтузиастов церковь была восстановлена. Однако из-за снега и дождей конструкция старинного храма начала разрушаться. В 2012 г. местными специалистами была перекрыта кровля, заменены полы внутри, поставлен новый иконостас, изменено внутреннее убранство церкви[24]. Отреставрированный храм Успения Божией Матери сего-

---

[21] Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. — С. 123.

[22] Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. — 286 с.

[23] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М.: Наука, 1978. — С. 222.

[24] Объект культурного наследия регионального значения «Успенская церковь (деревянная)», 1864 г. / Объекты культурного наследия и особо охраняемые природные территории // Официальный сайт Усть-Камчатского муниципального района. [Электронный ресурс] https://ust-kam.ru/obekty_kulturnogo_naslediya_i_osobo_ohranyaemye_prirodnye_territorii/ (дата обращения: 23.05.2024).

дня — единственное строение, напоминающее о Нижне-Камчатске.

В целом Нижне-Камчатск, как и другие города Дальнего Востока, был основан казаками с целью реализации государственной политики завоевания и освоения отдаленных, обширных и слабозаселенных территорий Охотского побережья и Камчатки. Это был форпост России на Дальнем Востоке. Расположенный на берегах большой реки, богатой рыбой, пушным зверем, лесом, город пережил период расцвета в XVIII в. Выполнив свою историческую миссию, он прекратил свое существование в 1968 г.: был исключен из списка населенных пунктов и заброшен[25]. Причины закрытия поселения: суровость природно-климатических условий, в том числе изменение русел и многоводности рек, труднодоступность, предпринимаемые советским правительством меры по регулированию добычи пушного зверя и рыбы.

История первых поселений русских, в том числе на Камчатке, рассматривается в работах известных российских историков — А.И. Алексева[26], Б.П. Полевого[27], Ф.Г. Сафронова[28], А.С. Зуева[29] и др. На основе архивных документов восстанавливаются даты и места основания зимовий, острогов, городов; в научный оборот вводятся имена первых поселенцев — тех, кто своим жизненным подвигом способствовал укреплению территорий на дальневосточных окраинах российской империи.

Прошлое острогов, в том числе Нижне-Камчатска, сегодня — предмет активного обсуждения краеведов Камчатки. Идут

Монеты и украшения из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

Бронзовая чернильница из раскопок Нижне-Камчатска в 1987 г. © А.В. Гоков

Ножницы, иглы и наперсток из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

---

[25] Гоков А.В. Нижне-Камчатск на реке Радуге: памятник культуры русского населения Камчатки XVIII — XX веков. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — 16 с.

[26] Колумбы росские. — Магадан: Кн. изд-во, 1966. — 182 с.; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М.: Наука, 1982. — 288 с.

[27] Полевой Б.П. Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке» // Вопросы географии Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1965. — Вып. III. — С. 119–122; Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Часть вторая. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. — 203 с.

[28] Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. — Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1988. — 192 с.; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М.: Наука, 1978. — 258 с.

[29] Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. — 330 с.; Зуев А.С. Восполняя белые пятна // Вопросы истории Камчатки. — 2007. — Вып 3. — С. 108–191 и др.

Украшения и предметы религиозного культа из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

Навесные замки и ключи из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

Ножи из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

споры о местах и датах основания острогов[30], восстанавливаются хронология событий, факты биографий первопроходцев, систематизируются сведения по истории населенных пунктов и пр.[31]

Археологические раскопки Нижне-Камчатска проводились Ю. Вишниовским (1959 г.)[32], К.И. Корепановым (1984)[33], А.В. Гоковым (1980–1990-е гг.)[34]. По данным топографической съемки, сохранившаяся к 1987 г. площадь Нижне-Камчатска — 19 000 м² (1,9 га)[35]. Частично Нижне-Камчатск уничтожен менявшей русло р. Камчаткой. При раскопках Нижне-Камчатска обнаружено около 4 тысяч артефактов.

Все находки можно распределить по характеризующим различные стороны жизни населения группам. Это монеты, предметы религиозного, хозяйственно-бытового и индивидуально-бытового назначения, вооружения, охотничьего промысла, рыбной ловли, торговли, аптекарского дела и медицины, фрагменты одежды и обуви, транспортные средства, предметы досуга, инвентарь местного населения и пр.

---

[30] Быкасов В.Е. Тропой Владимира Атласова (От реки Алюторы до реки Камчатки) // Камчатский летописец. – Вып. 2. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2012. – С. 306–350; Быкасов В.Е. Некоторые неясные места из истории образования первых русских поселений // Камчатка: прошлое и настоящее: мат. XXI Крашенинник. чтений. – Петропавловск-Камчатский, 2004. – С. 24–37.

[31] Борисов В.И. Из истории населенных пунктов долины реки Камчатки // Вопросы истории Камчатки, 2006. – Вып. 2. – С. 179–255 и др.

[32] Гоков А.В. К изучению материальной культуры русского населения Камчатки XVIII–XIX вв. // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камчат. отд-ние, 1989. – Вып. 6. – С. 69–90.

[33] Корепанов К.И. Исследования в бассейне р. Камчатка // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 180.

[34] Гоков А.В. К изучению материальной культуры русского населения Камчатки XVIII–XIX вв. // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камчат. отд-ние, 1989. – Вып. 6. – С. 69–90; Гоков А.В. Нижне-Камчатск на реке Радуге: памятник культуры русского населения Камчатки XVIII – XX веков. – Петропавловск-Камчатский, 1989. – 16 с.; Гоков А.В. Первые итоги раскопок города Нижне-Камчатска XVIII–XIX вв. // Древние памятники севера Дальнего Востока (Новые материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 142–155; Гоков А.В. Нижне-Камчатская Успенская церковь в свете данных историко-топографического исследования поселения в 1984–1990 гг. // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камчат. отд-ние, 1991. – Вып. 7. – С. 94–106; Гоков А.В. Новые планы русских поселений Камчатки XVIII века // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальиздат, Камчат. отд-ние, 1991. – Вып. 7. – С. 132–133.

[35] Гоков А.В. К изучению материальной культуры русского населения Камчатки XVIII–XIX вв. // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камчат. отд-ние, 1989. – Вып. 6. – С. 70.

Ложки из раскопок Нижне-Камчатска в 1987–1988 гг. © А.В. Гоков

Общий вид раскопа А.В. Гокова, 1989 г. © А.В. Гоков

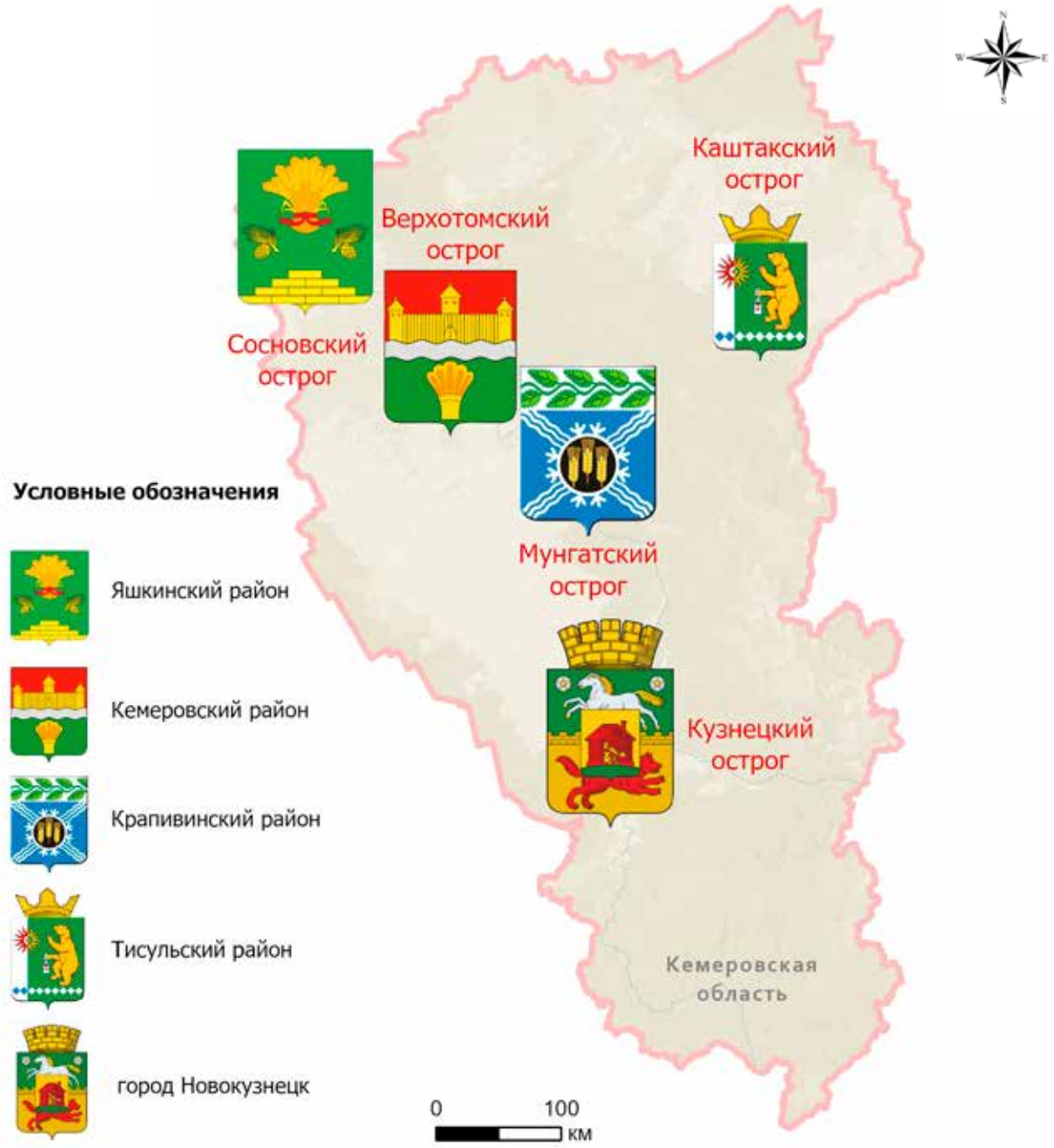

Раскопки Нижне-Камчатска А.В. Гоковым © А.В. Гоков

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Поземельное освоение русскими первопроходцами Кузнецкой котловины являлось составной частью процесса включения территории Сибири в состав Российского государства. В этой связи для данной территории характерны черты, нашедшие отражение при интеграции соседних регионов.

Основными форпостами русской государственности, центрами, вокруг которых формировалась государственная пашня и сеть сельских поселений, являлись острожные деревянные укрепления. География их расположения определялась наличием путей снабжения (чаще всего крупные реки), удобством расположения (холмы, возвышенности), системой расселения местных этнокультурных групп, потенциалом для организации пашенного земледелия.

Кузнецкая котловина являлась первым регионом Южной Сибири, на которой сложилась относительно устойчивая система административных институтов российского государства[1]. Этот факт был обусловлен прежде всего слабой заселенностью территории, усложненным доступом на ее территорию соседних кочевых этносов — приобских телеутов и енисейских киргизов, наличием крупной магистральной линии в виде р. Томи, что позволяло поддерживать постоянный контакт с другими крупными центрами — Томском, Нарымом, Тобольском, получая тем самым необходимые людские и материальные ресурсы, наличием благоприятных природно-климатических условий для формирования государственной пашни.

Поземельное освоение Кузнецкой котловины неразрывно связано с основанием Томска в 1604 г. Именно томские воеводы и служилые люди сыграли решающую роль в проникновении и закреплении региона под властью российского государя. С 1609 г. начинается проникновение служилого «люда» на территорию Кузнецкой котловины[2]. Встретив отпор автохтонного населения, царское правительство пришло к выводу о необходимости основания долговременных форпостов.

Первым укреплением на территории современного Кузбасса стал Кузнецкий острог, основанный в 1618 г. и давший старт поземельному освоению территории Кузнецкой котловины[3].

Выбор места для основания долговременного укрепленного поселения был неслучайным. Располагаясь на берегу главной транспортной магистрали региона, Кузнецкий острог имел постоянное прямое сообщение с Томском, что решило проблему снабжения крепости людскими и материальными ресурсами.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. вдоль течения р. Томи было основано еще 3 острожных укрепления — Сосновский (1657), Верхотомский (1670) и Мунгатский (1715) остроги. Появление новых острогов было обусловлено необходимостью расширения государственной пашни и ее защиты от внешней угрозы, сбора ясака, упорядочивания торговли и контроля на ключевой транспортной артерией региона — р. Томи.

В результате угона кочевого населения Южной Сибири в Джунгарию в первые десятилетия XVIII в. оборонительная роль острогов снижается. Во второй половине XVIII в. деревянные укрепления были разобраны и пущены на хозяйственные цели местных жителей[4]. Исключением является Кузнецк, чьи крепостные стены были перестроены в каменные в начале XIX в. в связи с недолговременной угрозой войны с Китаем.

Постепенно происходит трансформация острогов в сельские населенные пункты с сохранением административных функций в качестве волостных центров. Уникальное положение сохранил лишь Кузнецк, получивший статус города и уездного центра еще в 1622 г.[5]

---

[1] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. – Кемерово, 2017. – 60 с. – С. 6.

[2] Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. Сборник документов. Вып. 1 / сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2000. – 184 с. – С. 29.

[3] Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. Сборник документов. Вып. 1 / сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2000. – 184 с. – С. 50–51.

[4] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. – Кемерово, 2017. – 60 с.

[5] Горлышкин Н.Е. Хронологические особенности русского освоения территории Кузнецкого Притомья в XVII – XVIII вв. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021.

СОСНОВСКИЙ ОСТРОГ

Сосновский острог в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г.

Необходимость постройки острога в Нижнем Притомье стала следствием «вольной» земельной колонизации «гулящим» людом и казаками. Уже в 1646 г. мы находим упоминания д. Иткара[6]. Районы нижнего течения р. Томи были благоприятны для пашенного земледелия как с природно-климатической точки зрения, так и с точки зрения внешней угрозы со стороны кочевников, куда более низкой, чем в районе Верхнего Приобья[7].

Острог был основан в 1657 г. отрядом томских казаков во главе с сыном боярским Юрием Ядловским и Дмитрием Копыловым в 62 км по течению р. Томи, к югу от Томска. Также в ходе закладки острога казаками впервые был собран ясак с некоторых родов енисейских кыргызов, что привело их под покровительство русского царя[8].

В «Отчете томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах» есть описание состояния укрепления Сосновского острога в 1706 г.: «Острог стоячей деревянной, а по сторонам на нем три башни. Мерою тот острог в длину 40, а поперег 37 саженей, а в нем огненного наряду пушка железная чугунная мерою в длину два аршина, а весу в ней 14 пуд 10 гривенок, а по кружалу та пушка ядром в 2,5 фунта, а к ней припасу 38 ядер железных, 23 фунта, с четвертью пороха, 7 фунтов с полфунтом свинцу, а в нем прикащик томской сын боярской Михайла Лавров»[9].

Сохранилось также краткое описание острога Г.Ф. Миллером, относящееся ко второй четверти XVIII в. и опубликованное А.Х. Элертом в 1988 г.: «...[острог] стоит на возвышенном месте и построен четырехугольным палисадом с тремя боевыми башнями; вокруг еще поставлены надолбы. Внутри находится церковь Образа Спасителя вместе с двумя амбарами. Вне острога находятся вместе с частными домами изба приказчика и судная изба. Артиллерия состоит из одной чугунной пушки калибром в одну треть фунта»[10].

Основание Сосновского острога стало важной вехой в процессе поземельного освоения Нижнего Притомья и формирования на территории региона устойчивых административных институтов. Образовавшийся вокруг Сосновского острога одноименный стан (после административной реформы Петра I — дистрикт) в достаточно короткие сроки стал одним из самых быстрорастущих как по численности населения, так и по численности населенных пунктов районов поземельного освоения в Западной Сибири, несмотря на периодические набеги кочевников. В конце XVII — первой половине XVIII вв. Сосновский стан являлся одним из самых «хлебородных» районов Южной Сибири[11].

Уже к началу XVIII в. на территории стана располагалось 338 крестьянских дворов[12]. К 1734 г. в Сосновском дистрикте зафиксировано существования более 100 сел, деревень и заимок[13]. Наиболее крупными и населенными были Иткара, Зеледеево и Кулаково[14]. Этнический состав населения Сосновского дистрикта был представлен не только русскими переселенцами, но и тюркоязычными колма-

[6] Емельянов Н.Ф. Наследие среднего Притомья в XVII — первой половине XIX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири: сб. ст. — Томск, 1978. — С. 17–39.— С. 36.

[7] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с.

[8] Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 236.

[9] Цит. по: Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII вв. Сборник документов. Вып. 4 / сост. В.Н. Добжанский — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. — 204 с. — С. 184.

[10] Цит. по: Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1988. — 214 с. — С. 75.

[11] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с.

[12] Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 236.

[13] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с.

[14] Емельянов Н.Ф. Наследие среднего Притомья в XVII — первой половине XIX вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири: сб. ст. — Томск, 1978. — С. 18–22.

ками, перешедшими под русское подданство в 1660-е гг. и компактно проживавшими в Юртах-Константиновых и Искитимских юртах.

К середине XVIII в. Сосновский острог окончательно утратил военное значение. Укрепления были разобраны, башни острога перепрофилированы под хозяйственные нужды[15]. Во второй половине XVIII в. отмечается активная миграция населения дистрикта в Томск, Приобье, Барабу. Постепенно утрачивает свое административное значение и село Сосновское, переставшее быть центром одноименной административной единицы и позднее вошедшее в состав Тутальской волости Томского уезда.

На сегодняшний день на территории острога расположено село Сосновый острог Яшкинского муниципального округа Кемеровской области — Кузбасса.

История археологического изучения укреплений Сосновского острога имеет практически 100-летнюю историю. В июле 1940 г. Н.А. Чернышевым было проведено обследование территории острога, в ходе которого были предварительно зафиксированы валы и рвы прямоугольной формы 50×60 м. Внутри данного прямоугольника находилась бывшая церковь. При советской власти здесь располагался сельский клуб[16]. Также исследованы естественные обнажения. Находок обнаружено не было[17].

Повторно поселение было изучено в 1952 г. Г.В. Трухиным. Было зафиксировано наличие культурного слоя мощностью до 30 см, обнаружены многочисленные фрагменты керамики и шлаков[18].

В 1991 г. на территории Сосновского острога были проведены разведочные работы под руководством С.А. Васютина. Было заложено 2 траншеи, в одной из которых были обнаружены следы крепостных укреплений и детские погребения[19].

В 1997 г. Ю.В. Ширины были проведены археологические раскопки Сосновского острога. К моменту проведения раскопок острог был подвержен антропогенному воздействию и частично разрушен. Была уточнена площадь поселения — 80×80 м. В ходе обследования территории памятника были обнаружены следы детских погребений, фрагменты тонкостенной лепной неорнаментированной керамики, кости овец.

Были заложены 2 раскопа и 6 траншей. В раскопе № 1 (34,4 кв. м) было обнаружено 2 русских погребения XIX в. Сохранность колод плохая, гробы обнаружены без крышек. Зафиксированы остатки саванов. В первом погребении (женское) сохранились остатки волос. В заложенных траншеях (каждая по 3 кв. м) были зафиксированы остатки частокола острога, остатки домов XIX–XX вв., современных конструкций.

В раскопе № 2 была зафиксирована одна из 3 башен Сосновского острога, известных по описанию Г.Ф. Миллера, а также фрагменты крепостного частокола. Всего было зафиксировано 5 бревен на расстоянии 1,3 м диаметром до 20 см. В ходе раскопок были зафиксированы предметы материально-бытовой культуры — различные варианты керамической посуды, в т. ч. чернолощеной, черешковый наконечник костяного ножа, обломки глиняного тигля. Получен многочисленный остеологический материал, представленный фрагментами костей дичи и домашнего скота, рыбы. Близость нахождения бытовых предметов и костей животных к башне острога позволяет говорить о том, что последняя использовалась в качестве жилья.

В целом на сегодняшний день Сосновский острог является наиболее археологически исследованным острогом Притомья. Благодаря проведению полевых археологических работ нам удалось не только реконструировать материальную культуру и рацион жителей, но и подтвердить особенности архитектуры оборонительных сооружений острога, представленных в корпусе письменных источников.

Эскиз объемно-планировочного решения экомузея «Сосновский казачий острог». Художник Е. Попов

[15] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. – Кемерово, 2017. – 60 с.

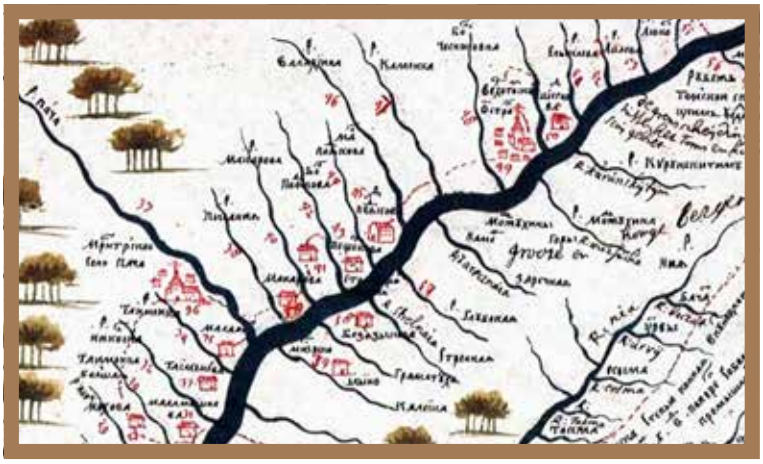
[16] Ширин Ю.В. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск, 1995. – Вып. 8. – С. 49–60.

[17] Там же.

[18] Трухин Г.В. Описание археологических памятников по берегам р. Томи в пределах Томской области // Ученые записки Томского пединститута. – Томск, 1952. – Т. 9. – С. 64–74.

[19] Васютин А.С. Проект зон охраны и генеральный план экомузея «Калмаки». – Москва, 1991. – С. 15–19.

ВЕРХОТОМСКИЙ ОСТРОГ

Верхотомский острог в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г.

История Верхотомского острога полна интересных сюжетов. Одним из них является дата основания укрепления. Долгие десятилетия в академической среде доминировала точка зрения, опирающаяся на описание Г.Ф. Миллера, составленное после посещения томских архивов. Согласно ей, острог был основан группой служилых людей в 1665 г. И лишь недавно данная теза была опровергнута Л.Ю. Скрябиной, установившей, что острог был основан в 1670 г. сыном боярским Степаном Кругликом, выходцем из плененной «литвы»[20].

Верхотомский острог относится к категории «слободских» острогов, т. е. целями его основания были не только охрана водных путей, но и формирование вокруг него сети русских сел и деревень[21].

Характер исторических сведений об остроге амбивалентен. С одной стороны, у нас сохранилось достаточно много текстовых описаний укреплений, относящихся к первой половине XVIII в. С другой стороны, подробный план укреплений Верхотомского острога до сих пор не обнаружен.

Наиболее интересными для нас представляются описания, данные в «Отчете томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах» участником Второй Камчатской экспедиции С.П. Крашенинниковым.

В «Отчете...» мы встречаем описание состояния Верхотомского острога на 1706 г.: «Верхотомский острог стоячей деревянной, а по сторонам на нем одна башня. Мерою тот острог в длину 20 сажен, а поперек тож, а в нем огненного наряду: пушка медная, мерою в длину полтора аршина, а весу в ней один пуд с четвертью. А по кружалу та пушка ядром в полфунта, а к ней припасов 20 ядер железных. Другая пушка железная мерою в длину два аршина, а весу в ней 14 пудов, а по кружалу та пушка ядром в 2,5 фунта, а к ней припасу 10 ядер железных. Да огненного припасу два пуда семь фунтов пороху, один пуд 10 гривенок свинцу, 32 мушкета с замками, а в нем приказчик сын боярской Иван Кинозеров»[22].

Спустя почти 3 десятка лет С.П. Крашенинников пишет: «Верхо-Томской острог, на правой стороне, от Можжухиной в 3-х верстах. В нем церковь древяная во имя Вознесения Христова, кругом его древяная ограда и рогатки. Подле ево Чесноковка речка в Томь впала»[23]. Никаких упоминаний о башне не встречается. Последняя, вероятно, была разобрана за ненадобностью.

В связи с военной угрозой часть населения крестьян проживала непосредственно на территории острога, добывая пропитание за счет всевозможных промыслов. Заимки же остальных «пашенных» людей также располагались

---

[20] Скрябина Л.А. Новые сведения о времени и обстоятельствах постройки Верхотомского острога // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2019, № 9. – С. 100–101.

[21] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. – Кемерово, 2017. – 60 с.; Скрябина Л.А. Новые сведения о времени и обстоятельствах постройки Верхотомского острога // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – 2019, № 9. – С. 100–101.

[22] Цит. по: Кузнецкие акты XVII – первой половины XVIII вв. Сборник документов. Вып. 4 / сост. В.Н. Добжанский – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – 204 с. – С. 184.

[23] Цит. по: Крашенинников С.П. С.П.Крашенинников в Сибири: Неопубликованные материалы / Отв. ред. член-корр. АН СССР А.П. Окладников. – М.; Л.: Наука, 1966. – 241 с. – С. 38–39.

вблизи острога. Это было вызвано многочисленными столкновениями с кочевниками, происходившими в непосредственной близости от острога. Одним из крупнейших столкновений стала осада острожной башни в 1700 г., успешно отбитая Романом Жуковским[24].

В связи с исчезновением внешней угрозы в первые десятилетия XVIII в. функции Верхотомского острога трансформируются. Активно осваиваются прилегающие территории. Расширяется сельская неукрепленная часть, прилегающая к укреплениям.

Во второй половине XVIII в. территория бывшего острога представляет собой обычное село[25], что подтверждается результатами археологических исследований и архивными данными[26]. После административной реформы 1779–1782 гг. село Верхотомское было передано в состав Кузнецкого уезда в статусе волостного центра, в коем и пробудет вплоть до революции 1917 г.

На сегодняшний день на территории острога расположено село Верхотомское Кемеровского муниципального округа Кемеровской области — Кузбасса.

Первые археологические изыскания на территории Верхотомского острога связаны с именем Н.А. Чернышева. В 1940 г. им было проведено обследование территории поселения, а также собраны сведения об истории острога, зафиксирована его площадь (150×150 м)[27].

В 1959–1960 гг. на территории острога под руководством Г.С. Мартыновой и А.И. Мартынова были проведены археологические раскопки. Был сделан разрез крепостного вала, вскрыт обширный участок в центре острога. К сожалению, на сегодняшний день обнаруженные в ходе раскопок материалы утеряны.

В 1997 г. Ю.В. Ширины м был заложен шурф (6 кв. м) и сделаны 2 зачистки. В шурфе были обнаружены кости свиней, фрагменты керамической посуды. В одной из зачисток был обнаружен фрагмент глиняной тарелки с белой глазурью на внутренней поверхности.

В рамках историко-археологического подхода были проведены поиски архивных материалов, которые могли бы помочь в археологических работах, в особенности планы, чертежи, карты с. Верхотомское. В частности, был выявлен план села, созданный около 1835 г.[28], на котором можно предположительно обозначить место расположения острога — пустырь на берегу р. Томи напротив церкви, а также видно, что на левом приустьевом участке р. Чесноковки (место работ 2017 и 2021 гг.) имелись различные строения. Выявлены планы церкви и хлебозапасного магазина в с. Верхотомское[29].

---

[24] Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 127–128.

[25] Там же. С. 127.

[26] Ситуационный план деревни Верхо-Томской, Верхо-Томской волости, Кузнецкого уезда // ГААК. Ф. 50. Оп. 5. д. 410, 1 л.

[27] Ширин Ю.В. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. — Томск, 1995. — Вып. 8. — С. 49–60.

[28] Ситуационный план деревни Верхо-Томской, Верхо-Томской волости, Кузнецкого уезда // ГААК, ф. 50, оп. 5, д. 410, 1 л.

[29] Плац И.А. Чертежи Вознесенской церкви и запасного магазина села Верхотомского (первая половина XIX века) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2018, № 8.

Вид на архитектурно-этнографический комплекс «Сибирский острог» на территории Музея-заповедника «Томская Писаница»

КУЗНЕЦКИЙ ОСТРОГ

Первым укреплением на территории современного Кузбасса стал Кузнецкий острог. Его история начинается с 1618 г., когда отрядом служилых людей под руководством Осипа Харламова было основано временное зимовье в устье р. Кондома[1]. Через 2 года, чуть севернее, на правом берегу р. Томь был основан постоянный Кузнецкий острог[2]. Уже в 1622 г. острог получил статус города, став центром одноименного уезда. В 1635 г. Кузнецк получил свою городскую печать, на которой был изображен волк, окаймленный надписью «Печать государева земли Сибирские Кузнецкого города»[3].

Выбор места для основания долговременного укрепленного поселения был неслучайным. Располагаясь на берегу главной транспортной магистрали региона, Кузнецкий острог имел постоянное прямое сообщение с Томском, что решило проблему снабжения крепости людскими и материальными ресурсами.

Районы верхнего течения р. Томи были заселены тюркоязычными группами «кузнецких татар» — предков современных шорцев, обладавших развитым (относительно соседних этнокультурных групп) металлургическим производством, быстро попавших в состоянии зависимости от русского государства, что выражалось в ежегодной выплате ясака.

Прилегающие к острогу территории были удобными для формирования государственной пашни, в следствие чего в течении нескольких десятилетий в окрестностях была сформирована сеть русских населенных пунктов, состоящая из почти 50 сел и деревень[4]. Наличие крепости позволило в случае внешней опасности достаточно оперативно

Кузнецкий острог из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г.

эвакуировать сельское население. Правый, высокий, берег р. Томи удобен при организации обороны от набегов енисейских киргизов и приобских телеутов. Удобное расположение позволяло организовывать на базе острога походы в соседние Горную Шорию и Горный Алтай с целью объясачивания местного населения. Также на территории острога располагался «колмацкий торг», где происходила торговля с инородцами[5].

В XVII — первой половине XVIII в. укрепления острога были дерево-земляными[6]. Их описание было составлено Г. Ф. Миллером в 1734 г.: «Возведен на средней высоте берега четырехугольным палисадом, длиною по окружности 194 сажени. В нем находится соборная церковь Преображения Господня... которая однако 9 июня этого 1734 г. была полностью уничтожена внезапным пожаром...

[1] Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII вв. Сборник документов. Вып. 1 / сост. А.Н. Бачинин, В.Н. Добжанский. — Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2000. — 184 с. — С. 50–51.

[2] Добжанский В. Н. Ширин Ю. В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. — Кемерово-Городок: «Кузбассвузиздат», 2002. — С. 221–242.

[3] Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирское книжное издательство, 1989. — 304 с. — С. 193–195.

[4] Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья XVIII — первой половине XIX вв. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — 130 с.

[5] Добжанский В.Н. О местонахождении «колмацкого торга» Кузнецкого острога // Кузбасс — 75: материалы Региональной науч.-практической конференции, посвященной юбилею Кемеровской области (Кемерово, 25 января 2018 г.). — Кемерово: ГБУ ДПО «КРИРПО», 2018. — С. 29–31.

[6] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с. — С. 10–14.

Этот пожар тогда одновременно уничтожил половину деревянного острога и в городе 50 жилых домов с пристройками. Острог ... полностью восстановлен. В нем, помимо дома воеводы и канцелярии вместе с различными магазинами и амбарами, не находится больше никаких зданий»[7].

В связи с падением военного значения Кузнецка во второй половине XVIII в. его укрепления приходят в упадок к концу столетия. Но в конце 1790-х гг. в связи с возможными осложнениями в русско-китайских отношениях Павлом I принято решение о модернизации укреплений города, и в 1798 г. по проекту генерал-поручика Г. Штрадмана началось строительство каменных укреплений. В 1800–1810-х гг. были построены здания гауптвахты, казарм, обер- и штабс-офицерских домов, артиллерийского и инженерного цейхгаузов, главных (Барнаульских) ворот и др.

К моменту окончания строительства в 1820 г. угроза войны с Китаем миновала и в 1846 г. новая крепость была снята с учета военного ведомства, а в 1870 г. на ее территории была устроена тюрьма, просуществовавшая до 1919 г.[8] Сегодня на территории Кузнецкой крепости находится одноименный музей-заповедник.

Одной из центральных проблем, связанных с археологическим изучением Кузнецкого острога, является попытка установления его точного местоположения. Первые исследования относятся к 1930-м гг., когда краеведами А. П. Дубком и К. А. Евреиновым были обследованы и проведены подъемные сборы на предполагаемом месторасположении укреплений, что дало толчок к развитию археологического изучения юга Кузбасса.

Благодаря раскопкам, проведенным Г. С. Мартыновой в 1973 г. на территории каменной крепости XIX в., была восстановлена гауптвахта, разрушенная в ходе Гражданской войны. В 1986–1992 гг. Ю. В. ШирInЫм и М. П. Черной был проведен ряд исследований культуросодержащих горизонтов старого Кузнецка. Были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, осколки слюдяных окон, серебряные копейки XVII в., остатки фундаментов трех домов[9]. В 1989–1991 гг. были исследованы остатки русских кладбищ XVII–XVIII вв.[10]

Основание Кузнецкого острога определило модель русского освоения Кузнецкой котловины в XVII — начале XVIII в., в частности роль острогов как центров формирования сети сельских поселений, сосредоточения служилого сословия, а также роль Кузнецка в качестве административно-фискального и экономического центра одноименного уезда в XVII — начале XX в. Исследование истории острога дало старт археологическому изучению современного Новокузнецка и прилегающих территорий.

---

[7] Цит. по: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / сост. А. Х. Элерт // История Сибири. Первоисточники / под ред. Н. Н. Покровского. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. — Вып. VI. — С. 21–22.

[8] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с. — С. 10–14.

[9] Ширин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. — Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1990. — Вып 1. — С. 91–96; Добжанский В.Н., Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 г. и его перестройка в 1620 г. // Кузнецкая крепость. — Новокузнецк, 2003. — № 5–6. — С. 12.

[10] Ширин Ю. В. Археологические памятники г. Новокузнецка // Кузнецкая старина. — Вып. 1. — Новокузнецк, 1993. — С. 23–25.

Барнаульская проездная башня Кузнецкого острога с крепостными стенами. Фото Н.Е. Горлышкина

МУНГАТСКИЙ ОСТРОГ

Миграция телеутов и киргизов из степей Южной Сибири открыла для русских переселенцев возможность для освоения районов Среднего Притомья. Возникла необходимость в постройке острога, который будет выполнять административно-фискальные, логистические и оборонительные функции. В 1715 г. в 2 км от устья р. Мунгат был основан одноименный острог[30].

До нас дошло описание, составленное Г.Ф. Миллером в ходе его поездки по территории Кузнецкого уезда: «[острог] расположен на западном берегу Томи, в 135 верстах (вниз по течению р. Томи — Н.Г.) от Кузнецка по прямой дороге. Состоит из обводной стены, сооруженной из бревен и кольев в виде полукруга со стороны, противоположной берегу. Внутри нее находятся, помимо дома приказчика, судной избы, магазинов и амбаров, несколько частных домов. А остальные жилые дома вместе с часовней находятся вне острога. Со стороны реки никаких укреплений нет. Вся окружность при измерении была определена в 410 саженей. Гарнизон состоит из беломестных казаков, которые за свою службу освобождены от подушной подати и пользуются свободным хлебопашеством»[31].

Достаточно быстро оборонительное значение острога сошло на нет. Вокруг укреплений быстро начал формироваться «сельский посад». А низкое качество используемой древесины для строительства, вероятно, достаточно в короткие сроки привело к разрушению крепостных стен[32]. Начиная с момента

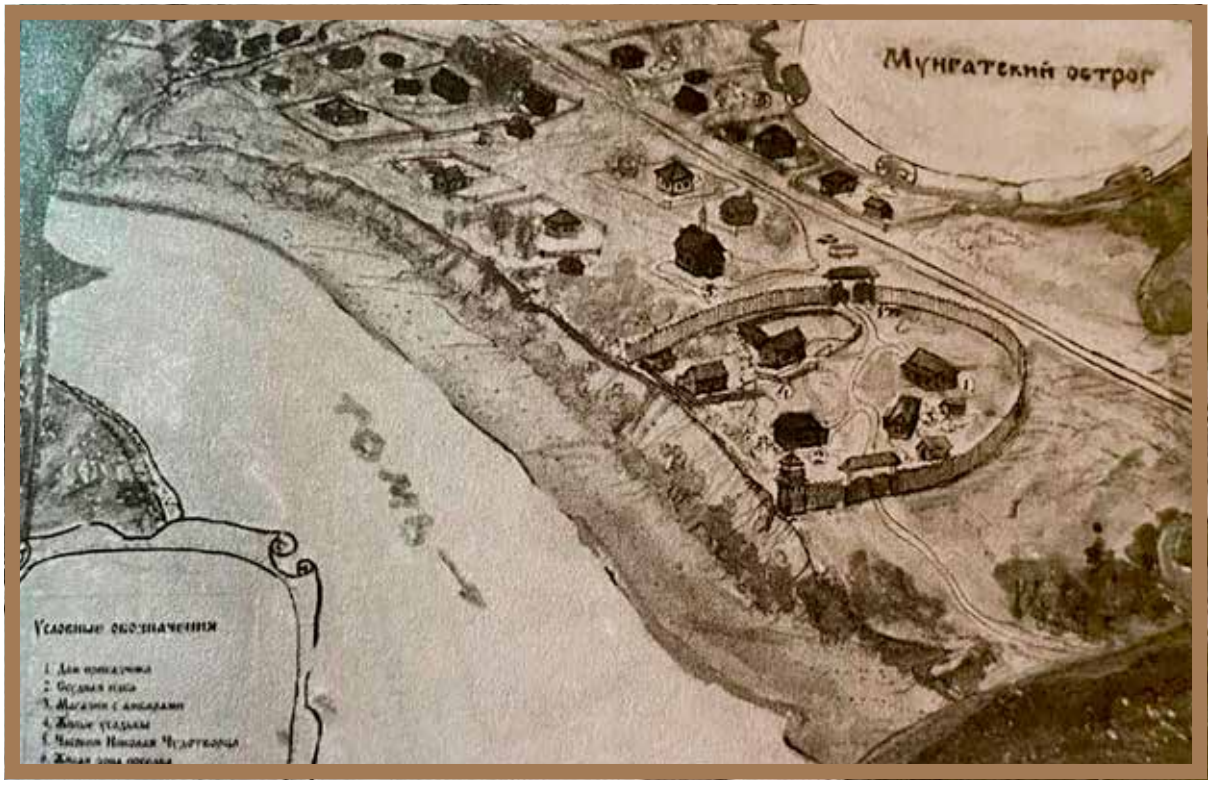
[30] Элерт А.Х. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. — Вып. VI. — С. 24.

[31] Цит. по: Элерт А.Х. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. — Вып. VI. — С. 24–25.

[32] Голубев М.Е., Кимеев В.М. Остроги Притомья в исторической ретроспективе: монография. — Кемерово, 2017. — 60 с.

Изображение Мунгатского острога (станца) на «Ландкарте Томского и Кузнецкого уездов Оби реки и впадающим речкам, и около оных жилья от Бийского острогу до устья реки Томи и по Томе вверх до Кузнецка и выше, и ведомства Колывано-Воскренского заводу деревням» Василия Шишкова, 1736 г.

Эскиз объемно-планировочного решения экомузея «Мунгатский острог». Художник Е. Попов

основания и до начала XX в. Мунгатский острог, трансформировавшийся в конце XVIII в. в село Мунгатское, был центром одноименного дистрикта, а с 1797 г. — центром Мунгатской волости. В состав дистрикта/волости входило 13 деревень. В остроге располагался приказчик, в ведение которого относились сбор податей, организация местной почтовой службы («земской гоньбы»). Как упоминалось в описании Г.Ф. Миллера, местный служилый люд был освобожден от подушной подати. В их обязанности входили организация пашенного хозяйства, сопровождение чиновников и торговцев по Томи[33].

В истории Мунгатского острога одним из главных вопросов является проблема его локализации. Его точное местоположение до сих пор не установлено, несмотря на наличие описания самого острога и многочисленные усилия историков и археологов[34]. Данное затруднение вызвано хозяйственной деятельностью XIX — начала XXI в. на предполагаемом местонахождении острога.

На сегодняшний день на территории острога, вероятно, расположен пгт Крапивинский Крапивинского муниципального округа Кемеровской области — Кузбасса.

В 1940 г. предполагаемая территория Мунгатского острога была исследована Н.А. Чернышевым. Исследователем были зафиксированы остатки строений, предположительно конца XVIII в. Опрос местных жителей не дал сведений о местонахождении бывшего острога.

Осмотр предполагаемой территории острога, проведенный в 1954, 1962 и 1997 гг. У.Э. Эрдниевым, А.И. Мартыновым и Ю.В. Ширимым соответственно, не позволил локализовать местонахождение последнего. Были проведены сборы подъемного материала вдоль берегов рек Томи и Быструхи. Были обнаружены фрагменты русской гончарной керамики XVIII–XIX вв., осколки стеклянного штофа из-под водки, кости домашних животных, железный нож. В связи с отсутствием точной локализации на сегодняшний день Мунгатский острог не числится в списке выявленных объектов археологического наследия.

В 2017 г. Ю.В. Ширимым была выдвинута гипотеза, согласно которой острог располагался не на высоком берегу р. Томи, с которого открывался широкий обзор на прилегающую территорию, а в пойменной его части, что является нехарактерным местоположением для крепостных укреплений русских первопроходцев юга Западной Сибири. Данное предположение нуждается в эмпирической проверке путем проведения полевых разведочных работ[35].

---

[33] Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья XVIII — первой половине XIX вв. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — 130 с. — С. 41.

[34] Ширин Ю.В. О месте и условиях появления Мунгатского острога // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2017. — № 3. — С. 71–76.

[35] Там же.

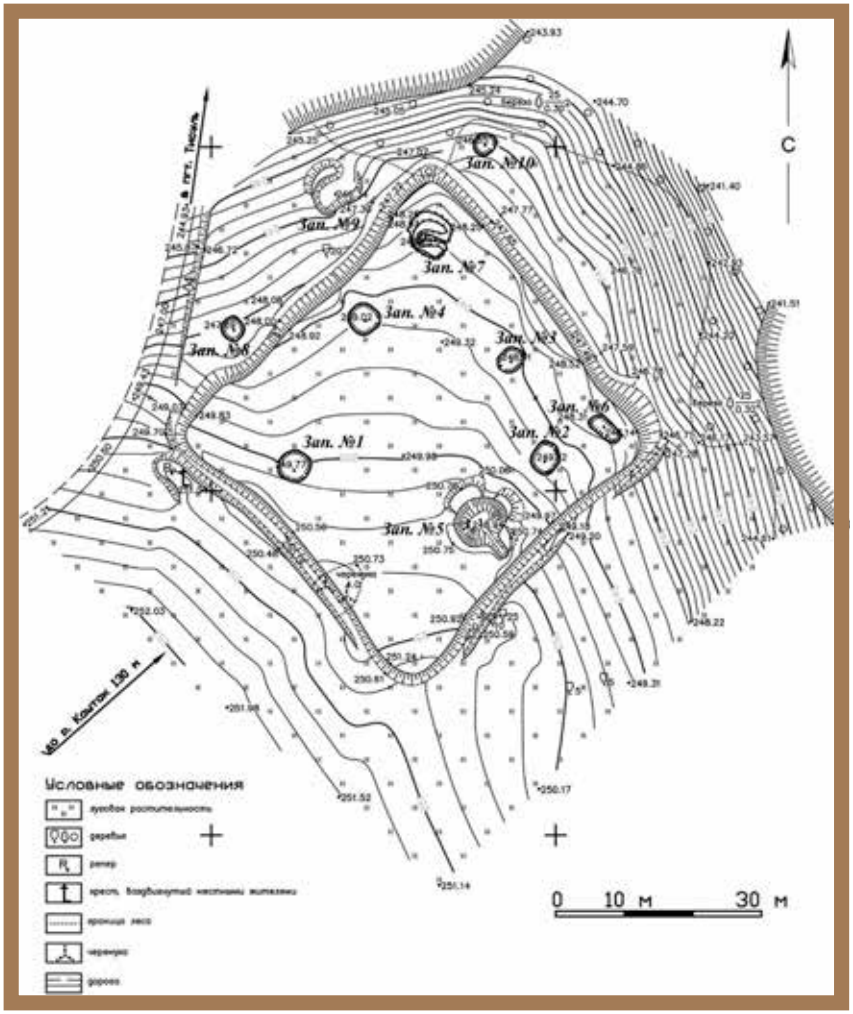
КАШТАКСКИЙ ОСТРОГ

Изображение Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова, 1697 г.

Укрепление было основано в 1697 г. группой томских служилых людей с целью обороны местонахождений серебра, выявленных годом ранее, от енисейских киргизов на месте слияния р. Большой и Малый Каштак в Тисульском районе современной Кемеровской области. Его первоначальное предназначение в качестве центра обороны металлургических промыслов предопределило его расположение в низинной части, что отличалось от привычной для Притомья постановки острога на возвышенном берегу[36].

Сереброплавильное производство закончилось относительно быстро, вероятно к 1699 г., тем самым XVIII столетие Каштакский

Ситуационный план окрестностей острога и входов в копи (штолен). Авторы А.Г. Марочкин, А.С. Сизев, А.Н. Ермолаев, И.А. Плац

острог встретил в качестве заурядного укрепления, оборонявшего «фронтир» российского государства от набегов соседей-кочевников. Миграция енисейских киргизов в Джунгарию в 1703 г. сделала существование укрепления в данной местности, чье повседневное обеспечение было завязано на связях с Томском, неликвидным. В результате в период с 1703 по 1706 гг. Каштакский острог прекратил свое существование[37].

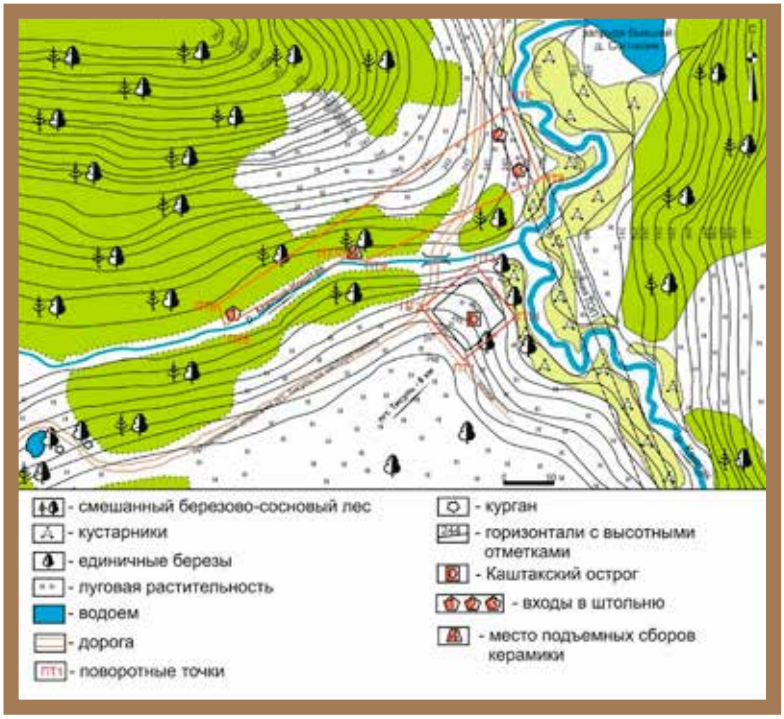
Основание острога дало старт русскому освоению территории северо-востока современной Кемеровской области. Особенности существования (месторасположение, хронология, отсутствие локального производства предметов повседневного использования и др.) делают его археологическое изучение чрез-

[36] Марочкин А.Г., Сизев А.С., Ермолаев А.Н., Плац И.А. Топография и планиграфия Каштакского острога: опыт комплексного историко-археологического исследования // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – №75. – С. 182–184.

[37] Там же. С.182–189.

вычайно перспективным в контексте реконструкции материально-бытовой культуры юга Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв.

Каштакский острог долгое время был обделен вниманием со стороны археологического сообщества. Впервые острог был исследован в 2017 г. сводным отрядом археологов и историков Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения РАН, Кемеровского государственного университета и музея-заповедника «Томская писаница». В ходе полевых работ были зафиксированы следы от десяти западин, трех штолен, остававшихся от добычи серебра, а также остатки крепостного рва. Сбор подъемных материалов не принес результатов. Реконструкция особенностей строения острога, а также материально-бытовой культуры требует проведения археологических раскопок в будущем[38].

Топографический план Каштакского острога. Авторы А.Г. Марочкин, А.С. Сизев, А.Н. Ермолаев, И.А. Плац

[38] Там же.

Каштацкий острог. Аэрофотосъемка

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ

Условные обозначения

деревня Старотуруханск

город Енисейск

Пировский район

Шушенский район

Красноярский край

Старотуруханское городище

Енисейский острог

Канский острог

Саянский острог

0 500 км

Заселение русскими Южной Сибири шло планомерно с XVI в., но стремительный характер приняло с начала XVII в. В 1601 г. на р. Томи было поставлено первое зимовье, а уже в 1604 г. — основан современный город Томск. В 1618 г. на р. Кондоме был основан Кузнецкий острог, позже, в 1620 г., перенесенный уже на Томь.

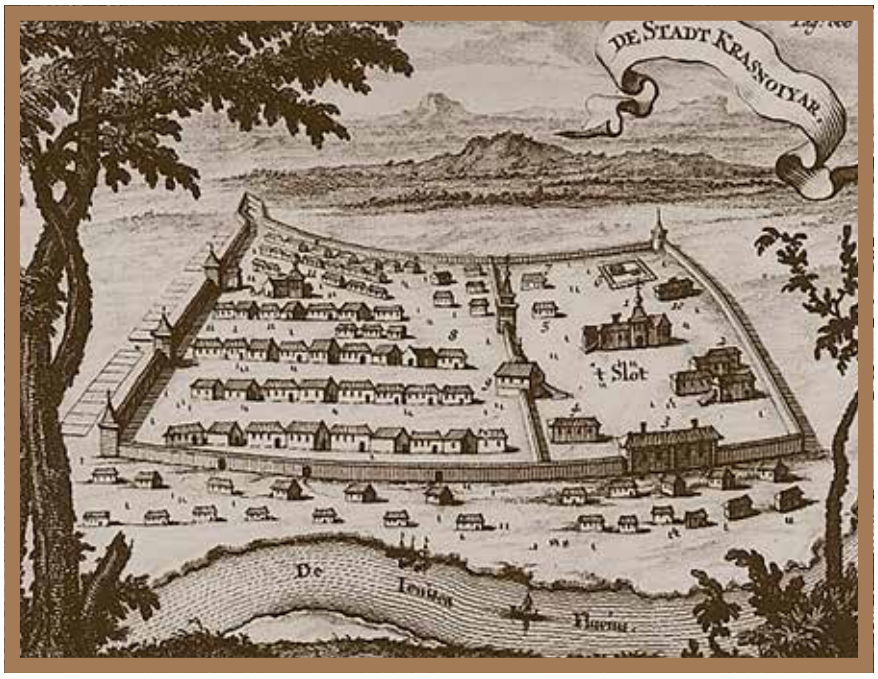
Осенью 1619 г. основывается Енисейский острог. В 20-х гг. XVII столетия остроги появляются на берегах рр. Иркут (Иркутское ясачное зимовье), Кана (Канский острожек) и др. В 1647 г. на р. Уда был основан Нижнеудинский острожек, а в следующем году — Баргузинский, первый забайкальский острог. Самый крупный, собственно Иркутский острог появляется только в 1661 г.

В связи с преимущественно широтным направлением русской экспансии с запада на восток наиболее насыщены были острогами и крепостями Барабинская степь (современные Новосибирская, Томская, Омская и Кемеровская области), среднее течение Енисея (Красноярский край), а также Прибайкалье и Забакалье. И только со второй половины XVII в. начинается продвижение русских переселенцев на юг по многим направлениям.

На территории собственно Саяно-Алтайского региона остроги и крепости стали появляться с конца XVII в. Одним из первых был Тункинский острог, основанный в 1676 г. на территории современной Бурятии у оз. Тунка. Основная цель не возводились крепости и остроги в связи с тем фактом, что Тува вплоть до 1911 г. находилась под властью Цинской династии, и только с 1914 г. здесь был объявлен протекторат Российской империи. Несмотря на свой пограничный статус, цинские власти не стремились создавать на территории Тувы фортификационные сооружения, опасаясь того, что в случае бунта эти сооружения могут быть использованы повстанцами.

Карта г. Красноярска 1798 г.

Город Красноярск. Конец XVII в. Гравюра Николааса Витсена

ЕНИСЕЙСКИЙ ОСТРОГ (ЕНИСЕЙСК)

План Енисейского острога, 1735 г.

Енисейский острог был основан в 1619 г. экспедицией тобольских казаков во главе с сыном боярским Петром Албычевым и Черкасом Рукиным. В месте впадения речки Мельничной в Енисей они основали острог, названный вначале Тунгусским, потом Кузнецким и в конце концов переименованный в Енисейский[1].

Первый острог стоял на западном низком берегу реки Енисей при впадении в него речки Мельничной. Четырехугольный острог был окружностью в 200 саженей: длиной 74, а шириной 21 по «верхнему концу» и 18 саженей по «нижнему концу». В стене были 2 боевые башни с проезжими воротами, на других углах — избы с «раскатами» для орудий[2]. Внутри острога в 1646 г. находились Введенская церковь, казенные амбары, съезжая и таможенная избы, воеводский и гостиный дворы. За пределами острога — Богоявленная церковь, казенные амбары, дома казаков и посадских.

В начале 1650-х гг. острог был перестроен и расширен. Он имел уже 8 башен: 6 проезжих и 2 глухих. В 1667 г. был выстроен новый острог окружностью 825 саженей, с посадом на правом берегу речки Мельничной. Над стенами острога возвышалось 6 башен. Имелось 3 «вывода» к реке с бойницами, потайной ход[3].

В 1677 г. Енисейск стал разрядным городом; в его ведение поступают все поселения и остроги по Енисею, а также вся заенисейская Сибирь, до города Нерчинска включительно. В 1690 г. население Енисейска насчитывало около 3 тысяч человек. Его основная хозяйственная деятельность — добыча пушнины. В 1645–1646 гг. товарооборот енисейского рынка превышал 60 тысяч рублей. В начале XVII в. ежегодный сбор десятинной пошлины в Енисейской таможне составлял около 500 рублей. Второй по важности вид деятельности — рыботорговля и рыбный промысел. Самым крупным торговцем рыбой на севере Енисея в начале XVIII в. был енисейский посадский Никита Верещагин. К 1701 г. было достроено еще 2 крепостные башни и 2 церкви внутри острога. Изначально Енисейский острог был подчинен Тобольскому, а с 1629 г. — Томскому разряду Приказа Казанского дворца. В 1708 г. в связи с созданием губерний и упразднением разрядов Енисейск становится уездным городом в составе вновь образованной Сибирской губернии.

Енисейский острог — важнейший торгово-транспортный центр, по Енисейской дороге из Тобольска и далее на восток проезжало не менее 68 % всего торгово-промышленного «отпуска» (1640). В 1650-х гг. число пришлых людей в городе достигало около 2,5 тысяч человек. Он служил базой для дальнейшего продвижения русских в Якутию и Забайкалье.

Ряд вопросов истории Енисейска и Енисейского уезда XVII–XVIII вв. хорошо изучены. Они касаются коренных жителей уезда, демографии русского населения, торговли и промыслов. Этой тематике посвящены работы целого ряда авторов, принадлежащих разным эпо-

[1] Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. — Красноярск: Литера-принт, 2019. — 323 с. — С. 10.

[2] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. — 301 с. — С. 135.

[3] Там же.

хам, а именно труды Г.Ф. Миллера, Б.О. Долгих, А.П. Окладникова, П.Н. Павлова, В.А. Александрова, А.Н. Копылова, Г.Ф. Быкони, А.А. Бродникова, В.В. Буланкова[4].

Первые археологические исследования на территории г. Енисейска были проведены в 1950-х гг. сотрудником Красноярского краеведческого музея Р.В. Николаева. Им были проведены сборы русской керамики в устье реки Мельничной. В 2004 г. Комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Красноярского края под руководством А.Ю. Тарасова были организованы предварительное археологическое обследование территории г. Енисейска с целью выявления слоев, относящихся к периоду существования Енисейского острога, и поиск более ранних объектов на его территории. Были выявлены хорошо сохранившиеся горизонты существования Енисейского острога, ранние погребения и поселение «Енисейск. Поселение 1» эпохи неолита — бронзы[5].

Полноценное археологическое исследование памятника началось с 2013 г. в рамках масштабной программы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году»[6]. Было исследовано более 1 тысячи квадратных метров территории, на которых были выявлены несколько разновременных объектов культурного наследия: «Енисейск. Енисейское городище», «Енисейск. Стоянка Троицкая», «Енисейск. Троицкий некрополь», «Енисейск. Стоянка Татарская», «Енисейск. Преображенский некрополь» и др.[7] На основании проведенных в 2013 г. изыскательных работ в 2014–2017 гг. были проведены аварийно-спасательные раскопки нескольких десятков объектов, датируемых периодом существования Енисейского острога, а также иными археологическими («дорусскими») периодами.

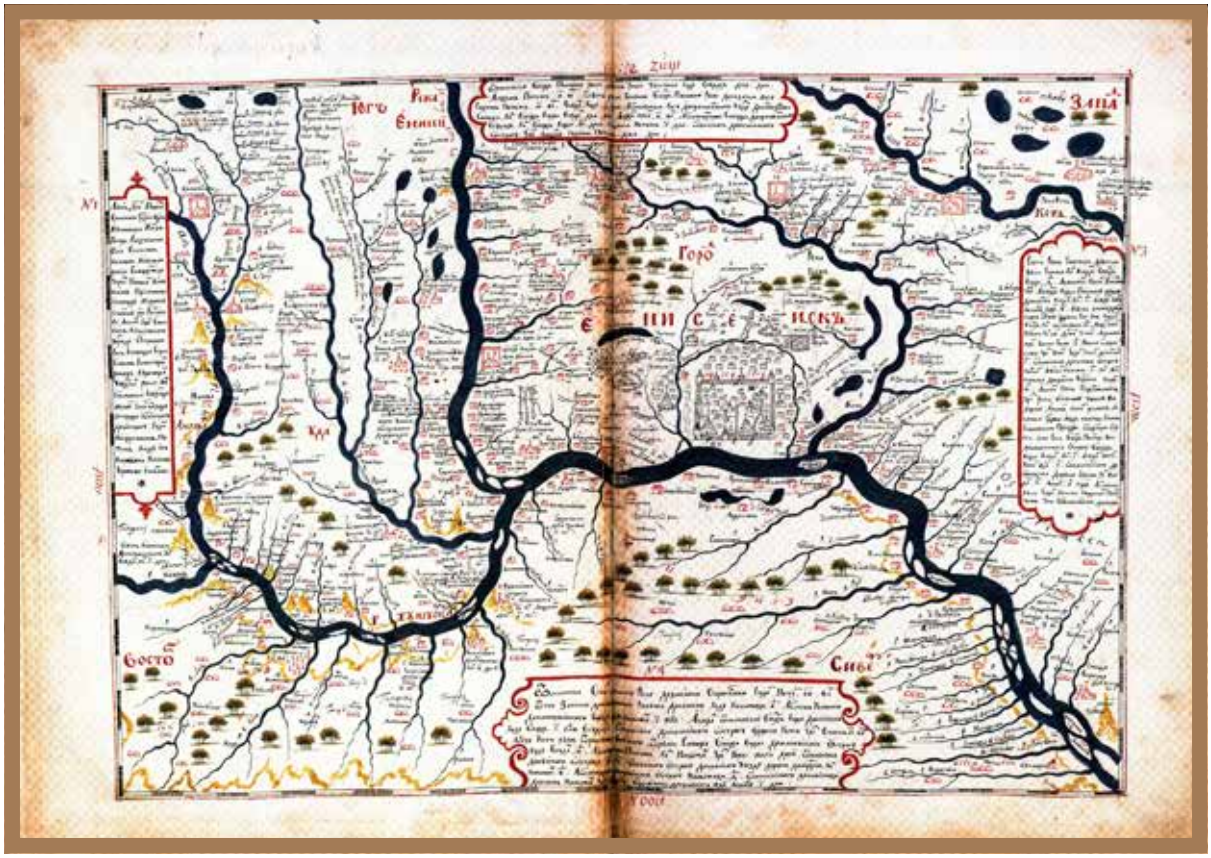
---

[4] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 2000. — Т. 1. — 633 с. — С. 284–297; Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — 303 с.; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. — Новосибирск, 1965. — 295 с.; Бродников А.А. Енисейский острог. — Красноярск, 1994. — 145 с.; и др.

[5] Тарасов А.Ю. Сохранение объектов археологического наследия Енисейска в рамках реализации мероприятий подпрограммы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году» Государственной программы Красноярского края «Развитие культуры и туризма» // Культура русских в археологических исследованиях / сб. науч. ст. под ред. Л.В. Татауровой. — Омск: ООО «ИД Наука, 2017. — С. 20–24.

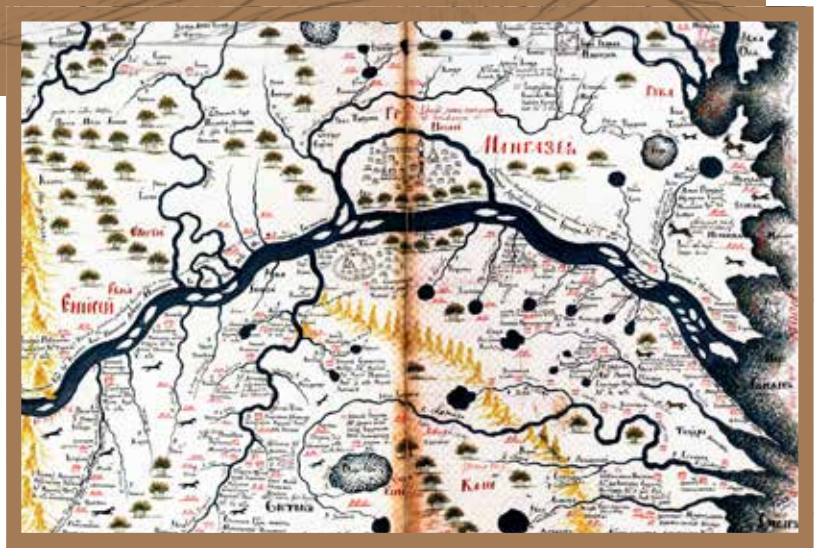
[6] Постановление Правительства Красноярского края от 27 декабря 2012 г. № 728-п «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году» на 2013–2018 годы».

[7] https://ookn.ru/eniseysk-400/

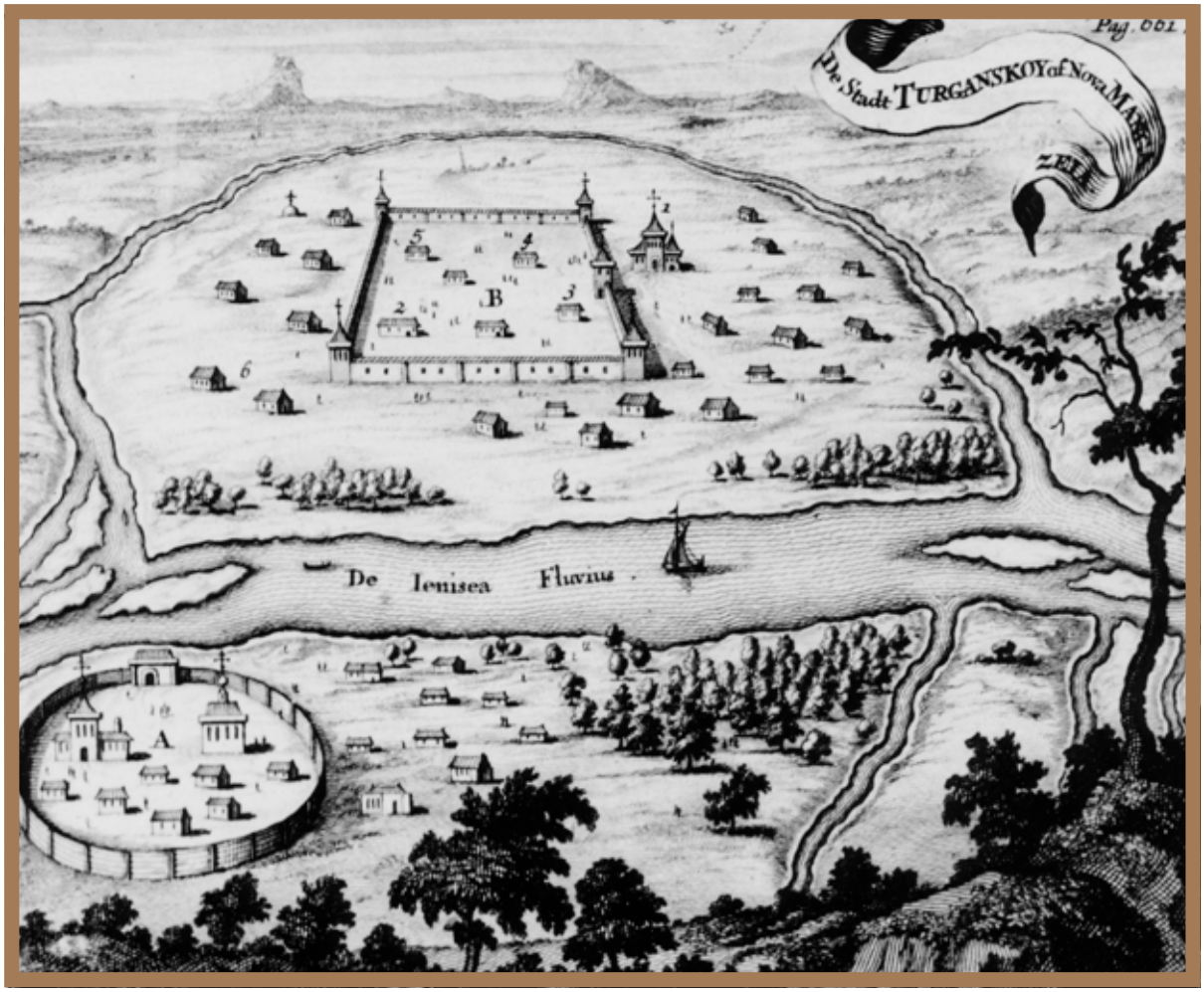
План Енисейского острога в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, 1701 г.

СТАРОТУРУХАНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Изображение Новой Мангазеи и Старой Мангазеи в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова. Конец XVII в.

Выявленный объект культурного наследия «Старотуруханское городище» датируется началом XVII в. — серединой XX в. Памятник расположен в д. Старотуруханск Туруханского района Красноярского края, на левом коренном берегу р. Турухан (левый приток Енисея), в 5,8 км от ее устья, в 22 км к северо-западу от с. Туруханск. Другие названия: Туруханское зимовье, зимовье на Енисейском волоке, зимовье у Николы чудотворца, Новая Мангазея, Туруханск. Старотуруханский острог, Старо-Туруханск — первое русское поселение на Енисее и старейшее среди русских поселений в Красноярском крае. Старотуруханский острог включен

Новая Мангазея. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

Туруханск в начале XX в.

в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края, как городище под № 1790 Приказом министерства культуры Красноярского края от 29.10.2013 № 511[8].

Большинство исследователей относят основание поселения в устье р. Турухан к 1607 г. По одной версии, ясачное зимовье было построено здесь по инициативе мангазейских торговых и промышленных людей во время похода к низовьям Енисея[9]. По другой версии, основание зимовья произошло по инициативе «сверху» — мангазейскими воеводами В. Масальским или Д. Жеребцовым[10]. Название поселению было дано по р. Турухан, по которой проходил водно-волоковый путь, соединявший рр. Таз и Енисей. Из Туруханского зимовья открывались пути вверх и вниз по Енисею, а также в Восточную Сибирь. Благодаря выгодному расположению зимовье стало отправным пунктом многих дальних промысловых и военных экспедиций. Мангазейские воеводы, осознав его значение, вскоре стали назначать туда приказчиков и самолично приезжать для таможенного и ясачного сбора[11].

Начиная с 1620-х гг. в Туруханский острог постепенно стали переселяться жители Мангазеи. К этому же времени относятся сведения о наличии в остроге 2 храмов — Николая Чудотворца и Преображения Господня[12]. По мере упадка торгово-промыслового и административного значения Мангазеи местные воеводы ставили перед руководством Сибирского приказа вопрос о переносе центра уезда из Мангазеи в Туруханское зимовье. Решение вопроса затягивалось, и в 1668 г. воевода Р.М. Павлов самовольно переехал в Туруханск и начал переселять туда служилых людей с семьями и хозяйством[13].

В 1671 г. свершившийся факт переноса города из Мангазеи в Туруханск был узаконен царской грамотой[14]. Воевода Д.Т. Наумов, сменивший Р.М. Павлова в 1672 г., перенес город на место Туруханского ясачного зимовья

---

[8] Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Красноярского края, по состоянию на 25.11.2022. Раздел II. Выявленные объекты археологического наследия // Красноярский край. Служба по государственной охране объектов культурного наследия. URL: https://ookn.ru/gosohrana/

[9] Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 503 с. – С. 130–135; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 190 с. – С. 64–66; Миллер Г.Ф. История Сибири: В 3 т. Т. 1. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. – 607 с. – С. 312; Миллер Г.Ф. История Сибири: В 3 т. Т.2. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 637 с. – С. 24.

[10] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – 301 с. – С. 24; Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т. 3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – 784 с. – С. 320.

[11] Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 503 с. – С. 130–135.

[12] Там же.

[13] Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). – М., 1964. – 303 с. – С. 30–32.

[14] Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 503 с. – С. 130–135.

и назвал его Новая Мангазея[15]. До конца XVIII в. новый центр уезда старожилы называли как Мангазеей, так и Туруханском.

Место для Новой Мангазеи было выбрано не лучшим образом. Воеводы Мангазеи И.М. Квашнин, С.В. Ларионов и И.С. Корсаков советовали заложить город не на месте Туруханского зимовья, а предлагали строить город на основном русле Енисея, на правом берегу, где в середине XVII в. возник Туруханский Троицкий монастырь.

Местные жители не желали переезжать на новое место. Они уверяли Д.Т. Наумова, что удобного места для строительства города на Енисее нет. В результате воевода решил заложить новый город на прежнем месте[16]. Вероятно, сомнения воеводы послужили причиной возникновения народной легенды, гласящей, что Д.Т. Наумов определил место будущего города жребием — игрой в кости[17]. В начале XX в. Туруханск пришел в упадок и был перенесен на место, которое указали в середине XVII в. И.М. Квашнин, С.В. Ларионов и И.С. Корсаков. Предшественники воеводы Д.Т. Наумова оказались правы[18].

Длина крепостных стен Новой Мангазеи 1672–1673 гг. постройки достигала 312 либо 316 м. Это на 30 м больше длины стен кремля Старой Мангазеи. Стены состояли из городней, в которых были устроены амбары для хранения муки и соли. Ширина стен составляла 2,8 м, высота — ок. 6 м. По углам стояли 4 глухие башни. За стенами размещался двор воеводы, приказная и ясачная избы, зелейный погреб, аманатская тюрьма, а также казенные амбары[19].

Крепостные сооружения в основном повторяли структуру кремля Старой Мангазеи. Основным отличием стала композиция глав-

[15] Там же; Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — 303 с. — С. 30–32; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — М.: Наука, 1980. — 163 с. — С. 32.

[16] Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — 303 с. — С. 30–32; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. — 503 с. — С. 130–135.

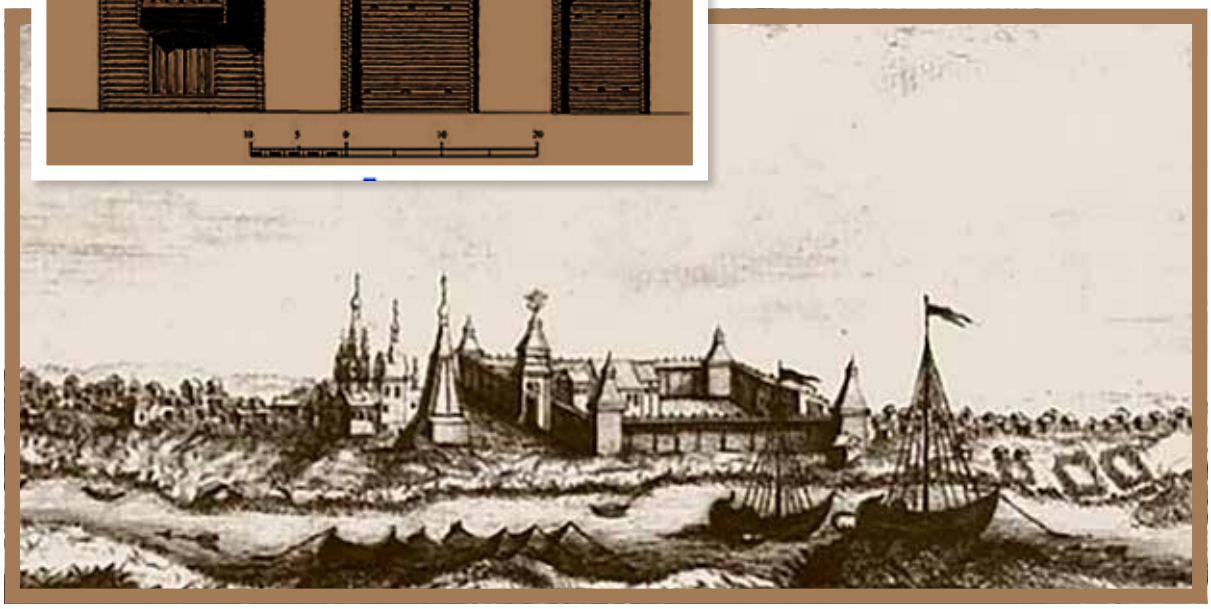
[17] Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т.3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

[18] Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М., 1964. — 303 с. — С. 30–32.

[19] Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. — 503 с. — С. 130–135; Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т. 3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

Башни Новой Мангазеи. Реконструкция архитектора Н.П. Крадина (1976–1978). Госкаталог № 37760884

Вид Новой Мангазеи. Гравюра М.И. Махаева по рисунку И.В. Люрсениуса. XVIII в.

ной, проездной башни. Высота ее составляла около 25 м. Башня была 2-ярусной и 6-угольной в плане. Шестигранный сруб венчался обламом с крытой обходной галереей. Второй ярус представлял собой восьмерик с галереей, выше располагался шатер с небольшой смотровой вышкой и шатриком. Историк архитектуры Н.П. Крадин высказывал предположение, что конструктивные особенности башни могли быть результатом заимствования Д.Т. Наумовым архитектурных элементов Тобольского кремля[20]. Туруханский кремль, построенный воеводой Д.Т. Наумовым, простоял около столетия. В 1776 г. городовые стены были разобраны по причине ветхости, но башни сохранялись вплоть до начала XIX в.[21]

В 30–40-е гг. XVIII в. через Туруханск проходил путь многих полярных исследователей — участников Великой Северной экспедиции. Здесь побывали руководители Ленско-Енисейского отряда Х.П. Лаптев и С.И. Челюскин, глава Обско-Енисейского отряда Д.Л. Овцын, а также руководители академического отряда И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер[22]. И.Г. Гмелин упоминал ярмарку, действующую в Туруханске с конца XVII в. Ярмарка ежегодно открывалась на день Петра и Павла (29 июня). Главным товаром была пушнина, которую доставляли сюда с низовий и притоков Енисея, с рр. Курейки, Хантайки, Дудинки, а также Хатанги, Таза и нижней Оби[23].

В 1780 г. Новая Мангазея была переименована в Туруханск. До 1822 г. Туруханск оставался центром Туруханского (бывшего Новомангазейского) уезда Тобольского наместничества[24]. В XIX — начале XX в. Туруханск становится местом политической ссылки. Здесь отбывали ссылку декабристы Ф.П. Шаховской, Н.С. Бобрищев-Пушкин, деятели социал-демократического движения, в том числе Я.М. Свердлов и И.В. Сталин[25]. В первой трети XIX в. торгово-промышленные пути окончательно сдвинулись в южные районы Сибири, и город стал быстро приходить в упадок. В 1909 г. Туруханск был разграблен и подожжен беглыми преступниками[26]. В результате пожара сгорела половина домов. В 1912 г. в Туруханске проживало лишь 127 человек[27].

Помимо этого, в конце XIX — начале XX в. произошло изменение русла р. Турухан, из-за чего Туруханск оказался отделен от реки болотами и мелкими озерами. Туруханск оставался городом лишь номинально. В 1912 г. административные и торгово-хозяйственные учреждения перевезли в село Монастырское. Свидетелем переноса города на новое место стал знаменитый полярный исследователь Ф. Нансен, совершивший в августе–сентябре 1913 г. плавание вверх по Енисею в ходе экспедиции в Сибирь[28].

В 1920 г. город Туруханск переименовали в Старотуруханск, а название Туруханск дали селу Монастырскому. На сегодняшний день Старотуруханск — маленькая деревня Туруханского района Красноярского края[29]. Здесь располагается рыболовецкий стан и нефтегазоразведочная экспедиция. Среди памятников архитектуры сохранилась Троицкая церковь постройки конца XVIII — начала XIX в.[30]

Первое описание Новой Мангазеи (Старотуруханского городища) принадлежит

---

[20] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — 190 с. — С. 64–66.

[21] Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. — 503 с. — С. 130–135; Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т. 3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

[22] Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т. 3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

[23] Там же.

[24] Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.), Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ом. фил.; [под ред. Л.В. Татауровой]. — Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. — С. 180–188; Туруханск // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 67. — СПб., 1902. — С. 221.

[25] Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т.3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

[26] Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Красное море. — Петроград, 1915. — 454 с. — С. 181–182.

[27] Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т.3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

[28] Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Красное море. — Петроград, 1915. — 454 с. — С. 181–182.

[29] Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.), Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ом. фил.; [под ред. Л.В. Татауровой]. — Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. — С. 180–188.

[30] Резун Д.Я., Хромых А.С. Туруханск // Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Т. 3. С–Я / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. — 784 с. — С. 320.

Г.Ф. Миллеру. В 1739 г. он описал Туруханск как город, имеющий деревянную крепость с 5 башнями. Здесь насчитывалось 102 двора, стояли 2 церкви — Преображения Господня и Успения Богородицы, имелась ратуша, таможня, гостиный двор, хлебный магазин, винный погреб, 2 кабака, пивоварня и часовня[31].

Археологическое изучение Старотуруханского городища началось в 1970 г. под руководством В.Ф. Старкова. Была осмотрена территория памятника, в современных двенадцати ямах-погребах выполнена зачистка слоя, составлен глазомерный план, собран подъемный материал XVII — XIX вв.[32]

Специалист по русскому оборонному зодчеству архитектор Н.П. Крадин на основании сопоставления письменных и графических источников XVII — XVIII вв. воссоздал конструкцию проездной и угловых башен кремля Новой Мангазеи[33].

В 2007 г. под руководством Г.П. Визгалова проведены разведки с целью выявления культурного слоя XVII — XIX вв. на территории деревни. Был снят топографический план памятника, на который нанесены границы распространения культурного слоя. Размеры памятника составляли 970×280 м. Мощность культурного слоя в шурфах достигала 2 м и более[34].

Сопоставление сохранившегося схематичного плана города XVIII в. и современной топографической ситуации позволило определить место взвоза городища — наиболее удобный пологий подъем, являющийся и в настоящее время въездом в центральную часть деревни[35].

В 2008 г. в западной части взвоза, в центральной части посада, свободной от современной застройки, был разбит раскоп площадью 99 кв. м. Исследованы остатки 8 деревянных построек. Постройки сконцентрировались в восточной и центральной частях раскопа. Непрерывная застройка в этом месте существовала с середины XVII до первой половины XVIII вв. Отслуживший свое дом разбирали до окладного венца, который использовали основанием под новый сруб. В результате этого остатки построек образовали в раскопе «слоѐный пирог». Все исследованные постройки одинаково ориентированы — стенами ЗСЗ–ВЮВ. Это соответствует направлению края берега. Постройки срублены из бревен диаметром 16–35 см, в обло с выпусками. Все исследованные постройки могли быть жилыми избами[36].

В 2010 г. раскопками в посадской части исследованы остатки 9 построек, которые датируются второй половиной XVII — первой половиной XVIII в. Была собрана коллекция археологических предметов из 1371 единиц хранения[37]. Среди находок оказались редкие и малоизвестные предметы культуры XVII–XVIII вв. отличной сохранности: столовый нож с чеканной латунной рукояткой, резная доска-икона, шахматные фигуры, стилизованные фигурки коней, сито, целая точеная шкатулка, туеса, створка складня-мощевика. Большой интерес вызывают фрагменты деревянной точеной посуды, архитектурные детали, обувь, фрагменты шелковой ткани, нательные кресты. Раскопки 2010 г. дали большой объем информации по жилым постройкам русского сибирского севера. Значительно пополнилась коллекция судовых деталей северных русских кораблей XVII в.[38]

В 2013 г. проведены раскопки на территории кремля Новой Мангазеи (Старотуруханского городища). Общая площадь раскопа составила 185 кв. м. В верхних слоях были исследованы руины постройки конца XIX в. — 1950-х гг. По воспоминаниям местных жителей известно, что на этом месте стоял купеческий дом, в западной половине

---

[31] Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – С. 119.

[32] Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.), Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ом. фил.; [под ред. Л.В. Татауровой]. – Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 180–188.

[33] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 190 с. – С. 64–66.

[34] Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Рос. гос. торгово-экон. ун-т, Ом. ин-т (фил.), Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Ом. фил.; [под ред. Л.В. Татауровой]. – Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 180–188.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2010 году: В 2 кн. Кн.1. – Нефтеюганск: ООО НПО «Северная археология-1», 2011.

[38] Там же.

которого в советское время располагался фельдшерский пункт[39]. В ходе раскопок найдены два нижних венца кремлевской стены 1672 г. Находки этого времени отличаются хорошей сохранностью. Большинство из них составили предметы из органических материалов — дерева, кожи, ткани. Наиболее интересные: целые ботинки, женские нарядные туфли на высоком каблуке, три вязаных носка, фрагмент деревянных грабель, три шахматные фигуры, две из которых деревянные, одна — резная костяная пешка[40].

Из слоя времени существования кремля происходит уникальная находка — первая берестяная грамота, найденная в Сибири. Грамота содержит три строки текста — запись кириллического алфавита. Начало алфавита утрачено, текст начинается с буквы «І», в некоторых местах между буквами вкрались ошибки, надпись заканчивается кривой линией — рисунком. В левом нижнем углу надпись «ФСА», что, видимо, значит «вся» азбука. По краю грамота украшена рамкой, заштрихованной резной прямой сеткой. Вероятно, это ученическая азбука, выполненная в виде карточки для запоминания самим учеником, с ровно обрезанными краями, оформленная в декоративную рамку[41].

Старотуруханское городище является уникальным памятником и особо ценным источником времен освоения материальной культуры русских периода освоения Севера Восточной Сибири в период Нового времени. Это единственный русский город XVII–XIX вв. в Восточной Сибири, расположенный в условиях вечной мерзлоты[42].

Материалы раскопок Старотуруханского городища во многом находят аналогии в материальной культуре старой Мангазеи, Березова, Пустозерска, Нижнеколымского острога, что позволяет комплексно исследовать городскую культуру северного русского населения XVII–XVIII вв.[43]

Культурный слой Старотуруханского городища продолжает активно разрушаться в условиях современного функционирования поселка. В связи с этим острой необходимостью является продолжение аварийно-спасательных раскопок памятника[44].

---

[39] Рудковская М.А., Визгалов Г.П. Раскопки кремля Новой Мангазеи // Археологические открытия 2010–2013 гг. – М., 2015. – С. 720–722.

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2010 году: В 2 кн. Кн.1. – Нефтеюганск: ООО НПО «Северная археология-1», 2011.

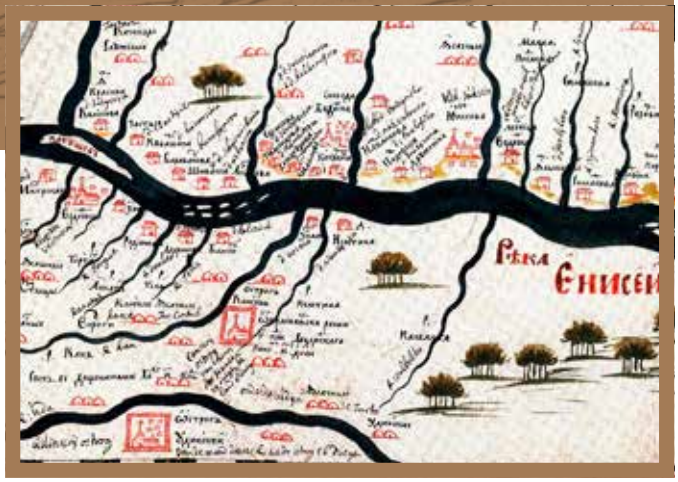
[43] Рудковская М.А., Визгалов Г.П. Раскопки кремля Новой Мангазеи // Археологические открытия 2010–2013 гг. – М., 2015. – С. 720–722.

[44] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2010 году: В 2 кн. Кн.1. – Нефтеюганск: ООО НПО «Северная археология-1», 2011.

Старотуруханское городище (Новая Мангазея). Граница объекта культурного наследия

КАНСКИЙ ОСТРОГ

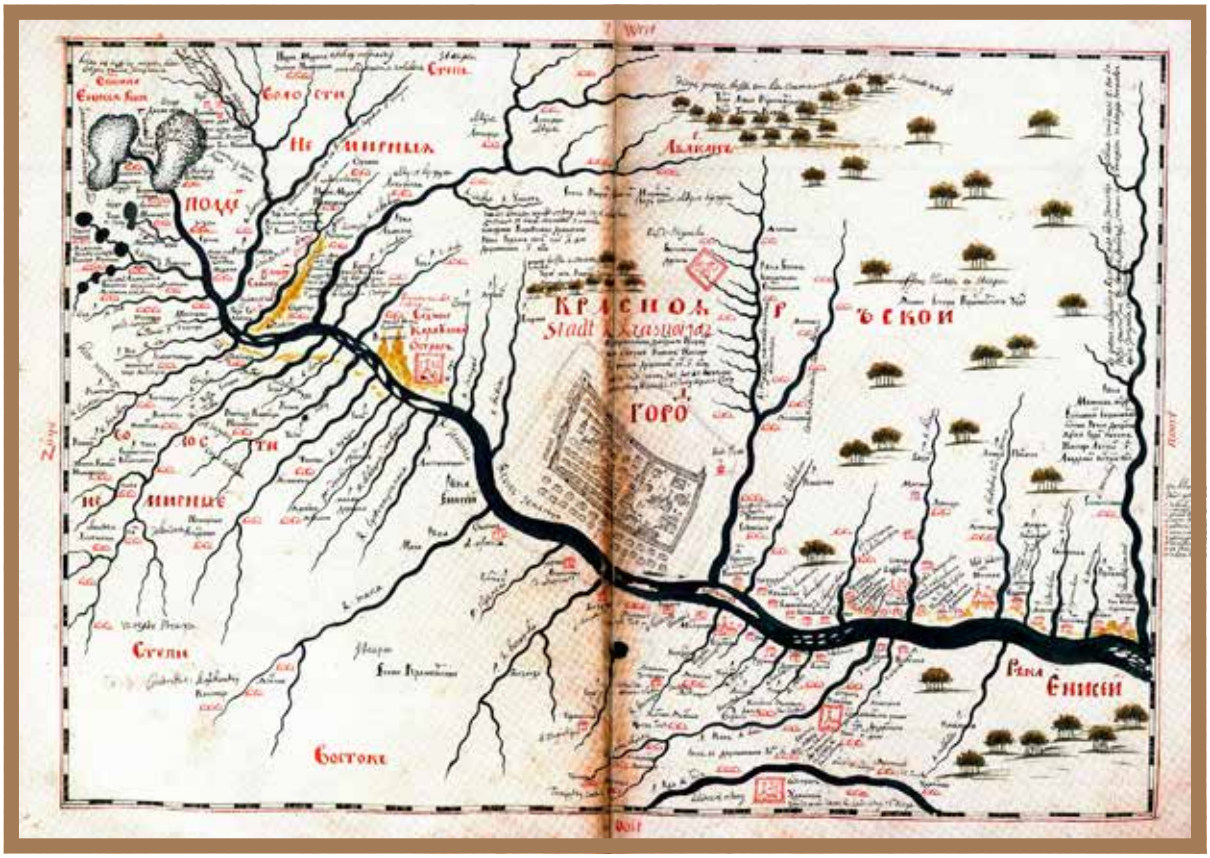

Канский острог в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова

Первое основание русского поселения на р. Кане в «Котовской землице» связано с красноярским атаманом Ермаком Остафьевым, который в 1628 г. прошел вверх по Кану до Арксеевского порога и у «Братцкого перевоза» в октябре–ноябре этого года поставил зимовье с палисадом. Оставив в построенном зимовье 17 казаков, он ушел в Красно-

Макет Канского острога в Канском краеведческом музее

Чертеж земли Красноярского города из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова

ярск. Казаки, пробыв здесь до вскрытия реки, затем тоже ушли в Красноярск, зимовье опустело и было сожжено.

В 1636 г. другой красноярский атаман Милослав Кольцов с 50 казаками поставил новый острог уже пониже Братского перевоза. В 1640 г. уже атаман Никифор Кольцов перенес Канский острог на нынешнее место. Однако он не успел его достроить, и в 1646 г. строительство заканчивал казачий десятник Павел Волховицкий. Но и этот острог был взят бурятами и сожжен. Затем он был вновь отстроен, но в 1677 г. сожжен тубинцами.

В конце XVII в. Канский острог представлял собой поселение, огороженное частоколом с башней и церковью посередине. Именно он выдержал новый натиск тубинцев (1696), но, хотя не был сожжен, сильно пострадал. Отстраивал этот острог опять же один из красноярских Кольцовых. С 1650-х гг. в Канский острог ежегодно посылалось на караульную службу около 15 казаков.

Первое постоянное русское население появилось в остроге в 1717 г. и состояло из 22 семей беломестных казаков. Они поставили свои дворы у восточной стены острога и со временем окружили свое строение 4-аршинным тыном, рвом и надолбами. В 1736 г. в Канском остроге была деревянная Спасская церковь, около 40 крестьянских дворов, канцелярия, двор приказчика и ясачные амбары. В его ведомстве находилось 6 русских деревень по р. Кане. В 1749 г. здесь проживало 112 разночинцев и крестьян.

Первоначальной функцией Канского острога был сбор ясака. Он играл также важную роль как база в продвижении русских землепроходцев на юго-восток. Земледельческое освоение началось только во втором десятилетии XVIII в. С середины XVIII в. Канск приобрел значение как транзитный пункт Московского тракта на участке Красноярск — Иркутск[45].

Ныне Канск — город Красноярского края. Расположен на юго-востоке на р. Кане.

---

[45] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. — 301 с.

САЯНСКИЙ ОСТРОГ

Саянское городище расположено на первой надпойменной террасе правого берега Енисея при выходе его из отрогов Западного Саяна, в 0,3 км к востоку от пос. Саянск Шушенского района Красноярского края (53°08'42.91" 91°29'14.24"; площадь памятника составляет около 3600 кв. м).

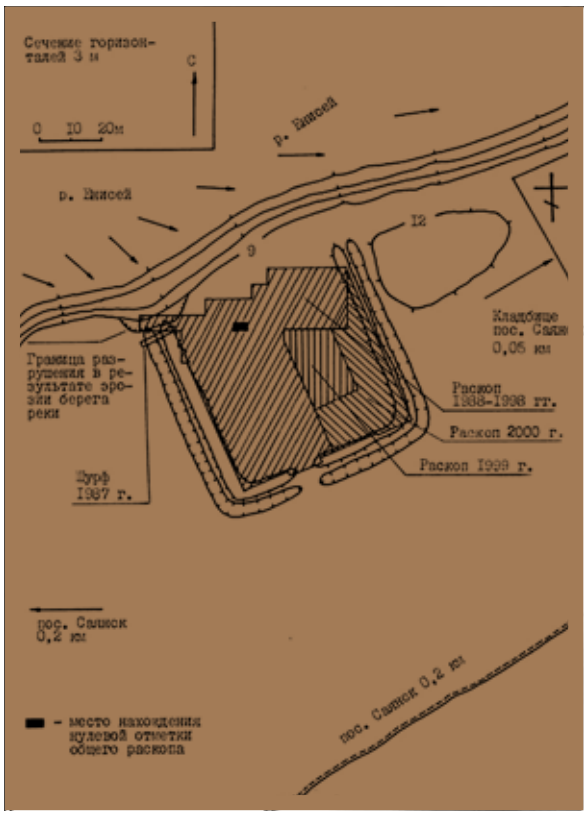
Саянский острог, построенный в 1717–1718 гг., а затем возникшие на его основе Саянский форпост и станица Саянская были одними из самых приближенных к географическому центру Азии русских населенных пунктов. В настоящее время он является одним из немногих относительно полно сохранившихся памятников русской фортификации в Сибири. Иные оказались сильно разрушенными, застроенными современными поселениями, затопленными водами водохранилищ и т. д. В настоящее время остатки острога и бывшая станица Саянская представляют собой единый археолого-этнографический комплекс. Поэтому научная ценность полученных при его исследовании материалов весьма велика для изучения истории русского освоения не только собственно Северного Присаянья, т. е. в основном бассейна Енисея, но и ряда соседних территорий.

Стратегическими мотивами, которыми руководствовались русские власти при принятии решения о создании Саянского острога, могли быть:

— окончательное закрепление за Русским государством территории Присаянья и обеспечение возможного выхода уже на территорию собственно Центральной Азии, в бли-

Графическая реконструкция Саянского острога

Саянский острог. План

жайший тыл потенциально враждебного Джунгарского ханства;

— защита присоединенной территории от вторжений джунгаров, которые в середине третьего десятилетия XVIII в. стали вновь демонстрировать высокую внешнеполитическую активность;

— функционирование в качестве опорного пункта в случае возможного вооруженного конфликта с другими соседями — империей Цин;

— прекращение самовольных перекочевок ясачного населения за пределы русских границ, обеспечение административных функций русских властей на присоединенных территориях северного Присаянья;

— функционирование в качестве торгового пункта на пути в Монголию и Китай, а также к Яркендскому «золоту».

Острог, находящийся на берегу весьма узкого в Саянском каньоне Енисея — главной дороги (зимой по льду) для проникновения в Хакасско-Минусинскую котловину — бывшую «Кыргызскую землицу» (или землю Хоорай, Хонгорай) каких-либо вооруженных сил из-за Саяна, а также пути ухода ясачного населения за пределы русских границ, мог быть чрезвычайно важным в данном отношении военным и пограничным объектом.

Немногочисленные письменные источники дают слабое представление о внешнем виде острога. Не имеется в достаточных объемах и графических памятников. В целом в Сибири историческая ситуация сложилась таким образом, что остроги, построенные уже в XVIII в., археологическому изучению практически не подвергались и каких-либо новых сведений по этой причине нам не давали. Поэтому при изучении остатков Саянского острога большинство задач реконструкции его архитектурных особенностей приходилось решать впервые и самостоятельно.

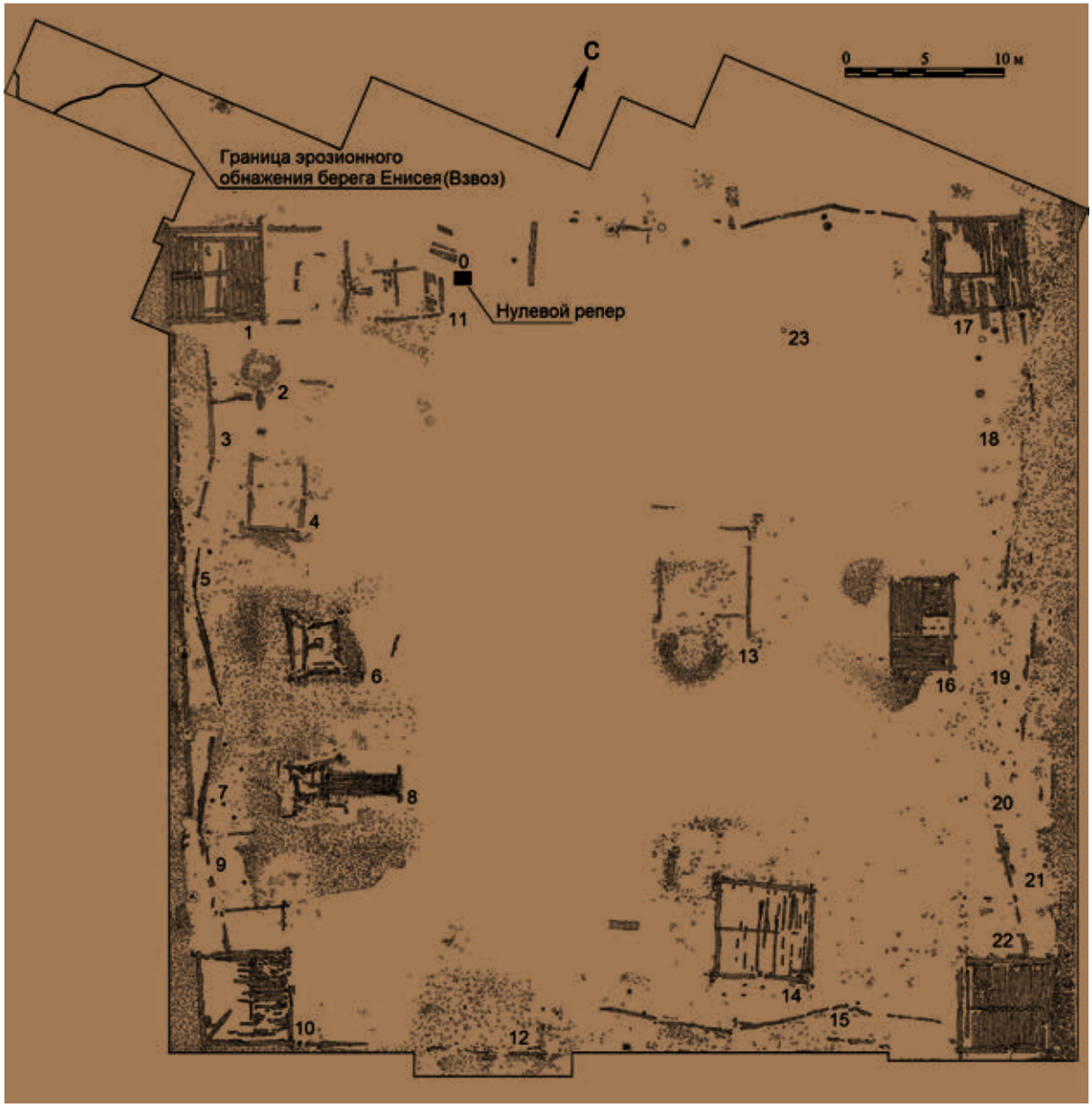
Саянское городище представляет собой хорошо заметное сооружение на поверхности 9-метровой речной террасы, состоящее из системы рвов и валов, огораживающих с напольной стороны двор городища подквадратной формы. Местные жители традиционно считают городище остатками Саянского острога, а сосновый лес вокруг него называют Крепостным бором.

Из письменных источников письменных источников известно, что в апреле–августе 1716 г. под руководством красноярских «детей боярских» А. Еремеева и И. Нашивошникова было проведено детальное обследование мест, где предполагалось строительство 2 острогов по верхнему Енисею, а уже в июне 1717 г. сибирский губернатор М.П. Гагарин отдал распоряжение о строительстве в 1717 г. этих острогов у «Саянского камени и за Саянским камнем»[46]. Однако реально было произведено строительство только одного острога — у «Саянского камени» (т. е. собственно известного нам Саянского).

При решении вопроса о непосредственном строительстве острога у «Саянского камени», который уже заранее получил соответствующее название Саянского, было установлено, что он должен сооружаться в «означенном месте», вероятно на месте современной деревни Означенное (в настоящее время находится в черте г. Саяногорска, на его южной окраине), при выходе Енисея непосредственно из Саянского каньона, где в течение 10 лет до начала строительства самого острога, возможно, находился «легкий пограничный пост»[47]. Здесь такой острог действительно мог бы прочно закрыть проход по Енисею, находясь на его высоком левом берегу. Однако из-за того, что «означенное» место, по мнению строителей, было «увалисто» и также по ряду других причин непригодно для строительства крепости, основные

[46] Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с. — С. 55.

[47] Торосов В.М. К вопросу о дате присоединения и социально-экономических последствиях включения Хакасии в состав Российского государства // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сборник материалов республиканской научной конференции / ХакНИИЯЛиИ; ХГУ им. Н.Ф. Катанова. — Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1998. — С. 32.

Саянский острог. Общий вид

строения острога силами отряда из 300 служилых людей из Красноярска под командованием «красноярского списка дворянина» («порутчика») И. Нашивошникова[48] были поставлены не на левом, а на правом берегу реки в нескольких верстах ниже по течению от назначенного пункта. На новом месте среди многочисленных островов он контролировал единое на данном участке русло Енисея. Соответственно, этим определялось его военно-стратегическое значение.

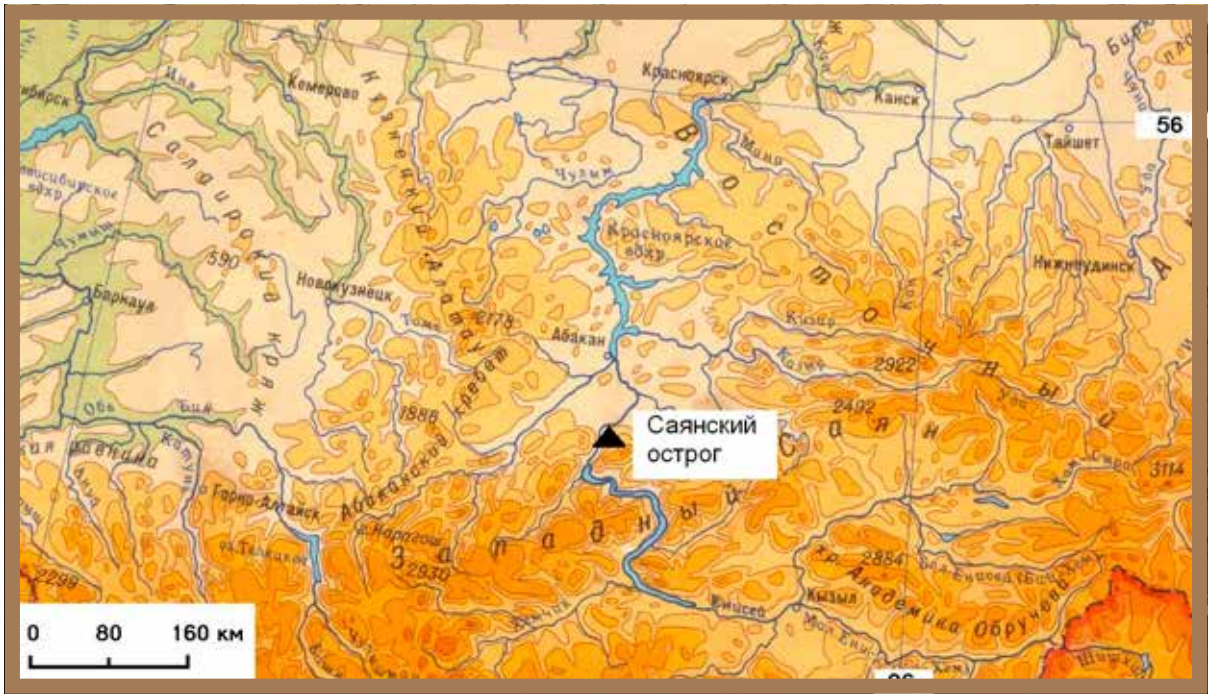
Сам острог в 1717 г. не был достроен. Его рвы и надолбы выполнялись уже на следующий год, а раскат так и не возводился. Не отразилось в имеющихся источниках и мнение местных и центральных властей по поводу строительства острога не в «означенном месте» и имевших место недоделок, хотя красноярским комендантом Д. Зубовым и производился «сыск» по данному делу, а затем также велись допросы нескольких участников строительства. В результате еще в ходе строительства И. Нашивошников был отозван в Красноярск, и дальнейшими работами руководил уже красноярский «сын боярский» Е. Тимофеев. Эти архивные сведения были впервые выявлены Г.Ф. Быконей[49].

Сохранились описания острога 1735, 1741–1742 гг., которые дают некоторое представление о его внешнем виде: это «строение одно, вокруг острога заплот рубленой в лапу. По уг-

[48] Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с. — С. 55–56.
[49] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ед. хр. 1869. Л. 17–53.

Спутниковый снимок

Физическая карта Саяно-Алтая

лам 4 башни, пятая башня проезжая — к бору, а к Енисею реке — ворота проезжие и вокруг оного острога выкопан ров и позади рва — надолбы. А в этом месте имеется две избы, да 4 избы под башнями, 2 анбара да анбар на берегу Енисея»[50]. Как видно, описание это очень краткое, оно не дает полного представления об архитектурных особенностях крепостных строений.

Еще более лаконичное описание сделано академиком П.С. Палласом, который посетил острог в 1773 г.: «Он состоит из четвероугольной деревянной крепости, обведенной рвом и окруженной рогатками, величиною 50 сажен квадратных, по углам с башнями, и двои ворота, внутри построены 5 казарм, магазейн, пороховой погреб... хотя впрочем строение изрядное»[51].

Известно, что в 1744 г. в связи с реальной опасностью нападения джунгаров Саянский острог, занимавший центральное место в системе обороны на верхнем Енисее, видимо, был перестроен заново. Ремонтные работы на площади острога производились и в последующие годы.

Созданием этого крупного опорного пункта завершилось окончательное присоединение к России южной части Приенисейского края. Спокойная политическая обстановка в верховьях Енисея, сложившаяся после заключения Кяхтинского мира (1728) и особенно после окончательного разгрома войсками империи Цин Джунгарского ханства (1758), не требовала содержания военных объектов в постоянной боевой готовности. К концу XVIII в. острог утратил свое военно-политическое значение и постепенно пришел в запустение. К 1825 г. относится первое упоминание о станице Саянской. Видимо, к этому времени острог уже не существовал. Так, первый енисейский губернатор А.П. Степанов отмечал в начале 20-х гг. XIX в., что это «укрепление совершенно разрушено»[52].

---

[50] Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с. — С. 56.

[51] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Пол. 1. — СПб., 1788. — 624 с. — С. 542–543.

[52] Степанов А.П. Енисейская губерния. — Красноярск: Издательство Горница, 1997. — 226 с. — С. 39.

Научное открытие остатков острога произошло в 1942 г. в ходе работы комплексной экспедиции Минусинского краеведческого музея[53]. Но эта информация так и осталась в виде архивного документа, и в 1973 г. главный хранитель Шушенского мемориального музея-заповедника «Сибирская ссылка В.И. Ленина» А.А. Горлевский заново нашел место расположения острога, опубликовав на эту тему статью в районной газете[54].

Первые археологические раскопки на площади острога были проведены в 1987 г. С.Г. Скобелевым и продолжены затем им же и А.В. Шаповаловым в 1995 г. В 2000 г. изучение площади двора острога и рвов было полностью завершено[55]. Это стало первым в нашей стране случаем столь полного изучения русского археологического объекта эпохи освоения Сибири.

[53] Минусинский городской государственный архив. Фонд 22. Саянский острог.

[54] Архив государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское». Фонд А.А. Горлевского.

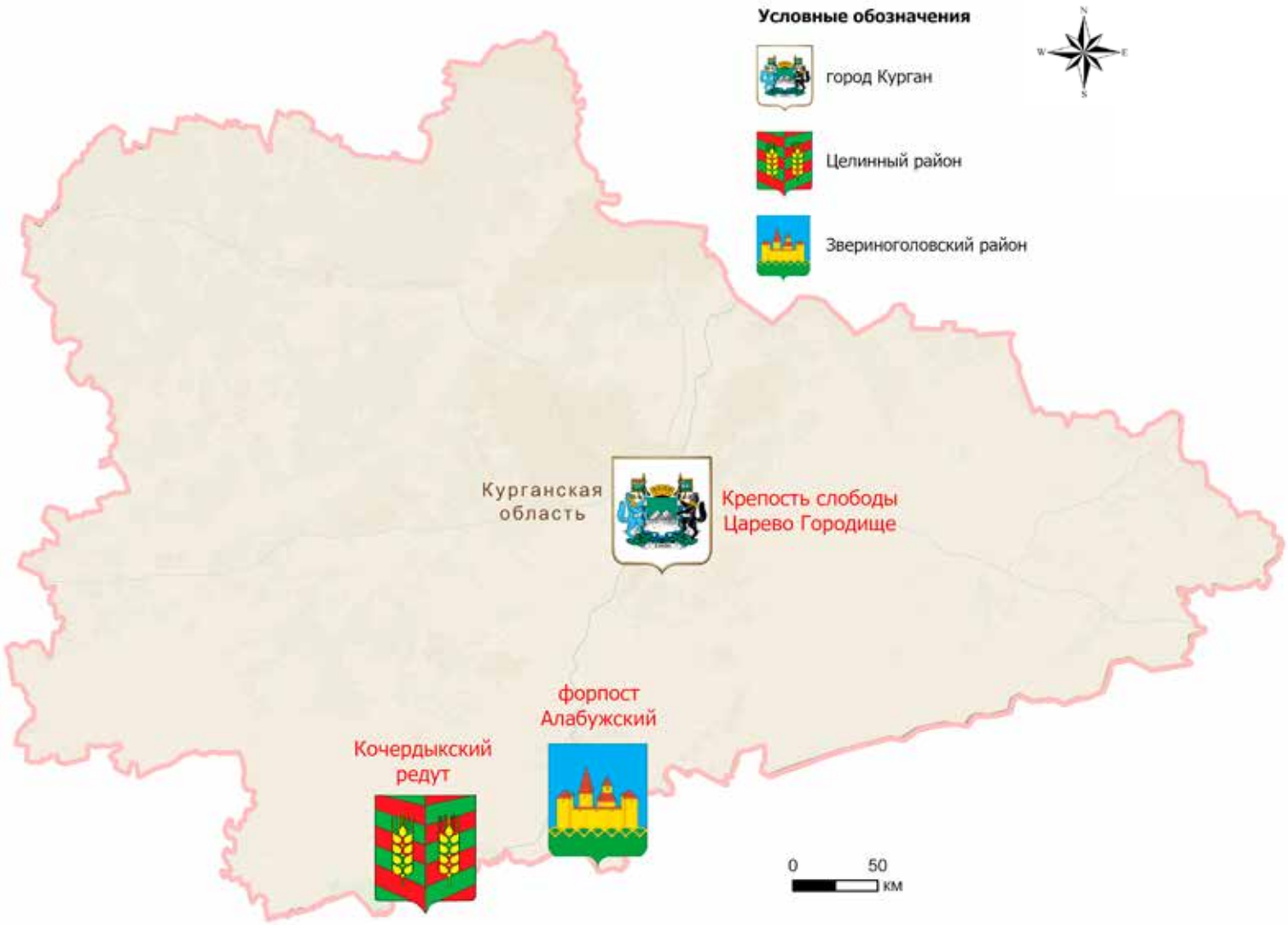
[55] Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Завершение раскопок площади двора Саянского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – Новосибирск, 2000. – С. 394–404.

КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Присоединение территории современной Курганской области началось не ранее 1600–1601 гг. после поражения и гибели сибирского хана Кучума, причем изначально затрагивало только земли по Исети. Первой централизованной попыткой укрепить здесь границу стала Исетская линия (или «Годуновская» — по имени тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова, находившегося на своей должности с 1667 по 1670 гг.). По плану тобольского воеводы П.И. Годунова для защиты южной границы России от степных кочевников стала создаваться укрепленная оборонительная линия, которая начиналась Тархановским острожком у впадения р. Тархановки в Тобол, далее шла вверх по Тоболу через Ялуторовскую слободу на р. Исети и вверх по Исети через Исетский острог, Курьинскую Слободу, Шадринскую слободу, Далматов монастырь и до Катайского острога[1]. Необходимость строительства сплошной укрепленной линии была связана как с сохраняющейся угрозой от потомков хана Кучума и их союзников, которые в 1649 и 1651 гг. нападали на Далматовский монастырь[2], так и с недавно завершившимся «башкирским» восстанием 1662–1664 гг., начавшимся с нападения на Катайский острог и Далматовский монастырь[3]. Последнее событие сильно повлияло на русские поселения, расположенные на р. Исети. Непосредственно во время восстания были сделаны попытки укрепить русские поселения по реке и между Катайским острогом и Далматовским монастырем. Юрием Малечкиным в 1662 г. была заложена слобода Царево Городище[4], по всей видимости, сожженная восставшими в этом же году, т. к. на следующий год этот же слободчик основывает Шадринскую слободу. Кроме того, важной функцией Исетской линии была защита одного из торговых путей, ведущих в Тобольск. Этим путем в Тобольск везли сельскохозяйственную, а обратно промышленную продукцию[5].

Укрепления слобод этой линии, за исключением более поздней постройки каменного кремля Далматовского монастыря, строились в общей стилистике того периода — главным типом крепостного укрепления Зауралья XVII в. являлся острог с традиционной оградой из заостренного тына. Крупный острог застраивался 2–3 рядами тына. Высота тына обычно достигала 2–3 саженей[6]. Вокруг острога по кустовому принципу основывались деревни, создавая подобие агломерации.

Активное развитие и застройка Исетской линии, временное прекращение местных восстаний и уход Кучумовичей, по-видимому, подтолкнули волну народной колонизации, в результате чего были основаны укрепленные слободы на р. Тобол, прежде всего слобода Царево Городище, в дальнейшем ставшая городом Курганом. Царская администрация в этих случаях лишь узаконивала действия частных лиц. Частному лицу выдавалась воеводская наказная памятка, тем самым это лицо становилось под контроль воеводской администрации[7]. С основанием слобод на р. Тобол Исетская линия постепенно стала терять свое значение аванпоста от набегов различных групп кочевников. Часть ее форпостов и дорог, по которым она сообщалась с другими укрепленными пунктами, оказалась заброшенной[8]. Однако роль ее западных форпостов в защите и сдерживании башкирских восстаний оставалась прежней. Кроме того, большую роль отдельные укрепленные пункты сыграли во время восстания Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., когда Шадринск стал местом сбора войск генерала Деколонга, откуда он выдвинулся и разгромил главные силы восставших в Исетской провинции, а Далматовский монастырь долгое время сдерживал отряды восставших[9].

---

[1] Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII — XVIII в. — Челябинск: Юж. Урал. кн. изд-во, 1966. — Ч. I. — 256 с. — С. 96.

[2] Там же. С. 88.

[3] Акманов И.Г., Касимов С.Ф., Гайсин У.Б., Обыденнов М.Ф., Даутов А.А. Волнения и восстания башкир в конце XVI — 60-х гг. XVII в. // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — №4. — С. 3.

[4] Менщиков В.В., Виноградов Р.О. В поисках слободы Царево Городище на р. Исеть // VI Ядринцевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор П.П. Вибе. — Омск, 2021. — С. 416.

[5] Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири XVI–XVIII в. — Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1990. — 368 с. — С. 54.

[6] Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. — 242, [6] с., 3 л. ил., карт.; 26 см. — (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР. Ин-т археологии; № 105). — С. 199–208.

[7] Менщиков В.В. Заселение русскими Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып. 1. — Курган, 1990. — С. 69.

[8] Виноградов Р.О. Чимеево-1 — ямская станция XVII века / Р.О. Виноградов // XXII Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны, Курган, 21–25 ноября 2022 года. — Курган: Курганский государственный университет, 2022. — С. 312.

[9] История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года): краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов. — Курган: Курганский гос. ун-т, 2017. — 295 с. — С. 95.

В 30-е гг. XVIII в. западнее Иртыша была построена Ишимская укрепленная линия. В ее состав входило до 60 укрепленных поселков[10]. В общей сложности она охватывала значительные пространства земель в «углу», образуемом Тоболом и Иртышом, дугой огибая степь. Она тянулась от Утяцкого форпоста вниз по р. Тобол через Царево Городище, Иковскую слободу, на правом берегу Тобола через с. Шмаковское, Верхсуерскую и Емутлинскую слободы, Рафайловсую заимку, д. Омутную, Усть-Ламенскую слободу, с. Малышкино, д. Безрукова, Коркинский форпост, д. Фирсова, далее вниз по р. Ишиму до Абацкой слободы, на другой стороне реки через дд. Иковскую, Рогалихинскую, Зудиловскую, Ейский форпост, д. Усть-Бызовскую, Большерецкий форпост, дд. Пустынную и Бетеинскую и соединялась с Омской крепостью. Всего на этой линии длиною в 1086 км 228 м по ведомости 1743 г. состояло на службе 2916 регулярных и нерегулярных людей[11]. По общераспространенной версии, линия утратила свое значение после строительства Пресногорьковской оборонительной линии в 1752–1754 гг. Тем не менее на карте 1804 г., составленной Звериноголовской инженерной командой, укрепления Ишимской линии обозначены наряду с действующей на тот момент Нижне-Уйской дистанцией Оренбургской пограничной линии[12]. Изогнутое расположение линии было обусловлено привязкой местности — линия проходила по северному краю степи и прикрывала в т. ч. Сибирский тракт.

Еще одной оборонительной линией, существовавшей на территории современной Курганской области, была Нижне-Уйская оборонительная линия, или Нижне-Уйская дистанция Оренбургской пограничной линии[13], строительство которой было завершено в 1743 г. Первые укрепления русских поселенцев появились здесь в конце XVII в. Недалеко от будущей крепости Усть-Уйская, при впадении р. Уй в р. Тобол, в последней четверти XVII в. располагалась заимка Далматовского монастыря с укрепленным дворцом[14]. Позднее во времена башкирского восстания дворец был, по всей видимости, сожжен, а заимка перестала существовать. Кроме того, необходимо отметить, что, согласно картографическим источникам, в период между строительством Уйской дистанции Оренбургской пограничной линии в низовьях р. Уй существовало некое укрепление, обозначенное на них как «Караульный городок»[15]. В настоящий момент «Караульный городок» не идентифицируется по письменным источникам и не отождествляется с каким-либо укреплением Уйской линии. Кроме того, последние исследования Г.Х. Самигулова указывают на возможное существование в преддверии строительства линии двух «компанементов» — укрепленных лагерей: Усть-Уйского и Абугинского[16].

Строительство Нижне-Уйской дистанции было связано с желанием заселить междуречье рр. Миасс и Уй. Эта местность стала внутренней территорией Российской империи после того, как в 30-х гг. XVIII столетия хан Младшего казахского жуза Абулхаир принял русское подданство[17]. Кроме того, предполагалось, в случае выдавливания части племен Младшего жуза, они временно смогут разместиться за линией будущих укреплений[18]. Начало строительства связано с указом сената от 19 августа 1739 г., направленным генерал-лейтенанту В.А. Урусову, по которому предписывалось ставить крепости вниз по р. Уй и Тобол до слободы Царево Городище[19]. Тем не менее указ вовремя исполнен не был, и строительством линии укреплений занял-

---

[10] Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Научные труды. Т. III, ч. 1, [редкол.: А.А. Зимин и др.; вступ. ст. В.И. Шункова]; Акад. наук СССР, Ин-т истории. — М.: Изд-во Акад. наук СССР. — 377 с. — С. 160.

[11] Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: Строительство Сибирских укрепленных линий. — Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. — 176 с. — С. 63.

[12] Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 9. Д. 2. Л. 4.

[13] Самигулов Г.Х. Формирование пограничных линий в Зауралье XVII–XIX вв. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование: материалы VI международной научно-практической конференции / под ред. Г.Х.Самигулова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С. 59.

[14] Плотников Г.С. Описание мужеского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (в Екатеринбургской епархии Пермской губернии). — Екатеринбург: Типография М.И. Филипповой, 1891. — 113 с. — С. 41.

[15] Кириллов И.К. Атлас Всероссийской империи. СПб., 1722–1737 гг. л. 19. [Фоторепрод.] / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. — Ленинград [Санкт-Петербург], 1959. — 1 атл. (31 л.). — Л. 21.

[16] Самигулов. Г.Х. Формирование пограничных линий в Зауралье XVII–XIX вв. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование: материалы VI международной научно-практической конференции / под ред. Г.Х.Самигулова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С.51.

[17] Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII вв. — Челябинск: Юж.Урал.кн. изд-во, 1966. — Ч. I. — 256 с. — С. 103.

[18] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1865. — 3066 с. — С. 113.

[19] Полное собрание законов Российской империи. — СПБ, 1830. — Т. X. — 998 с. — С. 867.

ся И.И. Неплюев, направленный в 1742 г. для «утверждении границы»[20]. В состав Нижне-Уйской дистанции изначально входило 4 крепости: Троицкая, Каракульская, Крутоярская и Усть-Уйская, а также редуты Ключевский, Березовский, Луговой, Кочердыкский и Озерный. Позднее из вновь построенной Тоболо-Ишимской пограничной линии были переданы крепости Звериноголовская и редут Алабужский.

Главной отличительной особенностью новой линии служит отказ от сплошной системы укреплений — отсутствие непрерывной лесной или земляной ограды. Длинные линии такого типа требовали огромных работ при их возведении, затрудняли их поддержку в надлежащем порядке и исправности, не служили надежным оплотом от неприятельских вторжений по причине огромного протяжения (в особенности в местах, где не накопилось достаточно войска)[21].

Помимо препятствий в виде естественных укреплений, при строительстве Уйской линии сооружались крепости, редуты и маяки. Ограды в крепостях имели полигональное расположение, с небольшими на углах бастионами и по середине длинных сторон реданами. Эти выступы предназначались для размещения орудий. Редуты имели квадратную форму с двумя малыми бастионами на противоположных углах, в каждом по 1 орудию. Стены состояли из вала, рва и заплота. Ров дополнительно окружался рогатками. В крепостях этой дистанции были расквартированы драгунские и пехотные роты[22]. Эта линия крепостей, несмотря на постепенное удаление границ государства от ее непосредственного расположения, долгое время не теряла своей актуальности, продолжая оставаться буфером между башкирами и казахами, а впоследствии выполняя функции таможни. Так, коменданту Троицкой крепости, фактически управлявшему всей линией, были поручены «заграничные дела»[23].

В пользу того, что линия не теряла своего значения, говорит и рапорт поручика Г.Ф. Генса, составленный им по итогам осмотра всей линии в 1814 г. В нем довольно подробно описывается состояние всей линии, приводятся расчеты стоимости обновления укреплений линии. По свидетельству Г.Ф. Генса, крепости еще сохранили изначальные укрепления в виде деревянных заплотов, но уже утратили рвы и валы. В то же время сохраняются разъезды между редутами и крепостями, служащие для разведки и осмотра границы. При этом Г.Ф. Генс делает вывод о необходимости приведения укреплений в порядок, предлагая использовать в качестве рабочей силы башкирцев, несущих на линии летнюю службу, выплачивая им за данную работу от 15 до 20 копеек в день. Также он приводит стоимость в 500 рублей возведения укреплений в виде бруствера и вала для редута, имеющего 100 саженей в длину. Интересны данные, которые поручик приводит касаемо состава войск в укреплениях: в крепостях это 16 рот драгун; в редутах это казачьи команды и набираемые в кантонах на время летней службы башкирцы. Сверх существующих войск предлагается сформировать из башкирцев 10 регулярных полков по 500 человек в каждом. Вооружить их предполагается дротиками и саблями, двумя пистолетами на каждого рядового, винтовками вместо карабинов. Необходимость вооружения винтовками вместо карабинов связана с характером опасности — это быстрые набеги малыми группами, делающие ненужной массовую и скоростную стрельбу кавалерии. Форму для войск предлагается ввести подобную уланской. Офицерский состав комплектовать из числа служивших в регулярной легкой кавалерии[24]. Часть рекомендаций поручика, по всей видимости, была выполнена, т. к. отдельные укрепления строились до 1835 г. В 1860–1870-х гг. Нижне-Уйская дистанция Оренбургской пограничной линии, как и вся линия, стала утрачивать значение. В апреле 1862 г. было упразднено Оренбургское комендантское правление, пограничная линия была ликвидирована, крепости и редуты стали обычными населенными пунктами.

---

[20] Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева: 1693–1773. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. – VIII, 197 с. – С. 134.

[21] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1865. – 3066 с. – С. 64.

[22] Рычков П.И. Топография Оренбургская: То есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, / Сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1762. – 8°. Ч. 2. – 1762. – 262 с. – С. 149–151.

[23] Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / Соч. П.И. Рычкова 1762 г. – Оренбург: изд. на средства Ф.И. Базилев. Оренбург. отд. Рус. геогр. о-ва, 1887. – VIII, 406 с. – С. 240.

[24] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф.249. Д.26. Л.1–22.

Карта Царства Сибирского 1732 г. [Кириллов И.К. Атлас Всероссийской империи. СПб., 1722–1737 гг. Л. 19. [Фоторепрод.] / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. — Ленинград [Санкт-Петербург], 1959. — 1 атл. (31 л.)]

Болотная страна
КАРТА
ЦАРСТВА СИБИРСКОГО.
CHARTA GEOGRAPHICA.
Partis Meridionalis Provinciæ Tobolsciensis in qua non tantum urbs principalis Tobolski ed et reliquæ Urbes, suburbia, vici et pagitam Russicis incolis, quam barbaris nationibus habitati. una cum omnibus fluviis. rivis. lacubus. sylvis. desertis. montibus. nec non fodinis ferri et cupri abundantissimis. designati Sunt Delineata à Petro Czicznagovo. Anº 27:
Nunc in Atlantem Russicum relata, à Johanne Kyrilov, primario Senatus secretario. Anº 1732:
Sculpsit Alexius Zubov.
Степь

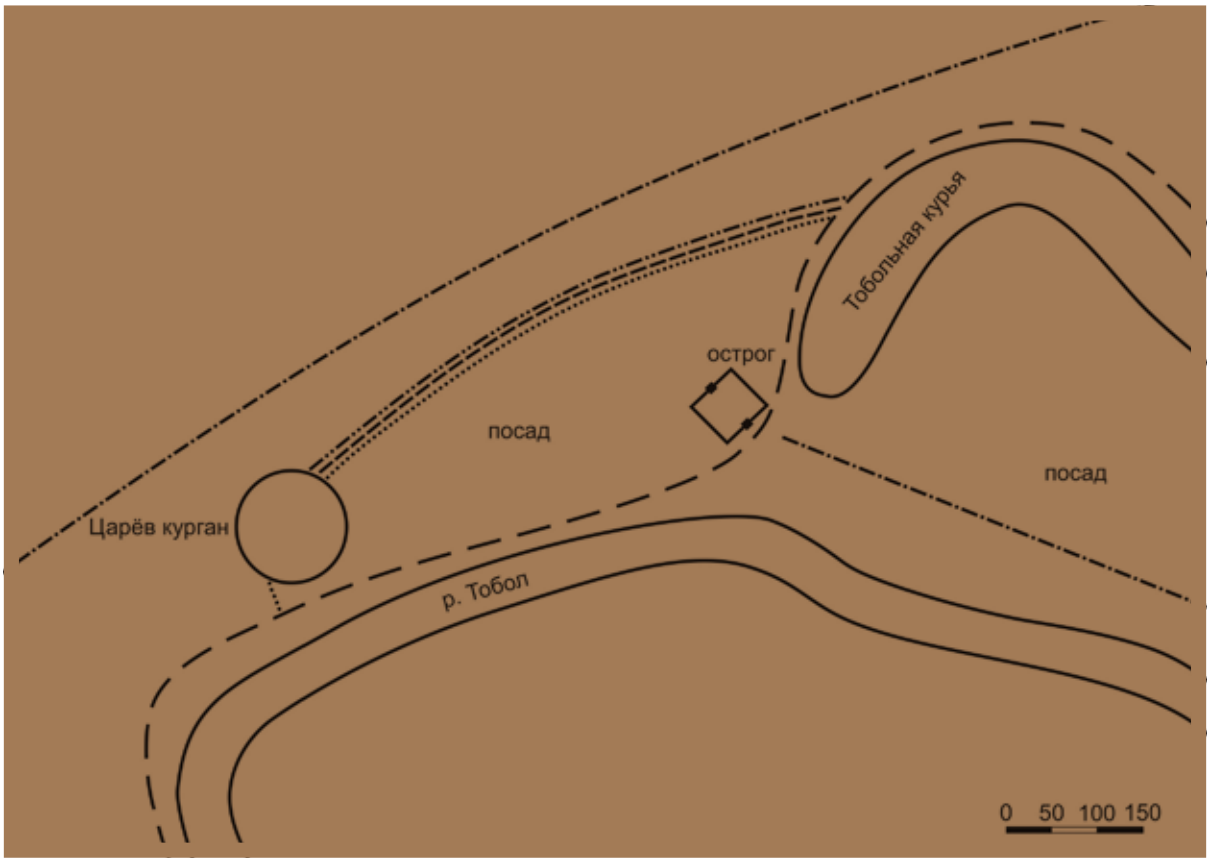
КРЕПОСТЬ СЛОБОДЫ ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ (ЦАРЕВ КУРГАН)

В 1679 г. слободчиком Тимофеем Невежиным была основана слобода Царево Городище, или Царев Курган (современный город Курган), на Тоболе, которая на некоторое время стала самым южным опорным пунктом русского заселения в этом регионе[25]. В историографии долгое время считалось, что изначально она была основана на Арбинском яру (сейчас микрорайон «Энергетики» города Кургана), но после 1695 г. в связи с обрушением берега перенесена на новое место ниже по течению реки (примерно в район Троицкой площади города)[26]. Исследованный картографический материал С.У. Ремезова убеждает, что перенос слободы или уход части слободского населения мог происходить неоднократно, особенно в условиях временного спада казахских набегов на Притоболье между 1695–1699 гг.[27] Однако с 1700 г. набеги казахов и каракалпаков становятся не просто ежегод-

[25] Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография / под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. — 254 с. — С. 24–25.

[26] Абрамов Н.А. Слобода Царево-Городище до переименования ее городом Курганом, Тобольской губернии // Вестник Императорского русского географического общества. Кн. III. — СПб., 1854. — С. 101; Васильева А.М. Забытый Курган. — Курган: Зауралье, 1997. — 359 с. — С. 30; Игнатьев Р.Г. Памятники древностей в Курганском округе, Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. — 5 мая 1873 г. — № 18. — Часть неофициальная. — С. 2.

[27] Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. — Т.7. — Курган: Зауралье, 2002. — С. 55; Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография / под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. — Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. — 254 с. — рис.2, 7, 9–10, 12.

Реконструкция возможного расположения укреплений первой крепости слободы Царево Городище
Авторы Д.Н. Маслюженко, М.С. Петров, Ю.Е. Чечулина

ными, а, по сути, ежемесячными, и с 1703 г. крестьяне начинают покидать восточный берег Тобола[28]. В результате крепость слободы должна была защищать не только население самой слободы, но и относящиеся к ней деревни. Проведенные в центре города Кургана многочисленные раскопки пока не дали нумизматических материалов ранее 1739 и начала 1740-х гг., т. е. конца правления Анны Ионовны и начала правления Елизаветы Петровны.

Таким образом, значительную часть своего времени в качестве военного центра русского освоения Притоболья крепость должна была располагаться на Арбинском яру, между Тоболом и озером, которое в источниках называется Курганской курьей («озеро Сухое», «озеро», «черное займище» иных источников). Обратим внимание, что именно на это место указывал полковник Д. Мейн, который по приказу Петра I лично объезжал слободы по Исети и Тоболу для выявления их боеготовности: «Стоит оная над Тоболом в крепком месте вниз едучи на левом берегу. В той слободе пристойно быть городу и драгунским ротам»[29].

Источники не дают нам информацию для того, чтобы обсуждать изначальные укрепления слободы. В.Д. Пузанов предположил, что первые подобные строения были разрушены к началу 1690-х гг. в период натиска казахов[30], когда в 1692 г. даже была перебита полусотня слободы. По его данным, в том же году в слободе был отстроен «город кремль рубленой в клетки под крышкою» с проезжими воротами под башней высотой 2 сажени 8 вершков (около 4,6 м). В северной стене были ворота, прикрытые бастионом, которые вели в некий «новый город» «лежачей, рубленый в углы» с проезжей каланчей (то есть башней для дозорных) и воротами. От Тобола до «Тоболной Курьи» дополнительно шел также ров с надолбами и рогатками в 170 сажен (около 350 м)[31]. Структура рубленого кремля достаточно традиционна: он состоял из отдельных «клеток», то есть двух рядов рубленых стен на расстоянии до 4 м друг от друга и перекрытых сверху крышками. Эти стены могли как заполняться внутри землей или строительным мусором, так и использоваться как хозяйственные и жилые помещения или как внутренние коридоры[32]. При этом крепость явно состояла из двух разнородных в плане фортификации частей, подобно Окуневской слободе[33]. Насколько можно понять по этому описанию, ворота «кремля» под башней были расположены в северной стене и прикрыты бастионом. Пройдя через них, можно было попасть в «новый город», построенный по другому принципу. Можно предположить, что надолбы и рогатки прикрывали обе части крепости с юга, именно между озером и ре-

[28] Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. — Т. 7. — Курган: Зауралье, 2002. — С. 58.

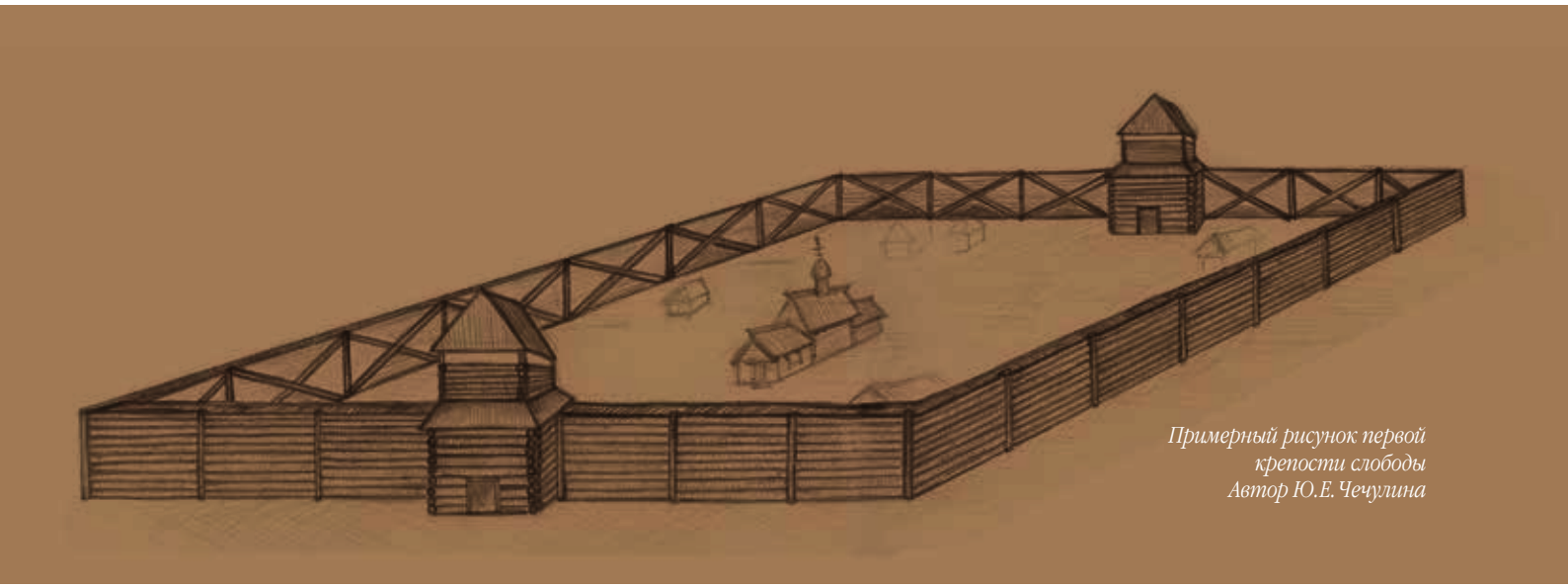
[29] Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: В 2 т. Т.2. Текст рукописи, комментарии Е. Дергачевой-Скоп и В. Алексеева. — Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. — 170 с. — Л. 43.

[30] Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. — Т. 7. — Курган: Зауралье, 2002. — С. 100.

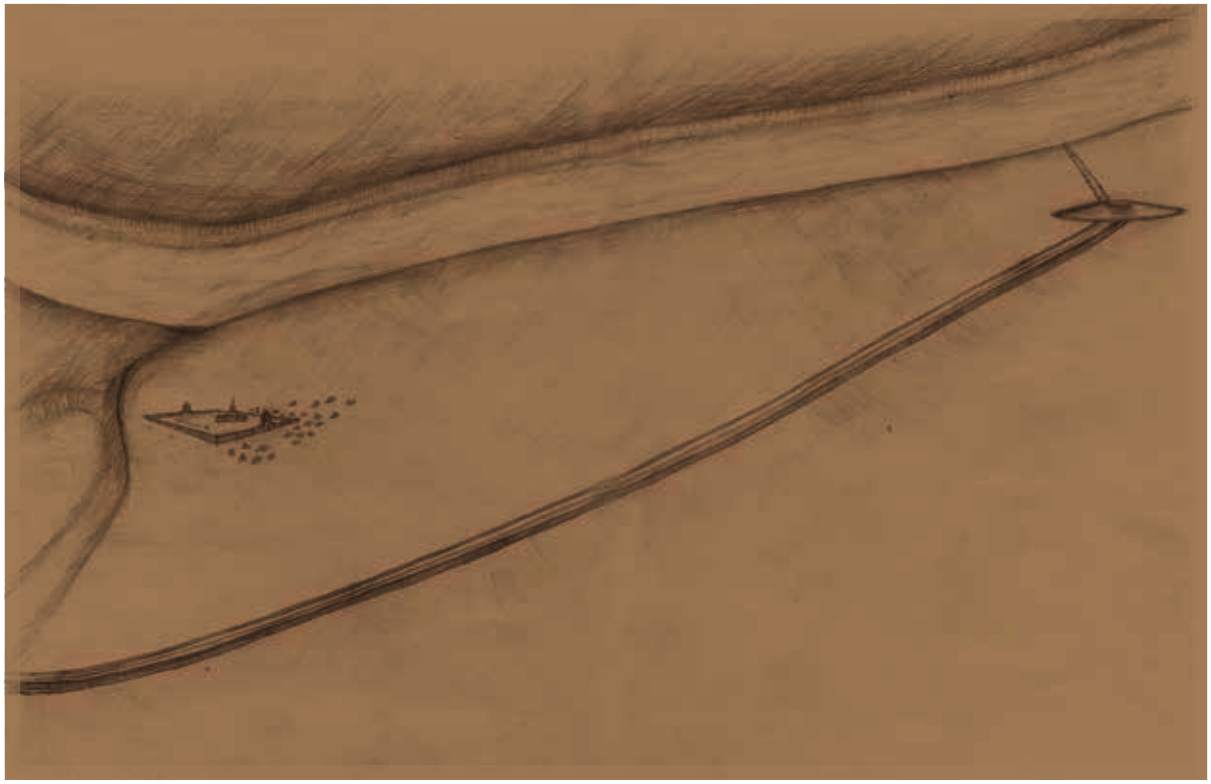
[31] Там же. С. 100–101.

[32] Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. — Чебаркуль; Челябинск: ЧПО «Книга», 2011. — 280 с. — С. 61.

[33] Там же. С. 63.

Примерный рисунок первой крепости слободы Автор Ю.Е. Чечулина

Крепость слободы Царево Городище с высоты птичьего полета. Автор Ю.Е. Чечулина

кой. Дело в том, что через слободу проходил торговый путь, который вел по высокому берегу Тобола из степей в русские слободы. Он шел с юга напрямую через степи и выходил к слободе именно между рекой и озером, где, видимо, был брод через Тобол[34]. При этом на чертежах С.У. Ремезова до 1697 г. видно, что озеро было частью старого русла Тобола, а затем обмелело, что и открыло слободские укрепления.

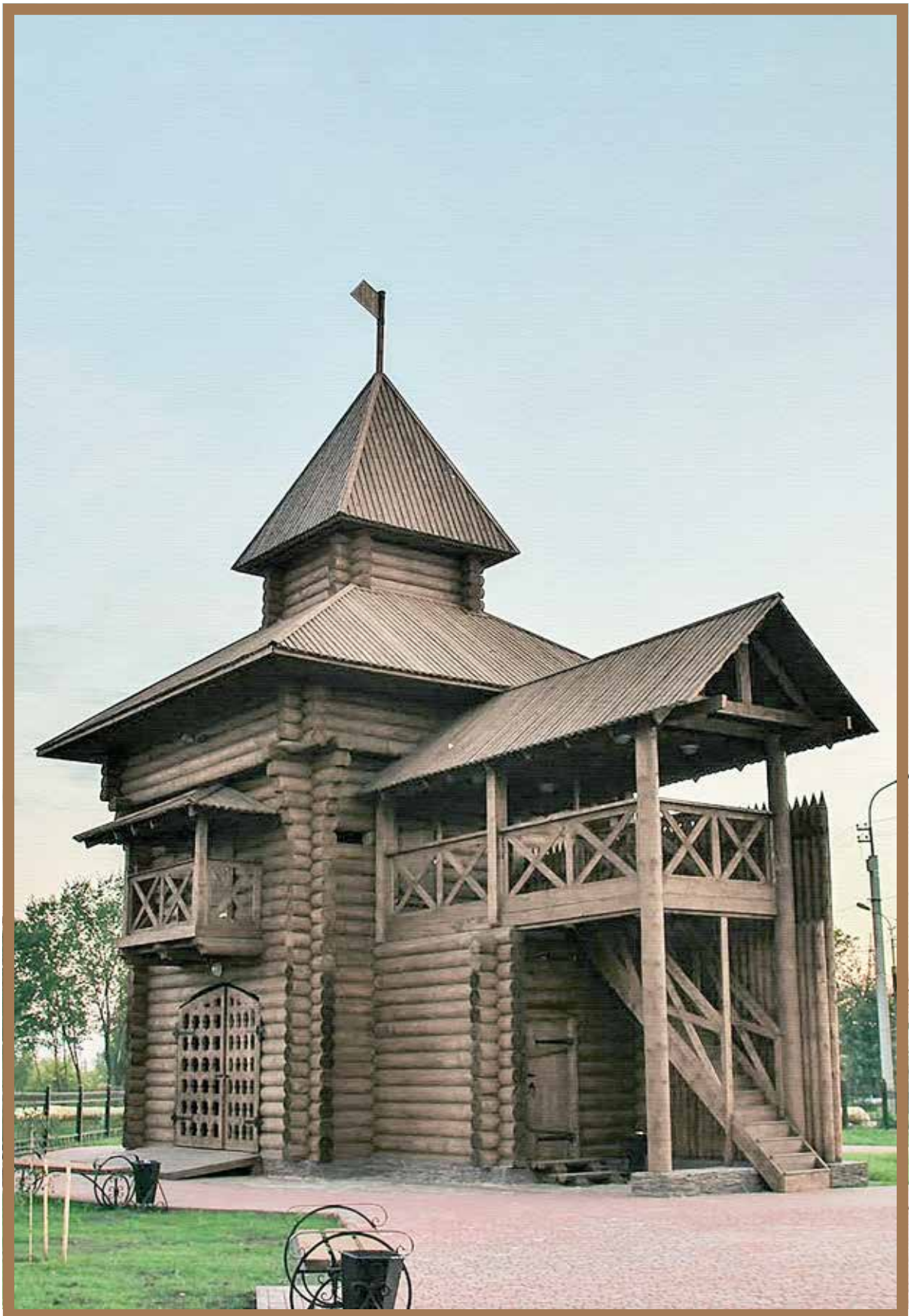
Скорее всего, по приказу Д.Я. Мейна укрепления были частично достроены в 1701 г., когда в слободе были размещены 2 роты Сибирского полка. По данным А.Д. Кузьмина и П.В. Варлакова, в 1702 г. «в той слободе острог рубленый лежачей мерою 125 сажен. В том остроге 2 башни проезжие по 5 (6?) сажен, 2 выхода земляные на Тобол реку и на озеро мерою по 30 сажен. Около того острогу и посаду от озера до горы рву мерою 390 сажен. Глубина рву 2 сажени, ширина тож. Подле тот ров вал земляной. Вышина сажень (и надолбы и рогатки). И надолбы и рогатки от горы до Тоболу реки рогаток 30 сажен. Около подгорного посаду от Тобола и до озера надолб 80 сажен...»[35]

Таким образом, центром слободы была крепость, защищенная т. н. «лежачим» острогом. Он был аналогичен «новому городу» 1692 г., т. е. вполне возможно, что Д.Я. Мейн не отстраивал всю крепость, а частично использовал стены предшествующего укрепления. При сооружении такой стены бревна ложились горизонтально в «заплот» (заводились в пазы вертикальных столбов), общая длина стены была более 260 м. При этом форма крепости неизвестна, но, скорее всего, она была 4-угольной. По данным Н.П. Крадина: «Деревянные рубленные стены имели деревянную двускатную крышу, стропильная конструкция которой держалась на внешней стене и на столбах с внутренней стороны города. Столбы опирались на выпуски верхних бревен поперечных стенок-перерубов»[36]. В остроге уже было 2 башни с проезжими воротами высотой более 10 м каждая (по всей видимости, они вели примерно на север и на юг). Вокруг крепости был расположен

[34] Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.): монография / под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 254 с. – 2.

[35] Описание известно по двумя источникам с некоторыми расхождениями: Варлаков П., Кузьмин А. Друзья и враги Тимофея Невежина // Альманах «Тобольск и вся Сибирь». – Курган. XXIII том. – Тобольск: Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. – С. 267; Самигулов Г.Х. О фортификационных сооружения Зауралья XVII-первой половины XVIII века // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: статьи и материалы III и IV международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». – Архангельск: Новодвинка, 2016. – С. 228.

[36] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1987. – 142 с. – С. 16.

Современная реконструкция стены крепости слободы Царево Городище. Авторы проекта В. и В. Хорошаевы

большой посад, который мы видим и на чертеже 1700 г. Посад был капитально укреплен между Тоболом и озером, т. е. с северной, наиболее открытой стороны, рвом длиной почти 840 м, глубиной и шириной более 4 м. Рядом со рвом был вал более 2 м высотой. Кроме того, вдоль него дополнительно были построены надолбы и рогатки. Под первыми имелись в виду короткие тупые бревна, расположенные рядами, примерно на метр торчащие из земли и наклоненные в сторону противника, под вторыми — легкие переносные укрепления, состоящие из продольного бруса, в который врубались поперечные крестовины из заостренных кольев. Значительный по размерам царский курган («гора») был вписан в линию посадских укреплений. На момент раскопок кургана К.В. Сальниковым в 1959 г. высота кургана была 5,5 м, диаметр 92 м, ширина рва 13 м при глубине 1 м, при этом в нем имелось 2 разрыва шириной до 18 м[37]. П.С. Паллас описывал, что кроме рва вокруг кургана был еще и вал высотой «с лишком полторы сажени»[38], т. е. около 3,3 м. Сама вершина кургана могла быть использована в качестве дополнительного караульного пункта. От этого кургана до реки также шли надолбы и рогатки (длина конструкции около 65 м). С учетом расстояния между ними и возможности переноса рогаток именно здесь располагался наиболее очевидный вход на территорию посада. С юга между озером и рекой, так же как в 1692 г., были построены надолбы общей протяженностью почти 170 м. Как мы можем увидеть, имеются значительные сходства между частью укреплений и их расположением в 1692 и 1702 гг. Хотя значительное увеличение посада потребовало отдельного укрепления всей его площади. Обращает на себя и достаточно уникальное указание на 2 подземных хода примерно по 60 м, которые вели к реке и озеру. Его важность, во-первых, заключается в самой информации о наличии ходов, во-вторых, в том, что длина этих ходов показывает расположение крепости не на берегу реки. Исходя из этого, ясно, что их обвал не мог напрямую угрожать укреплениям и стать основной причиной переселения.

Именно географические ориентиры (указание на курган/гору и озеро) убеждают в размещении крепости как в 1692 г., так и в 1702 г. на старом месте, на Арбинском яру. Остатки этих укреплений сохранялись еще в 1749 г. у д. Курганской: «...от оной Курганской деревни например расстоянием близ полуверсты город лежачий в столбах от Тобола реки до черного займища, поперек того городу состоит на полверсты»[39]. На тот момент от укреплений сохранился, видимо, и сам острог, и часть надолбов. По мнению Г.Х. Самигулова, деревянные укрепления без обновления могли простоять от 15 до 20 лет[40], т. е. крепость сохраняла свое значение до 1720-х гг., что в принципе вполне резонно, поскольку крепости Старо-Ишимской оборонительной линии были построены только в 1730-х гг. В результате необходимо отказаться от версии о переносе слободы Царево Городище на новое место в район современной Троицкой площади города еще в 1695 году[41]. Очевидно, что в условиях сохранения военной опасности это было практически невозможно. И.П. Фальк, по сути, верно писал, что «по учреждении же в 1738 году Оренбургской линии, Царев курган оставался далеко во внутренности, лишился своего гарнизона и укрепления и ныне упадает»[42].

Скорее всего, именно эту разрушающуюся крепость описывают еще два источника. Во-первых, в 1741 г. в слободе был составлен ответ на запрос Г.Ф. Миллера: «крепостное строение около той слободы Царево Городище деревянное, заплот лежачий, ров, надолбы и рогатки, мерою той крепости 850 сажен». Не ясно, как была получена эта «мера», но ее размеры значительно отличаются от всех описаний укреплений на Арбинском яру, зато вполне правдоподобны для нового места. Последнее имеющееся у нас описание уже 1749 г.: «И при оном Царевом кургане имеетца городового строения город Кремль рубленой з двумя башнями проезжими да город же лежачей в столбах, при нем четыре башни проезжие да восемь бастионов и оные крыты

[37] Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) // История Курганской области. — Т. 7. — Курган: Зауралье, 2002. — С. 38.

[38] Паллас П.С. Путешествие по разным частям Российского государства. — Часть II. Кн. 2. — СПб., 1786. — 571 с. — С. 59.

[39] Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. «Дивизионная канцелярия командующего войсками Сибирской дивизии и линиями Военной коллегии». Оп. 1. Д.21. С.101–101 об.

[40] Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. — Чебаркуль; Челябинск: ЧПО «Книга», 2011. — 280 с. — С. 61.

[41] Абрамов Н.А. Слобода Царево-Городище до переименования ее городом Курганом, Тобольской губернии // Вестник Императорского русского географического общества. — Кн. III. — СПб., 1854. — С.103–104.

[42] Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ея президента. Т. 6. Записки путешественника Фалька. Ч. 1. Путешествие от С.Петербурга до Томска. — Санкт-Петербург: при Императорской Академии наук, 1824. — X+546 с. — С. 351.

драницами, надолбы, рогатки и ров. Из оного числа требуетца к полнению за ветхостью кругом того Царева кургана вновь починки»[43]. Несмотря на упоминание бастионов, в целом крепость сохраняла архаичные черты, характерные для зауральских фортификационных сооружений[44].

Какова же была крепость после переноса слободы на новое место, примерно в район современной Троицкой площади Кургана, нам неизвестно. Так, в путевых заметках П.С. Палласа, который в 1770 г. записал свои впечатления о Царевом Городище, указано: «Оная слобода окружена пространным рвом и деревянною крепостью, от которой почти ничего более кроме ворот и башен не осталось»[45].

Таким образом, крепость слободы на Арбинском яру строилась и перестраивалась как минимум, трижды — в 1679, 1692 и 1701 гг.[46] В 1720–1730-х гг. слобода была перенесена на новое место, причем доказать наличие и описание крепости на новом месте пока довольно проблематично. На данный момент лишь описание 1702 г. дает более-менее полную картину того, какими были укрепления слободы и где они располагались. При этом отдельной проблемой является реконструкция того, что стояло внутри первых основных слободских укреплений, кроме деревянной церкви во имя Дмитрия Солунского. Там могли быть казармы гарнизона и дом командира, а также различные виды складов и магазинов. С учетом конструкции стен часть из них могла быть скрыта внутри них.

В память о первом поселении в 2013 г. на окраине жилого района Энергетики города Кургана, построенного на месте первого расположения слободы, был возведен культурно-исторический комплекс: парк «Царево Городище». По проекту Валерия и Владимира Хорошаевых была построена деревянная сторожевая башня площадью 36 м² и высотой 18 м, а также воссоздан фрагмент крепостной стены. В 2020 г. на территории комплекса появилась входная группа с двумя башнями и входными воротами. В сторожевой башне создана экспозиция, посвященная истории освоения Южного Зауралья, основанию Царева городища и раскопкам Царева кургана. На втором этаже башни подготовлен фрагмент экспозиции «Быт сибирского крестьянина». Этот парк является местом проведения множества культурных мероприятий города.

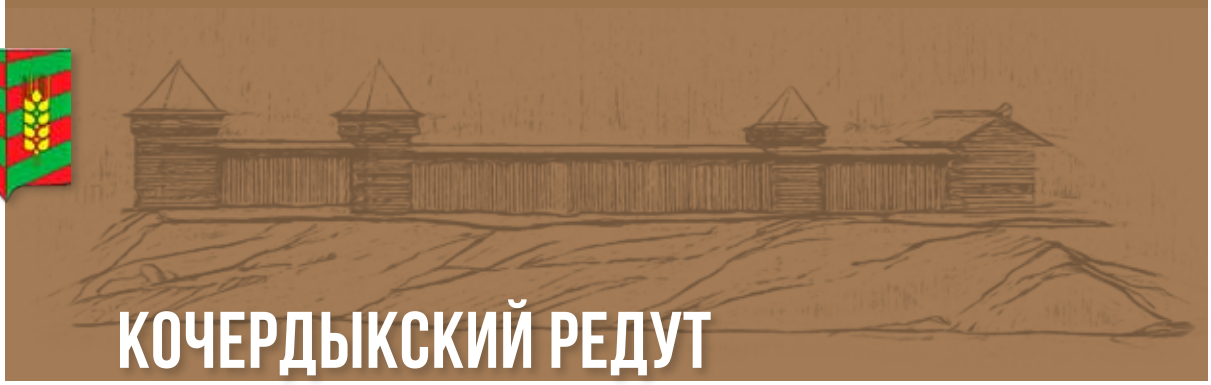
---

[43] Цит. по Васильева А.М. Забытый Курган. — Курган: Зауралье, 1997. — 359 с. — С. 32–33.

[44] Самигулов Г.Х. О фортификационных сооружения Зауралья XVII-первой половины XVIII века // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: статьи и материалы III и IV международной научно-практической конференции «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». — Архангельск: Новодвинка, 2016. — С.236.

[45] Паллас П.С. Путешествие по разным частям Российского государства. — Часть II. — Кн. 2. — СПб., 1786. — 571 с. — С. 60.

[46] Маслюженко Д.Н., Петров М.С., Чечулина Ю.А. Укрепления слободы Царево Городище: возможности исторической и художественной реконструкции // XIV Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. — С. 7–9.

КОЧЕРДЫКСКИЙ РЕДУТ

Был обнаружен при просмотре спутниковых снимков.

История редута «Кочердыкский» тесно связана с историей Нижне-Уйской укрепленной пограничной линии. Строительство цепочки укреплений должно было быть начато в соответствии с указом Сената еще в 1739 г.[47], однако было отложено в связи с разгоревшимся в этот год башкирским восстанием[48]. Вновь к строительству укреплений по всей протяженности линии приступили с прибытием И.И. Неплюева в 1742 г.[49] Датой строительства первых укреплений редута «Кочердыкский» можно считать 1743 г.[50] Изначальный план редута приведен у Ф.Ф. Ласковского: «Крепостцы и редуты на уйской линии состояли вообще из заплота… Редуты имели квадратную фигуру с двумя на противоположных углах малыми бастионами в каждом на 1 орудие. Все эти оборонительные ограды окружены были рядом рогаток»[51]. Долгое время, по-видимому, редут был укреплен в соответствии с планом, укрепления его никак не ремонтировались и постепенно или были разобраны, или пришли в негодность.

Уже в 1814 г. поручик Г.Ф. Генс по поручению оренбургского губернатора князя Григория Семеновича Волконского произвел осмотр укрепленных пунктов Уйской линии, в т. ч. и Кочердыкского редута: «Расположен при конце леса, занимающего все пространство между им и Озерным редутом, составляющее 28 верст на ровном месте, которого почва песок. Он ничем не укреплен, но со вре-

---

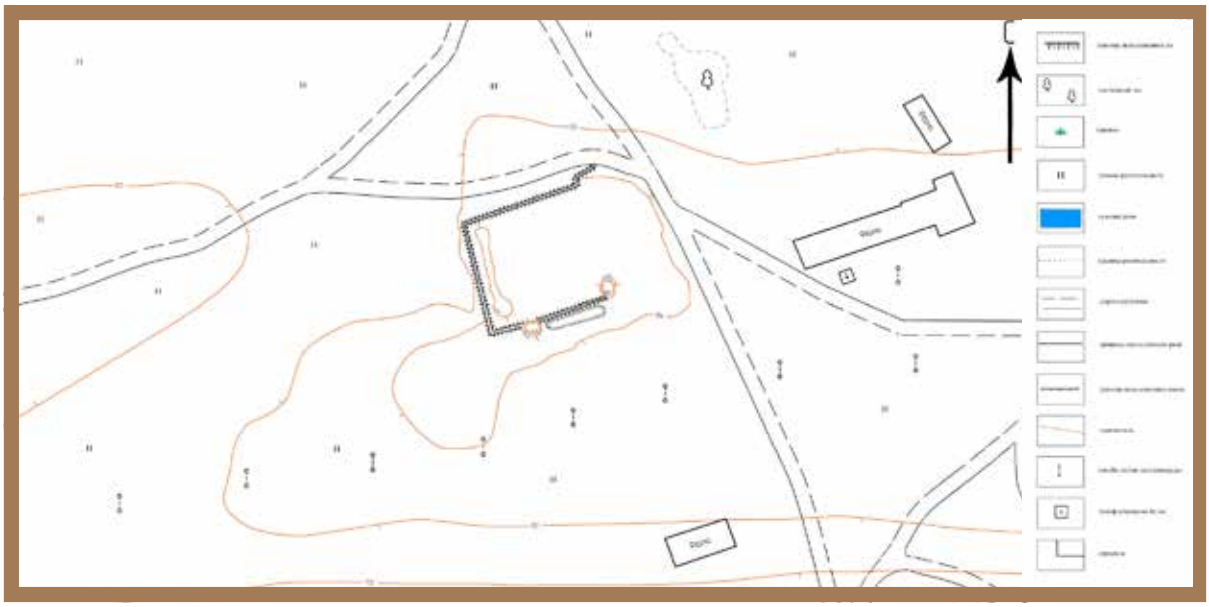
[47] Полное собрание законов Российской империи. — СПБ, 1830. — Т. X. — 998 с. — С. 867.

[48] Самигулов Г.Х. Формирование пограничных линий в Зауралье в XVI–XVIII вв. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Х. Самигулова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С. 51.

[49] Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева: 1693–1773. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. — VIII, 197 с. — С. 134.

[50] Самигулов Г.Х. Формирование пограничных линий в Зауралье в XVI–XVIII вв. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Х. Самигулова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С. 68.

[51] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. — СПб.: Императорская Академия наук, 1865. — 3066 с. — С. 116.

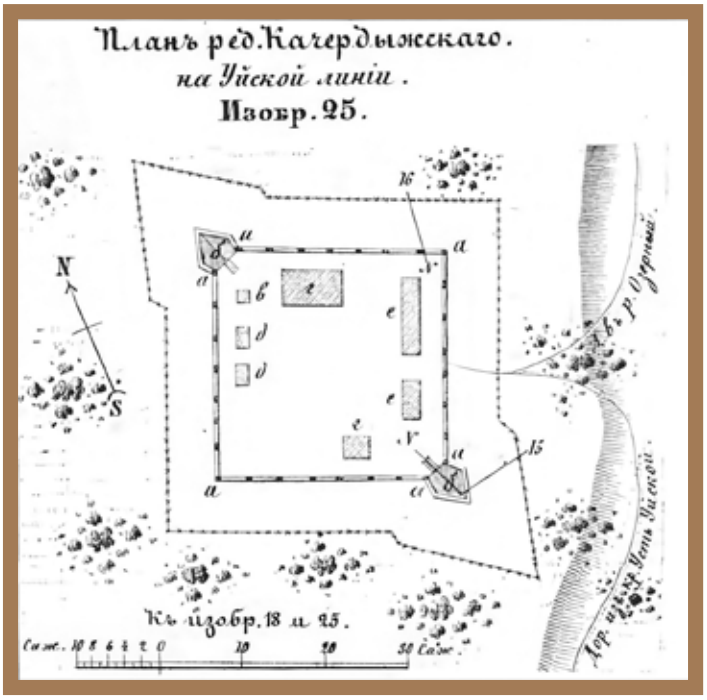
Топоплан Кочердыкского редута

Место расположения Кочердыкского редута, 2023 г.

менем может быть окружен палисадом таким же образом, как в Озерном редуте сказано. Ныне от киргизцев опасности нет...» Далее предлагается укрепить редуты валом и рвом[52]. По-видимому, часть предложений поручика была реализована, и был возведен вал редута, сохранившийся в его нынешнем виде, при этом один из полубастионов был убран и оставлен только северо-восточный, по всей видимости для прикрытия ворот, ведущих в редут.

Редут расположен в 0,5 км к северо-западу от церкви Вознесения, расположенной в селе Казак-Кочердык. На сегодняшний день редут сохранил 3 стены участка вала — северную, южную и западную. На участке северной стены вала сохранилась северная часть северо-западного полубастиона. Восточная стена участка вала полностью снесена вместе с южной частью северо-западного бастиона. Непосредственно на территории редута долгое время вплоть до середины 2000-х гг. располагались строения (прослеживаются по спутниковым снимкам, размещенным в сервисе Google Планета Земля), затем располагалась свалка, которая впоследствии была ликвидирована, по всей видимости, с большей частью культурного слоя. Часть земли при этом сгребли или сдвинули к западной стене вала. У участка южной стены была вырыта яма, по всей видимости для хранения силоса, при этом отвал ямы частично был насыпан на южный участок стены. Нынешнее состояние редута подробно отражено на составленном топографическом плане и аэрофотосъемке.

План Кочердыкского редута. Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. СПб.: Императорская Академия наук, 1865. 74 с.

[52] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 249. Д. 26. Л. 1–22.

ФОРПОСТ «АЛАБУЖСКИЙ»

История форпоста «Алабужский» тесно связана со строительством редута Алабужского Тоболо-Ишимской пограничной линии. В 1752 г. Сенат утвердил проект линии, представленный генерал-майором Киндерманом. Осмотр местности для подходящего расположения крепостей и редутов был проведен им еще в 1746 г. на всем протяжении будущей линии от Омска до урочища Звериная Голова. Проект будущей пограничной линии включал в себя строительство 2 крепостей 6-угольных, 9 крепостей 4-угольных, 33 редута и 42 маяка[53]. Строительство основной части укреплений было завершено в течение года, т. к. уже в 1753 г. крепость Звериноголовская и редут Алабужский были переданы в управление Нижне-Уйской линии. Описываемый укрепленный пункт не упоминается в каких-либо документах ввиду его незначительных размеров. Его функционирование и строительство связано с ближайшим большим укреплением — редутом Отряд-Алабуга. Архивных материалов о строительстве форпостов как укрепленных пунктов, направленных на общее усиление Тоболо-Ишимской линии, в настоящий момент не выявлено. Тем не менее форпосты, скорее всего, были возведены генерал-майором Киндерманом на Тоболо-Ишимской линии по аналогии с Иртышской пограничной линией, возведенной в 1747 г., где наряду с крепостями и редутами использовались небольшие укрепленные пункты — «форпосты», «заставы», «защиты» и «избушки»[54]. При этом конструкция подобных форпостов и планируемые расположения их на Нижне-Уйской линии сохранились в архивах[55].

Форпост «Алабужский» относится к категории малых форпостов, или пикетов. Из укреплений имел ров и вал, внутри помещалась землянка. Форпост располагается на удале-

[53] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. — СПб.: Императорская Академия наук, 1865. — 3066 с. — С. 136.

[54] Там же. С. 143.

[55] Стромов П.А. Особенности конструкции фортификационных сооружений Уйской укрепленной линии в XVIII–XIX вв.// Памятники фортификации: история, реставрация, использование: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Х. Самигулова. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С. 99–101.

Тополлан форпоста «Алабужский»

Место расположения форпоста «Алабужский», 2023 г.

нии около 1,5 километра к югу от современного села Отряд-Алабуга, на правом высоком берегу р. Алабуги, на естественном возвышении, с северо-запада и юго-востока он прикрыт оврагами. Полностью сохранились ров и вал, хорошо прослеживается вход в редут[56]. В центре расположена яма, оставшаяся, по всей видимости, на месте расположения землянки. Судя по всему, форпост прикрывал дороги, идущие вдоль долины реки. В связи с особенностями рельефа, на котором располагается форпост, перспективным является поиск подобного укрепления, расположенного на противоположном берегу реки.

Форпост был обнаружен группой челябинских исследователей в рамках военно-исторического проекта «РЕДУТ» в августе и октябре 2021 г.

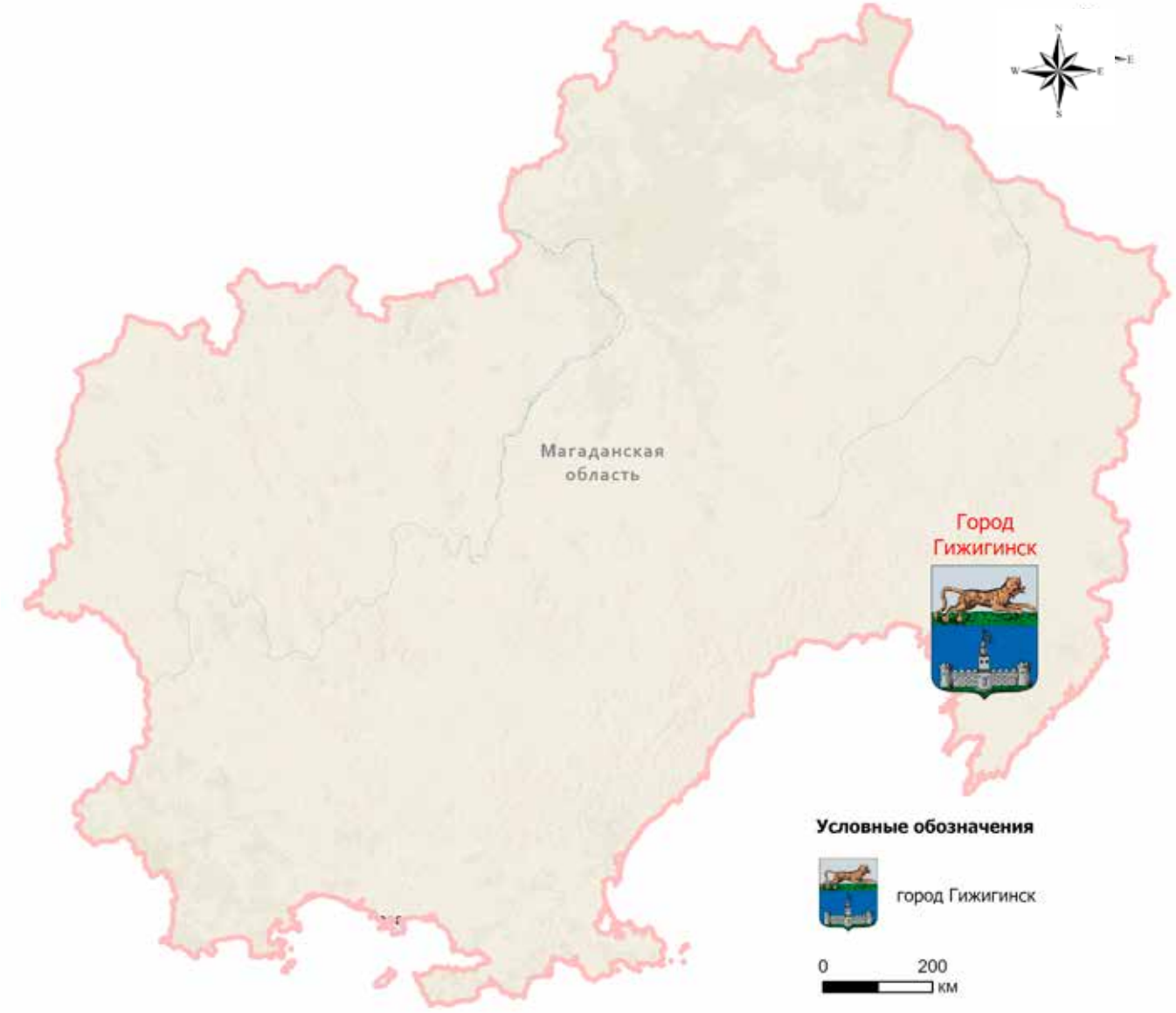

Вид форпоста «Алабужский». Аэрофотосъемка, 2023 г.

[56] Коршунова, Н.В. Уйская укрепленная линия XVIII–XIX вв. по материалам полевых и архивных исследований / Н.В. Коршунова, П.А. Стромов // Журнал фронтирных исследований. – 2023. – Т. 8. – № 2(30). – С. 179.

МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Освоение территорий в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв. — важная эпоха в истории Российского государства. Выйдя на эти территории в середине XVII в., русские столкнулись с серьезным сопротивлением местных народов — коряков, чукчей и азиатских эскимосов. Вооруженное противоборство, прерывавшееся мирными передышками, растянулось более чем на столетие, принимая в отдельные годы характер масштабных (по сибирским меркам) боевых действий[1].

История образования города Гижигинска как административной единицы в составе Российского государства достаточно сложна. Для ее понимания необходимо обратиться к событиям, происходившим в Сибири в XVII — середине XVIII в.

Как известно, до 1708 г. Россия подразделялась на уезды, по мере распространения русской власти уезды образовывались на территории Сибири. С установлением границ уездов происходило внутреннее их районирование по образцу внутриуездного подразделения, сложившегося в самой России и Сибири, но с учетом удобства сбора ясака «и потому менее последовательно»[2].

В Якутии, где проживала основная часть ясачного населения, районы назывались волостями и соответствовали местам проживания местных родов и племен. Складывались они постепенно, по мере выявления мест обитания «неясачных» людей. На всей остальной огромной территории волости созданы не были — население приписывалось к соответствующим укрепленным пунктам: ясачным зимовьям, острожкам и острогам. Острожки и ясачные зимовья на рр. Лене, Индигирке, Алазее, Колыме, на берегах Охотского и Берингова морей являлись опорными пунктами служилых людей для сбора ясака с местных народов и политического закрепления территории за русским государством. На юго-западном берегу Охотского моря, в низовьях р. Тугур, недалеко от устья р. Амур, существовало в 1652–1657 и 1683–1684 гг. Тугурское зимовье, к северу от него, в нижнем течении р. Уды, находился Удский острог; в 1647 г. в устье р. Охоты появился Охотский острог, который называли «ворота страны в Тихий океан»[3].

В 1648 г. казаки этого острога в Тауйской губе в устье р. Мотыклей поставили Тауйское зимовье, которое М. Стадухин в 1653 г. заменил острогом, просуществовавшим как пункт сбора ясака до 1667 г. В среднем течении р. Пенжины в 1670–1681 гг. функционировало Чендонское зимовье. На левом берегу р. Анадырь, в 10–15 км от современного пос. Марково, в 1649 г. Семен Дежнев основал Анадырское зимовье, впоследствии превратившееся в острог. На Камчатке функционировало четыре острога — Тигильский, Большерецкий, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский.

В целом в Сибири к началу XVIII в. образовалось 36 волостей, 26 постоянно функционировавших периферийных острогов, острожков и ясачных зимовий и 11 временно действовавших (всего 76 низовых административных единиц). Особое положение в силу своей громадной территории, равной почти половине всей Сибири, занимал Якутский уезд[4].

В 1708 г. вследствие реформы областного управления Петра I Северо-Восток Азии стал частью вновь образованной Сибирской губернии. 28 декабря 1708 г. был издан Именной указ об учреждении губерний и о «расписании» в них городов, согласно которому Московское государство впервые перешло от уездного управления к системе губернского. Вся страна была разбита на 8 губерний. В 1719 г. в губерниях возникли провинции, а в провинциях дистрикты. В 1728 г. «дистрикт» был заменен словом «уезд». И вместо одностепенного (уезд) возникло трехстепенное областное деление: губерния — провинция — уезд. Огромная Сибирь стала одной губернией — Сибирской со столицей в г. Тобольске. В 1719–1724 гг. она была разделена на три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Во главе провинций стояли воеводы с провинциальной земской канцелярией. Им подчинялись разного рода камергеры, рентмейстеры, провиантмейстеры, вальдмейстеры и пр. Дистрикты возглавляли земские комиссары с соответствующим штатом подчиненных, а с 1728 г. — городовые воеводы с уездными канцеляриями. В результате этих изменений Якутск вышел из непосредственного подчинения центральной власти в Москве и Петербурге. С 1708 по 1719 гг. он подчи-

---

[1] Зуев А.С. Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век. Автореф. дис. ...докт. ист.наук. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cheloveknauka.com/prisoedinenie-kraynego-severo-vostoka-sibiri-k-rossii-voenno-politicheskiy-aspekt-vtoraya-polovina-xvii-xviii-vek-1 (дата обращения: 25.05.2018).

[2] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. — М., 1978. — С. 18.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. С. 22.

нялся сибирскому губернатору в Тобольске, затем с образованием Иркутской провинции — провинциальным воеводам. Так была урезана власть якутских воевод. До образования самостоятельной Иркутской губернии в 1764 г. существовал порядок подчинения: Якутск — Иркутск — Тобольск — Петербург. В административном делении наибольшие территориальные изменения произошли на востоке. В. Беринг по итогам Первой Камчатской экспедиции в 1730 г. подал императрице «Записку» с рядом предложений по устройству Охотско-Камчатского края. В числе их было предложение об образовании самостоятельного Охотского правления, независимого от Якутска, но с подчинением Иркутской провинциальной канцелярии. Предложение было встречено с пониманием, и 29 апреля 1731 г. вышел Указ Правительствующего Сената об образовании самостоятельного Охотского правления с подчинением ему всего Камчатского полуострова. И с этого времени Северо-Восток Азии стал распадаться на отдельные низовые звенья[5].

В ведомства Охотского правления входили побережья Охотского и Берингова морей, Анадырский край и полуостров Камчатка. Административным центром являлся Охотский острог. Руководство из него осуществлялось через систему крепостей и острогов, куда посылались приказчики. Из-за малой населенности края крепости и остроги стояли часто друг от друга на огромном расстоянии. В 1739 г. к Охотскому правлению был приписан Удский острог. В то же время снова как пункт сбора ясака функционировал Тауйский острог. В 379 верстах к северу от него в устье р. Ямы был поставлен Ямской острог. Севернее в 1751 г., в ходе усмирения коряков, была основана на р. Туман Туманская крепость, в 1752 г. на р. Вилиге — Вилигинская и на р. Таватоме — Таватомская. Последние три вскоре были уничтожены. Кратковременным было существование Окланского острога (приток р. Пенжины), уничтоженного коряками и возобновленного в 1742–1743 гг. Но в 1748 г. он снова был выжжен коряками и более не восстанавливался. Перспективной оказалась Гижигинская крепость, построенная в 1753 г. Игнатьевым на р. Гижиге. Она была основана с целью обезопасить сухопутное сообщение между Охотском и Камчаткой от частых нападений немирных коряков и сбора ясака с них[6].

Начиная с 1760-х гг. произошли новые изменения в административном делении Сибири. Именным Указом от 19 октября 1764 г. Сибирская губерния была разделена на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. К Иркутской отнесены города Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Илимск «с принадлежащими к ним дистриктами, слободами и острогами» и весь Северо-Восток, включая Камчатку[7].

Камчатка с 1753 г. подчинялась главному командиру — сначала анадырскому, после ликвидации Анадырского острога в 1769 г. — Большерецкому. Главные командиры Камчатки, резиденция которых находилась в Большерецке, заведовали кроме Камчатки районом Гижигинского острога, Курильскими и Алеутскими островами. Они подчинялись непосредственно Иркутскому губернатору и Иркутской губернской канцелярии[8].

С восшествием на престол в 1762 г. императрицы Екатерины II многое поменялось в жизни Сибири — в первые годы своего царствования она обратила внимание на неравномерность и неупорядоченность административно-территориального деления России. В Именном указе Сенату от 6 февраля 1763 г. Екатерина II объявила о своем проекте реформ в Сибири: «Известно нам, что по всей Сибирской губернии и Иркутской провинции положенный ясак с тамошних жителей с крайним отягощением и беспорядком собирают, или, справедливее сказать, посылаемые для сбора ясака сибирские дворяне, казаки и дети боярские ненастоящие положенные ясаки в казну нашу собирают, но бессовестным образом всех таковых безгласных и беззаступных ясачных, яко-то: якутов, тунгусов, чукч, братских казаков и прочих тому подобных разного звания подданных нам народов грабят и до конца разоряют»[9].

28 сентября 1766 г. Екатериной II был утвержден Указ Сената о ликвидации Анадырского острога, который, исходя из донесений главного анадырского командира Ф. Плениснера, был «бесполезен и убыточен». После этого в 1768–1769 гг. основная часть гарнизона Анадырска, артиллерия и другое казенное иму-

---

[5] Там же. С. 26–27.

[6] Там же. С. 29.

[7] Полное собрание законов Российской империи. – Т. XVI: 28 июня 1762–1765 гг. – С. 944. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.runivers.ru/bookreader/book9824/#page/942/mode/1up (дата обращения: 01.06.2018).

[8] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – С. 37.

[9] Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 29.

щество, канцелярия и чиновники были переведены в Гижигинский острог[10].

31 января 1775 г. впервые как самостоятельная административно-территориальная единица было образовано Гижигинское комиссарство (губернская реформа Екатерины II) в составе Якутской провинции Иркутской губернии[11].

В 1783 г. Именным указом Екатерины II Сибирь была разделена на три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское[12]. Указом императрицы от 2 марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии на четырех областей» Иркутская губерния была разделена на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую с 17 уездами. К Охотской области принадлежали уезды: Охотский, Ижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. Было указано, «селения в оных уездах, кои к тому способные окажутся, переименовать городами»[13]. В составе Охотской области появились гг. Охотск, Окланск, Нижне-Камчатск и Гижигинск — было установлено одинаковое управление с другими провинциями европейской России[14].

В 1790 г. Екатериной II была утверждена символика всех городов, относящихся к Иркутскому наместничеству[15].

---

[10] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – С. 38.

[11] Полное собрание законов Российской империи – Т. XX: 1775–1780 гг. – С. 21. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.runivers.ru/bookreader/book9828/#page/23/mode/1up (дата обращения: 01.06.2018).

[12] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – С. 32.

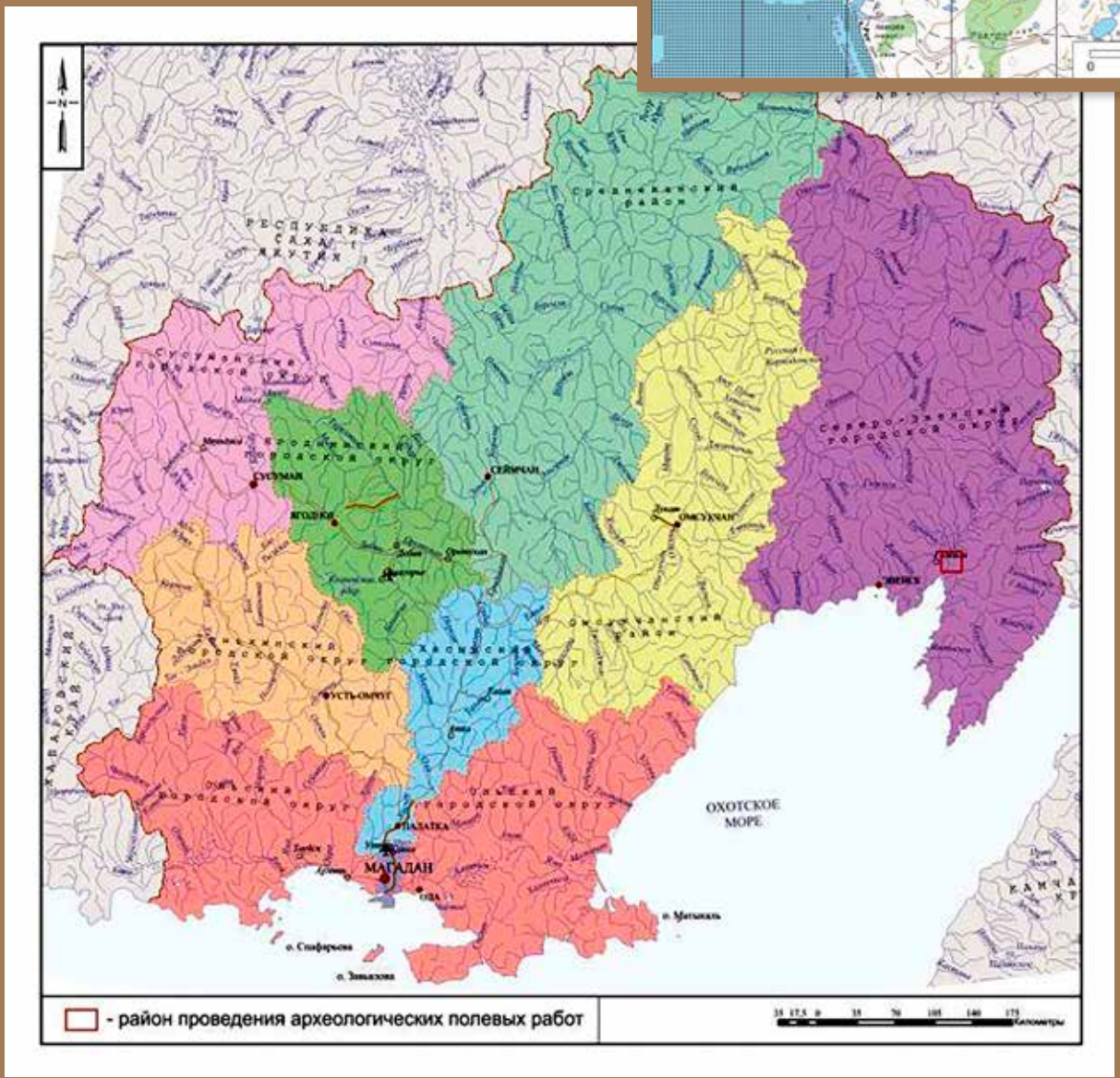
[13] Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXI: 1781–1783 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.runivers.ru/lib/book3130/9829/#BookContents (дата обращения: 01.06.2018).

[14] Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978. – С. 37.

[15] Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков (Рисунки гербов городов). – Санкт-Петербург 1843 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://f-gl.ru/книги,-брошюры,-труды/полное-собрание-законов-российской-империи-собрание-первое-книга-чертежей-и-рисунков-рисунки-гербов-городов (дата обращения: 05.06.2018).

Гижигинск на карте России © Понкратова И.Ю.

Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ. Карта расположения ОКН «Город Гижигинск» © Батаршев С.В.

Гижигинск стал вторым после Охотска крупным и современным по тем понятиям городом на всем Северо-Востоке России и центром огромного Гижигинского уезда, который располагался по берегу Охотского моря от Камчатки до современной границы Омсукчанского и Ольского районов Магаданской области с одной стороны и с другой стороны — до Чаунской губы Восточно-Сибирского моря.

В соответствии с документацией о постановке на учет — ОКН «Город Гижигинск». Обиходные топонимические названия — Гижигинск, «Старая Гижига».

Охранный статус объекта — объект включен в Перечень выявленных объектов культурного наследия археологического наследия, находящийся на территории Магаданской области (Приказ Отдела охраны культурного наследия Правительства Магаданской области от 14.09.2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=34346). Продолжается процедура оформления документов для внесения объекта культурного наследия «Город Гижигинск» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации.

Гижигинская крепость была основана как военный и административный центр, «дабы обеспечить сухопутное сообщение России с Камчаткой и чтобы постановить преграду возмущениям коряков...»[16]. В его истории можно выделить ряд основных этапов.

Первый этап связан с походами Михаила Стадухина в 1651 г.[17] и Ивана Баранова, после похода которого летом 1652 г. якутская таможня выдала «проезжие грамоты» на Чондон (Гижигу)[18].

На втором этапе в середине XVIII в. был основан Гижигинский острог и построена крепость, которая стала крупнейшим военным пунктом на Северо-Востоке России. В его задачи входило осуществление политики Российской империи: торговля и установление отношений между аборигенами и русскими, охрана российских территорий на Дальнем

[16] Шаховской А. Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. — СПб., 1822. — Ч. IV. — С. 284.

[17] Бурыкин А.А. Михаил Стадухин и его роль в географических открытиях и исследованиях береговой черты Северного Ледовитого и Тихого океанов в 40-е –50-е годы XVII века // Новый часовой, 2006. — № 17/18. — С. 230.

[18] Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. — М.: Мысль, 1973. — 223 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.booksite.ru/dejnev/05_9.html (дата обращения: 05.04.2018).

ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ). Селитебная зона территории ОАН (вид с северо-востока; аэрофотосъемка) © Батаршев С.В.

Востоке[19]. Этот этап связан с именем Авраама Игнатьева, чье донесение в Охотскую канцелярию, помеченное 14 апреля 1752 г., принято считать за дату основания Гижигинской крепости[20]. С 1757 г. к Гижигинску морским путем на суднах стали приходить грузы[21]. Благодаря коменданту Гижигинской крепости, известному исследователю северо-восточной Сибири, этнографу, историку, географу Тимофею Ивановичу Шмалеву, в 1779 г. здесь был заключен мир с чукотскими тойонами, результатом которого стало объявление чукчей подданными России[22].

Основным населением города Гижигинска с начала его существования были военные регулярной армии и казаки, переведенные на постоянное пребывание в городе. Образ жизни города был полувоенным — служивое население несло постоянную военную службу, а в то же время занималось рыболовством, охотой, в малой степени огородничеством. В этот период в городе Гижигинске функционировали навигационная, а затем казачья школы, где дети казаков и обывателей обучались азбуке, чтению, богословию, письму и др.; началось крещение местного населения[23].

В окрестностях территории города Гижигинска проживали оседлые и кочевые народы Севера, такие как эвены, коряки. Кочевые эвены и коряки в основном занимались оленеводством, сезонной охотой и рыбалкой. Оседлые коренные народы, в основном коряки, занимались рыболовством и морским зверобойным промыслом, а также сезонной охотой. Они проживали на одном месте, чаще имели два постоянных места пребывания: летние и зимние[24].

---

[19] Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. — Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.

[20] Шаховской А. О начале построения Гижигинской крепости // Вестник Европы. — М., 1818. — Ч. 102; Зуев А.С. Гижигинск // Библиотека Сибирского краеведения.

[21] Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание.– Т.1 — СПб., 1900. — С. 54.

[22] Алексеев А.И. Братья Шмалевы. — Магадан: Магадан .кн. изд-во, 1958. — С.55.

[23] Вдовин И.С. Гижига — город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. — Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1995. — С. 79–80; Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — Т.1. — СПб., 1900. — С. 448 и др.

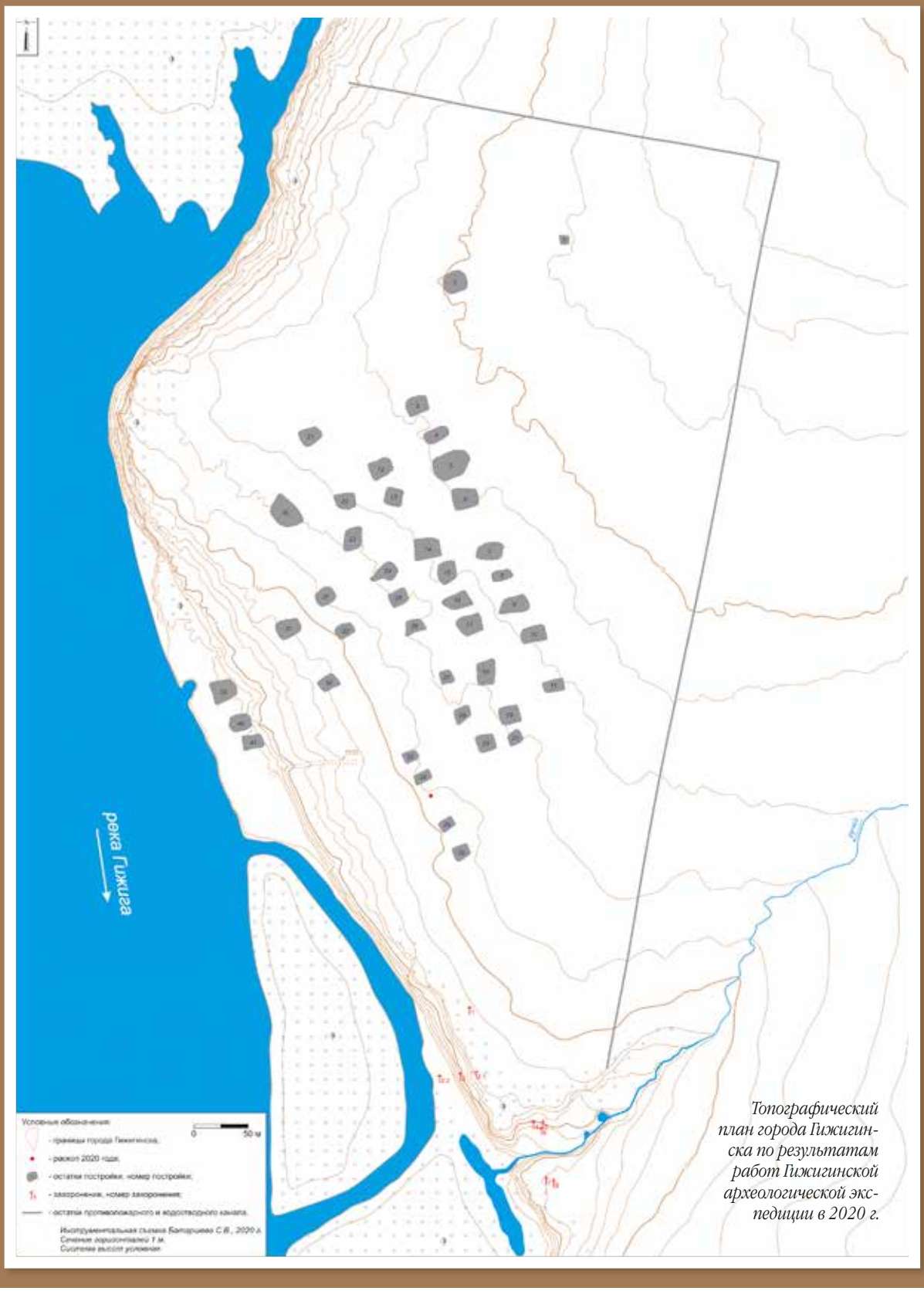
[24] Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М: Наука, 1966. — С. 183; Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. — СПб., 1888. — С. 56 и др.

План Гижигинска 1798 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 1399. ОП. 1. Д. 346. Л. 15

ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская область, Северо-Эвенский район). Схема функционально-планировочного зонирования территории ОКН на основе спутникового снимка из публичных источников © Батаршев С.В.

Топографический план города Гижигинска по результатам работ Гижигинской археологической экспедиции в 2020 г.

На третьем этапе Гижигинск становится городом[25]. В 1790 г. он получил герб: щит, в верхней части которого помещался тигр с соболем в пасти, в нижней — часть крепости с башнями, а посередине — орел[26]. Создание Гижигинска было обусловлено тем, что в XVIII в. морские суда часто терпели крушения у берегов Охотского моря, а сухопутные

[25] Полное собрание законов Российской империи. — Т. XXI: 1781–1783 гг. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.runivers.ru/lib/book3130/9829/#BookContents (дата обращения: 01.06.2018).

[26] Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков (Рисунки гербов городов). — Санкт-Петербург 1843 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://f-gl.ru/книги,-брошюры,-труды/полное-собрание-законов-российской-империи-собрание-первое-книга-чертежей-и-рисунков-рисунки-гербов-городов (дата обращения: 05.06.2018).

Космоснимок места расположения города Гижигинска

сообщения были затруднены столкновениями с аборигенами. Также Северо-Восток еще не был полностью присоединен к Российской империи, и народы севера еще не являлись ее гражданами. Присоединение северных территорий было выгодно и для казны государства — дорого ценилась пушнина, которая в виде ясака собиралась с местного населения. Это был период расцвета города Гижигинска, который стал вторым после Охотска крупным и современным по тем понятиям городом на всем Северо-Востоке России и важным звеном в развитии сухопутных сообщений, связавшим Охотск с северо-восточным побережьем Охотского моря и Камчаткой[27]. Гижигинская Спасская церковь развернула активную миссионерскую деятельность среди коренного населения[28].

На четвертом этапе (XIX в.) происходит заметный упадок города[29], который связывают с откочевкой коряков в 1800 г. от Гижигинской крепости в северные места к р. Анадырь, на Камчатку — к Тигильской крепости, следствием чего явилось сокращение торговых сделок, спекуляция. Частыми явлениями становятся голод, заболевания, принесенные русскими. В конце XIX в. Гижигинск перестает быть военным, опорным пунктом. На рубеже XIX–XX вв. в Гижигинске случилась эпидемия — от вспышки кори из 600 жителей умерло 160 чел.[30]

Революционные события 1917 г. изменили жизнь и общие взгляды населения на Дальнем Востоке. Власть в городе неоднократно «переходила из рук в руки». Гижигинск пережил период «колчаковщины» (1918–1920 гг.); на территории Гижигинского района вел свою бандитскую деятельность отряд В.И. Бочкарева (октябрь 1921 — апрель 1923 гг.)[31]. С установлением советской власти в 1923 г.

---

[27] Шаховской А. Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. – СПб., 1822. – Ч. IV. – С. 293. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://starieknigi.info/Zhurnaly/SA/SA_1822_04_nom_22.pdf. (дата обращения: 01.06.2018).

[28] Хаховская Л.Н. Охотские церкви в XIX – начале XX в. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2004. – С. 5–25.

[29] Дитмар К. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. – СПб., 1901. – С. 423; Митрополит Нестор. Моя Камчатка: записки православного миссионера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/fiction/moya-kamchatka-zapiski-pravoslavnogo-missionera; Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 84 и др.

[30] Сильницкий А.П. Поездка в северные округи Приморской области. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1902.

[31] Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географический и статистико-экономический // Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1925. – № 5, 6. – 40 с.; Слабука В.В. Публикуется впервые...: сборник очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. – Владивосток: Русский Остров, 2018. – 357 с.

в Гижигинске появились органы, которые регулировали общественные отношения с учетом законов молодого российского государства[32].

В конце XIX — начале XX в. в Гижигинске и его окрестностях торговлю, рыбный промысел и контрабанду пушниной вели китайская и японские фирмы, представителями которых были Иостако Гентаро, Огинуно Соотаро, Сано Сукедзи, а также американец О. Свенсон, есаул В.И. Бочкарев и др. Процветала торговля спиртными напитками и неравномерный товарный обмен, способствующие спаиванию и обнищанию местного населения[33].

Решением Камчатского окрревкома № 29 от 1 апреля 1926 г. в Камчатском округе было проведено районирование, ликвидированы уезды и волости. Гижигинский уезд переименован в Пенжинский район с временным центром в селе Гижига. Восточная часть его с пос. Гижигой вошла в состав Пенжинского района Камчатской области, а западная образовала Северо-Эвенский район с новым районным центром Наяханом[34].

В целом необходимо отметить, что город Гижигинск играл важную роль в истории Российской империи и в дальнейшем для советского государства. Находясь среди пустынной огромной территории, он выполнил важнейшую функцию налаживания отношений с аборигенами с целью расширения и охраны территории России. Его значимость была высока тогда, когда на его территории происходили восстания народов Севера против Российской империи и советской России. После того как были налажены взаимоотношения между местным населением и русскими, значение Гижигинска как уездного центра стало постепенно уменьшаться. Отдаленное местоположение от моря и центра, отсутствие инфраструктуры также в числе причин его упадка.

[32] Государственный архив Магаданской области. Фонды: Д-24, Д-69, Д-73, Д-84, Р-61 и др.

[33] Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С., Батаршев С.В. Иностранные предприниматели в истории «Территории»: Гижигинск в 1920–1930-е гг. // Труды ИИАЭ ДВО РАН. — Т. 35. — С. 197–212. DOI 10.24412/2658-5960-2022-35-197-212.

[34] Пустовит В.П. Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. — С. 150–266.

ОКН «Город Гижигинск»: 1 — могила К.Т. Пржевалинского, остатки могильной плиты и стелы (вид с северо-запада); 2 — раскоп 2020 г., остатки деревянных конструкций постройки; 3 — киотный крест (латунь); 4 — фигурка Богоматери (латунь с содержанием меди, позолота); 5 — фигурка человека (бивень мамонта) [по: Понкратова И.Ю., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А. Русские горизонты «территории»: история и археология Гижигинска // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России : сборник научных статей. В 2 т. Т. 2 / под ред. Л. В. Татауровой. Омск; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», — 2021. — С. 64–69]

До недавнего времени история Гижигинска была отражена в ряде публикаций отечественных исследователей, написанных исключительно на основе анализа письменных источников (актовых, статистических и картографических документов, материалов личного характера — описаний и свидетельств современников и пр.). В опубликованных работах рассматривались отдельные факты исторического прошлого Гижигинска: М. Стадухин и его открытие в XVII в. р. Гижиги, функционирование Гижигинской крепости под руководством Т.И. Шмалева в XVIII в., образование на месте крепости города и его социальная структура, экономика и хозяйство, образ жизни и быт гижигинцев, санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе и пр.[35]

В последние годы история Гижигинска вновь привлекает внимание исследователей. Была актуализирована его роль в процессе

[35] Алексеев А.И. Братья Шмалевы. — Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1958. — 75 с.; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М.: Наука, 1982. — 288 с.; Бурыкин А.А. Михаил Стадухин и его роль в географических открытиях и исследованиях береговой черты Северного Ледовитого и Тихого океанов в 40-е –50-е годы XVII века // Новый часовой, 2006. — № 17/18. — С. 230–248; Бурыкин А.А. Михаил Стадухин — первооткрыватель Охотского побережья: судьба землепроходца и история его открытий // Магаданский краевед. — Вып. 1. — Магадан: Охотник, 2015. — С. 31; Вдовин И.С. Гижига — город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. — Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1995. — С. 78–82; Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. — М: Наука, 1966. — 275 с.; Сафронов В.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. Изд. Наука, М., 1978 г. — 256 с. и др.

государственного освоения Северо-Востока России[36], выделены этапы в его истории[37], обращено внимание на проблему изучения и сохранения Гижигинска в качестве объекта культурного наследия Магаданской области[38]. Но, несмотря на сравнительно длительную историю изучения, остатки Гижигинска не были объектом археологических исследований. Неизвестными оставались его точное местонахождение, границы, топография и планировка, структура культуросодержащих отложений, конструктивные особенности сооружений, особенности вещевого комплекса и др.

С 2019 г. по настоящее время восстановление истории Гижигинска — цель проекта «Гижигинская археологическая экспедиция»[39]. В 2019–2020 гг. на территории Гижигинска под руководством С.В. Батаршева (ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток») и И.Ю. Понкратовой, с участием студентов ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», и А.В. Нестеровича (МОО «РГО») проводились археологические исследования. Работы финансировались ВОО «Русское географическое общество» (Грант по Договору № 13/2020-Р) и И.Б. Донцовым.

В результате Гижигинск поставлен на учет как объект культурного наследия (памятник истории и культуры) народов Российской Федерации[40]. Установлено точное местоположение Гижигинска — Северо-Эвенский район, Магаданская область, левый берег р. Гижиги, в 13,6 км на северо-восток от современного села Гижига. Общая площадь памятника составляет 42,7 га, линейные размеры: 1050 м по линии «северо-запад — юго-восток» и 570 м по линии «северо-восток — юго-запад». Были определены, описаны и отражены на картографической основе его границы, составлен топографический план города, изучена структура культурных отложений[41].

В полевой сезон 2020 г. была изучена структура культуросодержащих отложений. В разведочном раскопе общей площадью 9 кв. м получена археологическая коллекция, впервые позволившая конкретизировать исторические и архивные данные. Были найдены фрагменты строительных материалов — гвозди, кирпичи, дверные петли; фрагменты одежды, виниловых пластинок, предметы быта, украшения и пр.[42] Некоторые результаты этих работ уже введены в научный оборот[43].

Так, реконструирована генеалогия семьи купцов Брагиных, отдельные захоронения которых обнаружены в мемориальной зоне объекта. Определены две ее генеалогические линии и родственные связи с современными потомками[44].

---

[36] Назарова Я.В. Особенности появления и развития городов Охотского побережья России на примере Гижиги (XVII – первая четверть XX в.) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015. – С. 455–468.

[37] Конь У.С., Понкратова И.Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 237–239: Назарова Я.В. Особенности появления и развития городов Охотского побережья России на примере Гижиги (XVII – первая четверть XX в.) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015. – С. 455–468;

[38] Лебедева Л.С., Понкратова И.Ю., Волков Д.П. К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск» // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 298–299.

[39] Понкратова И.Ю. Роль Северо-Восточного государственного университета в реализации проекта «Гижигинская археологическая экспедиция» (2019–2020 гг.). // Университеты России в диалоге со Временем. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – М., 2021. – С. 98–108. doi: 10.38006/00187-010-4.2021.96.106; Ponkratova I.Yu., Lebedeva L.S. Historical and Educational Project «Gizhiginsk's Archaeological Expedition» (from 2020 to 2025) // III International Theoretical and Practical Conference «The Crossroads of the North and the East (Methodologies and Practices of Regional Development)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.32743/nesu.cross.2020.155-162.

[40] Приказ Отдела охраны культурного наследия Правительства Магаданской области от 14.09.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=34346&file_url=/common/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/common/upload/1/document/prikaz_000_34346_14.09.2020_1.pdf).

[41] Батаршев С.В., Понкратова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С. , Нестерович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2022. – № 1 (38). – С. 23–34.

[42] Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ): ООО «НПЦ ИКЭ». – Владивосток, 2020. – 303 с.

[43] Береговых А.В. Инструменты и строительные материалы из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (по результатам исследования в 2020 г.) // Материалы LXI Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых (Иркутск, 2021). – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. – С. 240–241; Лебедева Л.С., Понкратова И.Ю., Волков Д.П. К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск» // Материалы LX Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых (Иркутск, 2020). – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – С. 298–299; Казимиров И.В. Предметы охотничьего промысла и рыбной ловли из коллекции ОКН «Город Гижигинск» // Материалы LXI Российской (с междунар. участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых (Иркутск, 2021). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 242–243 и др.

[44] Понкратова И.Ю., Береговых А.В. Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных) // Россия в глобальном мире, 2022. – Т. 24. – № 3. – С. 145–166.

Анализ клейм на посуде позволил предположить ее производство в центральных районах России, в Англии и США, Юго-Восточной Азии — Китае и Японии, на таких предприятиях, как Дулёвский и Конаковский фарфоровые заводы, «Товарищество Перевалова, Щелкунова и Метелевых и Ко», Livesley Powell & Co и Цзиндэчжэнская фарфоровая фабрика[45].

Изучение найденных при раскопках предметов реигиозной атрбутики (киотных крестов, фигурки Святой Богородицы, фрагментов окладов икон) впервые ставит вопрос о распространении на Севере Дальнего Востока России в XIX — начале XX в. не только синодального, но и старообрядческого православия[46].

Дополнены знания об обуви и одежде гижигинцев. Установлено, что население приобретало обувь за пределами Гижигинска, но ремонт производился на месте[47]. Пуговицы из перламутра, дерева, кости, металла, пластмассы привозились из центральной части России и из других стран и производились на месте (например, пуговицы из бересты)[48].

«Стратегическим» товаром в Гижигинске являлись «корольки» (крупный бисер) и «одекуй» (стеклянные или фарфоровые бусины, бисер), который вместе со спиртом, табаком и порохом промышленники и иностранцы использовали для меновой торговли[49].

При изучении состояния медицины установлено, что в конце XIX — начале XX в. Гижигинск был поражен как минимум пятью эпидемиями: кори (1899–1900, 1926) скарлатины и свинки (1928), сыпного тифа (1928–1929). Имели место чесотка, трахома, ревматизм, краснуха, гонорея, грипп, туберкулез, дизентерия, цинга, причинами которых было неудовлетворительное качество жизни населения. В 1920-е гг. советские власти предпринимали профилактические меры и жертв удалось избежать. Версия об эпидемии, приведшей к вымиранию населения и прекращению функционирования Гижигинска в 1927 г., не подтвердилась[50].

Гижигинск функционировал и в 1930-е гг. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках монеты из меди, алюминиевой бронзы и медно-никелевого сплава, датируемые от 1924 до 1938 г. Находки монет свидетельствуют, что товарно-денежные отношения в Гижигинске имели место и обеспечивали одну из основных функций поселения — торговлю на Северо-Востоке России[51].

В настоящее время изучение Гижигинска продолжается. Намечены направления перспективных исследований: реконструкция связей населения Гижигинска и поселений XVII — начала XX в. на сопредельных территориях (Якутск, Зашиверск, Нижнекамчатск и др.); выявление степени взаимовлияния культур проживавшего на территории исследования населения (коряки, эвены, чукчи, камчадалы) и русских первопроходцев; изучение «детства» гижигинцев как особого социокультурного феномена в истории освоения Севера и др. Посредством введения в научный оборот новых материалов с использованием современных технологий для популяризации региональной истории возможно построение виртуальных моделей и архитектурно-ландшафтных макетов изучаемого объекта в различные исторические эпохи, а также выполнение 3D-реконструкций артефактов.

---

[45] Понкратова И.Ю., Иванов А.А. Фарфоровая и фаянсовая посуда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2022. — Вып. 37. — С. 8–16.

[46] Понкратова И.Ю., Федирко О.П., Батаршев С.В., Данилов Г.К., Казимиров И.В., Дорофеева Н.А. Религиозная символическая атрибутика русского Севера в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX — начало XX в.) // Народы и религии Евразии, 2023. — Т. 28. — №2. — С. 104–123.

[47] Антонова А.А. Обувь и одежда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.) // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. — С. 141–143.

[48] Лебедева Л. С. Пуговицы из коллекции ОКН «Город Гижигинск» // Материалы 59-й Междунар. науч. студенческой конф. (Новосибирск, 12–23 апреля 2021 г.) — Новосибирск, 2021. — С. 75–76.

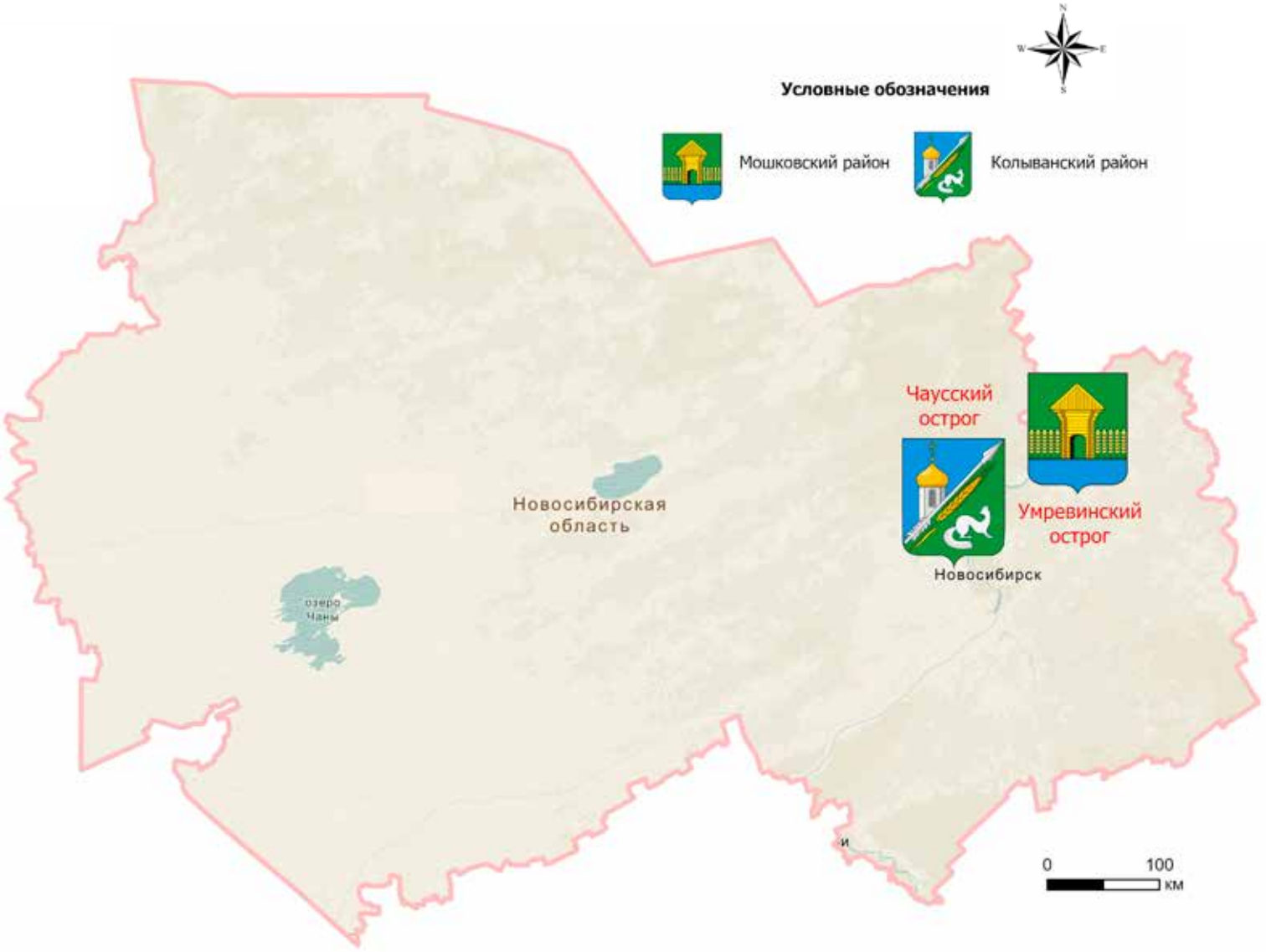
[49] Тимина А.Е. Швейная фурнитура у народов Тихоокеанского региона (на примере изучения бус из коллекции ОКН «Город Гижигинск) // Тихоокеанская археология. — Владивосток: ДВФУ, 2023. — С.185–188.

[50] Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С., Батаршев С.В. Эпидемии и заболевания на Северо-Востоке России в исторической ретроспективе: Гижигинск в XIX — начале XX веков // Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2023. — №2. — С. 106–129.

[51] Понкратова И.Ю., Сулейманлы Р.Т., Батаршев С.В. Нумизматическая коллекция объекта культурного наследия Магаданской области «Город Гижигинск» // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2023. — Вып. 39. — С. 5–15.

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чаще всего, когда говорят о причинах возникновения русских острогов в Сибири, упоминают 2 фактора: земледельческое освоение края и сдерживание военной угрозы «соседей». Не менее важным фактором при освоении Сибири было стремление Российского государства освоить разнообразные ресурсы (в том числе рудно-сырьевые). Для целого ряда сибирских острогов — Аргунского, Каштацкого, Умревинского, Шилкинского — поиски и освоение серебра сыграли одну из основных ролей в процессе их возведения.

Умревинский острог, основанный в 1703 г., является первым оборонительным сооружением русских первопроходцев начала XVIII в. при заселении территорий Новосибирского Приобья[1]. Строительство острога способствовало прочному вхождению правобережья р. Оби в состав Российского государства. Окрестности Умревинского острога являются территорией, с которой началось геологическое изучение рудных богатств края. Длительное время отсутствие разведанных ресурсов серебра оказывало негативное влияние на экономику и социально-политическую ситуацию в России. Особенно остро эта проблема встала перед российским правительством в начале Нового времени, в условиях активного и не всегда равноправного взаимодействия России с формирующимися капиталистическими странами Запада. В XVII–XVIII вв. у нашего государства существовала острая потребность в освоении рудно-минеральных ресурсов Саяно-Алтая. Для этого требовалось создать надежную систему государственных пунктов для дальнейшего закрепления сибирской территории. Все европейские государства того времени вели поиски руд цветных и драгоценных металлов, как правило, за пределами своих земель. В 1676 г. был издан специальный царский указ о поисках в стране и за ее пределами серебряной и медной руды.

В 1697 г. будущему основателю Умревинского острога Алексею Кругликову на р. Ояш удалось найти выход рудной жилы и собрать несколько мешков образцов. В Томске мешки были опломбированы городской печатью и отправлены в Москву на определение качества руды. Месторождение на Ояше отмечено на чертеже Томского уезда из собраний С.У. Ремезова. Для легенды карты того времени эта информация являлась достаточно оперативной. «Хорографическая чертежная книга» С.У. Ремезова была завершена к 1 сентября 1697 г., т. е. в год, когда на Ояше проводились изыскания серебра. Фундаментальная «Чертежная книга Сибири» была закончена до 10 ноября 1701 г., однако позднейшие вклейки-чертежи были сделаны в 1703–1711 гг. Этот период соответствует основанию и первым годам существования Умревинского острога.

В поисках серебряной руды в окрестностях Умревинского острога в полной мере проявились особенности освоения минеральных ресурсов на приобретаемых Московским государством новых территориях. В конце XVII в. Юрий Крижанич в своем труде «О сыске и развитии горного дела в России» подчеркивал, что руду следует искать в чужих землях. Изыскательские работы способствовали возведению Умревинского острога в рамках комплексного освоения северной части Верхней Оби. Особенно следует подчеркнуть, что еще в первой половине XVII в. в «инструкциях» о постановке острогов указывалось, что их необходимо строить вблизи рудных месторождений. Например, письменному голове В.Д. Пояркову во время первого амурского похода (1643–1646) предписывалось на р. Шилке «пришед к серебряной руде, острог поставить»[2]. Не последнюю роль при определении участка для строительства Умревинского острога сыграл опыт рудознатца Алексея Кругликова[3]. По всей видимости, одной из причин выбора места для основания острога явилось удобство для оборудования пристани на каменистом берегу обской протоки. На протяжении нескольких столетий эти выходы камня неоднократно привлекали внимание рудоискателей. В описании Тобольского наместничества, создававшегося в 1784–1789 гг., из минеральных ресурсов упоминается только «дикой черной камень»[4]. Однако в XVIII столетии процесс разработки серебряной руды на территории Западной Сибири не получил дальнейшего продолжения. Тем не менее интенсивные геологические

---

[1] Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

[2] Бородовский А.П. Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири. – Новосибирск, 2005. – 86 с.

[3] Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII–нач. XVIII вв.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Региональная научная конференция 5–6 декабря 1996 г. Тезисы докладов. – Новосибирск, 1996. – С. 8–9.

[4] Описание Тобольского наместничества: [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории и др.; [Сост. А.Д. Колесников]. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. – 321 с.

исследования, проводимые в середине XX в., позволили выявить в рамках Колывань-Томской складчатой зоны несколько потенциальных рудных поясов драгоценных, цветных и редкоземельных металлов. Одним из них является Приобский пояс, на территории которого находился Умревинский острог. Так что одно из наставлений XVII в. при освоении Сибири — «пришед к руде острог поставить» — было явно провидческим для территории севера Верхнего Приобья.

К середине XVIII в. оказавшийся в стороне от магистральных путей освоения Верхнеобского региона Умревинский острог потерял свое значение и постепенно перестал существовать как населенный пункт[5]. Таким образом, в культурном слое Умревинского острога сохранилась в наиболее полном и непотревоженном виде разносторонняя информация о русской культуре в Западной Сибири начала и середины XVIII в.

На территории Новосибирского Приобья, по данным русских письменных и картографических источников конца XVII — начала XVIII в., в окрестностях Умревинского острога еще существовали земли с особыми историческими названиями — Телеутская межа и Таволган. В XVII столетии Телеутская межа на правом берегу Оби проходила по р. Ине, а территория до р. Берди называлась Таволганом. В настоящее время исторический топоним «Таволган» сохранился только в Искитимском районе Новосибирской области в названии урочища Малый Таволган. Оно расположено в междуречье рр. Малый и Большой Елбаш — правых притоков р. Берди. Содержательная сторона названия Таволган не однозначна. В картографических материалах С.У. Ремезова XVIII столетия встречается упоминание о Таволгане «еловом». На рубеже XVII–XVIII вв., в связи с интенсивным освоением русским населением Верхнего Приобья, топонимы Таволган и Телеутская межа приобретают близкое территориальное значение. Из отписки кузнецкого воеводы И. Конищева в феврале 1685 г. известно, что «русские люди и татаровя, а также выезжие телеуты охотились в свои урочищах на Таволгане богатых пушниной». Для того, «что бы не было убытку ясачному сбору, что бы не было русским людям утеснения», межу с телеутами предлагалось перенести с р. Ини на р. Бердь. К началу XVIII в. межа с Телеутской землицей была перемещена к югу с Ини на Бердь, что нашло отражение в картографии С.У. Ремезова за 1701 г.[6] Так Таволган оказался в пределах «новой» Телеутской межи, а междуречье Ини и Берди было включено в состав Томского уезда. Тем не менее до начала XVIII в. здесь сохраняются кочевья телеутов. Например, в Хорографической книге[7] они отмечены по левым берегам Ини (в низовьях) и Берди (в среднем течении).

В самом начале XVIII столетия Таволган продолжает оставаться территорией для сезонных отхожих промыслов русского и аборигенного населения Новосибирского Приобья. В отписке томского воеводы Григория Петрово-Соколова от декабря 1708 г. говорится, что «томчане русские люди, чатские татаровя и белые выезжие калмыки в летнее и осеннее время в урочищах Таволганских лесов и по рекам Ине и Берди для звериного, хмелевого и лодочного промысла и для жерновов бывают в промыслу по 500 человек и более. И отъехав, живут станами и многое время». Исходя из этого описания, система природопользования в Таволгане представляла собой сезонную (лето-осень) комплексную промысловую деятельность, включающую не только собирательство (хмель), охоту (звериный промысел), но и заготовку сырья, а также производство продукции традиционных промыслов (изготовления лодок и жерновов). С демографической точки зрения достаточно интересна массовость занятий промысловой деятельностью на территории Таволгана (от 500 человек и более). Для начала XVIII в. она сопоставима только с «бугровщичеством» (разграблением древних курганов на юге Западной Сибири). На этой территории в первые десятилетия XVIII столетия последовательно возникают 3 острога — Умревинский (1703), Чаусский (1713) и Бердский (1716). Среди них Чаусский острог являлся ключевым военно-административным центром в первой половине XVIII в. на территории севера Верхнего Приобья. Значение этого оборонительного и административного пункта распространялось далеко за пределы современных границ Новосибирской области. В первую

---

[5] Бородовский А.П., Косарева И. Умревинский острог: три столетия сибирской истории. – Новосибирск, 2003. – 68 с.; Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.

[6] Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году. – Санкт-Петербург: тип. (бывш.) А.М. Котомина, 1882. – Л. 13.

[7] Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова (1697–1711) / Фонд «Возрождение Тобольска». – Тобольск: Фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 341, [1] с. – Л. 14.

Карта острогов Новосибирской области

очередь это было связано с особенностями его месторасположения: на сухопутном пути между Тарой и Томском (Московско-Сибирский тракт) и водном пути между металлургическим районом на Алтае (г. Барнаул) и Томском.

УМРЕВИНСКИЙ ОСТРОГ

Мошковский район Новосибирской области

Острог расположен на правобережье р. Оби в Мошковском районе Новосибирской области в 4 км к северо-западу от с. Умрева при впадении одноименной реки в Обь. Площадь территории достопримечательного места составляет 13,939685 га. Размеры Умревинского острога составляют 100×80 м, общая площадь 8000 кв. м. Такие параметры позволяют отнести его к сибирским острогам средних размеров.

Сохранилось несколько описаний конструкции и состояния укреплений Умревинского острога, относящихся к 1721, 1725, 1734 и 1741 гг.[8] Однако все эти свидетельства очень скупы и противоречивы. Например, в описании Г.Ф. Миллера от 1734 г. было указано, что «Умревинский острог… состоит из четырехугольного палисада с двумя башнями и церкви Трех святителей. В остроге кроме избы приказчика, судной избы и амбаров нет никаких зданий»[9]. Тем не менее в анкете, посланной Г.Ф. Миллеру в 1740 г. по Умревинскому острогу, сообщалось, что он «об одной башни огорожен стоячим тыном». И.Г. Гмелин отметил в своем описании Умревинского острога, который он посетил в июне 1741 г.: «прямоугольник, окруженный выровненными бревнами: с одной стороны 30 и с двух других 24, четвертая сторона вплотную примыкала к воде. Острог имел обычные укрепления в виде надолбов и рогаток. Внутри были расположены церковь "в честь Святого", построенная в 1719 г., два амбара для хранения зерна, а также остатки бывшей караульни»[10]. В целом данные письменных источников

[8] Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s. – S. 79; Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел. – СПб., 1750. – С. 274; Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. – 700 s. – S. 76, 77.

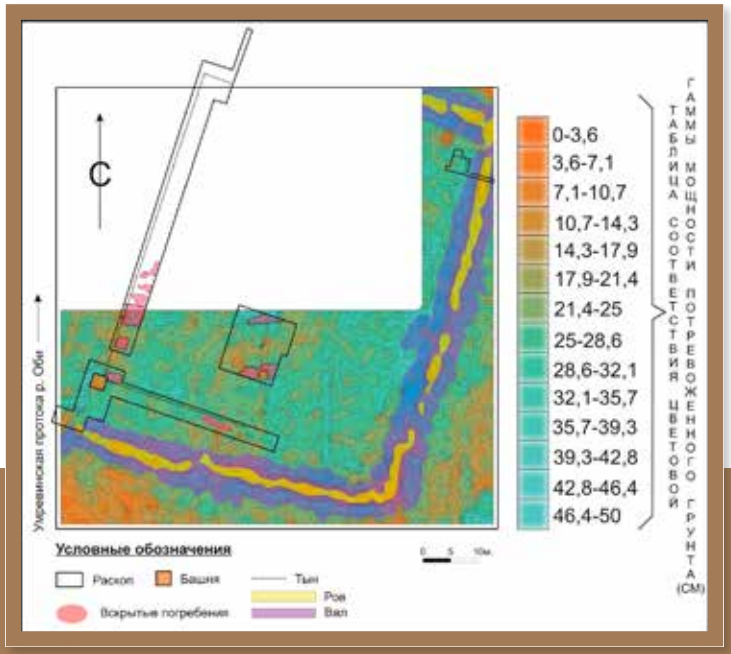
[9] РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Л. 97.

[10] Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. – 700 s. – S. 76, 77.

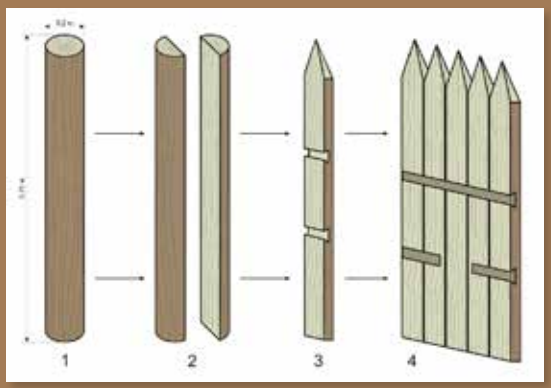
XVIII столетия представляют несколько вариантов описания оборонительных сооружений.

Археологические исследования доктора исторических наук А.П. Бородовского 2002–2022 гг. деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога[11] позволили выявить 2 основных строительных периода. Один из них — сооружение тына подпрямоугольного контура с одной проездной северной башней — относится к петровской эпохе (первая четверть XVIII в.). Подпрямоугольная тыновая ограда этого строительного периода изготавливалась из круглых бревен диаметром до 20 см. Ширина тыновой канавки составляла до 50 см, глубина до 87 см. Эти параметры вполне соответствуют стандартам размеров тыновых канавок конца XVII в. Они составляют по глубине от 71 до 105,5 см, что соответствует 1–1,5 аршина.

Подчеркнутые геометрические очертания тыновых стен Умревинского острога достаточно хорошо согласуются с рекомендациями по устройству и планировке оборонительных сооружений, изложенных А. Радышевским еще в XVII столетии. Такие тыновые стены были ограждены рвом подтрапецевидного сечения. Ширина в верхней части рва составляла 1,5–2 м, постепенно

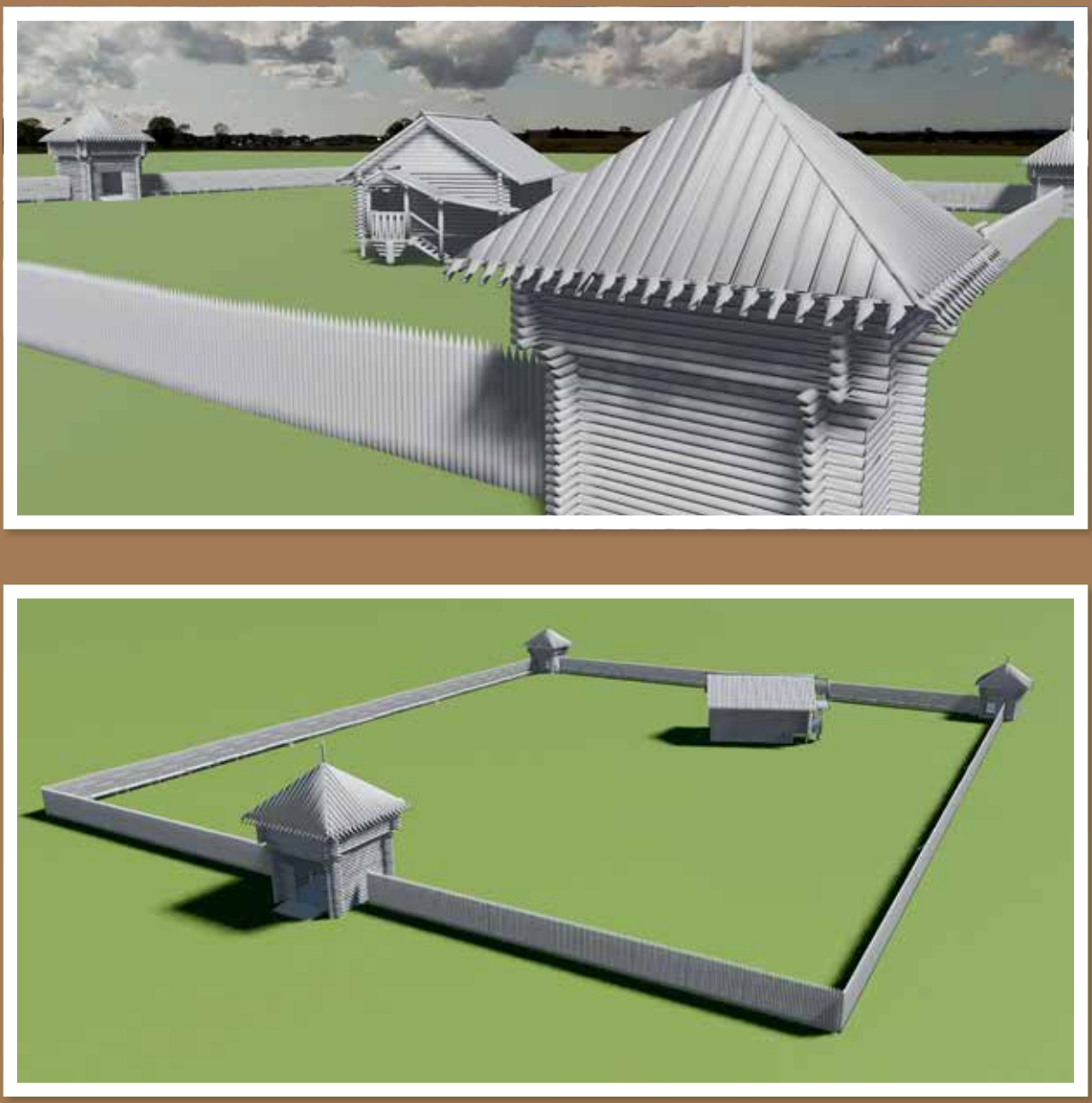
Геофизические исследования Умревинского острога

Изготовление тыновых стен Умревинского острога

3D-модель реконструированной угловой юго-западной башни Умревинского острога

[11] Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с.; Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 220 с.; Бородовский, А.П. Срубная конструкция в северном тыне Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 1. – С. 117–124.

Реконструкция Умревинского острога

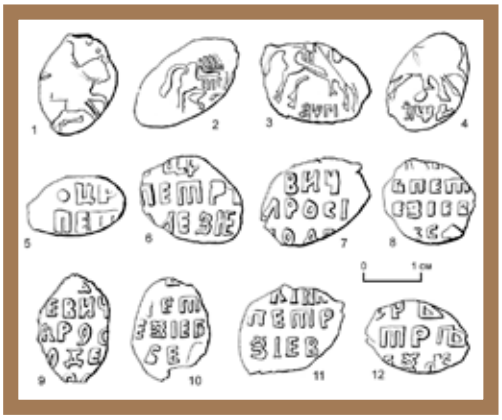
сужаясь к его основанию до 0,35–0,4 м. Общая глубина рва составляла 0,6–0,8 м. Тем не менее, несмотря на то, что подтрапецевидный профиль рва Умревинского острога имеет определенное сходство с европейскими образцами, он существенно отличается от них. Прежде всего он имеет симметричность наклонов своих стенок, тогда как для европейской фортификации начала XVIII в., судя по плану 1722 г. Омской крепости, углы стенок рва имели различные углы склонения[12]. Именно по причине вышеизложенных фактов рвы Умревинского острога начала XVIII в. следует рассматривать как результат предшествующего развития отечественного оборонительного зодчества допетровского времени. В своей основе земляные и деревянные укрепления Умревинского острога отражают заключительный этап бытования «древнерусской» фортификационной традиции в Сибири, сложившейся на южных рубежах Руси еще в X–XIII вв. Такая традиция возведения земляных оборонительных сооружений, очевидно, испытала определенные влияния зарубежного фортификационного опыта еще в допетровскую эпоху. Историческим прецедентом такого процесса является использование отечественного и европейского фортификационного опыта в 1722 г. при сооружении Царицынской оборонительной линии[13]. Для

[12] Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 416 с. – С. 170.

[13] Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. – Вып. 3. – Томск, 1999. – С. 32.

Карта С.У. Ремезова 1700 г. севера Верхнего Приобья до возведения Умревинского острога

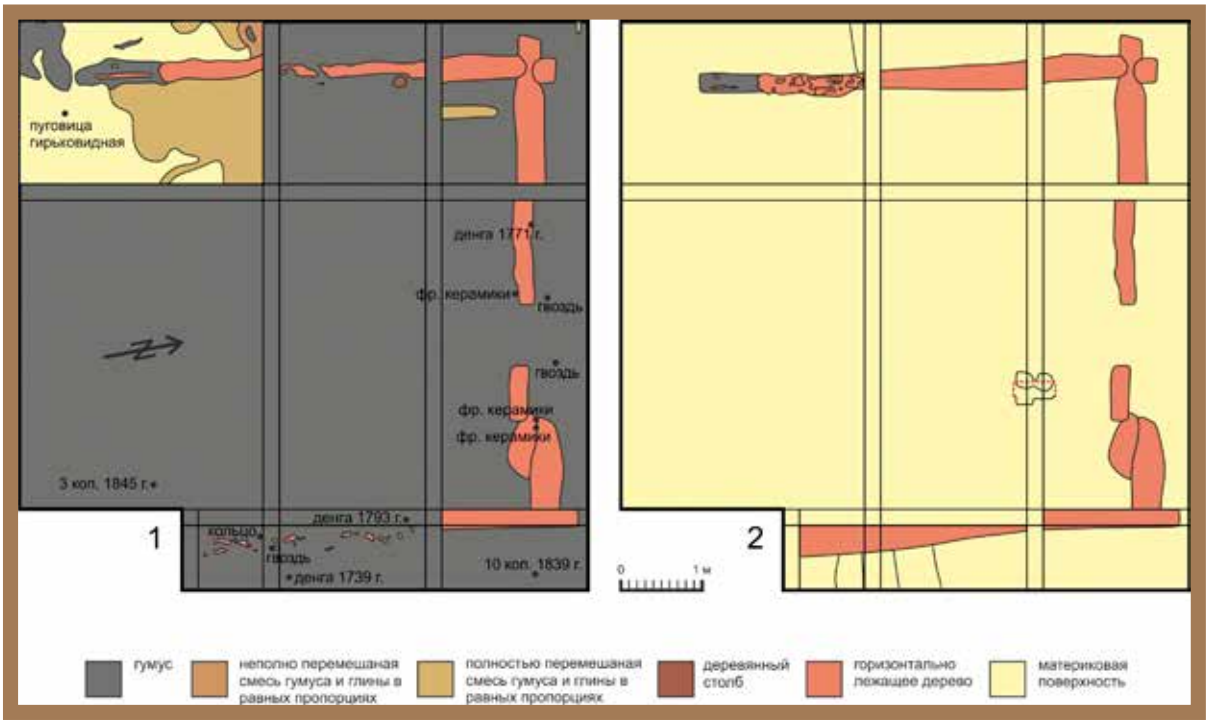
Капельные серебряные копейки Петра I из Умревинского острога

юга Западной Сибири такой «симбиоз» в фортификации представлен на примере Омской крепости в сочетании деревянных рубленых башен с земляными рвами европейского типа.

Небольшая глубина рва начала XVIII в. на Умревинском остроге может быть объяснена целым рядом причин (эпохальных и сезонных). В частности, по мнению некоторых исследователей, незначительные размеры земляных оборонительных сооружений связаны с тем, что в XVIII в. они постепенно теряют былое значение для обороны острогов[14] и пограничных крепостей. Например, Старый город 1717 г. на р. Оми, изображенный на карте 1722 г., был укреплен только простым палисадом и окружен очень маленьким рвом. Не менее показательно и то, что значительно позднее у Змеиногорской крепости на Алтае в 1747 г. внешний ров вообще не сооружался, а в 1757 г. был сделан только небольшой ров[15]. Во-вторых, глубина рва могла быть связана с сезонностью его сооружения. Например, в одной из «отписок» конца XVII в. о завершенности

[14] Шаповалов А.В. Пограничные крепости Южной Сибири XVIII в. особенности архитектуры // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития: Тез. регион. науч.-практ. конф. — Куйбышев, 1997. — С. 12–15.

[15] Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. — С. 29.

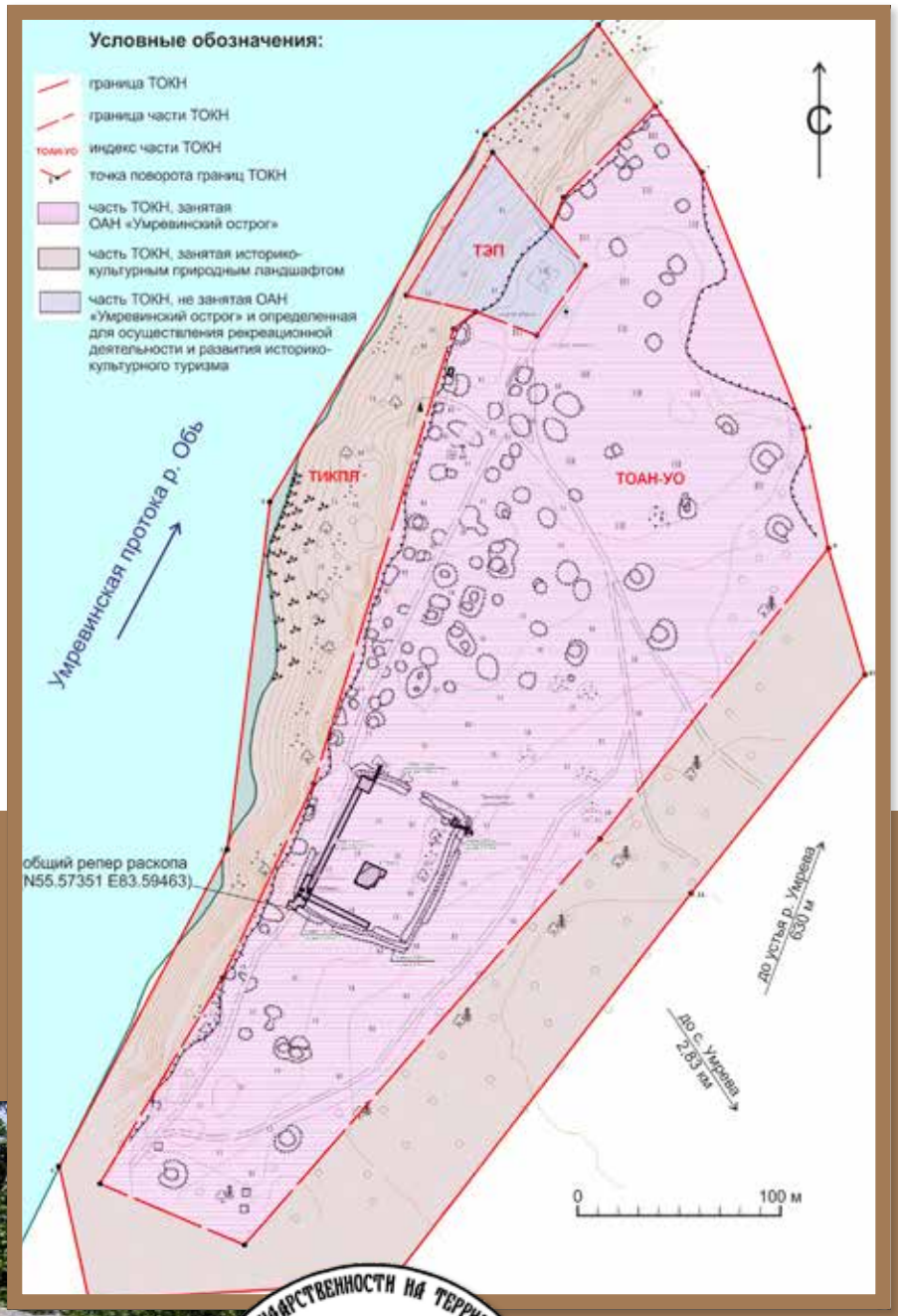
План фундамента угловой юго-западной башни Умревинского острога

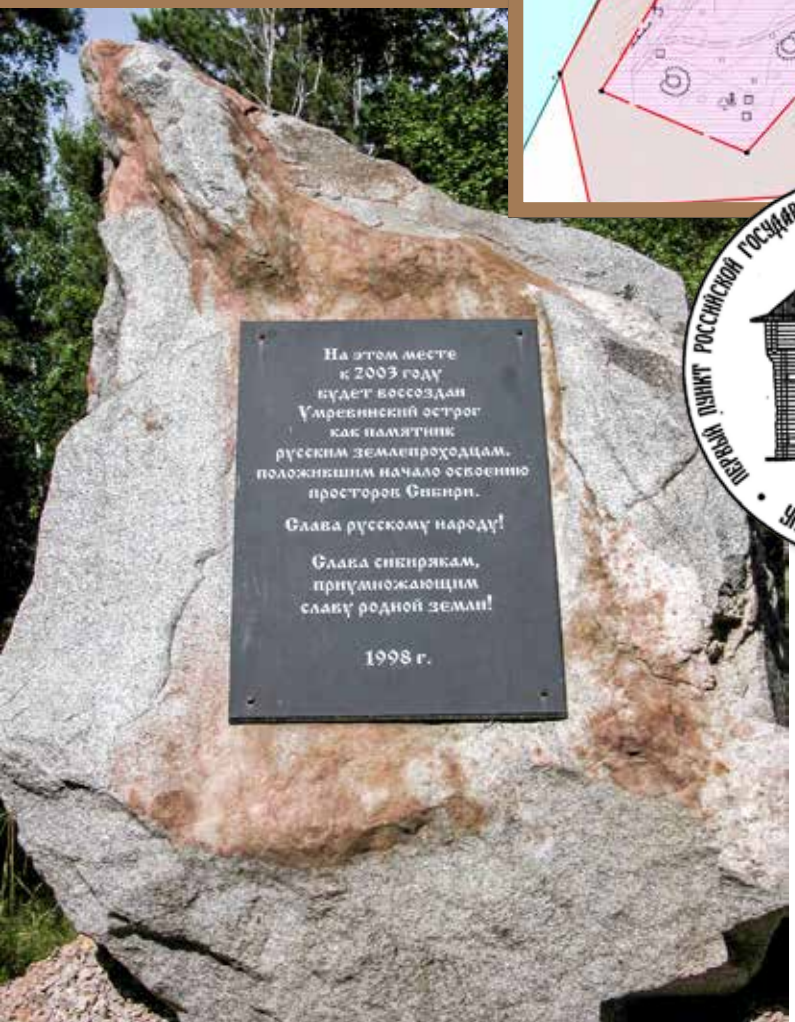
Раскопки тына Умревинского острога

Реконструкция тына Умревинского острога

План достопримечательного места Новосибирской области — Умревинского острога

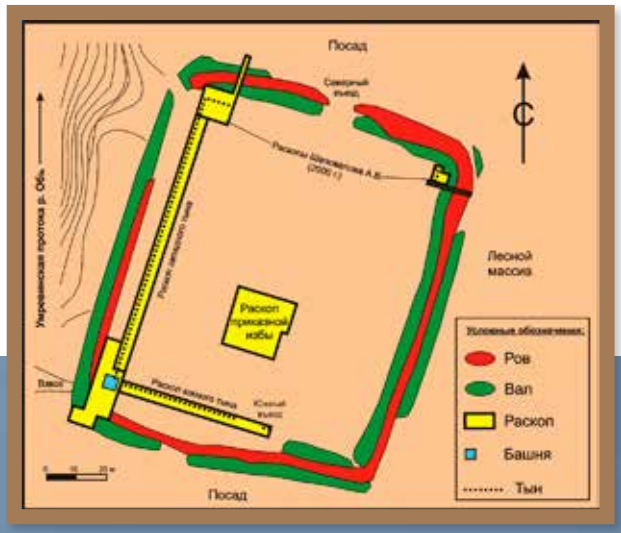

Памятный камень на Умревинском остроге

ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
1703 г.
УМРЕВИНСКИЙ ОСТРОГ

Современный логотип Умревинского острога

Размеры Умревинского острога

фортификационных работ на Албазинском остроге прямо указывалось, что «время опоздало, земля замерзла»[16]. Указанный сезонный фактор вполне актуален и для Умревинского острога.

Северная проездная башня была возведена на начальном этапе (до первой трети XVIII в.) существования Умревинского острога. Основание этой срубной деревянной конструкции имело размер 6×6 м из бревен диаметром до 40 см, уложенных на грунтовую поверхность. Такой строительный прием характерен для деревянной фортификации XVIII столетия в Западной Сибири. В частности, нижние венцы башен Казымского острога были уложены на песчаный грунт[17]. Наличие северной проездной башни позволяет отнести Умревинский острог к разновидности пограничных укреплений, которая имела подпрямоугольный тын

[16] Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. — 348 с. — С. 189.

[17] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: «Искусство», 1988. — С. 93, 150.

Умревинский острог. Вид с квадрокоптера

Тыновая канавка начала Умревинского острога XVIII в.

и одну проездную башню[18]. Такие фортификационные особенности свидетельствуют, что в петровское время (1696–1725) в Верхнем Приобье на примере Умревинского острога еще сохранялись основные принципы фортификации эпохи Московского царства (1547–1721). Не исключено, что выявленный фундамент северной проездной башни был описан в 1743 г. И.Г. Гмелиным как развалины караульного помещения. Поскольку назначение башен сибирских острогов было многофункционально, то они имели не только оборонительное значение, но и являлись караульными, жилыми и складскими помещениями. В культурном слое первого строительного периода Умревинского острога, как его основной площадки, так и его окрестностей, представлены серебряные капельные копейки, которые чеканились до 1718 г.[19]

[18] Бородовский А.П. Срубная конструкция в северном тыне Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 1. – С. 117–124.

[19] Бородовский А.П., Горохов С.В. Источники по нумизматике XVIII века в Новосибирской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 128–130.

Пограничные линии на Верхней Оби XVI–XVIII вв.

Расположение Умревинского острога

Второй строительный период деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога относился уже к первой трети XVIII в. В это время, по данным археологических исследований, был произведен ремонт, и тыновые стены были сооружены из расколотых пополам бревен. Сваи из таких же заготовок были использованы для ленточных фундаментов 2-х угловых башен на южной стене Умревинского острога. Эти археологические данные неплохо коррелируются с письменными данными. Речь идет прежде всего о замечании И.Г. Гмелина о наличии у Умревинского острога тыновых стен из «выровненных» бревен в 1741 г.[20] Таким образом, на этом участке укрепления острога приобрели бастионный вид. После сооружения 2 башен на южной стороне острога тыновая стена между ними по своему назначению становилась куртиной. Особая укрепленность южной стороны Умревинского острога была обусловлена целым рядом причин: наличием ворот в тыновой стене между башнями; близостью к транспортным магистралям (сухопутным, водным) и соответствием ориентации этих укреплений расположению пограничной линии. Одна из башен была в плане подквадратной, а другая имела подпрямоугольные очертания с размером сторон чуть более 3,5 м. Закладная монета («денга» 1730 г.), обнаруженная в основании угловой юго-западной башни, неплохо коррелируется с данными письменных источников[21] о реконструкции целого ряда острогов на севере Верхнего Приобья. В целом такие фортификационные изменения в первую четверть XVIII столетия были связаны с целым рядом факторов. Среди них: особенности распространения европейских принципов фортификации в Сибири, а также связь реконструкции деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога с внешней политической ситуацией на юге Западной Сибири и периодом начала масштабных военно-инженерных работ в этом регионе. На заключительном этапе существования Умревинского острога часть его сооружений (угловая юго-западная башня и центральное административное здание) сгорели[22]. Нумизматический материал второго строительного периода на Умревинском остроге представлен монетами времени правления от императрицы Анны Иоанновны до императора Павла I[23].

Отсутствие на территории Умревинского острога в более поздние периоды поселений привело к естественной консервации культурного слоя первой половины XVIII столетия. Это обстоятельство позволяет рассматривать Умревинский острог как эталонный археологический памятник периода русского освоения Сибири, который имеет огромное значение для всего Сибирского региона.

Заслуга точного определения места, где располагался Умревинский острог, принадлежит краеведу К.П. Зайцеву и главному археологу Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия при Администрации Новосибирской области С.В. Колонцову. Первый план площадки Умревинского острога был снят в 1992 г., а спустя еще 10 лет, в 2002 г., планиграфия укреплений существенно уточнена в ходе современной геодезической съемки сотрудниками департамента Охраны культурного наследия при администрации Новосибирской области. Первые археологические исследования, проведенные в 2000 г. кандидатом исторических наук, доцентом кафедры Истории мировой культуры Новосибирского государственного педагогического университета А.В. Шаповаловым, позволили выявить северный край тына острога. Работы были продолжены в 2002 г. доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, профессором кафедры Истории мировой культуры Новосибирского государственного педагогического университета А.П. Бородовским. Эти археологические исследования А.П. Бородовским продолжаются вплоть до настоящего времени. В ходе таких работ были проведены в 2003 г. первые в Сибири геофизические изыскания площадки Умревинского острога, а также дендрохронологические исследования остатков деревянных оборонительных и жилых конструкций этого оборонительного пункта.

---

[20] Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. – 700 s. – S. 78.

[21] ГАНО, Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

[22] Бородовский А.П. Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXVII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – С. 371–376.

[23] Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 242 с. – С. 187, 5, С. 217, 3.

Реконструкция южной башни Умревинского острога

Реконструкция артиллерии Умревинского острога

ЧАУССКИЙ ОСТРОГ

Дореволюционный герб Колывани (Чаусского острога)

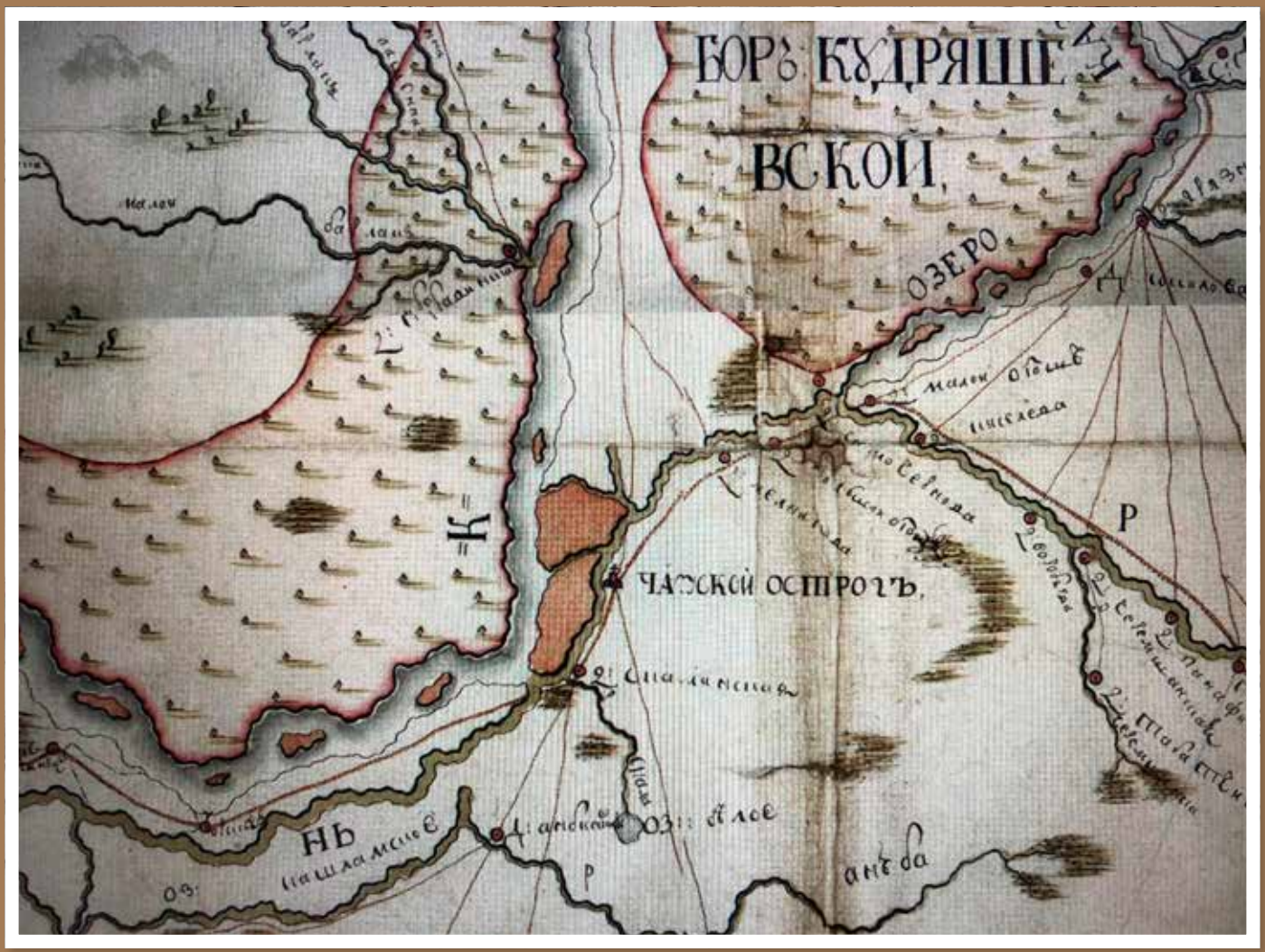
Чаусский острог (с. Чаус Колыванского района Новосибирской области, левобережная (Колыванская) пойма р. Оби). Площадь памятника составляет 7500 кв. м. Координаты границ объекта археологического наследия: 1) N 55.34375° E 82.77914° 2) N 55.34365° E 82.78037° 3) N 55.34225° E 82.77985° 4) N 55.34245° E 82.77863°.

В настоящее время известно несколько описаний Чаусского острога, основанного на территории Верхнего Приобья в 1713 г. Среди них челобитная 1714 г. об устройстве острога царю Петру I его основателем томским дворянином Д. Лаврентьевым, путевые заметки об этом оборонительном пункте иностранцев[24] и россиян[25], а также описа-

[24] Белевы путешествия через Россию в разныя Асиятские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь: [ч. 1–3] / перевел с французского Михайло Попов. — Санкт-Петербург: при Императорской Академии наук, 1776.

[25] Летопись города Иркутска. XVII–XIX вв. / сост. и научн. ред. Н.В. Куликаускене. — Иркутск, 1996. — С. 175.

Чаусский острог

Совмещение геофизики и плана Чаусского острога

ния участников академических экспедиций[26]. Существует также и ремонтная ведомость деревянных укреплений Чаусского острога, составленная в 1743 г.[27]

Сравнивая все эти письменные источники, следует отметить ряд разночтений в описании деревянных оборонительных сооружений Чаусского острога в различные временные периоды XVIII столетия. Если основатель и строитель острога Д. Лаврентьев в 1714 г. пишет царю Петру I о тарасных — срубных стенах, таких как полагалось первым сибирским деревянным городам[28], то иностранный дипломат Джон Белл в 1720 г.[29] характеризует эти укрепления как тын — обычные стены для большинства простых пограничных острогов из вкопанных в землю заостренных бревен. Описания Д.Г. Мессершмидта 1721 г.[30] и С.Л. Владиславич-Рагузинского 1726 г.[31] слишком лаконичны, чтобы судить о том, какие у Чаусского острога были стены — тарасные (рубленые в сруб) или тыновые (вертикально

---

[26] Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – B. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s.; Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. – Wittwe, 1752. – 700 s.; Фальк И.П. Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. – Т. 6. Записки Путешествія Академика Фалька. – Санкт-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1824. – 560 с.; Паллас П.С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. – Санкт-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1788. – 481 с.

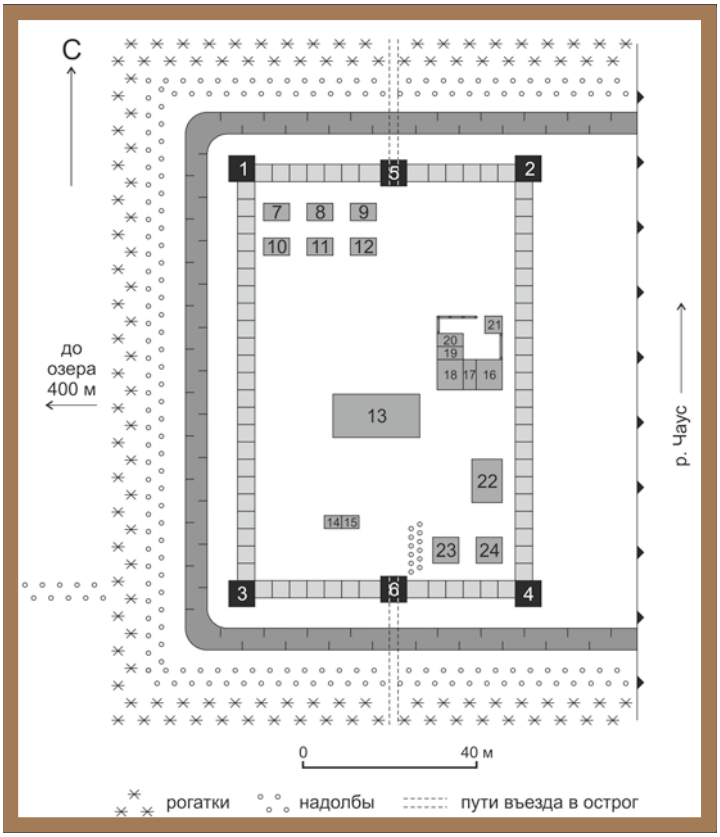
[27] ГАНО. Ф. Д-105. Оп. 1. Д. 6.

[28] Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 225.

[29] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – Т. 1. 1700–1725. – М.: Наука, 1978. – 703 с. – С. 502.

[30] Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – B. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s. – S. 76.

[31] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – Т. 2. (1725–1727). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 668 с. – С. 195.

План Чаусского острога, по описанию И.Г. Гмелина 1741 г. (реконструкция С.В. Горохова)

бревенчатые). Зато в описании академика Г.Ф. Миллера от 1734 г.[32], который сам на остроге не был, есть указание, что Чаусский острог построен «по образцу Томской крепости», в которой были как тарасные — основные — стены, так и внешние — тыновые — ограждения. Два самых подробных описания Чаусского острога сделаны И.Г. Гмелиным в 1741 г.[33] Тем не менее в этом описании стены

[32] Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 59–101.

[33] Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. — Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. — Wittwe, 1752. — 700 s. — S. 88–90; Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. (Археография и источниковедение Сибири). — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 225–226; Горохов С.В. Сведения в путевом дневнике И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баяндинские чтения — Т. XIII. — Новосибирск, 2018. — С. 132–136.

Площадка Чаусского острога с квадрокоптера

острога характеризуются как «вытянутый четырехугольник из лежачих бревен». Такая конструктивная особенность может соответствовать и заплоту. Археологически такой тип сооружения стены был выявлен при раскопках Саянского острога на Среднем Енисее[34]. На севере Верхнего Приобья заплотом, по письменным данным, был обнесен Бердский острог[35] и Сузунский медеплавильный завод[36]. Тем не менее вопрос о заплотной конструкции стен Чаусского острога в первой четверти XVIII в. остается гипотетическим, поскольку в ремонтной ведомости от 1743 г. для стен между башнями на стенах указывалось «крыть и починять», что соответствовало наличию крыши у срубных тарасных стен острога[37].

Тем не менее для описания И.Г. Гмелина 1741 г. и ремонтной ведомости 1743 г. существуют разночтения в расположении двух проездных башен из 6 таких оборонительных конструкций. В описании И.Г. Гмелина они располагались на южной и северной стенах острога, а в ремонтной ведомости — на севере и востоке[38]. В конце XVIII столетия П.С. Паллас в своей характеристике стен Чаусского острога

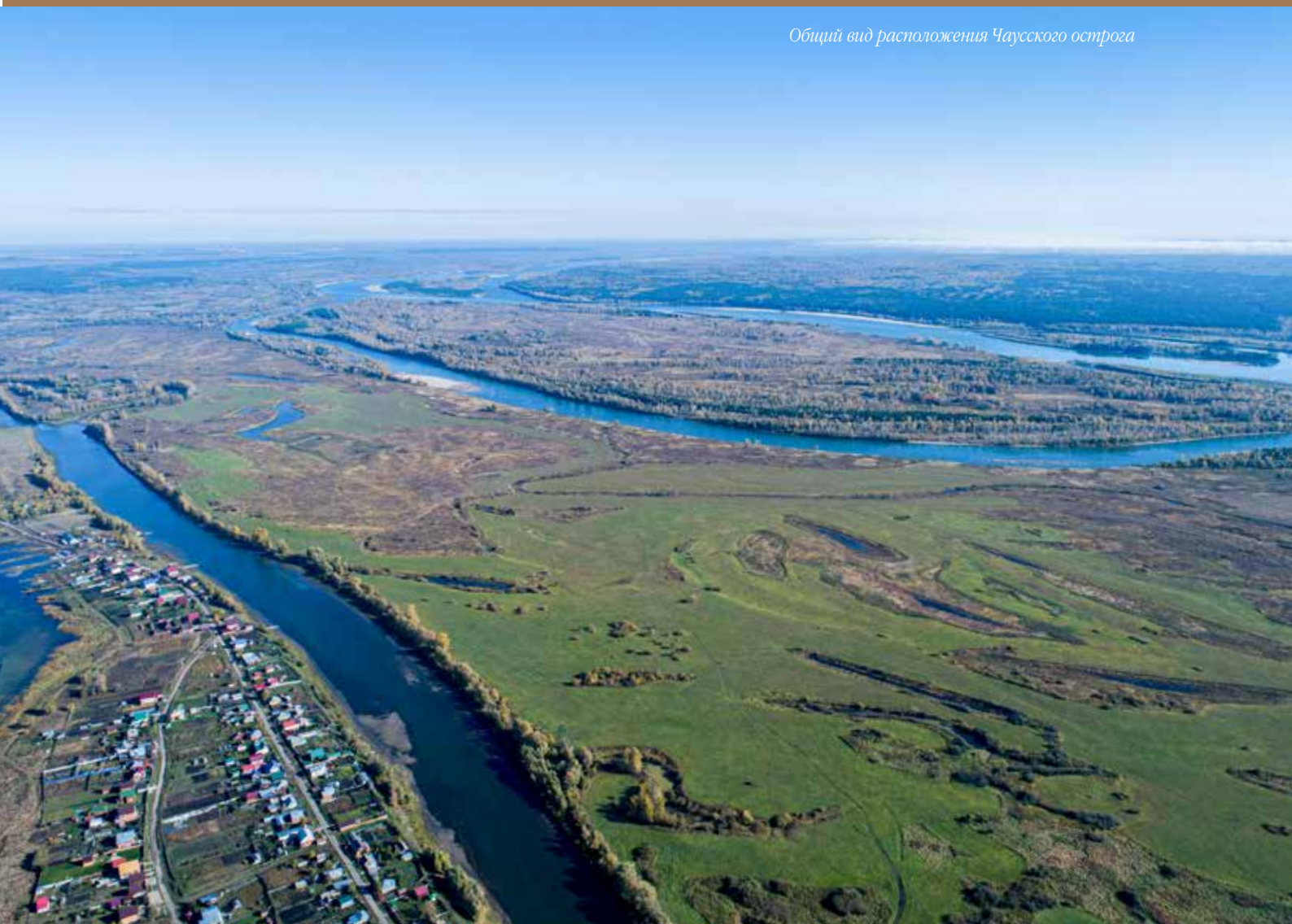
[34] Майничева А.Ю., Скобелев С.Г., Береженко Д.Ю. Реконструкция русских деревоземляных внутрикрепостных построек как знаковых сооружений Сибири XVII–XVIII веков (на примере Саянского острога) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Т. 46, № 4. – 2018. – С. 100–108.

[35] Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – С. 90; Резун Д.Я. Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Зап. Сиб. книжное изд-во, 1989. – 304 с. – С. 107.

[36] Шаповалов А.В., Росляков С.Г. Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Освоение и развитие Западной Сибири, XVI–XX век. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: Агентство «СИБПРИНТ», 2013. – С. 175–179.

[37] Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Вып. 2. – Новосибирск: Наука, 1996. – 192 с. – С. 159.

[38] Там же. С. 11.

Общий вид расположения Чаусского острога

уже упоминал только о «развалившемся заборе»[39]. Тем не менее в одном из самых последних официальных документов («Росписной список») о Чаусском остроге от 1786 г. упоминалось, что «крепость деревянная, бревенчатая, двустенная, крыта тесом, с шестью башнями о четырех углах, однако от реки Чауса этой стены саженей на десять не имеется...»[40]

Поэтому, исходя из этих данных, рассматривать основания деревянных оборонительных сооружений Чаусского острога вряд ли возможно как реперы для геофизических исследований. В сравнении с ними более надежным основанием для поиска площадки острога является ров вокруг него, который, по сути, и является внешней границей этого оборонительного сооружения. Первое описание рвов и надолбов, сооруженных вокруг Чаусского острога, относится к 1714 г. Боярским сыном Д. Лаврентьевым указывалось: «Около того острогу с трех сторон — выкопан глубокий ров... с южной страны к западу поставлены надолбы до Болшаго озера (Подкаменного)»[41]. В 20-е гг. XVIII столетия (1720, 1721, 1726 гг.) упоминания о рвах и надолбах вокруг Чаусского острога отсутствуют, что можно объяснить крайней лаконичностью этих характеристик. Такая информация появляется снова только в 30-е и 40-е гг. XVIII в. В частности, в «Росписном списке Чаусского острога» за 1731 г. отмечается «кругом острогу крепость надолбы и рогатины»[42]. Спустя 3 года, в 1734 г., в описании Г.Ф. Миллера также есть указание, что «вокруг острога протянут ров, вокруг которого еще установлены рогатки и надолбы»[43]. В 1741 г. И.Г. Гмелин, посетив Чаусский острог, также отметил наличие глубокого рва и углублений от надолбов вокруг него[44]. В 1746 г. на основании указа № 232 Томской воеводской канцелярии штык-юнкер Красносельцев проводил ремонт Чаусского острога[45]. Острог снова окружили рвом, обнесли надолбами и рогат-

[39] Паллас П.С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. – Санкт-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1788. – 481 с. – С. 7.

[40] Росписной список селения Чаусского острога за 1786 г. // ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 280.

[41] Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. (Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 226.

[42] Росписной список Чаусского острога 1731 г. // ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

[43] Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.

[44] Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. – Wittwe, 1752. – 700 s. – S. 88–90.

[45] ГАНО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

ками[46]. Тем не менее в официальных описаниях Чаусского острога 1755 г. упоминания его оборонительных конструкций, включая земляные, отсутствуют[47].

В связи с вопросом о рве Чаусского острога очень любопытен неатрибутированный план Чаусского острога первой половины XVIII столетия[48]. На нем ров вокруг Чаусского острога и его посада представлен значительно больших размеров, чем приведено в описании 1714 и 1741 гг. Он протянулся в виде не подпрямоугольной, а трапециевидной конструкции, ограждающей не только площадку острога, но и весь его обширный посад от протоки из озера Подкаменное в р. Чаус на севере до восточного берега этого водоема, а на юге снова примыкающей к береговой кромке р. Чаус. Это сооружение явно больше по своим размерам, чем известные параметры Чаусского острога. Любопытно, что аналогичный контур сохраняется на плане с. Чаусского 1831 г.[49] Это обстоятельство позволяет считать его не рвом, а границей всего поселения.

В конце XVIII в. упоминания о рвах и надолбах Чаусского острога окончательно исчезают из письменных источников. Например, в 1771 г. И.П. Фальк[50] и в 1772 г. П.С. Паллас[51], проезжая через Чаусский острог, ничего не сообщают в своих описаниях о рвах и надолбах. В последнем «Росписном списке Чаусского острога» от 1786 г. отмечено, что конструкция острога находилась к этому периоду в очень ветхом состоянии[52]. Возможно, что к этому времени такие оборонительные сооружения были засыпаны и полностью утратили свои рельефные признаки. Аналогичные процессы в середине XVIII в. нашли отражение в письменных источниках по Белоярской крепости. Так, в 1750 г. отмечалось, что ров и надолбы «весьма песком обнесло»[53]. Учитывая расположение Чаусского острога в Обской пойме, периодически подверженной обильным паводкам, подобные процессы также могли иметь место. Следует подчеркнуть, что от рельефа участка Обской (Колыванской) поймы, на котором располагался Чаусский острог, существенно зависело распределение паводковых вод и длительность затопления территорий. До возведения плотины на Новосибирском водохранилище в Колыванской пойме происходило, как правило, два паводка — весной и в начале лета. Именно этот фактор привел в начале XIX столетия к переносу основного пункта (Колывани) старого Московского тракта на левобережье р. Оби на более возвышенный участок.

Археологический памятник «Чаусский острог» исследуется А.П. Бородовским с 1996 г. В 2018 г. были определены границы объекта археологического наследия. В 2021 г. проведены геофизические исследования южной и западной частей острога. В 2022 г. начаты исследования западного рва острога, выявлен участок этого земляного оборонительного сооружения. Размеры рва Чаусского острога в сравнении с другими острогами (Умревинский) из Новосибирского Приобья достаточно значительны и соответствуют трем аршинам (213,36 см) или одной косой сажени (2,48 м). При этом значительная слоистость заполнения вскрытого участка западного рва соответствует процессу его постепенного заполнения. Все эти параметры вполне соответствуют тем характеристикам рва, которые были представлены в письменных источниках XVIII столетия по Чаусскому острогу. В целом земляные оборонительные сооружения этого пограничного пункта в отличие от фундаментов деревянных конструкций вполне могут быть использованы для определения основных границ Чаусского острога.

---

[46] Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. — С. 86.

[47] Романов П.И. Обветшание и ремонт оборонительных конструкций приобских острогов Томского уезда в XVIII веке // Баландинские чтения. — Новосибирск, 2019. — Т. 14. — С. 258–262.

[48] Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». — Вып. 2. — Новосибирск: Наука, 1996. — 192 с. — С. 158, 10.

[49] ГААК. Ф. 50. № 13, св.10 ед. хр. 100, ед. хр. 105.

[50] Фальк И.П. Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію ея президента. — Т. 6. Записки Путешествія Академика Фалька. — Санкт-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1824. — 560 с. — С. 431.

[51] Паллас П.С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. — Санкт-Петербургъ: при Императорской Академіи Наукъ, 1788. — 481 с. — С. 7.

[52] Росписной список селения Чаусского острога за 1786 г. // ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 280.

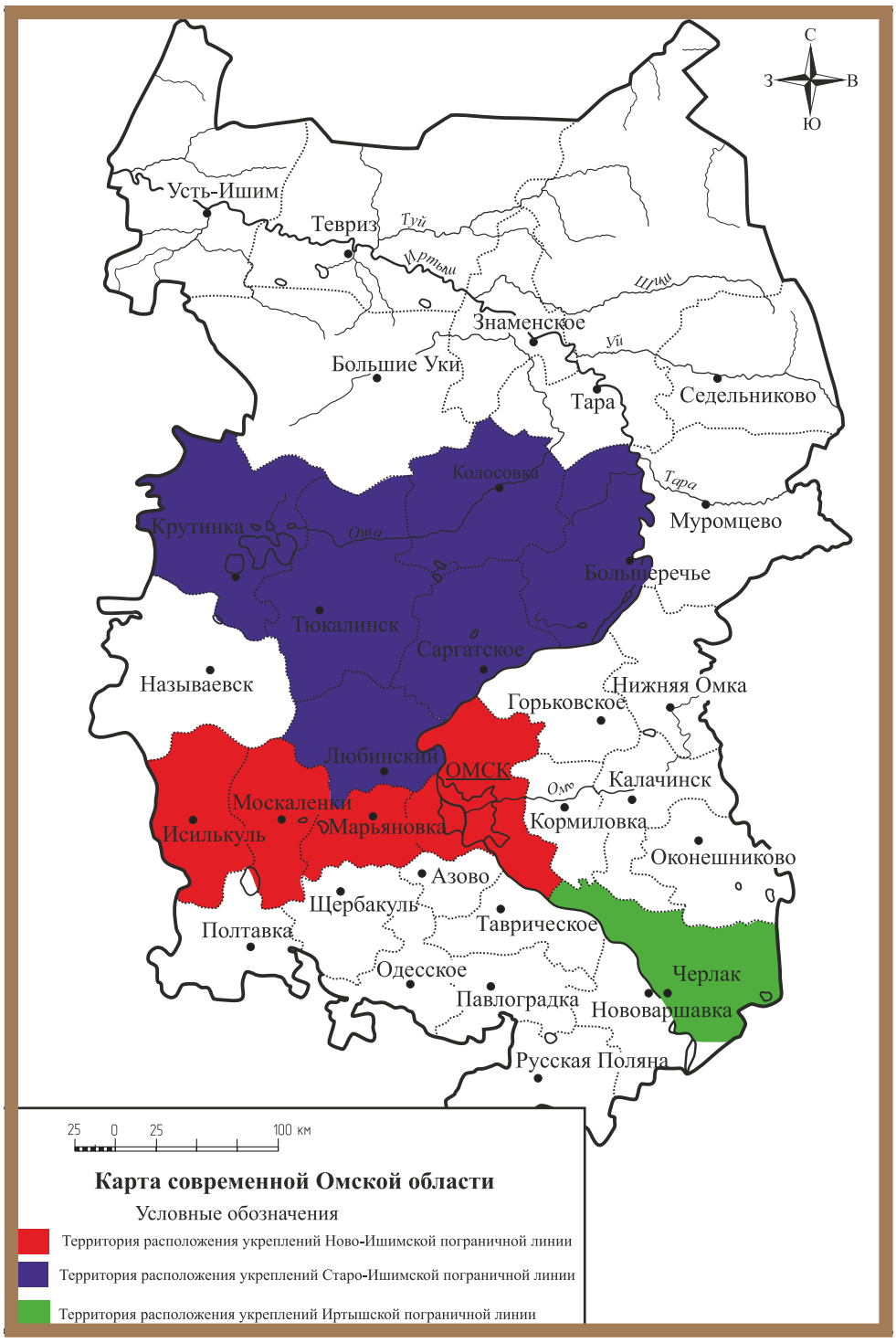
[53] Сергеев А.Д. Тайны алтайских крепостей. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. — 80 с. — С. 45.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

История возникновения системы укреплений в междуречье Иртыша и Тобола берет свое начало в событиях рубежа XVII–XVIII вв., связанных с противостоянием России и Джунгарского ханства в Прииртышье. С 10-х гг. XVIII столетия территория современной Омской области начинает интересовать российское правительство. Слияние рр. Оми и Иртыша являлось важным геополитическим плацдармом будущей империи, что определило дальнейшую судьбу региона. Именно благодаря своему стратегическому положению на территории современной Омской области появляются 3 оборонительные линии (в хронологическом порядке строительства): Иртышская (от крепости Омской до крепости Усть-Каменогорской), Тобол-Ишим-Иртышская (от крепости Царево Городище [современный город Курган] до Воровского форпоста [современное село Любино-Малоросы в Любинском районе Омской области]) и Новая (от крепости Звериная Голова [современное село Звериноголовское в Курганской области] до Иртышного редута [современный поселок Крутобережный в Омском районе Омской области]).

Омская область

ТАРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Тара основана князем Андреем Елецким в 1594 г. по указу царя Федора Ивановича в качестве форпоста на южной сибирской периферии для борьбы с отрядами последнего сибирского царя Кучума и хозяйственного присвоения региона. Согласно царскому наказу, Тарская крепость должна была быть заложена в устье р. Тары[1]. Однако это местоположение для строительства города было признано неудобным из-за низких и болотистых берегов. В связи с чем город был срублен на высоком берегу р. Аркарки в версте от места ее впадения в Иртыш[2].

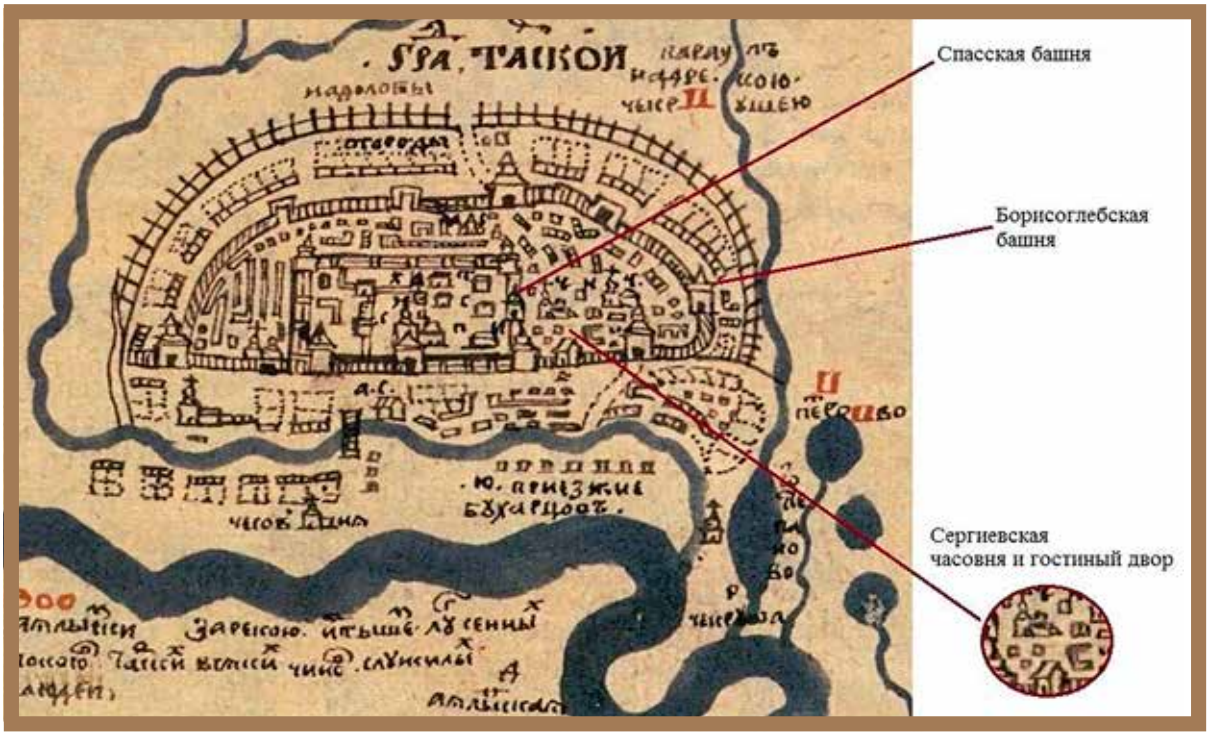
Согласно дозорной книге 1624 г., система укреплений Тары состояла из внутренней крепости, т. е. собственно «города», и опоясывающего ее с трех сторон острога. За пределами укрепления располагался посад, на котором стояли дворы преимущественно служилых людей. Внутренняя крепость имела форму неправильного 4-угольника, одна из сторон которого стояла на высоком пойменном берегу Аркарки. Укрепления города состояли из 6 башен, 2 из которых были надвратными (Спасская и Водяная) и 4 глухими (Княжья, Вестовая, Вешнякова и Осиновая), между которыми располагались городни. Со стороны Аркарки в крепость вели Водяные ворота, а со стороны острога — Спасские. По периметру протяженность города составляла 164 сажени. Высота городовых стен по документам[3] достигала 2,16 м. На территории внутренней крепости стоял 8-угольный раскат с полуторной медной пушкой. Здесь же находился пороховой погреб.

Поскольку площадь города была невелика, на его территории располагалось всего 4 двора, включая воеводскую усадьбу. Стены

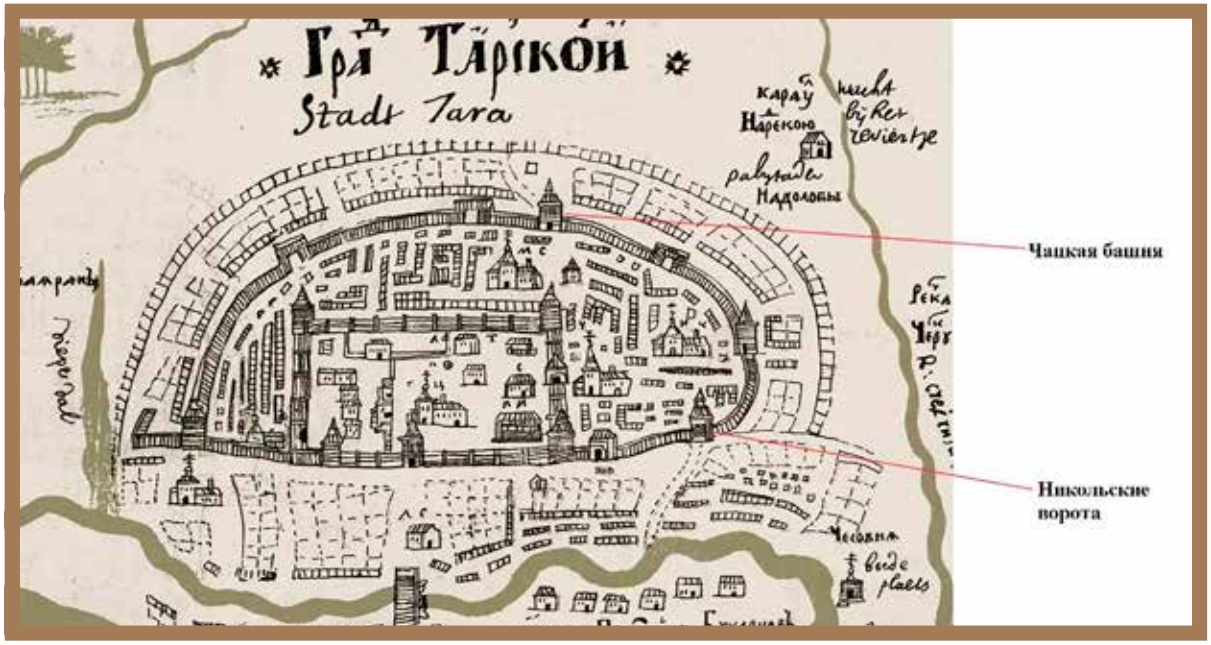
[1] Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленными в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними // Архив Академии наук. Ф. 21. Оп. 4. № 15. Л. 152. Восточная литература: https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_2/Gramoty/1-20/13.phtml?id=7813 (дата обращения: 20.04.2023).

[2] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 284.

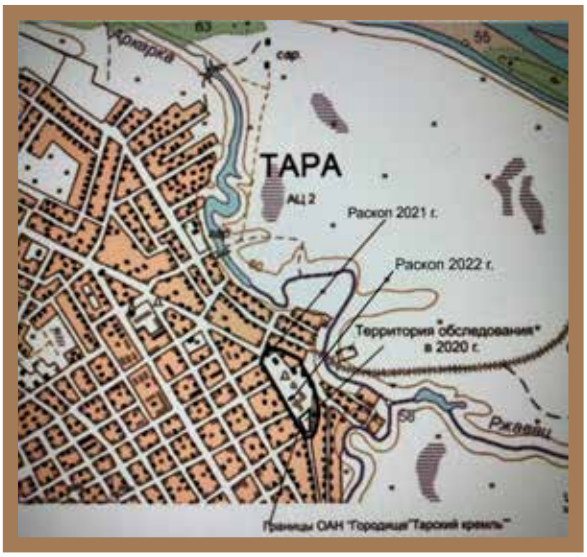
[3] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 316 об.

Город Тара из Хорографической «Чертежной книги» Сибири, 1697–1711 гг.

Город Тара из «Чертежной книги» Сибири, 1882 г.

План Тарской крепости. Автор С.Ф. Татауров. 2023 г.

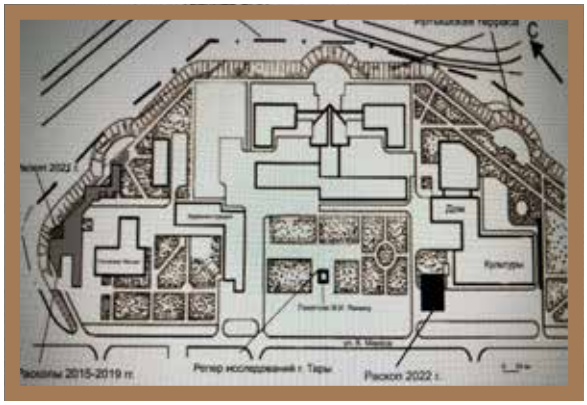
города укрывали стратегически важные объекты — съезжую избу, тюрьму, 3 государственных амбара (для мехов, соли и хлеба), а также 20 частных житниц, принадлежащих семьям служилых людей[4]. Внутри городовых стен находился храм Успения Богородицы с двумя приделами — Афанасия Чудотворца и Георгия Страстотерпца[5].

Опоясывавший город острог состоял из стен, смыкавшихся с 6 башнями (Никольской, Пятницкой, Крестьянской, Ильинской, Маланьиной и Спасской), 3 из которых были проезжими: со стороны Аркарки в острог вели Никольские ворота, далее (по часовой стрелке) располагались Ильинские и Спасские ворота, а рядом с угловой городовой Княжьей башней в остроге имелись Крестьянские ворота[6]. На Пятницкой и Спасской башнях стояли медные полковые пушки, в то время как Крестьянская, Ильинская и Маланьина башни были снабжены пищалями[7]. Периметр острога составлял 500 печатных саженей.

На территорию острога были вынесены вторая воеводская усадьба, поскольку Таре как порубежному городу полагалось иметь одновременно 2 воевод; гостиный двор с 14 лавками и 16 лавок, принадлежащих служилым людям[8]. Здесь же располагались 2 храма — Борисоглебский и Никольский, и женский монастырь с Пятницкой церковью. Частная застройка острога была представлена 222 дворами, из которых только 4 двора принадлежали посадским и крестьянам.

Поспешность возведения Тарской крепости привела к тому, что к 1606/1607 г. основная защитная городовая стена, выходящая к Аркарке, прогнила и обвалилась, и ее потребовалось заменить, остальные 3 стены заново срубили значительно позднее — в 1620/1621 г.[9] Острожные укрепления потребовали заме-

[4] Там же. Л. 317–317 об., 319–320.
[5] Там же. Л. 318.
[6] Там же. Л. 320.
[7] Там же. Л. 320 об.–321 об.
[8] Там же. Л. 324–325.
[9] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1098. Л. 2 об.–3.

План Тарской крепости. Автор С.Ф. Татауров. 2023 г.

ны в 1637/1638 г., однако долго обновленный острог не простоял, и в правление воеводы Ивана Чаадаева в 1655/1656 г. острог возвели заново[10].

Существенной перестройки Тарские военные укрепления были подвергнуты после пожара 1669 г., когда выгорела большая часть поселения вместе с городом и острогом. Первой в 1672/1673 г. восстановили городовую стену с 3 башнями (Сполошной, Водяной и Княжьей) у р. Аркарки[11]. В 1701 г. на башне над Водяными воротами были установлены «часы боевые»[12]. Ворота выводили к спуску к р. Аркарке, через которую был перекинут мост. Городовая стена с башнями стояла от реки в 30 саженях, столько же Аркарка была в ширину (около 64 м).

Княжья башня после перестройки перестала являться угловой, поскольку от нее до острожных Водяных ворот была построена стена в 2 городни или 3 сажени, а уже от этих городен была выстроена стена в 25 сажень, заканчивающаяся угловой Вестовой башней[13]. Эта специфика Тарского детинца хорошо видна на рисунке С.У. Ремизова[14] и является дополнительным фактором в идентификации военных сооружений Тары рубежа XVII–XVIII вв. Стены, соединяющие Княжью башню с Вестовой, были построены в 1682/1683 г.

Между Вестовой и Вешняковой башнями, имеющими 6-угольную форму в плане и являющимися угловыми, шла сплошная стена. Эта стена была возведена последней из городовых военных укреплений, в 1683/1684 г. при воеводе Карпе Павлове[15]. Заключительным звеном в городовой системе укреплений была стена, соединяющая угловую Вешнякову и проезжую Спасскую башню.

После пожара 1669 г. отстроенный Тарский кремль сохранил пропорции неправильного 4-угольника, примыкающего самой длинной стороной к берегу Аркарки. После перестройки размеры внутренней крепости практически не изменились. В начале XVIII в. протяженность городовых стен составила 168 сажени[16].

Острожные стены и башни восстанавливали тарские служилые люди в 1672/1673 г. по указу воеводы князя Федора Мещерского. Новый острог ставился «не в черту», и из-за поспешности некоторые башни не были восстановлены. Уже через 7 лет острожные постройки обветшали и развалились, в связи с чем в 1679/1680 г. эти укрепления были перестроены при сотнике и воеводе Матвее Лодыгине[17]. Однако новый острог долго не простоял, поскольку сгорел в очередном пожаре в 1685/1686 г., и его срочно отстраивали при новом тарском воеводе Карпе Павлове[18].

Таким образом, в середине 1680-х гг. в системе острожных укреплений не были восстановлены Малая глухая, Пятницкая, Крестьянская, Маланина, Никольская и еще одна Малая глухая башни[19]. Вместо Пятницкой башни были построены проезжие ворота шириной в 2 сажени. Напротив этой башни, в 2 саженях от нее, находилась церковь во имя устюжских чудотворцев Прокопия Праведного и Иоанна Юродливого[20]. Восстановлены были лишь 2 острожные башни — Чацкая с раскатом для помещения артиллерии и имеющая ворота (Чаунины) и некогда находящаяся между Крестьянской и Маланиной башнями, и проезжая Борисоглебская башня, располагавшаяся между Маланиной и Никольской башнями. Вместо Никольской проезжей башни были построены ворота, от которых шел спуск к р. Аркарке, длиною в 100 саженей[21].

---

[10] Там же. Л. 3 об.

[11] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 285.

[12] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 4.

[13] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 286.

[14] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. — СПб., 1882. — Л. 5 об.–6.

[15] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 286.

[16] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1397. Л. 1.

[17] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1098. Л. 3 об.–4.

[18] Там же. Л. 4.

[19] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 287–289.

[20] Там же. С. 287–288.

[21] Там же. С. 289.

В 3 саженях от городовой угловой Сполошной башни в остроге располагались ворота, не имевшие названия. Еще одни острожные ворота — Водяные — находились в 3 саженях от Княжьей башни. Они не являлись проезжими, т. е. не использовались для проезда транспорта.

К началу XVIII в. некоторые башни Тарского города сменили свои названия[22]. Изменение названий башен затронуло только городовые сооружения. Например, Пятницкая башня в городовых списках Тары 1699 г. и 1702 г. соответствует Вестовой угловой глухой башне дозорной книги 1624 г. и описной книги 1688 г. Видимо, после пожара 1669 г., уничтожившего все городовые и острожные военные укрепления, острожную Пятницкую проезжую башню восстанавливать не стали, ограничившись возведением ворот на ее месте. Название же перешло в конце XVII в. на ближайшую к ней башню кремля, ранее известную как Вестовая.

Острожные укрепления, дважды из-за поспешности возведенные «не в черту», увеличили свою протяженность до 619 саженей[23]. Острожные стены от Пятницких ворот да Борисоглебской башни прикрывал ров и 2 надолбы, одна из которых была запускной, но к 1696 г. ров осыпался, а надолбы прогнили и обвалились[24]. В 1713 г. в ожидании «набегов неприятельских людей» тарские жители восстановили ров и соорудили земляной вал[25].

После постройки Новой линии военных укреплений Тарская крепость окончательно теряет свое военное значение. На плане города 1775 г. отсутствуют острожные стены, об их месторасположении напоминает сохранившийся ров[26]. Остатки городовой стены нанесены на план начала XIX в.[27], однако в описании к экспликации отмечалось, что «деревянного укрепления ныне уже никакого нет, включая очень малой части вала»[28].

---

[22] Крих А.А. Описание города Тары в архивных документах конца XVII — начала XVIII века // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2021 — № 16 (4). — С. 1607–1608.

[23] Описная книга Тары 1688 года // Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. — Омск, 2022. — С. 289.

[24] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1098. Л. 4–4 об.; Д. 925. Л. 84 об.–85.

[25] Пузанов Д.В. Тарский уезд и его служилые люди в первой трети XVIII в. // Вестник НВГУ. — 2019. — № 3. — С. 74.

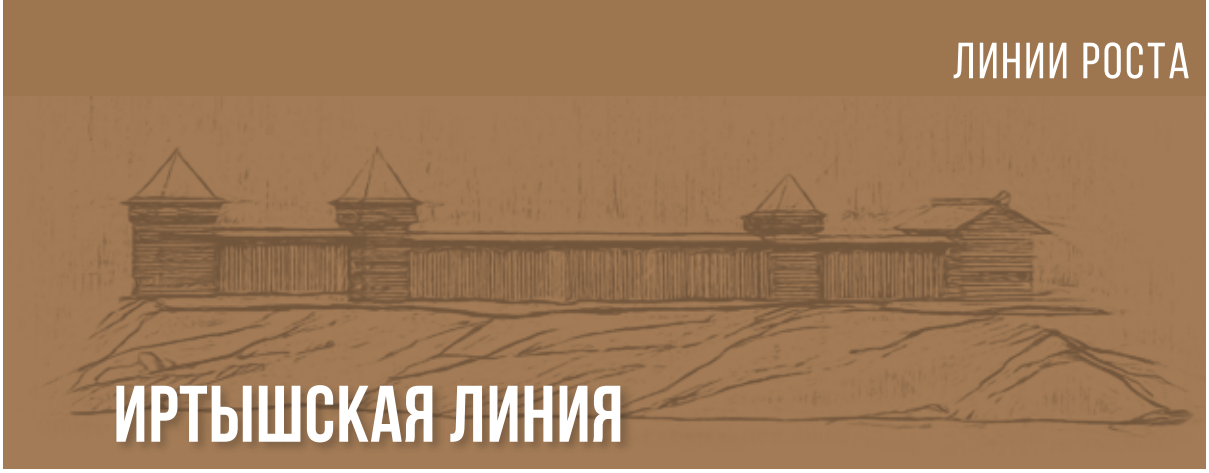
[26] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 59. Л. 1.

[27] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Л. 13.

[28] Там же. Л. 14.

Ров Тарской крепости. Раскопки С.Ф. Татаурова, 2024 г.

ИРТЫШСКАЯ ЛИНИЯ

Возведение основ этого масштабного оборонительного сооружения (на территории современной Омской области Российской Федерации) началось в 1722 г.[29] и имело особое значение для окончательного закрепления за Российским государством обширной Барабинской лесостепи и левобережья Верхнего Приобья (современная Новосибирская область).

С начала XVII в. из города Тары снаряжаются ежегодные экспедиции вверх по Иртышу, на Ямышевское озеро за солью. Из отчетов об этих поездках упоминаются известные нам сегодня топонимы Ачаир, Кызылбаш, Соляной Поворот, Черлак, Атмас и др. До петровского времени крайним форпостом русского проникновения на юго-восток современной Омской области оставалась Чернолученская слобода, основанная в 1670 г., в 50 км вверх по Иртышу к северу от современного г. Омска.

В 1716 г. с окончания экспедиции И. Бухгольца на Ямышевское озеро (современный Казахстан) в степной части юга Западной Сибири началось формирование Иртышской укрепленной линии[30]. По итогам экспедиции активизировался процесс колонизации юго-восточной части Прииртышья, в результате которого русская экспансия продвинулась южнее Чернолученской слободы на 50 верст, была основана Омская крепость[31], которая помогала устранить опасность внезапных набегов на ясачные волости Тарского уезда; появился промежуточный пункт на пути из Тобольска за солью, что закладывало перспективы

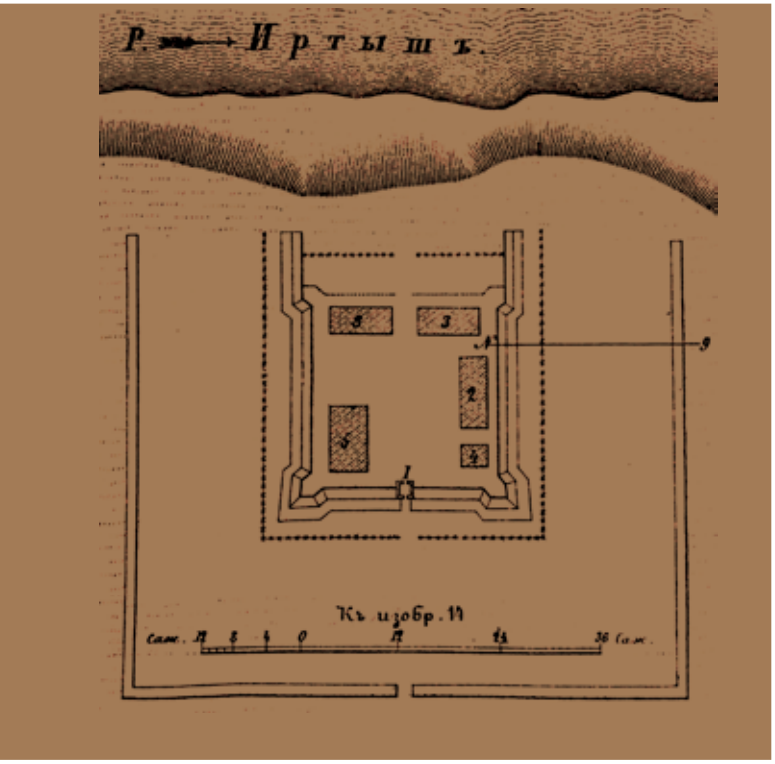
[29] Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: диссер. на соискан. уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. — Уфа, 2007. — 241 с.

[30] Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухгольца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Наука, 1974. — С. 47–59.

[31] Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. — Барнаул: Барнаульское книжное изд-во, 1974. — 144 с. — С. 13.

Карта (ландкарта) расположения форпостов и острогов Старо-Ишимской линии (реализованный и проектируемый варианты) и проект расположения форпостов и крепостей будущей Ново-Ишимской линии, фрагмент Иртышской линии от Омской крепости до крепости Железинской

Типовой редут Иртышской линии

дальнейшего продвижения России в Западной Сибири вверх по Иртышу.

В начале XVIII в. на формирующейся Иртышской оборонительной линии были размещены 2 регулярных полка под командованием подполковника Прокофия Ступина. В 1717 г. военный отряд под руководством сына боярского Павла Свиерского между двумя крепостями в урочище Темиркаш строит третью (Железинскую). В 1718 г. экспедиция подполковника Прокофия Ступина сооружает Семипалатинскую крепость, а в 1719 г. — Убинскую крепость[32], которая затем была переделана в форпост.

В 1720 г. царь Петр I инициирует новую экспедицию в верховья Иртыша, руководителем которой был назначен гвардии майор Семеновского полка И.М. Лихарев. Задачи, поставленные Петром I, участники отряда майора Лихарева частично выполнили, дошли до оз. Зайсан и на обратном пути в устье р. Ульбы заложили Усть-Каменогорскую крепость (она была поставлена для связи между крепостями) и построили 7 промежуточных форпостов: Ачаирский, Черлаковский, Осьморыжский, Чернорецкий, Коряковский, Семиярский и Убинский. Оборонительные укрепления, вошедшие в состав Иртышской оборонительной линии, которая протянулась на 930 верст от Омской крепости до Усть-Каменогорской, стояли друг от друга слишком далеко, что не позволяло в полной мере использовать весь защитный потенциал — они не могли служить надежным препятствием от набегов кочевников, и это привело к необходимости повторного сокращения расстояния между оборонительными сооружениями. Поэтому был поставлен вопрос об увеличении оборонительных укреплений.

По итогам встречи 17 марта 1743 г. тайного советника И.И. Неплюева и Сибирского губернатора Алексея Сухарева в г. Шадринск Исецкой провинции была составлена ландкарта, посланная в Сенат. В доношении по этому поводу говорилось: «Как из той карты видно… по Иртышу крепости редко стоят, между которыми из киргизской стороны пройти без затруднения можно…» Было решено от Чернолуцкой слободы до Семипалатной крепости между имеющихся построить новые крепости и редуты. Конкретные меры по укреплению южных рубежей Западной Сибири были изложены в определении Сената, составленном 18 сентября 1744 г. и посланном на утверждение императрице Елизавете Петровне.

В 1745 г. генерал-майор Х.Х. Киндерман, согласно проведенному им осмотру местности, представил проект линии. Суть документа состояла в том, чтобы между существующими крепостями расположить большие форпосты в 60 верстах один от другого, и между ними — малые, на расстоянии 20 верст. Это упростило бы организацию разъездов от форпостов, которые задумано было проводить от каждого из них на половину расстояния. В рапорте от 29 января 1745 г. полковник Зорин объясняет Х.Х. Киндерману особенности и отличительные черты строительства укреплений Иртышской линии: «… о сделании здесь… маяков при здешней степной стороне, за обширностью места, оные маяки… каждый расстоянием по 5 верст… а между 20-ю верстами иметь форпосты и крепости… к зделанию земляного вала здешняя земля весьма неспособна, да и кем оное исполнить, таковых способных (яко-то крестьян) в близости не имеется».

Результаты поездки Х.Х. Киндермана по Иртышу отразились в списке, составленном, по всей видимости, осенью 1745 г. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится «Карта реки Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепости. Сочинена 1745 г.». Автор чертежа не указан. В нижнем правом углу помещен автограф «Инженер подпоручик Андрей Селиверстов», на обороте листа запись: «По реэстру генеральному № 24. Прислана при доношении от генерала

[32] Там же. С. 15.

маеора Х.Х. Киндермана с сержантом Соколовым 17 мая 746 году». Очевидно, чертеж был выполнен Андреем Селиверстовым в начале 1746 г. Это могла быть или копия карты Долбилова, или самостоятельная карта Селиверстова на основании съемок 1745 г. В Российском государственном архиве древних актов удалось выявить подлинный «Реестр посланным в Высоко правительствующий Сенат ландкарте реки Иртышу и по ней крепостям и редутам», подписанный тем же инженером-подпоручиком Андреем Селиверстовым. В перечне названы: карта, типовые проектные планы большого и малого редутов и маяка, «Опись назначенным на карте реки Иртыша крепостям», смета, мнение и две ведомости. Сопоставление описи с картой из Российского государственного военно-исторического архива позволяет считать их единым комплексом документов.

На карте подробно показано русло Иртыша от Омской крепости до Усть-Каменогорской. Вдоль правого берега реки отмечены существующие и проектируемые объекты Иртышской пограничной линии. Для обозначения разного вида сооружений использовано 4 знака: крепости нарисованы квадратами с бастионными выступами по углам, большие редуты на месте форпостов — большими квадратами, малые редуты на месте учреждаемых станцев — малыми квадратами, маяки — треугольниками в виде вышки. Все они соединены линейной дорогой. В легенде этой картографической документации указывалось: «при каких местах определены почтовые дворы, защиты, маяки и прочие построить», указывающий географию наиболее выгодных для строительства маяков и почтовых постов мест, среди которых было обозначено урочище Соляной Поворот.

В отличие от реестра Х.Х. Киндермана, составленного осенью 1745 г., в проекте начала 1746 г., присланном в Сенат, маяки предполагалось построить не только на середине пути между укреплениями, но и при каждой крепости, форпосте, станце. Рядом, как и у других укреплений по всей линии, был назначен маяк. В то время маяк, вероятно, представлял собой вышку для обзора и подачи сигнала. При опасности караульный поджигал хворост, лежавший наверху вышки. Маяки ставились возле каждой крепости и редута, а также на полпути между ними. В последнем случае рядом с вышкой возводили казарму для размещения воинской команды, охраняющей границу. Такие казармы укреплялись палисадом, надолбами, рогатками. Образовавшийся укрепленный пункт, как и вышку с хворостом, называли маяком. Станции представляли собой редуты со стороною в 10 сажень и выступами на углах. Из них два противоположных имели вид бастионов и были вооружены каждый одним орудием. Другие два выступа были квадратной формы и состояли из казарм с открытой обороной. Вся ограда имела профиль заплота. Внутри ограды, которая обносилась рядом надолб и рогаток, помещались светлица, провиантский амбар, сараи и конюшня. Последние два строения прислонялись к ограде, и в стенах проделывались бойницы.

На Иртышской линии значилось 20 станций (редутов). Из них 19 были построены в виде правильного 4-угольника, и только одна, станция Соленый Поворот, представляла собой иррегулярный 4-угольник. Профилем всех этих укреплений являлся бруствер с одним банкетом и горизонтальный ров в 10 футов, прикрытый гласисом. С.Р. Муратова отмечала тенденцию строительства оборонительных сооружений по «западному образцу», т. е. в виде отдельных мощных крепостей, а не пограничных черт, используемых русскими в XVII в. и ранее, строительство которых требовало мобилизации огромных людских ресурсов, а также привлечения крупных финансовых средств[33]. Более того, важно отметить, что песчаные земли правобережного Иртыша на участке от Омской крепости до Семипалатинской включительно были непригодны для возведения непрерывной линии обороны. Рассмотренные нами планы крепостей для строительства Иртышской линии свидетельствуют о том, что на юге Западной Сибири укрепленную линию планировали возводить в виде непрерывной системы земляных валов и рвов. И лишь в ходе реализации проекта пришлось внести в него коррективы, суть которых состояла в строительстве отдельных опорных пунктов между крепостями в виде форпостов, редутов и маяков, привязанных к естественным географическим преградам. Ф.Ф. Ласковский (1865) отметил, что «первый шаг к изменению характера в расположении пограничных линий сделан был при возведении Оренбургской и Сибирских линий. Они состояли уже из отдельных опорных пунктов различной величины и силы расположения». Данные изменения повышали оборонительную и коммуникационную эффективность укреплений между собой. Команды редутов были обязаны «наблюдать за неприкосновенностью границ, прежде втыкали в землю лучки или полуобручи, для узнания, не ворвались ли в границу киргизы (казахи), но с 1771 г.

[33] Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: диссер. на соискан. уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.02. – Уфа, 2007. – 241 с.

вместо лучков делались преграды из 2 жердей в столбики вкладываемых, по раскидке жердей узнавались вторжения заграничных воров»[34].

В 1785 г. на Иртышской линии числилось 5 крепостей, 12 форпостов, 20 станций и 1 село: крепость Омская, станция Усть-Заостровская, форпост Ачаирский, с. Покровское, станция Изылбашская, станция Соляной Поворот, форпост Чарлаковский, станция Татарская, станция Урлютюбская, крепость Железинская, станция Пяторыжская, форпост Осьморыжский, станция Песчаная, форпост Чернорецкий, станция Черноярская, форпост Коряковский, станция Подстепная, крепость Ямышевская, станция Черная, форпост Лебяжий, станция Подспускная, станция Кривая, форпост Семиярский, станция Грачевская, станция Черемховая забока, форпост Долонский, станция Белого камня, станция Глуховская, крепость Семипалатная, станция Озерная, форпост Талицкий, форпост Шульбинский, станция Пресноярская, форпост Убинский, станция Барашкова, форпост Красноярский, станция Уваровская, крепость Усть-Каменогорская.

В конце XVIII столетия было составлено достаточно подробное географическое описание Иртышской оборонительной линии. Крупным укреплением на линии была Железинская крепость. От Омской крепости ее отделяли 5 станцев (Усть-Заостровский, Изылбашский, Соляной Поворот, Татарский и Урлютюбский) и 2 форпоста (Ачаирский и Чарлаковский). Между Ачаирским форпостом и станцем Изылбашским находилось с. Покровское. Станец Усть-Заостровский находился на высоком осыпном яру в 16 саженях от правого берега Иртыша при речке Ключевой, на левой ее стороне в 40 саженях. От него до Омской крепости было 28 верст, а до следующего на линии укрепления — форпоста Ачаирского — 21 верста и 250 саженей. Сам форпост Ачаирский стоял на отлогом увале на правом берегу Иртыша в 60 саженей. Следующее за ним укрепление — станец Изылбашский — находилось на расстоянии 36 верст 200 саженей. Оно находилось в 150 саженях на правом берегу Иртыша, при заливе. Укрепление было обнесено надолбами и рогатками, которые местами пришли в ветхость. Станец Соляной Поворот от предыдущего укрепления — Изылбашского — был на расстоянии 18 верст 100 саженей, а от следующего за ним Чарлаковского форпоста в 25 верстах 300 саженей. Оба укрепления (станец Соляной Поворот и форпост Чарлаковский), обнесенные ветхими надолбами и рогатками, находились справа от Иртыша, в 15 и 26 саженях каждый от берега. В 27 верстах 300 саженях от Чарлаковского форпоста находился станец Татарский, который возвышался на высоком осыпном яру на правом берегу Иртыша в 32 саженях от последнего. От него до следующего укрепления, до станца Урлютюбского, было 25 верст 100 саженей. Урлютюбский станец находился на невысоком осыпном яру в 60 саженях от правого берега Иртыша. Следующее за ним укрепление — Железинская крепость — находилось на расстоянии 29 верст[35]. Во всех этих прииртышских укреплениях тогда же были расставлены гарнизоны из регулярных пехотных солдат, конных драгун и городовых казаков, присланных сюда на очередную службу.

К началу XIX в. оборонительные укрепления Иртышской линии выполнили свою роль в охране пограничных рубежей Российской империи. По Указу Александра I от 1803 г. их военное назначение было упразднено.

В 1880-х гг., согласно Географическому описанию Иртышской оборонительной линии, она протянулась по правому берегу Иртыша на расстояние 872 версты и 95 саженей[36]. В современных границах Российской Федерации на территории Черлакского района Омской области представлен только незначительный северо-западный участок этой оборонительной системы от Омской крепости до Крутоярского редута. В настоящее время удалось выявить только один сохранившийся маяк между редутом Соляной Поворот и Черлакским форпостом.

---

[34] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Книга 2. – СПб, 1886. – 364 с.

[35] Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 373. – С. 108–114.

[36] Там же.

РЕДУТ СОЛЯНОЙ ПОВОРОТ НА СРЕДНЕМ ИРТЫШЕ

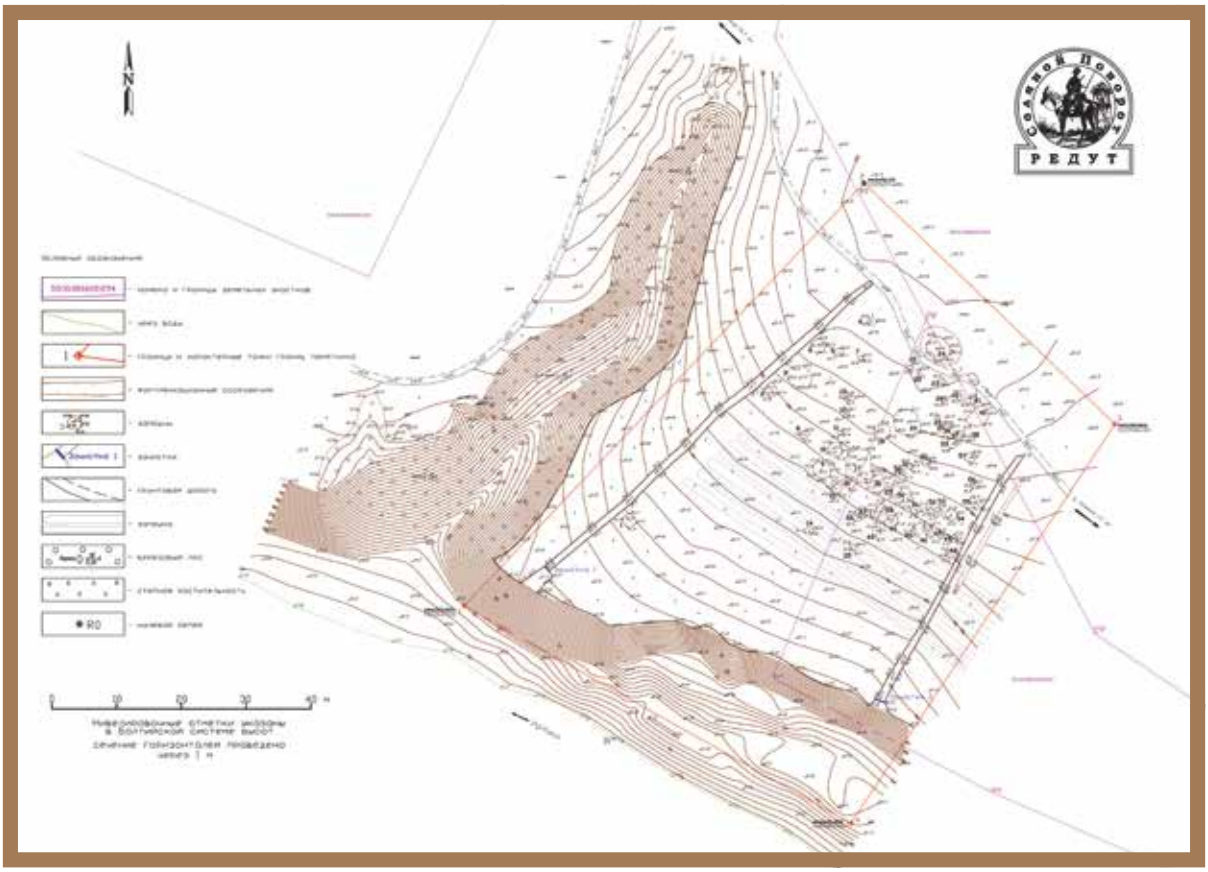
Для постройки пограничного укрепления, которое получило название станец (станция) Соляной Поворот, в первой четверти XVIII в. из города Тара был командирован небольшой отряд. В него входили казаки, 5 солдат, 1 капрал, которые и составили первый гарнизон. По приказу Х.Х. Киндермана в станец Соляной Поворот было направлено 15 хлебопахотных казаков для заведения казенного хлебопашества. В 1765 г. по распоряжению командующего Сибирскими линиями Ивана Ивановича Шпрингера на дальнейшую службу из детей казаков Омской крепости в станец Соляной Поворот были отправлены Алексей Туполев и Григорий Легачев. В штатном расписании 1775 г. значится, что на службе в Соляном Повороте находятся: 30 рядовых казаков, 1 сотник Кирилл Аркашев, 1 пятидесятник Григорий Аркашев из армейских чинов капрал.

В 1770–1773 гг. академик П.С. Паллас путешествовал по Западной Сибири, посетил Иртышскую оборонительную линию[37] и оставил достаточно подробное описание некоторых оборонительных пунктов Иртышской линии. Фортификацию Соляного Поворота конца XVIII в. он описывал следующим образом: «станица сия… не укреплена, и состоит из выстроенных в четвероугольник казарм, конюшен и караульной башни, на коей выставлена одна пушка. Она лежит на небольшом высокого берега прорыве и заведенное при ней селение состоит из 70 дворов»[38].

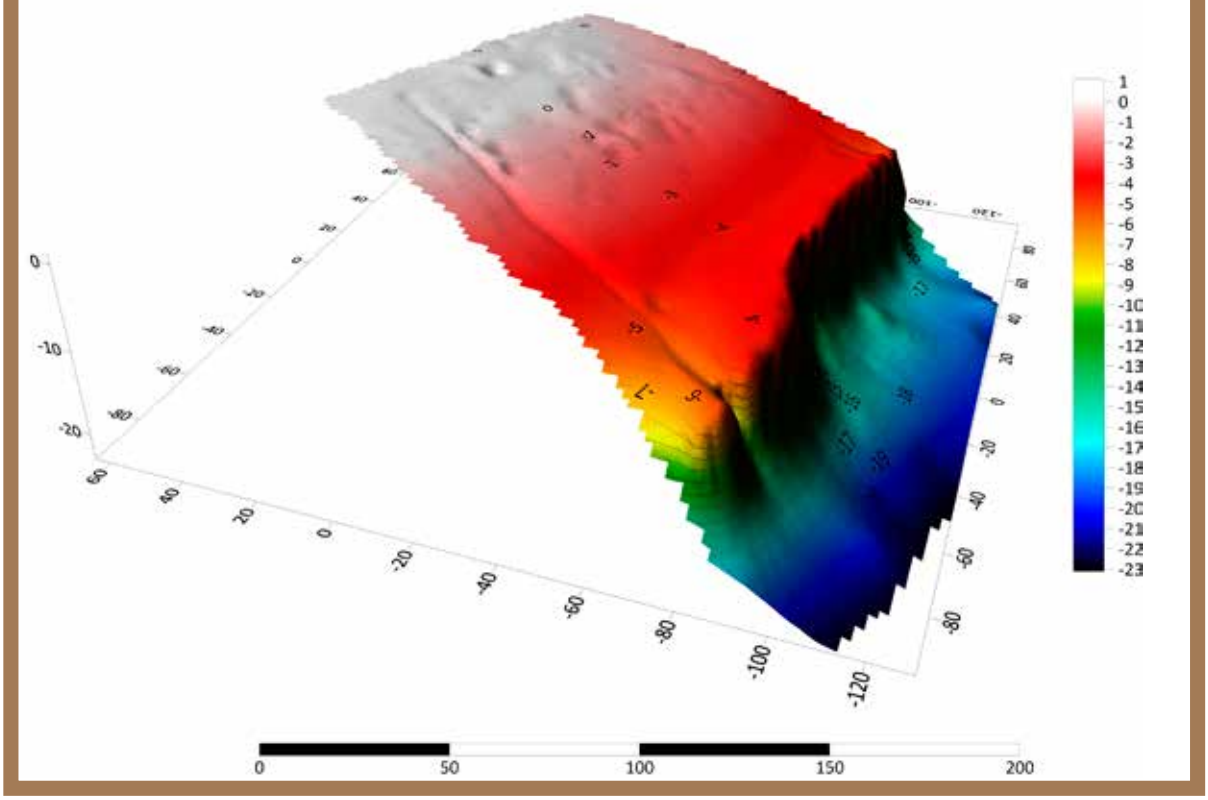
[37] История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. Т. 2. — Л.: Наука, 1968. — 538 с. — С. 350.

[38] Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. — СПБ, 1788. — Кн. 3. п.в. — 480 с. — С.126–127.

Топографический план редута Соляной Поворот

Высотность площадки редута Соляной Поворот

Редут Соляной Поворот выявлен П.В. Чибышевым на территории северных окрестностей с. Соляного в урочище «Малый лог» в 1989 г. Этот объект археологического наследия располагался на возвышении иртышского правобережья южнее от поселения Соляное-2. Такие археологические памятники разделял достаточно длинный овраг, по которому в прошлом мог протекать небольшой ручей, впадающий в Иртыш. Следует подчеркнуть, что для территории Среднего Иртыша городища достаточно редки. Укрепленный объект в урочище «Малый лог» относится к террасным сооружениям. Оно представлено подпрямоугольной конструкцией из рвов и вала, примыкающей вплотную к береговой кромке. Южный береговой участок, к которому примыкает ров, подвергся более сильным разрушениям от подмыва рекой. Вследствие этого общие очертания укрепления имеют неравную длину сохранившихся боковых ограждений. На северном краю рва недалеко от береговой кромки отчетливо прослеживается выступ, обращенный наружу. На противоположной южной боковой стороне рва в его центральной части имеется разрыв, возможно являющийся въездом на территорию укрепления. Западная часть земляных укреплений этого сооружения частично запахана соседним полем. Общие размеры оборонительного сооружения составляют 100×70 м. Ширина рва 1,2 м, глубина 0,4 м. На внутренней площадке ограждения расположено 46 западин различного размера и диаметра. Они расположены на одной из половин этого укрепления с востока. Около реки, свободной от котлованов, расположена только 1 западина.

Вид на площадку редута Соляной Поворот с берега Иртыша

Вид на площадку редута Соляной Поворот с Иртышской террасы

Иртыш в районе редута Соляной Поворот

Карта канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства…. 1771 год

фрагмент карты Соляной Поворот

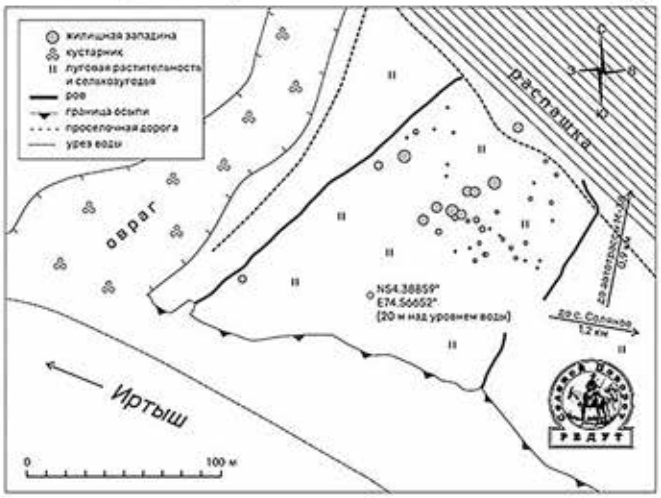

Академик Петр Симон Паллас
1741-1811 гг.

Описание станицы Соляной Поворот 1771 г.

Профиль северного рва редута

Профиль южного рва редута

Площадка редута

Малый лог у редута

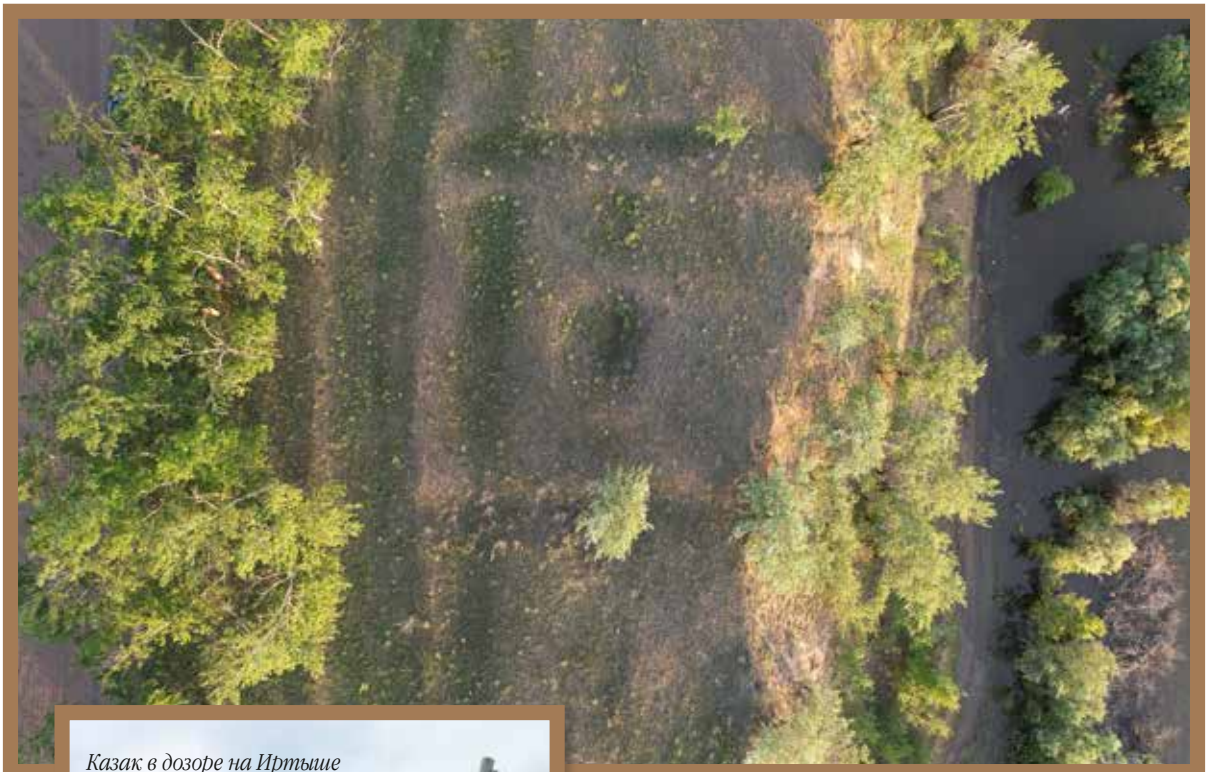
МАЯК ИРТЫШСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ МЕЖДУ РЕДУТОМ СОЛЯНОЙ ПОВОРОТ И ЧЕРЛАКСКИМ ФОРПОСТОМ

На карте 1745 г. р. Иртыша от Омской до Усть-Каменогорской крепостей было изображено несколько маяков. Они отмечались особым значком — треугольником. От Черлакского форпоста до Изылбашского редута располагалось 5 маяков. Они находись как в непосредственной близости от оборонительных пунктов (форпостов, редутов), так и между ними. Один из них находился между Черлакским форпостом и редутом Соляной Поворот.

Маяк представлял собой вышку для обзора и подачи сигнала. При опасности караульный поджигал хворост, лежавший на верху вышки. В случае расположения маяка между редутом и форпостом на маяке рядом с вышкой возводили команду для размещения воинской команды, охраняющей границу. Такие казармы укреплялись палисадом, надолбами и рогатками. Маяки состояли из 2 отдельных частей: собственно из маяка и помещения для караула, отстоявших один от другого приблизительно на 30 саженей. Маяк имел вид достаточно возвышенной 3-сторонней пирамиды, составленной из брусков, оплетенных снаружи и наполненных внутри хворостом. На верши помещалась бочка со смолою, от нее к низу спускалась пропитанная смолою веревка, служившая сообщению огня. Помещение маячного караула имело вид небольшого редута, две стороны которого составляли караульная изба и конюшня, а другие две — ограда из палисада; внутри находилась каланча. Это ограда, приспособленная по всей своей окружности к ружейной обороне, была обнесена рогатками и надолбами. Важно еще отметить, что в отличие от реестра

Маяки на карте 1745 г. между редутом Соляной Поворот и Черлакским форпостом

Фотограмметрия маяка

Казак в дозоре на Иртыше

Х.Х. Киндермана, составленного осенью 1745 г., в проекте инженера подпоручика Андрея Селиверстова начала 1746 г., присланном в Сенат, маяки предполагалось построить не только на середине пути между укреплениями, но и при каждой крепости, форпосте, станце. Таким образом, топография выявленного маяка между редутом Соляной Поворот и Черлакским форпостом может быть с полным основанием отнесена к середине первой четверти XVIII столетия во время правления императрицы Елизаветы Петровны.

Вид с маяка на Иртыш

СТАРО-ИШИМСКАЯ ЛИНИЯ XVIII ВЕКА

Старо-Ишимская (Тобол-Ишим-Иртышская) линия делилась на 3 части: Тобольские форпосты, Ишимские форпосты и Тарские форпосты. На территории современной Омской области располагаются т. н. Тарские форпосты. В данном разделе мы рассмотрим историю и современное состояние этой части Старо-Ишимской оборонительной линии.

Необходимо отметить, что укрепления на ней возводились неравномерно и бессистемно, что, в свою очередь, отразилось на временной протяженности строительства. Это промежуток без малого в 77 лет, который условно можно разделить на 5 этапов.

Первый этап (1670) — это строительство укрепленной Чернолуцкой слободы на правом берегу р. Иртыш. Данное укрепление ничем не отличалось от аналогичных укрепленных деревень правого берега Иртыша, таких как деревни Карташова, Качюсова (современная деревня Качесово) и Пустынная. Однако именно благодаря расположению на переправе через р. Иртыш Чернолуцкая слобода стала частью линии, а вышеупомянутые деревни нет.

Второй этап (1682) — это строительство еще одной слободы, теперь уже на левом берегу р. Иртыш, — Такмыцкой.

Третий этап (1740) — это строительство на Аевском волоке Зудиловского форпоста, а юго-восточнее, на р. Оше, западнее г. Тары Юйского форпоста. Возведение данных оборонительных укреплений тем не менее не спасло в 1741 г. от разграбления и сожжения немирными киргиз-кайсаками деревень Зудиловской и Чаусской.

Четвертый этап (1741) самый богатый на строительство. В течение года были возведены 9 форпостов: Воровской, Верблюжий, Бетеинский, Кушайлинский, Инберенский, Ирчинский, Большерецкий, Нюхаловский и Кутырлинский.

Пятый этап (1745–1747), в ходе которого построены последние 4 форпоста: Кумырский,

Панорама предполагаемого месторасположения форпоста Верблюжий (вид с северо-востока)

Усть-Логатский, Причелдакский и Степанихинский.

Таким образом, от Омска на север линия к 1747 г. имела в своем составе следующие укрепления: форпост Воровской; слобода Чернолуцкая; форпосты Верблюжий, Бетеинский, Кушайлинский, Инберенский, Ирчинский и Большерецкий; слобода Такмыцкая. Далее линия поворачивала на запад и имела в своем составе следующие укрепления: форпосты Нюхаловский, Юйский, Кутырлинский, Кумырский, Усть-Логатский, Причелдакский и Степанихинский. Вопрос о принадлежности к линии Зудиловского форпоста (в реалиях 1747 г.) остается открытым. Отдельно следует упомянуть Квашнинский форпост. Обнаруженное А.В. Матвеевым в 2000 г. данное укрепление не значится ни в одном архивном деле или ландкарте. Однако, судя по схеме фортификации, оно было построено в промежуток с 1740 по 1747 гг. и в силу неустановленных причин, вероятно, так и не было введено в эксплуатацию.

Исследования по изучению Старо-Ишимской линии достаточно скудны. Приведем некоторые примеры. В 1953 г. выходит работа Н.В. Горбаня «Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей». Хоть статья и посвящена Пресногорьковской линии, автор упоминает и Старо-Ишимскую линию. В ней он перечисляет форпосты и стоящие в них гарнизоны, а также описывает общие сведения о фортификации: «Форпосты обнесены деревянной стеной из бревен, положенных горизонтально («город лежачей»), а вокруг стены поставлены рогатки и надолбы»[39]. Список форпостов у автора неполный и в некоторых случаях некорректен в названиях: так, например, Юйский форпост значится у него как «Орский», а Нюхаловский как «Устьтартирский».

В работах другого исследователя — А.Ф. Палашенкова — можно найти описание некоторых укреплений Старо-Ишимской линии. Например, автор упоминает Чернолучинскую слободу: «...в Чернолучинской слободе, как во всех пограничных слободах и селениях того времени, было устроено укрепление с надолбами, рогатками, палисадом и заплотами и поселено в ней несколько десятков служилых казаков»[40]. Также у него есть описание Нюхаловского форпоста: «Расположен форпост на высоком месте, на выпасах... Глубина рвов в настоящее время 1 м, ширина по верху 5 м, валы проходят внутри форпоста. Форпост четырехугольный с четырехсторонними выступами по углам — бастионами».

[39] Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии. — М., 1953. — Сб. 31. — С. 208.

[40] Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Древние погребения Обь-Иртышья. — Омск: ОмГУ, 1991. — С. 161.

Панорама рабочего поселка Большеречье (вид с севера)

Имеется и описание Такмыцкой слободы: «…обнесенный деревянным забором с угловой проезжей башней и башней глухой… Дворы были опоясаны рвом, земляным валом и надолбами».

Хронологию строительства укреплений дает А.Д. Колесников. В 1741 г. «…построены форпосты Инберенский и Бетеинский. Несколько позднее западнее Иртыша построены форпосты Воровской, Верблюжий, Кушайлинский и Ирчинский». В 1745–1747 гг. «…западнее Кутырлинского форпоста строится Кумырский форпост. Также Ишимские команды строят форпосты восточнее Абацкой слободы: Степанихинский, Причелдакский и Усть-Логатский»[41].

Самым информативным автором по данному вопросу является А.В. Матвеев. В период с 2000 по 2014 гг. из-под его пера выходит множество работ по проблематике сибирских оборонительных линий. Качественно совмещая библиографические и полевые исследования, он находит уцелевшие форпосты и, что самое важное, картографирует их. По его следам в 2023 г. нами была проведена археологическая разведка (натурное обследование) и обнаружены все упомянутые им форпосты.

В ходе полевого сезона 2023 г. нами были проведены работы по оценке современного состояния укреплений Старо-Ишимской линии. Археологическая разведка (натурное обследование) проводилась в Саргатском, Большереченском, Колосовском, Тюкалинском и Крутинском районах Омской области. В результате удалось обнаружить, сфотографировать, произвести аэрофотосъемку, провести инструментальную (тахеометрическую) съемку сохранившихся укреплений линии.

Были обнаружены следующие объекты (на север, далее на запад) разных этапов строительства: форпосты Кушайлинский, Ирчинский, Нюхаловский, Квашнинский и Кумырский. Обследованы предполагаемые места расположения форпостов Верблюжьего, Бетеинского, Большерецкого, Юйского, Кутырлинского, Усть-Логатского и Причелдакского, а также Такмыцкой слободы. Далее мы представим результаты полевых работ 2023 г. на обнаруженных фортификациях Тарской дистанции, начиная от крайней южной точки обследования. Следует отметить, что сохранность укреплений варьируется для каждого сохранившегося форпоста.

[41] Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX века. — Омск, 1973. — С. 68.

Панорама предполагаемого месторасположения форпоста Бетеинский (вид с северо-северо-востока)

Панорама села Такмык (вид с северо-востока)

Панорама села Новологиново (вид с юго-запада)

Панорама села Кутырлы (вид с юго-востока)

Панорама деревни Усть-Логатка (вид с северо-запада)

Панорама деревни Челдак (вид с северо-востока)

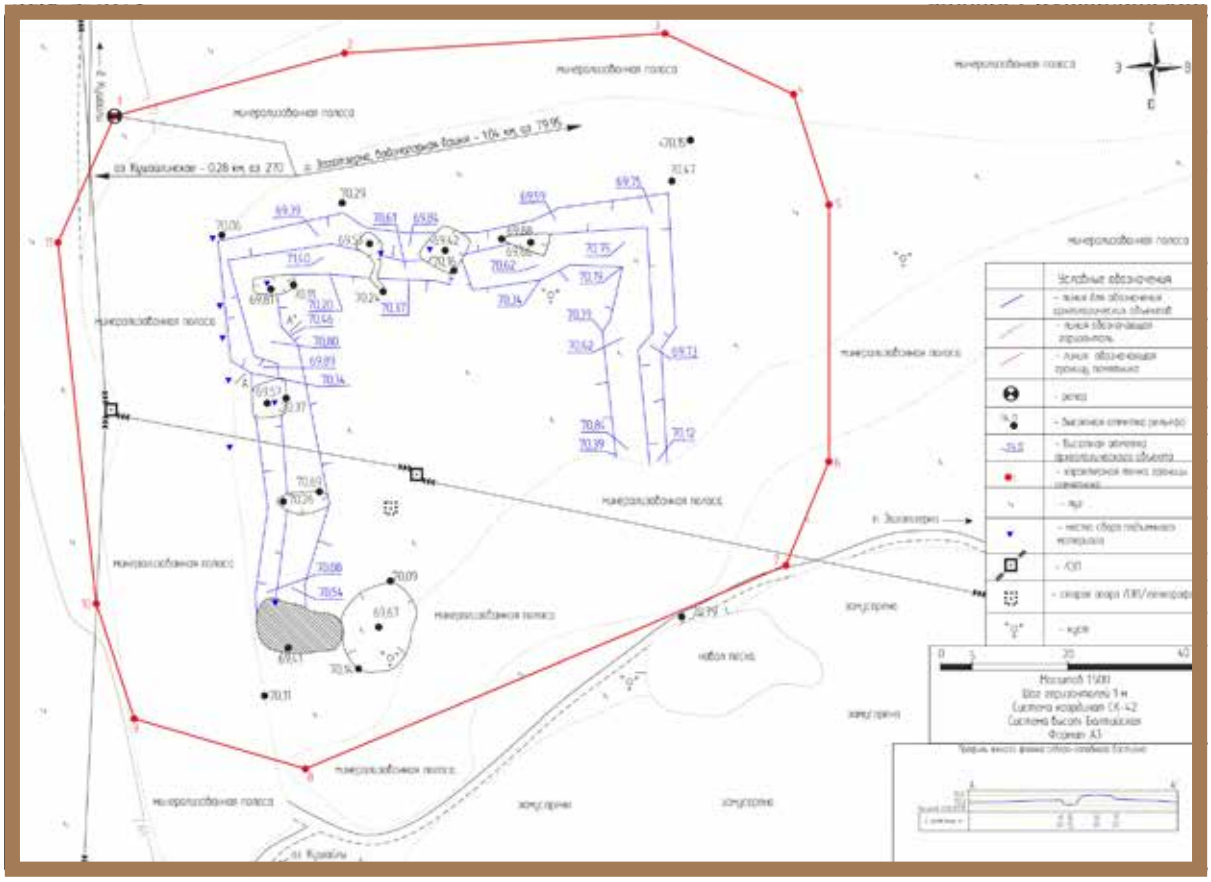

ФОРПОСТ КУШАЙЛИНСКИЙ

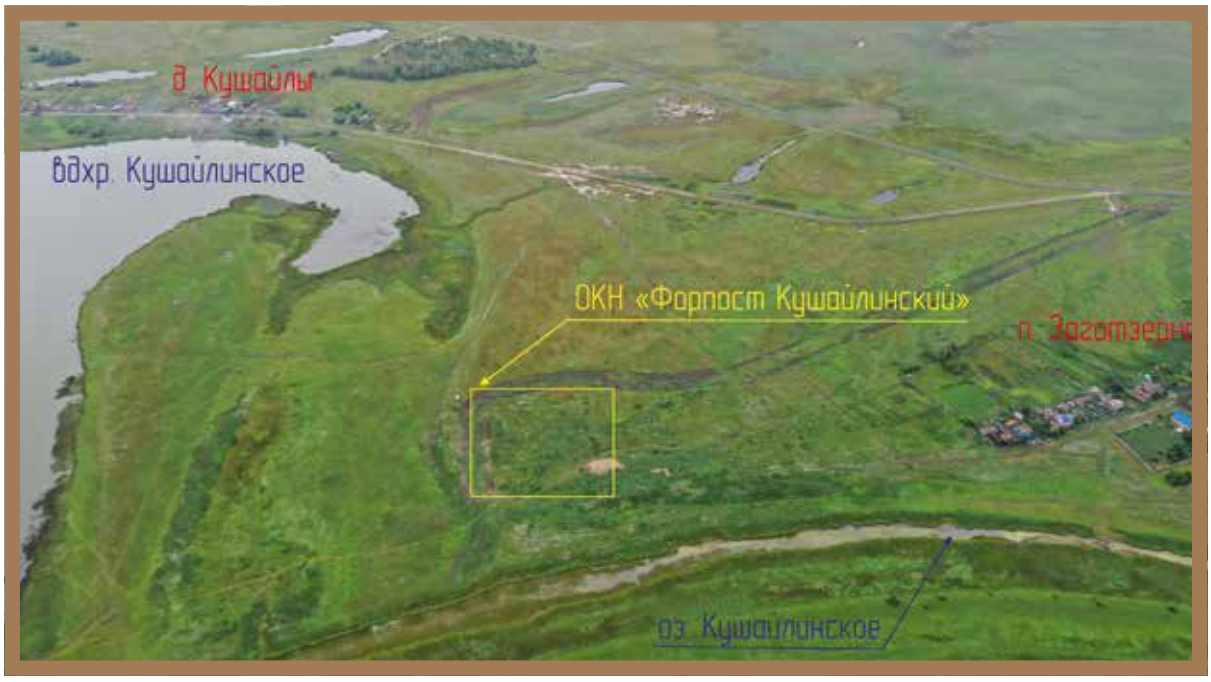
Объект расположен в Саргатском районе Омской области на террасе оз. Кушайлы в 4,33 км к В–Ю–В от Саргатской районной клинической больницы. Форпост основан в 1741 г. на берегу озера. Нахождение в непосредственной близости от населенного пункта оставило свой след на общей сохранности укрепления. Территория форпоста покрыта луговой растительностью, используется для выпаса домашнего скота.

Форпост представляет собой редут, имеет квадратную в плане форму с четырьмя 5-угольными бастионами по углам, размеры по валу ≈ 64×69 м, ориентирован по оси Ю–З–С–В. Система укреплений включает сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной 4 м, глубиной до 0,4 м от современной поверхности, и земляной вал шириной до 6 м по основанию и высотой 0,4 м, напольный фас которого переходит в эскарп рва. Валганг ровный, следов бруствера не обнаружено, однако по аналогии с крепостями и редутами Пресногорьковской линии можно предположить, что бруствер представлял собой конструкцию из бревен по типу частокола или заплота. Следов гласиса зафиксировать не удалось, барбеты на бастионах также отсутствуют. В северной куртине заметен разрыв шириной до 5 м, который, скорее всего, маркирует место расположения въездных ворот.

Форпост пострадал в ходе хозяйственной деятельности человека. Укрепление опахано, что, возможно, разрушило гласис. Северо-восточный бастион сильно уплощен, ров местами отсутствует. Восточная и южная куртины наполовину уничтожены свежей запашкой, она же уничтожила фланки юго-восточного бастиона. От юго-западного бастиона остались лишь фрагменты фасов, осталь-

Форпост Кушайлинский, тополан

Общий вид на форпост с воздуха, 2023 г. (вид с востока)

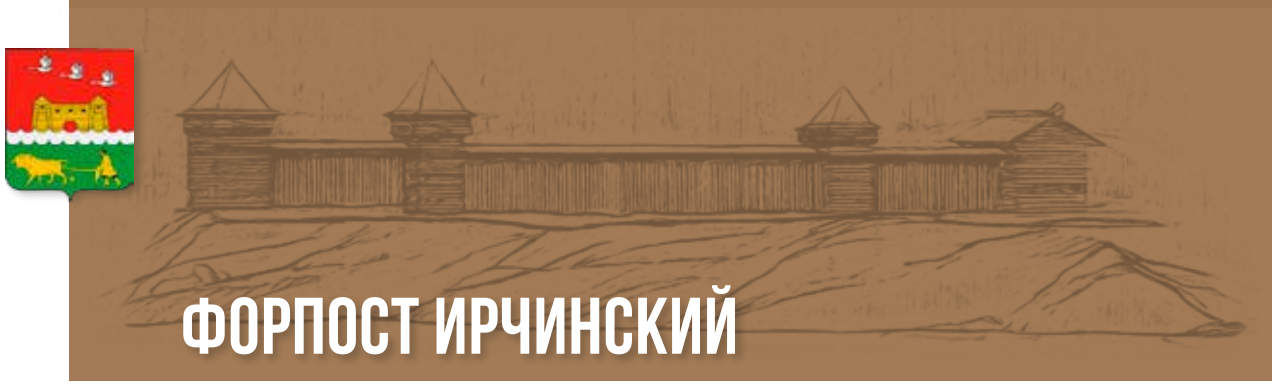
ная часть фортификации срезана котлованом грунтозабора, который также наполовину уничтожил западную куртину. Рядом с котлованом расположена опора действующей ЛЭП на железобетонном основании. В самом котловане находится опора заброшенной ЛЭП на железобетонном основании. На территории укрепления регулярно выпасается домашний скот, рвы местами замусорены. Также на всей территории форпоста фиксируются мелкие ямки «черных копателей». К юго-востоку от юго-восточного бастиона располагается современная мусорная свалка. Общее состояние неудовлетворительное.

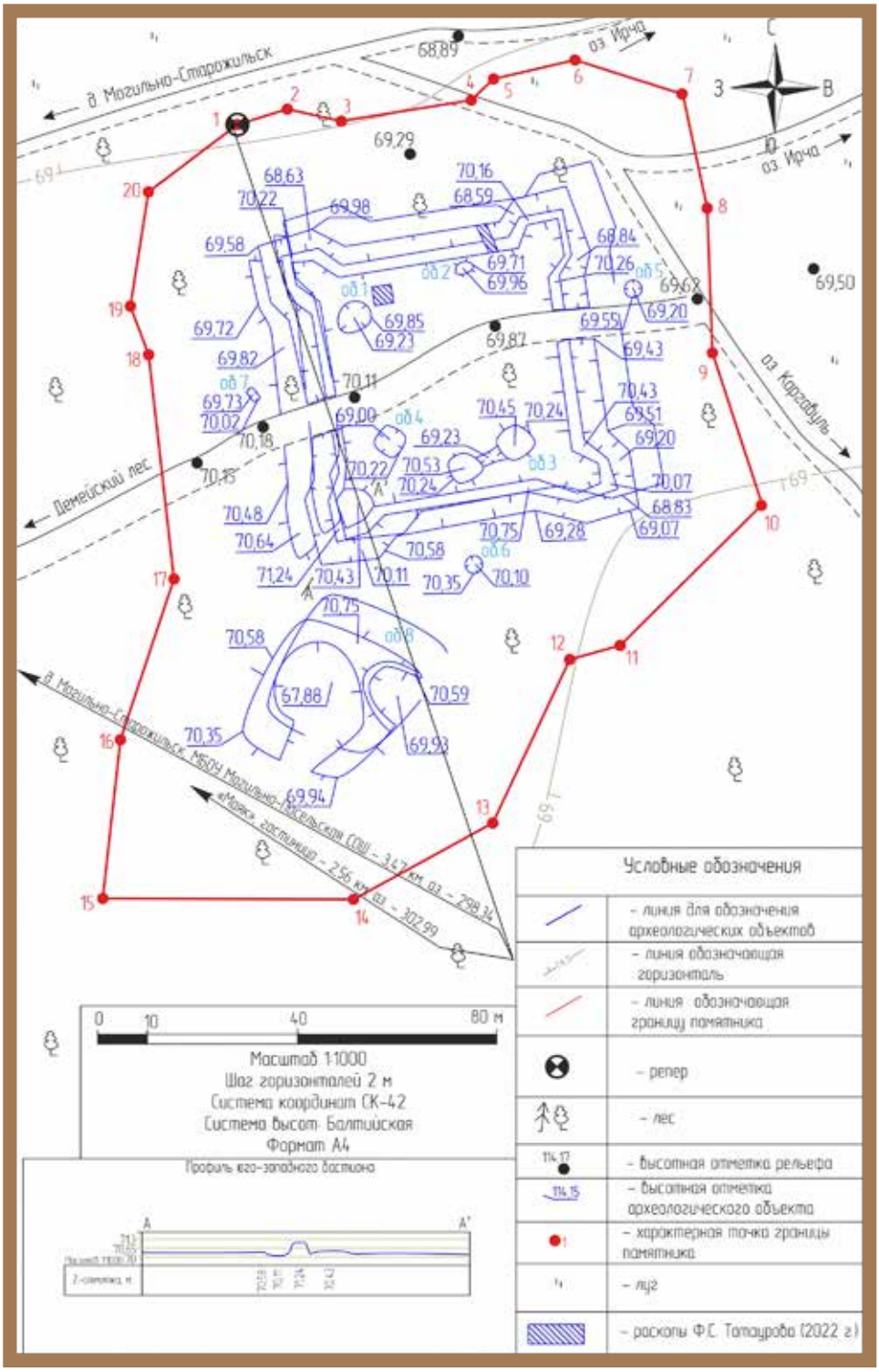
Вид на памятник (вид с северо-запада)

Общий вид на форпост с воздуха, 2022 г. (вид с севера)

ФОРПОСТ ИРЧИНСКИЙ

Форпост Ирчинский, топоплан

Объект расположен в Большереченском районе Омской области на террасе южного берега оз. Ирча на северо-восточной опушке Демейского леса, в 3,24 км к Ю-В от Могильно-Посельского ФАП. Форпост основан в 1741 г. на берегу озера. Населенных пунктов в окрестностях форпоста не образовалось, что позволило укреплению сохраниться в удовлетворительном состоянии. Территория форпоста покрыта березовым лесом, поросла луговой растительностью.

Форпост представляет собой редут, имеет квадратную в плане форму с четырьмя 5-угольными бастионами по углам, размеры по валу ≈ 67×65 м, ориентирован по оси Ю–З–С–В. Система укреплений включает гласис, высотой 0,3–0,4 м, шириной до 3,2 м, разомкнутый на фасах бастионов. Сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной до 5 м, глубиной от 1 до 0,3 м. Земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва; валганг ровный, следов бруствера не обнаружено, однако по аналогии с крепостями и редутами Пресногорьковской линии можно предположить, что бруствер представлял собой конструкцию из бревен по типу частокола или заплота. Ширина вала 3,5 м, высота 0,6 м. В юго-западном бастионе читается насыпной барбет с аппарелью шириной 5,6×5,7 м и высотой 0,2 м. На остальных

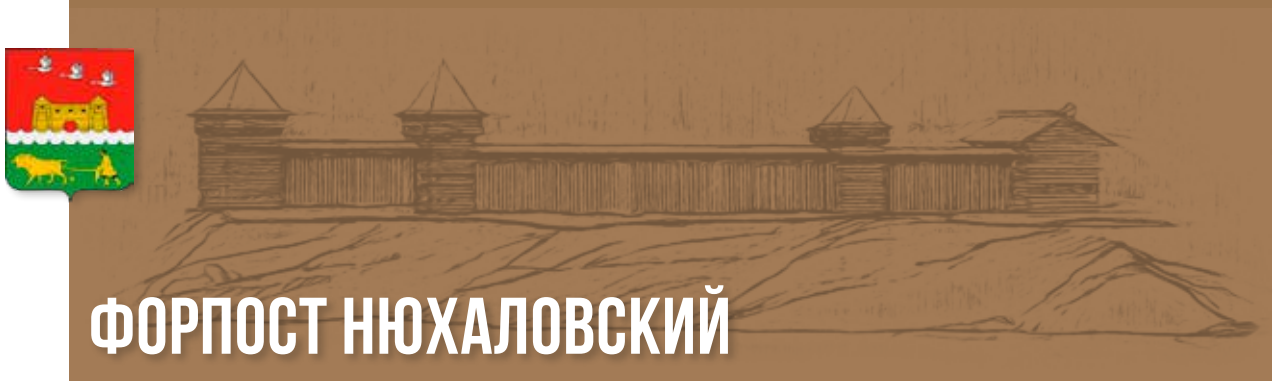

Общий вид на форпост с воздуха (вид с северо-запада)

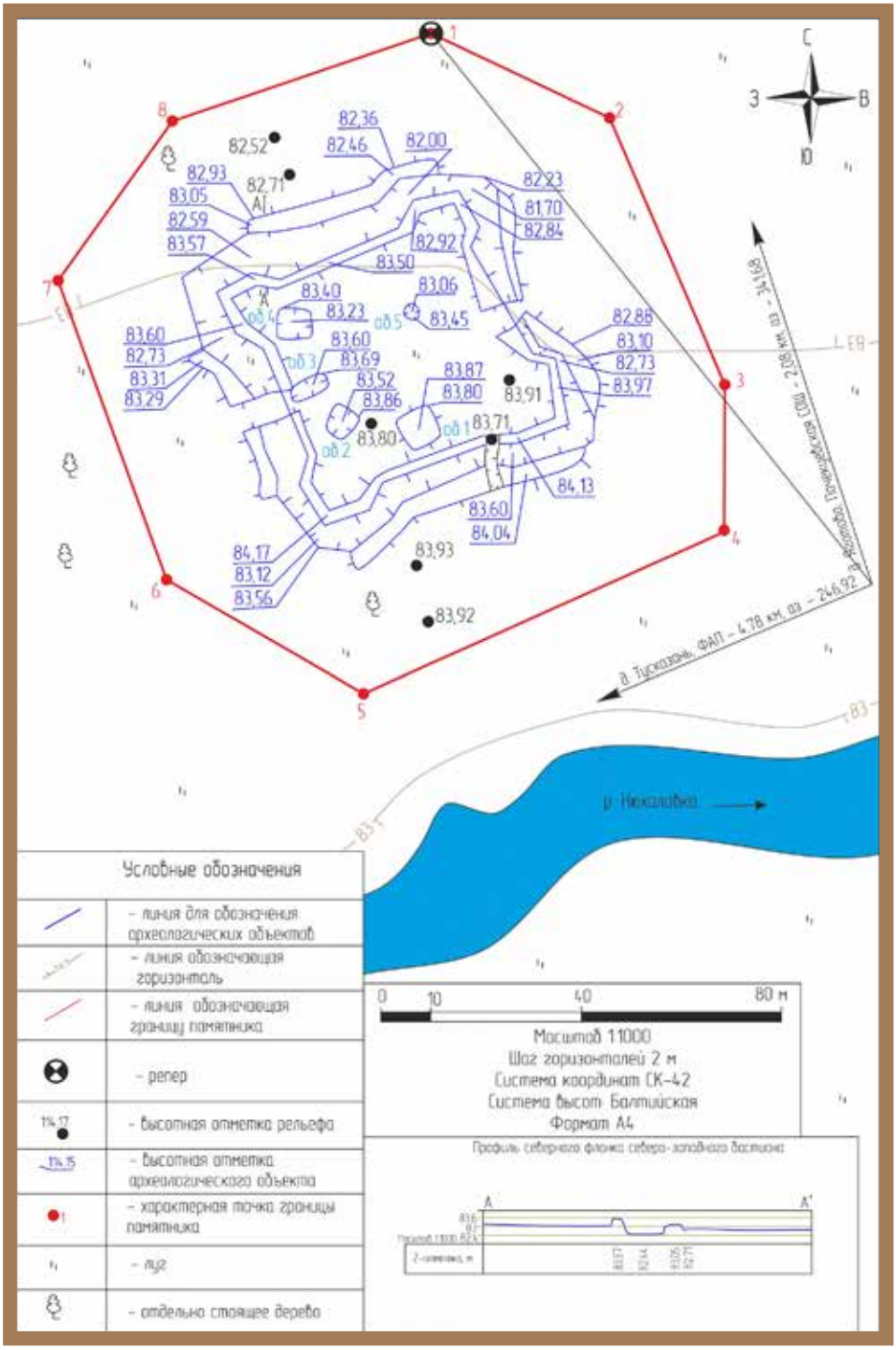
бастионах наличие барбетов не установлено. Западная и восточная куртины имеют разрывы размерами до 5 м — следы ворот: в этом месте через площадку форпоста проходит колея грунтовой дороги. На территории памятника обнаружено 6 объектов разных форм и конфигураций, которые можно отнести ко времени существования форпоста. Также на площадке укрепления обнаружен раскоп размерами 4×4 м, хорошо задернованный и поросший луговой растительностью. В 12 м к югу от гласиса южной куртины обнаружена крупная западина размерами 8×12 м, глубиной до 5 м, вероятно, остатки конюшни.

Северный бастион (вид с севера)

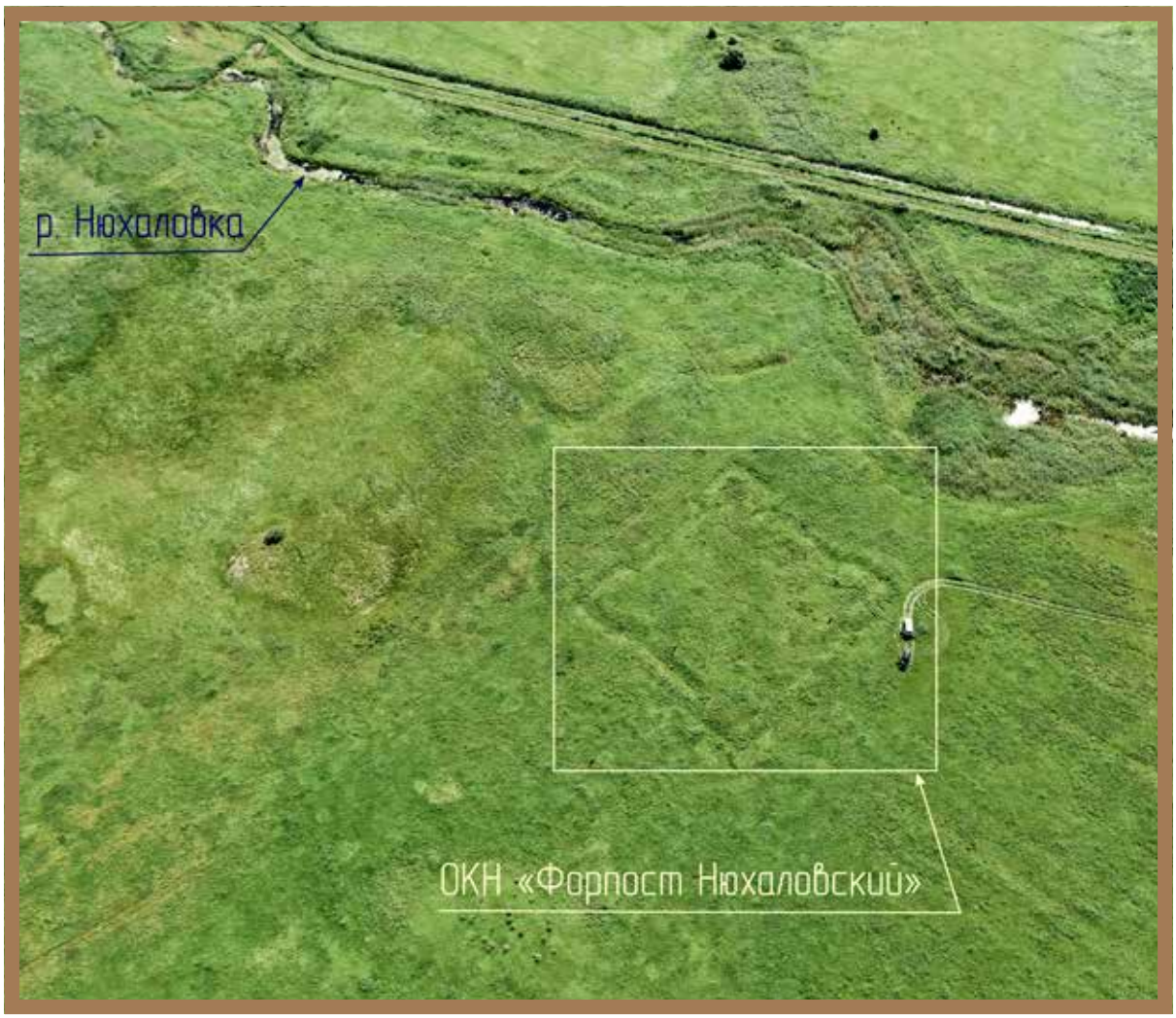
ФОРПОСТ НЮХАЛОВСКИЙ

Форпост Нюхаловский. Топоплан

Объект расположен в Большереченском районе Омской области на террасе левого берега р. Нюхаловка в 2,18 км к Ю–Ю–В от памятника воинам-землякам д. Яготово. Форпост основан в 1741 г. на речной террасе. Населенных пунктов в окрестностях форпоста не образовалось, что позволило укреплению сохраниться в удовлетворительном состоянии. Территория форпоста покрыта луговой растительностью, деревья или кустарники отсутствуют.

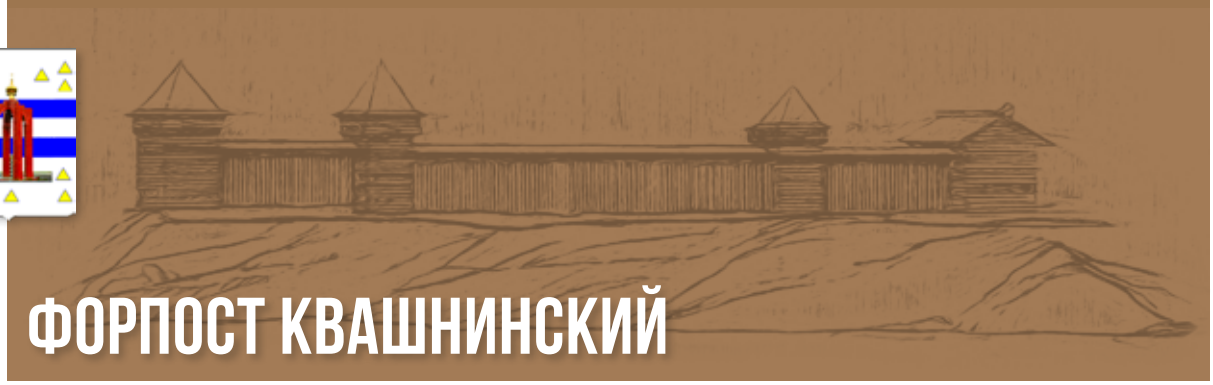
Форпост представляет собой редут, имеет квадратную в плане форму с четырьмя 5-угольными бастионами по углам, размеры по валу ≈ 59×68 м, ориентирован по оси Ю–З–С–В. Система укреплений включает сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной до 6 м, глубиной от 0,8 до 1,2 м. Земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва; валганг ровный, следов бруствера не обнаружено, однако по аналогии с крепостями и редутами Пресногорьковской линии можно предположить, что бруствер представлял собой конструкцию из бревен по типу частокола или заплота. Ширина вала 4–6 м, высота 0,2–0,5 м. Гласис отсутствует, барбеты на бастионах также отсутствуют. Западная и восточная куртины имеют разрывы размерами до 5 м — следы ворот.

Форпост, вид сверху

Северный бастион (вид с северо-востока)

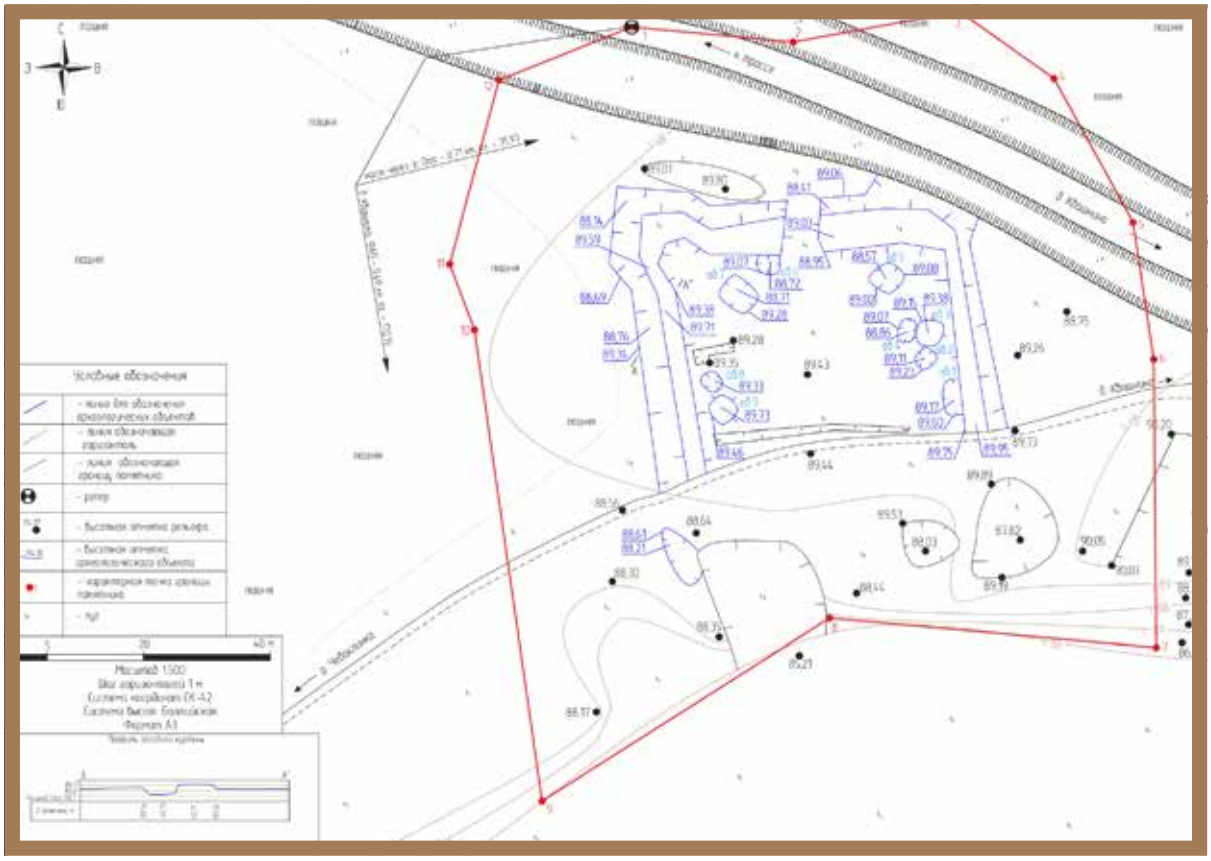

ФОРПОСТ КВАШНИНСКИЙ

Объект расположен в Колосовском районе Омской области на террасе левого берега р. Оши в 0,474 км к С–С–З от ФАП д. Квашнино. Форпост основан в промежутке с 1740 по 1747 гг. на речной террасе. Нахождение в непосредственной близости от населенного пункта оставило свой след на общей сохранности укрепления. Территория форпоста покрыта луговой растительностью.

Форпост представляет собой редут, имеет квадратную в плане форму с двумя 5-угольными бастионами на северо-восточном и северо-западном углах укрепления, размеры по валу ≈ 56×40 м, ориентирован по оси Ю–З–С–В. Южная куртина, судя по микрорельефу поверхности и укрепления, не имела оборонительных сооружений, и, вероятно, защищалась деталями ландшафта (высокой террасой реки), возможно усиленными деревянными конструкциями типа частокола или заплота. Система укреплений включает сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной 5,2 м, глубиной от 0,6 до 1 м. Земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва; валганг ровный, следов бруствера не обнаружено, однако по аналогии с крепостями и редутами Пресногорьковской линии можно предположить, что бруствер представлял собой конструкцию из бревен по типу частокола или заплота. Ширина вала 4,5 м, высота 0,4–0,6 м. Гласис отсутствует, барбеты на бастионах также отсутствуют. Северная куртина имеет разрыв размерами до 5 м: следы ворот. На территории памятника обнаружено несколько объектов разных форм и конфигураций, как минимум часть из которых можно отнести ко времени существования форпоста.

Форпост пострадал в ходе хозяйственной деятельности человека. Северо-восточный

Форпост Квашнинский, тополан

Форпост, вид сверху

бастион практически полностью разрушен кюветом дороги, ведущей от д. Квашнино на трассу 52К-34 (с. Старосолдатское — с. Колосовка); сохранились небольшие фрагменты юго-восточного и северо-западного фланков. Этот же кювет разрушил ров северо-восточного бастиона. Отвал кювета вывален вблизи северной куртины и, вероятно, перекрыл собой гласис вышеупомянутой куртины. Южная часть западной и восточной куртин разрушена колеей грунтовой дороги, проходящей вдоль террасы реки. Южнее и восточнее обнаружены грунтозаборы разных лет с задернованными стенками глубиной до 4 м. В кювете дороги на месте уничтоженного восточного фаса северо-восточного бастиона растут 3 молодые березы. Общее состояние неудовлетворительное.

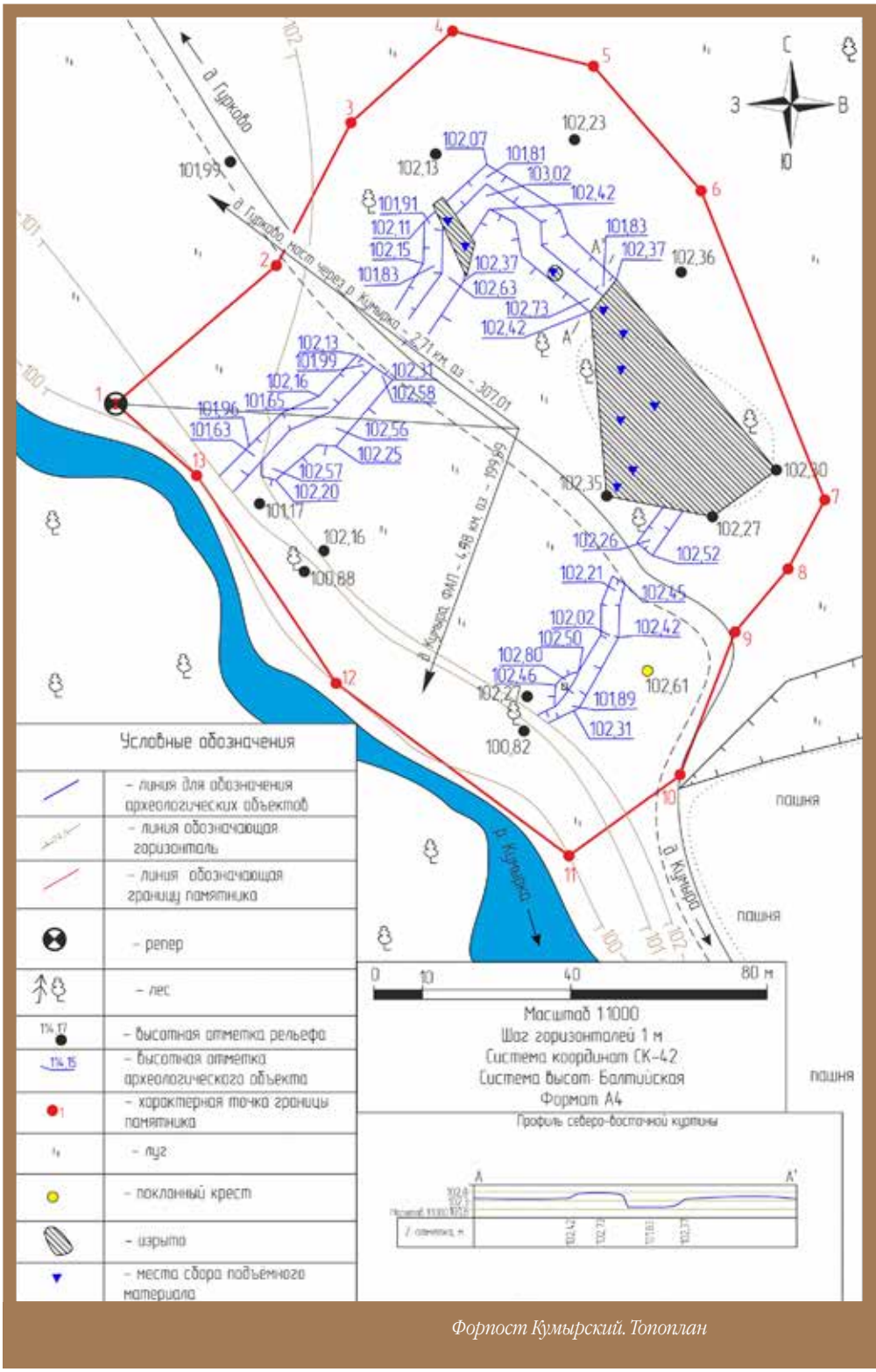
Панорама деревни Квашнино (вид с северо-запада)

ФОРПОСТ КУМЫРСКИЙ

Объект расположен в Тюкалинском районе Омской области на террасе левого берега р. Кумырки в 9,84 км к В–С–В от школы с. Хутора. Форпост основан в промежутке с 1745 по 1747 гг. на речной террасе. Несмотря на отсутствие вблизи укрепления населенных пунктов, общая сохранность форпоста неудовлетворительная. Территория объекта покрыта луговой растительностью и редкими одиночными березами.

Форпост представляет собой редут, имеет квадратную в плане форму с четырьмя 5-угольными бастионами по углам, размеры по валу ≈ 73×82 м, ориентирован по оси Ю–З–С–В. Западная куртина, судя по микрорельефу поверхности и укрепления, не имела куртины, и, вероятно, защищалась деталями ландшафта (высокой террасой реки) и фланками северо-западного и юго-западного бастионов, возможно усиленными деревянными конструкциями типа частокола или заплота. Система укреплений включает сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной до 4,5 м, глубиной от 0,4 до 1,1 м. Земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва; валганг ровный, следов бруствера не обнаружено, однако по аналогии с крепостями и редутами Пресногорьковской линии можно предположить, что бруствер представлял собой конструк-

Форпост Кумырский. Тополлан

Форпост, вид сверху

цию из бревен по типу частокола или заплота. Ширина вала 4 м, высота 0,3–0,4 м. Гласис отсутствует, барбеты на бастионах также отсутствуют. Северная и южная куртины имеют разрывы размерами до 5 м — следы ворот: в настоящее время через них по площадке форпоста проходит зарастающая колея грунтовой дороги.

Форпост пострадал в ходе хозяйственной деятельности человека. Южный фланк и западный фас северо-западного бастиона, юго-западный бастион и примыкающий к нему ров разрушены котлованом грунтозабора. Южная куртина полностью распахана, сохранился фрагмент рва у юго-восточного бастиона. Юго-восточный бастион разрушен котлованом грунтозабора. Восточный фланк и частично северный фас северо-восточного бастиона разрушены котлованом грунтозабора. Восточная куртина сильно уплощена, читается лишь эскарп и контрэскарп рва вышеупомянутой куртины. Также на всей территории форпоста фиксируются мелкие ямки «черных копателей». Общее состояние неудовлетворительное.

Северный бастион (вид с севера)

НОВО-ИШИМСКАЯ ЛИНИЯ

Своему появлению Ново-Ишимская линия обязана ряду геополитических и экономических факторов. Во-первых, это длившаяся с XVII в. казахско-джунгарская война и установление протектората Джунгарского ханства над землями Среднего Жуза, как следствие — вытеснение оттуда части киргиз-кайсакских родов на север в 1741–1742 гг. Протекторат над Жузом существовал до 1759 г., когда Джунгария проиграла третью ойратско-маньчжурскую войну и перестала существовать как государство, а около 90 % ее населения было уничтожено войсками империи Цин. Во-вторых, часть сельскохозяйственных угодий крестьян находилась южнее Старой Ишимской линии и для их нормального функционирования вместе с крестьянами отправлялись охранные команды из казаков, что создавало организационные нагрузки при охране границы, снижало эффективность хозяйствования и чревато экономическими потерями. В-третьих, сама Старая Ишимская линия из-за своей вогнутой формы была сложна в функционировании как в отношении логистики, так и в отношении расположения сил личного состава. Дистанция между форпостами была велика, а гарнизонные команды не могли своевременно реагировать на вторжение неприятеля. Посему в 40-х гг. XVIII в. начались первые изыскания по поиску места для строительства новой оборонительной линии.

По приказу оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева в 1742 г. разведку проводит прапорщик-геодезист И. Куроедов. Маршрут разведки пролегал от р. Тобол до Чернолуцкого острога на р. Иртыш. Годом позже поручик-геодезист И. Шишков возглавляет двухлетнюю экспедицию по описанию местности по маршруту от р. Тобол до Омской крепости. В результате геодезических изысканий было выдвинуто два проекта. Первый предполагал перенести старые форпосты на новые места, тем самым спрямив Старую Ишимскую линию. Второй предполагал возвести с нуля новую линию укреплений вдоль цепочки озер Камышловского Лога. Здесь следует отметить, что экспедиции Куроедова и Шишкова дали разную информацию о пригодности местности для строительства оборонительных укреплений. Разведка Куроедова указывала на наличие благоприятных территорий с точки зрения водного обеспечения будущей Линии, но присоединяемая территория была незначительна и не решала вопросов логистики и распределения сил личного состава. Экспедиция Шишкова, напротив, уведомила Неплюева, что на прямом маршруте р. Тобол — крепость Омская существенно не хватает источников питьевой воды, однако территория была более выгодна в отношении присоединения, логистики и размещения военного контингента.

Поэтому в 1746 г. Сенат приказывает генерал-майору Х.Х. Киндерману, назначенному командующим войсками Сибирских линий двумя годами ранее, лично обследовать территорию. Киндерман осмотрел положенные земли и пришел к выводу, что новую оборонительную линию следует протянуть по прямой от урочища Звериная Голова (на р. Тобол) до Омской крепости, тем самым объединив Оренбургскую оборонительную линию с Иртышской. Данный проект также подразумевал расширение границ империи на расстояние от 50 до 200 верст к югу от Старой Ишимской линии, тем самым значительно увеличив площадь сельскохозяйственных угодий. В этом же году Киндерман отправил свой проект на утверждение в Сенат. Одобрение он получил только в 1752 г., тогда же началось строительство Ново-Ишимской линии. К сожалению, Х.Х. Киндерман умер в том же году, так и не увидев свой проект воочию. Руководил же работами бригадир И.И. Крафт[42].

Всего на линии планировалось возвести 2 шестиугольные и 9 четырехугольных крепостей. Однако к окончанию строительства

[42] Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии. Сб. 31: История географических знаний и историческая география СССР — М., 1953. С. 206–227.

(1755) количество построенных объектов было меньшим: 40 маяков, 31 редут, 9 четырехугольных и 1 шестиугольная крепость. С запада на восток линия делилась на Тобольскую, Ишимскую и Тарскую дистанции[43].

На Тобольской дистанции были построены следующие укрепления: крепость Звериноголовская (в 1753 г. переведена в состав Оренбургской линии); редуты Песчаный и Пресный; крепость Пресногорьковская; редуты Березовый, Пресногорьковский и Семиозерный; крепость Кабанья; редуты Избяной и Второпресный; крепость Пресновская; редуты Третичный, Болотный, Кладбинский, Санжарский, Сарапульский и Дубровный; крепость Становая; редуты Гагарий и Кривоозерный.

К Ишимской дистанции относились следующие укрепления: крепость Святого Петра; редуты Болотный, Плоский и Междуозерный; крепость Полуденная; редуты Ганькин, Нагорный, Медвежий и Чистый; крепость Лебяжья.

Тарская дистанция включала: редуты Первый Тарский, Лосев и Соленоозерный; крепость Николаевская; редуты Горький и Волчий; крепость Покровская; редуты Пустоозерный, Дубровный, Степной, Мельничный и Иртышный.

Линия возводилась в два этапа: первый (1752–1755) и второй (1761). В 1761 г. часть укреплений была перенесена на новое место либо полностью заброшена (чаще всего из-за нехватки питьевой воды), что дало еще наименование линии — Пресногорьковская, или Горькая. Объекты строились по схемам бастионной фортификации Себастьяна Ле Претра, маркиза де Вобана[44]. Кроме того, в 1765 г. была устроена массовая перестройка оборонительных сооружений, где за основу были взяты схемы инженера Георга Римплера[45]. В каждом укрепленном пункте имелись ворота с каланчой и места для орудийных батарей по углам бастионов и полубастионов. В некоторых крепостях также присутствовал демилюн либо равелин, прикрывающий ворота.

По ряду причин наиболее сохранившимися и изученными являются объекты Тарской дистанции. Ее изучение началось уже в XVIII в. Материалы этого времени можно разделить на две группы: планы и чертежи военных инженеров и краткие заметки путешественников. К первой группе относятся «Материалы для истории инженерного искусства в России» генерал-майора и военного инженера Ф.Ф. Ласковского[46]. Издание включает 2 книги и 2 альбома чертежей и планов оборонительных укреплений со всех концов Российской империи. К заметкам путешественников можно отнести опубликованные работы таких авторов, как Иоганн Петер Фальк и Петр Андреевич Словцов. И.П. Фальк на Тарской дистанции в 1771 г. посетил Николаевскую крепость 1761 г. постройки. П.А. Словцов проводил свои исследования уже в XIX в. К тому времени линия была официально закрыта, на месте большей части редутов и крепостей возникли села и казачьи станицы. В своем труде «История Сибири. От Ермака до Екатерины II» он оставил нам описание части Ново-Ишимской линии: «На восточной стороне ея (крепость Святого Петра) 4 крепости: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская, с 9 редутами, считая и Елисаветенский маяк на левом берегу Иртыша, против Омска»[47]. Дальнейшее развитие тема получает уже в 50-е гг. XX в.

В 1953 г. Н.В. Горбань публикует работу «Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей», не утратившую своей актуальности до настоящего времени. В ней автор дает краткую справку о планировании и строительстве Ново-Ишимской линии и об истории освоения данных территорий переселенцами из Центральной России, а также приводит первый систематический список укреплений Тарской дистанции. Автор передает нам его в следующем виде (с запада на восток): редуты Первый Тарский, Лосев и Соленоозерный, крепость Николаевская (Николаевская-I), редуты Горький и Волчий

---

[43] Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725-1861 гг.): В 2-х т. / М-во образования Рос. Федерации. Ом. гос. пед. ун-т. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001.

[44] Шемелина Д.С. Основы европейской фортификации в типовых проектах укреплений по сибирским оборонительным линиям XVIII в. / Новые материалы по истории фортификации: сборник статей и мат-лов III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск (20–22 сентября 2012 г., 15–17 сентября 2016 г). Мин. культ. Арханг. обл., Арханг. краевед. музей. Вып. 2. — Архангельск: Новодвинка, 2016. — С. 84–92.

[45] Шемелина Д.С. Крепости Горькой оборонительной линии XVIII в. и идеальный город немецкого инженера Г. Римплера: некоторые итоги сравнительного анализа планировочных композиций и фортификационного устройства / Баландинские чтения [Историко-культурное наследие Сибири: сохранение и реваloризация. Роль личности в истории сибирской архитектуры]: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. Т. XI. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — С. 68–71.

[46] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1858.

[47] Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. — М.: Вече, 2012. — 512 с.

(Волчий-I), крепость Покровская, редуты Пустоозерный (Пустоозерный-I), Дубровный, Степной (Степной-I), Мельничный и Иртышный. Это данные на первый этап строительства (1752–1755), т. к. количество и названия объектов совпадают с архивной росписью 1755 г.[48] При этом Н.В. Горбань полностью упускает второй этап строительства Тарской дистанции (1761) и следующие объекты: крепость Николаевскую-II, редуты Волчий-II, Курганский (Пустоозерный-II) и Степной-II.

В 1958 г. А.Ф. Палашенков изучал описания, планы и чертежи Ново-Ишимской линии, хранящиеся в фондах ЦГВИА (сейчас РГВИА). Полученные материалы им были использованы в совместной экспедиции с Д.Н. Фиалковым по территории лесостепной зоны современной Омской области и частично северных территорий Казахстана для изучения остатков укреплений. В результате удалось локализовать большую часть укреплений Тарской дистанции: редут Лосев, крепость Николаевскую, редут Волчий, крепость Покровскую, редуты Курганский, Степной и Мельничный[49]. Помимо этого, работы велись на Ишимской дистанции Ново-Ишимской линии, в частности на крепости Лебяжья. Также с помощью современных для того времени инструментов была произведена аэрофотосъемка[50] всех найденных объектов, а также геодезическая шурфовка некоторых из них. Статья по итогам экспедиции опубликована в 1972 г.[51]

В 1970 г. изучением истории заселения территории края начал заниматься А.Д. Колесников, при работе в Омском, Марьяновском и Москаленском районах Омской области он посещает редут Волчий, крепость Покровскую, редуты Степной и Мельничный[52].

В эти годы публикуется серия популярных статей в периодических изданиях. В качестве примеров приведем две их них. Это статья В. Рычкова «Поиск старинных крепостей» в газете «Омская правда»[53], где автор популярно рассказывает о геодезической экспедиции Д.Н. Фиалкова; найденные объекты он ошибочно интерпретирует как крепости времен Петра I. Можно упомянуть статью В. Шрама «Сохраним памятники старины» в газете «Сельская новь»[54], где он рассказывает о крепости Николаевской и редуте Волчьем, приводя схематическое изображение крепости по аэрофотоснимкам Д.Н. Фиалкова.

В 90-х гг. прошлого века интерес к теме сибирских укрепленных линий несколько угас, но с началом нового тысячелетия он вновь появляется. С 2000 г. свои авторские и работы с соавторами публикует А.В. Матвеев[55]. В них он сообщает об исследованиях и мероприятиях, проведенных сотрудниками Омского государственного историко-краеведческого музея в ходе изучения сибирских укрепленных линий[56]. В результате выполненных работ были поставлены на государственную охрану часть объектов Тарской дистанции Ново-Ишимской укрепленной линии: в Москаленском районе — ров и вал Николаевской крепости, а также ров и вал Волчьего редута; в Марьяновском — Степной редут (Степной-I), на котором были проведены археологические раскопки[57]; в Омском — Мельничный редут. Следует отметить, что далеко не все объекты Ново-Ишимской линии были обнаружены автором и его коллегами[58].

В 2001 г. Ю.Г. Недбай издает двухтомную работу «История Сибирского казачьего

---

[48] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 68–70.

[49] Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской Области // Источники по истории Западной Сибири (история и археология): Межведомств. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Матющенко; Омск. ун-т. — Омск, 1987. — 156 с.

[50] Альбом Пресно-Горьковской линии военных укреплений XVIII в. (составлен кафедрой геодезии СибАДИ) // Омское отделение охраны памятников культуры. — Омск. — БГ/БД. — 30 с.

[51] Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений // Записки по краеведению Омской области. — Омск, 1972. — С. 52–61.

[52] Колесников А.Д. Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI — начале XX веков / А.Д. Колесников. — Омск: Обл. ист.-патриот. об-ние «Моя земля», 1999.

[53] Рычков В. Поиск старинных крепостей // Омская правда. — 1971. — 12 июня.

[54] Шрам В. Сохраним памятники старины // Сельская новь [Москаленки]. — 1978. — 18 мая.

[55] Матвеев А.В. Ново-Ишимская (Горькая) линия военных укреплений XVIII в.: (источники, история изучения, результаты последних исследований) / А.В. Матвеев, О.А. Свиридовский // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П.П. Вибе, Т.М. Назарцева. — Омск, 2000. — № 8. — С. 75–93.

[56] Матвеев А.В. Исследования Ишимской и Ново-Ишимской (Горькой) укрепленных линий XVIII века на территории современной Омской области // Исторический ежегодник / Ом. гос. ун-т. — Омск, 2002. — 2001, спец. вып. — С. 58–68.

[57] Матвеев А.В. Русские военно-оборонительные сооружения Среднего Прииртышья XVI в. — первой половины XVIII в. (история и археология) / А.В. Матвеев, Ю.В. Трофимов // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. — Омск, 2005. — С. 79–96.

[58] Матвеев А.В. Ненайденные укрепления тарской дистанции Ново-Ишимской оборонительной линии XVIII века / А.В. Матвеев, Ю.В. Трофимов // Русский вопрос: история и современность: матер. V Всерос. науч.-практ. конф. — Омск: Наука, 2005. — С. 223–224.

войска (1725–1861)»[59], где приводит таблицы с описанием построек внутри крепостей и редутов, а также численность гарнизонов в них.

С.Р. Муратова в 2007 г. защищает кандидатскую диссертацию по теме «Сибирские укрепленные линии XVIII в.»[60]. Автор повествует о предпосылках и причинах строительства Сибирских укрепленных линий, о ходе строительства линий с описанием гарнизонов в укрепленных пунктах, а также о социально-политических последствиях сооружений сибирских линий. В 2010 г. диссертацию на тему «Формирование планировочной структуры укреплений Сибирских оборонительных линий XVIII в.» защищает Д.С. Шемелина[61]. Являясь специалистом-архитектором, автор дает подробное описание планировочной структуры сибирских оборонительных линий XVIII в. Здесь следует отметить, что оба автора не проводили полевых исследований, что, в свою очередь, накладывает определенные ограничения на интерпретацию приведенных в исследованиях данных.

В 2012 г. краевед А.М. [Лосунов] публикует статью, посвященную Покровской крепости, единственному объекту Тарской дистанции, который часто посещается туристами[62]. В своей работе он по архивным источникам описывает внешний облик крепости, ее гарнизон и внутренние строение.

И.П. Каменецкий в 2017 г. выпускает 2 статьи: «Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.)»[63] и «Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоения Южной Сибири (1744–1819 гг.)»[64]. В данных работах автор характеризует историю строительства укреплений Ново-Ишимской линии и заселение защищенных ею территорий, а также военно-политическую обстановку того периода.

После обзора публикаций перейдем к результатам полевых и архивных исследований 2021 г.

В ходе полевого сезона 2021 г. Тарская дистанция Ново-Ишимской линии была подвергнута комплексному археологическому обследованию, работы проводились в Исилькульском, Москаленском, Марьяновском и Омском районах Омской области. В результате удалось обнаружить большую часть объектов линии и провести их топографическую, фото-, аэрофотосъемку[65]. Были обнаружены следующие укрепления (с запада на восток): редут Лосев; предполагаемое месторасположение редута Соленоозерный; крепость Николаевская-II; предполагаемое месторасположение редута Горький; редут Волчий-II; крепость Покровская; предполагаемое месторасположение редута Пустоозерного; редуты Курганский (Пустоозерный-II), Дубровный, Степной-I, Степной-II и Мельничный. Вся необходимая документация передана в Министерство культуры Омской области для постановки указанных объектов на государственную охрану.

Ниже будут описаны крепости Николаевская-II и Покровская, редуты Волчий-II, Дубровный и Степной-II в их современном состоянии. Римские цифры в названии фортификаций указывают на этап их сооружения (первый или второй).

---

[59] Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): В 2-х т. / М-во образования Рос. Федерации. Ом. гос. пед. ун-т. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001.

[60] Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: диссер. на соискан. уч. ст. канд.. ист. наук: 07.00.02. — Уфа, 2007. — 241 с.

[61] Шемелина Д.С. Формирование планировочной структуры укреплений Сибирских оборонительных линий XVIII в.: дис. канд. архитек. наук: 05.23.20; [Место защиты: Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН]. — М., 2010. — 237 с.

[62] Лосунов А.М. Крепость Покровская // Омское наследие. — 2012. — № 10. — С. 76–83: ил.

[63] Каменецкий И.П. Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — Т. 24, № 1. — С. 98–102.

[64] Каменецкий И.П. Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. — 2017. — № 10. — С. 81–87.

[65] Герасимов Ю.В., Дегтярев К.А., Корусенко М.А. Исследование укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской (Пресногорьковской) линии: историография проблемы // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. — Омск: Издат. Дом Наука, 2021. — Ч. 1. — С. 331–337; Корусенко М.А., Загородникова Д.П., Герасимов Ю.В. Тарская дистанция Ново-Ишимской линии укреплений: современное состояние и проблемы охраны объектов культурного наследия // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–30 октября 2021 г.) — Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. — С. 398–403; Корусенко М.А. Отчет о проведении археологической разведки в Омском, Марьяновском, Москаленском, Исилькульском муниципальных районах Омской области в 2021 году // Архив Музея народов Сибири. Ф. VII-4, Диск №6. — 2021.

КРЕПОСТЬ НИКОЛАЕВСКАЯ (КРЕПОСТЬ НИКОЛАЕВСКАЯ-II)

В Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Российской Федерации (далее — ЕГРОКН) памятник числится под наименованием «Ров и вал Николаевской крепости, основанной в XVIII в.»; реестровый номер 551630658170005. Поставлен на охрану решением Исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области» от 26.06.1980 г. №239/10[66].

Объект расположен в Москаленском районе Омской области на южной окраине д. Николаевка, в 0,51 км к западу от кладбища. Крепость Николаевская была заложена в 1752 г., позже ее строительство было остановлено из-за отсутствия источников пресной воды; первоначальное местоположение ее до настоящего времени не установлено. В 1761 г. крепость была перенесена севернее, на южный берег оз. Николаевское. Гарнизон крепости состоял из 1 капитана, 1 вахмистра, 1 подпрапорщика, 1 цирюльника, 2 барабанщиков, 2 денщиков, 1 плотника и 57 драгун при 70 драгунских и 9 рабочих лошадях. Кроме того, на хлебопашестве состояло 19 тарских казаков при 19 лошадях. К 1765 г. в крепости находились: равелин, 4 бастиона, пороховой погреб, главные ворота с башней, малые ворота, штабной дом, офицерские покои, 4 драгунские казармы, пороховой погреб, провиантский магазин, заплот, вал, ров, рогатки, надолбы (в надолбах были еще ворота), острог, караульная изба, а также 43 двора обывательских строений[67]. К 1771 г. в крепости построена деревянная церковь, а слобода разрослась до 140 дворов (355 душ мужского и 350 женского пола)[68]. Согласно «Положению о Сибирском линей-

[66] Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. // Электронный ресурс. – URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/242748 (дата обращения: 20.10.2022).

[67] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л.68.

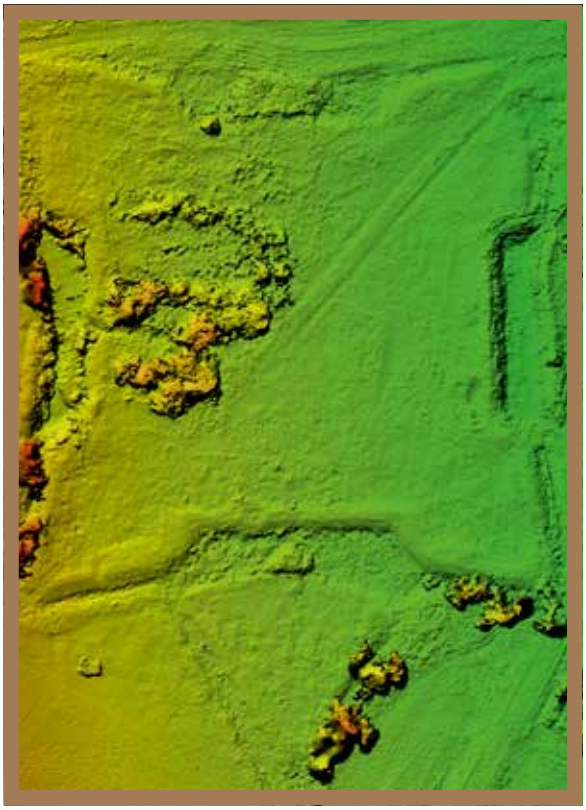
[68] Записки путешествия акад. Фалька. СПб. 1824. Т. 6. С. 365.

Крепость Николаевская, вид сверху

ном казачьем войске»[69], в 1846 г. объект еще сохраняет статус крепости, однако к концу 50-х гг. XIX в. утрачивает свое защитное значение и переходит в разряд казачьей станицы.

Крепость относится к типу 4-угольных с 5-угольными бастионами по углам, ориентирована по оси ССЗ–ЮЮВ. Наиболее полно сохранилась фортификация юго-восточного фаса. Протяженность куртины здесь составляет 84 м, ширина вала — 10–11 м по основанию и до 5,5 м по вершине, высота — до 1,2 м над площадкой крепости. К югу от центра вала зафиксирована округлая в плане современная яма диаметром до 6 м и глубиной до 0,4 м, задернованная, с пологими стенками и ровным дном. Эскарпированный ров куртины достигает ширины 20 м, глубина его не менее 2 м, дно заболочено, поросло тростником, эскарп — кустарником. С наружной стороны сохранился гласис шириной до 5 м. Куртина прикрыта равелином с длиной фланка до 83 м, оконтуренным неглубоким, до 0,7 м рвом, ширина которого достигает 8 м и гласис шириной до 10 м и высотой до 0,5 м. Вал северо-восточной куртины частично поврежден прудом, который жители д. Николаевка организовали во рву фаса. Протяженность вала достигает 78 м, ширина не превышает 5 м, внешняя сторона крутая, обрывистая, высота — до 0,9 м над площадкой крепости. Размеры рва составляют 18×70 м, первоначальный контур нарушен прудом. Внешний пояс укреплений полностью уничтожен домохозяйством, которое находилось к востоку от крепости. Вал северо-западной куртины в восточной части полностью уничтожен, частично, на протяжении 19 м, сохранился в западной. Судя по расстоянию между уцелевшими фланками северо-восточного и северо-западного бастионов, его длина составляла 78–79 м. Ров куртины также поврежден, частично засыпан, заболочен. Юго-западная куртина пострадала меньше — вал сохранился на всем протяжении, лишь к северу от центра его перерезает узкий (до 2 м шириной) перекоп, связанный, вероятно, с деятельность хозяина современной усадьбы, располагавшейся в западной части крепости. Ров имеет размеры 78×18 м, глубину — до 1,5 м, эскарпирован, дно плоское, сухое, порос тополями. Вдоль рва читаются остатки гласиса шириной до 12 м, частично, в северной части, разрушенного в результате хозяйственной деятельности.

Крепость Николаевская. Ортофотоплан

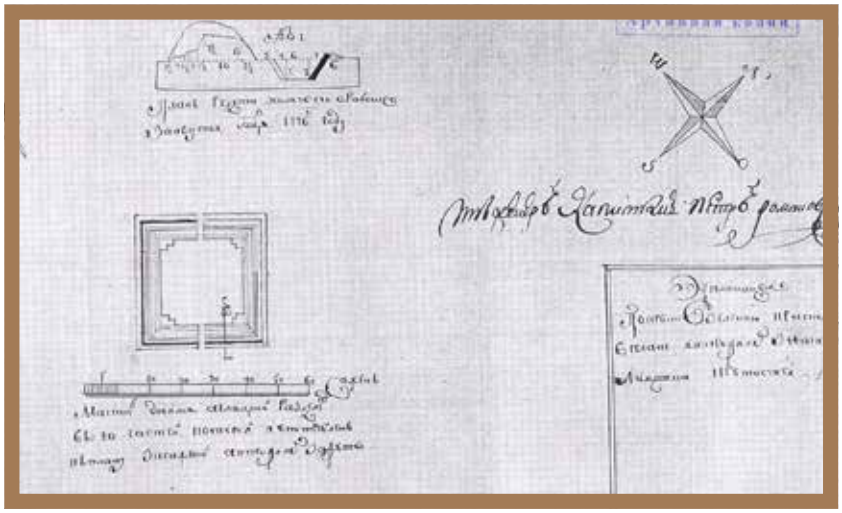
Все бастионы симметричные, с коротким, до 17 м, фланком и длинным, до 42 м, фасом. Фасовый угол юго-западного бастиона нарушен пешеходной тропой, юго-восточный бастион сохранился хорошо, при сооружении водохранилища во рву восточной куртины частично повреждена внешняя стена северного фланка. Северо-восточный бастион разрушен, визуально фиксируются остатки восточного фаса, фасовый угол уничтожен проселочной автодорогой. Северо-западный бастион, заросший бурьяном и кленом, сохранил внешний контур, но внутренняя поверхность претерпела искажения в результате хозяйственной деятельности. Бастионные рвы уже куртинных, их ширина колеблется в пределах 4–8 м, глубина не превышает 1,7 м, стенки покатые, дно ровное; ров западного фаса северо-западного бастиона уничтожен усадьбой. Гласисы сохранились только у юго-западного бастиона и частично у южного фаса юго-восточного. В западной части крепости сохранились фундамент усадьбы директора школы д. Николаевка площадью около 2900 кв. м[70], посадки ели, заросли клена и тополя. Через фасовый угол северо-восточного бастиона до восточной границы бывшей усадьбы проходит колея проселочной дороги — очевидно, подъезд к дому.

---

[69] Положение о Сибирском линейном казачьем войске // С.-Петербург. Типография Департамента Военных Поселений. — С. 91. — Эл. Копия. URL: https://www.prlib.ru/item/438051

[70] Матвеев А.В. Исследования Ишимской и Ново-Ишимской (Горькой) укрепленных линий XVIII века на территории современной Омской области // Исторический ежегодник. — Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. — 2001, спец. вып. — С. 58–68.

РЕДУТ ВОЛЧИЙ (ВОЛЧИЙ-II)

Редут Волчий (1776 г.), план и разрез по архивным материалам

В ЕГРОКН числится под наименованием «Ров и вал Волчьего редута, основанного в XVIII в.»; реестровый номер 5516306581800005. Поставлен на охрану решением Исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области» от 26.06.1980 г. №239/10[71].

Данный объект расположен в Москаленском районе Омской области на восточной окраине д. Шефер, в 0,37 км к северо-северо-востоку от здания бывшей начальной общеобразовательной школы. Первоначально редут Волчий был основан в 1752 г. на берегу соленого озера — старицы Камышловского лога в окрестностях современной д. Волчанка. Считается, что свое название как село, так и редут получили из-за большого количества волчих стай в окрестностях[72], хотя д. Шефер, основанная в начале XX в., никак не связана с редутом. Через девять лет, в 1761 г., из-за проблем с водой редут пришлось перенести на нынешнее место, а позже, в 1923 г., рядом с уже заброшенным редутом основан хутор Шефер, ныне — деревня в Москаленском районе Омской области.

При переносе редута старое название решили сохранить во избежание бюрократической путаницы. Его гарнизон состоял из 1 капрала и 15 драгун при 12 лошадях. Перестроенный редут имел квадратные в плане очертания, защищался рвом, валом с гласисом, на углах располагались насыпные барбеты для артиллерийских орудий. К 1761 г. в редуте находились следующие объекты: ворота с каланчой, 2 солдатские казармы, офицерский дом, конюшня, пороховой погреб, провиантский магазин, заплот, ров, вал, рогатки и надолбы[73]. К началу XIX в. редут полностью утрачивает свое военное значение, его площадку начинают осваивать под сельское хозяйство. В начале XX столетия рядом с редутом появляется немецкий хутор Шефер, одна из усадеб которого расположилась непосредственно на площадке бывшего укрепления, уничтожив вал и ров в северо-восточной части сооружения. Позже середина северного и южного валов срезается для прокладки дороги.

В настоящее время через площадку редута проходит полевая дорога, ведущая от ул. Центральной д. Шефер к берегу озера. В 80 м к северо-западу от редута находится водохранилище, соединенное с озером рукотворным каналом. Редут имеет квадратную в плане форму, размеры по валу ≈ 75×75 м, т. е. 35×35 сажень, ориентирован по оси

---

[71] Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации // Электронный ресурс. – URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/242750 (дата обращения: 20.10.2022).

[72] Гиль И.А. История села Шефер // Наш Омский край: третий конкурс исслед. краевед. работ, посвящ. 95-летию со дня рождения ученого-краеведа, историка, писателя и журналиста М.Е. Бударина [и зон. конкурс исслед. краевед. работ] (Омск, 19 декабря 2015 г.; Черлак, 29 января 2016 г.) : сб. докл. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. — С. 133–137.

[73] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л.69.

Редут Волчий-II. Ортофотоплан

ССЗ–ЮЮВ. Центральная часть северо-западного и юго-восточного фасов разрушена при прокладке полевой автодороги на ширину 16–25 м, кроме того, северо-западный контур к востоку от дороги уничтожен располагавшейся здесь ранее усадьбой, упомянутой А.Ф. Палашенковым[74]. Остальная фортификация сохранилась удовлетворительно. Система укреплений включает: гласис высотой до 0,3 м и шириной до 7 м, сохранившийся в границах северо-западного и юго-восточного, в северной части юго-западного фасов и у юго-восточного угла. По гласису северо-восточного фаса проходит накатанная полевая автодорога, исказившая контур укрепления; вдоль юго-восточного и юго-западного гласисов читается укрытый путь; сухой ров с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной 7 м по гребню эскарпа и 3 м — по дну, глубиной до 0,9 м от поверхности; земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва, шириной до 10 м по основанию и до 3 м по вершине, высотой до 1,2 м над уровнем площадки редута. По углам редута хорошо читаются насыпные барбеты с аппарелью. Поверхность редута хорошо задернована, поросла луговой травой, за исключением колеи полевой автодороги; в настоящее время территория памятника используется для выпаса домашнего скота. У юго-западного фаса редута распахан участок под посадки картофеля размером 38×37 м, разрушивший гласис. У подножия вала юго-восточного фаса растет одинокая старая береза, упоминавшаяся в работе Д.Н. Фиалкова[75].

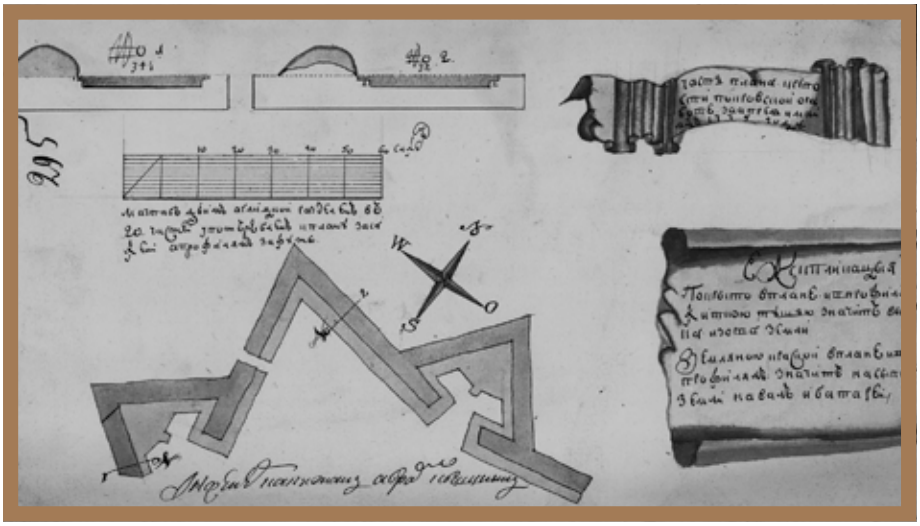
[74] Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской Области // Источники по истории Западной Сибири (история и археология): Межведомств. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Матющенко; Омск. ун-т. — Омск, 1987. — 156 с.

[75] Фиалков Д.Н. Горькая линия военных укреплений // Записки по краеведению Омской области. Омск, 1972. С. 52–61.

Редут Волчий-II, вид сверху

КРЕПОСТЬ ПОКРОВСКАЯ

Крепость Покровская (1775), план и разрез по архивным материалам

В федеральном реестре (ЕГРОКН) не числится. Памятник поставлен на охрану решением Исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области» от 26.06.1980 г. №239/10[76] на региональном уровне.

Объект расположен в Марьяновском районе Омской области на северном берегу оз. Покровское, в 6,35 км к востоку от п. Помурино, в 7,15 км к западу — юго-западу от п. Пикетное. Крепость заложена в промежуток с 1752 по 1755 гг. на берегу Покровского озера и перестроена в 1765 г. К востоку от крепости располагалось село Покровка, позже разросшееся до казачьей станицы. После упразднения крепости в середине XIX в. ее территория также стала застраиваться усадьбами станицы. В 1927 г. в станице разгорелся пожар, в результате которого сгорела половина домов, причины его установить не удалось. Станица постепенно стала оставляться ее жителями, последний из них покинул населенный пункт в 1970 г.[77]

Гарнизон крепости (1755) состоял из 1 капитана, 1 поручика, 1 подлекаря, 1 вахмистра, 2 квартирмейстеров, 1 каптернамуса, 1 капрала, 1 ротного писаря, 2 цирюльников, 2 барабанщиков, 58 драгун, 3 канонира, 1 слесаря, 1 кузнеца, 1 седельника, 1 коновала, 1 плотника и 3 ямщиков при 65 драгунских и 7 почтовых лошадях. Также при хлебопашестве 1 сотник, 1 десятник, 1 барабанщик и 24 казака при 24 лошадях. К 1762 г. в гарнизоне на смену драгунам расквартировывается рота солдат регулярной армии с офицерами, а также инородцы (башкирцы). В крепости находились: 2 ворот с каланчами и мостом через ров, пороховой погреб, офицерский дом, 4 драгунские казармы, 2 провиантских магазина, 4 артиллерийских раската, заплот, ров, вал, рогатки и надолбы[78]. Также планировалось достроить еще 4 казармы. Крепость перестала исполнять функции укрепрайона к середине XIX в. и вскоре стала селом Покровка, а в дальнейшем казачьей станицей Покровской. Местное население называло объект как «Крепостью Стеньки Разина», так и «Крепостью Ермака». В настоящее время крепость Покровская хорошо видна на снимках из космоса, является местной достопримечательностью. Интересный факт: крепость Покровская на некоторых электронных картах значится как Марианов-ский редут, который никогда не существовал.

Крепость, построенная по системе Г. Римплера, относится к типу четырехугольных с вогнутыми внутрь сторонами, треугольными бастионами по центрам куртин, ориентирована по оси ССВ–ЮЮЗ. Фортификационные

[76] Лосунов А.М. Крепость Покровская // Омское наследие. — 2012. — № 10. — С. 76–83.

[77] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л.69.

[78] Там же. Л.70.

сооружения хорошо сохранились, за исключением гласиса восточного фаса, уничтоженного в результате распашки и обустройства проселочной дороги.

Крепость выстроена на принципах угловой фортификации. В основе системы фортификации крепости лежит 4-угольник со сторонами 245–253 м, стороны которого вогнуты внутрь. Куртины образуют острые углы со стороной 105–115 м, соединены треугольными бастионами, длина фасов которых составляет 53–54 м. Валы куртин и бастионов оконтурены рвами шириной до 8 м по верхнему контуру и глубиной до 1,5 м, с крутыми эскарпированными стенками и ровным плоским дном.

По периметру рвов читается укрытый путь шириной до 1,5 м, перед которым расположен гласис шириной 10–12 м и высотой до 0,7 м, за исключением восточного контура крепости, где указанные элементы разрушены. Гласис южного фаса западного бастиона продольно разрезан траншеей шириной до 0,5 и глубиной до 0,4 м, заросшей травой, задернованной. В западном валу северо-западного угла читается поперечное рассечение шириной до 2 м, вероятно второй выход из крепости. В месте соединения восточной куртины юго-восточного угла и восточного бастиона зафиксированы остатки главных ворот крепости в виде разрыва в линии рва и вала, через который проходит колея проселочной дороги. Треугольные в плане бастионы соединены с куртинами узкими горжами, защищенными валами и рвами. В углах бастионов хорошо

Крепость Покровская. Ортофотоплан

читаются насыпные барбеты артиллерийских батарей. Угол южного бастиона разрушен овражкообразованием по линии рва восточного фаса.

На территории памятника зафиксированы 11 объектов, среди которых два (объекты 4 и 6) являются остатками усадеб села XX в. (здесь обнаружены фрагменты битого кирпича, шифера, ржавые обломки жести — следы усадьбы XX в., а остальные девять (объекты 1–3, 5, 7–11) связаны с жизнедеятельностью станицы конца XVIII — XIX в. (здесь обнаружены фрагменты битого кирпича конца XVIII — XIX в.). Поверхность объектов 1–3, 5, 7–11 хорошо задернована, осыпи отсутствуют. На объектах 4 и 6 дерновый слой слабый, местами отсутствует.

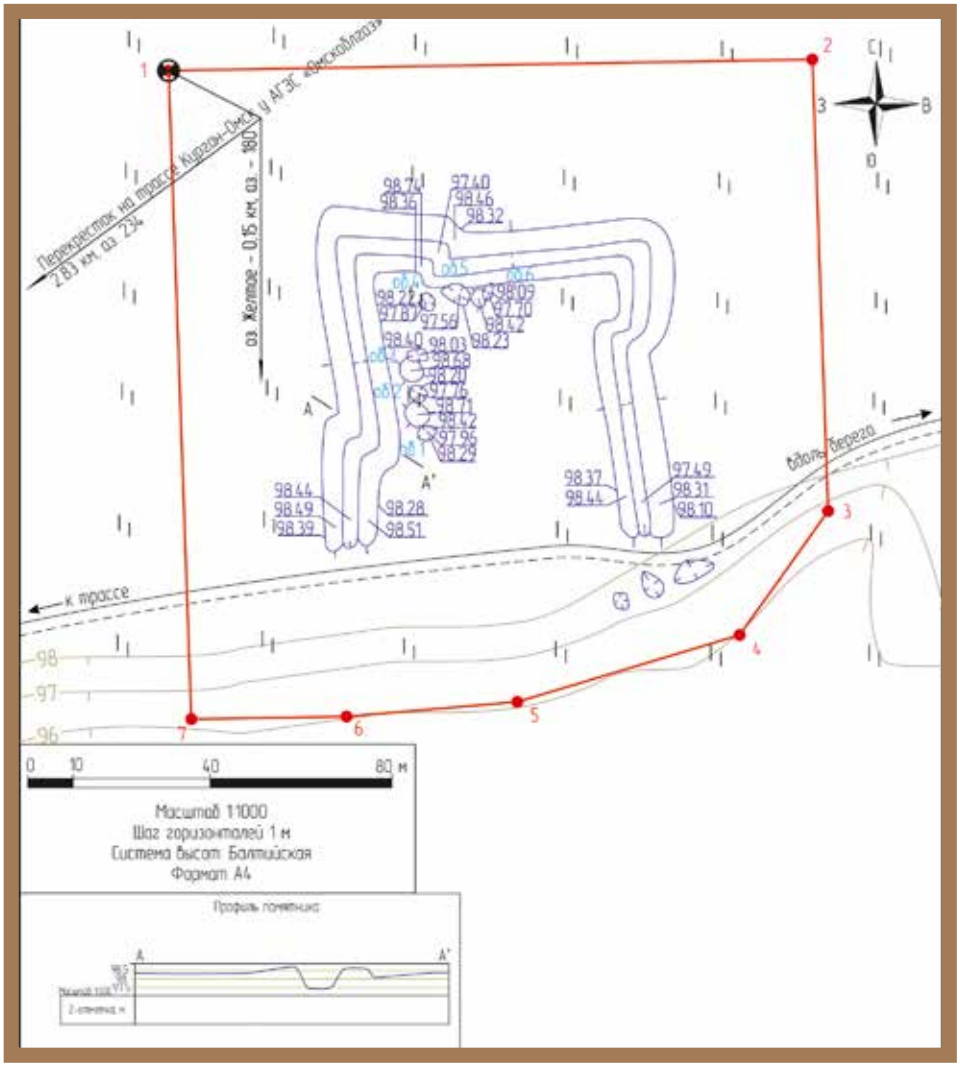
Крепость Покровская, вид сверху

РЕДУТ ДУБРОВНЫЙ

Памятник фортификации в ЕГРОКН не числится, охранного статуса не имеет. Объект расположен в Марьяновском районе Омской области, в пойме Камышловского лога на северном берегу озера Карасье (Желтое), в 2,83 км к ВСВ от перекрестка на трассе Курган — Омск у АГЗС «Омскоблгаз».

Основан в промежутке между 1752 и 1755 гг. В гарнизон входили 1 капитан и 15 драгун при 15 лошадях. В редуте располагались ворота с каланчой, офицерский дом, две солдатские казармы, конюшня, пороховой погреб, провиантский магазин, сооружены вал, ров, рогатки и надолбы[79]. Из-за отсутствия источников пресной воды был заброшен к 1761 г.

Редут построен в форме квадрата с полубастионами по углам, что, вероятно, являлось стандартной конфигурацией полевых укреплений первого этапа строительства Пресногорьковской (Горькой) линии (по такому же принципу построен редут Степной-I). Размеры по валу ≈ 58×56 м, т. е. 27×26 саженей, ориентировано сооружение по оси С–Ю.

Редут Дубровный. Топоплан

Редут составляют 3 фаса — западный, северный и восточный, южная сторона редута, судя по микрорельефу поверхности и укрепления, не имела земляных сооружений и, вероятно, защищалась деталями ландшафта (обрывистым берегом озера), возможно усиленными деревянными конструкциями типа частокола или заплота. Западный фас включает вал шириной до 4 м по основанию и высотой до 0,42 м над поверхностью, южная оконечность которого, изгибаясь, формирует северный фланк и фас юго-западного полубастиона, а северная смыкается с углом фаса северо-западного полубастиона. Подобные же конфигурации имеют северный и восточный валы. Вдоль вала по всей длине проходит сухой ров с эскарпированными стенками и ровным дном шириной до 4 м и глубиной до 0,6–0,8 м. Ров окружен гласисом высотой до 0,3 м и шири-

[79] Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. // Электронный ресурс. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/51/242743 (дата обращения: 20.10.2022).

Редут Дубровный, юго-западный полубастион

ной до 4,5–6 м. В центре северного вала читается проход в редут в виде перемычки через ров и разрыва вала шириной до 4 м; вероятно, здесь располагались ворота с каланчой. На площадке укрепления зафиксированы остатки 6 объектов различных размеров и конфигурации, которые могут быть интерпретированы как следы строений редута.

Поверхность редута хорошо задернована, поросла степной растительностью. До наших дней редут сохранился лучше всех других укреплений Ново-Ишимской линии.

Редут Дубровный. Ортофотоплан

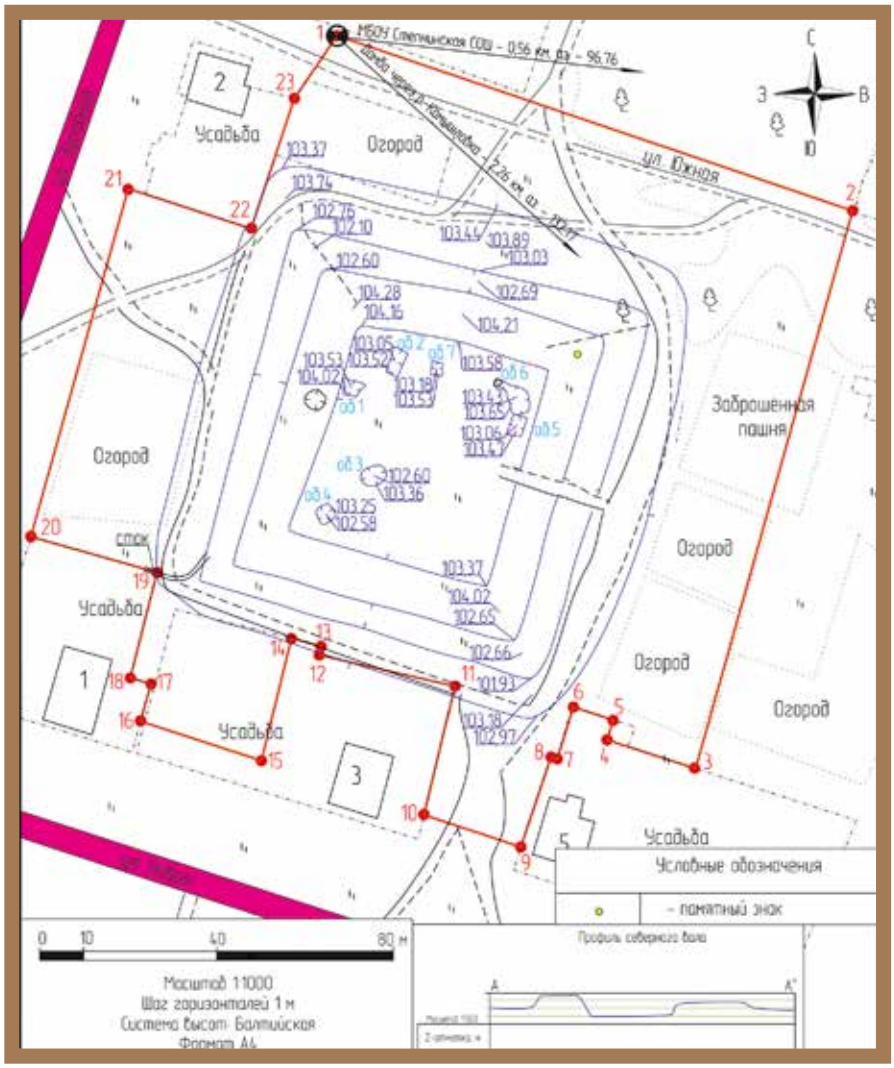
Редут Дубровный, вид сверху

РЕДУТ СТЕПНОЙ (СТЕПНОЙ-II)

Памятник включен в ЕГРОКН, числится под наименованием «Степной редут, основанный в XVIII в.»; реестровый номер 5516306581600005. Поставлен на охрану решением Исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области» от 26.06.1980 г. №239/10[80].

Объект расположен в Марьяновском муниципальном районе Омской области, на территории с. Степное, в 0,56 км к западу от средней общеобразовательной школы. Построен в 1761 г., когда редут «Степной-I» было решено переместить с берега р. Камышловки на более высокое место. Располагается на высочайшей точке местности, практически в центре современного с. Степное.

Гарнизон редута состоял из 1 капрала и 17 драгунов при 21 драгунской и 2 почтовых лошадях. В редуте располагались: ворота с каланчой, офицерский дом, 2 драгунские казармы, провиантский магазин, конюшня, пороховой погреб, сооружены заплот, ров, вал, рогатки и надолбы.

Редут Степной-II. Тополлан

Редут построен в форме квадрата с размерами по валу ≈ 65×68 м, т. е. 30×31 саженей, ориентировано сооружение по оси ССВ–ЮЮЗ. Поверхность памятника, за исключением площадки котлована, хорошо задернована, поросла степной растительностью. Расположение редута на территории современного села определило некоторые специфические повреждения сооружения при общей хорошей сохранности.

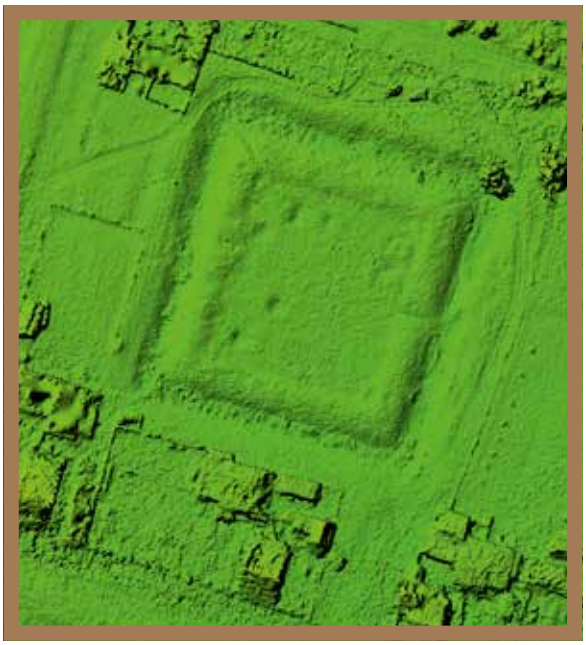
Система фортификации включает гласис высотой до 0,45 м и шириной до 12 м, тыльный склон которого переходит в контрэскарп сухого рва. На поверхности гласисов расположены колеи полевых автодорог, вдоль южного расположены домохозяйства по ул. Новая, №№ 1, 3, задняя изгородь которых проходит по подножию гласиса. Сухой ров глубиной 1,52–1,36 м с эскарпированными стенками и ровным плоским дном шириной до 9 м по

[80] Дегтярев К.А. Материалы А.Ф. Палашенкова по Ново-Ишимской (Пресногорьковской) оборонительной линии в материалах Государственного архива Омской области // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–30 октября 2021 г.) — Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. — С. 291–296.

гребню эскарпа и 3–4 м — по дну, в восточной части ров пересечен насыпной перемычкой шириной 3–3,5 м. Земляной вал, напольный фас которого переходит в эскарп рва, шириной до 10 м по основанию и до 3 м по вершине, высотой до 0,75 м над уровнем площадки редута. В восточной части вал рассечен проходом шириной до 3 м, расположенным напротив перехода через ров; вероятно, это следы въездных ворот в редут. В северо-восточном углу вала установлена информационная табличка на металлическом столбе.

На площадке укрепления зафиксированы 7 объектов различных размеров и конфигурации, по крайней мере часть из которых можно интерпретировать как остатки строений редута. Все объекты старые, хорошо задернованные, осыпи отсутствуют.

Фортификации редута сохранились в хорошем состоянии. На углу северо-восточного бастиона установлена памятная табличка с названием редута и датой его основания.

Редут Степной-II. Ортофотоплан

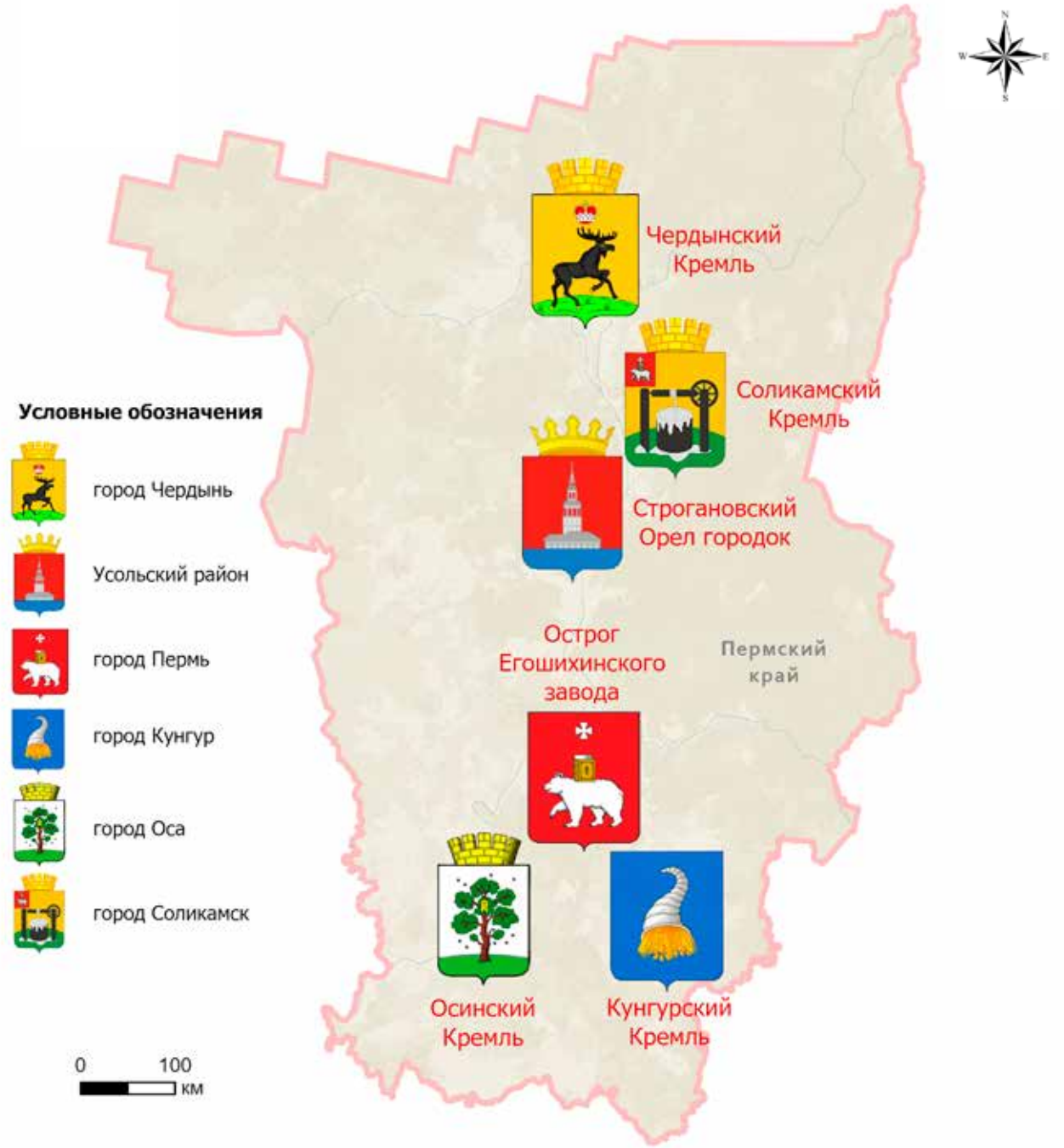
Редут Степной-II, западная часть редута: ров, вал и площадка

Редут Степной-II, вид сверху

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Развитие фортификационного искусства в Прикамье проходило в особых условиях разворачивающейся колонизации региона. Первой известной русской крепостью в Прикамье стал городок Покча на месте современного одноименного села рядом с Чердынью. В 1472 г. «прииде князь Федор (Пестрый — П.К.) на устие Почки, где впала в Колву, и сождася тамо со всеми своими, а поиманих туто же преведе; срубивше ту городок, седе в нем и приведе всю землю ту за великого князя»[1]. О характере покчинских укреплений источники молчат, известно лишь, что в 1481 г. «пришедшу Асыка князь с пелынскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекл и повосты розорив». В 1506 г. «пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижную воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел и посекл»[2].

Источники содержат косвенные свидетельства существования в это время каких-то укреплений в Чердыни, но определенно известно, что кремль на будущей Троицкой горе был возведен только в 1535 г.: «Того же лета июля 15 послал князь велики въ Перьмь Семена Давидова сына Курьчова города ставити, а старой згорел»[3]. Известно, что в 1581 г. пелымский князь Кихек «Чердыню приступал, но взяти не взял»[4]. В 1614 г. укрепления Чердыни были описаны Н.С. Нащекиным: «В Перми город Чердынь деревянной и на городе шесть башен, а мосты и обламы на городе и на башнях сгнили и кровли обвалились, а у города четверо ворота, да тайник завалился...»[5]. В течение XVII в. кремль поновлялся и просуществовал до 1790-х гг.

После прокладки Бабиновской дороги (государевой дороги в Сибирь) Чердынь оказалась вне короткого сухопутного пути и стала терять значение. Эстафету перехватил Соликамск, куда в 1613 г. назначен самостоятельный воевода, а с 1636 г. соликамский администратор стал управлять и Соликамским и Чердынскими уездами.

Соликамск обзавелся собственными кремлевскими укреплениями еще в XVI в. По крайней мере, сведения «Соликамского летописца» 1 сентября 1581 г. позволяют сделать такой вывод. «Князь Пелымский Кихек, собрав воя числом 700 человек... Град Чердынь едва не взял, но всемогущий Бог попусти город Солькамскую посад взяша и пожгоша, и людей множество побиша...»[6]. Кроме того, соликамские писцовые книги письма и меры Михаила Кайсарова 1623/1624 гг. уже отмечают ветхость имеющихся 5-башенных укреплений городнями. Соликамский кремль простоял около века и был уничтожен катастрофическим пожаром 8 июля 1672 г. Сгоревшая крепость не восстанавливалась, поскольку непосредственная военная опасность городу практически исчезла.

Пик развития строгановского крепостного строительства пришелся на XVI в., когда в 1558, 1568, 1597 гг. Строгановым были пожалованы территории основных вотчинных владений в Прикамье. Писцовая книга Кайсарова 1623/1624 гг. по Велико-пермским вотчинам Строгановых зафиксировала наличие развитой системы укреплений, которые получили название «городки», поскольку внешне выглядели как города, но были частными, не имели представителей коронной власти и вследствие этого официального статуса не имели. Более скромные экономические и оборонительные центры назывались просто «острожки».

Первым и главным был Орел-городок на Каме недалеко от Соликамска, а кроме того, Строгановыми строились крепости на Чусовой, Сылве, Яйве и Очере.

Чусовской Нижний городок (1568)

«За Ондреем да на Петром Семеновыми детьми Строганова ниже Перми Великие Городок Чусовой деревянной рубленой, едучи в верх по правой стороне реки Чусовой; а у него трои ворота, да 4 башни наугольных глухих, а меж ворот и башен городень по мере 220 сажен».

---

[1] Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. — СПб.: Археогр. комис. Т. 12: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — 1901. — С. 148.

[2] Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 263, 265.

[3] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. — СПб., 1904. — С. 85.

[4] Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 267.

[5] Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер. 2. — Пермь, 1882. — С. 34.

[6] Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск: для изъискания исторических древностей. — СПб.: Печатано в Военной типографии Главнаго штаба его императорскаго величества, 1821. — С. 205.

Нижние Чусовские Городки

Нижний Чусовской городок XIX в.

Чусовской Верхний городок (1610)

«За Иваном да за Максимом Максимовыми детьми Строганова отца их Максимовская вотчина городок Чусовой древяной на реке на Чусовой и на усть-речки Усолки, едучи на Чусовую вверх на левой стороне, а у городка двои ворота да 4 башни глухих, да меж ворот и башень городень по мере 212 сажен; а в городке наряду: 2 пушечки железных скорострельных, да 3 пищали железных же, да 80 пищалей ручных, да к ним 37 ядер каменных, обливаны свинцом, да 280 ядер затинных пищалей, да 5 пуд с четью селитры, да 35 гривенок зелья пищального, да 9 пуд свинцу, да 100 луков, да 2000 стрел».

Сылвенский Острожек (до 1579 г.)

«За Андреем же да за Петром Семеновыми детьми Строганова острожек Сылвенской на реке; на Сылве, а в острожке дв. Петра Строганова, около двора острожку и что в стене изб 80 сажен, да полого места 20 сажен».

Яйвенский Острожек (до 1579 г.)

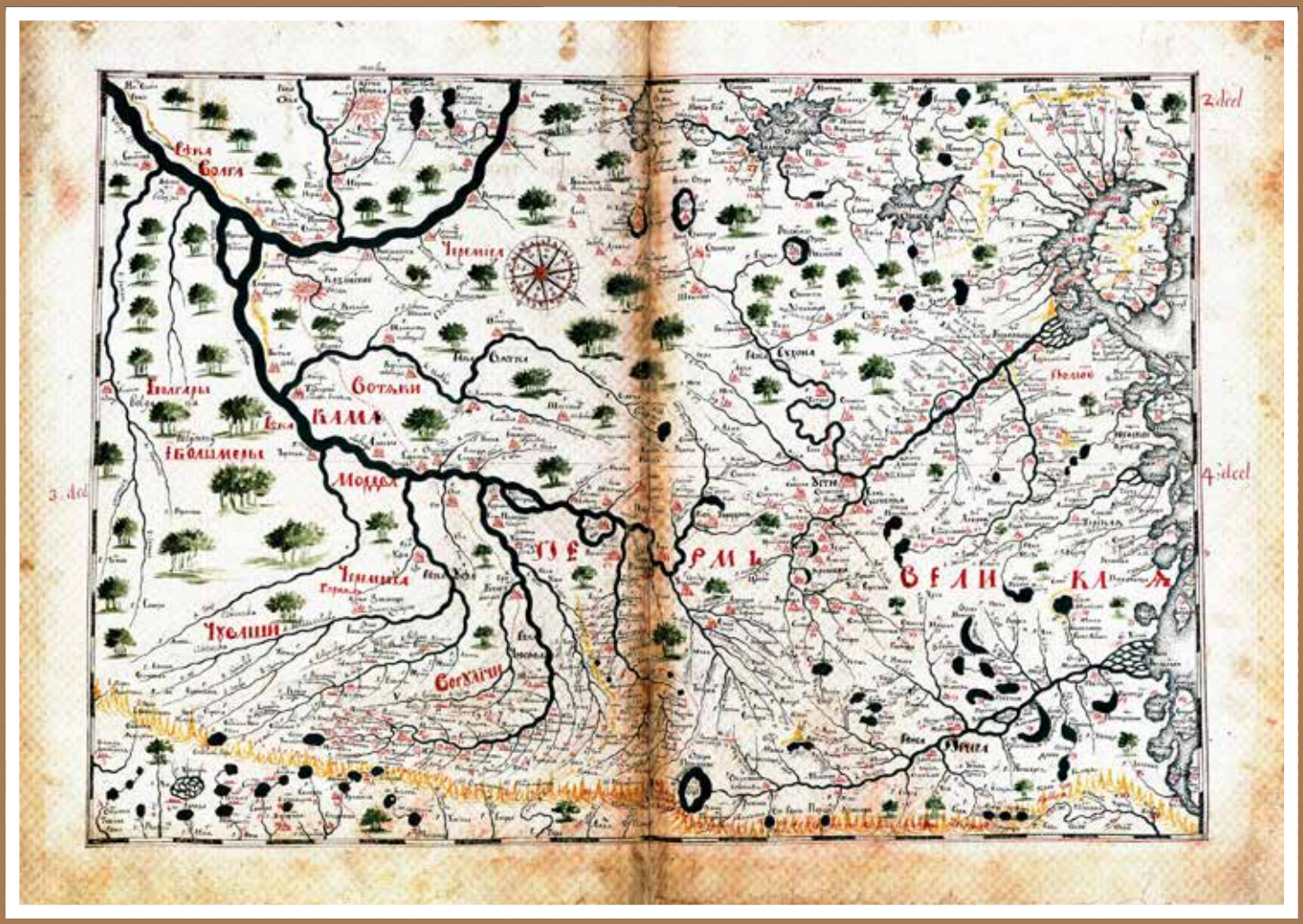
«За Иваном же да за Максимом Максимовыми, детьми Строганова, острожек Яйвинской на реке на Яйве и на речке на Усолке; а на остроге башня с вороты, а от башни к речке к Усолке и около всего острогу 114 сажен, да полых мест возле речку Усолку 26 сажен,

Верхние Чусовские Городки. Фото С.М. Прокудина-Горского

Пермь Великая в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова

а в острожке двор Ивана да Максима Строгановых...; да в острожке в стене 2 варницы с црены... Да в острожной же стене место варничное пусто».

Очерский Острожек (1597)

«Да за Андреем же, да за Петром, да за Максимом да за Иваном Микитинская ж вотчина Строганова: Город деревянной рубленой, что был Очерской острожек на реке на Очере; а у тово городка двои ворота, да две башни глухих, а меж ворот и башень городень и стоячево острогу по мере 129 сажен»[7].

Находившиеся на наиболее опасных направлениях Нижний и Верхний Чусовские городки имели по 4 башни и срубные стены городнями протяженностью более 200 сажен. Отстоявшие от восточных границ государства острожки имели весьма скромные укрепления. Поселение защищали 1–2 башни (в Сылвенском — ни одной), острожные стены из соображений экономии на отдельных участках заменялись рядами изб и варничными сооружениями.

В XVII в. юг современного Пермского края, главным образом Кунгурский уезд, подвергался интенсивной крестьянской колонизации. За 55 лет (с 1648 по 1703 гг.) количество дворов здесь увеличилось с 309 до 3769, или в 12,2 раза. Темпы заселения были почти в 50 раз больше естественного прироста населения в то время. Вокруг слобод возводились острожные укрепления.

По сведениям Н.С. Попова: «Около того времени, как г. Кунгур перенесен на нынешнее его место (около 1664 году), вероятно основаны острожки Ординской, Мединской, Торговской или Торговищской и другие, лежащее ближе к Башкирским и Татарским селениям... Во время возмущения уфимских Башкирцов и Татар в 1708 году... Торговищской острожек выдержал от них осаду, не смотря на многие приступы»[8]. Кроме перечисленных Н.С. Попо-

[7] Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 4: Строгановы и Ермак. — Пермь: издание автора, 1892. — С. 110, 127, 137, 156, 176.

[8] Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. III. — СПб., 1813. — С. 73.

вым известны также Степановский, Кишертский, Вознесенский, Покровский и Ильинский (Орда тож) острожки. Однако исторических источников о характере их укреплений, к сожалению, не обнаружено.

Наиболее известный Торговищенский острожек, представлявший собой деревянную крепость с угловыми башнями, был разобран в конце XVIII в., но долгое время сохранялась Спасская башня высотой 8 сажен и 3×4 сажени в основании. Башня сгорела в пожаре 3 июля 1899 г., в 1905 г. восстановлена жителями в меньших размерах, а в 1971 г. перенесена в Архитектурно-этнографический музей «Хохловка» (с. Хохловка Пермского района). Башня представляет собой сруб в 20 венцов из сосновых бревен, рубленных в обло с остатком — в основании четверик 4,4×3,0 м. Выше 14 венца устроен облам в 6 венцов. На четверике располагается восьмерик с 3 бойницами. Восьмерик увенчан шатром с дозорной вышкой.

Как слободы, так и заводские поселки окружались острогами в связи с регулярно возникающей опасностью башкирских восстаний. Возникший в 1723 г. Егошихинский медеплавильный завод вскоре был снабжен укреплениями, сочетавшими элементы традиционной и прогрессивной вобановской оборонительной архитектуры.

На протяжении XVI–XVIII вв. система укреплений Прикамья в известном смысле повторяла периодичность и границы распространения русской колонизации региона. После вхождения Перми Великой в состав Московского централизованного государства в середине XVI в. в северном Прикамье были возведены кремли главных городов Чердыни и Соликамска. Второй этап колонизации разворачивается после падения Казанского ханства и характеризуется интенсивным возведением городков и острожков в строгановских владениях. К концу XVI в. выделяется новый подчиненный приказу Казанского дворца уезд, впоследствии названный Осинским. Третий этап (вторая половина XVII — XVIII вв.) характеризуется, с одной стороны, интенсивным заселением земель Среднего Урала, а с другой — горнозаводским строительством. В этот период возводились преимущественно слободские и заводские остроги, а также кремли центров южных уездов — Кунгура и Осы. К концу XVIII в. с исчезновением военной опасности крепостные укрепления в Прикамье практически исчезли.

Очерский Острожек, вид сверху

СТРОГАНОВСКИЙ ОРЕЛ-ГОРОДОК

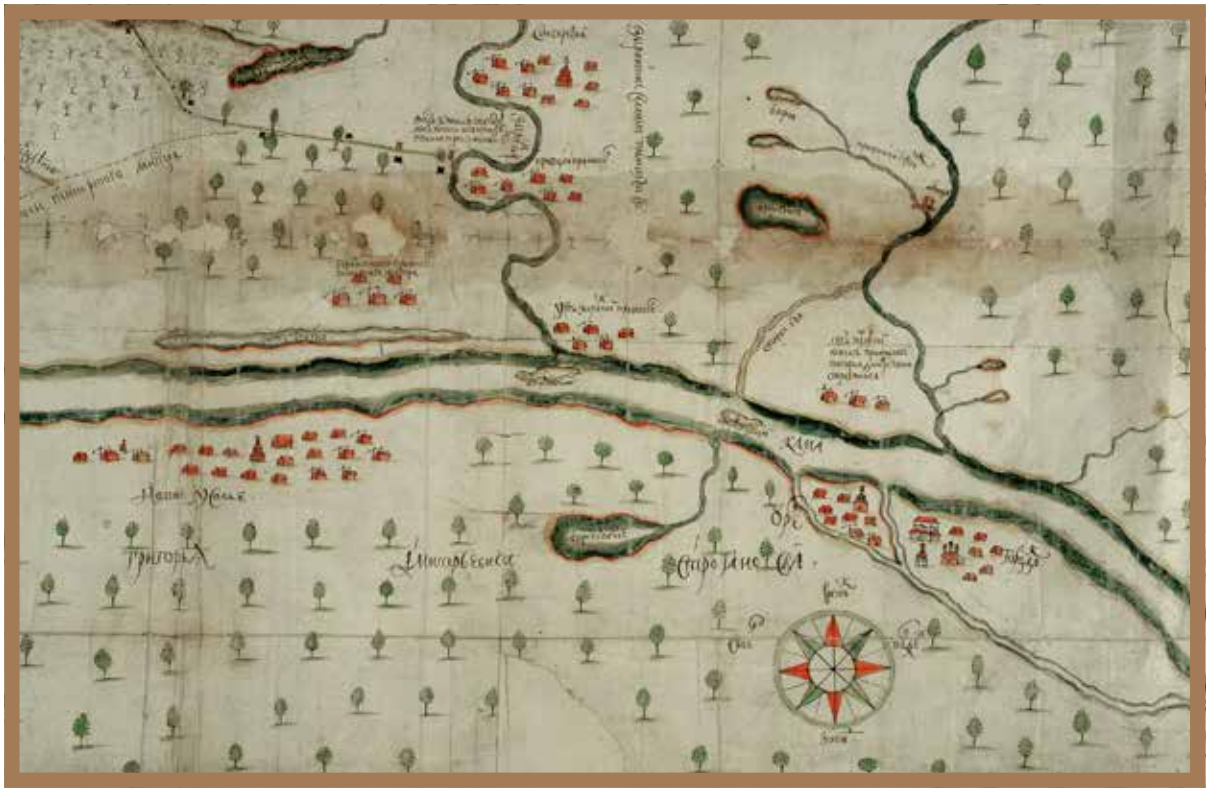
Объект археологического наследия — памятник «Орел-городок поселение» расположен по адресу: Пермский край, Усольский район, на низком полузатапливаемом острове, напротив церкви и пристани пос. Орел (Пермский край, Усольский район, п. Орел, 1,1 км к югу от церкви Похвалы Богородицы, группа островов на р. Каме)[9]. В 400 м к северу от него в Каму впадает р. Яйва. В 1950-е гг. памятник исследовался археологическим отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета, возглавляемым В.А. Обориным, который обобщил результаты раскопок в статьях[10]. Краткий исторический очерк Орла-городка дан Г.П. Головчанским[11].

Причины поставления будущего Орла-городка ясно обрисованы в царской жалованной грамоте от 2 января 1564 г.: «Григорья Строганова пожаловати, велети б ему на том месте городок поставити собою, а на городе пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальников и воротников устроити собою для береженья от Нагайских людей и от иных орд... на Каме ж, на низком месте, на Орле при наволоке, росол нашли и варницы ставят и соль варити хотят, и тут деи без городка люди жити не смеют, а слух его дошол от полоняников

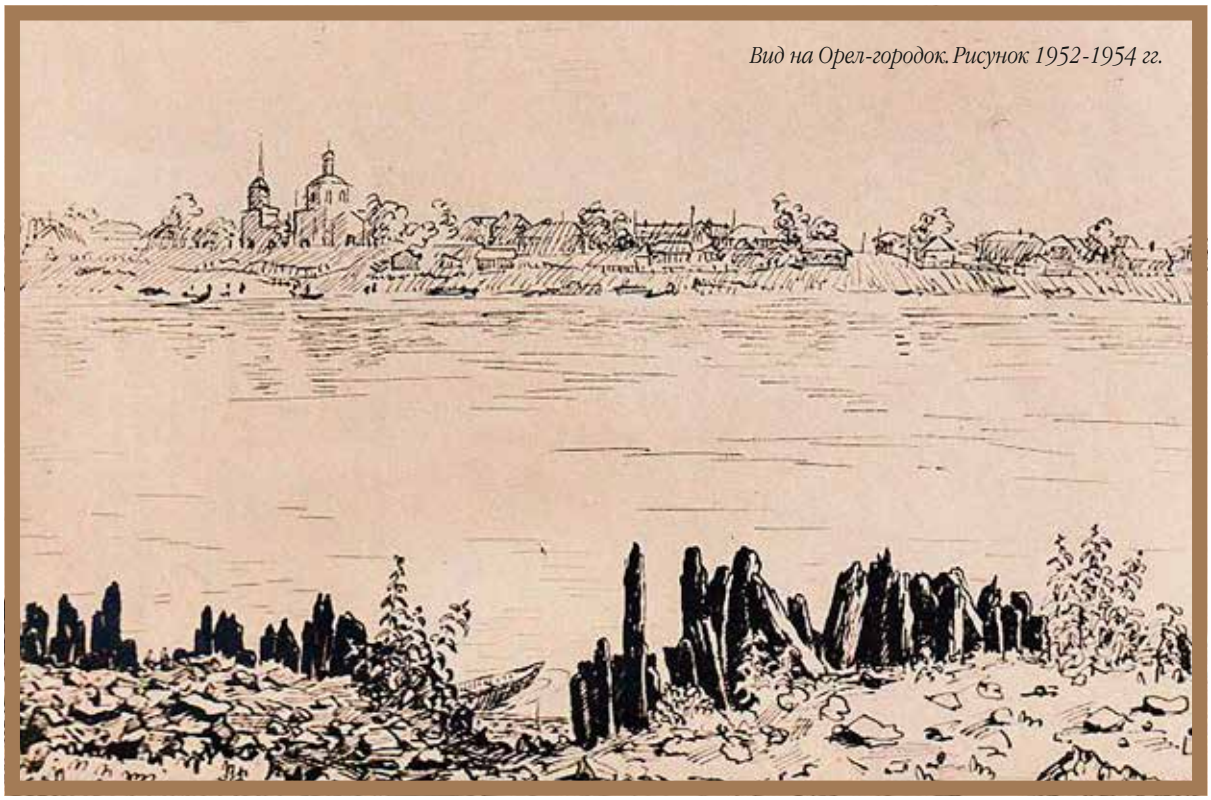
[9] Приказ Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края № СЭД-27-01-09-409 от 24.09.2014 «Об установлении границ территории и утверждении режима использования территории объекта археологического наследия — памятника “Орел-городок поселение”».

[10] Оборин В.А. Орел-городок (по раскопкам Камской археологической экспедиции 1953–1954 гг.) // Советская археология. — 1957. — № 4. — С. 140–152; Оборин В.А. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Ученые записки Пермского университета. — 1957. — Т. 10. — Вып. 3. — С. 145–164.

[11] Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. — Пермь: Книжный мир, 2005. — С. 4; Чертеж земель и солеварен по реке Каме и речке Зырянке, поданный в Посольский приказ 16 февраля 1696 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губ., № 126.

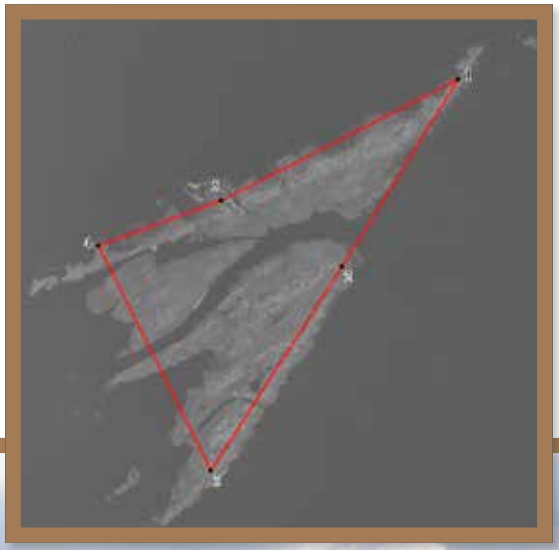

Чертеж земель и солеварен по реке Каме и речке Зырянке, поданный в Посольский приказ 16 февраля 1696 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губ., № 126

Вид на Орел-городок. Рисунок 1952-1954 гг.

и от Вогуличь, хвалитца деи Сибирской салтан Ишибаны итти в Пермь войною, а преж деи сего он Камские Соли город двожды имывали: и ему бы, на том на новом месте, на Каме ж, на Орле на наволоке, у росолу, городок же поставити собою ж, стены сажен по тридцати, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место каменем закласти,

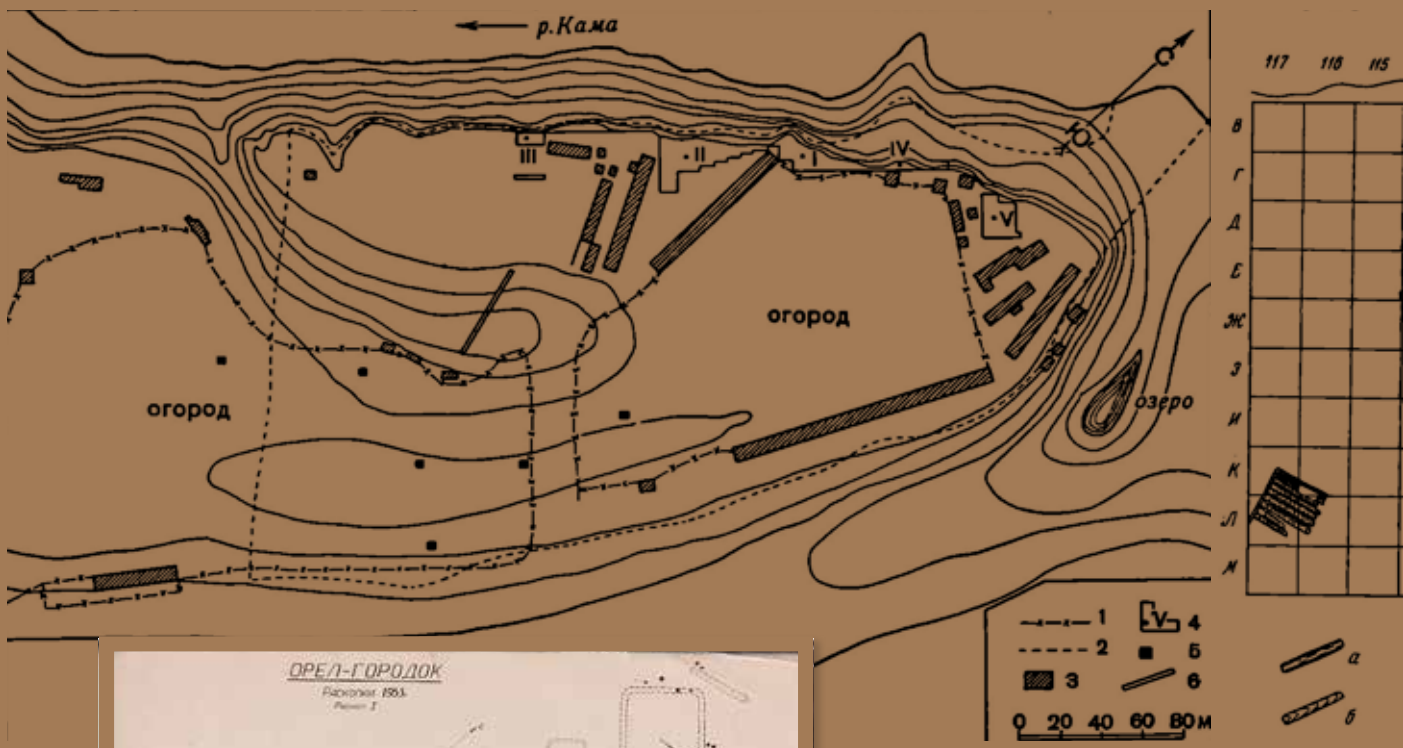

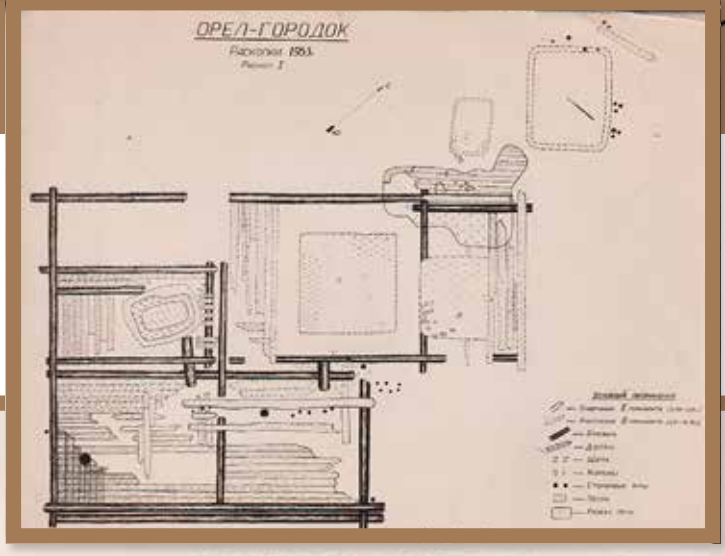
Справа: Расположение объекта археологического наследия «Орел-городок, поселение».

Внизу: Вид на Нижний Чусовской Городок

План Орла-городка на Каме

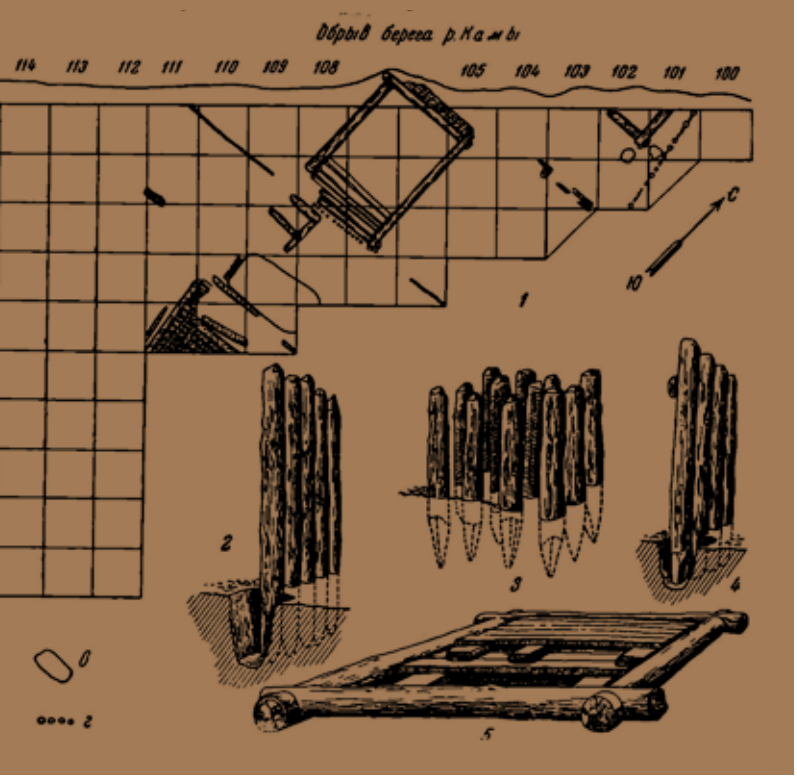

План остатков деревянных строений на раскопе I Орла-городка, 1953 г. ПОКМ-20712-776

Вид остатков деревянной мостовой на берегу р. Камы около Орла-городка. ПОКМ-20712-4801

затинные и ручницы в тех городех устроити ему собою ж...»[12].

Писцовая книга Кайсарова 1623/1624 гг. по вотчинам Строгановых зафиксировала «...городок Орлов, деревянной рубленной на реке на Каме против Яйвинскаго устья. А у городка трои ворота, да две башни глухих; да меж ворот и башен городень по мере 26 сажен, да в стене ж острогу 60 сажен, да в стене ж от реки от Камы двор вотчинников»[13].

В 1628 г. Орел выглядел следующим образом: «Никитинская отчина Строганова: на Каме реке городок Орлов, против устья реки Яйвы, в 3-х стенах башни и городни деревянные рубленые, а передняя городовая стена, что от Камы реки поставлена была вся острогом, а у того городка трои ворота да 2 башни глухих; и того городка ныне по Каме боковую верхнюю стену, что от полою от посаду, и переднюю городовую стену, что от Камы, и с острогом и с вороты Камою рекою сметало»[14].

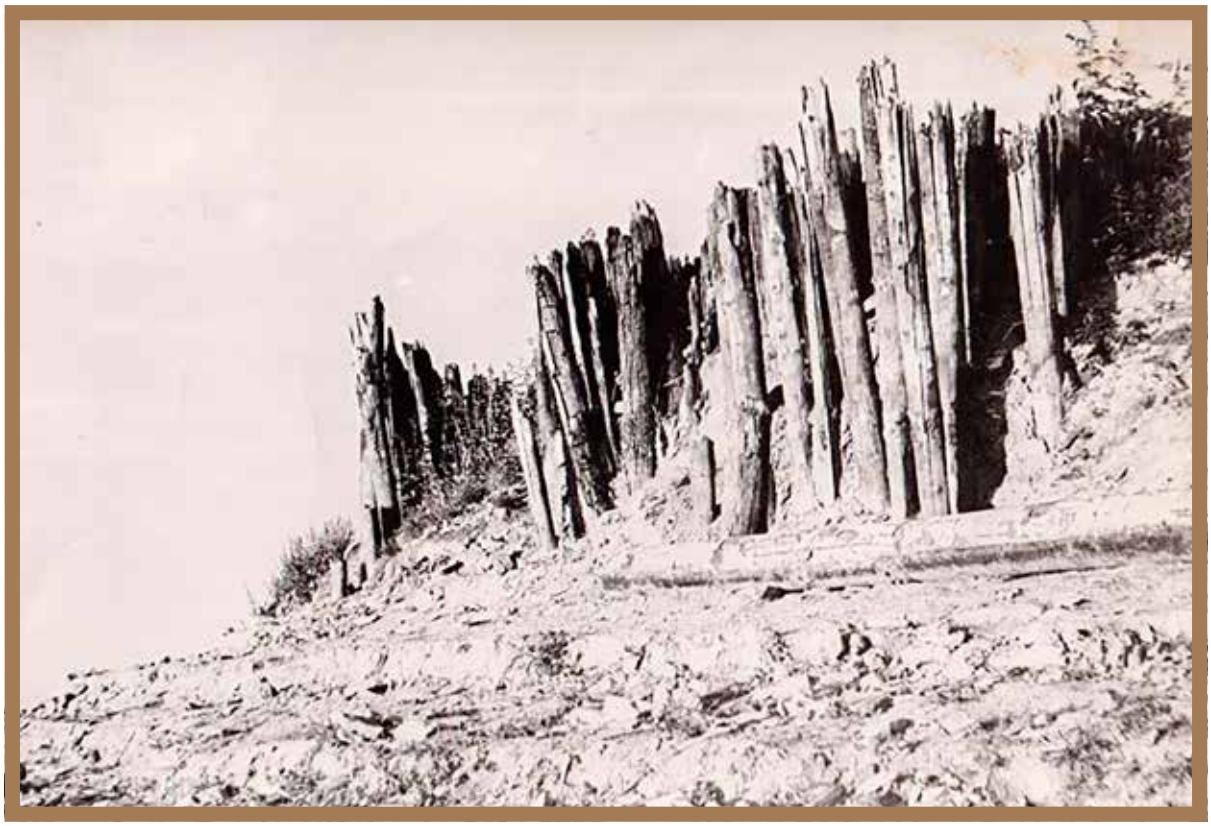
По оценке Г.П. Головчанского, «Стены городка ранее были острожными, то есть состояли из высокого тына, но в начале XVII в. три из них заменили срубными городнями — деревянными срубами, укрепленными

а пищалники б и сторожи для береженья и на том другом городке собою ж дрьжати, а наряд бы скорострелной пушечки и пищали

[12] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. — СПб., 1846. — С. 168–170.

[13] Дмитриев А.А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 4: Строгановы и Ермак. — Пермь: издание автора, 1892. — С. 163.

[14] Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период: с 1613–1645 гг. — Пермь: типография Губернской земской управы, 1882. — С. 289–291.

Вид остатков деревянных сооружений (городней) на берегу реки в Орле-городке. 1952–1954. ПОКМ-20712-1049

Вид работы на раскопках поселения Орел-городок. ПОКМ-20712-4820

Археологический памятник «Орел-городок», остатки крепости, 2010 г.
Фото В.Ф. Гладких. Из архива БИХМ им. И.Ф. Коновалова

Орел-городок. Акварель из собрания Государственного Эрмитажа. Автор Август Дорн. Вторая половина XIX в.

земляной насыпью. Около крепости располагались жилые постройки, в которых проживала основная часть населения городка, — посад. Площадь крепости составляла около 0,7 га, площадь посада достигала 5 га. В грамотах сведения об укреплениях посада не сохранились, но археологические данные свидетельствуют о том, что, как и в других уральских городах, он был защищен острожной стеной. С западной, внешней, стороны острога был проложен ров шириной около 2 м и глубиной до 1,7 м»[15].

[15] Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. — Пермь: Кн. мир, 2005. — С. 47.

Археологический памятник «Орел-городок», вид на п. Орел, 2010 г. Фото В.Ф. Гладких. Из архива БИХМ им. И.Ф. Коновалова

ОСИНСКИЙ КРЕМЛЬ

Остатки Осинского кремля являются частью памятника археологии «Осинское городище», расположенного на площадке высокого коренного левого берега р. Камы (Воткинское водохранилище), использованной в 1-й пол. I тыс. н. э. и в XVIII — 1-й пол. XIX вв. для устройства поселения, ограниченной: с востока — по ул. Ленина, с юга — по логу и территории воинского мемориала, с севера и запада — по берегу Воткинского водохранилища.

Современный г. Оса был основан в 1591 г. как Ново-Никольская слобода. «Дозор Осипа Зюзина и подьячего Терентья Матвеева Никольской Осинской слободы Казанского уезда 1621 года» впервые отметил наличие острога в Осинской Никольской слободе. «Никольская слобода что на Осе реке, а в ней крестьян в остроге...»[16]. «Список с переписных казанских книг писма и дозору Тимофея Бутурлина да подьячево Алексея Грибоедова 1645/46-го году» фиксирует то же: «В Козанском же городе на Осе... в остроге всяких чинов людей дворы»[17].

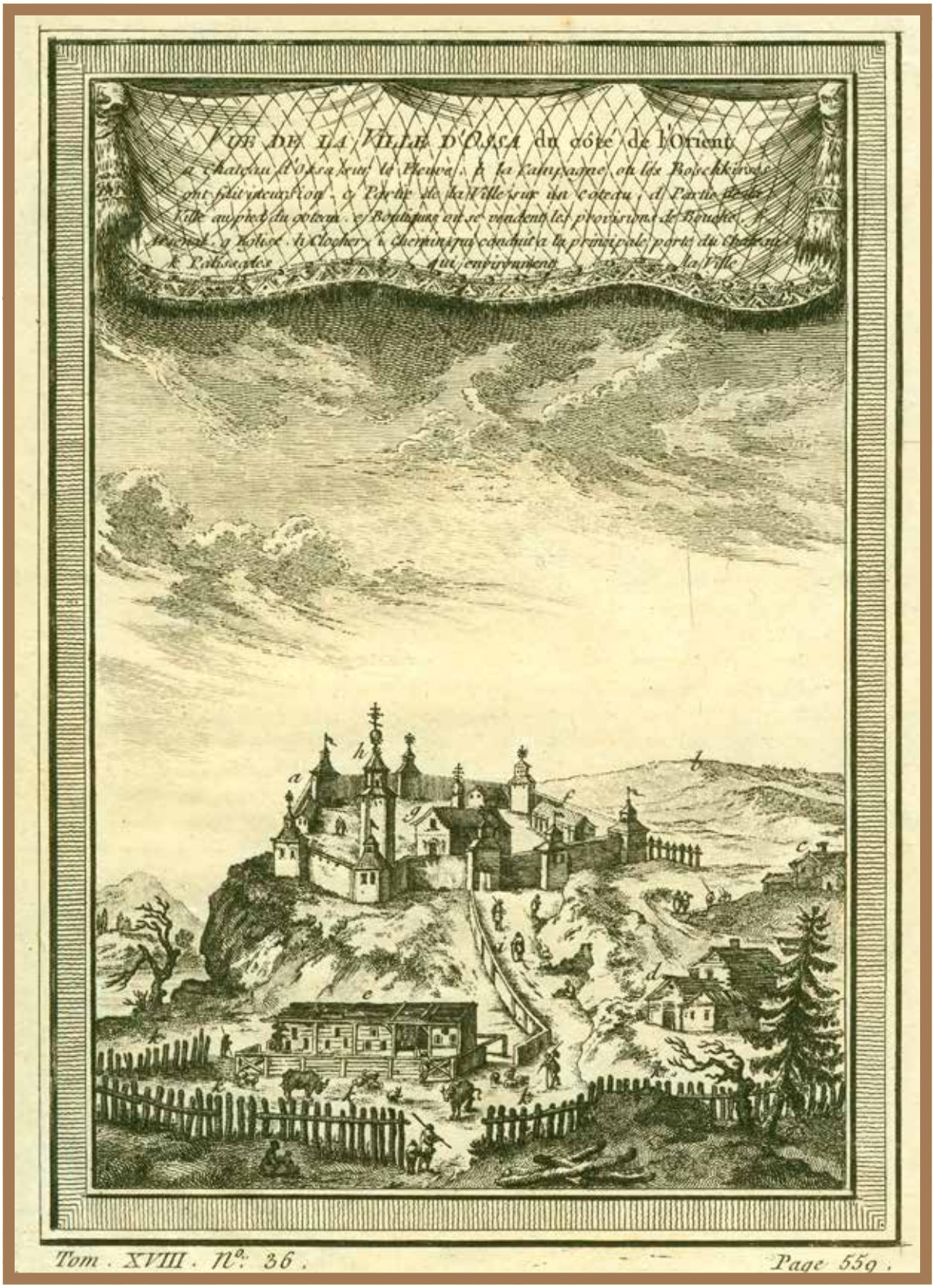
В начале 1720-х гг. осинское «укрепление было приведено в лучшее оборонительное положение: деревянные стены заменены были новыми в два этапа, двойными, одна от другой в 4 аршина, с частыми переплетами для помещения стрелков, вышиной до 4 сажен, крыша была сделана высокая и крутая, наружныя ее стороны были с навесами, окружность стен простиралась до 400 сажен, в виде правильного четвероугольника; по углам небольшие башенки с красивыми минаретами, каждая из них имела свое название, а именно: Спасская, Георгиевская, Михайловская и Троицкая; на середине восточной стены была построена огромной величины пятая башня, которая называлась Никольскою, или Пытальною, с подъемными воротами. Внутри крепости находились две церкви — Никольская и Георгиевская, казармы, арсенал, провиантный магазин и воеводский

[16] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 153. Л. 617.

[17] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6445. Л. 904.

Космоснимок места расположения Осинского кремля

Гравюра Vue de la Ville D'Ossa du cote de l'Orient (Histoire des voyages, 1768, Tom. XVIII. № 36. Page 559)

дом. Гора, на которой было построено укрепление, значительной высоты, с двух сторон — северной и западной — бока ее довольно круты, в тогдашнее время омывались рекой Осинкой; с южной же стороны ея — глубокий и обрывистый овраг, вероятно, прорытый веками весеннею водой. С восточной стороны местоположение Осы хотя ровное и открытое, но здесь укрепление защищалось глубоким и широким рвом, потом рогатками, далее земляным валом с надолбами и опять рогатками»[18]. 21 июня 1774 г. крепость по приказу Е. Пугачева была сожжена и не восстанавливалась.

[18] ГАПК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 28.

СОЛИКАМСКИЙ КРЕМЛЬ

Кремль Соликамска располагался в южной части исторического центра города. Его археологизированные остатки находятся в границах зон охраны объекта археологического наследия — достопримечательного места «Соликамск, город», которые определены Проектом зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Соликамского городского округа Пермского края. Непосредственно на месте деревянной крепости археологических раскопок не проводилось. Монографических исследований его истории не существует.

Ныне на площадке, ранее занимаемой кремлем, по ул. 1 Мая находятся 2 объекта историко-культурного наследия: церковь Архангела Михаила (1712–1725) и церковь Спаса Нерукотворного Образа (1689–1691).

Соликамские писцовые книги письма и меры Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. фиксируют укрепления в момент наибольшего развития: «Город Усолья Камскаго в сем году был деревянный и распложен на р. на Усолке, а у него ворота Спаския... а от Спаских ворот по Никольские ворота девять городень, а от Никольских ворот по Наугольныя башни одна городня, а от Наугольныя башни по Георгиевския ворота пятнадцать городень, а от Георгиевских ворот по Наугольныя-ж башни пять городень; да у тое-же Наугольныя башни тайник из под городовыя стены, к реке, к Усолке, а от башни и от тайника до Петропавловских ворот одинадцать городень, а от Петропавловских ворот до третьей Наугольной башни одинадцать же городень, а от Наугольныя-же башни до Глухия башни десять городень, а от Глухия башни по четвертую Наугольную башню одинадцать городень, а от Наугольныя башни до Спаских ворот десять городень, а всего четверы ворота, да пять башен, а меж ворот, из башен городовых, стен восемдесят три городни, да около города ров, а от города полово места под дворы

Место расположения Соликамского кремля. Почтовая карточка

Космоснимок места расположения Соликамского кремля

посадских людей, что на песках... пятдесят сажен, а с трех сторон, около города, места наводныя»[19].

Соликамский кремль был рублен городнями, в нем было 5 башен — четыре наугольные и одна глухая в западной стене[20].

[19] Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Пер. 3. — Пермь: Тип. Губ. зем. управы, 1884.

[20] При обмере кремлевских укреплений употреблялись маховые сажени.

Спасская и Архангельская церкви г. Соликамска, 1920-е гг.

ЧЕРДЫНСКИЙ КРЕМЛЬ

Чердынский кремль находился в центральной части города, на высоком мысу правого берега р. Колвы, который известен как Троицкая гора. С западной напольной стороны от сооружения была оборонительная линия в виде земляного вала длиной около 130 м. С севера и юга мыс ограничен логами Прямица и Романов боярак глубиной до 80 м.

В развернутом виде об истории чердынского кремля писал Г.Н. Чагин, но о топографии и планировке оборонительных сооружений автор судил в самых общих чертах[21], поскольку не привлекал материалы археологических раскопок. Троицкое городище многократно исследовалось археологически В.А. Обориным, П.А. Корчагиным и Г.П. Головчанским[22]. В раскопках 2006 г. были расчищены нижние венцы угловой юго-восточной башни, которая была атрибутирована как Наугольная, что позволило осуществить привязку древних объектов к местности. П.А. Корчагину и К.В. Плотникову удалось создать 3D-модель кремля[23], что стало возможным после уяснения факта, что при описании укреплений в 1624 г. были использованы не казенные, а маховые сажени. Обнаруженная при раскопках башня усилиями автономного учреждения «КСИКНОП» Чердынского района была воссоздана в 2016 г.

---

[21] Чагин Г.Н. Чердынский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Кремли России: ТД. — М., 1999. — С. 71–73; Чагин Г.Н. Планировочные композиции и оборонительные сооружения Чердыни в XVI — начале XVIII века // Кремли России: Сб. статей. — М., 2003. — (Материалы и исследования / Музеи Московского Кремля; 15). — С. 404–413.

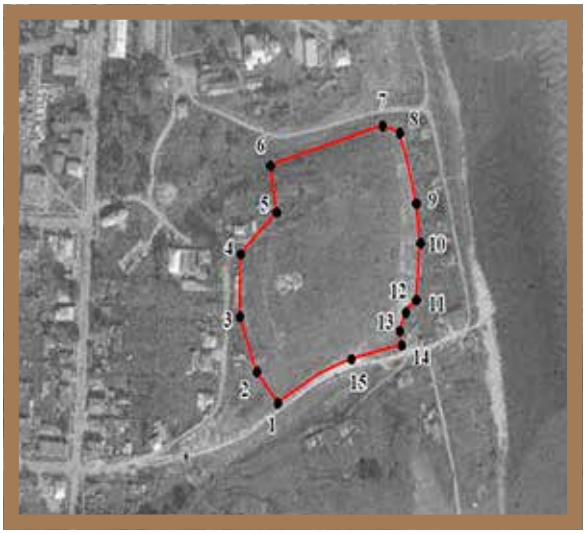
[22] Корчагин П.А. Раскопки Троицкого городища (Чердынского кремля) // Оборинские чтения. Материалы региональных археологических конференций. Вып. 3. — Пермь, 2004. — С. 85–89; Головчанский Г.П. Раскопки Троицкого городища и могильника Мелехино I в Чердынском районе // Археологические открытия. 2017 год. — М.: ИА РАН. 2019. — С. 309–310.

[23] Корчагин П.А., Плотников К.В. Виртуальная 3D-реконструкция и натурное воссоздание Чердынского кремля XVI–XVIII вв. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2017. — Ч. 2. — С. 29–32; Корчагин П.А., Плотников К.В. Виртуальная 3D-реконструкция и натурное воссоздание Чердынского кремля XVII в.: рабочая модель // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всероссийской науч. конф. (г. Пермь, 15–18 мая 2018 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2018. — С. 137–141.

Башня Чердынского кремля

Границы Троицкого городища

Чердынский кремль был описан в писцовой книге М. Кайсарова 1624 г., опубликованной В.Н. Шишонко: «Чердынь... 12 городен, а по мере мест башен до Глухих ворот 30 саж., а от Глухих ворот до Княжих ворот 24 городни, а по мере 72 сажени, а от Княжих ворот до Средней башни 4 городни, а по мере 12 саж., а от средния башни до Спасских ворот и до Наугольныя башни 17 городень; а по мере 51 сажень; а от Наугольной башни до Глухой башни до Спасской башни 7 с третью городень, а по мере 22 сажени и всего 4 вороты; да в городе ж Чердыни тайник к реке Колве завалился, а от города до ворот площади с верхней стороны 62 сажени, а с другой стороны около города ров; с двух сторон города гора утес...»[24]

Публикация из «Поместного летописца», включенная в очерк «О древнем и нынешнем состоянии Великой Перми», фиксирует состояние кремля на конец первой четверти XVIII в.: «Следы древнего укрепления сего города доказывает находящийся только на западной стороне земляной вал с перекопью; ибо с полуденной и северной сторон огражден он превеликими логами, а с восточной превысокою горою, при том был еще деревянной Кремль в две стороны с перерубами, которой по описанию, в 1725 году учиненному, с восточную сторону имел 45 саженей, 12 клеток, с полуденную 67 сажен, 23 клетки, где находилась башня, вышиною 31½ сажени и двои створные ворота, с западную сторону содержал 50 сажен, 15 клеток, с западной и полуденной стороны находилась угловая башня, вышиною 2 сажени, стеновая круглая 1½ сажени, с северной стороны простирался на 60 сажен, где была также башня, называемая Спаскою, 7 сажен и другая 1½ сажени вышиною, а все пространство сего укрепления составляло 222 сажени...»[25]

Чердынский кремль представлял собой крепость, в конструкции которой сочетались приметы древнерусской оборонительной архитектуры (сложномысовые городища)[26]

[24] Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пер. 2. – Пермь, 1882. – С. 185.

[25] О древнем и нынешнем состоянии Великой Перми // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российские касающиеся, изданная Николаем Новиковым. Ч. 18. – М., 1791. – С. 237.

[26] Раппопорт П.А. Древние русские крепости. – М.: Наука, 1965. – С. 13–36.

Компьютерная реконструкция Чердынского кремля

Вид на место расположения Чердынского кремля

Чердынь. Троицкое городище

Вид на место расположения Чердынского кремля

Археологическое исследование места расположения Чердынского кремля

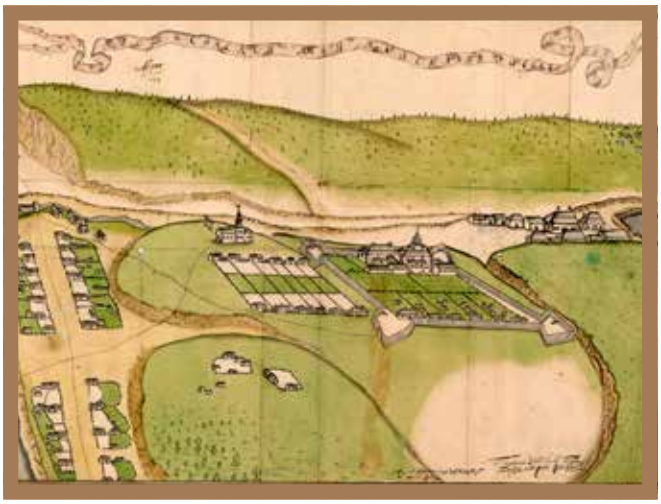
Вид на место расположения Чердынского кремля

и черты крепостного зодчества Урала и Сибири XVII в. На высоком валу с западной напольной стороны памятника были возведены укрепления, по определению Ф.Ф. Ласковского, из «одинакой венчатой стены… в которую были вделаны местами со внутренней стороны треугольные срубы, или клетки; эти срубы имели одинаковую высоту со стеною, наполнялись землею и служили подобно тарасам… они употреблялись преимущественно при укрепления тех пунктов, где, в случае нападения, нечего было опасаться разрушительного действия артиллерии»[27]. Три остальные стены тарасами с типовыми башнями очень характерны для деревянного оборонного зодчества России XVII в.

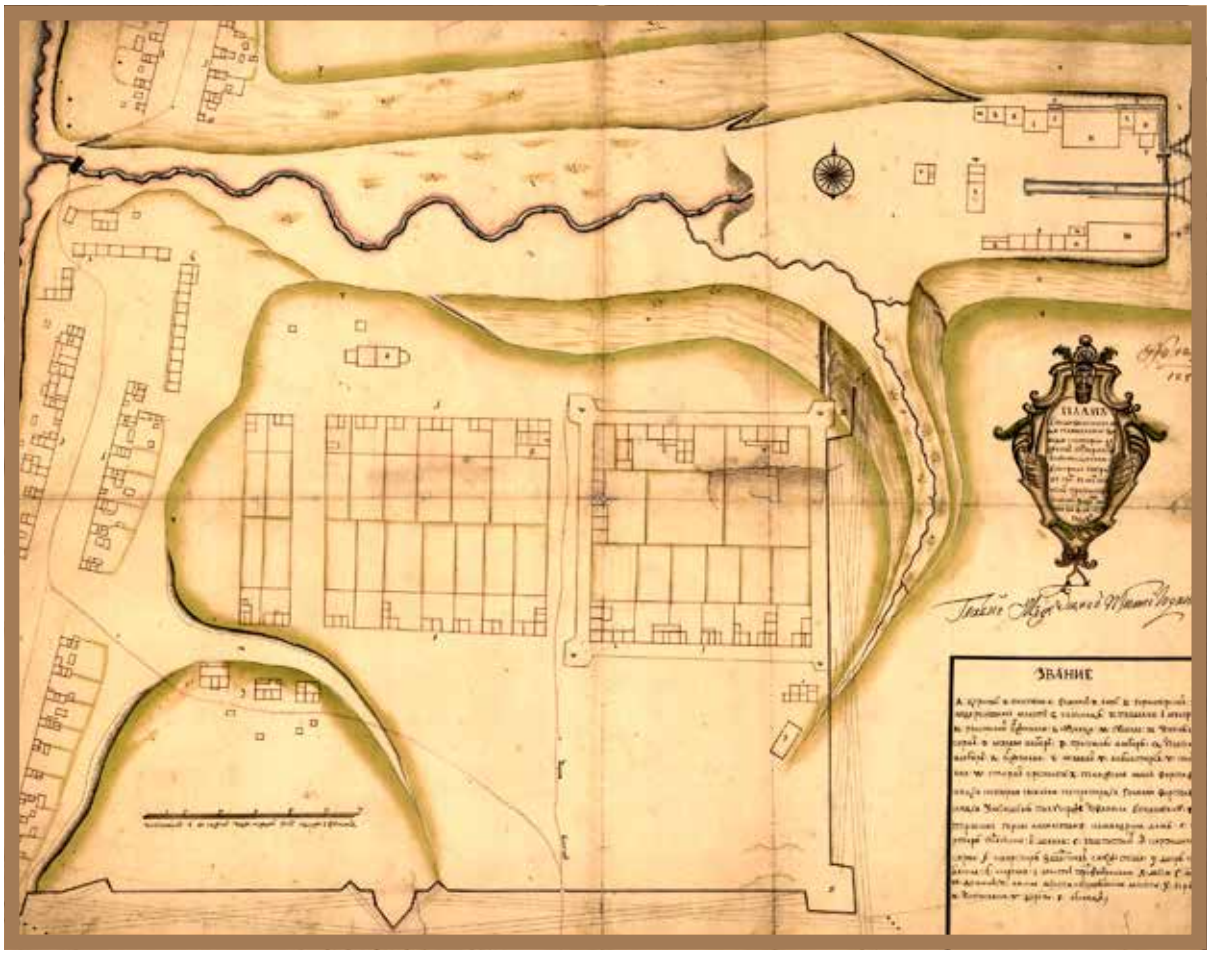
[27] Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.I. Опыт исследования дела в России до XVIII столетия. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1858. – С. 89; Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. – СПб., 1858. – Л. 8. Изобр. 54.

ОСТРОГ ЕГОШИХИНСКОГО ЗАВОДА

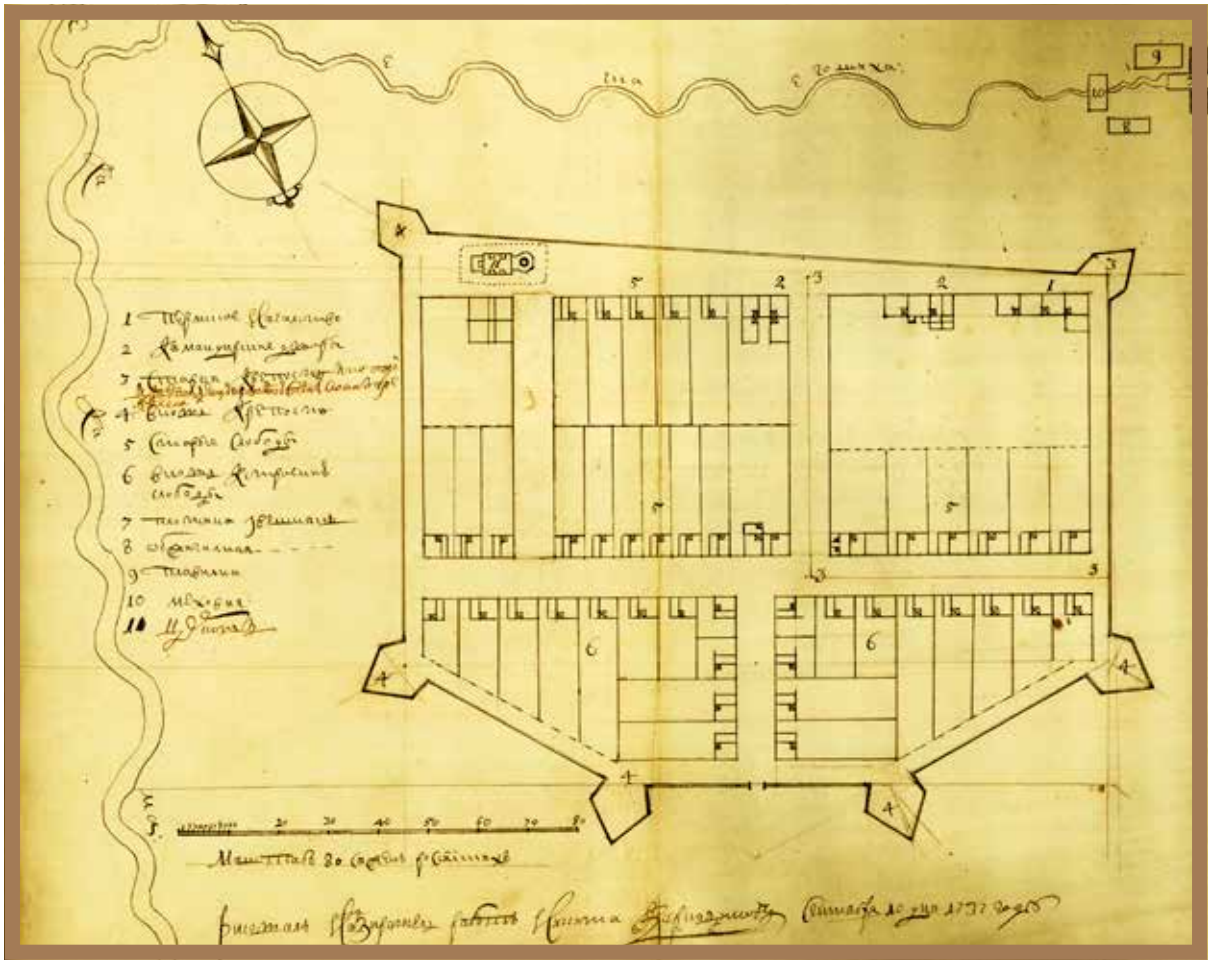
Острожные укрепления Егошихинского завода не сохранились, его археологизированные остатки включены в состав объекта археологического наследия — достопримечательного места «Егошихинский медеплавильный завод, поселение», расположен по адресу: Пермский край, г. Пермь, Ленинский и Мотовилихинский районы, в узкой пойме и коренном левом берегу Камы, в логу и по обоим берегам ее левого притока — Егошихи. Памятник неоднократно изучался раскопками, но, к сожалению, достоверных остатков заводской крепости не обнаружено. Реконструкция облика и трассировки егошихинских

План Егошихинского завода, 1730-е гг. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 990

План Егошихинского завода, 1737 г. ГАСО. 59. Оп. 7. Д. 1391. Л. 1

План острога Егошихинского завода

укреплений проводилась в основном на основе картографических документов[28].

Считается, что в первой половине XVIII в. фортификационные сооружения были неотъемлемой частью архитектуры горных заводов Урала и Сибири, но оказывается, что укрепления возводились практически только вокруг казенных заводов, будучи своеобразным показателем или символом их государственной принадлежности. Известны лишь 2 частных предприятия, окруженных крепостной стеной: Ашапский и Покровский (Иковский) заводы, построенные в 40–50-е гг. XVIII в. на Южном Урале и Западном Приуралье[29].

На проектном плане, составленном в начале 1723 г.[30], намечаемый острог должен был проходить по обоим берегам Егошихи, ограждая завод и поселковые кварталы, но проект не был осуществлен. В легенде указывалось, что такой большой острог «строит не надлежит». Вариант новой трассировки острога, представленный на этом же плане, был компромиссным: предлагалось наиболее важное «хоромное строение внести в полисад», поставленный на дне и склонах оврага вплотную к заводским постройкам. Но представить себе расположение каких-либо построек на чрезвычайно крутом склоне Егошихинского лога невозможно. Ясно, что это указание сделал человек, не знакомый с местной топографией.

Недатированный «Чертеж Егошихинского плавильного завода»[31], относящийся к концу лета — началу осени 1723 г., фиксирует, что административный квартал уже выстроен, но никаких укреплений еще нет. Практически идентичный план «Чертеж медного плавиль-

---

[28] Корчагин П.А. Деревянные и земляные укрепления Егошихинского завода — Перми XVIII — начала XIX вв. // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов междунар. научн. конф. 17–21 апреля 2001 г. — Оренбург, 2001. — С. 171–172; Корчагин П.А., Лобанов Д.А. Деревянные укрепления Егошихинского завода второй трети XVIII в. // Памятники фортификации: история, реставрация, использование: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. — С. 83–87.

[29] Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. — Екатеринбург: Издательство «Академкнига», 2001. — С. 41, 398.

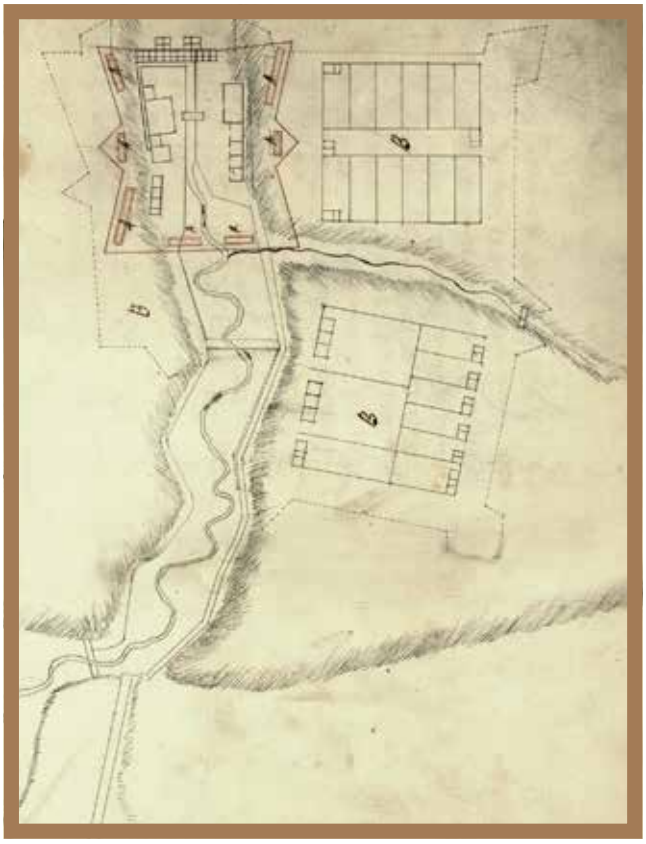
[30] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Кн. 21а. Л. 797об.–798. Опубликовано: Ястребов Е.В. Первые планы Егошихинского завода // 250 лет Перми. — Пермь, 1973. — С. 64.

[31] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 160. Л. 1. Опубликован: Ястребов Е.В. Первые планы Егошихинского завода // 250 лет Перми. — Пермь, 1973. — С. 66.

ного завода на Ягушихе»[32], на обороте которого дважды повторена надпись «Прислан при доношении от генерала маеора Генинга декабря 7го дня 723го году», позволяет сделать вывод, что до конца 1723 г. укреплений все еще не было построено.

Строительство укреплений началось лишь в марте 1727 г., когда В.И. Геннин приказал «сделать около завода Егошихинского и прочего строения фортификацию с палисадом — в длину 6 аршин, в отрубе по 4 вершка. Також просить господ баронов Строгановых приказчиков, которые к сдешним заводам ближе, чтоб они способствовали палисад вывесть и крепость сделать, понеже от нападения воровских людей, також и неспокойного народа, суть им, строгановским крестьянам, она крепость немалый способ. И оную крепость сделать немедленно, а пушки, сколько здесь надлежит быть, присланы будут сюда водою»[33].

В.И. Геннин в своих «Абрисах...» описал готовые укрепления следующим образом: «Вышеписанная кантора и светлицы и квартиры загорожены полисадом четвероугольным мерою от стены до стены: по одну сторону 60, з другую 58 сажен, и на всех углах по бастиону. Строен оной полисад заводскими служителями безденежно для оберегательства». Информация относится, очевидно, к 1730 г., когда В.И. Геннин перед отъездом в столицу заказал материалы о Пыскорском и Егошихинском заводах[34].

План Егошихинского завода, 1723 г.
ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21а. Л. 01014 Л. 797а–798 об.

Общий вид новой крепости зафиксирован на перспективном рисунке 1730-х гг.[35] и плане «Грундрис Егошихинских плавильных заводов...»[36] 1737 г. Она представляет собой квадратный стоячий острог, углы которого фиксируют бастионы, в двух из них устроены проезжие ворота. К 1737 г. относится план и проект перестройки кварталов и укреплений Егошихинского завода, выполненный 10 сентября Никитой Каркадиновым в масштабе «80 сажен российских»[37]. В легенде плана деревянные фортификации названы «крепостью».

В дополнение к уже имеющимся трем поселковым регулярным кварталам «слободам», в которых жили заводские работники и «командиры», планировалось устроить с южной стороны 2 дополнительных в виде усеченных прямоугольников, что было вызвано, очевидно, условиями местности. При этом южную и западную стены старой крепости решено было снести, восточную стену несколько удлинить, северную также удлинить, немного изменив ее направление. Всего крепость Егошихинского завода должна была иметь 6 бастионов, из них 5 должны быть устроены вновь. Однако этот проект воплощен в жизнь не был.

Об этом свидетельствует «План Егошихинского медеплавильного завода... Сочинен при Егошихинском заводе марта 25 дня 1737 году»[38]. В легенде плана «W. старая крепость; X. положение новой фортификации, которая сочинена по пропорции Главной фортификации уменшены полугоржи и фланки вполовину». Судя по всему, имелась в виду основанная в 1729 г. Канцелярия Главной артиллерии и фортификации, хотя в 1736 г. эта канцелярия была разделена на Канцелярию Главной артиллерии и Фортификационную контору. Проект заводской крепости был разработан не в горном ведомстве, а военными, профессионалами-фортификаторами.

Деревянная крепость спроектирована незамкнутой. Она начинается от левого борта егошихинского лога, а вдоль него

---

[32] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Ед. хр. 11. Опубликован: Ястребов Е.В. Первые планы Егошихинского завода // 250 лет Перми. – Пермь, 1973. – С. 68.

[33] Корепанов Н.С. Пермь заводская, 1723–1781 гг. – Екатеринбург, 2011. – С. 32.

[34] Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735. – М., 1937. – С. 63, 566.

[35] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 990.

[36] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391.

[37] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 679. Л. 500. Опубликовано: Абрисы В. де Геннина. Чертежи и планы уральских и сибирских заводов XVIII века. – Екатеринбург: Издательство «Артефакт», 2015. – С. 155.

[38] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391(1).

укреплений не предусмотрено. Очевидно, было решено, что этот своеобразный природный ров достаточен для целей обороны. План не охватывает всей застройки поселка, за западной границей чертежа остались улицы, проложенные вдоль камского берега. Оказалась обрезанной и западная, упирающаяся в Каму, часть укреплений. На чертеже показаны только 4 бастиона и 3 куртины.

Как выглядели укрепления в целом, становится ясно из «Плана Егошихинского завода плотине и плавильне и прочему заводскому строению...», составленного 20 октября 1739 г. Афанасием Кичигиным[39], который фиксировал результаты реконструкции завода. На этом плане укрепления показаны полностью и выглядят несколько иначе, чем в предыдущем документе. Крепостная стена теперь защищает командирские дома со стороны егошихинского лога, а затем огибает большую часть поселковой застройки, следуя вдоль одного из ручьев, впадающего в Каму. Укрепления составлены из 6 (7?) куртин и 4 бастионов, которые имеют упрощенные очертания и размещены иначе. В стене имеются двое ворот с восточной и южной стороны.

Из чертежа становится понятным, чем руководствовались проектанты крепости Егошихи. Восточный и южный фасы острожных укреплений установлены за естественными рубежами: логом ручья, впадающего в р. Егошиху, и оврага одного из небольших камских притоков. Промежуток между верховьями этих водотоков защищает юго-восточный фас крепости. Столичные военные инженеры умело использовали условия местности, минимизируя затраты на строительство не в ущерб оборонительным качествам фортификации.

План из рукописного «Описания с чертежами горным заводам и рудникам в России. Собранные Тайным советником Шлаттером президентом Берг-Коллегии» (1760–1767 гг.) практически точно повторяет предыдущий, лишь его ориентация изменена на 180°, а вот на «першпективе» обнаруживаются весьма интересные детали. И куртины, и бастионы построены в виде стоячего острога. Возможно, рисунок обобщенный, но никаких раскатов или помостов для верхнего боя не изображено[40].

Выполненный унтершихтмейстером Василием Клепиным 20 октября 1755 г. «Чертеж учиненный местоположению Ягушихинского медеплавиленного завода...» позволяет понять устройство егошихинских укреплений в середине XVIII в. Вокруг территории, обозначенной как «в сем месте заводское и протчее строение», с юго-восточной и юго-западной сторон от Егошихи (несколько отступя от оврага) до Камы (почти до устья р. Медведихи) устроен острог со рвом и вспомогательными укреплениями. В легенде они описаны достаточно подробно: «А. Полисад. В. От полисада отступя одну сажень содеять ров широтой 1, глубиною 1 сажень. С. Около рва обнести рогатками или надолбами. D. 6 строены полисаду бастионы»[41].

План Егошихинского завода с плотиной, плавильней и другими строениями. ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391. Л. 2

Можно только предполагать, что к 1781 г. — моменту учреждения губернской Перми — егошихинских укреплений уже не существовало, поскольку уличная сеть дорегулярной планировки заводского поселка, зафиксированная на «Плане города Перми»[42], уже не имеет полного совпадения с трассой острожных укреплений.

Деревянные укрепления поселка Егошихинского медеплавильного завода в силу сложной природно-топографической ситуации существенно отличались от большинства заводских острогов Урала. Они защищали лишь жилые кварталы, но не производственные сооружения. Военная опасность 30-х гг. XVIII в. подвигла горные власти на сооружение новой, более обширной крепости, в проектировании которой приняли участие специалисты Канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Хотя она была и незамкнутой, но авторы проекта максимально эффективно использовали особенности местности: глубокие лога и небольшие водотоки для обеспечения действенной обороны населенного пункта.

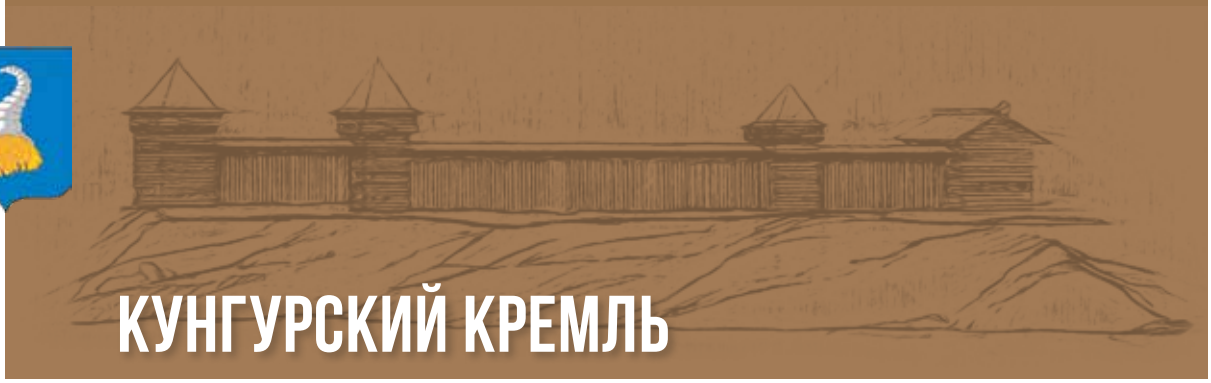
---

[39] ГАСО. Ф. 59. Оп. 7. Д. 1391(2).

[40] Архив РГО. Д. 37. Л. 80–81.

[41] ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 1676.

[42] ГАПК. Ф. 279. Оп. 7. Д. 148.

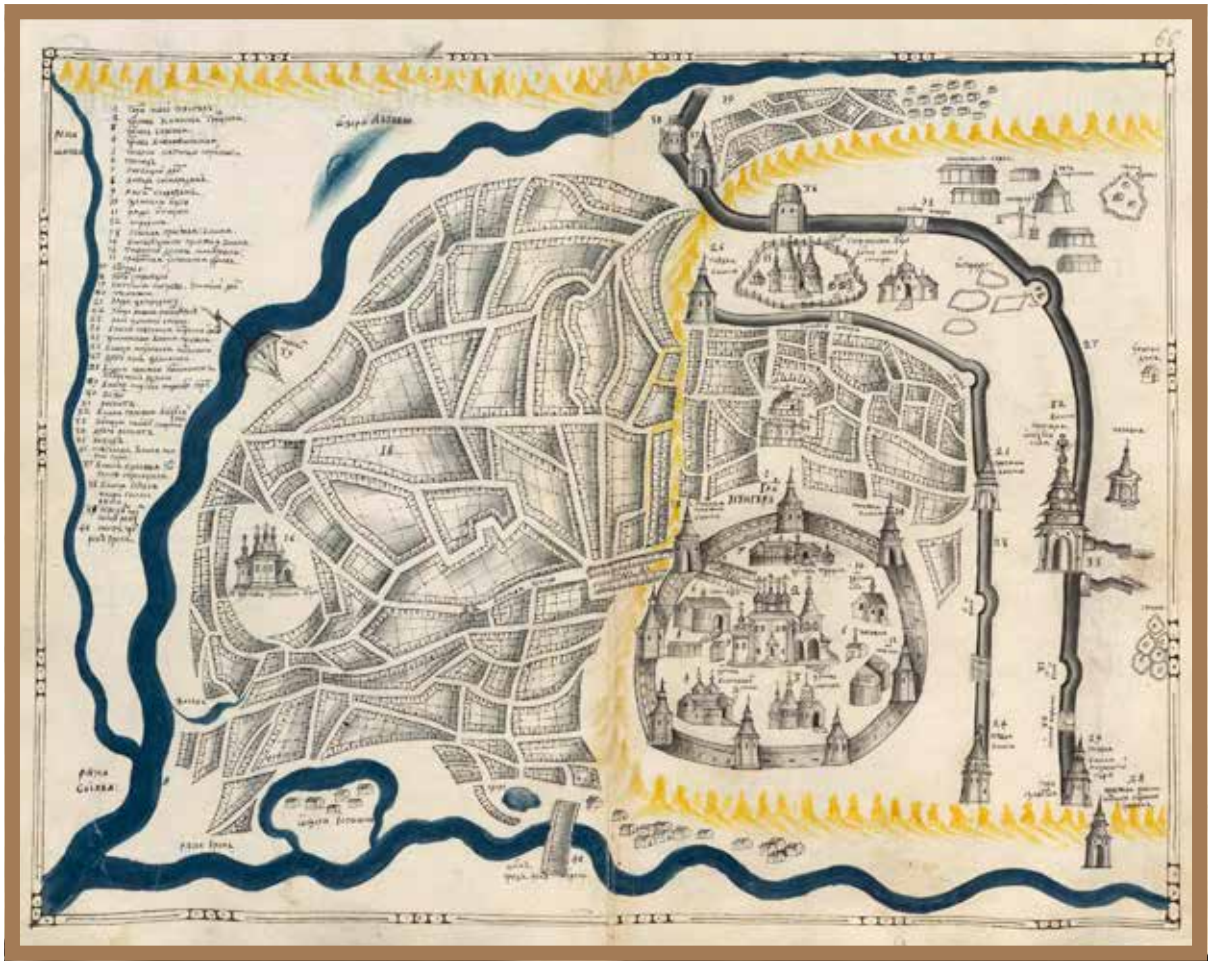

КУНГУРСКИЙ КРЕМЛЬ

Кунгурский кремль не сохранился, а его археологизированные остатки включены в состав объекта археологического наследия — достопримечательного места «Кунгур — Кремль и посад, поселение» (1663–1850 гг.). Расположено по адресу: Пермский край, г. Кунгур, центральная историческая часть, в междуречье р. Сылвы и ее левого притока р. Ирени на высоком (140 м в Балтийской системе высот) коренном берегу и в пойме рек (115 м). Памятник принят на государственную охрану распоряжением губернатора Пермской области № 237-р от 20 мая 2002 г.

Территория, ранее занятая кремлем, входила в городскую черту практически с момента основания г. Кунгура в междуречье Сылвы и Ирени в 1664 г. на месте с. Мыс (Мысовское)[43]. Какими были первые кремлевские укрепления Кунгура, — неизвестно за отсутствием исторических источников. Косвенные сведения о них мы можем получить из царской грамоты кунгурскому воеводе Дмитрию Жукову от 30 января 1680 г.: «В нынешнем во 188 году, генваря в 12 день, писал ты к нам великому государю... что... на Кунгуре острог от Ирени реки починил ты против прежняго, стоячим острогом, восемдесять три сажени с аршином... и в нынешнем во 188 году, осенними временем, они того города одну стену починили, и на достолную городовую поделку

[43] Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Т. 3. — СПб., 1813. — С. 205.

План города Кунгура, 1703 г. Автор С.У. Ремезов

они лес изготовили; и нам великому государю пожаловати б их, велеть им достолные две стены, против прежняго, по старому окладу, переделать вновь стоячим острогом, а третью стену, с восточную сторону, велети б того города прибавить для новопостроенной церкви, а башню среднюю Георивскую отнести от старой городовой сены на пятнадцать сажен, и привесть тое стену к относной Георгиевской башне от науголных башен стоячим же острогом, для утесненея проезду»[44].

Согласно Кунгурской писцовой книге, частично опубликованной В.Н. Шишонко, в 1684 г. кунгурский кремль включал в себя следующие объекты: «Стена деревянная, рубленная в клетки, с восьмью башнями, тоже деревянными, в клетки рубленными, из них 2 башни с воротами, в которыя в крепость въезжать, а из тех 8 башен единая Тихвинская, другая Спасская, на них иконы Спаса да Тихвинская Божия Матери, да у Тихвинской башни тоже часовня деревянная, в клетки рубленная, в ней образы писанных и медных до 30, а близ часовни воеводский дом и приказная изба, да тюрьма, да застенок камен, сарай древян пушечной и пищальной, в нем-же пушек чугунных, да пищалей 11, да 8 фузей, винный подвал древянный. А в городу церковь древянна, рубленная в клетки во имя святыя великомученницы Параскевы, нарицаемыя Пятницы; у тоя же церкви особо колокольница древянна-ж, крытая тесом...»[45]

На «Чертеже города Кунгура», составленном в мае–июне 1703 г., из «Служебной чертежной книги»[46] городские оборонительные укрепления изображены округлыми. Видимо, С.У. Ремезов несколько исказил трассировку стен для того, чтобы было удобнее показать внешний вид башен. В «Переписной книге города Кунгура и уезда переписи тюменского сына боярского И.Т. Текутьева» (1703–1704), составленной почти одновременно с визитом С.У. Ремезова, крепостные укрепления описаны суммарно: «Город деревянной рубленой з бойницы над рекою Иренем... с верхом три сажени а кругом того города и башень

[44] Титов А.А. Кунгурские акты XVII века (1668–1699). – СПб., 1888. – С. 42–43.

[45] Шишонко В.Н. Пермская летопись. Пятый пер. Ч. 2. – Пермь, 1887. – С. 351.

[46] Чертеж города Кунгура // Ремезов С.У. Служебная чертежная книга // РНБ. Эрмитажное собрание. №237. Л.66. Опубликован: Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М., 1956. – С.70–71.

Космоснимок с указанием границ Кунгурского кремля

Кунгурская башня

Вид на место расположения Кунгурского кремля

по мере 343 сажени... А строен тот город и башни в прошлом в 201-м году при стольнике и воеводе при Федоре Иванове сыне Сухотине на зборные мирские денги кунгурских гродцких и уездных всяких чинов жителей. Третей город земляной дерновой и не нем башни деревянные от реки Ирени и до рекиж Сылвы а в вышину тот земляной город 2 сажени в ширину полутретьи сажени... А около того города выкопан ров в ширину полутора сажени глубина тому рву два... а построен тот земляной дерновой город и башни в прошлом 206-м году при стольнике и воеводе при Алексее Иванове сыне Калинине»[47].

В «Хозяйственном описании Пермской губернии...» содержится обобщенное, но информативное описание кунгурского кремля: «В 1673 году построена на горе на самом мысу рубленая деревянная крепость, под именем Кремля в виде четвероугольника с бойницами, вышиною в 3 сажени. В ней было 8 башен, и в том числе 2 с проезжими воротами; в окружности своей имела длины 323 сажени, а внутри крепости от одной стены до другой по 85 сажен; все сие укрепление совершено посадскими людьми и уездными крестьянами. Оно все разломано по открытии губернии»[48].

[47] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743. Л. 15–16об.

[48] Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Т. 3. – СПб., 1813. – С. 206.

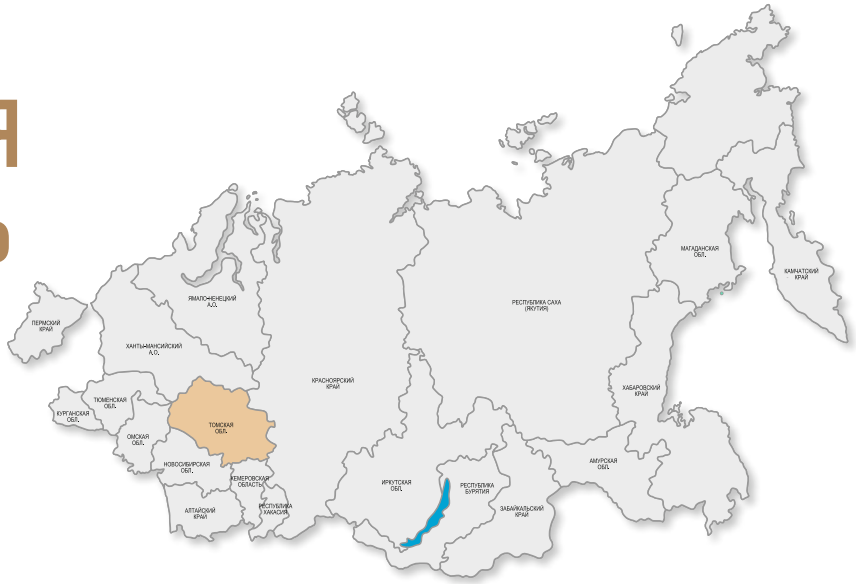
Планировка г. Кунгура

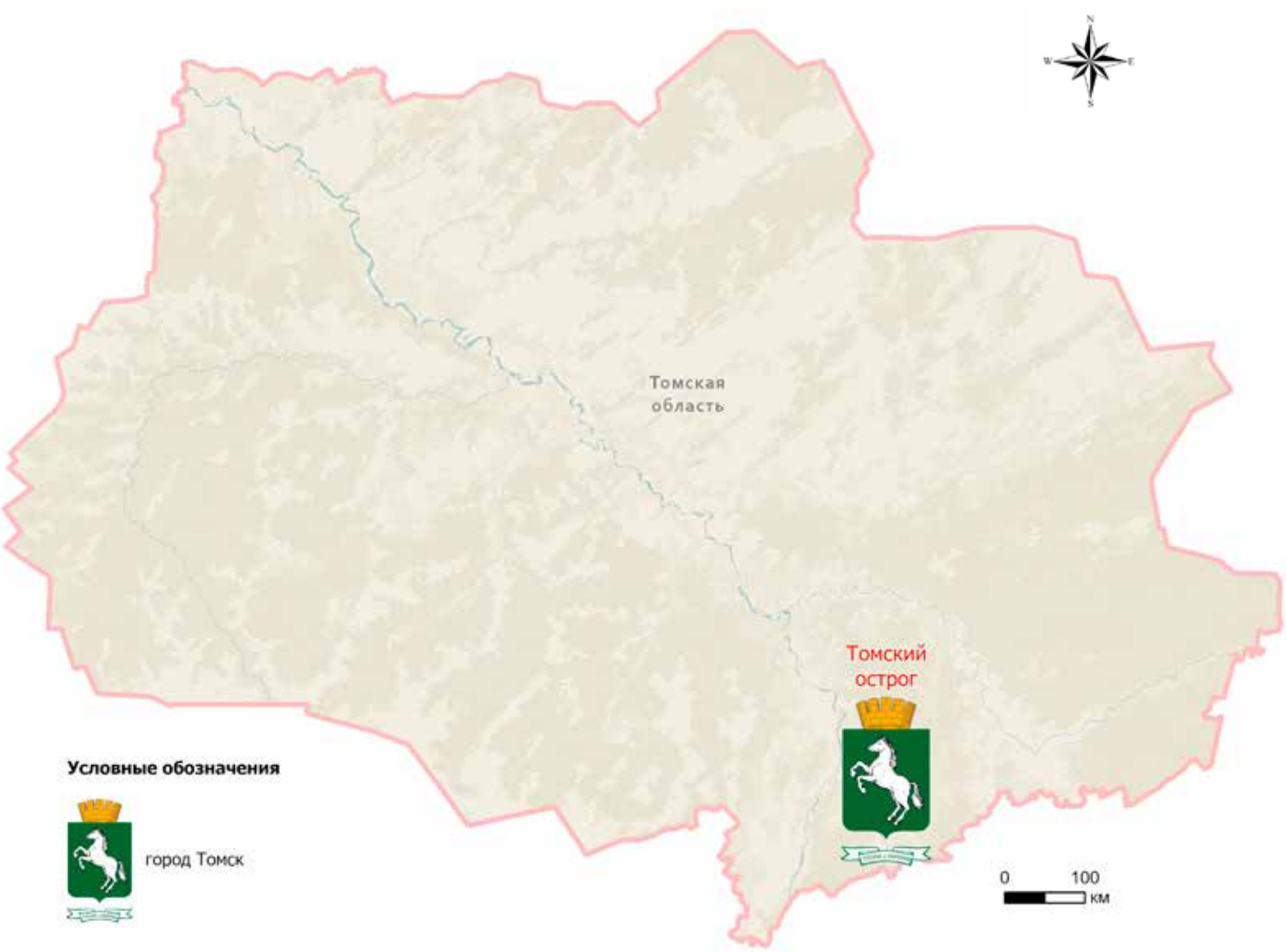

Вид на место расположения Кунгурского кремля

ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

В пределах современной Томской области в конце XVI — начале XVII в. были основаны Нарымский (1595) и Кетский (1596) остроги, Томск (1604) и, более 80 лет спустя, Уртамский острог (1684/1685). С 1629 по 1711 гг. в состав Томского разряда — территориального военно-административного округа с центром в Томске — кроме Нарымского, Кетского уездов с одноименными центрами входил Кузнецкий уезд с расположенными в нем Кузнецким (1618), Сосновским (1657), Верхотомским (1665), Каштакским (1696) острогами, местонахождение которых относится к современной Кемеровской области, а также (до 1677) Енисейский уезд с центром в Енисейске (1619) и (до 1681) Красноярский уезд с центром в Красноярске (1628), ныне входящими в Красноярский край.

Города и остроги были опорными пунктами освоения новых земель, функции которых заключались в административном управлении подчиненных им округ и инородческих волостей, экономическом развитии территорий (заведение пашни, развитие ремесла и промыслов, разведывание недр, прокладывание путей сообщения и проч.), обороне от степных кочевников населенных пунктов, дорог, инфраструктуры. Вместе они представляли не единую линию обороны, но точки опоры, существовавшие самостоятельно, но не сами по себе, а как звенья поселенческой системы и узлы взаимодействия, что обеспечивало результативность процесса освоения сибирских пространств. Значимость отдельных городов и острогов была различной, но каждый из них играл свою роль в функционировании общей системы.

Все названные поселения имели оборонительные сооружения — стены и башни, конструкция и число которых различались и менялись в том или ином городе и остроге при их переносе на новое место или перестройках. Сведения о фортификации поселений, подчинявшихся Томску как разрядному городу, содержат письменные, картографические, изобразительные источники, по некоторым поселениям есть археологические данные. Однако объем и качество этих сведений различаются. Первая проблема, с которой сталкиваются исследователи, — локализация поселений, которая осложняется тем, что по тем или иным причинам населенные пункты меняли дислокацию, и даже тогда, когда удалось найти руинированные объекты, необходимо соотнести их с конкретным этапом существования острога. Неизвестно, где точно располагался Нарымский острог, местоположение которого не раз менялось[1]. В ходе археологических сборов вдоль берега реки в границах современного с. Нарым в 2018 г. в обнажениях зафиксирован культурный слой мощностью более 2 м, содержащий остатки деревянных сооружений, собран подъемный материал (Е. В. Барсуков, А. А. Идимешев). Для определения датировки культурного слоя и идентификации его со средневековым Нарымским острогом необходимо провести раскопки. В ходе разведки 2018 г. на одном из предполагаемых местонахождений Кетского острога (переносился не менее 3 раз) выявлен пахотный слой (Е. В. Барсуков, А. А. Идимешев). Хотя следы фортификаций не обнаружены, определение локаций Нарыма и Кетска открывает перспективы для дальнейших изысканий, в том числе и для выявления оборонительных объектов. Местонахождение Мунгатского и Уртамского острогов до сих пор достоверно не установлено. Ю. В. Ширимым выявлено основание одной из башен Кузнецка и рва от укреплений, а также остатки 2-рядного частокола и, предположительно, башни Сосновского острога, уточнены первоначальные границы Верхотомского острога[2]. Получены некоторые данные по оборонительным сооружениям Енисейска[3].

Недостаток и противоречивость материалов не позволяют составить сколько-нибудь точное и достоверное представление об оборонительной системе большинства перечисленных острогов. Неслучайно в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» было предложено музеефицировать собирательный образ сибирских острогов[4].

Наиболее полная информация собрана по оборонительной системе Томска, основу для реконструкции которой составили археологические материалы (раскопки М. П. Черной). Томск был не только разрядным/уездным городом, но и являлся ведущим административно-политическим центром. Его влияние распространялось далеко за пределы современных границ Томской области, что было обусловлено статусом Томска как центра разряда в течение почти целого столетия.

---

[1] Чёрная М.П. О строении Нарыма с некоторыми до сих мест касающимися прежних времен приключениями // Тобольск и вся Сибирь. — Нарым, Тобольск, 2009. — №11. — С. 21–29.

[2] Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья. Кемерово, 2018. — 156 с. — С. 77–117.

[3] Лысенко Д. Н., Сляднев А. М., Галухин Л. Л., Жарников З. Ю., Барахович П. Н., Глушенко М. А. Оборонительные сооружения Енисейского острога середины XVII — начала XVIII в. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. — М., 2020. — С. 82–91.

[4] Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья. — Кемерово, 2018. — 156 с. — С. 122–137.

ТОМСКИЙ КРЕМЛЬ

Сегодня Томский кремль включен в реестр объектов культурного наследия федерального значения под названием «Томский острог», которое не соответствует историческим реалиям, поскольку Томск, по царскому наказу Б. Годунова, в 1604 г. основывался как город. В полевой археологической документации памятник был обозначен В.И. Матющенко, который провел первые раскопки, как «Воскресенская гора». В действительности на южном мысе Воскресенской горы располагается Томский кремль — административно-политический, военно-оборонительный, общественно-культурный центр города середины XVII — середины XVIII в.

До официальной даты основания города в 1604 г. в Томской земле существовало, по всей видимости, небольшое временное укрепление типа зимовья, служившее перевалочной базой для разведки окрестностей как по инициативе вольных, охочих людей, промышлявших зверя и ведущих обменно-торговые операции с местным населением, так и агентов, специально уполномоченных воеводской администрацией Сургута, Тобольска или Тюмени собирать подробные, точные сведения об обстановке в волости с целью создания в ней в дальнейшем опорного пункта для расширения и закрепления границ на важнейшем для России юго-восточном направлении. Этот временный перевалочно-разведочный пункт датируется в различных письменных источниках на основании устного исторического предания 1593–1594 гг. Полученные от агентов сведения, видимо, были столь ценными и перспективными, что имели следствием организацию тобольским воеводой С. Ф. Сабуровым официальной дипломатической миссии с участием В. Ф. Тыркова, ознаменовавшейся тем, что в 1601 г. был «проведан и поставлен Томской город острогом на Томе реке»[5].

Следующим шагом, явившимся непосредственным итогом плодотворной работы русской миссии, стало обращение в 1603 г. еуштинского князца Тояна к Борису Годунову с просьбой «быти под нашею высокою ру-

[5] Книга Записная. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. — 115 с. — С. 8; Чёрная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та. Томск, 2013. — № 3 (23). — С. 81–90.

Современный вид Воскресенской горы

Современный вид на месторасположение Томского кремля. Фотограф В. Леонтьев

кою и велети в вотчине его в Томи поставити город»[6].

В 1604 г. «по Государя Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу» посланным «на Томь» отрядом служилых людей во главе с Г. И. Писемским и сыном боярским В. Ф. Тырковым в «Томские волости Таяня князя», по его челобитью, был поставлен город. Строительство началось с кремля — укрепленного ядра города, его главной планировочной части, административно-политического, культурно-идеологического, военно-оборонительного центра. Через 4 месяца «город зделали со всеми крепостьми сентября в 27 день»[7]. Эта дата отмечается как День рождения Томска.

По оценке Г. Ф. Миллера, строительство Томска было «наипаче достопамятно», поскольку «с немалою [для] тамошней страны пользою производилось»[8].

Судя по документам первой половины XVII в., Томск композиционно состоял из 2 частей — «города» и «острога», соединенных общей — смежной стеной. Три стены «города» были построены в технике городен, четвертая (самая короткая) — из заостренного частокола. «...в Томском городе в стенах 2 башни с воротами и башня глухая»[9]. Острожная часть Томска, где обитала основная масса жителей,

---

[6] Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981. — С. 57–63.

[7] Из истории земли Томской: Сб. док. и материалов. — Томск: Зап.-сиб. кн.изд-во, 1978. — Вып. 1. — 224 с. — С. 21–26.

[8] Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского Царства. — М.: Либерея, 1998. — Кн. 1. — 416 с. — С. 315, 322, 323.

[9] Томск в XVII веке: Материалы для истории города. — Томск: [Б. и.], 1910. — 169 с. — С. 28–29; Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1953 б. — Вып. 3. — С. 21–48; Книга Записная. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. — 115 с. — С. 8; Из истории земли Томской: Сб. док. и материалов. — Томск: Зап.-сиб. кн.изд-

«Град Томской» в атласах С.У. Ремезова (1699–1730 гг.) 1 — «Служебная книга» (Л. 80), 2 — «Чертежная книга Сибири» (Л. 13), 3, 4 — «Хорографическая книга» (Л. 131, 168 об.)

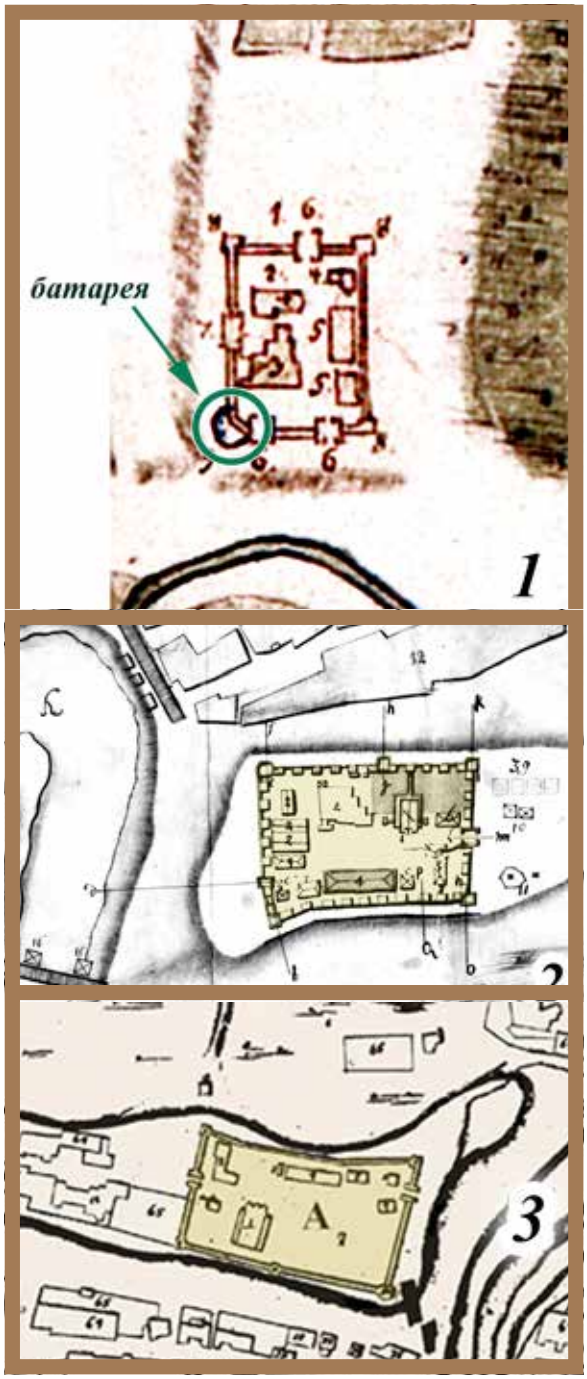
была обнесена острожными стенами. Город и примыкающий к нему верхний острог располагались на горе, названной по одноименной церкви Воскресенской. Вскоре, ввиду роста числа томичей и в силу логики освоения территории, внизу отстраивается подгорный посад, огороженный в воеводство князя П. И. Пронского в 1630 г. новым острогом[10]. По сложившейся историографической традиции, идущей от Г. Ф. Миллера, считалось, что Томск в 1604 г. был построен на южном мысе Воскресенской горы. Однако в ходе археологических исследований была доказана несостоятельность традиционной точки зрения об основании Томска на южном мысе, поскольку остатков города первой половины XVII в. здесь не выявлено[11].

В 1648 г. взамен старого города, который «огнил и розвалился», отстраивается новый центр — кремль, и он впервые был размещен именно на южном мысе Воскресенской горы. Расположение кремля на данной площадке было оптимальным и для реализации военно-оборонительной функции. Было соблюдено обязательное требование — преобладание укрепления над всей округой с тем, чтобы увидеть врага уже на дальних подступах к городу. Кроме того, была создана вертикальная террасная, двухъярусная оборонительная линия: нижний острог — у подножия, кремль — на горе. Верхняя линия обороны позволяла вести бой на дальней дистанции, а в случае прорыва врага к нижнему острогу поддерживать его защитников прицельным пищальным огнем и вылазками гарнизона из кремля. Выгодную позицию города-кремля засвидетельствовал в свое время Г. Ф. Миллер: «Что надлежит до места, которое под город Томск выбрано, то и по долговременном искании лучшаго

во, 1978. — Вып. 1. — 224 с.; Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981. — С. 57–63; Резун Д.Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1981. — С. 35–57; Резун Д.Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с. — С. 257–262.

[10] Миллер Г.-Ф. История Сибири. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. — Т. 2. — 638 с. — С. 372.

[11] Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. — 187 с. — С. 81–90.

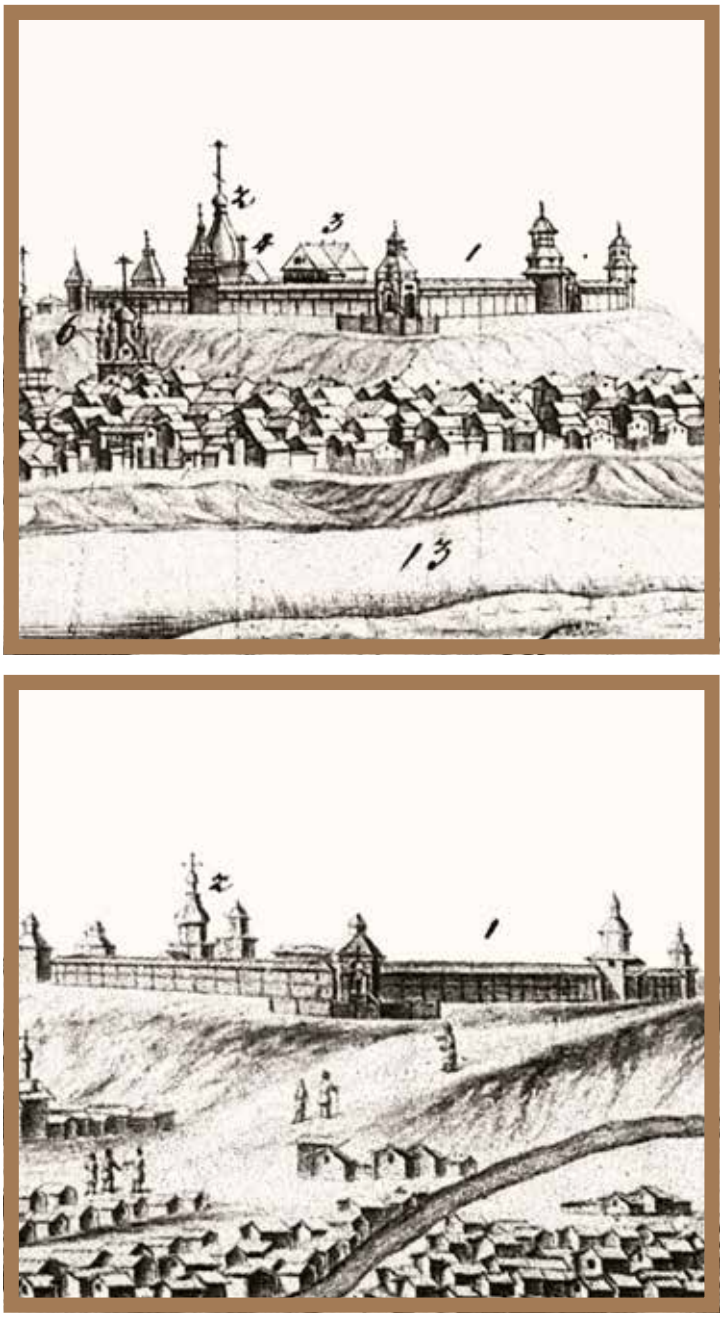

Кремль на планах Томска XVIII в. 1 — с плана г. Томска, составленного Второй Камчатской экспедицией. 1734–1740 гг. (север вверху) [ААН. Ф. 21, оп. 5, д. 39/14]; 2 — с плана Томска, составленного С. Плаутиным. 1748 г. (север справа) [РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2218]; 3 — с плана Томска, составленного П. Григорьевым. 1768 г. (север слева) [РГВИА. Ф. ВУА, 22677]

и способнейшаго в тамошней стране найти не можно бы было»[12].

По описаниям и изобразительным данным новый кремль имел рубленые стены, «по образцу деревянных домов», в которые были встроены 6 башен и колокольня[13].

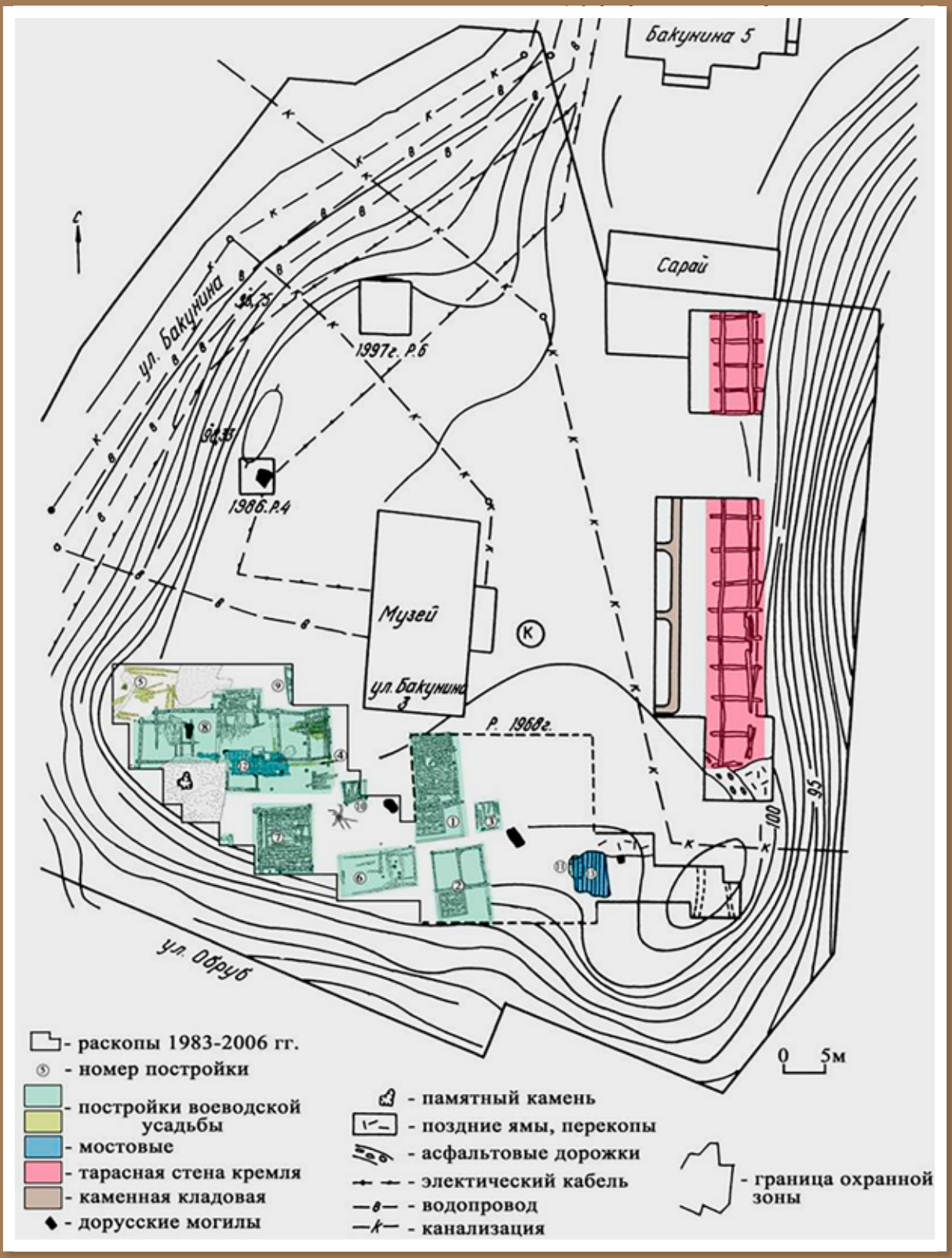
Археологическими исследованиями выявлены особенности стеновой конструкции Томского кремля 1648 г. Его стены были срублены в тарасной технике. Тарасы состояли из двух параллельных продольных стен, опоясывающих кремль, которые соединялись через 3,6–4 м поперечными перерубами. Таким образом, получилась сплошная монолитная стена из цепи срубов, каждое звено которой жестко и прочно соединено со смежной клетью. Венцы тарас были соединены «в обло». Выпуски нижних бревен поперечных пере-

Виды Томского кремля с панорам художников Второй Камчатской экспедиции XVIII в. А — Вид Томского кремля с панорамы г. Томска И.-В. Люрсениуса [ААН. Ф. 21, оп. 5, д. 39/45]; Б — Вид Томского кремля с панорамы г. Томска И.-Х. Беркхана. 1734–1740 гг. [ААН. Ф. 21, оп. 5, д. 39/43]

[12] Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского Царства. — М.: Либерея, 1998. — Кн. 1. — 416 с. — С. 318.

[13] Из истории земли Томской: сб. док. и материалов. — Томск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. — 224 с. — С. 30, 76; Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 59–101. — С. 73.

Ситуационный план раскопок Томского кремля (середины XVII — XVIII в.)

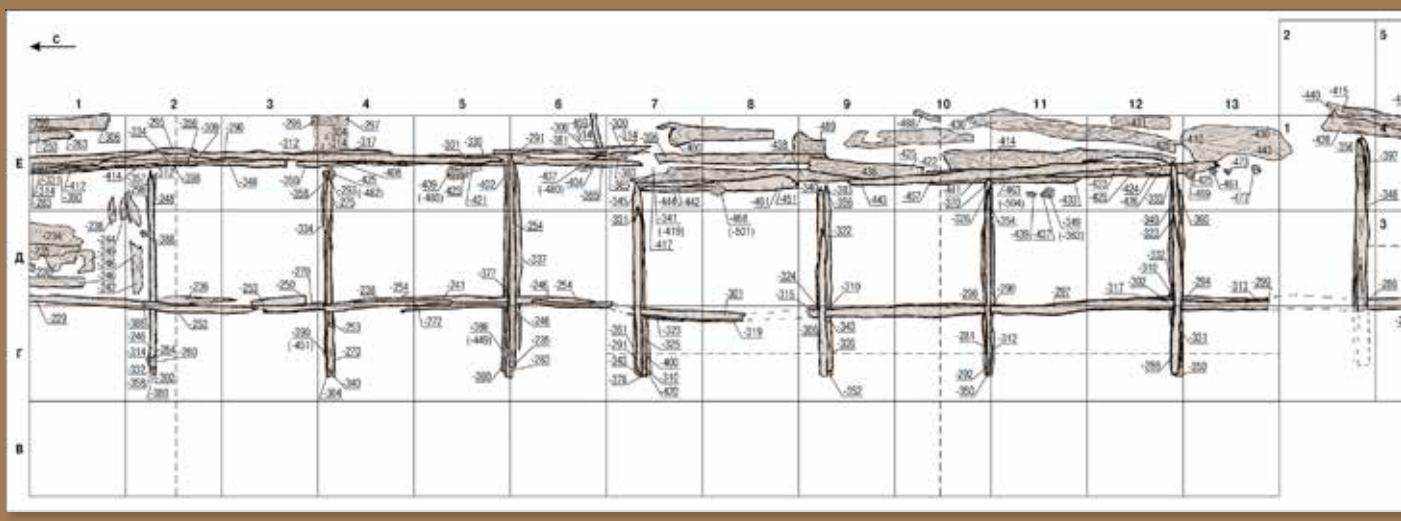
рубов, значительно, на 1,3–1,4 м, выступавших за линию продольных стен, представляли собой контрфорсы — дополнительные поперечные стенки, увеличивавшие устойчивость всей конструкции.

Для того чтобы укрепить откосы горы и предотвратить их осыпание под тяжестью стен, по периметру кремля в материке была вырыта система траншей, имеющих в плане форму клеток размером 2,6–3×3,6–4 м, вытянутых в одну линию, т. е. траншеи повторяли конфигурацию тарасной стены. Нижние венцы тарас (от 5 до 8) закладывались в траншеи и утрамбовывались материковой

Наложение раскопов на фотографию южного мыса Воскресенской горы

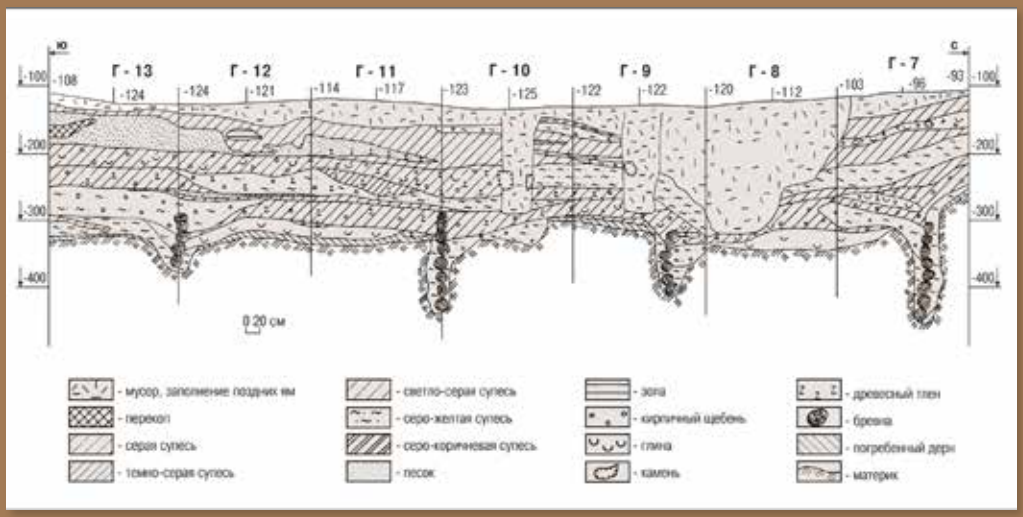
землей. Прочность сооружения обеспечивалась не только глубиной закладки в 1–1,5 м, но и тем, что внутреннюю часть клеток составлял плотный материковый целик. Таким образом, подземная часть тарасной стены, заложенная в траншеи, являлась, по сути дела, обрубом, укреплявшим склоны мыса, и одновременно фундаментом наземной части стены. Для упрочения всей конструкции под углы и середины стен ставились фундаментные столбы-стулья из обрезков толстых (30–60 см в диаметре) бревен, также вкопанных в материк. Обруб Томского кремля середины XVII в. был полностью впущен в материковую

План восточного прясла тарасной стены кремля. Фрагмент

Фрагмент тарасной стены кремля (снято с северо-востока)

Профили поперечных стенок тарас

Угол тарасной ячейки: соединение поперечной и внутренней продольной стенок (снято с юга)

Обрубная часть поперечной стенки тарас, заглубленная в траншею (снято с северо-запада)

Фундаментный столб-стул под нижним венцом тарасы (снято с запада)

толщу мыса, что является его отличительной особенностью, новаторской по конструктивному замыслу. Это дает основания квалифицировать изученную конструкцию в качестве самостоятельного варианта устройства обруба в сложном грунте[14].

В ходе раскопок 2023 г. удалось проследить продолжение трассы восточной стены кремля и получить дополнительные сведения о ее особенностях. Во-первых, археологически выявлено, что на данном отрезке линия прясла, следуя рельефу горы, отклоняется к востоку, это подтверждает достоверность изображения этой части оборонительной стены на плане 1768 г. Во-вторых, обнаружен нюанс тарасной стеновой конструкции: небольшое (20–30 см) заглубление бревен нижнего венца тарас. Это объясняется тем, что на данном участке стена достаточно далеко отступала от края горы (около 4 м), и необходимости укрепления склона внутренним каркасом здесь не было. В отличие от ранее выявленной части стены, идущей по кромке восточного откоса, где нижние венцы вкладывались в специально вырытые траншеи глубиной 1–1,5 м, предназначенные для удерживания склона от осыпания[15].

Анализ изобразительных источников выявил еще одну важную особенность оборонительной системы Томского кремля постройки 1648 г. — наличие бастионных элементов: поставленного перед юго-западной башней полукруглого бастиона в виде деревянного заплота с земляной засыпкой, а также выдвинутого за линию стены выступа — «раската» («быка», «батареи»). Эти объекты предназначались для расположения на них пушек с целью ведения фланкирующего огня на подступах к укреплениям. Наличие в новом кремле раскатов подтверждает документ 1649 г.: «...пересмотреть на городе и на роскатех всякого наряду и городовых и острожных крепостей и слухов, и подкопных мест»[16].

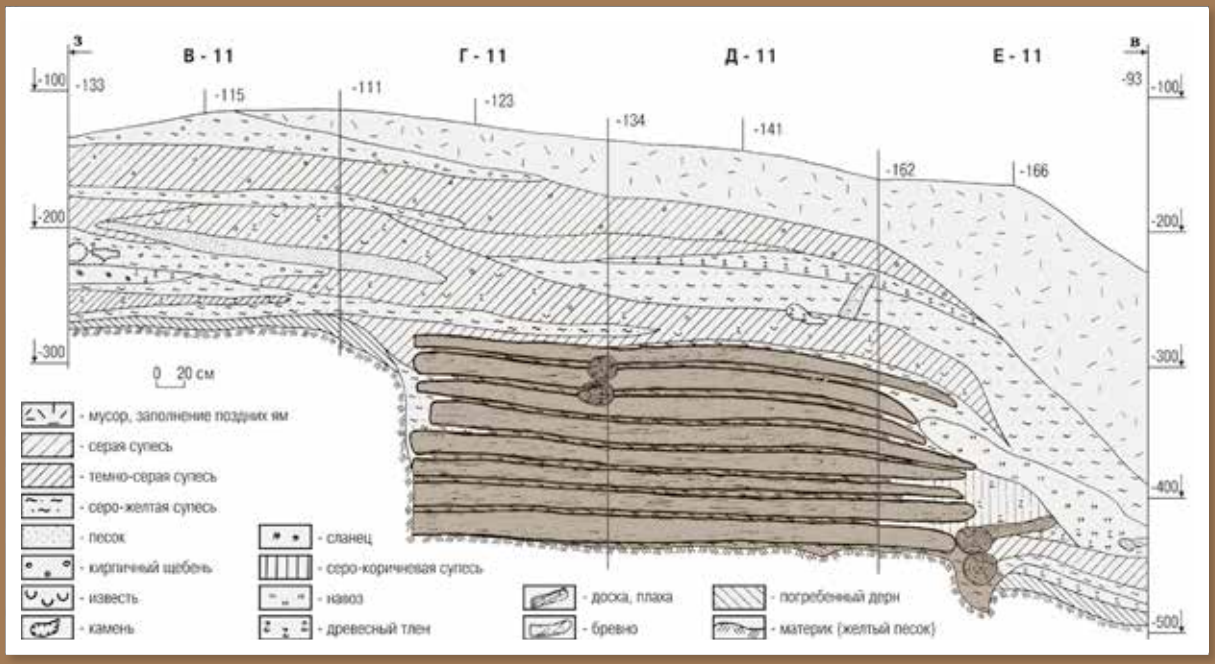
Археологическое подтверждение наличия быков/раскатов в русских городах Сибири получено при раскопках средневековой Тары, где выявлен отдельно стоящий фортификационный объект в виде восьмиугольного сруба с земляной забутовкой[17]. Прямое свидетельство содержится в описании укреплений

[14] Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. — 187 с. — С. 81–90; Чёрная М. П. Оборонительная система Томского кремля середины XVII — XVIII в.: перенос и адаптация традиций // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 110: Оборонительные сооружения Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья и Нового времени. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022. — С. 228–238.

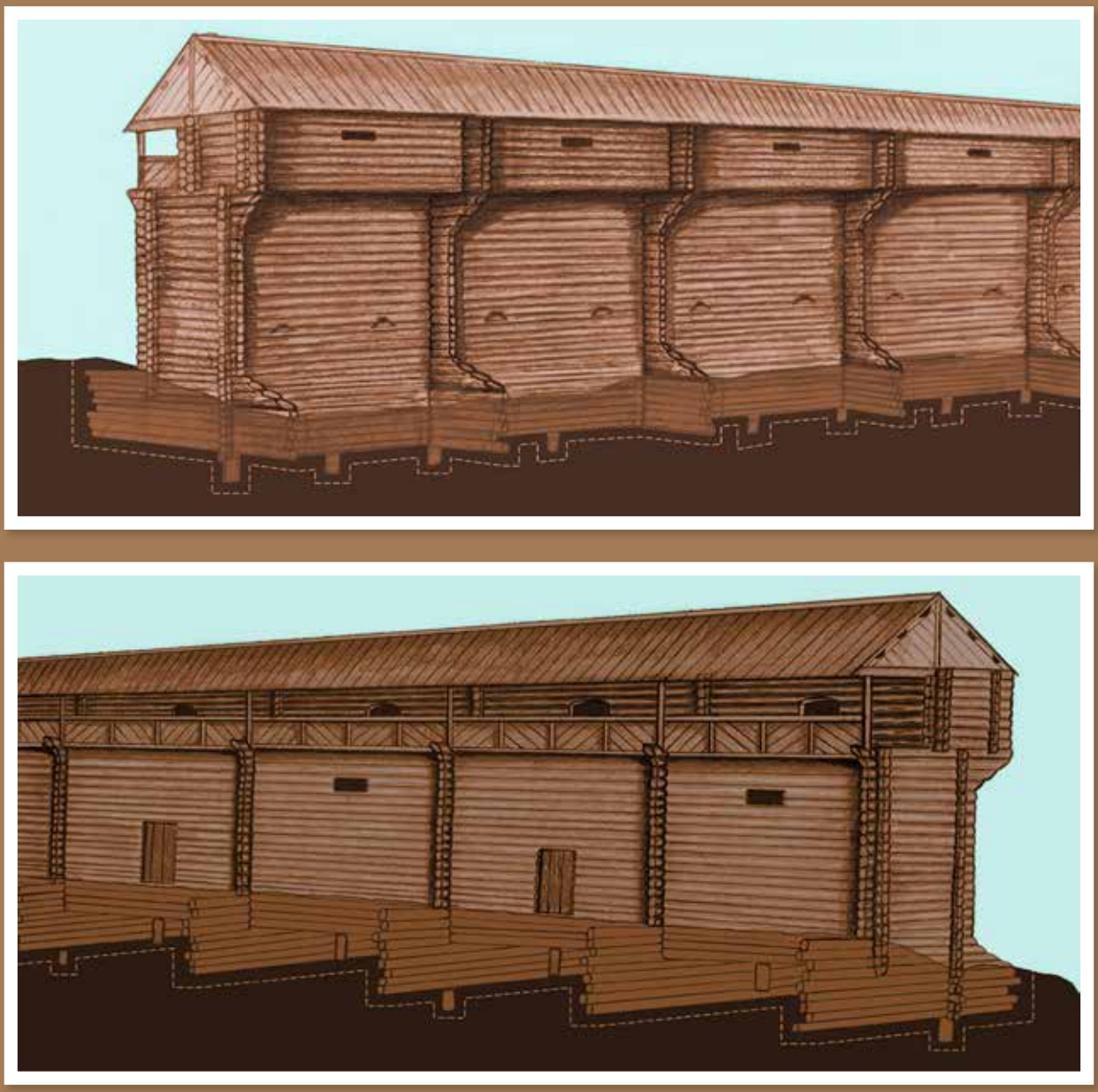
[15] Чёрная М.П., Зинченко А.С., Рыбаков Д. Ю. Раскопки Томского кремля XVII–XVIII веков: результаты исследований полевого сезона 2023 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. — С. 953–957.

[16] Покровский Н. Н. Томск в 1648 –1649 гг. Воеводская власть и земские миры. — Новосибирск: Наука, 1989. — 388 с. — С. 320.

[17] Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. — Т. 44, 2016. — № 1. — С. 114–122 — С.116; Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Археологические исследования в городе Таре в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. — С. 734–737. — С. 735.

Профиль поперечной стенки тарас в культурном слое

Тарасная стена Томского кремля. 1 — внешний и 2 — внутренний фасады. Реконструкция и рисунок М.П. Чёрной

Тары 1624 г.: «В крепости же раскат круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторная пушка»[18].

Комбинирование стен и башен с бастионами создавало контрштурмующий узел обороны, из которого велся эффективный заградительный огонь в разных направлениях и на разную дистанцию. Сочетание традиционных и новых прогрессивных элементов защиты, рассчитанных на активное сопротивление, а также своеобразие тарасной обрубной конструкции поставили Томский кремль середины XVII — XVIII в. в ряд с лучшими образцами русского деревянного оборонного зодчества. Воевода Томска князь О.И. Щербатый имел все основания горделиво отписать в Москву: «...И такова, государь, города образцом в Сибири... нет»[19]. Главная заслуга в возведении эффективной оборонительной системы с новейшими фортификационными элементами принадлежала талантливому инженеру-строителю, выходцу из казаков — Петру Терентьеву-Горододелу[20].

[18] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — Т. 1. — 328 с. — С. 150.

[19] Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). — Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998. — 204 с. — С. 97.

[20] Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. — 187 с. — С. 131–155.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юге Тюменской области можно выделить несколько существующих по сей день исторических мест, свидетельствующих о пребывании здесь в конце XVI в. казаков и их предводителя. К этим историческим объектам относятся:

Чимги-Тура (г. Тюмень)[1] — резиденция хана Сибирского юрта, являвшаяся форпостом исламской культуры в сибирском регионе. Судя по чертежам С.У. Ремезова и поздним картам XVIII в., этот татарский город, защищенный земляным валом и широким рвом с напольной стороны высокого мыса р. Тюменки, выполнял не только военно-оборонительную функцию, обеспечивавшую охрану богатств хана и знати, но и был крупным центром караванной торговли. Цитадель Сибирского ханства была взята казаками 1 августа 1580 г. По Кунгурской летописи, войско, уменьшавшееся «от цинги и болезней чрева», зимовало здесь либо до 9 мая 1581 г., т. к. санным путем отправили пленного Кутугая, или до 9 мая 1582 г.[2] Во время похода Ермака город был разграблен и сожжен. В 1586 г. на месте Чимги-Туры построена Тюмень. В исторической части Тюмени раскопками выявлен слой, связанный с культурой сибирских татар, но, к сожалению, содержавший рядовой материал[3]. На цитадели Чимги-Туры обнаружены напластования аборигенного поселения (бакальской культуры) со следами многочисленных пожаров, датировки образцов угля из этих слоев варьируют от IX вплоть до XVI в.[4] Самые ранние материалы русского периода обитания относятся к XVII в. и являются крайне малочисленными[5].

Явлу-Тура (г. Ялуторовск) — военно-опорный пункт Сибирского ханства на р. Тобол. На его месте в 1659 г. был возведен Ялуторовский острог, воссозданный в 2009 г. на своем историческом месте как уникальный объект туристического показа, огороженный высоким частоколом со сторожевыми башнями. Здесь представлены быт и культура первых русских поселенцев в Сибири.

Караульный Яр — таможенный пост Сибирского ханства. В этом месте р. Тобол имела узкое русло и высокий берег, что способствовало контролю над прохождением торговых караванов. Во время приближения торговых судов натягивали цепь, переброшенную с одного берега на другой, и брали с торговцев таможенную пошлину. О событиях, произошедших здесь летом 1581 г., сообщает С.У. Ремезов. Когда дружина Ермака подошла к таможенному посту, цепь была поднята, и казаки вынуждены были высадиться на берег, и здесь их настиг военный татарский отряд. Состоялось кровопролитное сражение: «... и доплыв до урочища Караульного яру, ту бысть на Тоболе место узкое. Кучумляне же оградиша чрез цепи железные, яко да удержишь все струги и казаков убиють. Бы же тут городок опасный Кучума есаула алышая, и ту бишася 3 дни и нощь нещаднее, яко конем по чрево бродити в крови их. Казацы же одолеша и цепи разломаша и проплыша с кусты таловыми...». Одержав победу, дружина Ермака последовала дальше.

Бабасанское урочище (15 км от с. Байкалово Ярковского района Тюменской области) представляет собой прекрасный сосновый бор вдоль речки Салаирки. В летописи С.У. Ремезова «при урочище Бабасаны» 21 июля, но точно неизвестно — 1580 или 1582 г., произошло одно из крупнейших сражений казаков Ермака и конницы под предводительством племянника хана Кучума — царевича Маметкула. Сражение длилось 5 дней, и «кони по чрево в крови ходили». Летопись свидетельствует, что при бабасанском сражении Ермак применил окопы, вырытые накануне ночью.

Карачин остров (Карачин-городок) — этим объектом выступают окрестности оз. Карачинского в Тобольском районе, близ Тобольска[6]. Сибирские летописи свидетельствуют, что здесь находился городок «Карачи» — Кадырали Жалаири, владельца одного из улусов Сибирского юрта и приближенного хана Кучума, а также стоянка отряда Ермака и место его боя с татарами. По данным Ремезовской летописи, городок был взят Ермаком 1 августа 1581 г. В Кунгурской летописи указано, что «...шайтанщик Ермаку сказал, что возвратится на Карачино озеро зимовать». Предсказание

---

[1] Матвеева Н.П., Аношко О.М. О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4 (27). – С. 61.

[2] Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 646 с. – С. 413.

[3] Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – 190 с.; Семенова В. И. Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013, № 3 (23). – С. 48–51.

[4] Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 14.

[5] Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник Омского университета. – 2012, № 2 (64). – С. 275–281.

[6] Матвеева Н.П., Аношко О.М. О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4 (27). – С. 62–63.

якобы было получено в Чандырском городке во время похода по Тавде, куда казаки пошли, «обирающе хлеб и ясак», после взятия Карачина. Казаки вернулись на остров 8 ноября и «пребывали там 40 дней»[7]. Первые археологические исследования на Карачином острове проводились в 1982–1983 гг. С. Г. Пархимовичем[8]. С. Г. Пархимович предполагал зимовку в этом месте дружины Ермака в начале похода и отряда Семена Болховского в конце[9]. В июле–августе 2014 г. археологические работы в окрестностях оз. Карачинского проходили в 3 направлениях[10]. Первое связано с поиском местонахождения татарского Карачина городка, который, скорее всего, располагался на коренном берегу Тобола, одновременно являвшемся высоким берегом Карачинского озера. Второе направление археологических исследований подразумевало поиск доказательств гипотезы о том, что на Карачинском острове Ермак принял бой с мурзой Карачей, что позволило бы датировать сражение казаков с татарами, оценить его масштабность, обстоятельства военных действий и место боя. Третье направление было ориентировано на обнаружение на острове следов культурного слоя, образованного в результате зимовки казаков после сражения, на что указывают сибирские летописи, кроме Ремезовской. В целом в ходе археологических исследований изучены землянки русских первопроходцев, а также получена информация об обнаружении поля сражения дружины Ермака с татарским войском по рассеянию картечи от пищальных ружей XVI в.[11]

Чувашский мыс — мыс на правом берегу р. Иртыш, в 3 км от устья р. Тобол, подгорная часть г. Тобольска. Здесь во второй половине октября 1581 г. состоялась решающая битва между войсками сибирского хана Кучума и казачьей дружиной Ермака. «И ту приступиша крепце бияхуся с самем Кучюмом, хотяши взятии Чувашский град на горе Чувашской и ту засясти на зиму, да пребудем в сидении сохранно, яко крепок бе Чюваш-ский град окопми»[12]. По данным летописей, именно после этого сражения произошло «взятие Сибири», оно определило ход дальнейшего присоединения азиатских просторов к формирующемуся Российскому государству. В «Описании Сибирского царства» Г. Ф. Миллер рассказывает об этом событии следующим образом: Кучум «…хан под мысом Чувашом приказал засечь дороги, и реку Иртыш… запереть…»[13]. Далее он сообщает, что казаки в связи с боязнью голодной зимы «желали, чтоб с ханом как наискорее возиметь главное сражение. Они нашли к тому случай, как октября 23 числа большая неприятельская сила, вверху на Чувашском мысу и внизу онаго при засеке появилась, и тогда казаки с лозунгом «с нами Бог» из городка Аттика к нападению спешили. Царевич Маметкул, который татарами командовал внизу при реке, хотя и храбро защищался, а та партия, которая вверху на Чувашском мысу была под предводительством самого хана, также старалась беспрестанным из луков стрелянием нижним подать вспоможение: однако все сие недовольно было, чтоб против Казаков устоять, и к отступу их принудить. Щастие служило казакам очевидно: и они одержали над неприятелем… совершенную победу…»[14] В 20-х гг. XIX столетия был снят первый план археологических памятников Чувашского мыса. На плане было нанесено городище, окруженное 2 рвами, на территории которого показаны 2 курганные насыпи, а также расположенные вдоль обрыва насыпи курганов Потчевашского могильника. Оригинал памятника хранился у М. С. Знаменского, до наших дней дошла только сделанная им копия в альбоме рисунков, посвященных городку «Махмет-Кула»[15]. В 1878 г. по приказу Тобольского вице-губернатора А. И. Дмитриева-Мамонова были начаты раскопки курганов, расположенных на Чувашском мысу. Всего было вскрыто два или три кургана. Курганы раскапывались перпендикулярными траншеями «2–3 аршина в ширину и сажень 1,5 и более в глубину, т. е.

---

[7] Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). — Рязань: Александрия, 2008. — 646 с. — С. 417, 420.

[8] Пархимович С. Г. Раскопки русских средневековых памятников на Урале и в Западной Сибири // АО 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 169.

[9] Пархимович С. Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: УрГУ, 1986. — С. 142.

[10] Матвеева Н.П., Аношко О.М., Долгих А. С. Раскопки землянки на Карачинском острове // Присоединение Сибири к России: новые данные: мат-лы Всерос. конф. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2014 — С. 26–28.

[11] Матвеева Н.П., Якимов А.С., Ларина Н.С., Агафонов Л. И. Стоянка сибирских первопроходцев на Карачинском острове (Нижнее Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. — Том 46, № 1. — 2018. — С. 108–116.

[12] Сибирские летописи. — СПб., 1907.

[13] Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. — М.: «Либерия», 1998.

[14] Там же.

[15] ТИАМЗ КП 15675.

до самой почвы кургана»[16]. В конце 70-х гг. XIX в. исследования археологических памятников начал тобольский краевед М. С. Знаменский. В Тобольском музее хранится дневник его раскопок на городке Чувашского мыса, где он отмечал дни работы и вещи, найденные при раскопках[17]. В 1891 г. вышла книга М. С. Знаменского «Чувашский мыс», большая часть которой посвящена Кучуму, походу Ермака и решающему сражению у Чувашского мыса[18].

Кашлык (Искер, Сибирь) — столица нового Сибирского ханства в конце XV в., на краю обрывистого берега р. Иртыш, дополнительно укрепленного глубокими оврагами р. Сибирки и мощной фортификацией, представленной рвом по дну лога и двойной линией деревянных стен с фланкирующими П-образными выступами[19]. В 1582 г., после поражения сибирского войска в битве при Чувашском мысу, город был занят Ермаком. Накануне занятия его жители и сам хан Кучум спешно бежали в ишимские степи. Археологические исследования установили несколько этапов застройки города и показали конструктивные особенности его фортификационной системы[20]. Искер как памятник археологии постигла печальная судьба, поскольку он частью обвалился, частью разграблен, так как был хорошо известен. Много раз на нем проводились самодеятельные раскопки, но профессиональные работы начались только с 1968 г. А. П. Зыков установил наличие на городище шести строительных горизонтов, связанных с военными действиями периода 1495–1585 гг. В частности, ему удалось выявить строительный горизонт с остатками полуземлянок с чувалами и 2 линий срубных оборонительных стен с фланкирующими башнями. Он считает его погибшим, предположительно, в результате пожара 1585 г., при схватке за престол Сейдяка с Алеем. Этот хронологический отрезок в застройке А. П. Зыков датирует на основании данных летописей интервалом 1563–1585 гг., когда городок последовательно занимали Кучум, Ермак, С. Болховской, царевич Алей, не сжигая его, т. к. рассчитывали в нем укрепиться[21]. В 1998, 2006–2008 гг. рекогносцировочные работы на памятнике провели сотрудники ТГИАМЗ под руководством А.А. Адамова, установившие размеры сохранившейся площади и высокую насыщенность культурного слоя материалами XV–XVI вв. Большое количество предметов, фрагментов кольчуг, свинцовых пуль, серебряных монет Ивана Грозного и других находок[22] подкрепляют сведения летописей о защите Сибири от нападений татар казаками Ермака. Необходимо продолжение археологических исследований на этом памятнике, особенно в его окрестностях, поскольку здесь должны быть захоронены героические первопроходцы — участники сражений и погибшие от голода члены отряда Семена Болховского, тем более что В. Н. Пигнатти в 1915 г. там обнаружил кладбище, а А. А. Адамов эту информацию подтвердил[23].

Кучум-гора — временная ставка хана Кучума на правом крутом берегу р. Ишим, где он укрылся от отряда Ермака после понесенного в 1582 г. поражения на Чувашском мысу. Этот памятник, несомненно, принадлежит к числу опорных пунктов Сибирского ханства. Он находится в 1,5 км к С–С–В от с. Рагозино. На сегодняшний день Кучум-гора является памятником природы регионального значения и представляет собой омытый с южной стороны водами реки участок высокого коренного берега, с других сторон он защищен глубокими оврагами и ложбинами. Труднодоступность места сохранила его от современной хозяйственной деятельности, и природа на мысу практически не тронута. Городище состоит из 2 небольших овальных площадок, соединенных узким перешейком. В 1963–1964 гг. В. Ф. Генингом и Р. Д. Голдиной исследована территория площадью 276 кв. м, зафиксированы остатки сооружения бархатовской культуры позднего бронзового века и 5 жилищ позднего Средневековья. В 1960-х гг. здесь вела исследования археологическая экспедиция под руководством В. Ф. Генинга и В. Ковалевой. Судя по обнаруженным при раскоп-

[16] Голодников К.М. Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования сибирские курганы вообще и тобольские в особенности? // Тобольские губернские ведомости. – Тобольск, 1879.

[17] НА ТИАМЗ. № 36.

[18] Знаменский М.С. Чувашский мыс. – Тобольск, 1891.

[19] Матвеева Н.П., Аношко О.М. О перспективах археологического изучения мест зимовок дружины Ермака // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4 (27). – С. 63.

[20] Зыков А. П. Археологические исследования городища Искер // Уральский исторический вестник. – 2012.– № 3 (36). – С. 145–153.

[21] Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сиб. татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 1998. – С. 23–24.

[22] Отчет о выполнении НИР «Спасательные археологические исследования объекта археологического наследия «Кучумово городище – столица Сибирского царства» / ООО «Сохранение археологического наследия народов Сибири». – 2008. – 93 л. // Архив Комитета по охране и использованию объектов историкокультурного наследия администрации Тюменской области. – Б. н. – Л. 21, 28.

[23] Там же. Л. 17, 24.

ках остаткам, Кучум-гора заселялась дважды. Первоначально в эпоху поздней бронзы были освоены 1-я и 2-я площадки: здесь четко прослеживается культурный слой и обнаружено большое количество фрагментов керамики этого времени[24], затем городище заселялось в эпоху позднего Средневековья, оно связано с пребыванием Кучума в наших краях. К этому времени относится сооружение укреплений с напольной стороны и перед крайней, северной площадкой поселения. Наличие вала и рва перед этой площадкой городища, обрывистость склонов указывают на ее особо важную роль в комплексе поселения. Также были обнаружены жилища, которые представляли собой конструкцию, сложенную из бревен, укрепленную с внутренней стороны столбиками. Пол был глинобитным, в центре жилища находились глинобитные печи. Более точную дату существования городища дают находки обломков чугунных котлов. Появление чугунно-литейного производства относится к концу XIV — началу XV в. Таким образом, поздний комплекс памятника может быть датирован в пределах XV–XVI вв. Местоположение Кучум-горы на высоком мысу, мощная фортификация, конструкции жилищ и очагов, а также находки инвентаря и керамики находят аналогии на городищах Сибирского юрта. Городище, несомненно, принадлежало к числу опорных пунктов Сибирского ханства и является единственным памятником такого рода на Ишиме.

Абалак — небольшое село в Тобольском районе, расположенное в 20 км от города Тобольска. Знаменито это место Абалакским мужским монастырем и туристическим комплексом под названием «Абалак», который находится на высоком берегу р. Иртыш. До прихода в Сибирь Ермака Абалак был небольшим татарским городком и название свое получил по имени татарского князя Абалака, сына сибирского хана Мара. 5 декабря 1584 г. у стен Абалака произошло решительное сражение казаков с ордой царевича Маметкула. Современное село возникло в XVII в. на месте татарской крепости. В 1636 г. местной женщине Марии явилась Абалакская икона Божией Матери, после чего в Абалаке была построена деревянная Знаменская церковь. На рубеже XVII–XVIII вв. здесь вырос целый комплекс каменных храмов.

Ермакова перекопь — место последнего боя Ермака и его гибели. Описывая гибель Ермака, историки, как правило, сообщают, что атаман погиб во время нападения отряда Кучума на спящий казачий лагерь, а именно утонул, не то пытаясь вплавь добраться до струга, не то сорвавшись с него в воду после прыжка с берега. Проверить эти полулегендарные сведения научными методами историки и археологи, безусловно, не могут, как не могут пока прийти к единому мнению о том, когда это произошло — августовской ночью 1584 или 1585 г. Нет однозначного ответа и на то, где состоялся этот бой: одни ученые связывают гибель Ермака с Иртышом, а другие — с его притоком Вагаем[25]. Общими для всех летописей являются сообщения о бухарском караване, якобы остановленном где-то ханом Кучумом, походе Ермака в стругах из Искера сперва вверх по Иртышу, а затем и вверх по Вагаю для освобождения купцов, возвращении отряда к большой реке, ночевке казаков у перекопи — именно тут она впервые и упоминается — и, разумеется, ночном бое. Устойчивый перечень этих событий может породить иллюзию, что найти место гибели Ермака несложно: надо лишь разобраться, что такое «перекопь», и понять, где она находилась. Для того чтобы проверить сведения, полученные из летописей, планов С. У. Ремезова, поздних карт, исторических трудов, в т. ч. Г. Ф. Миллера, в 2005 и 2006 гг. проведена экспедиция под руководством А. В. Матвеева в Вагайском районе, где обследована излучина Иртыша в устье Вагая, на которой, по данным источников, располагалась Ермакова перекопь. При натурном осмотре обнаружено русло водотока, которое оказалось сильно поврежденным Иртышом, однако на всех ранних этапах развития речного меандра оно находилось в самом основании излучины, пересекая ее в общем направлении с востока на запад, и поэтому вполне может быть отождествлено с летописной перекопью[26].

Епанчин-городок. В XIV в. деревней управлял мурза Епанча Сибирского ханства. Предположительно, в 1584 или 1585 г. на берегу реки недалеко от деревни было найдено тело атамана казачьих войск Ермака.

«Бегишево/Баишево кладбище, или Бегишев погост» — по данным Ремезовской летописи, предположительное местонахождение могилы атамана Ермака. На «Плане» тобольского землемера В. Филимонова из «Атласа Тобольской губернии 1806 г.» указано место захоронения Ермака у бывших юрт Бегишев-

[24] Голдина, Р. Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.

[25] Матвеев А. В., Аношко О. М. Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник Омского университета. — 2012, № 2 (64). — С. 275–281.

[26] Там же.

ских с отсылкой на «Описание Сибирского царства» Г. Ф. Миллера.

Холм Кысым-Тура — это место, которое ежегодно в начале августа собирает тюменских казаков в окрестностях с. Старый Погост Вагайского района, чтобы почтить память Ермака. Холм этот находится недалеко от места слияния Вагая с Иртышом. На южном склоне бугра в землю вкопан крест с надписью о том, что именно на этом месте погиб предводитель казаков. Однако ни одна из летописей не упоминает о том, что Ермак принял свой последний бой на холме. Археологические исследования, проведенные на его площадке, также предоставили аргументы против этого мнения. Самые древние из обнаруженных находок относятся к среднекаменному веку и отстоят от наших дней примерно на 8–10 тысяч лет, а самые поздние связаны с периодом существования Сибирского ханства. Но никаких следов боя русского и татарского отрядов тут не зафиксировано[27]. Таким образом, холм у с. Старый Погост никак не мог быть местом гибели Ермака, о чем надо знать, проводя здесь памятные мероприятия.

Есть и другие исторические места, связанные с периодом освоения русскими Сибири: Ишимский, Вагайский, Тарханский и другие остроги, российские укрепленные линии конца XVII — первой половины XVIII в., возведенные на Тоболе и Ишиме от набегов кочевников. Они известны по письменным источникам, но еще ждут своего исследования археологами.

Освоение края проходило в несколько этапов

1. Первая линия

Характеризуется появлением на месте татарских городков в конце XVI в. первых русских острогов: Туринского (1600) на месте городка Епанчин (Епанчин-юрт), Тюмени (1586) на месте Чимги-Туры и Тобольска (1587), возведенного в 15 км от Искера, что заложило основу освоения лесостепных земель Тоболо-Ишимского междуречья.

Возникновение, функционирование и развитие этой линии и первых русских острогов поддерживались притоком служилых людей и крестьянства из метрополии. Огромное значение в этом процессе имела дорога, связывающая Верхотурье через Туринск и Тюмень с Тобольском, которая, с одной стороны, связывала новые территории с русскими регионами, с другой — скрепляла их в экономическом и политическом плане. В условиях относительной стабилизации военной обстановки после падения Сибирского ханства эта линия легла в основу освоения притобольской территории и стала первоначальной в обороне от кочевников.

2. Вторая линия («засечная черта» Годунова)

Такие события, как «барабинская» и «тарская» смуты 1628–1630 гг.[28], повлекли за собой сооружение на южных рубежах русских владений в Притоболье и Прииишимье новых укреплений. На правобережье Тобола у впадения в него Тапа на месте Тарханского татарского городка в 1628 или 1631 гг. (по П. А. Словцову) сооружается Тарханский острог[29]. В 30 верстах от него вверх по Тоболу на месте татарского городка Яулу-тура на старой Казанской дороге (ордынский или калмыкский путь) в 1639 г. поставлен Ялуторовский острог, а в 1659 г. — Ялуторовская слобода[30]. На р. Вагай в 1633 г. на «калмыцкой дороге» возводится Вагайский острог, в 1636 г. перенесенный несколько выше по течению Вагая, в урочище Атбаш («конская голова»), и получивший название «Адбашский». В устье Ишима в 1629 г. возводится Ишимский острожек, а на левом берегу Иртыша напротив Тебендинских озер в 1631 г. под руководством тобольского сотника У. М. Ремезова — Тебендинский острожек. В середине XVII в. наиболее быстрыми темпами происходило освоение притобольских земель. Правобережную территорию низовий Тобола и Вагая и междуречье занимали заболоченные пространства и боры. В этих районах проживало (проживает и в настоящее время) в основном татарское население, занимаясь преимущественно охотой и рыболовством. Для реагирования на набеги от кочевников на осваиваемых пространствах появляются новые опорные пункты: в бассейнах Исети и Тобола таковыми становятся Долматов монастырь (1644), Исетский

[27] Матвеев А.В., Аношко О.М. Раскопки городища Старый Погост // Археологические открытия 2006 года. – М.: Наука, 2009. – С. 615–616.

[28] Уманский А.П. Телеуты и сибирские татары в XVII веке: (Очерк внешнеполитических отношений) // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней и высшей школе. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1972. – Т. 18. – С. 103–143.

[29] Сидорова Е.В. Тарханский острог XVII века у слияния Тобола и Туры // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Оренбург, 1–3 февр. 2021 г.): Материалы Всерос. (с междунар. участием) конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. – С. 276–278; Зах В.А., Цембалюк С.И., Сидорова Е.В., Юдакова В. С. Тарханский острог XVII–XVIII вв.: направления поиска и начало исследований // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – №3 (54). – С. 119–132.

[30] Резун Д.Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 304 с; Словцов П. А. История Сибири: От Ермака до Екатерины II. – М.: Вече, 2006. – 512 с.

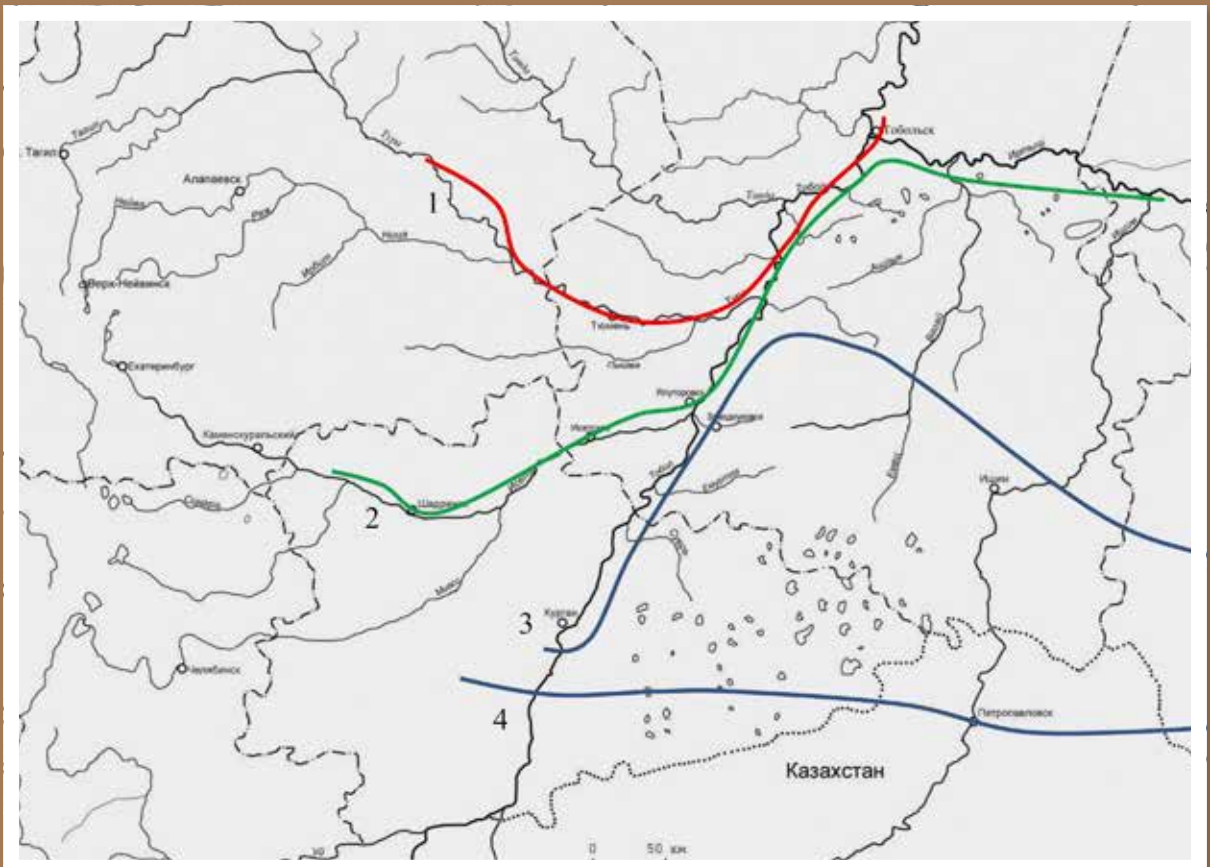
(1650), Ялуторовский (1939) остроги, южным форпостом на пути к Тобольску остается Тарханский острог. Через перечисленные выше и новые, еще не возведенные остроги тобольский воевода П. И. Годунов «задумал провести засечную черту». Данную линию укреплений планировалось построить от Тарханского острожка у впадения р. Тарханки (Тап) в Тобол, далее «вверх по Тоболу через Ялуторовскую слободу на р. Исеть и вверх по Исети через Исетский острог, Мехонину Курью (или Куринскую слободу), Шадринскую слободу, Далматов монастырь до Катайского острога. Протяженность всей линии (по чертежу 1667 г.) определялась в 472 версты (1000 саженных), но при П. И. Годунове в полном объеме этот проект не был осуществлен»[31].

3. Ишимская укрепленная линия маршрута колонизации

С усилением натиска киргиз-кайсаков (казахов) с 1690-х гг. слобода Царево Городище[32] становится важнейшим форпостом русских поселений в Притоболье. Тревожная обстановка на юге Западной Сибири способствовала созданию в 1730-х гг. новой пограничной линии, в которую вошло около 60 укреплений и укрепленных поселений. Она протянулась от Утяцкого форпоста вниз по Тоболу, через Царево Городище, Иковскую слободу, на правом берегу Тобола через Верхсуерскую и Емутлинскую слободы, Рафайловскую заимку, д. Омутную, Усть-Ламенскую слободу, с. Малышкино, д. Безрукова, Коркинский форпост, д. Фирсова, далее вниз по Ишиму до Абацкой слободы, через

[31] Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. — М.: АН СССР, 1955. — 299 с. — С. 278.

[32] Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.) / под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. — Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2015. — 254 с.

Расположение оборонительных линий в Тоболо-Ишимье в конце XVI — середине XVIII в.
1 — первоначальная линия; 2 — вторая линия («засечная черта» Годунова);
3 — Ишимская укрепленная линия; 4 — Пресногорьковская оборонительная линия

ряд деревень и форпостов до Омской крепости. Укрепленная Ишимская линия тянулась дугой, огибая степь, что требовало значительных затрат для поддержания ее функционирования.

4. Пресногорьковская оборонительная линия маршрута колонизации

В 1752 г. была построена новая, 576-километровая Тоболо-Ишимская (Пресногорьковская, или Горьковская) оборонительная линия, проходящая напрямую от Звериноголовского урочища через крепость Святого Петра до Омска. Всего было решено построить две 6-угольные крепости, девять 4-угольных, 33 редута и 42 маяка, но привязка линии к топким, болотистым местам среди соленых озер привела к сокращению численности укреплений из-за нехватки пресной воды. К концу XVIII в. на линии числилось 9 крепостей и 16 редутов, которые защищали территории Зауралья и юга Западной Сибири от набегов джунгар и кочевников Средней казахской орды. В конце XVIII в. Пресногорьковская оборонительная линия фактически утратила военное значение.

ТЮМЕНСКИЙ ОСТРОГ И УКРЕПЛЕННЫЙ ПОСАД

Летом 1586 г. отрядом казаков под предводительством Ивана Мясного и Василия Сукина был заложен Тюменский острог.

В литературе неоднократно встречается ошибочное мнение о строительстве Тюменского острога непосредственно на территории Чинги-Туры — столицы Тюменского ханства. Это неверно, т. к. Тюменский острог заложен на мысу при впадении р. Тюменки в р. Туру, в то время как Чинги-Тура располагалась на соседнем мысу, между Тюменкой и логом Ключевым. Расположение Тюменского острога у излучины реки уже через несколько лет столкнуло жителей города с проблемой постоянного подмывания и осыпания берегового склона, обрушениями строений и укреплений острога и посада.

Сведений о размерах и виде Тюменского острога 1586 г. не сохранилось. Первый рубленный город 1593–1596 гг. имел подтрапециевидную форму, был окружен 106 городнями и 8 башнями. По 3 башни располагались вдоль длинных сторон города — по берегам Тюменки и Туры; еще 2, проездные (Спасская и Егорьевская) — по торцевым сторонам[33]. Периметр острога составлял около 554 м (260 сажен), площадь примерно 1,9 га. За острогом располагался укрепленный посад. К концу первой четверти XVII в. в городе и посаде проживало около 1600–1700 человек[34].

С 1596 г. за р. Турой располагалась Татаро-Бухарская слобода. Чуть позже сюда перемещаются ремесленные мастерские. Г.Ф. Миллер, описывая Тюмень 1741 г., насчитывает здесь 115 дворов русского и 27 татарского населения, указывает наличие православной церкви и мечети.

В начале XVII в. на противоположном (по отношению к острогу и посаду) берегу Тюменки была основана Ямская слобода.

---

[33] Тюмень в XVII столетии. — М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. — 166 с. — С. 17.

[34] Кочедамов В.И. Строительство Тюмени XVI-XVIII веков // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. — Вып. 3. — 1963. — С. 83–106. — С. 87.

Вид на место расположения Тюменского острога в настоящее время

Соотношение местоположения Тюменского острога и Чинги-Туры

Первые археологические работы в историческом центре Тюмени относятся к 40-м гг. XX в. В 1935 г. П.А. Дмитриев провел раскопки осыпающихся строений на правом берегу Туры возле Благовещенского храма, изучив подполье сгоревшего жилища XVII в.[35]

В 1988 г. В.И. Семенова добилась проведения археологических работ в центральной части города при реконструкции ул. Республики и прокладки ливневой канализации. В процессе работ выявлен участок рва, закрывающего острог с напольной стороны в XVII–XVIII вв.; изучено 3 группы могильных ям; расчищено от жилых и хозяйственных построек не менее 7 котлованов; выявлены остатки фундамента колокольни Благовещенского собора — первого каменного здания на территории Тюмени[36]. Помимо траншеи было заложено 2 раскопа, позволившие изучить жилые постройки города XVII–XIX вв., остатки деревянной мостовой, участок кладбища при Благовещенском соборе[37].

В 2003 г. А.В. Матвеевым проведено разведочное обследование участка правого берега Туры в центральной части г. Тюмени на отрезке от пешеходного моста через реку до перекрестка ул. Республики и Перекопской. На всем протяжении участка в обнажении берега были зафиксированы культурные отложения XVIII–XIX вв., также зафиксировано и полностью изучено 6 погребений[38].

В 2006 г. Н.А. Ткачевой исследован участок к югу от музея (здание бывшей городской думы) на ул. Ленина. Раскопом площадью

---

[35] Кудряшов Б. Из прошлого Тюмени // Красное знамя: ежедневная газета Тюменского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся. — Тюмень: Типография издательства «Красное знамя», 1938. — № 237 (5401) (14 окт.). — С. 4. Код доступа: https://www.prlib.ru/item/423227

[36] Семенова В.И., Ткачев А.А. Археология и картография Тюмени // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология: журнал теоретических и прикладных исследований. — № 4/1 (84/1), 2014. — С. 206–209.

[37] Там же.

[38] Матвеев А.В., Измер Т.С., Молявина Е.Ю. Новые материалы по археологии Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — С. 71–79.

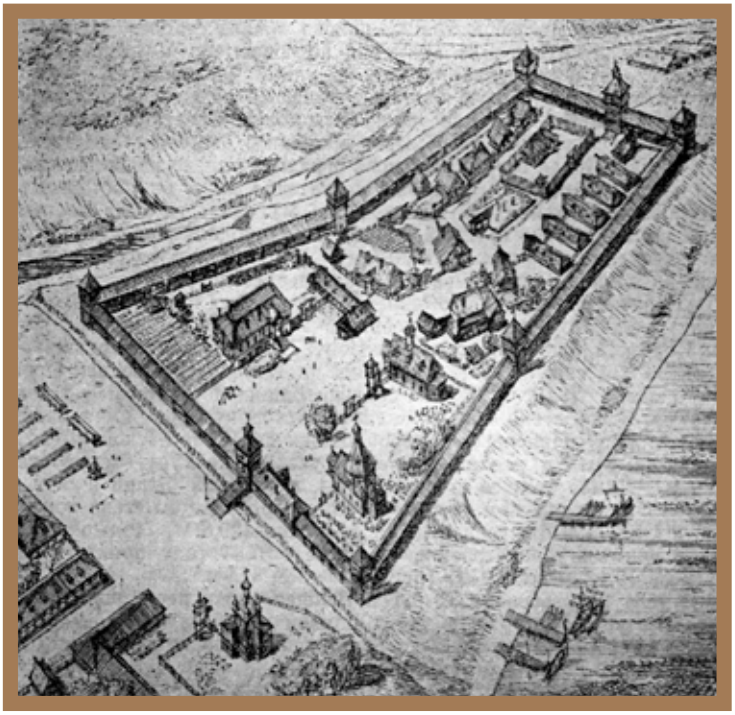
План Тюмени 1694–1701 гг.

58 кв. м исследованы котлован полуземлянки и 3 наземных постройки, содержащих материалы XVII–XVIII вв., а также котлован крупной жилой постройки XIX — первой половины XX в.[39]

В 2008 г. при реконструкции дороги на ул. Республики Н.П. Серебряковой проведены археологические спасательные работы на участке от Пешеходного моста до ул. Перекопской. Тремя раскопами общей площадью 52 кв. м зафиксировано 56 погребений и остатки жилой застройки XVII–XVIII вв. под ними.

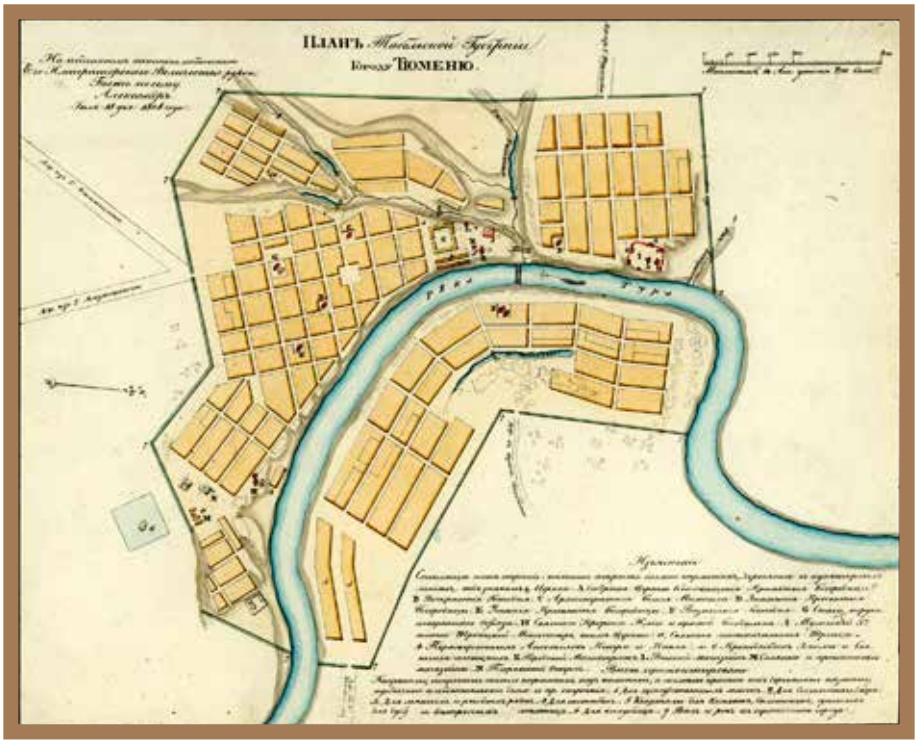
В 2021 г. при проведении государственной историко-культурной экспертизы одного из земельных участков в историческом центре города выделен археологический памятник «Культурный слой города Тюмени (Гостиный двор)», внесен в список выявленных приказом Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области № 5-икц от 6 декабря 2021 г. В 2022 г. на данном объекте проведены археологические наблюдения при сносе аварийного здания. В 2023 г. в результате капитального ремонта ул. Ленина выявлен памятник «Культурный слой города Тюмени (ранняя застройка)», внесен в список выявленных приказом Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области № 10-икц от 22 августа 2023 г. Оба выявленных памятника являются частью Тюменского укрепленного посада.

Сопоставив планы г. Тюмени XVIII–XIX вв. и современные границы мыса,

Реконструкция Тюменского острога (по Кочедамову, 1963, с. 89)

[39] Семенова В.И., Ткачев А.А. Археология и картография Тюмени // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология: журнал теоретических и прикладных исследований. – № 4/1 (84/1), 2014. – С. 209.

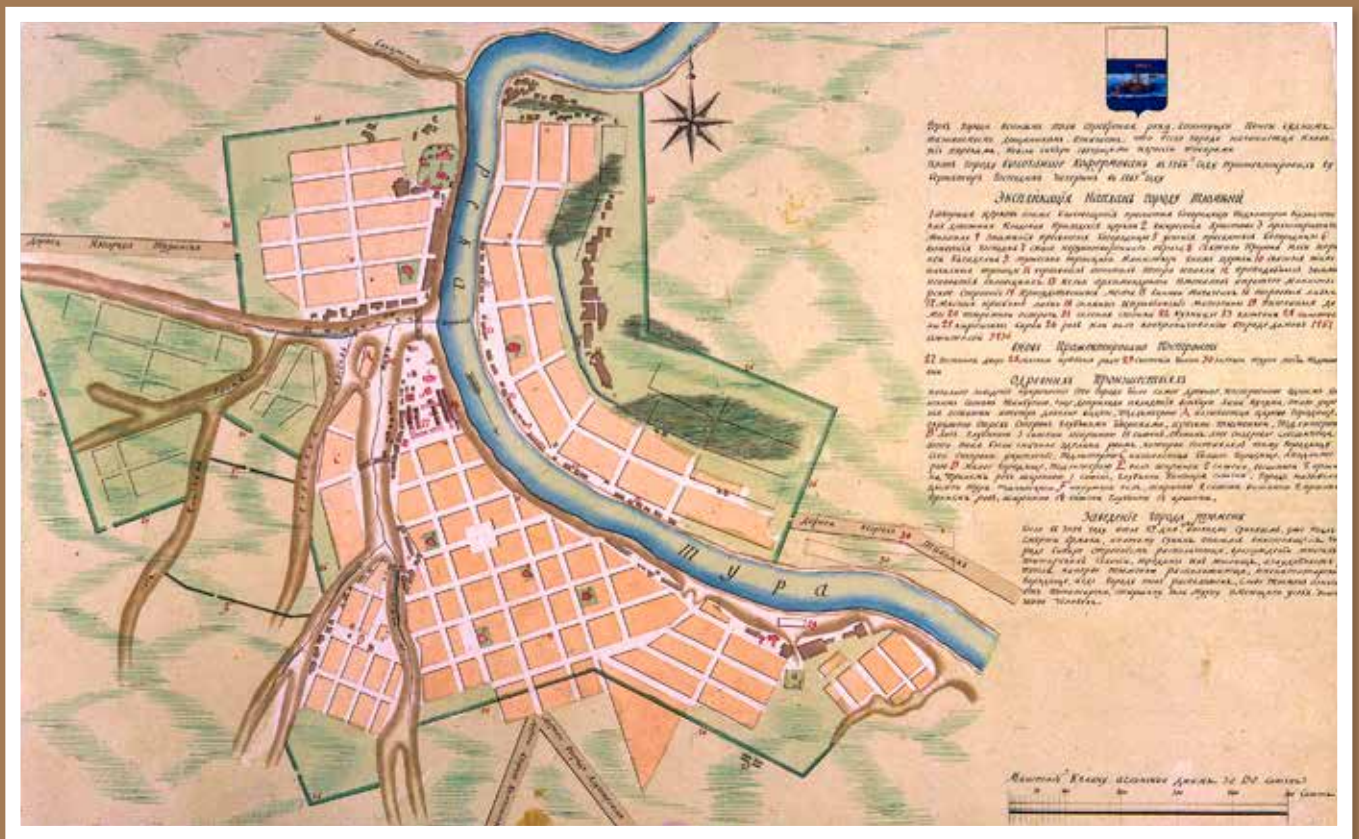

План Тюмени 1808 г.

результаты работ В.И. Семеновой в 1988 г. и Тюменского научного центра в 2023 г., мы вынуждены констатировать, что большая часть Тюменского острога осыпалась из-за подмывания берега рекой, а также уничтожена при строительстве новой набережной.

Участки культурного слоя Тюменского укрепленного посада в настоящее время находятся в аварийном состоянии. Культурный слой XVIII–XIX вв. в заречной части города (на территории Татаро-Бухарской слободы), хоть и зафиксирован с помощью археологической разведки, на охрану не поставлен. Археологические работы в Ямской слободе не проводились, ведущаяся застройка территории без должной государственной историко-культурной экспертизы земельных участков в скором времени приведет к полному уничтожению культурного слоя на данном участке города.

Значительный прогресс в археологическом изучении исторической части города произошел в 2021–2023 гг. В настоящее время полученные материалы лишь вводятся в научный оборот, но уже позволяют углубить наши знания о структуре города, этапах его строительства, материальной культуре жителей, торговых связях, пожарах и т. д.

План Тюмени 1766 г.

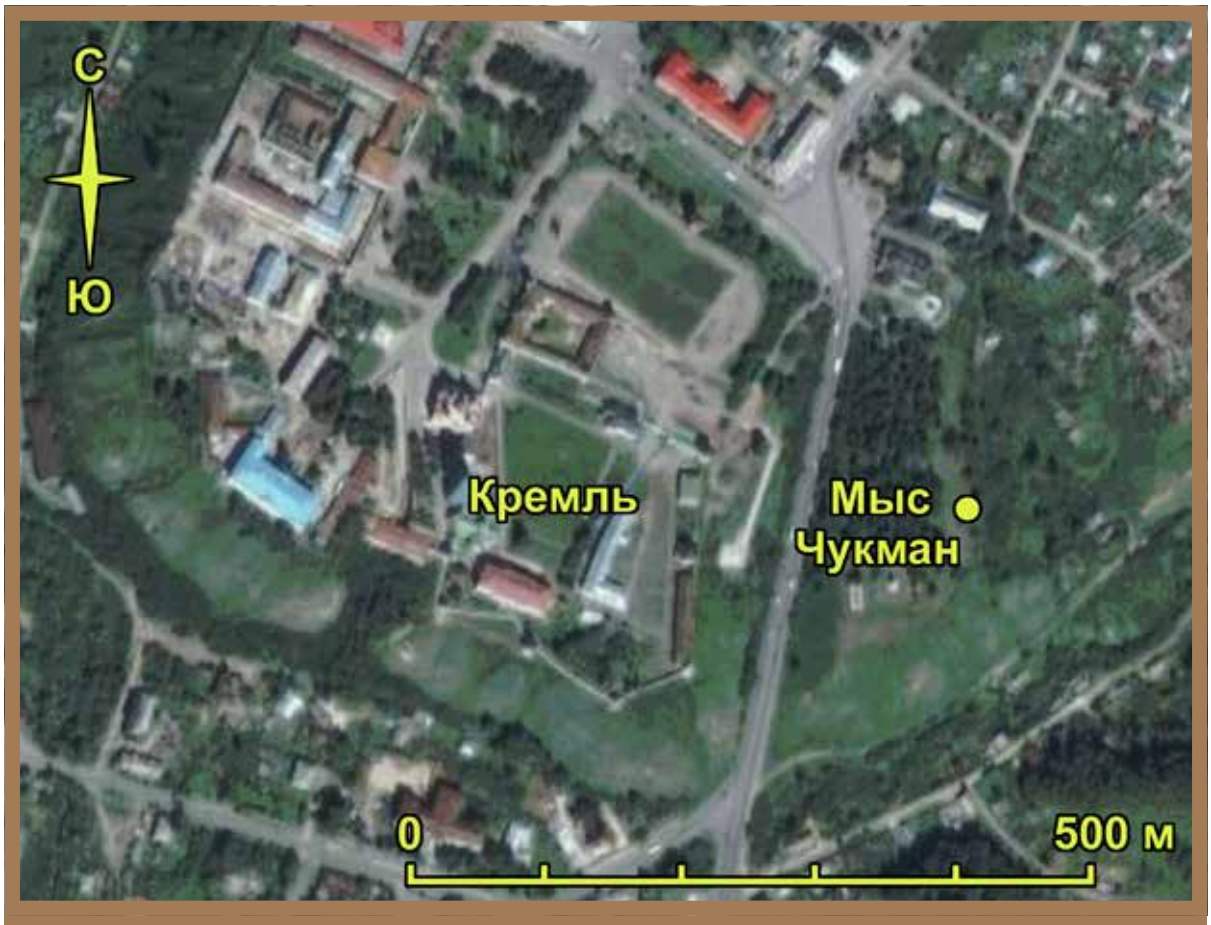
ТОБОЛЬСКИЙ ОСТРОГ

При определении хронологической локализации Тобольского острога предпринят анализ исторических сведений и планов города[40].

Какие-то укрепления имел уже изначальный Тобольск — тот самый срубленный из «судового» леса «ладейный город», который был основан в 1587 г. на Троицком мысу отрядом под руководством письменного головы Данилы Чулкова. О характере этих укреплений по летописным текстам судить невозможно, в них сохранились лишь намеки на существование городских стен. Так, в одном из списков Академической редакции Сибирского летописного свода сохранилась такая фраза, касающаяся «ладейного города»: «острогом по местам забиран»[41], которую, может быть, следует понимать так: стена этого города не была сплошной, замкнутой. В некоторых текстах, рассказывающих о пленении Д. Чулковым князя Сейдяка вместе с Карачей и царевичем Казачьей орды, которого тот сопровождал, упоминаются тобольские городские

[40] Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // AB ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. — Вып. 4. — С. 76–91; Аношко О.М., Клименко А. И. Тобольский посадский острог в XVII в. // Теория и практика археологических исследований. — 2019. — № 3 (27). — С. 7–19; Аношко О.М. Городские и посадские деревянные укрепления первого губернского города Сибири // Археология евразийских степей. — 2023. — № 6. — С. 8–20.

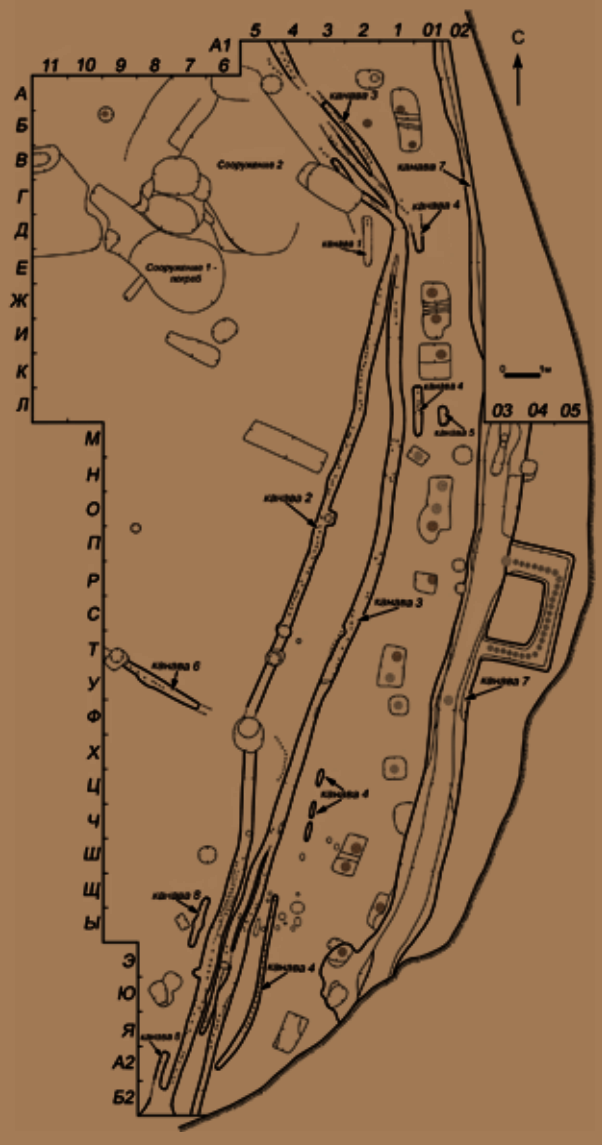
[41] Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 386. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

Местоположение Чукманского раскопа на космоснимке г. Тобольска

Раскоп (2009 г.) на мысу Чукман, выведенный на уровень материка, с остатками оборонительных сооружений

План раскопа на мысу Чукман

врата[42]. Еще о «ладейном городе» известно, что в 1593/1594 г. он был перестроен и что в ходе этих работ вокруг его посада был поставлен небольшой острог[43].

Из дальнейших значимых событий тобольской истории следует отметить перенос «ладейного города» в 1599/1600 г. из восточной в западную часть Троицкого мыса[44]; строительство на этом же месте в 1605/1606 г. нового «из бревен рубле-

[42] Сибирский летописный свод. Есиповская летопись. Основная редакция // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 66. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Есиповская летопись. Забелинская редакция // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 115. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36);, 1987, с. 115; Сибирский летописный свод. Есиповская летопись. Лихачевская редакция // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 126. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Погодинский летописец // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 137. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[43] Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 139. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 368. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[44] Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 140. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 369. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

ного города»[45]; его фактически полную гибель при пожаре 14 августа 1643 г.; наконец, возведение на пепелище 10-башенного деревянного города в 1645–1646 гг.[46] Этот город простоял более 30 лет и сгорел только в мае 1677 г. Во времена его существования верхний посад первой российской столицы Сибири, видимо, существенно разросся. И именно к этому периоду относятся самые ранние сообщения о строительстве укреплений вокруг этой ее части. Так, едва ли не все редакции Сибирского летописного свода упоминают

[45] Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 142–143. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 370. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[46] Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 154. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 201. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 267. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Шлёцеровская редакция // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. — М.: Наука, 1987. — С. 348. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 372. — (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

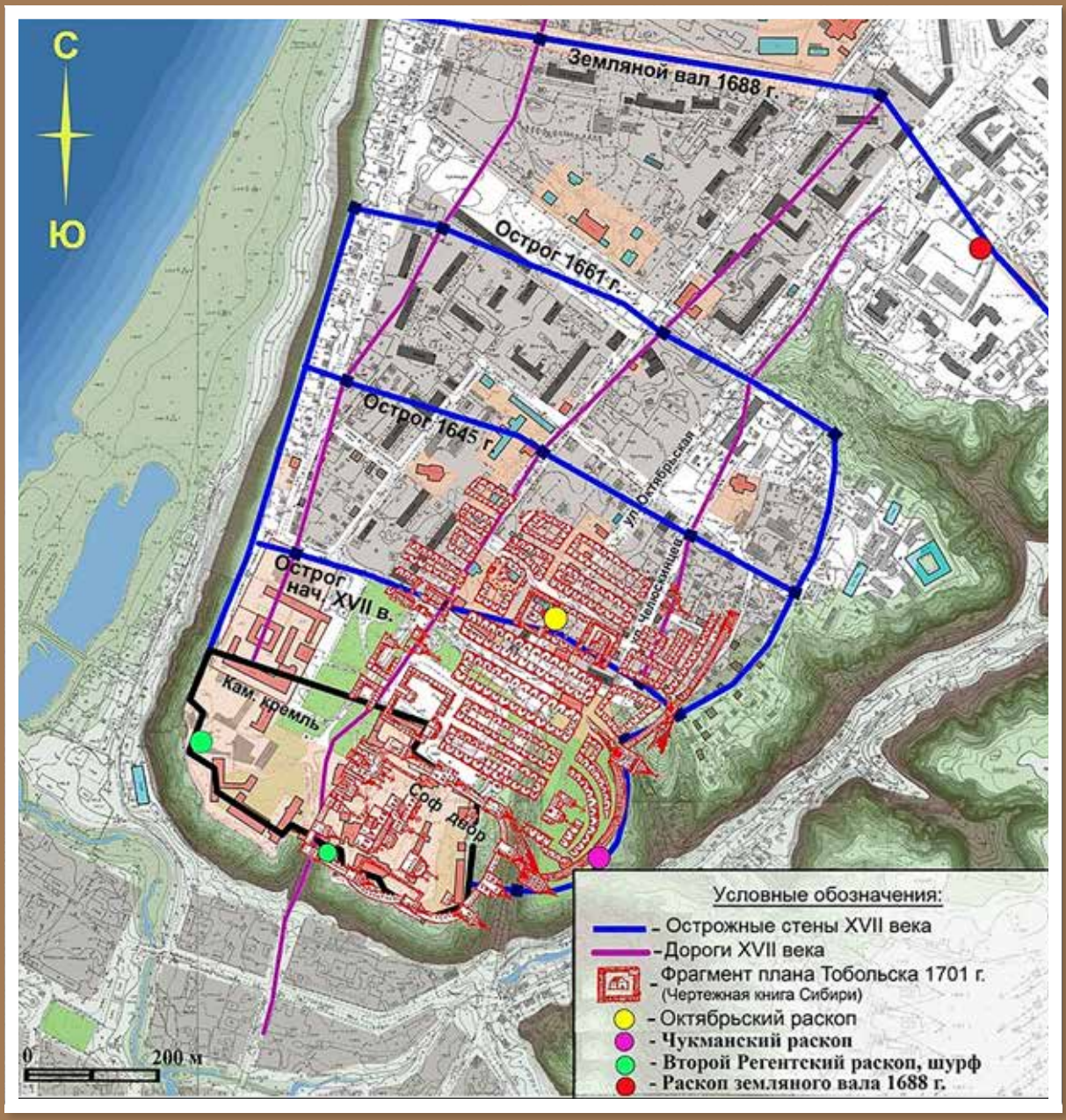

Схема оборонительных укреплений Тобольска XVII в. и места расположения раскопов на историко-архитектурном опорном плане нагорной части. Топографическая съемка 2006 г.

о сооружении в 1660/1661 г. острожной стены «кругом всего посаду»[47].

Сведения о гибели старых или постройке новых укреплений вокруг верхнего посада Тобольска в промежутке времени от начала 60-х до конца 80-х гг. XVII столетия в Сибирском летописном своде фактически отсутствуют, хотя это не значит, что ни того, ни другого не было и быть не могло. До второй половины 1670-х гг. разрушительных общегородских пожаров столица и ее жители не знали, однако в последующий период эти бедствия повторялись с чудовищной регулярностью: в 1677, 1680 и 1686 гг. О каждом из них в скупых на эмоции источниках можно найти лаконичные, но оттого не менее ужасающие сообщения. О последствиях пожара, который начался 29 мая 1677 г. «от молнии первого ударения громного», составитель одного из текстов написал так: «И выгорело всякое деревянное здание без остатку и пояде огонь»[48]. Среди этих сооружений упоминается не только «град рубленый», несколько церквей, гостиный и тюремные дворы и много чего еще, но и «острог, что от собору подле Софийского двора, да две башни острожные, что на Базарном звозе»[49]. В общем защищавшая верхний посад острожная стена при пожаре тоже могла получить серьезные повреждения. А о безопасности сибирской столицы ее власти беспокоились не на шутку. Сразу же после пожара, в июне 1677 г., они «начали острог ставить по городовой стене, где стоял рубленой город и поставил[и] в 5 дней»[50]. За восстановление самого города взялись позже, ровно через год, и в июне–октябре 1678 г. на прежнем месте был сооружен «новый деревянной рубленой город с башнями перед прежним с прибылью»[51]. Вполне может быть, что в 1677 и 1678 гг. ремонтировался или перестраивался и посадский острог, но прямых указаний на это в летописях не сохранилось.

7 августа 1680 г. принесло Тобольску новую беду — очередной разрушительный пожар, от которого «згорел город на горе со всем строением» и «у русских людей дворов сот с пять згорело, и татарские юрты все без остатку выгорели»[52]. Началось очередное, которое уж по счету, восстановление сибирской столицы[53]. Передышка, которую получили Тобольск и его жители, оказалась, увы, не долгой — 26 апреля 1686 г. «учинился» новый пожар, да такой страшный, что «горели дощеники, в которых собрались люди с животами и хотели ехать на он пол реки Иртыша»[54]. Сам город удалось отстоять, но «у русских всяких чинов людей шестьсот дворов, и татарская и бухарская слобода вся безо всякого остатку» сгорели, и «згорело русских людей и иноземцов много мужеска полу и женска»[55]. И опять-таки точно не известно — пострадали ли при этом, а если да, то насколько, оборонительные сооружения, защищавшие верхний посад.

Впрочем, можно почти не сомневаться в том, что если они и не сгорели, то находились в плачевном состоянии, ибо 2 года спустя, 29 апреля 1688 г., в Тобольске началось сооружение самых грандиозных в его истории укреплений. Сообщения об этом сохранились фактически во всех редакциях, видах и списках Сибирского летописного свода,

---

[47] Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 205. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 275. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Томский вид // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 326. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Шлёцеровская редакция // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 349. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 373. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[48] Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 212. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[49] Там же.

[50] Там же.

[51] Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 275. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[52] Там же, С. 276; Сибирский летописный свод. Томский вид // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 332. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[53] Сибирский летописный свод. Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 172. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 276. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 375. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); и др.

[54] Сибирский летописный свод. Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 222. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

[55] Сибирский летописный свод. Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. – М.: Наука, 1987. – С. 280. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36); Сибирский летописный свод. Томский вид // Сибирские летописи. Сибирский летописный свод. – М.: Наука, 1987. – С. 336. – (Полное собрание русских летописей. Т. 36).

а наиболее полные — в Головинской редакции Сибирского летописного свода[56].

От обрыва Иртыша по полю в общем направлении с запада на восток, до противоположного края Троицкого мыса протянулся земляной вал со рвом. В ширину вал имел 4 сажени без аршина, в высоту, «з гребнем» — 3 сажени тоже без аршина. Ров достигал в глубину 2 саженей с аршином, а в ширину — 2 саженей. По этой же «валовой черте» с запада на восток были поставлены 4 новые башни: глухая наугольная на иртышской круче, проезжие Троицкая и Воскресенская, а также еще 1 наугольная и глухая, Петропавловская, находившаяся недалеко от оврага, по которому течет р. Курдюмка. За этой башней «валовая стена», судя по всему, поворачивала на юг и вскоре заканчивалась. Дальше по всей восточной оконечности Троицкого мыса, в т. ч. по мысу Чукманскому, участвовавшие в строительстве тоболяки, а также посланцы ближних и дальних монастырей ставили острог, т. е. тын или частокол. О том, насколько он был заглублен в грунт и какой высоты достигал, сохранившиеся тексты, естественно, умалчивают. Из них следует только, что эта острожная стена продолжалась до стен Софийского двора, в самом начале имела 2 калитки, затем — ворота на Малом Казачьем взвозе и всего 2 проезжие башни — на Большом Казачьем и Прямском взвозах, причем обе старые.

Таким образом, письменные источники указывают как минимум на 7 этапов строи-

[56] Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. – М.: Искусство, 1987. – 192 с. – С. 226, 227.

Трехмерная компьютерная модель поздних укреплений Чукманского мыса. Авторы О.М. Аношко, А.И. Клименко

тельства новых деревянных городских и посадских укреплений в Тобольске в течение XVII в. Необходимость в этом возникала в основном из-за пожаров, уничтожавших полностью либо сильно повреждавших оборонительные линии, а также из-за разрастания территории верхнего посада в северном направлении, в напольную сторону. Сибирские летописи свидетельствуют о том, что посадская стена была острожной, но насколько частокол в тот или иной период был заглублен в грунт и какой высоты достигал, они, естественно, умалчивают. Кроме того, оборонительные сооружения, построенные на территории верхнего посада в 1688 г., были не только самыми мощными в истории этой части города, но и самыми последними по времени.

Описания городских укреплений, локализованных на стрелке Троицкого мыса, в некоторых сохранившихся текстах более подробные. Так, первый «ладейный» город и возведенная после пожара 1680 г. крепость были защищены тыном, а отстроенные заново в 1605/1606, 1645/1646 и 1677/1678 гг. городские стены имели срубную конструкцию, с башнями по их периметру. В научной литературе часто приводят описание Тобольска неизвестным иностранцем, приехавшим в город в 1666 г. Им отмечено, что «город на горе представляет собой крепость, укрепленную против набегов только стакетой из еловых деревьев, без травы и земляного валу; но на верхушке горы, прямо над рекою, ... он имеет вокруг себя красивую деревянную

стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы...»[57] Получается, что в один и тот же период в городе могла использоваться комбинированная техника сооружения укреплений — тыновая стена и выполненная в виде городен или тарасов. Видимо, это зависело от разных обстоятельств: от степени военной угрозы, от особенностей ландшафта и от символически-декоративного характера построек. Важно отметить, что с начала XVIII в. в Тобольске началось строительство городских укреплений в камне не только в пределах Софийского двора, но и в западной части стрелки Троицкого мыса. Так появился каменный Тобольский кремль. Подавляющая часть этих построек до нашего времени дошла в перестроенном виде, изменился зачастую не только их внешний облик, но и месторасположение, а некоторые навсегда исчезли с поверхности земли[58].

Картографические источники, представленные разновременными планами города, позволяют прежде всего определить хронологическую локализацию оборонительных сооружений. На современном ландшафте Тобольска четко прослеживаются границы каменного Тобольского кремля и контуры земляного вала 1688 г., значительные фрагменты которого сохранились до наших дней. Острожные стены, построенные на территории верхнего посада в разные периоды XVII в., визуально не фиксируются и, видимо, скрыты современной застройкой, которая является следствием регулярных преобразований планировочной структуры исторической части Тобольска в конце XVIII — начале XIX в.

На первом из известных планов Тобольска, обнаруженном в сибирской летописи Ивана Черепанова и датированном, по мнению В. И. Кочедамова, началом 1670-х гг.[59], деревянная оборонительная линия 1660–1670-х гг. из вертикально вкопанных в землю и заостренных наверху бревен проходила как по иртышскому берегу, так и по берегу р. Курдюмки.

Фортификационные сооружения легли в основу ремезовских планов Тобольска. Первый из них был составлен в 1688 г. и вошел в «Хорографическую чертежную книгу»[60]; второй — не позднее 1701 г. в «Чертежной книге Сибири»[61], и третий, относящийся к 1714 г., в «Служебной чертежной книге»[62]. На каждом из них показан длинный частокол, прикрывающий посад с восточной стороны и соединяющий земляной вал со стенами Софийского двора. На участке, наиболее удобном для штурма, — от крутого иртышского яра до высокого берега р. Курдюмки — был возведен не только частокол, а земляной вал со рвом и 4 башнями. Со стороны иртышской кручи высотой около 50 м ни посад, ни город не были защищены, а со стороны р. Курдюмки, срез которой был не таким глубоким, поставлен бревенчатый частокол, который не представлял собой идеально прямой линии, а изгибался вдоль неровного края террасы, то опускаясь, то поднимаясь вверх, пересекал несколько глубоких логов, которые в Тобольске с тех пор именуют взвозами: Большой, Малый, Казачий и Никольский. В конце концов, этот тын соединялся с ограждениями Софийского двора.

С 1714 г. В.И. Кочедамов соотнес также другой чертеж города, сохранившийся в копии ученика инженерной палаты В. Исакова и восходящий по времени к последнему из ремезовских, но существенно отличающийся от него[63]. На плане В. Исакова частокол над р. Курдюмкой не показан. Из этого может следовать, что т. н. «ремезовский план 1714 г.» на самом деле старше, но эта гипотеза нуждается в серьезной проверке. Если это не ошибка копииста, то данный факт может указывать на то, что в середине второго десятилетия XVIII в. деревянные укрепления верхнего посада Тобольска были уже разобраны за ненадобностью. На более поздних планах города XVIII и XIX вв. посадские острожные стены, кроме земляного вала, также отсутствуют, а городские укрепления представлены в камне и ограничивают территорию Тобольского кремля. Так, на плане 1748 г.

---

[57] Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюменское книжное изд-во, 1963. — 155 с. — С. 14.

[58] Балюнов И.В., Данилов П. Г. Оборонительные сооружения Тобольского кремля по материалам археологических исследований // Баландинские чтения. — 2017. — Т. 12, № 1. — С. 10.

[59] Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюменское книжное изд-во, 1963. — 155 с. — С. 16.

[60] Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. В 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. — Тобольск: [Б.и.], 2011. — 350 с. — Л. 161, 163 об.

[61] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. В 2-х т. Т.1. Факсимильное издание. — М.: ФГУП «ПКО «Картография», 2003. — 102 с. — Л. 3 об. –4.

[62] Служебная чертежная книга. В 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). — Тобольск: [Б.и.], 2006. — 334 с. — Л. 18 об. –19.

[63] Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюменское книжное изд-во, 1963. — 155 с. — С. 70.

показан ров, берма и сам вал без острожной стены.

Для трассировки оборонительных линий нами рассмотрен дорегулярный геодезический план города 1763 г., демонстрирующий особенности его застройки до кардинальных планировочных изменений[64]. По начертанию поперечных улиц между кромкой оврагов р. Курдюмки и крутым берегом Иртыша нами определены основные этапы роста города в сторону «поля» и, соответственно, границы сменявших друг друга линий обороны, при пересечении которых с главными улицами четко фиксируются места расположения проезжих башен острога. План 1763 г. был адаптирован к топографии города, ландшафтные особенности нагорной части которого являются достаточно стабильным элементом городской подосновы. В результате на современную топографическую съемку города нами нанесена наиболее вероятная схема развития укреплений Тобольска, уточнено местонахождение его острожных стен и башен XVII в., а также установлено, что некоторые фрагменты современной застройки, особенно на участках вблизи оврагов поймы р. Курдюмки, сохранили начертание улиц XVII в.

Археологические источники, полученные в ходе исследования разных участков культурного слоя в исторической части Тобольска, дали возможность уточнить локализацию и реконструировать размеры, устройство и внешний вид посадских и городских укреплений XVII в.

Восточную оборонительную линию, проходившую по берегу р. Курдюмки, нам удалось изучить на мысу Чукман, образованном глубокими логами — Никольским и Казачьим взвозами. Он являлся частью верхнепосадской территории и был обжит тоболяками практически с момента основания города. В юго-восточной части мыса, у самой его бровки и прямо над р. Курдюмкой был исследован участок площадью 352 кв. м. В Чукманском раскопе выявлены остатки частоколов, проходивших примерно параллельно один другому на расстоянии 5–9 м от края террасы и являвшихся частью посадского острога в разные периоды его функционирования на протяжении XVII в.[65] Выборка заполнения узких канав показала, что их ширина составляла около 0,4 м, а глубина — около 0,3 м от уровня материка и соответственно примерно 0,5–0,6 м от уровня погребенной почвы. В каждой из них обнаружены остатки вертикально стоявших столбов, которые почти истлели, но неплохо фиксировались, причем обычно не поодиночке, а в виде цепочек разной длины. В некоторых случаях отмечены сдвоенные ряды сгнивших бревен или их аморфные скопления. На отдельных участках раскопа остатки вертикальных столбов выявлены и за пределами канав. Диаметр сохранившихся столбиков древесного тлена варьировал от 5 до 10 см, а друг от друга в рядах они находились на расстоянии 5–20 см. На этом основании можно предполагать, что диаметр основной части бревен изначально не превышал 20–25 см. По историческим данным, начиная с XVII в. существовал особый стандарт острожных бревен: в длину 2,5 сажени — около 5 м, диаметром 5 вершков — 22,5 см[66]. Кое-где на дне канав отмечены неглубокие ямки конической формы, которые тоже образовывали цепочки, а иногда группировались попарно или бессистемно. Поскольку таких канавок здесь было выявлено не менее шести, а некоторые из них разделялись на отдельные «рукава», нетрудно догадаться, что острожная посадская стена пережила несколько серьезных перестроек и более мелких ремонтов, вызванных либо пожарами, либо в результате обветшания острожных деревянных конструкций.

По самому краю мыса Чукман, на расстоянии 1–3 м от него, проходила еще одна канава, более поздняя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, которая отличалась от описанных выше объектов не только размерами и глубиной котлована, но и структурой и цветом его заполнения[67]. В ходе исследования этого углубления местами были расчищены фрагменты бревен и их отпечатки на его дне в виде ямок диаметром 0,2–0,3 м. Эта канава является остатками тына, впоследствии разобранного либо сгоревшего, т. к. в верхней части заполнение котлована было насыщено вкраплениями угля. Раскопки показали, что для котлована характерны ступенчатые стенки, его ширина

---

[64] Аношко О.М., Клименко А. И. Тобольский посадский острог в XVII в. // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 3 (27). – С. 10.

[65] Там же. С. 11–12.

[66] Бородовский А.П., Бородовская Е. Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области: учебное пособие. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. – 42 с.

[67] Аношко О.М., Клименко А.И. Тобольский посадский острог в XVII в. // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 3 (27). – С. 13–14.

варьировала от 1 до 1,7 м, глубина от уровня материка — от 0,7 до 1 м, а с учетом мощности погребенной почвы — до 1,5 м. Эта оборонительная линия состояла не только из частокола. С внутренней стороны канавы, на расстоянии 0,8–1,2 м от нее, зафиксирована четко выраженная цепочка подпрямоугольных и подквадратных ям глубиной преимущественно 0,55–0,65 м от материковой поверхности и 0,7–0,85 м от уровня материка с остатками вертикально установленных столбов диаметром 0,25–0,3 м. В некоторые из этих углублений было установлено по 1 бревну, в другие — по 2, а в некоторые — даже по 3. Надо полагать, что они являлись опорами пристроенного к тыну помоста, с которого в случае необходимости было удобно и наблюдать за неприятелем, и обстреливать его. Обнаружение в цепочке углублений сдвоенных столбовых ям с материковыми перемычками посередине позволяет предполагать, что стоявшие в них пары бревен могли поддерживать срубные стенки, которые, возможно, имелись под «боевым ходом» и одним концом примыкали к тыну. Заключение о наличии помоста у тобольской острожной стены дает возможность предполагать, что в ней могли быть проделаны бойницы, существенно расширявшие возможности для обстрела противника из пушек и пищалей.

Еще одной особенностью исследованной линии укреплений являлось наличие у канавы прямоугольного наружного выступа размерами 3,4х2,3 м. Он представлял собой П-образную канавку шириной 0,6–0,95 м, глубиной от уровня материка 0,5–0,75 м, в которую вплотную друг к другу были установлены отрезки бревен диаметром от 0,15 до 0,25 м и высотой около 0,8 м. Пространство между столбиками и стенками канавки было заполнено грязно-желтым (материковым по происхождению) суглинком. Данный объект интерпретирован как остатки фундамента совсем небольшой башенки, пристроенной к наружной части острожной стены уже после ее возведения. Этот столбчатый фундамент, судя по всему, поддерживал срубную конструкцию башни — караульной постройки, а потребность в нем была связана с необходимостью усилить и выровнять основание данного сооружения, возводившегося фактически на самом краю мыса. Остатки такого же фундамента башни обнаружены А. П. Бородовским при исследовании Умревинского острога[68].

Возникает вопрос о хронологии исследованных остатков восточной оборонительной линии посада[69]. Его решение возможно на основе синтеза археологических и исторических данных. Первые свидетельствуют о том, что линия частокола, которая некогда проходила по берегу р. Курдюмки, несколько раз перестраивалась, незначительно меняя при этом свое местоположение, и, значит, существовала более или менее продолжительный отрезок времени, минимум несколько десятилетий. Второе заключение, которое можно сделать по материалам раскопок, сводится к тому, что на ранних этапах существования этой стены она проходила хоть и недалеко от края мыса, но все же на некотором от него удалении, тогда как самый поздний тын вместе с пристроенным к нему помостом и башенкой были выдвинуты к самому склону, что называется, дальше некуда. При этом важно подчеркнуть, что остатков каких бы то ни было более поздних фортификационных сооружений на площади раскопа не зафиксировано. Стоит напомнить, наконец, и то, что, судя по размерам обнаруженных канав, позднейшая стена представляла собой значительно более мощное укрепление, чем любая из ранних. Ее характер, местоположение и конструкция допускают соотнесение с ней восточной оборонительной линии, возведенной в 1688 г., когда в Тобольске началось строительство не только самых грандиозных, но и последних в его истории посадских укреплений.

Западная оборонительная линия, проходившая на территории посада по краю берега Иртыша, археологически не исследовалась. Но ее тыновая конструкция, скорее всего, была аналогична самым ранним укреплениям, обнаруженным на мысу Чукман. Тем более что, по историческим и картографическим данным, она уже не входила в состав самых поздних посадских фортификаций. Есть также сообщения путешественников, например И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера, посетивших Тобольск в первой половине XVIII в., о постоянном обрушении крутого и высокого берега Иртыша, о том, что «...часто приходилось стоящие близко к берегу дома сносить и переносить

---

[68] Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — №4. — С. 70–82.

[69] Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // AB ORIGINE: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. — Вып. 4. — С. 77.

подальше...»[70] Данное обстоятельство приводит к сомнению, что остатки западных оборонительных сооружений могли сохраниться под современной застройкой.

Южная оборонительная линия была обнаружена нами на территории Тобольского кремля, на площади 167 м² Второго Регентского раскопа, заложенного в юго-западной части Троицкого мыса[71]. Она представлена канавой, ориентированной вдоль берега Иртыша. Ее котлован перерезал самый нижний пласт культурных отложений, погребенную почву и был впущен в материк. Несмотря на то, что в ходе его вскрытия лишь местами фиксировались фрагменты бревен, он, несомненно, являлся остатками тына, сооруженного для защиты города. Практически на всех участках канава имела ступенчатые стенки, ее ширина на уровне материка от 0,65 до 1,3 м, а глубина, замеренная от этого же уровня, — от 0,2 до 0,5 м. Учитывая мощность погребенной почвы, можно сделать вывод о том, что частокол был вкопан в грунт примерно на 1 м. С восточной стороны от него выявлены подпрямоугольные выступы, впущенные в них бревна и плахи служили горизонтальными подпорками бревенчатой стены, а также серия ям, располагавшихся параллельно канаве с определенной периодичностью. Ямы имели подквадратную, округлую или овальную формы, их длина не превышала 0,8 м, ширина — 0,6 м, а глубина — 0,55 м от материковой поверхности. При их вскрытии расчищен древесный тлен либо зафиксированы фрагменты вертикально стоявших бревен диаметром до 0,2 м. Эти столбы служили опорами для помоста, возведенного вдоль тыновой стены и усиливавшего ее устойчивость и существенно расширявшего возможности для обстрела противника.

В шурфе на бровке Троицкого мыса, где расположена смотровая площадка Тобольского кремля, возле одной из его каменных башен также найден участок тыновой стены городских укреплений, состоящий из 15 столбов, поставленных вплотную друг к другу. Столбы частокола сохранились в виде древесной трухи на высоту от 40 до 70 см. Диаметр бревен не превышал 20 см. Сам частокол был установлен в небольшую канавку, вырытую в материковом суглинке на глубину 30–40 см, шириной 35 см[72].

Оборонительные линии с напольной стороны, которые двигались в северном направлении по мере того, как росли город и посад, также были зафиксированы в ходе археологических исследований. Судя по раскопкам на территории Тюремного замка, самая ранняя из них могла иметь земляные укрепления. Городская деревянная стена была дополнительно защищена рвом, предварительно датируемым 1620-ми гг. Глубина рва от уровня материка составляла 1,5 м, ширина 3,5 м. Когда город был расширен за пределы рва, он был засыпан навозом[73].

В историческом центре верхнепосадской территории, где по письменным источникам, должен был проходить острог 1620–1630-х гг., нами заложен Октябрьский раскоп, на площади 204 м² которого был обнаружен мощный и глубоко врытый в землю бревенчатый частокол. Поэтому не удивительно, что первоначально он был охарактеризован нами как остатки острожной стены, некогда защищавшей верхний посад Тобольска. Впрочем, аргументация данного вывода оказалась несостоятельной в результате сравнительного анализа археологических, исторических, картографических и других данных.

Деревянная стена, которая пересекала Октябрьский раскоп по диагонали, была расчищена на протяжении более 25 м[74]. Основная часть бревен имела вертикальное положение и фиксировалась в виде цепочки столбов, установленных на дно специально вырытой канавы. Все бревна были ошкурены, их диаметр варьировал от 20 до 40 см. Каждый столб имел паз, который позволял его стыковать с соседним фактически без всякого зазора между ними. Нижние торцы большинства столбов представляли собой горизонтальные спилы, и только у некоторых были обработаны топором и заострены в виде клина. О высоте частокола можно судить по бревну, лежавшему вдоль стены,

---

[70] Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 247 с. – С. 157–158; Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука, 1990. – 246 с. – С. 234.

[71] Аношко О. М. Первый и Второй Регентские раскопы в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 4 (51). – С. 55.

[72] Балюнов И.В., Данилов П.Г. Оборонительные сооружения Тобольского кремля по материалам археологических исследований // Баландинские чтения. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 9.

[73] Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: археологический очерк. – Тобольск: [б. и], 2008. – 114 с. – С. 59.

[74] Матвеев А.В., Аношко О.М. Октябрьский раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 4 (47). – С. 71.

длина которого составляла 4,8 м. Поэтому можно предположить, что высота тына над погребенной почвой не превышала 3 м. Рваные края их верхних торцов свидетельствуют о том, что в ходе последующей застройки посада торчавшие над землей столбы тына были просто подрублены. Под частоколом был вскрыт еще более уникальный археологический объект — подземный ход, начинавшийся с одной стороны стены и заканчивавшийся с другой. Он оказался совсем небольшим по протяженности — его длина составила всего около 7 м, по нему можно было только проползти. Из нижней части шахты можно было попасть в подземную галерею, потолок и стены которой были забраны досками, поддерживавшимися невысокими опорами в виде вертикально установленных плах, толстых досок и бревнышек высотой 50–60 см.

В ходе идентификации данного бревенчатого частокола с одним из тех, что упоминаются в летописных источниках, нами установлено, что изученную раскопками стену по ее местоположению и ориентировке правильнее соотносить не с посадскими укреплениями, как предполагалось ранее, а с показанным на чертежах С. У. Ремезова сооружением, которое находилось в центральной части Троицкого мыса и было обнесено замкнутой прямоугольной оградой из частокола[75]. По чертежу 1701 г., этот объект находился напротив Большого и Малого Казачьих взвозов, к востоку от церкви Успенского девичьего монастыря и западнее приказа конных казаков. На плане 1714 г., который показывает расположение только самых важных построек, он изображен просто рядом с Успенским монастырем. К сожалению, планы 1701 и 1714 гг. не позволяют ответить на вопрос, что это за сооружение, т. к. под одним и тем же номером С. У. Ремезов обозначил не только данную постройку, но и Воскресенскую башню северной оборонительной линии[76]. Лишь на плане 1687 г. рядом с интересующим нас объектом помещена надпись «тюрма», на плане 1688 г. — «тюрем двор»[77].

В целом исследованный нами тобольский тюремный двор конца XVII — начала XVIII в. был обнесен значительно более мощной стеной, чем посад во времена существования описанных выше укреплений. Тем не менее хорошо сохранившаяся бревенчатая стена с Октябрьского раскопа наглядно показывает, что бревна тына вплотную примыкали друг к другу, без зазоров, с помощью продольного паза, а его высота над поверхностью была не менее 3 м. Особенности устройства вырытого под ним лаза проливают свет на возможную организацию под острожными стенами т. н. «слуховых галерей», сооружавшихся с целью противодействия подкопам со стороны противника, либо он мог быть «тайником», имевшимся в любой крепости, в т. ч. для выхода к источникам воды.

Особенности строительства самых поздних укреплений с напольной стороны тобольского посада также были установлены с помощью археологических исследований[78]. Исторические данные свидетельствуют, что они состояли из земляной насыпи и рва, укрепленных 4 деревянными башнями с частоколом. Раскопками был изучен северо-восточный участок земляного вала 1688 г. Средняя высота насыпи составляла 3,6 м, ширина 7,8 м. С ее внешней стороны находился ров глубиной до 4,3 м и такой же ширины[79]. Основу конструкции вала составлял плотный утрамбованный суглинок светло-желтого цвета, уложенный на дерн — погребенную почву. В верхней части насыпи обнаружены остатки того самого «гребня», о котором сообщал летописец: части вертикальных столбов, вкопанных в грунт 3 рядами. Первый из них представлял собой частокол, который проходил по внешнему краю вала и был собран из бревен диаметром около 20 см, а 2-й и 3-й, видимо, являлись опорами настила для верхнего боя.

Подводя итоги, можно сказать, что объем накопленных археологических материалов, их анализ и экстраполяция на данные истории и картографии служат надежным основанием для периодизации истории строительства деревянных фортификационных сооружений в Тобольске в XVII в. Сравнение тобольских оборонительных линий с материалами других опорных пунктов Сибири в данный исторический период свидетельствует об использовании разных строительных приемов при сооружении рус-

---

[75] Там же, С. 75–77.

[76] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. В 2-х т. Т.1. Факсимильное издание. — М.: ФГУП «ПКО «Картография», 2003. — 102 с. — С. 46.

[77] The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrov.,s-Gravenhage. — 1958. — Л. 161, 164.

[78] Беляев Л. А. Отчет об археологических исследованиях земляного вала г. Тобольска летом 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11504.

[79] Там же, с. 4.

ских крепостей. Тыновое устройство укреплений, по археологическим данным, было характерно для Албазинского[80], Братского[81], Верхотурского[82], Умревинского[83] острогов и Тарской крепости[84]. Ярким примером реконструкции срубных укреплений в ходе археологических исследований являются раскопки Мангазеи[85], Томска[86], Саянского[87] и Чаусского[88] острогов. Изучение археологических, письменных и картографических материалов в комплексе, сравнении позволяет воссоздать планировку не только отдельных объектов, но и в целом русских крепостей Сибири, а также по-новому взглянуть на многие исторические реконструкции, созданные историками для периода российской колонизации этого региона[89].

---

[80] Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. — Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. — 335 с.

[81] Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. — 1961. — №2. — С. 213–226.

[82] Корчагин П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. — 177 с.

[83] Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2008. — №4. — С. 70–82.

[84] Татауров С.Ф. Город Тара как исторический и археологический феномен среди русских городов Сибири // Вагановские чтения. Материалы IX региональной научно-практической конференции, посвященной 425-летию города Тары. — Омск: Амфора, 2018. — С. 142–148.

[85] Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. — Л.: Гидрометеоиздат, 1980. — 164 с.

[86] Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. — 187 с.

[87] Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2013. — Т. 12, вып. 13: Археология и этнография. — С. 224–235.

[88] Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». — Новосибирск: Наука, 1996. — Вып. 2. — 191 с., — С. 45, 46.

[89] Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ FWRZ-2021–0006).

ТАРХАНСКИЙ ОСТРОГ

Объект археологического наследия «Тарханский острог» находится в Ярковском районе Тюменской области, в 23,6 км к юго-юго-западу от с. Ярково, в 1,480 км к северо-западу от д. Юртобор, в 0,4 км к юго-западу от северо-западной окраины д. Тарханы, в 150 м к югу от р. Тобол, в 0,7 км к северо-западу от устья р. Тап, на останце, на правом берегу р. Тобол. Останец небольших размеров: по длинной оси ЮЗ–СВ — 230 м, шириной в юго-западной наиболее широкой части — 70 м, к северо-востоку сужается до 14–15 м. Высота останца в юго-западной части колеблется в пределах 5,5–6 м, в северо-восточной — 3,5–4 м. Юго-восточный склон останца достаточно крутой, северо-западный более пологий, а северо-восточный наиболее пологий и узкий. На площадке останца отсутствует древесная растительность, поверхность и склоны покрыты травой. В пойме в месте расположения памятника у подошвы останца с запада и востока отчетливо фиксируются углубления старых русел Тобола и Тапа. В углублении от русла Тапа сохранился ряд небольших старичных озер. Останец вытянут в направлении юго-запад — северо-восток. Памятник занимает весь останец. В паводки он не затапливается, остается небольшим островом посреди воды. Площадь памятника составляет 16 383,95 кв. м. Координаты границ ОАН в системе координат WGS: 1. N 57°11,3593′, E 66°59,6826′; 2. N 57°11,4744′, E 66°59,7723′; 3. N 57°11,4655′, E 66°59,8199′; 4. N 57°11,3420′, E 66°59,7655′.

Появление Тарханского острога в 1628 г.[90] было обусловлено активизацией кочевников и потребностью в обороне южных подходов к Тобольску в связи с возросшей

[90] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с.

Место слияния р. Тап (Тарханки) с р. Тобол. Вид с севера

Вид останца у слияния Тапа и Тобола во время половодья (1) и в обычном режиме рек (2)

Останец и Тарханский острог. Вид с юга

Вид на останец и Тарханский острог с севера

опасностью вторжений со стороны Степи. Первое упоминание о Тарханском, пока татарском, городке таково: «Весне же близу приспе время Кучюму ясак с подданных своих сбирати, соболи и лисицы и прочих зверей и рыб, посла в Тарханской городок к Тархану мурзе дворецкаго своего Кутугая. Он же пришед для сбору, в то время казацы плениша его в Тарханах. Тарханской — же бе заставной таможной Кучюмов городок, а не Чигинзов; и привезоша его к Ермаку и с есаком»[91].

Впоследствии на останце в 1628 г. был срублен русский Тарханский острог, названный по р. Тарханке, впадающей в Тобол[92]. «В 1689 г. (Тарханский острог — В.З.) был взят штурмом калмыками и сожжен. В 1696 г. был заново отстроен тобольским сыном боярским Иваном Григорьевым Панютиным над Тоболом на перевозе на чистом яру в 8 саженях от старого разоренного острога»[93]. Учитывая всю совокупность данных: письменные источники, выявленные топографические признаки, результаты геофизических исследований, вскрытые объекты и полученные русские и, возможно, тюркские материалы — можно определенно говорить о расположении на останце русского Тарханского

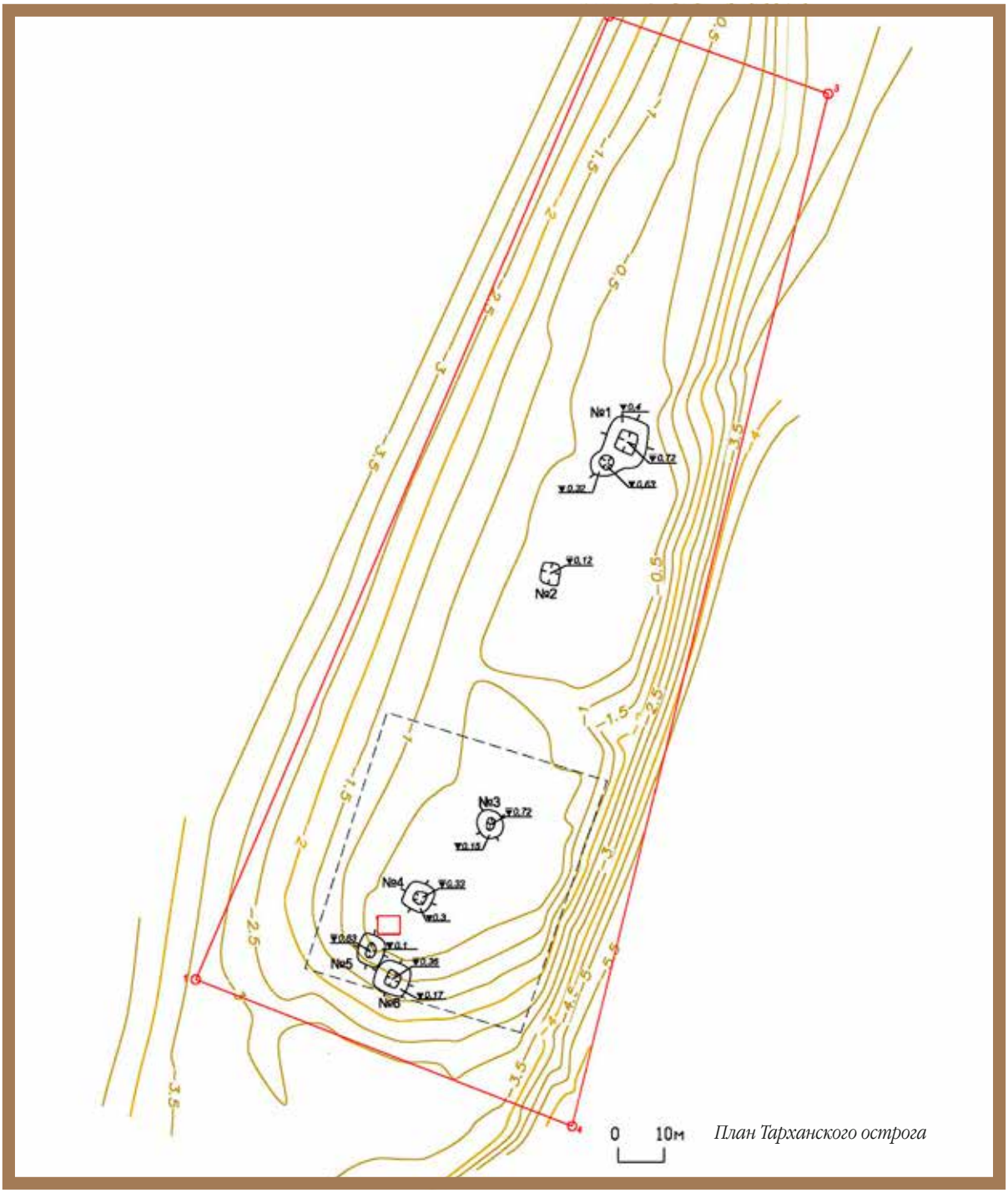
[91] Краткая сибирская летопись (Кунгурская). — СПб., 1880. — 54 с. — С. 8.

[92] Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с. — С.246.

[93] Там же.

Исследования Тарханского острога в 2021 г. Вид на останец и раскоп с юга

План Тарханского острога

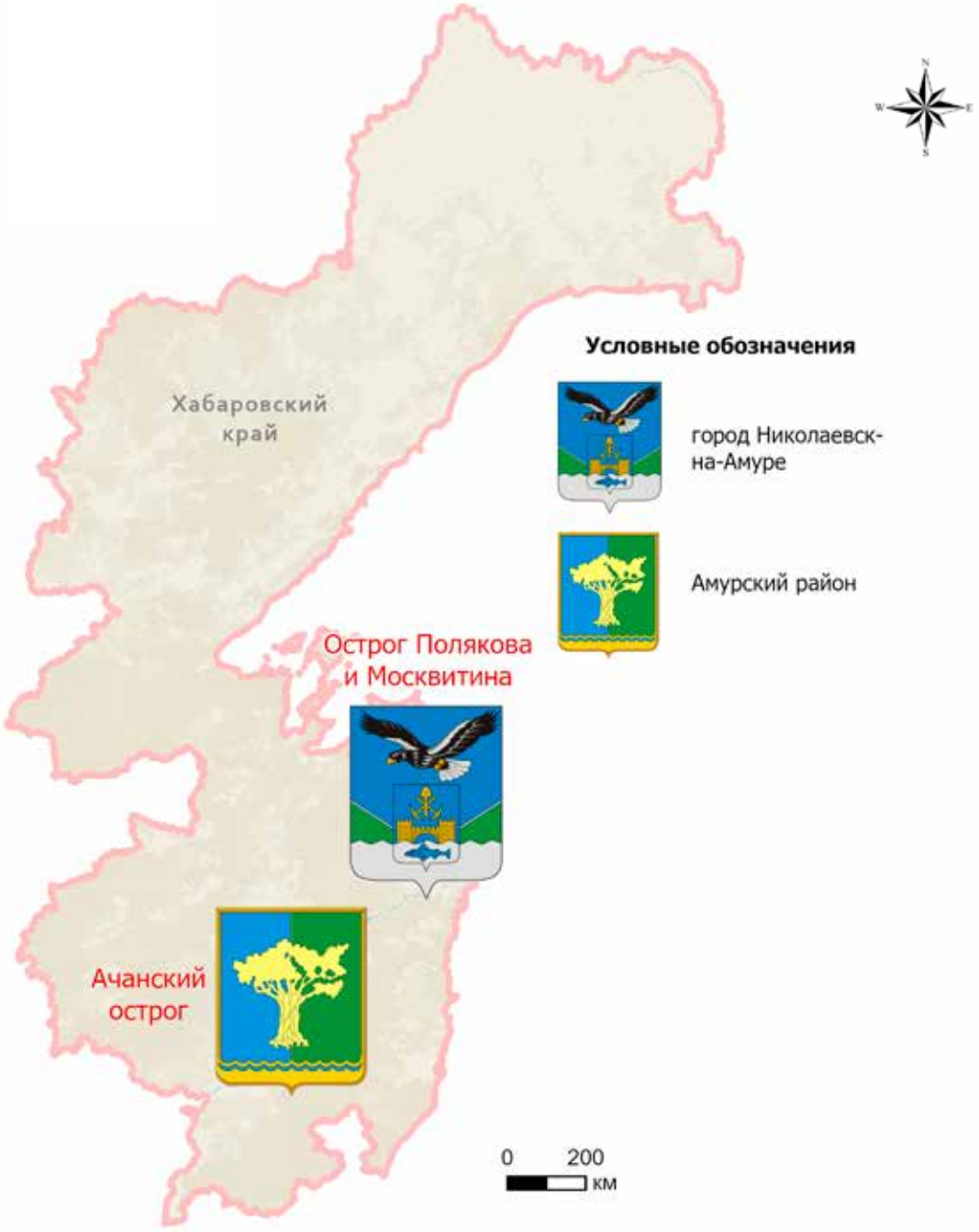
острога и предположительно — остатков татарского городка Тархан-кала. Находился острог на торговом пути: «Да от Тобольска же де по допросам слободских жителей многих ведомцев и бывальцев пристойная де дорога вешнего пути в Казачью Орду слободами вверх по Тоболу реке, через многия речки, Тобольским уездом до Торханского острогу 100 верст, от Торханскаго острога до Ялтуровской слободы 30 верст, от Ялтуровской до Суерской слободы 30 верст, от Суерской до Усть-Суерской 20 верст, от Усть-Суерской до Белозерской 25 верст, от Белозерской до Иковской 15 верст, от Иковской до Царева-Городища 20 верст, с Городища до Утяцкой 20 верст, от Утяцкой до Камыцкой 40 верст. И от тех верхних тобольских слобод с Царева Городища и из Утяцкой и Камыцкой через степь до Ишима приходною ордынскою дорогою 5 дней и степь ровная, гор нет, людям и скоту кормно»[94]. В Окладной книге Сибири 1697 г. также указывается путь, но по реке: «От Тоболска ж вверх Тоболу ж реке до Тарханского ж острожку 120 верст. А от усть Тарханки речки вверх по Тоболу ж до Ялуторской слободы 60 верст»[95].

[94] Сыскное дело о походе в Хиву // Русский архив. Кн. 3. — М., 1867. — С. 401.

[95] Окладная книга Сибири 1697 года. — М.: Исторический музей, 2015. — 296 с. — С. 82.

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

Хабаровский край охватывает речную сеть Нижнего и части Среднего Амура. Впервые русские первопроходцы вышли к Амуру в ходе экспедиции Д.Е. Копылова и И.Ю. Москвитина. Вышедший из Якутска отряд под командованием атамана Д.Е. Копылова весной 1638 г. поднялся к верховьям р. Алдан. В верховьях Алдана казаки от эвенков из рода Лалагир узнали, что к югу за Становым хребтом течет р. Чиркол (одно из местных названий Амура), она впадает в Охотское (Ламское) море. Для проверки этих сведений Д.Е. Копылов из состава экспедиции выделил отряд из 31 казака под руководством И.Ю. Москвитина. Весной 1639 г. отряд отправился на восток, пересек перевал Джугджур, вышел в верховья впадающих в океан рек, сплавляясь вниз по которым в августе достиг побережья. Перед русскими впервые открылись Охотское море, Тихий океан. После зимовки казаки Москвитина, двигаясь вдоль побережья, в 1640 г. достигли устья Амура. Экспедиции Д.Е. Копылова и И.Ю. Москвитина внесли большой вклад в освоение Дальнего Востока, географические открытия и этнографическое изучение края.

Амур — одна из крупнейших в мире рек. Густая сеть его больших и малых притоков, прилегающие территории с глубокой древности играли огромную роль на востоке Евразии. Речные берега и водные потоки тысячелетиями служили главными дорогами, по которым пешком и на лодках люди перемещались на малые и большие расстояния. Реки Шилка и Аргунь, крупные притоки Амура, связывают территории Приамурья с Забайкальем, Монголией и далее на восток — с Центральной Азией. Верховья притока р. Амазар расположены на перевале, по другую сторону перевала течет р. Тунгир, впадающая в Олёкму, русло которой, прорезая Становой хребет, ведет к Лене, в Якутию. Крупнейший левый приток, р. Зея, берет свое начало на Становом хребте. Уссури, правый приток, соединяет Амур с Приморьем и землями Китая. Сунгари, правобережный приток, охватывает своим бассейном большую часть Северо-Восточного Китая (Маньчжурии).

С середины XVII в. Амур становится важнейшим речным путем освоения Россией Дальнего Востока. На Нижнем Амуре первый русский острог был поставлен на землях ачанов (одной из племенных групп современных нанайцев) осенью 1651 г. казаками Е.П. Хабарова. Ачанский острог был опорой первопроходцев до весны 1652 г.

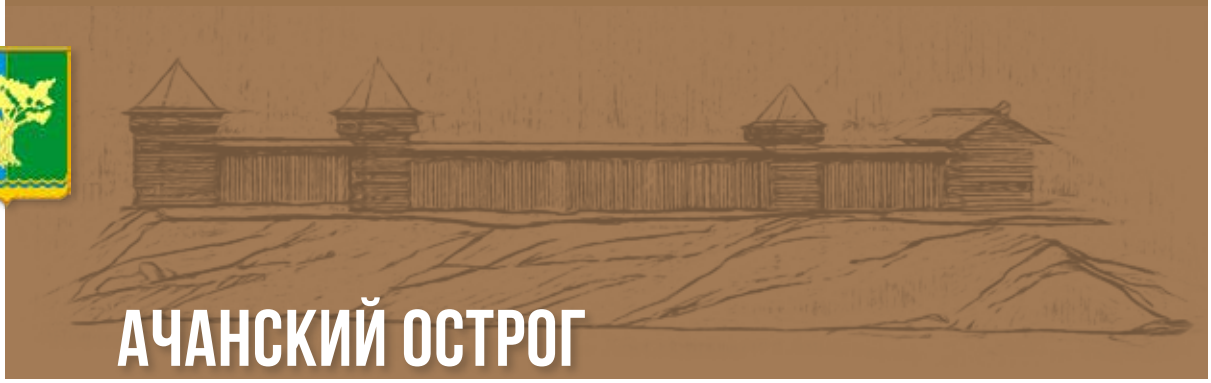
После раскола в отряде Хабарова осенью 1652 г. ушедшие от Хабарова казаки под руководством Полякова и Москвитина поставили в низовьях Амура новый острог, существовавший до весны следующего года.

В августе 1653 г. действия русских по присоединению Приамурья возглавил казак Онуфрий Степанов, опытный военачальник и хороший организатор. Вплоть до 1657 г. предпринимались усилия, с одной стороны, по мирному освоению края, а с другой стороны, по защите новоприобретенных земель от все более нарастающего военного давления превосходящих сил маньчжурской армии. В эти годы были отстроены Куминский и Косогирский остроги — очевидно, небольшие, в которых отдельные отряды зимовали. Известно, что они располагались на Амуре в местах, близких к устью р. Сунгари. После 1658 г., со времени ухода русских с Амура, сведения об этих острогах отсутствуют.

Современной исторической наукой местонахождение острога Полякова и Москвитина, Куминского и Косогирского острогов, как и Ачанского острога, пока не установлено. Нельзя оставлять надежду, что целенаправленные археологические исследования и кропотливое изучение письменных источников сможет приоткрыть завесу неизвестности над тем, где сокрыты следы их пребывания на берегах Амура.

Река Амур с урочища. Фрагмент «Хорографической карты» С.У. Ремезова

АЧАНСКИЙ ОСТРОГ

Ачанский острог — не только один из первых на Амуре, он еще известен и тем, что всего за полгода в нем дважды русские казаки стойко оборонялись сначала от ачан и дючеров, а затем от маньчжуров. Основанный осенью 1651 г. отрядом Ерофея Хабарова на месте древнего поселения тунгусов, в довольно густонаселенном районе, острог стал базой для зимовки хабаровцев. Место для острога оказалось вполне удачным. Вот как написал об этом Хабаров в своей отписке: «И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне, улус велик и яз, приказной Ярофейко, и служилые и вольные казаки посоветовали и в том улусе усоветовали зимовать и тут город поставили...»[1]

Последние слова цитируемой отписки («и тут город поставили») вызывают некоторое сомнение. Могли ли казаки, а их было в отряде немногим более 200 человек, соорудить крупный острог всего за несколько дней? Дело в том, что, прибыв в улус 29 сентября, уже 5 октября Хабаров отправил почти половину отряда ниже по Амуру для заготовки рыбы на зиму, а через три дня после этого произошло нападение 800 ачан и дючеров на оставшуюся часть отряда. Косвенным подтверждением отсутствия острога является и найденная в архиве историком Б.П. Полевым «Челобитная С.В. Полякова и его товарищей», участников похода Е.П. Хабарова. Поляков в челобитной пишет о Хабарове следующее: «...как доплыл до Ачанского улуса то тут в улусе встал и почал зимовать не поставя ни острогу ни крепости и тут мало наших голов не потерял и твою государевы казны, а пушкам ни роскатов ни быков не поставил, а поставил середе улицы просто...»

Кому же все-таки верить, Хабарову, который в отписке сообщал «и тут город поставили», или Полякову, утверждавшему, что Хабаров «почал зимовать не поставя ни острогу ни крепости»? Кто прав? И мог ли кто-то из них вообще сообщить неправду, ведь за ложные сведения очень строго карали царской немилостью.

Вероятно, и Хабаров, и Поляков писали правду. Действительно, поначалу острога не было. Надо было срочно заготавливать пропитание, рубить лес и ставить избы или рыть землянки — этими работами и занялся, видимо, отряд. Определенная доля беспечности в этом, безусловно, была проявлена, что и показало внезапное нападение ачан и дючеров 8 октября. Именно об этом начальном этапе пребывания отряда в Ачанском улусе сообщал в своей челобитной Поляков («и почал зимовать... и тут мало наших голов не потерял») и был прав. Бой был неравным, длился «часа с два боевых», но эффективными оказались вылазки, организованные Хабаровым. Понимая, что нападение сорвалось, дючеры и ачаны отступили и ушли вверх по Амуру.

Правду писал в отписке и Хабаров, ведь, сообщая «и тут город поставили», он не указывает точной даты этого события, а пишет о нем вообще. Невероятно трудно поверить в то, что после вооруженной стычки отряд так и остался бы зимовать без острога, потому как стычка эта стала не только своеобразной боевой репетицией, но и одновременно предупреждением от беспечности. Хабаров соорудил дерево-земляную крепость с тремя сторожевыми башнями. Для размещения отряда внутри острога срубили избы, но поскольку они не могли вместить более 200 человек, то еще несколько изб поставили за пределами острога, в непосредственной близости от него. Земляной вал и глубокий ров, обрамляя острог по периметру, служили едва ли не основным средством защиты. По валу стояли и острожные стены. Острог был защищен дополнительными укреплениями, усилены караулы. Зимовали хабаровцы в общем спокойно, занимаясь сбором ясака, охотой, рыбной ловлей и налаживанием мирных отношений с улусами ачанских князьцов Жакшура, Нечиги, Кечи и других.

С приходом весны 24 марта 1652 г. отряду Ерофея Хабарова в очередной раз пришлось отражать нападение, теперь уже более чем двухтысячного войска маньчжуров. Хорошо

[1] Дополнения к Актам историческим. Т.III. – СПб., 1848. – С. 364.

оснащенные холодным и огнестрельным оружием, маньчжуры рассчитывали на внезапность и значительное превосходство в живой силе. Внушительное их войско хотя и произвело впечатление на казаков, но они, преодолев первое замешательство, организовали круговую оборону и стали прицельно бить из пушек и пищалей. Начавшись рассветным утром, бой продолжался «до схода солнца», когда маньчжуры подошли почти вплотную к стенам. Им удалось сделать пролом в острожной стене — вырубили «три звена стены сверху до земли». Один из командиров маньчжурского войска Сифу (русские источники называют его Исинеем) отдал приказ брать лочей, так они называли русских, живьем. Тогда Ерофей Хабаров обратился к казакам с призывом: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и пречистыя и Николы Чудотворца, и порадеем всея Русии, и помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы казаки въ руки имъ Богдойскимъ людемъ не дадимся; и въ тѣ стѣны проломные стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную, и почали изъ пушки по Богдойскому войску бити и изъ мелкого оружія учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жъ стали по нихъ Богдойскихъ людяхъ, тутъ и Богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божіею милостію и государскимъ счастьемъ и нашимъ радѣніемъ, ихъ собакъ побили многихъ; и какъ они Богдои отъ того нашего пушечного бою и отъ пролому отшатились прочь, и вѣтапоры выходили служилые и вольные охочіе казаки сто пятдесятъ шесть человѣкъ въ куякахъ на вылазку Богдойскимъ людямъ за городъ, а пятдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ, и какъ мы къ нимъ Богдоемъ на вылазку вышли изъ города, и у нихъ Богдоевъ тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзные, и Божіею милостію и государскимъ счастьемъ, тѣ двѣ пушки мы казаки у нихъ Богдойскихъ людей и у войска отшибли, и у которыхъ у нихъ Богдойскихъ людей у лутчихъ войтиновъ огненно оружіе было, и тѣхъ людей мы побили и оружье у нихъ взяли, а которые на вылазкѣ ... казаки сто пятдесятъ шесть человѣкъ, и радѣючи государю и помня крестное цѣлованіе, не щадя лица своего противъ государевыхъ недруговъ дралися съ ними Богдойскими людми мы казаки саблями, и Божіею милостію и государскимъ счастьемъ и радѣніемъ и промысломъ твоимъ, Дмитрей Андреевичь да Осипъ Степановичь, мы казаки тѣхъ Богдойскихъ людей на вылазкѣ многихъ побили; и нападе на нихъ Богдоевъ страхъ великій.

Копия Отписки якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служилого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и проч., 1652 в августе // Дополнения к актам историческим. Т. 3. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1846. — С. 359–371.

Ачанский острог. Кадр из фильма «Амурские версты», 2011 г. (режиссер А. Самойлова)

ем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людем, мы, казаки, не дадимся!»

Казаки, быстро спохватившись, установили пушку напротив пролома и начали в упор бить из нее по богдойцам, а затем организовали стремительную вылазку, в которой участвовали три четверти отряда. Во время вылазки казаки дрались с богдойцами на саблях и «тех богдойских людей на выласке многих побили». Не выдержав сильного натиска, «богдоевы люди прочь от города и от нашего бою побежали врозь», — писал Е. Хабаров в отписке. В результате победной стычки отрядом казаков у богдойцев были отбиты 2 железные пушки, 17 пищалей огнестрельных, 830 лошадей, хлебные запасы, взяты пленные. Кроме того, потери маньчжуров составили 676 человек убитыми, в то время как у хабаровцев погибли всего 10 человек.

Военные столкновения на Амуре с намного превосходящими по численности отрядами маньчжуров показали прочность русских укреплений, о чем свидетельствуют и маньчжуро-китайские источники. Маньчжурские военачальники, в частности, отмечали позднее, что «русские придают большое значение деревянным городам и считают, что могут сидеть в них без опасения». Не имея возможности взять деревянные и в особенности дерево-земляные остроги русских малыми силами, они делали главную ставку на многократное численное превосходство в живой силе, стремясь «давом задавить» русских. Но, как показали события в Ачанском городке, им этого сделать не удалось.

Ачанский городок Ерофея Хабарова просуществовал всего одну зиму. Уже в конце апреля 1652 г. отряд покинул его и отправился вверх по Амуру. С тех пор острог этот оказался затерянным, и лишь с середины XIX в. стали предприниматься первые попытки найти его местонахождение. На протяжении почти столетия многими исследователями предлагались различные версии, у каждой из которых находилось много сторонников. В 1960 г. историк Б.П. Полевой на основе детального анализа письменных источников XVII в. предложил совершенно иную версию, проверенную в 1970-е гг. археологическими изысканиями. Оказалось, что Ачанский острог находился на мысе Оджал недалеко от оз. Болонь. Проведенные раскопки якобы подтвердили предположение Б.П. Полевого. На месте Ачанского городка были обнаружены, правда довольно скромные, находки: остатки лат и кольчуг, ружейные кремни и некоторые другие свидетельства пребывания на этом месте казаков из отряда отважного русского землепроходца Е.П. Хабарова.

В статье археолог А.Р. Артемьев, опираясь на сведения «Челобитной Полякова...», сделал совершенно потрясающий вывод: «Таким образом, становится очевидным, что продолжение поисков археологических остатков "Ачанского городка" абсолютно бесперспективно». Тем самым подвергается сомнению правдивость всей отписки Хабарова с описанием обороны Ачанского острога в марте-апреле 1652 г., где неоднократно упоминаются

элементы крепости. Например: «И метались казаки на город... на стену городовую», «И мы, казаки... дрались из-за стены...», «И у того нашего города вырубили... 3 звена стены сверху до земли». Более того, о существовании Ачанского острога сообщалось даже в одном из маньчжурских документов 1680-х годов, опубликованном в середине XIX в.: «В прежнее время, когда лоча поселились в местечке Учжала (Оджал-Болонь — Н.К.), основав там деревянный город (укрепление), посланный для познания их нингутский Майрен-Чжангин Хаисе, не имея осадных орудий, сражался там с ними без всякого успеха». Так что исторические факты свидетельствуют о том, что русское укрепление Ачанский острог, поставленный поздней осенью 1651 г. отрядом Е.П. Хабарова, существовал и подвергать этот исторический факт сомнению нет абсолютно никаких оснований. Другое дело, что поиски его местонахождения не дали положительных результатов, хотя один из активных участников поисков, А.А. Степанов с уверенностью настаивал на том, что Ачанский острог постройки Е.П. Хабарова найден. Объективные же данные таковы: в результате экспедиций, проведенных в 1972, 1973, 1978, 1979 и 1982 г., не опубликовано ни одного отчета, материалы которых подтверждали бы эту уверенность.

После ухода казаков Хабарова Ачанский острог далее русскими отрядами не использовался.

ОСТРОГ ПОЛЯКОВА И МОСКВИТИНА

Бюст И. Москвитина. Скульптор неизвестен

На Нижнем Амуре уже не близ ачанов, а в землях гиляков (нивхов) осенью 1652 г. был возведен другой острог. История его появления связана с расколом, произошедшим в отряде Е.П. Хабарова. Хабаров, выходец из крестьян, ставший «откупщиком» и «промышленным человеком», в походе на Амуре действовал зачастую в нарушение государственных «наказов» о мирном присоединении новых территорий и народов. Произвол Хабарова привел к резким конфликтам русских землепроходцев с даурами и другими тунгусскими группами, к сокращению согласившимися перейти в русское подданство и выплачивать ясак местного населения. Нередко Хабаров вел себя несправедливо и по отношению к участникам похода. Все это вызвало резкий протест «служилых людей», казаков. В августе 1652 г. в устье Зеи около 130 казаков выступили против действий Хабарова и ушли под руководством «вольного казака» С.В. Полякова и «десятника» К.И. Москвитина вниз по Амуру в земли гиляков.

Гиляки (современное название — нивхи) занимали самые низовья Амура и часть побережья Охотского моря. Здесь казаки возвели хорошо укрепленный острог, соответствовавший всем требованиям фортификации. Казаки привлекли в русское подданство часть местных жителей и начали обустраиваться на новоприобретенной территории.

Кадр из фильма «Иван Москвитин. Путь к океану», 2013 г. (автор Р. Фарзутдинов, режиссер А. Свешников)

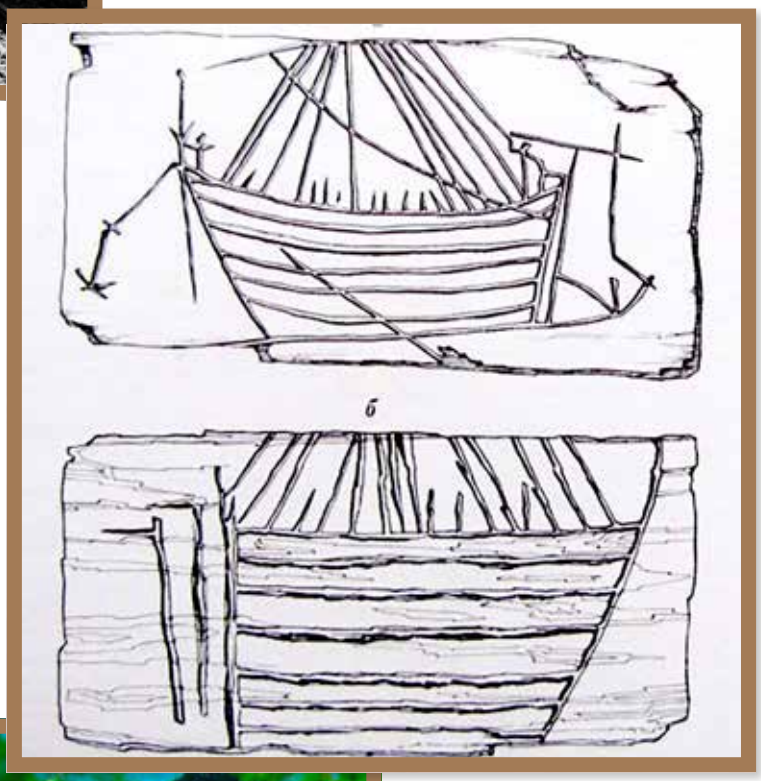

На съемочной площадке фильма «Иван Москвитин. Путь к океану» на р. Улье. Фото А. Свешникова

пости были забиты насмерть батогами. 7 февраля 1653 г., согласно «Известной челобитной» Полякова, Хабаров велел «острог сломать и сожечь кузнецам на уголье и на дрова»[2]. Эти трагические события положили предел недолгому существованию острога Полякова и Москвитина.

Хабаров, не смирившись с протестом казаков, ближе к зиме встал под стенами острога осадой. Засыпанные «хрящем» стены крепости надежно выдерживали обстрелы из пушек, башни и «тарасы» обеспечивали хорошую защиту в случае приступа. Однако обороняющиеся казаки, не желая лишних потерь среди участников похода, вскоре согласились на переговоры. Хабаров обещал в случае сдачи острога уладить дело миром. Но после заключения соглашения обещание вероломно нарушил, многие защитники кре-

[2] Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. — Владивосток: Российская Академия Наук, 1995. — С. 21.

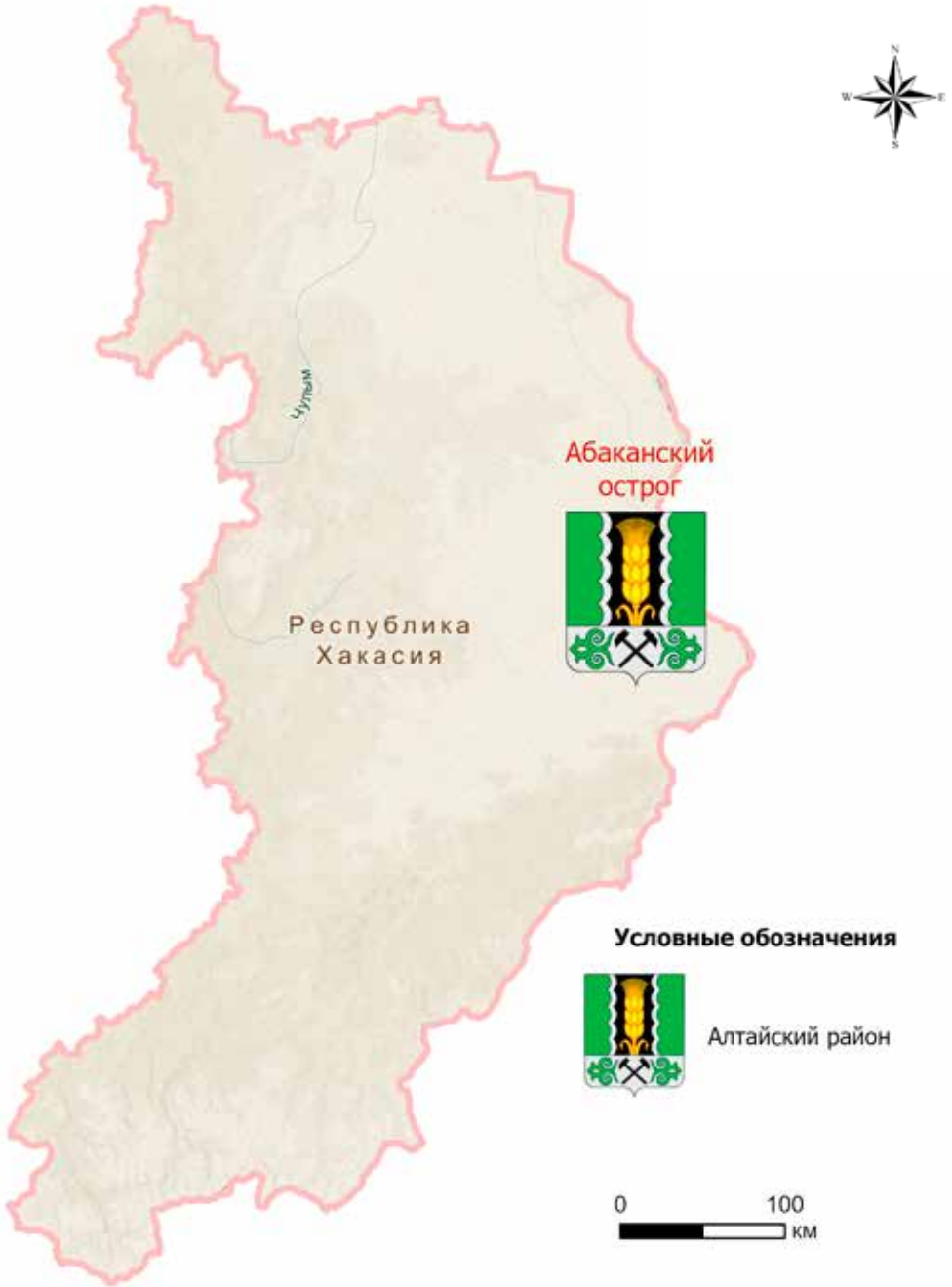
Коч первопроходцев (чертеж на доске)

Съемки фильма «Иван Москвитин. Путь к океану» на р. Улье. Фото А. Свешникова

РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

Заселение Южной Сибири русскими планомерно шло с XVI в., но стремительный характер приняло с начала XVII в. В 1601 г. на р. Томи было поставлено первое зимовье. Но только со второй половины XVII в. начинается продвижение русских переселенцев на юг по многим направлениям.

На территории собственно Саяно-Алтайского региона остроги и крепости стали появляться с конца XVII в. Первые попытки поставить острог ближе к устью Абакана предпринимались еще в 1674–1675 гг., когда на полпути между устьем р. Абакан и Красноярском был поставлен Караульный острог (Бельский Караульный острог), просуществовавший вплоть до XVIII в.

В сентябре 1675 г. на острове Карагас (Сосновый) посреди Енисея, немного ниже устья Абакана, был выстроен острог. В тот же год он подвергся нападениям, а к 1680 г. и вовсе исчез.

Возможно, это было связано с договоренностями 1680 г. между киргизами и администрацией Томского уезда, когда границей российских владений была признана «река Июс» (верховья Чулыма).

После событий 1703–1706 гг., связанных с уводом киргизов во внутренние районы Ойратского государства, был заложен Абаканский острог (1707), позволивший русским контролировать нижнее течение р. Абакан. Вскоре верховья Абакана вошли в состав Кузнецкого уезда, а остальные земли киргизов были включены в Красноярский и Томский уезды. Граница между этими уездами проходила по р. Чулым, причем Черный Июс оставался в ведении томской администрации, а Белый Июс — в ведении Красноярска.

С 1716 г. началась новая волна расширения русского влияния в Южной Сибири, связанная с известиями о богатых месторождениях золота на северо-западной окраине Цинской империи. Еще в начале 1716 г. коменданту Абаканского острога был дан приказ двигаться к подножью Саянских гор для выбора места будущих острогов. В этот же год был дан приказ возвести острог близ оз. Косогол (Хубсугул), а также продвинуться к оз. Кукнор. Основной задумкой российского руководства было выстроить вдоль отрогов Алтайских и Саянских гор сильные форпосты, из которых удобно было бы развивать дальнейшее продвижение на юг.

В 1716 г. был построен острог на Хубсугуле, в 1717–1718 гг. — Саянский острог, призванный защищать территорию от набегов монголов. В 1721 г. острог на Хубсугуле был снесен по требованию китайцев, которые увидели в этом угрозу своим территориям. К этому времени граница между Российской и Цинской империями проходила по горным грядам Алтая, Западных и Восточных Саян.

АБАКАНСКИЙ ОСТРОГ

Макет второго Абаканского острога, построенного по указу Петра I в 1707 г. в устье р. Сыды. Из экспозиции Хакасского краеведческого музея

В настоящее время находится на дне Красноярского водохранилища.

В сентябре 1675 г. на острове Карагас (Сосновый) посреди Енисея, немного ниже устья Абакана, был выстроен острог. В тот же год он подвергся нападениям, в 1678 г. был сожжен при осаде войсками бека Иренека, после чего не восстанавливался. Возможно это было связано с договоренностями 1680 г. между киргизами и администрацией Томского уезда, когда границей российских владений была признана «река Июс» (верховья Чулыма).

Это свидетельство первой попытки установить российское влияние на все среднее течение Енисея. В исторической литературе этот острог иногда именуется «Абаканский острожек».

В августе 1707 г., воспользовавшись ослаблением позиции ойратов, на землях киргизов русские служилые поставили Абаканский острог. Но не на Абакане, и даже не на левобережье Енисея, а на его восточном, правом берегу, в устье р. Сыды, примерно в 60 км ниже впадения р. Абакан. Изменение места строительства было связано с малопригодностью предварительно отобранной территории для строительства острога — здесь были низкие берега, которые регулярно подтапливались, недостаточно леса, а также пахотных угодий для крестьян. Несмотря на то что острог был поставлен в устье р. Сыды, его, как и планировалось по царскому приказу, назвали Абаканским острогом.

Строительство острога заняло всего 15 дней. В работах было задействовано около 300 человек из Красноярского острога во главе с красноярским сыном боярским К. Самсоновым, ⅔ из которых пробирались на место дислокации на конях, а пешие — по реке. В строительстве также участвовали енисейские, мангазейские, томские и кузнецкие казаки во главе с томским дворянином И. Цицуриным.

Острог представлял собой 5-башенное укрепление, обнесенное рвом, валом, надолбами и стенами по периметру, который составил 50×33 саженей при высоте 2 сажени (107×71×2,5 м). Гарнизон острога составил около 400 человек, в основном из красноярских казаков. В 1725 г. острог был перестроен, а после заключения Кяхтинского мирного договора 1728 г. гарнизон его был сокращен вдвое.

В 1800–1805 гг. на основе острога образовалось село Абаканское, с 1827 г. — волостной центр Минусинского уезда Енисейской губернии. В 1933 г. село было переименовано в Краснотуранское, а в 1966 г. упразднено и затоплено при строительстве Красноярской ГЭС.

Прибытие из Красноярска первой партии русских служильных людей — строителей Абаканского острога. Художник А. Новоселов. Из фондов ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова»

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ — ЮГРА

В русских летописях «югра» впервые упоминается в XI в. С тех пор это слово закрепилось как этническое имя обских угров и как название населенной ими земли — ныне Ханты-Мансийский автономный округ. Новгородские ушкуйники в XII в. проложили путь за «Камень» (Уральский хребет) в Югорскую землю для пушного промысла и меновой торговли. Югорские племена (с XVI–XVII вв. — остяки и вогулы) были приведены к клятве-шерти, а московские цари пополнили свой титул званием «Югорский»[1].

Начало последовательного присоединения Сибири к Московскому государству было положено в 1582 г. походом отряда Ермака[2]. Вслед за взятием столицы «Кучумова царства» ермаковцы в 1583 г. предприняли экспедицию в Обь-Иртышье (до Назимского городка), подчинив десятки остяцких юртов и обложив их ясаком. Экспедиция на время привела к ее подчинению утвердившимся в «граде» Сибири русским. Поход ермаковцев в междуречье Иртыша и Оби не привел к упадку угорских княжеств Северного Приобья, а в 1585 г. остатки дружины были вовсе вынуждены оставить «Закаменьскую страну»[3].

Осенью 1585 г., уже после смерти Ермака, казаки под руководством воеводы Ивана Мансурова основали в устье Иртыша на правом берегу Оби первое русское укрепленное поселение — Обской городок. Таким образом, мансийские и хантыйские земли оказались в составе Российского государства, что было окончательно закреплено в 1592 г. основанием городов Пелыма, Березова, а в 1594 г. — Сургута. Появившиеся на Обском Севере городки стали служить местом торговли. На наиболее оживленных направлениях возникли особые станции для перемены лошадей — ямы. В 1637 г. были устроены два яма — Демьянский и Самаровский (ныне г. Ханты-Мансийск)[4].

Особое значение приобрели города Березов и Сургут, основанные через несколько лет после Тюменского и Тобольского острогов, что вскоре привело к заметному расширению территории «русской» Сибири. В истории возникновения Березова и Сургута обнаруживается немало общего. Города, укрепления которых включали и остроги, были «поставлены» во владениях остяцких князей в ходе экспедиций служилых людей, присланных за Урал с Руси, при участии «кодичей», с целью привести под власть московских государей соседние земли вплоть до Конды, Обдора и Пегой орды. Вместе с тем Сургут в отличие от Березова строился и ратными людьми нескольких сибирских городов, а также остяками, подвластными князю Бардаку. Появление Березова и Сургута, которые быстро сделались центрами обширных уездов, содействовало дальнейшей колонизации Сибири, и не только северо-западной. Служившие в Березове казаки и «литва», а в Сургуте — также стрельцы и черкасы, уже вскоре после основания этих городов сыграли существенную роль в присоединении к России новых сибирских земель. Березовский и сургутский гарнизоны вначале выполняли фискальные, военные и административные функции. Местные служилые люди собирали ясак, в том числе с ранее не вносивших его «иноземцев», подавляли их мятежи или предотвращали «измены» остяков и самоедов московским самодержцам, совершали походы (вплоть до Мангазеи), «рубили» новые города и остроги. В Березове (наряду с Тобольском) снаряжались первые экспедиции служилых людей в бассейн Таза, а в Сургуте был сформирован сводный отряд, главным образом из казаков и стрельцов, кодских остяков и тобольских татар, в 1597 г. овладевший резиденцией правителя Пегой орды князя Вони Вышним Нарымом и заложивший поблизости Нарымский острог. Уже в XVII в. березовцы и сургутяне принимали участие в походах в Притомье, среднее течение Енисея, на р. Лену и в Даурскую землю (Восточное Забайкалье). Будучи важными вехами раннего русского градостроительства за Уралом, сооружение Березова и появление Сургута в значительной мере способствовали освоению Югорской земли и ее закреплению за Московским государством[5].

---

[1] История Югры // Объединенный ресурс «Музеи Югры»: сайт. — URL: http://www.hmao-museums.ru/hmaohistory/ (дата обращения: 26.08.2024).

[2] Историческая справка. Ханты-Мансийский Автономный округ — Югра // Система обмена туристской информацией: сайт. — URL: https://www.nbcrs.org/regions/khanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/istoricheskaya-spravka (дата обращения: 26.08.2024).

[3] Солодкин Я. Г. Югорская земля в конце XVI–XVII веков (Предыстория и первые годы русской колонизации Северо-Западной Сибири): монография. — Нижневартовск: НВГУ, 2019. — 172 с. — С. 167.

[4] Историческая справка. Ханты-Мансийский Автономный округ — Югра // Система обмена туристской информацией: сайт. — URL: https://www.nbcrs.org/regions/khanty-mansiyskiy-avtonomnyy-okrug-yugra/istoricheskaya-spravka (дата обращения: 26.08.2024).

[5] Солодкин Я. Г. Югорская земля в конце XVI–XVII веков (Предыстория и первые годы русской колонизации Северо-Западной Сибири): монография. — Нижневартовск: НВГУ, 2019. — 172 с. — С. 167–169.

ГОРОДИЩЕ БЕРЕЗОВСКОЕ

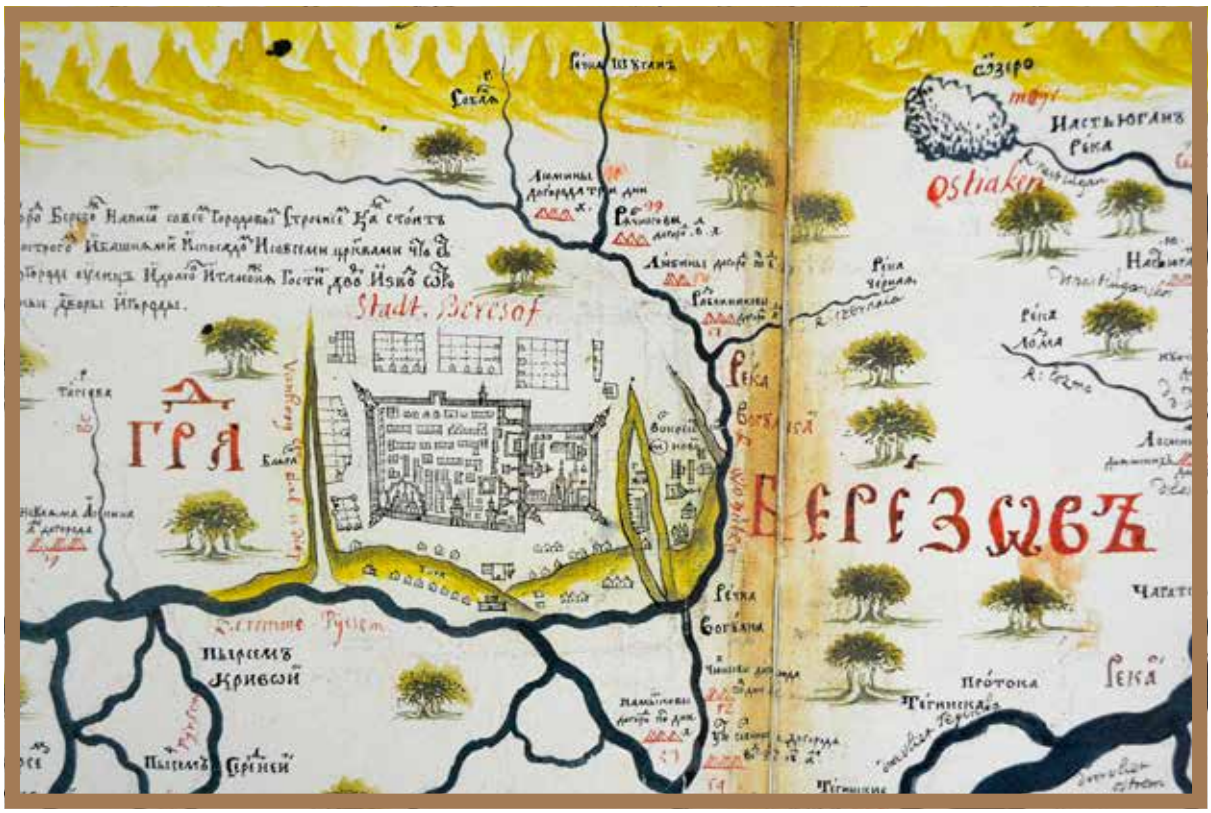
Объект культурного наследия регионального значения достопримечательное место «Городище Березовское» (XVI — середина XX в.) расположен на территории современного пгт Березово Березовского района ХМАО-Югры, включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ Приказом службы государственной охраны ОКН ХМАО-Югры от 28.10.2021 № 21-нп.

Бывший уездный город Березов — центр Березовского уезда Тобольской губернии. Город заложен в 1593 г. на левом берегу р. Северная Сосьва, у ее впадения в Обь, на месте бывшего остяцкого городища Сугмут-ваш (Суматвош). Березов — первый русский город на Оби. Основан по указу царя Федора Ивановича воеводой Н.В. Траханиотовым, князем Михайлой Волконским и письменным головой Иваном Змеевым в 1593 г.[1]

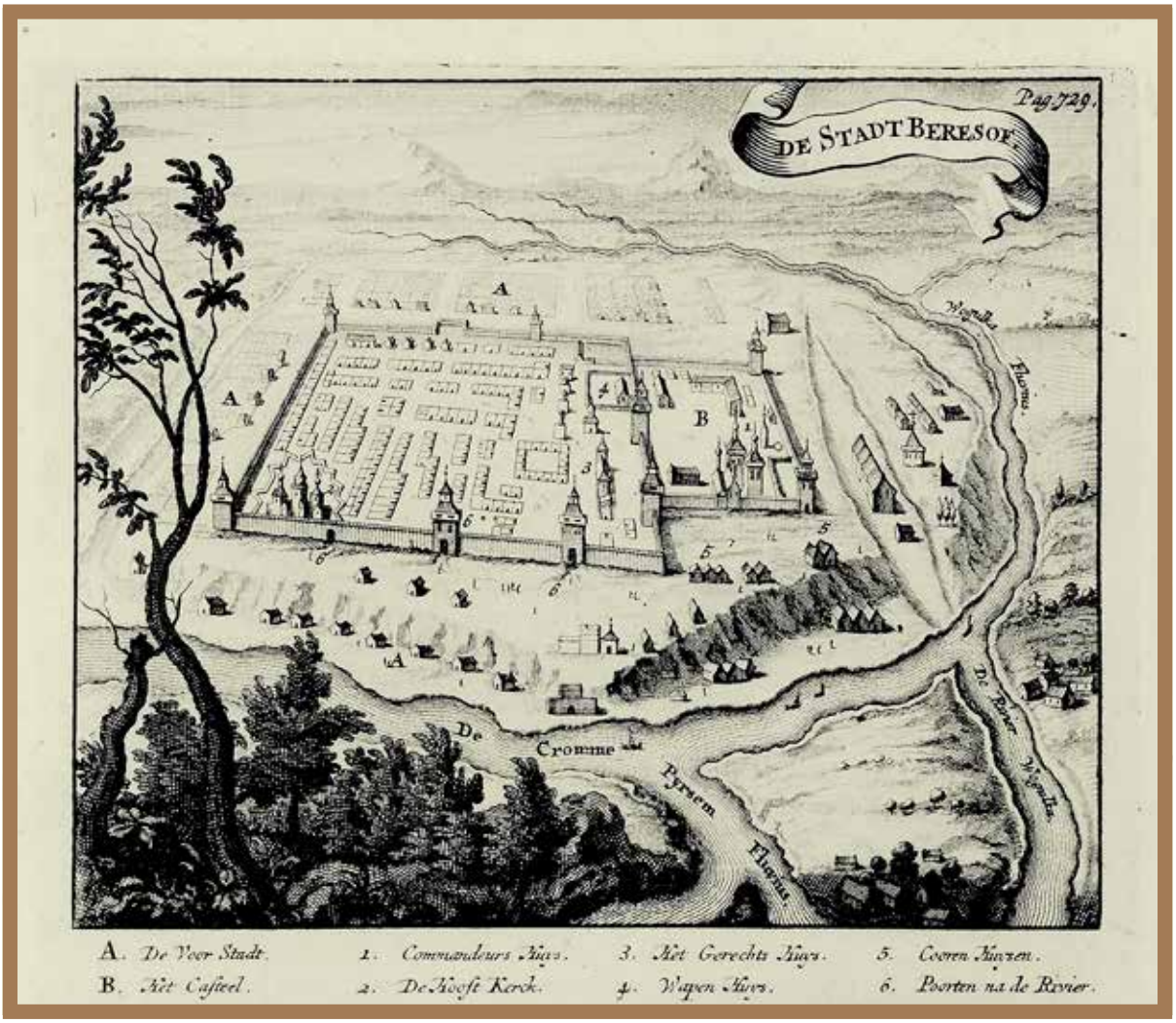
Место основания города — высокий останец террасы левого берега Северной Сосьвы при ее впадении в Обь — выбрано неслучайно. Географическое положение Березова позволяло держать под контролем северный путь из Европейской России в Западную Сибирь через Урал по Бабиновской дороге и далее по рр. Ляпину (Сыгве) и Северной Сосьве. Путь от Тобольска и Сургута на север к устью Оби через Обскую и Тазовскую губы к Мангазее также пролегал через Березов.

Важное стратегическое значение этой территории подтверждает основание здесь укрепленных пунктов — городищ — задолго

[1] Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: «ИД «Сократ», 2008 – 472 с.; Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.– Ханты-Мансийск–Нефтеюганск–Сургут, 2022.– Вып. 20.– 152 с.; Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: Историко-архитектурные очерки.– Красноярск: СФУ, 2010.– 159 с.

Выкопировка плана С. Ремезова 1701 г.

План Березова, Николааса Витсена, 1705 г.

до Березова. Первым, по известным письменным упоминаниям, является остяцкий городок Сугмут-ваш (Суматвош). Его название переводится на русский язык как «Березовый городок». Отсюда, видимо, заимствовано русское название города — Березов.

Кроме городка Сугмут-ваш (Суматвош), по мнению некоторых исследователей, на месте будущего Березова существовала русская «крепосца» Рус-Ваш. Ее основание связывают с походом московского воеводы Семена Курбского «за Камень» в 1499–1500 гг.[2]

Вместе с Пелымом Березов становится 3-м русским городом в Сибири после Тюмени (1586) и Тобольска (1587). С самого своего основания Березов играет роль главного центра русского освоения Севера Западной Сибири[3].

Служилые люди долго в городе не задерживались. Их отправляли командами для выполнения различных поручений. Березовские служилые люди участвовали в военных походах в Западной, Восточной Сибири и даже в Приамурье, в основании новых сибирских городов и острогов (Сургута, Нарыма, Мангазеи, Томска, Енисейска и других), в сопровождении караванов с хлебом, солью, боеприпасами, в сборе и доставке главного ясака на севере — пушнины[4].

Важность Березова подчеркнута тем, что город стал центром большого уезда, охватывающего территорию Севера Западной Сибири от границы с Пустозерским уездом по Уралу на западе и до границы с Мангазейским уездом по р. Пур на востоке. В состав Березовского уезда входила большая часть территории современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В Березове располагалась администрация во главе с воеводой, которая занималась управлением северными землями Западной Сибири, содержанием таможенных застав, установлением пунктов ясачного сбора, отправлением

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: Историко-архитектурные очерки. — Красноярск: СФУ, 2010. — 159 с.

туда таможенных голов (чиновников) и годовальщиков — сборщиков ясака[5].

После переноса центра Мангазейского уезда с р. Таз на восток в устье р. Турухан Березов становится самым северным городом в Западной Сибири. Во второй половине XVII в. северный путь на Енисей в Восточную Сибирь прекращается за ненадобностью и развивается южный речной путь вверх по Оби через Сургут, Кетск, Енисейск. В связи с этим падает значение Березова как транзитного поселения[6].

Девятибашенная деревянная крепость Березова конца XVII в. Графическая реконструкция В.И. Кочедамова, 1978 г.

В XVIII в. город становится известен благодаря сосланным сюда знатным вельможам, близким императорскому двору и сыгравшим значимую роль в истории России, — А.Д. Меньшикову, князьям Долгоруким, графу А.И. Остерману. Надо отметить, что их как очень важных особ отправили не в какое-нибудь глухое сибирское село Березово, как многие себе представляют, а в город, уездный центр. Конечно, для столичных людей это был почти край света[7].

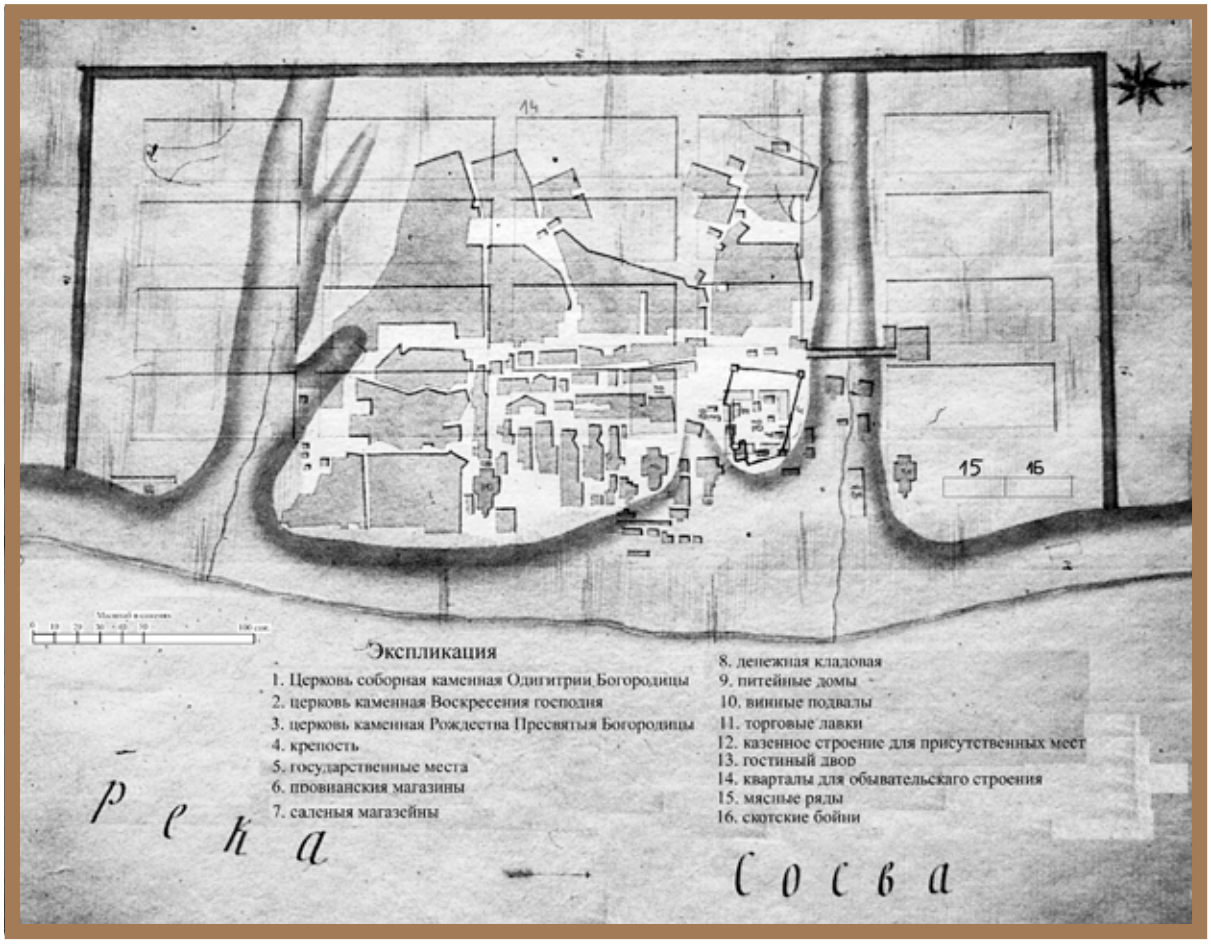
В 30–40-х гг. XVIII в. Березов становится основной базой Великой Северной экспедиции в Западной Сибири. Именно отсюда от-

---

[5] Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: «ИД «Сократ», 2008. – 472 с.; Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.– Ханты-Мансийск–Нефтеюганск–Сургут, 2022. – Вып. 20. – 152 с.; Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: Историко-архитектурные очерки. – Красноярск: СФУ, 2010. – 159 с.

[6] Там же.

[7] Там же; Ермоленко А.В. Град Березов: Опыт междисциплинарного исследования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. – Томск–Ханты-Мансийск, 2006. – С. 234–238.

План 1797 г., выполненный землемером Прянишниковым

правлялся лейтенант Д.И. Овцын, штурманы Ф.А. Минин и И.В. Кошелев на судах «Тобол» и «Обь-почтальон», здесь собирал документы первый историк Сибири Г.Ф. Миллер[8].

В начале и середине XIX в. относительное оживление в жизнь города приносят становление и развитие Обь-Иртышского рыбного промысла, формирование Тобольского рыбного рынка, а в конце XIX в. — появление Обь-Иртышского пароходства. Но со строительством железных дорог на юге Западной Сибири город Березов превращается в маленькое, далекое от основных сибирских дорог поселение.

Поиски культурного слоя Березова впервые предпринял А.Е. Ермоленко в 2004 г. На территории Площади Победы, у склона Богородского лога, был обнаружен культурный слой, прорезанный 11 могильными ямами, датированными автором раскопок концом XIX в. Поселенческий культурный слой был отнесен к остаткам сооружений Березовской крепости, погибшей в пожаре начала XIX в. Остатки самих конструкций найдены не были[10].

Работы по обнаружению оборонительных сооружений Березова конца XVI–XVIII вв. были продолжены в 2005 г. под руководством Г.П. Визгалова. В ходе этих исследований

Городище Березовское. Культурный слой начала XVII в. Жилая постройка, погибшая в пожаре

К началу XX в. Березов окончательно утрачивает свое значение как города и в 1926 г. получает статус села. В 1954 г., в связи открытием первого газового месторождения в Сибири (1953), село Березово получает статус поселка городского типа[9].

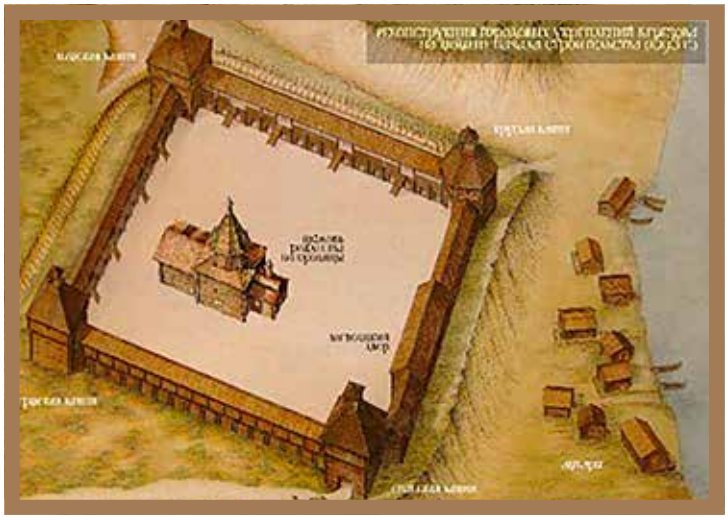
на территории современной Площади Победы и рядом с ней был выявлен культурный слой кремля. Слой мощностью до 0,6 м содержал остатки деревянных сооружений, датированных по комплексу артефактов концом XVI–XVIII в.[11]

[8] Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: Историко-архитектурные очерки. — Красноярск: СФУ, 2010. — 159 с.

[9] Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. — Екатеринбург: «ИД «Сократ», 2008. — 472 с.; Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.– Ханты-Мансийск–Нефтеюганск–Сургут, 2022. — Вып. 20. — 152 с.; Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: Историко-архитектурные очерки. — Красноярск: СФУ, 2010. — 159 с.

[10] Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. — Омск: Издательство «Апельсин», 2008. — С. 166–178; Столбов В.И. Мост через столетия (предварительные данные археологических исследований 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019: мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 12: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 22–23 ноября 2019 г. — Тюмень: Изд-во «Титул», 2019. — С. 51–57; Фролов И.В. Коллекция монет с раскопок ВОАН «Березовское городище» под реставрацию ОКН «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (вт. половина XIX — XX вв.)» (по материалам раскопок 2019 г.) // Меншиковские чтения — 2019: Материалы Российской научной конференции, вып. 12: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 22–23 ноября 2019 г. — Тюмень: ИД «Титул», 2019. — С. 58–62; Чибиряк В.Э., Столбов В.И., Фролов И.В. Охранные (спасательные) археологические раскопки под реставрацию деревянного моста на ряжах в п.г.т. Березово ХМАО–Югры в 2019 г. // Археологические открытия 2019 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. — М.: ИА РАН, 2021. — С. 384–387.

[11] Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. — Омск: Издательство «Апельсин», 2008. — С. 166–178; Столбов В.И. Мост через столетия (предварительные данные археологических исследований 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019: мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 12: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 22–23 ноября 2019 г. — Тюмень: Изд-во «Титул», 2019. — С. 51–57; Фролов И.В. Коллекция монет с раскопок ВОАН «Березовское городище» под реставрацию ОКН «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (вт. половина XIX — XX вв.)» (по материалам раскопок 2019 г.) // Меншиковские чтения — 2019: Материалы Российской научной конференции, вып. 12: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 22–23 ноября 2019 г. — Тюмень: ИД «Титул», 2019. — С. 58–62.

Графическая реконструкция оборонительных сооружений на момент основания города Березов (1593 г.)

В период 2007–2009 гг. под руководством Г.П. Визгалова исследования на мысу, где в XVI–XVIII вв. располагались кремль и острог Березова, были продолжены. Работа проводилась в двух раскопах, один из которых протянулся вдоль западного края площади Победы, а другой — вдоль ее южного края[12].

Общая площадь раскопов составила 556 кв. м. Выяснилось, что западная стена кремля была перекрыта современными постройками, а восточная обрушилась вместе с обрывом берега Северной Сосьвы. Культурный слой сохранил остатки 20 построек жилого, хозяйственного назначения, южную стену кремля в ее различных вариантах, а также небольшой участок западной стены[13].

Постройки, залегавшие в 3 строительных ярусах культурного слоя, сменялись после пожаров 1642 и 1719 гг. От них остались нижние венцы срубов размерами от 4,2х4,2 до 5х5 м, перекрытые слоями пожарищ. В срубах обнаружены остатки печей-каменок, глинобитных и кирпичных печей. В избе XVII в. хорошо сохранился пол и основание стенок кирпичной печи размерами около 1х1,4 м[14].

В верхнем слое XVIII в. были расчищены остатки 4 изб и амбара. В каждой избе найдены развалы кирпичных печей. Перед возведением одной из них совершен магический обряд — под ее углы были положены 4 нательных креста, а под центр — 2 ружейных кремня и печатный перстень, на котором выгравированы корона и инициалы владельца. Перстень, вероятно, принадлежал Петру Леонтьевичу Шахову, служившему подьячим в начале XVIII в., и его подпись стояла под Сметным списком города Березова 1712 г.[15]

В залегавшем ниже слое второй половины XVII — начала XVIII в. обнаружены плохо сохранившиеся остатки 5 изб с развалами печей-каменок, сооруженных на поверхности пожарища 1642 г. и сгоревших, в свою очередь, в пожаре 1719 г. По отрубу железной крицы — полуфабриката, насыщенного шлаками, стало ясно, что в кремле имелась кузница[16].

В нижнем ярусе культурного слоя, вдоль западной стены кремля, залегали остатки 5 изб и амбара, возведенных в 1593 г. и погибших в пожаре 1642 г. В избах найдены развалы 4 печей-каменок и основание кирпичной печи. В 2-х постройках обнаружены дощатые полы плохой сохранности[17].

Рядом с усадьбами пролегал тротуар, ведущий к северо-восточной части кремля, где, согласно сведениям из документов XVII в., стояла соборная церковь Рождества Богородицы. К западу от амбара был обнаружен частокол из обгоревших остатков столбов, вкопанных в глубокую (до 1 м) канаву. Возможно, это был участок сгоревшей в 1642 г. западной острожной стены кремля, упомянутой в документе 1636 г.[18]

Остатки 3 разновременных южных стен второй половины XVII в. обнаружены в раскопе № 3, который заложен вдоль южного края площадки кремля[19]. В западной части раскопа обнаружены остатки 2 острожных частоколов, которые стояли почти вплотную друг к другу и упирались в западную стену проезжей Спасской башни. Один из частоколов, очевидно, был сооружен после пожара 1642 г. из «старых острожин», как сообщал годом позднее воевода М. Квашин. Второй, вероятно, сменил

---

[12] Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. — Омск: Издательство «Апельсин», 2008. — С. 166–178.

[13] Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Ханты-Мансийск – Нефтеюганск – Сургут, 2022. — Вып. 20. — 152 с.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

его спустя 11 лет, о чем говорится в «Сметном списке города Березова» от 1707 г.[20]

Третья острожная стена, проходившая к западу от проезжей башни, чуть южнее линий предыдущих частоколов, сохранилась хуже: в канаве остались лишь обломки столбов разобранной стены. Эту стену, как следует из того же «Сметного списка», возвели в 1668 г. Примечательно, что канавы для этих острожных стен были выкопаны по единому стандарту: на глубину в 0,7–0,74 м, т. е. в аршин[21].

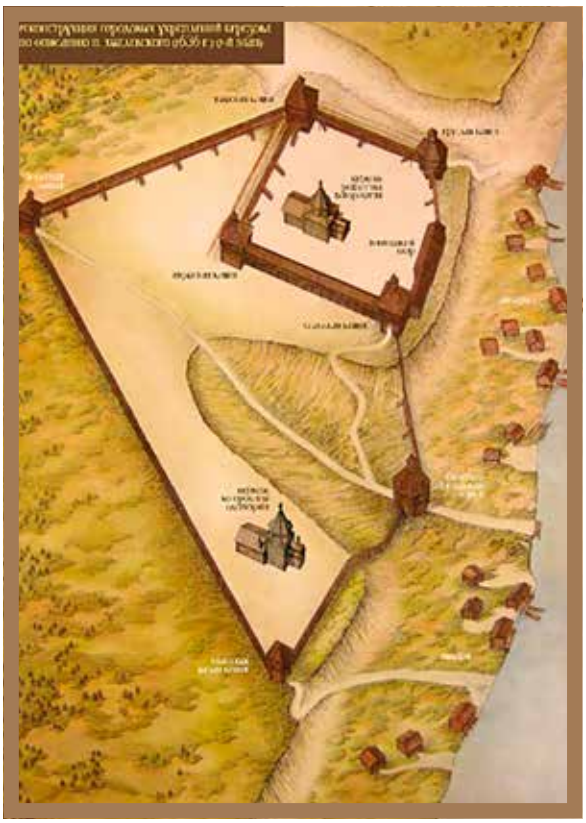
От проезжей башни сохранились трухлявые и обугленные остатки бревен окладных венцов двух ее разновременных вариантов. Первый вариант этой башни представлен контуром сруба размерами около 6х6 м, а второй, перекрывавший его, — размерами около 8х8 м[22].

Из документов XVII в. известно, что Спасская башня в 1642 г. стояла в центре южной стены кремля. После этого, ввиду ветхости, башня перестраивалась на том же месте неоднократно вплоть до пожара 1806 г., уничтожившего кремль окончательно[23].

Южная стена кремля с проезжей башней видна на ремезовском плане города 1701 г. и на рисунке Т. Кенигфельса 1742 г. Между большим контуром проезжей башни и западным концом канавы острожного частокола

Графическая реконструкция оборонительных сооружений города Березов по описанию Павла Хмелевского (1636 г.). Этап 1

Графическая реконструкция оборонительных сооружений города Березов по описанию Павла Хмелевского (1636). Этап 2

1668 г. были обнаружены плохо сохранившиеся остатки сгоревшей наземной постройки. Вероятно, о ней сообщал «Сметный список» 1707 г.: «Да от той проезжей башни… в острожной стене поставлена караульня»[24].

Канавы для острожных стен 1642 и 1653 гг. частично разрушили 3 сменявшие друг друга ранние постройки — 2 наземных и 1 углубленную. Наибольший интерес из них представляет последняя, имевшая оригинальную конструкцию: в котловане глубиной до 1,5 м, шириной 2,7 м и длиной более 5 м стояли тыновые стены. Находки на дне котлована были единичны. Очевидно, это было общественное отхожее место, располагавшееся у северного края ранней срубной стены кремля, которая стояла южнее. В документах первой половины XVII в. оно не упоминается[25].

В 2009 г. начались археологические исследования в посадской части Березова, которые с перерывами продолжаются до настоящего времени.

---

[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.

ЛЯПИНСКИЙ ОСТРОГ

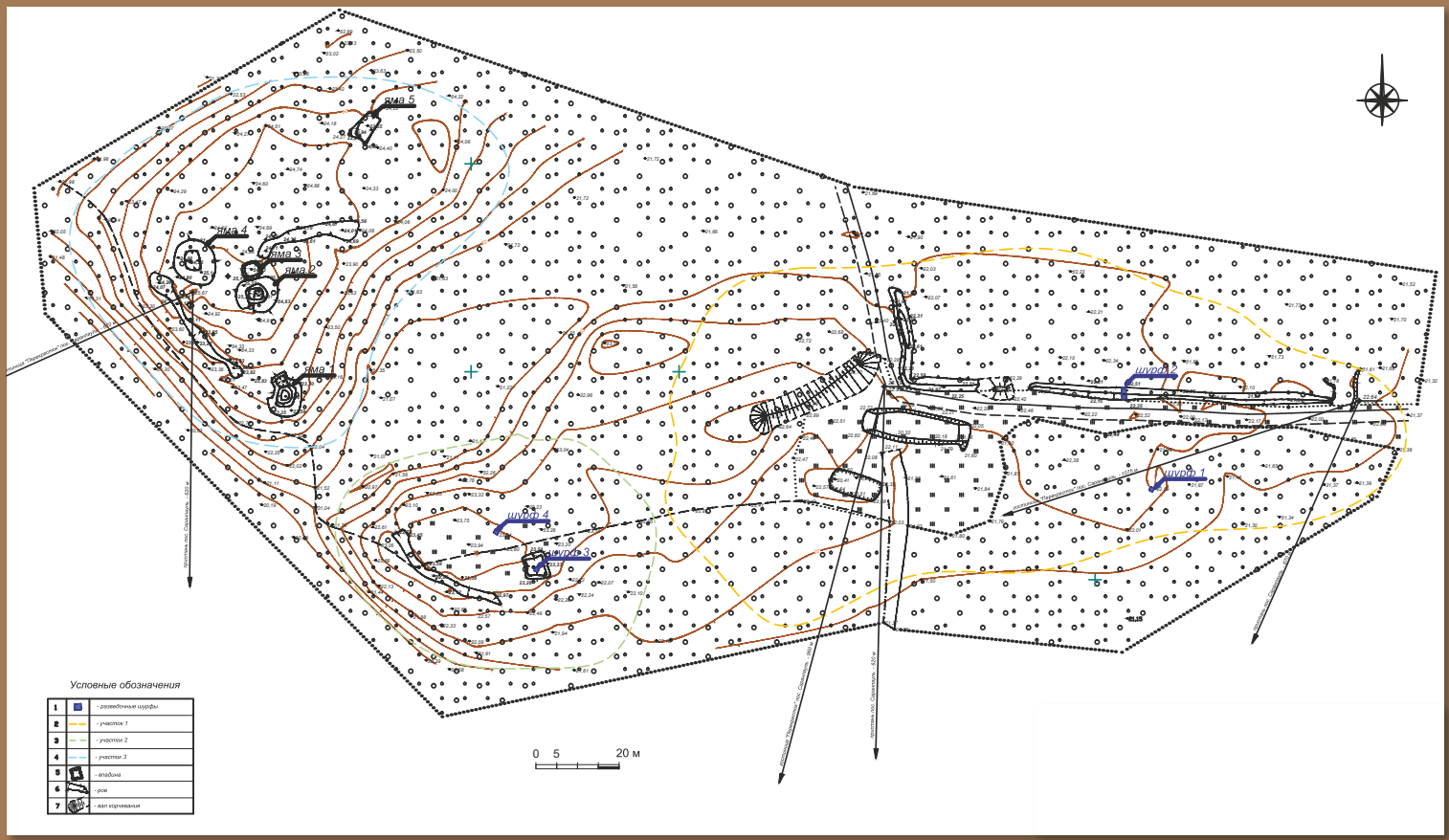
Выявленный объект культурного наследия «Городище Ляпинский острог» (XVIII в.) расположен в Березовском районе ХМАО — Югра на восточном мысу левобережного останца надпойменной террасы р. Ляпин в 1,5 км к ЮВВ от центра пос. Саранпауль. Включен в реестр выявленных ОКН ХМАО — Югра как городище под № 2669 Приказом директора Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа № 137/01–12 от 14 мая 2004 г.

Однозначного мнения о дате основания и периоде существования русской крепости на р. Ляпин (левом притоке Северной Сосьвы) нет. Существуют 3 версии раннего основания острога. Первая связывает его строительство с походом Степана Ляпы и Александра Абакумовича в 1363 г. Вторая версия утверждает основание Ляпинского острога в 1445 г. во время похода воеводы Василия Шенкурского. Третья указывает на основание острога в период похода в Сибирь московской рати под началом князя Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Заболоцкого-Бражника в 1499–1501 гг.[26]

Наиболее правдоподобно выглядит версия, что Ляпинский острог основан в первой половине XVIII в. Именно в это время вышли указы Анны Иоанновны от 18 августа 1730 г. и от 11 января 1731 г., предписывавшие по-

[26] Кочедамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. – 1968. – Вып. 13. – С. 67–73.

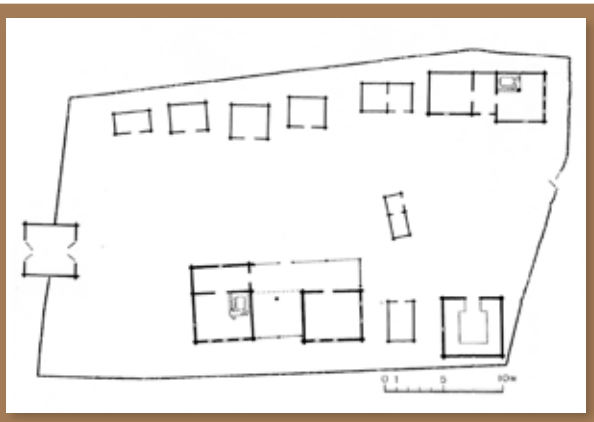
Топографический план Ляпинского острога

строить острожки в Обдорской, Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостях. Целью строительства острогов в то время была защита новокрещеного ясачного хантыйского населения от набегов соседей-ненцев, отношения с которыми к этому времени резко обострились[27].

Советский архитектор и специалист по истории архитектуры В.И. Кочедамов относил возникновение Ляпинского острога к более раннему времени. Он указывал, что крепость была построена одновременно с Юильской[28]. Еще ранее А.А. Дунин-Горкавич на основании местных хантыйских преданий выдвигал версию об основании Юильского острожка именно в XVIII в.[29]

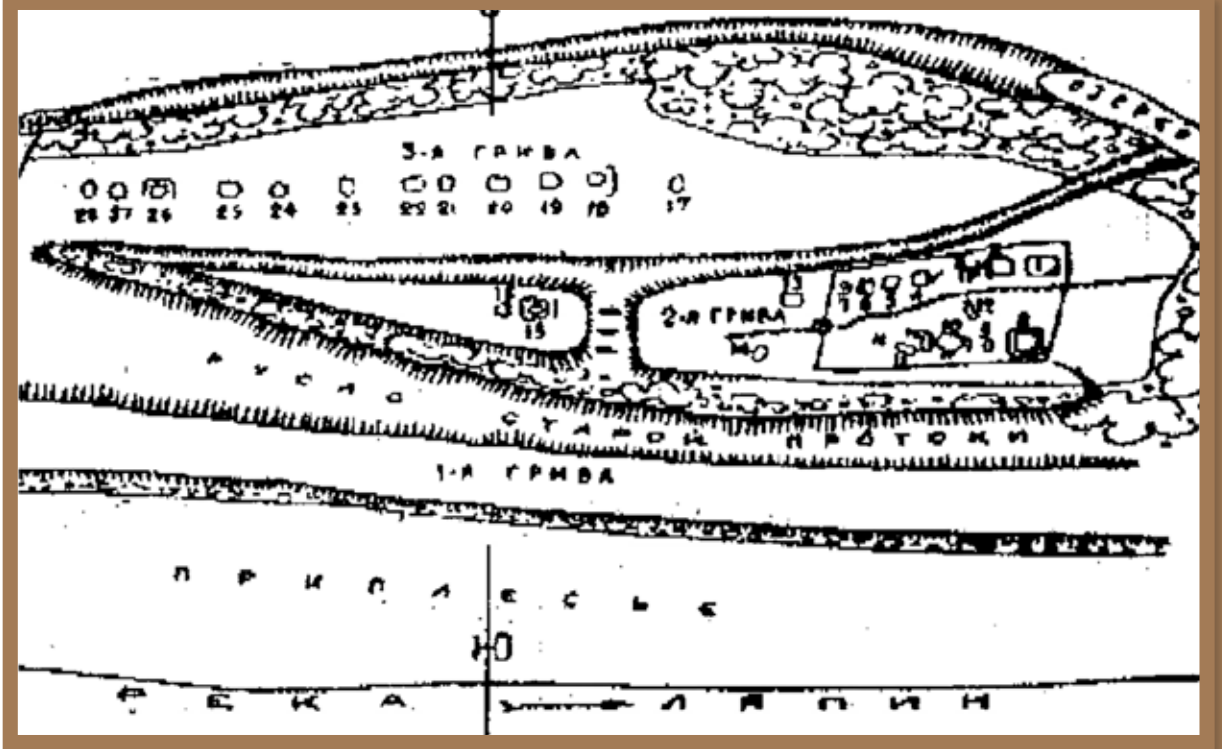
В литературе встречается отождествление вогульского городка Лопынг-уш, около с. Ломбовож, с русским Ляпинским острогом, который находился напротив современного с. Саранпауль[30]. Это разночтение также является причиной отсутствия у исследователей

Ляпинский острог. Генплан. Реконструкция Н.Н. Крадина

Ляпинский острог. Рисунок Н. Шахова. Сер. XIX в.

Ляпинский острог. Общий план крепости, составленный А.Ф. Палашенковым в 1939 г.

[27] Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. — Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2009. — С.276–285.

[28] Кочедамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. — 1968. — Вып. 13. — С. 67–73.

[29] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. II: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — М.: Либерия, 1996. — С. 242.

[30] Фаистов Т.Н. Ляпинско-Сосьвинская экспедиция А.Ф. Палашенкова 1939 г.: памятники археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 15. — Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2017. — С. 450–459.

Ляпинский острог. Левый берег р. Ляпин. Территория обследования. Вид сверху

Ляпинский острог. Предположительное место острога по Е.А. Жирных. Вид с юго-запада

единого мнения о дате основания Ляпинского острога[31].

Известно, что в начале XVIII в. на территории острога была построена деревянная Богоявленская церковь, сожженная шаманами. Острог в роли сторожевой заставы просуществовал до середины XVIII в., пока в 1751 г. царский указ не упразднил все заставы в Березовском уезде.

Еще и в XIX в. на месте острога проводились зимние ярмарки и сбор ясака. Для этой цели на другом берегу р. Ляпин были поставлены избы и несколько торговых амбаров и лавок. Острог был заброшен, однако длительное время почитался местным населением[32].

Благодаря изображению Ляпинского острога на рисунке березовского казака Николая Шахова, сделанном им в период между 1840–1850 гг., известно, что в то время деревянные оборонительные сооружения острога еще существовали.

В 1927 г. остатки Ляпинского острога были полностью уничтожены. Их сожгли сами местные жители при расширении площади покосов[33].

О факте взятия Ляпина городка московской ратью во время похода в Югру 1499 г. сообщает Г.Ф. Миллер в знаменитом труде «История Сибири» (1730–1740-е гг.): «Местечко еще являлось вогульским селением Березовского уезда, расположенным на реке Сыгве (Ляпин)». Далее Г.Ф. Миллер отметил, что это место было известно торгами русских и зырян с вогулами и остяками. Здесь сходились в зимнее время 2 дороги — с Шокура на Сыгву и с Илыча на Сосьву. Там располагались русские торговые лавки, «от которых теперь не осталось и следов». Заметим, что об остроге Г.Ф. Миллер не упоминает, что также является косвенным свидетельством в пользу его появления уже после написания указанного исторического сочинения[34].

Известный сибиревед Н.А. Абрамов в середине XIX в. назвал датой постройки первых русских острогов 1592 г., когда царем Федором Иоанновичем был отправлен отряд казаков для «завоевания Северной Сибири». Другой вариант датировки был предложен этнографом К.Д. Носиловым, который побывал на остатках острога в 1884 г. и определил их возраст примерно в 300 лет, т. е. отнес строительство крепости к 80-м гг. XVI в.[35] Мнение Н.А. Абрамова и К.Д. Носилова поддержал и историк из Омского краеведческого музея А.Ф. Палашенков[36].

Сторонником версии более раннего основания острога выступал В.И. Кочедамов. Он выдвинул 3 возможные даты: 1363 г., 1445 г. и 1499–1501 гг. — и связал их с русскими военными походами в Югру[37].

Результаты дендрохронологического обследования Юильского острога, проведенные в 2008 г. специалистами Сибирского федерального университета (г. Красноярск), позволяют считать временем его сооружения 1745 г. Исследователи считают, что острог мог быть заново отстроен после пожара 1742 г.[38]

Если исходить из версии об одновременном основании Юильского и Ляпинского острогов, это является еще одним подтверждением постройки русской крепости на р. Ляпин в XVIII в.

Как отмечалось выше, самым ранним из дошедших до наших дней изображений Ляпинского острога является рисунок березовского казака Николая Шахова. Рисунок выполнен в 1840–1850-х гг. на одной из «шторок» панно.

Одно из первых письменных известий о состоянии острога принадлежит заседателю Тарского земского суда Г. Шершеневичу, который был командирован в Березовский край в начале 1843 г. и попутно сделал короткие описания и обмеры остатков Юильского и Ляпинского острожков. Судьба материалов Г. Шершеневича по обмерам острогов и их возможное местонахождение неизвестны[39].

---

[31] Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. –Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2009. – С.276–285.

[32] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – С. 90.

[33] Там же.

[34] Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2009. – С.276–285.

[35] Там же.

[36] Палашенков А.Ф. Ляпинская крепость // Изв. Омского отд-ния Геогр. об-ва СССР. – Омск, 1963. – Вып. 5 (12). – С. 153–159.

[37] Кочедамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. – 1968. – Вып. 13. – С. 67–73.

[38] Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1(41). – С. 72–77.

[39] Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2009. – С.276–285.

Самый ранний дошедший до нас чертеж выполнен членом Русского географического общества К.Д. Носиловым в 1884 г. и опубликован им же в 1890 г.[40]

Первые официальные археологические работы на Ляпинском остроге проведены в 1897 г. священником с. Щекурьинского Березовского округа В.Н. Герасимовым[41]. В 1939 г. археологические исследования вновь были инициированы омским краеведом А.Ф. Палашенковым. Четверть века спустя исследователь опубликовал небольшую заметку с результатами этих изысканий[42]. В 1988 г. на основании обобщения имеющихся сведений архитектор Н.П. Крадин реконструировал возможный облик крепости. По его мнению, конструктивное устройство и габариты башни были аналогичны другим, сохранившимся в Сибири[43].

В 1981 и 1991 гг. археологические разведки и раскопки проводились свердловским исследователем Е.А. Курлаевым, а в 2003 г. разведочные работы вел его земляк Е.А. Жирных. Однако им не удалось найти ни остатков построек, обнаруженных А.Ф. Палашенковым, ни датирующего материала[44]. В 2007–2008 гг. разведки с целью локализовать место существования Ляпинского острога возобновились под руководством Г.П. Визгалова. В ходе обследования ни визуально, ни шурфовкой точного места расположения сооружений острога выявить не удалось. В большинстве шурфов найдены в основном предметы второй половины XX в. Лишь единичные находки были отнесены к периоду существования острога[45].

Практически на всей исследованной территории культурный слой, связанный с существованием острога, поврежден. Со слов местного населения, в 1940–1950-х гг. на этом месте располагалась база складирования взрывчатых веществ одного из отрядов Полярно-Уральской экспедиции по разведке и добыче горного хрусталя. Местность была срыта бульдозерами и изъезжена гусеничной техникой[46].

---

[40] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе охранно-спасательные работы на аварийном объекте археологии — Ляпинский острог в Березовском районе ХМАО–Югры в 2008 году. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

[41] Там же.

[42] Палашенков А.Ф. Ляпинская крепость // Изв. Омского отд-ния Геогр. об-ва СССР. — Омск, 1963. — Вып. 5(12). — С. 153–159.

[43] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — С. 90.

[44] Жирных Е.А. Отчет о НИР: Археологическая разведка в Березовском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2003 г. — Екатеринбург, 2003.

[45] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе археологическая разведка в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра. Исследования Ляпинского острога. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

[46] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе археологическая разведка в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра. Исследования Ляпинского острога. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008; Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе охранно-спасательные работы на аварийном объекте археологии — Ляпинский острог в Березовском районе ХМАО–Югры в 2008 году. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

Ляпинский острог.
Восточная часть пос. Саранпауль. Вид сверху

Результаты проведенных работ позволили констатировать отсутствие видимых на современной поверхности объектов археологии, сформировавшихся в XVIII–XIX вв. Скорее всего, Ляпинский острог стоял на восточном мысе левобережного останца надпойменной террасы р. Ляпин напротив современного причала пос. Саранпауль, где выявлен потревоженный культурный слой XVIII–XIX вв. Полученные в ходе шурфовки и сборов на юго-восточном участке находки XVIII–XIX вв. могут указывать место временного расположения аборигенного населения, приезжавшего на период сдачи ясака и меновой торговли[47].

Определить точные границы острога по визуальным признакам достаточно сложно, поскольку современный ландшафт сформирован в ходе антропогенной деятельности начала — середины XX в.[48]

Проведенные археологические исследования позволяют сделать вывод о том, что Ляпинский острог просуществовал небольшой промежуток времени. Этим определяется малое количество находок. Показательно, что при раскопках Казымского (Юильского) острога XVIII в. находки также были единичны. Вероятно, обе крепости имели непостоянный и очень малочисленный гарнизон, жизнедеятельность которого оставила минимальные свидетельства. Позже, в период существования базы геологоразведочной экспедиции, и без того незначительный культурный слой Ляпинского острога был почти полностью срыт гусеничной техникой.

Ярмарочная торговля, сдача ясака и связанные с ней поселения зырян и вогулов, описанные Г.Ф. Миллером и К.Д. Носиловым, скорее всего, были приурочены к правому берегу р. Ляпин, к месту современного пос. Саранпауль. Данные исторических источников не противоречат этому[49].

Дальнейшие перспективы изучения Ляпинского острога на данной территории по причине антропогенного воздействия XX в. практически отсутствуют.

---

[47] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе охранно-спасательные работы на аварийном объекте археологии — Ляпинский острог в Березовском районе ХМАО–Югры в 2008 году. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

[48] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе археологическая разведка в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра. Исследования Ляпинского острога. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

[49] Визгалов Г.П. Отчет о научно-исследовательской работе охранно-спасательные работы на аварийном объекте археологии — Ляпинский острог в Березовском районе ХМАО–Югры в 2008 году. — Нефтеюганск: МУ Нефтеюганского района «Центр историко-культурного наследия», 2008.

Ляпинский острог. Левый берег р. Ляпин. Вид на пойму с северо-запада

КАЗЫМСКИЙ (ЮИЛЬСКИЙ) ОСТРОГ

Название объекта в исторических источниках встречается разное. В одних случаях «Казымский», в других — «Юильский», в одних случаях «городок», в других — «острог».

Первое название острога «Казымский» происходит, по-видимому, от названия р. Казым и одноименного хантыйского поселения, на месте которого впервые был организован сборный ясачный пункт, а впоследствии построен острог. Отсюда и заменяющие друг друга понятия «городок», «острог». Первое относится к хантыйскому поселению, а второе — к русскому укреплению.

При р. Казым существовало несколько населенных пунктов с одинаковым названием. А.А. Люцидарская, основываясь на «Списке населенных мест Тобольской губернии 1871 года», называет 3 населенных пункта с названием «Казым». Казымский городок, расположенный при р. Казым, улус Казымский при р. Большой Оби (ныне п. Полноват Белоярского района ХМАО-Югры) и юрты Казымские, также при р. Большой Оби[50].

[50] Люцидарская А.А. Юильский острог на р. Казым (к вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 157.

Ситуационный план археолого-этнографического комплекса «Казымский (Юильский) острог»

Река Казым в среднем течении

Другому названию — «Юильский» — современные казымские ханты затрудняются дать объяснение его происхождения и перевод на русский язык. Однако существует версия, которая связывает происхождение названия этого населенного пункта с топонимом коми Юйылкар — «Городок в верховьях реки» (коми ю — «река», йыл, йыв — «вершина», «верховье», кар — «городок»). Со временем первая часть топонима «юйыл» в русском варианте превратилась в прилагательное «юильский», а слово «кар» было переведено и использовалось в русском варианте как городок. В некоторых справочниках Юильский городок имеет параллельное название Вершинские юрты[51]. Кроме этого, городок с аналогичным названием находился на р. Ляпин, и в конце XV–XVI вв. входил в состав мансийского Ляпинского княжества. В «Книге Большому Чертежу» С.У. Ремезова он именуется город Юиль. Его старинное мансийское название Сек-телек-уш означает «Городок в верховьях Сыгвы (Ляпина)[52].

Таким образом, название «Юильский городок» означает «Верхний городок». В подтверждение мансийского происхождения названия «Юильск» существует еще одна версия. З.П. Соколова обратила внимание на большое сходство в звучании фамилий казымских хантов и ляпинских манси. На основе анализа исторических источников и статистических данных по фамильному составу населения р. Ляпин и р. Казым автор приходит к выводу, что в XVI–XVIII вв. часть сосьвинско-ляпинского населения переселилась на р. Казым. По мнению З.П. Соколовой, на р. Казым переселилась этническая группа, которая была причастна к основанию Юильского городка на Ляпине, и поэтому он имел то же самое название. По ее мнению, это было уже смешанное хантыйско-мансийское население[53].

---

[51] Матвеев А.К. Географические названия Тюменского севера. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. — 191 с. — С. 160–161.

[52] Там же. С. 161.

[53] Соколова З.П. Загадка Юильского городка // СЭ, 1977. — № 4. — С. 136.

Аналогичной точки зрения придерживается Т.Н. Дмитриева, которая провела историко-лингвистическое изучение топонимии р. Казым[54]. Относительно современной формы названия «Юильск» Т.Н. Дмитриева приходит к выводу, что коми названия Юйил-кар (Ю йыл кар) «Городок верховья реки» и хантыйское Вут вош «Верхний городок» были параллельными названиями для хантыйского селения в верхнем течении Казыма. «Варианты Юльевские юрты, Юльевский городок, Июльевский городок, Юльевск, Июльевск, отмеченные в некоторых источниках XIX — первой половины XX вв., а также употребляемые современным хантыйским населением русские формы Юильск, Юлинск, Юльинск, Юльевск, Июльск — отражение процесса фонетической переработки иноязычного топонима с неясной внутренней формой, чему способствует и народная этимология. "Поселок начали строить, наверное в июле", предполагают некоторые ханты»[55]. Отсюда и ответ на вопрос, почему в исторических источниках встречаются 2 городка с одним и тем же названием на р. Ляпин и р. Казым. Поэтому в современных изданиях наряду с названием «Юильский» предпочитают указывать название «Казымский», уточняя при этом, о каком именно поселении идет речь.

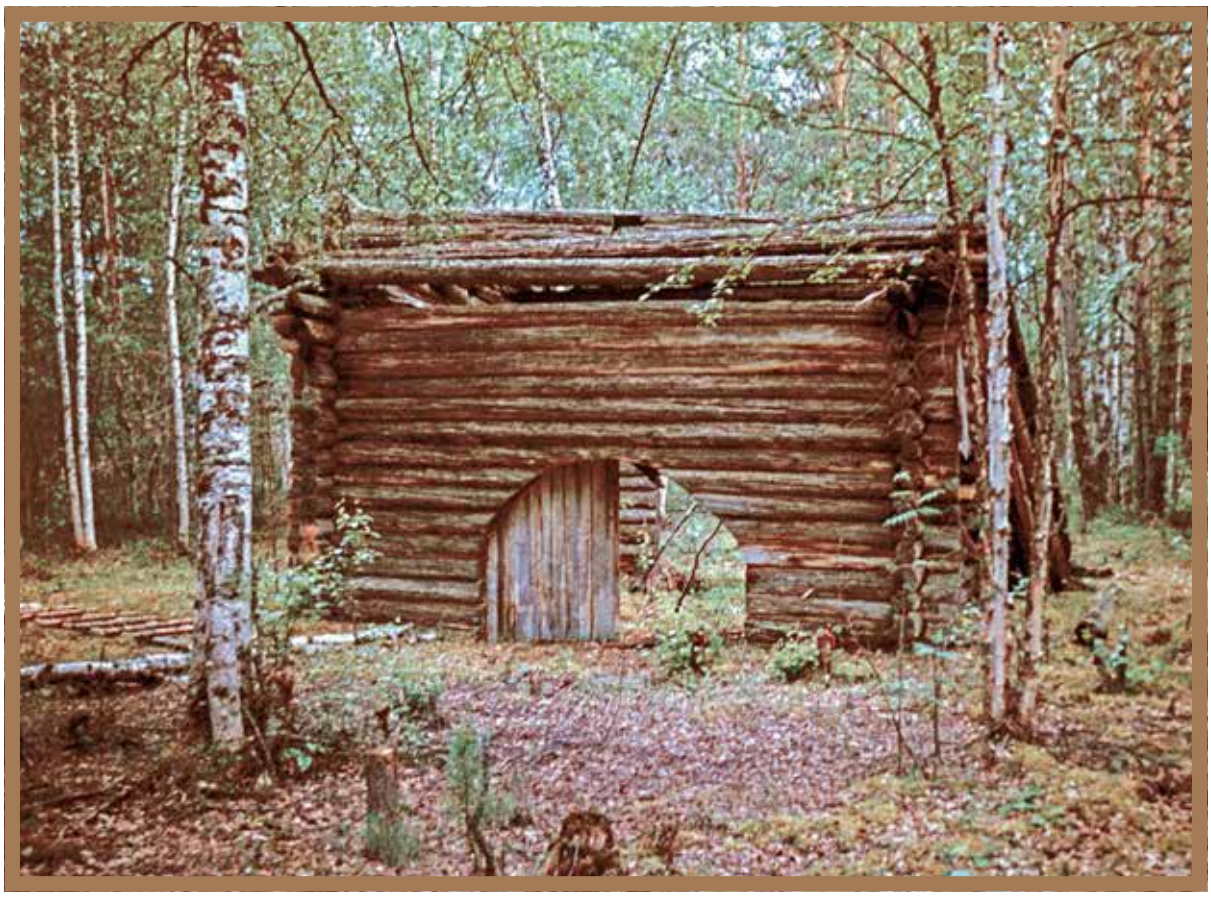
Острог и примыкающий к нему Юильский городок до сих пор почитаются казымскими хантами. Судя по информации, полученной от местного населения, святилище на площади острога возникло в память о предках, некогда живших на этом месте. В определенное время здесь проводятся обряды, которые сопровождаются подношениями в виде монет, тканей различного цвета, шкур и рогов жертвенных оленей. Часто встречаются бутылки от алкогольных напитков, тоже используемых для подношений усопшим предкам и духам-хранителям данной территории. На площади Юильского городка расположено святилище духа-покровителя рода Молдановых «Вошн Аки» («Деревенский дед»). Приклады встречаются и на склоне террасы. Проходя мимо острога, ханты обязательно останавливаются и делают приношения.

Вывезенные в 1973 г. с территории Юильского острога Северная и Южная башни были восстановлены и в настоящее время находятся на территории историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. На основании постановления Правительства Новосибирской области от 10.12.2012 № 552-п «О включении в единый государственный реестр объектов культурно-

[54] Дмитриева Т.М. Топонимия бассейна реки Казым. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 580 с. — С. 457–459.
[55] Там же, С. 459.

Вид на террасу правого берега р. Вон-Вошъюган в районе расположения Казымского острога

Северная башня Казымского острога (1972 г., до переноса в г. Новосибирск)

го наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия — памятника «Башни Казымского (Юильского) острога», об утверждении границ и режима использования его территории» памятник истории «Башни Казымского (Юильского) острога» (XVIII век), расположенный в районе поселка Ложок на территории Барышевского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве отдельного объекта культурного наследия регионального значения, утверждены границы и режим использования территории объекта культурного наследия».

В исторических источниках и исторической литературе присутствуют самые разные, порой противоречащие друг другу сведения о времени возникновения Казымского (Юильского) острога[56]. На рубеже 1600–1601 гг. был создан Большой чертеж Московского государства. Через четверть века он сильно обветшал, некоторые места были утрачены или стали непонятны. По царскому указу подьячий Разрядного приказа А. Мезенцов составил его описание под названием «Книга Большому чертежу»[57]. При этом А. Мезенцов не смог точно прочесть названия, и имевшийся на чертеже г. Казым тоже оказался в устье этой реки. Из более поздних источников известно, что город Казым, или Казымский городок, находился на р. Казым в 150 верстах от устья[58]. В «Описании низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь» Г.Ф. Миллер пишет: «Река Казым, по остяцки Kásim-jugan, по-самоедски Nóde- или Náde-ja, впадает в это озеро с южной стороны, не имея кроме того особого устья в Обь. Ее ширина от 50 до 100 са-

---

[56] Баландин С.Н., Вилков О.Н. Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начала XX в.). — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 268–280; Кениг А.В., Новиков А.В. Краткий очерк истории изучения Казымского (Юильского) острога // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI — XX вв.: мат-лы межрег. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. — Новосибирск: Агентство «СИБПРИНТ», 2013. — С. 157–162.

[57] Ураносов А.А. К истории составления «Книги Большому Чертежу»: памятник исторической географии XVII в. // Вопросы истории естествознания и техники. — 1957. — Вып. 4. — С. 136–137.

[58] Миллер Г.Ф. История Сибири. — Изд. 2-е, доп., — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. — 630 с: рис., карты. — С. 245.

Южная башня Казымского острога (1972 г., до переноса в г. Новосибирск)

женей. В низовьях живут остяки, волость которых от реки называется Казымской»[59]. Говоря о притоках Казыма, Г.Ф. Миллер указывает рч. «Wasch- или Uasch-jugan, с южной стороны, в 4 верстах от предыдущей; возникает на расстоянии 3 дней пути. Название основано на том, что на этой речке в старые времена было остяцкое укрепление, следы которого и сейчас еще видны в 3 верстах от устья на восточном берегу речки. Остяки называют эту старую крепость Kásim-uosch, а по-русски она называется Казымское городище, а также Юильский городок, причина чего неизвестна. Недалеко от этой старой крепости еще и сейчас имеется знатнейшая остяцкая деревня этих мест, а именно Казымские юрты, по остяцки Kásimi-kurt, на восточной стороне рч. Wasch-jugan, в некотором удалении от нее, в 28 меренных верстах от Памыцких юрт. Это последние остяцкие жилища по р. Казыму»[60]. Что касается городков Мозым и Келчикар, то у Миллера они отмечены как Мазанские и Келчикарские юрты[61].

Впрочем, С.У. Ремезов на «Чертеже земли Березовскаго города» 1701 г. р. Казым называет Назымом, которая вытекает из Назымского озера. Истинное название реки мы узнаем из надписи «Казымская Обь», написанной в месте впадения реки в Обь. Ни одного городка на чертеже не показано, но отмечены Мозанские юрты в устье реки, далее выше по реке Келчикарские юрты, далее Аинские юрты, затем Черикаровы юрты, еще выше Юильские юрты на одноименных притоках Назыма (Казыма)[62]. При этом следует иметь в виду, что «Чертеж земли Березовскаго города» является копией с подлинного чертежа, сделанного незадолго до этого безвестным березовским чертежником[63]. Но уже через несколько лет после создания «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезов на основе собственных расспросов служилых людей, «бывальцев»,

[59] Там же. С. 249.

[60] Миллер Г.Ф. Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о которой упомянуто в описании путешествия в Березов) вниз по течению. Из устных известий. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера (История Сибири. Первоисточники. VI выпуск) / Отв. ред. Академик РАН Н.Н. Покровский. Изд. подг. А.Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – С. 249, 251.

[61] Там же. С. 249.

[62] Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: Археол. комиссия, 1882. – 95 с. – Л. 8.

[63] Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ (1642 – после 1720). – М.: Наука, 1965. – 258 с. – С. 88.

создает ряд дополнительных чертежей притоков Оби и Иртыша. В их числе был создан чертеж р. Казым (р. Обь, глава 38), на котором в среднем ее течении, на правом берегу, специальным значком в виде круга с точкой внутри и надписью «Городок Казымской» отмечен остяцкий городок.

Казымский городок упоминается и в Строгановской летописи: «Того же лета (1583) храбрствующу Ермаку з дружиной своею, и обнажиша мечи свои на нечестивыя и толико в крепости меча своего многие городки и улусы татарские по реке Иртышу и по Великой Оби и Казым град остяцкой взяша со князем их...»[64] Однако в оригинале летописи указан Назымский городок, и при ее публикации Назым был исправлен на Казым по другому списку из сборника императорской публичной библиотеки[65]. В подавляющем большинстве известных списков Строгановской летописи речь идет о Назымском городке. Еще более определенно свидетельствуют об этом Есиповская летопись, Погодинский летописец, Синодик Ермаковым казакам[66]. Последний был составлен в 1621–1622 гг. по инициативе архиепископа Киприана на основе рассказов еще живых соратников Ермака, что позволяет представить «сжатый конспект событий похода Ермака»: «Во второе же лето Сибирскаго взятья божиею помощию еще храбрьствовавши Ермаку своею дружиною и обнаживше мечи на нечестивыя, воеваше по Иртишу и по Великой Оби, их нечестивыя улусы и городки татарския и остяцкия до Назима воеваше, и Назим, городок остяцкой, взяша со князком их и со многими их остяками, попленища и в плен поимаша»[67]. Этот Назымский городок находился примерно в 100 км от г. Сибирь (Искер) вниз по Иртышу, остяки называли его Кушель-ваш или Вач-ваш[68]. Казакам этот городок запомнился потому, что он был первый на их пути.

Собственно, р. Казым и Казымское хантское княжество стали известны русским

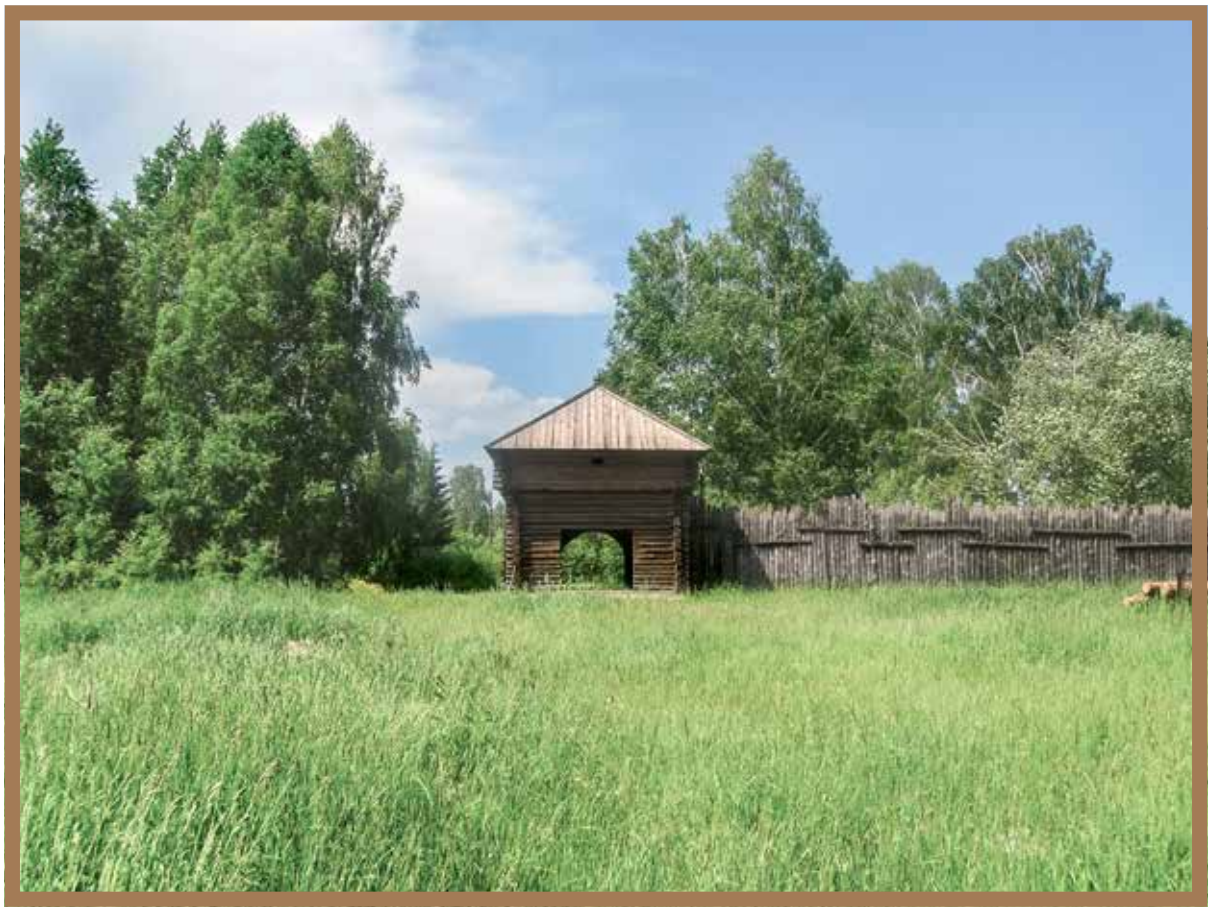
[64] Сибирские летописи (Строгановская летопись по списку Г.И. Спасского) / Издание Императорской археографической комиссии. – СПб.: [тип. И.Н. Скороходова], 1907. – 397 с. – Примечания, С. 28.

[65] Там же.

[66] Сибирские летописи. Ч.1: Группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановский. – М.: Наука, 1987. – Т.36. – 381 с. – С. 86, 94, 112, 124, 134.

[67] Там же. С. 380.

[68] Очерки истории Югры / Н.Н. Баранов, В.К. Белобородов, Е.В. Вершинин [и др.]. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с. – С. 139.

Северная башня Казымского острога в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск)

чуть позже, вероятно на рубеже 1586–1587 гг. К этому времени «добровольно согласились платить ясак хантские князьки, властвовавшие по нижнему течению Оби, от устья Иртыша до моря: Ляпинский князь Лугуй, Кодский Игичей, Казымский Цынгоп-мурза, и Обдорский Василий»[69]. В 1587 г. царь Федор Иванович даровал казымскому князю грамоту, по которой казымские ханты могли платить ясак непосредственно в Москву[70]. Итак, ни «Книга Большому Чертежу», ни «Сибирские летописи» не дают оснований говорить о Казымском остроге. Летописцам был известен только Казымский городок — центр Казымского княжества.

А.И. Андреев в примечаниях к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, пытаясь осмыслить географические названия сибирских поселений, упомянутых в грамоте царя Ивана Васильевича 7065 г. (1557), вслед за А.А. Дмитриевым пишет о заставе «для сбора ясака в городке Казымском»[71]. При этом он ссылается на грамоту о торговле русских с самоедами от 21 октября 1607 г., направленную из Москвы березовскому воеводе Петру Черкасскому. Там, в частности, говорилось о пустозерцах, приезжавших торговать в Березовский уезд. Они торговали с «государевыми ясашными людьми», которые приходили с ясаком «на Обдор и в Казым». До начала XVII в. русской заставы для сбора в Казымском городке, очевидно, не было. Более того, казымские князья получили право непосредственно доставлять его в Москву. «Но с основанием Березова они постепенно утратили свою независимость, в частности платить ясак стали на Березове»[72]. Деятельность пустозерцев, торговавших с казымскими хантами «воровством прежде нашего ясаку», наносила урон государевой казне.

---

[69] Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 2. – С. 86–152. – С. 147.

[70] Миллер Г.Ф. История Сибири. – Изд. 2-е, доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. II. – 796 с.: карты. – С. 235.

[71] Андреев А.И. Примечания // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. I. – 630 с: рис., карты. – С. 472; Дмитриев А.А. Пермская старина: сб. ист. ст. и мат-лов преимущественно о Пермском крае. – Пермь: [Тип. П.Ф. Каменского], 1894. – Вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири. – 234 с. – С. 78–79.

[72] Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 2. – С. 86–152. – С. 139.

Южная башня Казымского острога в историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск)

Будь здесь к этому времени застава, торговать пустозерцам с хантами в лучшем случае пришлось бы в другом месте.

Весной 1607 г. в Нижнем Приобье вспыхнуло восстание местного населения, г. Березов более двух месяцев находился в осаде. С большим трудом русским властям удалось подавить это восстание. Его руководители — обдорский князь Василий, ляпинский князь Лечман и казымский князь Богдан Цынгопов — были повешены[73].

Можно предположить, что русское поселение в виде небольшой заставы появилось вслед за получением березовским воеводой царской грамоты, т. е. после 1607 г. Построено оно было, очевидно, довольно скоро, ибо к концу 1-й половины XVII в. соболь в этих местах исчез, а с ним одна из основных целей, ради которой шли все дальше на восток промышленные и служилые люди, основной фактор, привлекавший пустозерцев и государство. В челобитной казымских хантов 1642 г. говорится о том, что у них к этому времени исчезла белка, которой они платили «государева» ясак. Соболь даже не упоминается, его давно уже нет в этих краях, за ним теперь едут на Енисей и Лену[74].

Впервые острог стал известен научной общественности в XIX в. Произошло это в 1843–1844 гг., когда заседатель Тарского земского суда Г. Шершеневич был послан губернским начальством на Обской север для сбора сведений к составлению проекта законов для «кочевых и бродячих инородцев», также ему было вменено в обязанность разыскание и описание «местных древностей». В своих отчетах Шершеневич отметил, что ни исторических сведений, ни преданий о времени создания Казымского острога не сохранилось. Вместе с тем он сообщает, что в делах Березовской воеводской канцелярии имелись два документа — Высочайшие указы от 18 августа 1730 г. и 11 января 1731 г., гласившие: «Березовского воеводства в ясачных волостях, и для охранения ясачных остяков от воровской самояди, построить острожки в Обдорской, Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостях»[75]. По его мнению, строительство Казымского городка не может быть ранее 1730–1731 гг.

Через 10 лет после Г. Шершеневича березовский краевед Н.А. Абрамов впервые сообщил, что во время похода в Югру в 1499/1500 г. московские воеводы князья С.Ф. Курбский и П.Ф. Ушатый построили первые крепости в семи остяцко-вогульских городках, а именно: в Ляпине, в Березове, в Юильском городке на Северной Сосьве, в Сартыньинском, в Казыме, в Коде и в Обдорске[76]. А.Т. Шашков справедливо отметил, что «несомненно, эти сведения относятся к числу собственных построений Н.А. Абрамова, так как никакими другими источниками они не подтверждаются. Да и вообще маловероятно, что ратники Курбского и Ушатого, проведшие за Уралом от силы два зимних месяца… имели время ставить городки по обоим берегам Оби»[77]. Не исключено, что эти построения Н.А. Абрамова сложились не без влияния заметок Г. Шершеневича. Тем не менее известия о них, подкрепленные новыми домыслами, вплоть до сегодняшнего дня все еще появляются на страницах научных и научно-популярных изданий[78]. Между тем постройка Березовского и Обдорского острогов четко зафиксирована в летописях 1593 и 1595 гг.[79] Единственным острогом, построенным в ходе этой кампании, был Пустозерск. Все остальное, о чем сообщают разрядные книги, это записи из так называемых частных разрядных книг, самые ранние из которых были составлены в самом конце XVI в., а подавляющее их большинство в XVII в.[80] К тому же, хотя в разрядных книгах и говорится, что во время похода было

---

[73] Миллер Г.Ф. История Сибири. — 2-е изд., доп. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — Т. II. — 796 с.: карты. — С. 236–239.

[74] Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. III. — Ч. 2. — С. 92.

[75] Шершеневич Г. Сделанное на месте описание городков Казымского и Ляпинского // Журнал Министерства внутренних дел. — СПб.: [Тип. Министерства внутренних дел], 1844. — Ч.6. — С. 505.

[76] Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. РГО. — СПб., 1857. — Кн. 12. — 448 с. — С. 362.

[77] Очерки истории Югры / Н.Н. Баранов, В.К. Белобородов, Е.В. Вершинин [и др.]. — Екатеринбург: Волот, 2000. — 408 с. — С. 87.

[78] См., например: Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с. — С. 11–13; Кочедамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. — 1968. — № 113. — С. 68–72; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — 190 с.

[79] Очерки истории Югры / Н.Н. Баранов, В.К. Белобородов, Е.В. Вершинин [и др.]. — Екатеринбург: Волот, 2000. — 408 с. — С. 123–130.

[80] Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV– начала XVII вв. — М., 1962. — С. 42–43; Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII вв. — М., 2005. — С. 77–93.

взято 33 городка, но кроме Ляпина не назван больше ни один[81].

З.П. Соколова предполагала, что «Юильский, или Казымский городок, как и Ляпинский, построен на месте хантыйского укрепленного селения, которое возникло давно, может быть в XV–XVI вв., когда часть ляпинцев переселилась на Казым. Время сооружения Казымского городка русскими, скорее всего, первая треть XVIII в., как и предполагал Шершеневич»[82].

С.Н. Баландин и О.Н. Вилков также полагают, что «именно в начале 1730-х гг. были построены Ляпинский и Юильский острожки как пункты защиты сыгвинских и сосьвинских манси и казымских хантов от ненцев, нападавших на их жилища и пастбища с оленями»[83].

Г.Е. Комин первый произвел дендрохронологический анализ построек острога. Оказалось, «что для строительства городка использовались деревья — ровесники по календарному возрасту современным старым деревьям. В момент строительства деревья, растущие в настоящее время вокруг городка и достигающие почти 400-летнего возраста, имели возраст 100–150 лет. Это говорит о том, что лес для строительства рубили на месте будущего городка или вблизи от него. Для обеих башен сделано 7 датировок. На южной башне кроме трех буровых образцов сделан спил с межэтажного перекрытия. Все буровые образцы на южной башне взяты с 8-го венца от земли и имеют полностью законченный прирост 1744 г., а спил с межэтажного перекрытия датируется 1638 г. Здесь явное противоречие. Деталь, которая может быть выполнена в относительно позднее время, оказалась моложе предыдущих на 6 лет. Это противоречие можно объяснить одним из двух предположений. Во время строительства срублено сухое дерево, усохшее в 1638 г., или же для межэтажного перекрытия использовались бревна, оставшиеся от строительства более ранних построек. На северной башне один образец датируется 1740 г., второй — 1744 г. (полностью сформированные годичные кольца). А третий имеет несколько слоев клеток 1745 г. Значит, дерево было срублено в начале вегетационного периода — в конце мая или в начале июня. Результаты датировок дают основание полагать, что строительство южной башни не ранее сентября 1744 г., а северной — не ранее мая 1745 г. С воеводского дома (казармы) взят спил. Датировка спила сделана приблизительно в пределах 1733–1738 гг. Для остальных построек самая ранняя дата 1704 г., а самая поздняя — 1774 г. На этом основании можно сделать заключение, что городок функционировал как минимум 70 лет — в 1704–1774 гг.»[84]

Однако вывод Г.Е. Комина о функционировании городка с 1704 по 1774 гг. требует уточнения. Мы исходим из общепринятой в Сибири XVII в. практики строительства ясачных зимовий. После восстания 1607 г. такие зимовья в отдаленных от Березова ясачных волостях должны были появиться обязательно. Так, в ясачной книге начала 1620-х гг. написано: «А платят, государь, ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу; хто что ясаку и какою мяхкою рухлядью даст, то у них и емлют. А приезжают самоядь в Казымскую и в Обдорскую волость для торгу в одно время, по первому зимнему пути, покупают у остяков рыбные запасы и, быв в Казымской и в Обдорской волости, отъезжают в тундры»[85]. Из этой записи следует, что сбор ясака проходил в Казымской волости в Казымском городке. Для сбора ясака сюда приезжали из Березова служилые люди, ясатчики. Для их проживания, надо полагать, было построено жилье.

Мы не можем с уверенностью утверждать, что не исследованные Г.Е. Коминым бревна башен также датируются 1744–1745 гг. В отписках сибирских воевод XVII в. постоянно встречаются жалобы на ветхое состояние вверенных им городов и острогов. Так, кузнецкий воевода Д.В. Кафтырев писал в Москву в 1640 г. «И тот, государь, острог ставлен в давных годех и ставлен тын ретку и лесишко было худо, тонкое, и тот ныне остроженко подгнил. И до моего, холопа твоего, приезду тот же тын снова вкопан в землю и иные тыныны связаны веревками..., башня угловая с приходу воинских людей огнила и обвалилась.

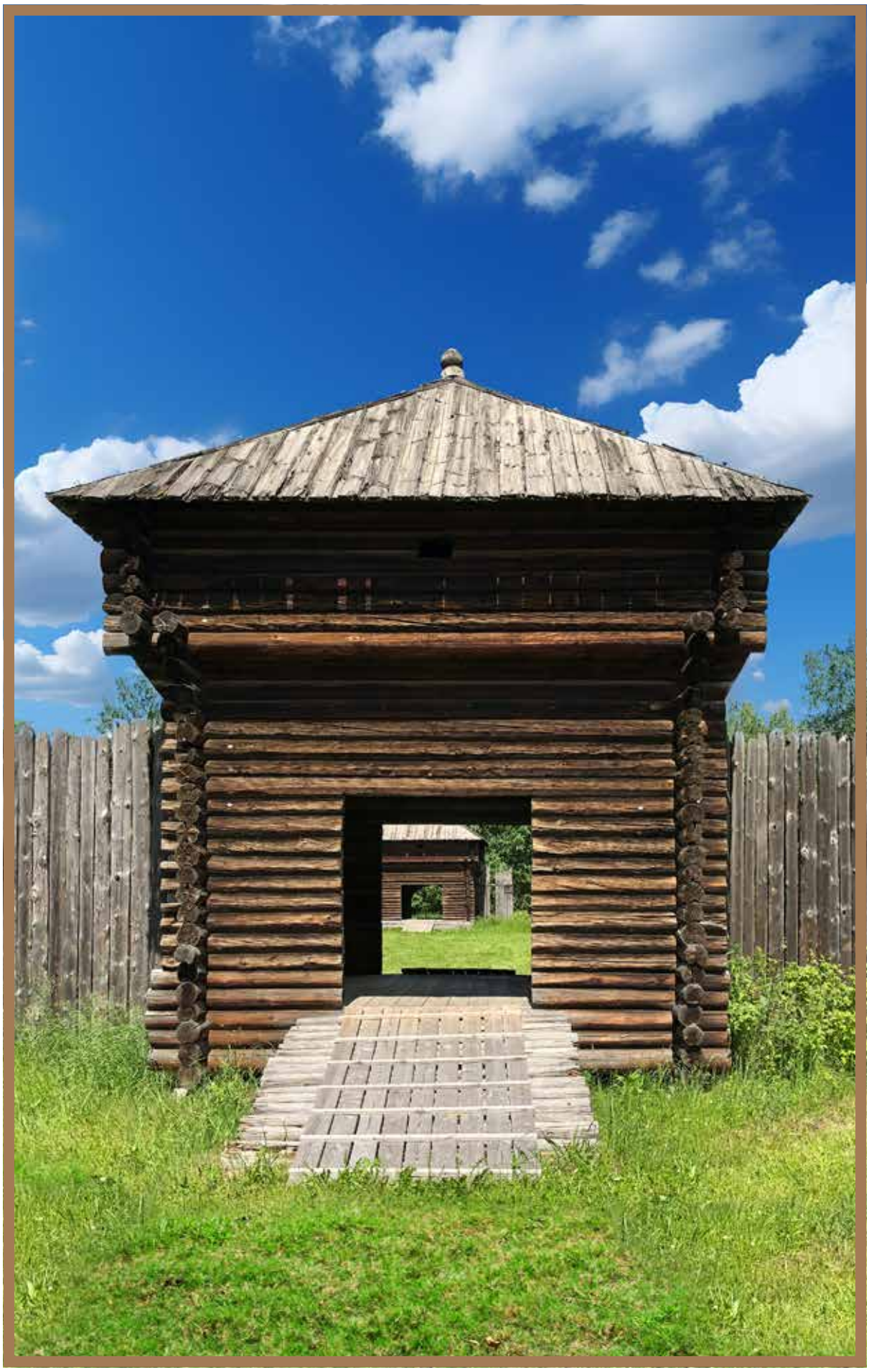
[81] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн.1. – М.: Либерея, 1998. – 416 с. – С. 50–51; Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России (до XVI в.) // Зап. РГО. – СПб., 1852. – Кн. VI. – С. 247–248; Поход на Югру в 1499 г. (из Разрядных книг) // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / под ред. М.Н. Тихомирова; сост. Л.В. Милов, А.И. Рогов, М.Н. Тихомиров. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 735 с. – С. 599–600.

[82] Соколова З.П. Загадка Юильского городка // СЭ, 1977. – № 4. – С. 138.

[83] Баландин С.Н., Вилков О.Н. Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начала XX в.). – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 270; Люцидарская А.А. Юильский острог на р. Казым (к вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 162.

[84] Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 122–126.

[85] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 620 с.: [1] карта. – С. 68.

Южная башня Казымского острога в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск)

А иные башни также лесницы на... в башнех огнили и в приход, государь, воинских людей острог худ и ненадежен, и крепостей никаких около острогу и слобод, рву и надолоб, нет»[86]. Острог был построен в 1620 г.[87] К 1640 г. пришли в негодность не только стены и башни. В царской грамоте того же 1640 г. кузнецкому воеводе Кафтыреву идет пересказ воеводской грамоты: «Писал еси к нам, что по нашему указу велено тебе быть на нашей службе в Кузнецком остроге на Григорьево место Кушелева. А стоять тебе велено на на том дворе, на котором дворе стоял Григорей Кушелев. И на том дворе была изба с подклетом, да горничишко малое и те огнили и розвалились, жить в них нельзе, и клетенко было одно и то погнило ж и розвалилось. А ставлены те избенка да горниченко при прежних воеводах в давных годех. И того двора из нашей казны ставить без нашего указу не смеешь»[88].

Мы не знаем, как осуществлялся ремонт стен и башен, проводилась ли их полная замена или же делалась выборка сгнивших бревен и замена их новыми. Во всяком случае, это приходилось делать примерно через каждые 15–20 лет. Не исключено, что датировка башен 1744–1745 гг. — это результат такого ремонта.

Очень важным источником, давно известным, но долгие годы недоступным исследователям, является историко-географический атлас С.У. Ремезова «Хорографическая чертежная книга». Он был начат в октябре 1696 г. и закончен к 1 сентября 1697 г. Книга состоит из 175 листов, сгруппированных в 98 глав и разделенных на две части. Первая часть представлена 150 чертежами рек Сибири, во втором разделе следуют копии обзорных карт Сибири, чертежи, относящиеся к работам по строительству Тобольска в 1684–1689 гг. и копии шести карт-чертежей городов с уездами (Тюмень, Тара, Березов, Томск, Кузнецк, Мангазея). Работу над атласом С.У. Ремезов продолжал и в последующие годы. Об этом свидетельствуют дополнительные чертежи рек, которые подклеены к готовым чертежам[89]. Хорографическая книга хранится в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета США. В 1958 г. она была опубликована в Голландии[90]. В 2010 г. книга была полностью оцифрована и стала доступна в Интернете, а в 2011 г. издана в Тобольске[91]. В этом атласе на чертеже р. Оби (глава 38, Л. 115) имеется вклейка чертежа р. Казым, в верхнем течении которой специальным значком в виде круга с точкой внутри обозначено остяцкое поселение («городок Казымской»). Рядом поставлен еще один небольшой значок в виде круга, внутри которого поставлена вертикальная черта, напоминающая столб. Слева от значка кириллицей поставлена цифра РПФ (189). Значком Ремезов отметил русское поселение — острог. Цифра «189» может означать либо расстояние, либо год строительства острога. Расстояние от Березова до Казымского острога известно. На створке ворот Северной башни есть вырезанная надпись: «От города Березова до Юильского городка 236»[92]. Таким образом, цифра «189» может означать только одно — дату строительства острога. В переводе на современное летоисчисление 189 г. означает 1680/81 гг.

Таким образом, на месте хантыйского городка, вероятно «резиденции» казымского князца, вскоре после восстания 1607 г. здесь было создано ясачное зимовье. Вероятно, березовские служилые люди, ясатчики, приезжали сюда на период сбора ясака. Но постоянная угроза нападений на остяков со стороны тундровых ненцев заставила березовского воеводу в 1680/81 гг. укрепить зимовье башнями и стеной и присылать сюда на годовую службу казаков. Судя по тому, что в Казымскую волость, т. е. в Казымский острог, направлялось всего 4 казака, представляется сомнительным, чтобы острог был поставлен за три года до указанной промемории. Удержать острог от нападения такими силами было нереально.

Изображение русского Казымского острога и остяцкого Казымского городка, объединенных под одним названием «Казымской городок», дошло до нас от второй половины XVIII в. В архиве Музея антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге хранятся интереснейшие рисунки-панно, под названием

[86] РГАДА. Ф. 214. Л. 77–78.

[87] Добжанский В.Н., Ширин Ю.В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С.221–240.

[88] РГАДА. Ф. 214. Л. 143а.

[89] Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: сибирский картограф и географ (1692 – после 1720). – М.: Наука, 1965. – 263 с. – С. 62–69.

[90] Там же, С. 94–101; Гольденберг Л.А. «Хорографическая чертежная книга» С.У. Ремезова // ВИ. – 1962. – № 6. – С.183–185.

[91] Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. – Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с. – Факсим. изд. рукописи «Хорографической чертежной книги Сибири» Ремезова С.У. напечатано в типограф. «Grafiche Stella», Италия.

[92] Ополовников А.В., Крадин Н.П. Юильский острог на реке Казым // Архитектурное наследство. – М.: Стройиздат, 1978. – Т. 26. – С. 72.

«шторки», созданные художником Н. Шаховым. Всего в коллекции 6 шторок. Они выполнены на ткани и изображают сцены из жизни хантов и манси. В верхней части одной из таких шторок (№ IV) нарисован и Казымский городок. Он расположен на речке, впадающей в Казым. В левой его части нарисован собственно Казымский острог с надворотной башней и острожной стеной. Правее изображена виселица, собачьи домики»[93]. В.Н. Чернецов относит создание рисунков к середине XIX в.[94] Думается, что в данном случае права К.А. Большева, которая на основе стилистического анализа изображений относит их «к последней четверти XVIII в., чему не противоречит и манера их исполнения в деталях трактовки, а также шрифт надписей»[95].

Следует остановиться еще на одном моменте, связанном уже с реконструкцией острога. Н.П. Крадин и А.В. Ополовников пишут: «Как и во всех сибирских острогах, здесь был обычный набор строений: воеводский дом, жилье «служилых людей», церковь, житные и зелейные амбары, аманатская изба. Но до наших дней здесь кроме башен сохранилась лишь воеводская изба, а об остальных строениях напоминают сильно задернованные контуры обвалившихся срубов, бугры да ямы, поросшие мхом и брусничником». Кроме того, авторы отмечают «характерное разделение жилой зоны на две части: слева — остяцкая, справа — смешанная, в которой жили русские и остяки, принявшие христианство. В каждой зоне был своей религиозный центр. В остяцкой — «общественная» юрта, в русской — часовня или церковь». Наконец, «торговая зона Юильского острога обрамляется с противоположных сторон двумя плотными рядами лавок-амбаров, к которым непосредственно примыкают жилые строения. Судя по количеству амбаров (их свыше 20), можно предполагать, что здесь устраивались небольшие торги или ярмарки»[96].

Во-первых, в подобного рода острожки, предназначенные исключительно для сбора ясака и защиты местного населения, воеводы не назначались. Сюда присылались из уездного центра, в данном случае из г. Березова, казаки во главе с приказчиком. Поэтому ни о каком воеводском доме говорить в данном случае не приходится. Во-вторых, странным образом общественная юрта, которая должна, по мысли авторов, находиться в жилой зоне остяков, оказалась внутри острожных стен напротив русской церкви. В общественно-жилой зоне авторы поместили еще и часовню с прилегающим к ней кладбищем. Можно лишь согласиться с А.В. Ополовниковым и Н.П. Крадиным в том, что в 1710–1720-х годах среди остяков проводилась христианизация, но ее результаты были невелики. Наличие в Казымском остроге церкви крайне сомнительно. В острожках подобного статуса в лучшем случае устраивалась часовня, как правило над проезжими воротами. Никаких сведений о наличии такой часовни в Казымском остроге в нашем распоряжении нет. Наконец, говоря о наличии лавок-амбаров в торговой зоне авторы, по всей видимости, спутали их с собачьими домиками, которые хорошо показаны на рисунке Казымского городка на одной из шторок МАЭ. В.Н. Чернецов писал по этому поводу: «Правее видны низенькие маленькие строеньица, расположенные в четыре ряда. Это не юрты хантов, как можно было бы предположить с первого взгляда. ...По всей вероятности, хибарки эти представляют собой домики для ездовых собак. Остатки таких домиков, как мне приходилось слышать, существовали в Юильском городке еще недавно...»[97] Остатки таких домиков как раз в той части Казымского городка, которую Крадин и Ополовников считают торговой, отметила на своем плане и З.П. Соколова. Она пишет: «По обе стороны дороги выстроились два ряда низких домиков для собак. Это маленькие дощатые конурки с двускатными крышами. В них помещались ездовые собаки...»[98]

Как опорный военно-административный центр российской государственности на р. Казым Казымский острог просуществовал недолго. Уже к концу XVIII в. он утратил свое функциональное значение, русские казаки оставили его, но здесь продолжало существовать крупное поселение хантов. В нем про-

---

[93] Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сб. Музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т.10. – С. 20, 0.

[94] Там же, С. 7–8, 32–33.

[95] Большева К.А. Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекции МАЭ // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. X. – 322 с.: – С. 37.

[96] Ополовников А.В., Крадин Н.П. Юильский острог на реке Казым // Архитектурное наследство. – М.: Стройиздат, 1978. – Т. 26. – С. 69, 72.

[97] Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сб. Музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 10. – С. 20.

[98] Соколова З.П. Загадка Юильского городка // СЭ, 1977. – № 4. – С. 130–131.

водились зимние торговые ярмарки и сбор ясака[99].

В 1864 г. Казымский острог осмотрел березовский мещанин Д.В. Корепанов[100]. Первые научные описания Казымского острога появляются в начале XX в.[101] В 1969 г. группа студентов-архитекторов Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, по инициативе В.И. Кочедамова, предприняла экспедицию с целью поиска и описания Казымского острога[102]. В начале 70-х гг. XX в. на территории Казымского острога работало несколько научных экспедиций. Итогом этих работ стала серия публикаций, посвященных истории возникновения острога, архитектурным и археологическим исследованиям, планировке и конструктивным особенностям отдельных сооружений[103]. Общее руководство работами, которые проводились в июне — июле 1973 г., осуществлялись академиком А.П. Окладниковым. Экспедиционный отряд возглавляла в то время старший лаборант Историко-архитектурного музея Института истории, филологии и философии СО РАН СССР А.А. Люцидарская, археологические исследования проводились под руководством младшего научного сотрудника Института истории, филологии и философии СО РАН СССР В.И. Молодина (ныне д. и. н., академик РАН), архитектурными обмерами памятника занимался в то время кандидат (а позднее — доктор) архитектуры С.Н. Баландин (НИСИ, ныне НГАСУ).

В 1973 г. Институтом истории, филологии и философии СО РАН СССР совместно с Новосибирским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был организован комплексный отряд для вывоза из Ханты-Мансийского национального округа (с 1977 г. Ханты-Мансийский автономный округ) в г. Новосибирск, в создаваемый в Историко-архитектурный музей под открытым небом, архитектурных сооружений Казымского острога. Летом 1973 г. экспедицией под руководством А.А. Люцидарской, после архитектурных и археологических исследований, северная и южная башни острога были разобраны и вывезены в Новосибирск. В течение ряда лет бревна башен обрабатывались консервирующими растворами в специальных ваннах. В 1980-х годах институт «Роспроектреставрация» (г. Москва) предоставил чертежи для восстановления башен на территории музея (автор проекта — архитектор М.А. Бенсман). Бригадой плотников (А.К. Баранов, Н.Ф. Стрельченко, Н.А. Дроздецкий) под руководством заведующего лабораторией И.В. Асеева и при участии архитекторов А.Ю. Сидоровой, Н.М. Антоновой и А.Ю. Майничевой северная и южная башни, а также часть тына были воссозданы на определенной генпланом территории музея. В течение первых пяти лет существования Казымского острога на территории ИАМ М.А. Бенсманом был дважды проведен авторский надзор, который подтвердил, что башни были сложены в полном соответствии с проектом реставрации. За прошедшие двадцать лет несколько раз был проведен текущий ремонт взвозов обеих башен. Состояние их стен и кровель удовлетворительное и пока не требует замены, но необходима обработка новоделов консервирующими материалами и обеспечение их огнебиозащиты. Бревенчатые конструкции башен не являются однородными. Наряду с оригинальными бревнами, сохранившимися со времени их первоначальной постройки, для целей реконструкции в срубы были введены части новых бревен — «протезы». Так как оригинальные бревна были полностью обработаны после разборки зданий фенолфенолятами по рекомендованной в тот период методике (1970–1980-е гг.), их сохранность и устойчивость к огнебиоугрозе превышают эти же показатели новых конструкций. После необходимых согласований с учреждениями по охране историко-культурного наследия для обеспечения сохранности новых конструкций башен острога (включая антисептирование и повышение атмосферостойкости) был выработан комплекс мероприятий, включающий механическую очистку, обработку составами по огнебиозащите древесины серии «Оберег», которые гарантируют сохранность деревянных конструкций в течение 10–15 лет. Несомненно, постройки Казымского (Юильского) острога являются прекрасным образцом русской оборонной архитектуры периода

---

[99] Крадин Н.П. Об основании Казымского (Юильского) острога. // Историко-архитектурный музей под открытым небом (принципы и методика организации). — Новосибирск, 1980. — С. 102.

[100] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — Тобольск: [Губернская тип.], 1910. — Т.II, с картой и 5 прил. — 353 с., прил. 57 с. — С. 35.

[101] Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1916. — Вып. 26. — С. 8.

[102] Крадин Н.П. Неизвестные башни Казымского острога (по материалам экспедиций 1969 и 1972 гг.) // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. — Л.: Академия художеств СССР, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1974. — Вып. IV. — С. 80.

[103] Молодин В.И., Добжанский В.И. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 191–202.

первоначального освоения сибирских территорий, в них прослеживаются приемы, характерные для русского оборонного зодчества XVI–XVIII вв: двухэтажные башни с четырехскатными кровлями, обламом, бойницами, тыновое ограждение.

Тыновое ограждение воссоздано в новом материале по найденным образцам на 50 % от общей длины. Восстановленные башни имеют значительный процент оригинальных конструктивных элементов (более 60 %) и могут служить предметом архитектурных и дендрохронологических исследований, не потерявшим своей научной и историко-культурной ценности. Например, в 2007–2008 гг. проводились работы по дендрохронологическому анализу оригинальных бревен башен (В.С. Мыглан, И.Ю. Слюсаренко), которые позволили уточнить даты существования острога. Две башни Казымского (Юильского) острога, наряду с памятниками федерального значения Спасской церковью из Зашиверска и звонницей, закономерно входят в ядро экспозиции Историко-архитектурного музея как объекты, обладающие признаками культурного наследия, что согласуется с новой концепцией музея, разработанной на основе ряда современных нормативных документов и научно-проектной документации[104].

В 2005–2008 гг., в ходе выполнения договора «Археолого-этнографический мониторинг объектов культурного наследия среднего течения реки Казым», заключенного между Учреждением Ханты-Мансийского автономного округа «Центр охраны культурного наследия» (Центр «Наследие», директор — к. и. н. А.В. Кениг) и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, на Казымском (Юильском) остроге и прилегающих к нему территориях были проведены комплексные археолого-этнографические (руководитель работ — к.и.н. А.В. Новиков), топографо-геодезические (руководитель — Г.П. Ведмидь) и дендрохронологические (руководитель — д.и.н. В.С. Мыглан) работы. Предварительные результаты этих работ получили отражение в ряде публикаций[105].

В ходе работ 2005–2008 гг. были проведены комплексные археолого-этнографические, топографо-геодезические и дендрохронологические исследования на памятнике Казымский (Юильский) острог и сопредельной территории. Помимо мониторинга состояния и инструментальной топографической съемки территории бывшего острога, получения новых дендропроб с целью уточнения его хронологии, целью этих исследований являлось изучение межкультурного взаимодействия аборигенного и пришлого населения севера Западной Сибири в XVII–XVIII вв., а также трансформации культурных традиций аборигенного населения бассейна р. Казым в период с XVIII по XXI вв. по археологическим и этнографическим данным. Итоги этих работ получили отражение в коллективной монографии «Казымский археолого-этнографический комплекс»[106]. В этой работе впервые в полном объеме вводятся в научный оборот результаты мультидисциплинарных (исторических, топографических, археологических, дендрохронологических, этнографических) исследований Казымского археолого-этнографического комплекса. Отдельная глава посвящена итогам уникального по своим масштабам мероприятия по музеефикации сохранившегося архитектурного ансамбля Казымского острога, приводятся архивные материалы.

---

[104] № 73-ФЗ; Государственная стратегия..., 2006; Закон Новосибирской области № 79-ОЗ; Научно-проектная документация..., 2007; Положение о зонах охраны объектов...№ 315; Постановление № 236-па; Постановление Президиума СО РАН № 192.

[105] Ведмидь Г.П. Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) острог: исследования 2008 года // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Том. Ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 397–411; Мыглан В.С. 2012 а, С. 132–143; Мыглан В.С. 2012 б, С. 24; Новиков А.В. Этнокультурное взаимодействие казымских хантов и восточнославянского населения в XVIII – XIX вв. (на примере домостроительных традиций Казымского острога) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23 – 28 октября 2006 г., Новосибирск). – Том II. – Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 172–174; Новиков А.В. Этнокультурное взаимодействие казымских ханты и восточнославянского населения в XVIII-XIX веках (на примере домостроительных традиций) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург – Сургут: Уральское издательство, 2008. – С. 262–274; Новиков А.В., Выборнов А.В. Хантыйское святилище на Казымском остроге // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. – С. 179–184; Новиков А.В., Шиль А.А. Современные срубные жилища хантов среднего Казыма // Экология древних и традиционных обществ. Доклады конференции. – Вып. 3. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. –320 с. – С. 282–285; Новиков А.В., Шиль А.А. Новые поступления в хантыйскую коллекцию Новосибирского государственного краеведческого музея // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Вып. 2. – Томск: ТГУ, 2008. – С. 311–315; Новиков А.В., Шиль А.А. Орнаментальные композиции на изделиях хантыйской коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея // Человек и север. Антропология, археология, экология. Материалы всероссийской конференции. г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. Выпуск 1. – Тюмень: Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН, 2009. – С. 168–174.

[106] Молодин В.И., Новиков А.В., Кениг А.В., Добжанский В.Н., Выборнов А.В., Ведмидь Г.П., Мыглан В.С., Зайцева Е.А., Майничева А.Ю., Шиль А.А. Казымский археолого-этнографический комплекс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 264 с. + 2 вкл.

СУРГУТСКИЙ ОСТРОГ

Сургут стал первым русским городом на Оби — главной транспортной артерии Западной Сибири. Город был основан отрядом князя Федора Барятинского и Владимира Аничкова в 1594 г. по Государеву Цареву Великого князя Федора Ивановича Всея Руси указу[107].

Строительство города в первую очередь объяснялось необходимостью приведения под царскую руку Пегой орды (нарымских остяков). Город был построен почти посередине той части Оби, которая находилась между Обским городом и Нарымом.

Осенью на правом берегу р. Оби в полутора верстах от впадения в нее речки Бардаковки и при устье небольшой речки Сальмы вырос рубленый город. Как и все сибирские города, Сургут представлял небольшую крепость с 2 воротами, 4 башнями глухими и 1 башней проезжей; в ней был поставлен воеводский двор, тюрьма, зелейный (пороховой) погреб и церковь, острог с двумя воротами и одной проезжей башней; тут же находились и хаты для служилых людей.[108]

В 1594 г. гарнизон состоял из 155 человек, в 1596 г. туда прислали еще 112 казаков, к 1601 г. их насчитывалось 280[109].

В 1601 г. в Сургуте были открыты первые за Уралом таможенная изба, кружечный и гостиный дворы. Постройки были возведены вне городских стен и дополнительно обнесены острожной стеной.

К 1625 г. Сургут был большой крепостью. Гарнизон насчитывал 222 человека. Сургутские воеводы посылали своих годовальщиков в Нарымский и Кетский остроги[110].

По мере освоения Сибири деятельность сургутских казаков по «приисканию новых землиц» иссякла, сократилась площадь Сургутского уезда. Границы освоенной Русью Сибири отодвигались все дальше от Сургута.

К 1680-м гг. городские укрепления изгнили и развалились, на месте рубленного города поставили двойной острог[111].

---

[107] Сибирский приказ // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 24–32.

[108] Буцинский П.Н. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск / под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – С. 82.

[109] Кочедамов И.В. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 97.

[110] Там же.

[111] Миненко Н.А. Сургут в системе Российских городов XVI–XIX вв. // Сургут, Сибирь, Россия: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: докл. и сообщ. – Екатеринбург, 1995. – С. 91.

Ремезов С.У. Чертеж земли Сургутского города

«План города Сургута с показанием ныне состоящего и вновь назначенного строения». 1797 г.

В первой половине XVIII в. Сургут утратил черты города-крепости.

28 июня 1712 г. Сургут сгорел и в 1718 г. был построен заново «вкруг старым острогом с четырьмя башнями». Известны и размеры новой крепости — 83х77 м, «а вкруг того острогу и с башнями по мере 153 сажен одна четь и стоит на том же месте, где до пожару»[112]. Новые стены имели «облегченный» характер, были тыновыми — «стоячий палисад»[113].

В 1733 г. в Сургуте было 165 дворов. К 1761 г. острог состоял из полисада высотой 5,3 м. В его южном углу была четырехугольная проездная башня, а на западном и северном углах были восьмигранные башни. Восточный угол был занят Троицкой церковью, построенной в 1742 г., возможно на месте угловой башни. Посад за острогом к концу века сложился в бессистемную селитьбу[114]. В 1790 г. в Сургуте, уездном городе Тобольского наместничества, еще сохранились крепостные укрепления в виде стоячего тына, двух глухих и одной проезжей башен. Окружность территории города достигала 2 версты и 300 саженей, в нем было 156 частных домов, Троицкая и Богородицкая церкви. Жителей насчитывалось 480 человек»[115].

Сургутский острог имел форму, близкую к квадрату, и совсем не похож на имеющийся схематичный рисунок Ремезова. Изограф не стремился создать иллюзию действительности, а изображал ее сущность, ее смысл. Главным элементом города был кремль, и Ремезов изобразил его превалирующим над посадом, хоть посадские стены были много длиннее кремлевских. Столь же условно стройными рядами расставлены и дома, что совсем не говорит о регулярности в застройке этих кварталов[116].

В 1781 г. сургутяне получили разрешение на строительство каменной Соборной церкви на месте обветшавшей Троицкой. Она стала единственным каменным строением города. В 1797 г. был составлен проект[117] нового Сургута в виде правильного четырехугольника с тремя прямыми продольными улицами. «Город-крепость» предполагалось постепенно привести к регулярному порядку.

---

[112] Кочедамов И.В. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 97.

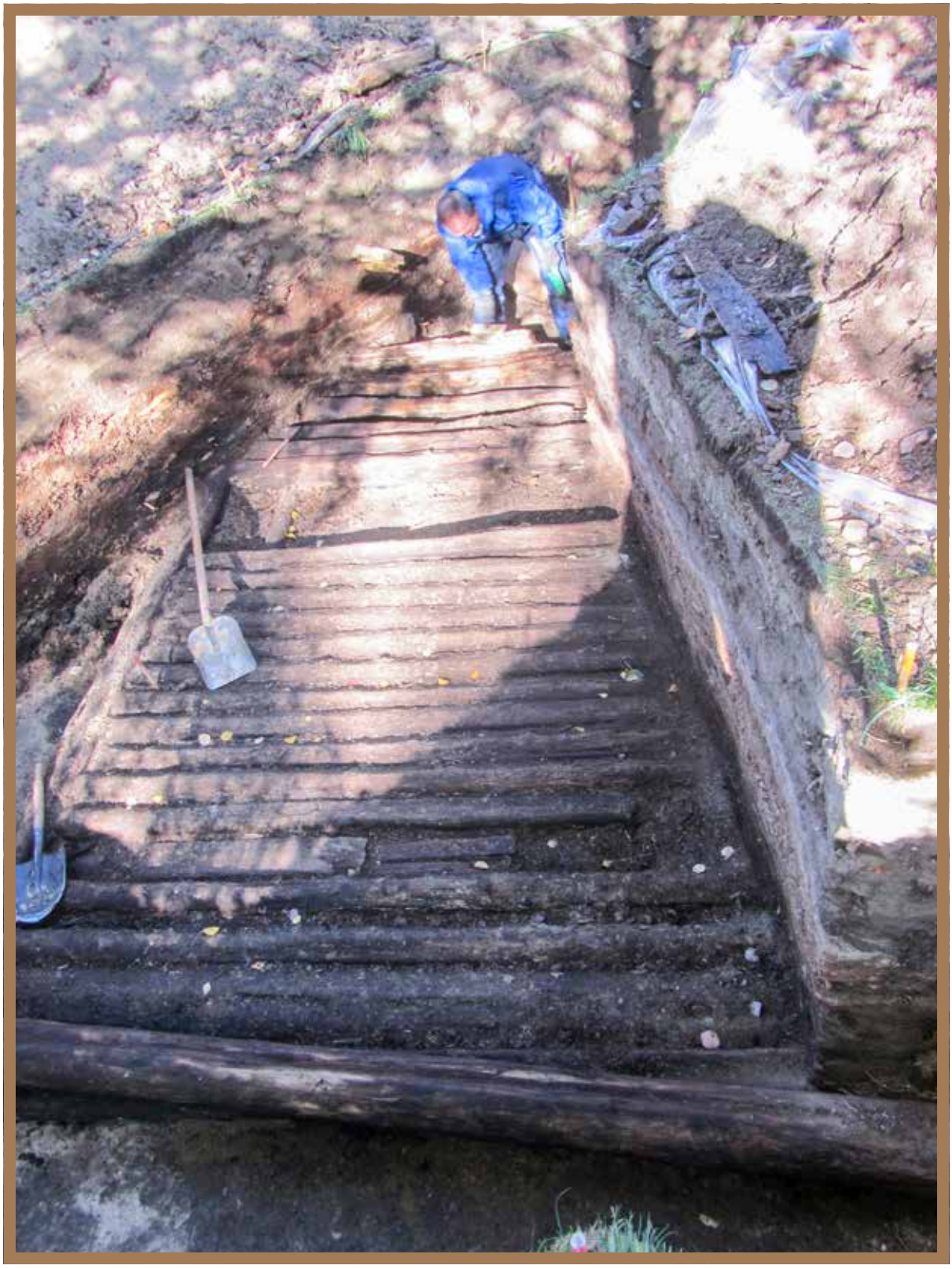
[113] Миненко Н.А. Сургут в системе Российских городов XVI–XIX вв. // Сургут, Сибирь, Россия: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута: докл. и сообщ. — Екатеринбург, 1995. — С. 93.

[114] Кочедамов И.В. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 97.

[115] Резун Д.Я. Сургут // Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989. — С. 239–240.

[116] Кочедамов И.В. Первые русские города Сибири. — М.: Стройиздат, 1978 г. — С. 16.

[117] Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. — 2020. — № 1. — С. 118.

Фрагменты деревянной конструкции Сургутского острога

В 1840 г. неспешная реконструкция Сургута была прервана опустошительным пожаром. На освободившемся месте произвели квартальную застройку. О кремле напоминала только каменная Свято-Троицкая соборная церковь, опиравшаяся когда-то на восточный угол крепости. Место перед храмом оставалось свободным, там расположилась площадь.

До 20-х гг. XX в. Сургут оставался в прежних размерах и архитектурных традициях. В 1921 г. на городской площади у храма установили памятник Борцам за Советскую власть, а площадь стала называться площадью Красных партизан. В 1924 г. Сургут утратил статус города, став селом — центром Сургутского района. Храм был закрыт, каменные кладки разобрали, деревянные приделы приспосаб-

ливали под различные хозяйственные нужды. В 1951 г. в одном из них открыли кинотеатр «Октябрь».

Стремительные перемены в жизни Сургута начались в 1957 г. с появлением геологической партии Ф.К. Салманова. В 1958 г. село Сургут было преобразовано в рабочий поселок. С открытием большой нефти население Сургута многократно увеличилось и в 1965 г. он вновь получил статус города. В 1968 г. напротив кинотеатра, рядом с памятником Борцам за Советскую власть, установили гранитные плиты с именами сургутян, погибших во время Великой Отечественной войны. Постройки конца XIX в. в основном сохранились до начала 80-х гг. Затем были снесены, территорию старого города перепланировали и застроили панельными многоэтажными домами. Однако Мемориал Славы остался на прежнем месте. Его территория была расширена за счет сноса окружающих его построек.

Причудливо сложилась многовековая история Сургута. Один из первых русских городов Западной Сибири стал нефтяной столицей огромного региона. Современный Сургут совершенно поглотил исторический город.

В 2008 и 2012 гг. по инициативе Сургутского краеведческого музея в исторической части города были проведены археологические раскопки с целью исследования культурного слоя и поиска деревянных городских укреплений XVI–XVIII вв. Плотная современная застройка значительно усложнила проведение раскопок[118]. Исследования проводились под руководством П. Корчагина и В. Святова.

К работе были привлечены письменные источники: общее изображение деревянных укреплений города С.У. Ремезова и обобщенная копия плана Сургута 1797 г. с одновременно нанесенной дорегулярной и регулярной планировкой. Было произведено первичное наложение дорегулярной и регулярной планировки г. Сургута, на которое, в свою очередь, была предположительно нанесена трассировка деревянных укреплений. Проезжие башни кремля привязывались к выявленной на плане 1797 г. основной городской улице, идущей по водоразделу, а непроезжие устанавливались в соответствии с природными топографическими особенностями (2 угловые башни на берегу протоки Бардыковки) и на перекрестках древних улиц (2 угловые башни в районе современной ул. Просвещения). Привязка плана к современной топооснове была усложнена несколькими факторами: отсутствием точной копии плана 1797 г. с масштабом, несовпадением идеальной регулярной сетки кварталов плана 1797 г. и реальной с плана 1893 г., а также тем, что к настоящему времени исторический центр г. Сургута имеет уже третью планировку. В целях уточнения границ памятника в историческом центре г. Сургута было заложено 3 раскопа общей площадью 68 кв. м. и 2 объемные зачистки[119].

Раскопки проводились в районе Мемориала Славы. В ходе археологических изысканий было выявлено месторасположение древнего города. Были обнаружены уникальные артефакты, датируемые концом XVI — XIX вв. Сооружения залегали на глубине от 1,2 до 1,8 м от современной поверхности и перекрывались сверху мощными прослойками органического происхождения — древесной стружки, щепы и бересты (строительный горизонт).

Выявление объекта археологии в городской черте не является гарантом его сохранности. Была проведена работа по его включению в Список выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 14 ноября 2013 г. вышло постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 480-п о включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации объекта культурного наследия достопримечательного места «Культурный слой Сургута» (1594 — 1849 гг.)[120]. Территория расположения объекта в современном ландшафте — это большой мысовидный выступ коренной террасы правого берега р. Оби, ограниченный с юга и юго-востока руслом р. Бардаковка, а с северо-востока и востока — р. Саймой.

В 2024 г. Сургут отметил 430 лет со дня основания, в честь этого события был установлен памятный знак на месте расположения древнего города.

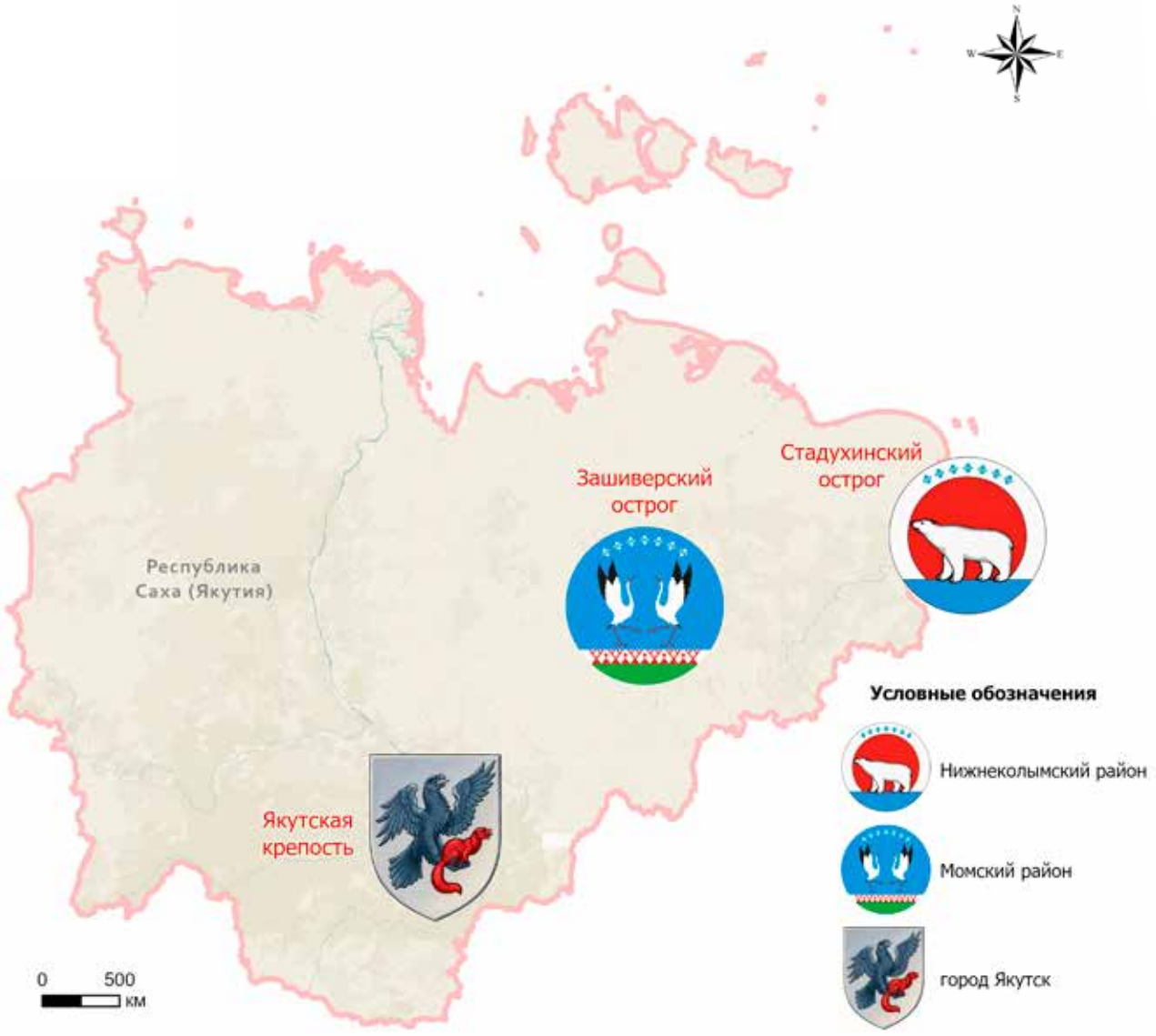
[118] Селянина М.Ю. Объекты культурного наследия в пространстве индустриального города // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Ю. Смирнова, Н.А. Томилов. – Омск: Наука, 2016. – С. 178.

[119] Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 г.: отчет о НИР // Исполнитель П.А. Корчагин. – Пермь; Сургут, 2009. – С. 26.

[120] Селянина М.Ю. Археология индустриального Сургута // IV Север. археолог. конгресс: материалы, 19–23 октября 2015 г., г. Ханты-Мансийск / отв. ред. Н.М. Чаиркина; Правительство ХМАО – Югры. – Екатеринбург, 2015. – С. 371.

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

С освоением русскими Колымского края был проложен морской путь между Леной и Колымой. Большое оживленное движение по этому морскому пути началось с 1645 г. С открытием морского пути ежегодно на Колыме увеличивалось число приезжающих промышленников, купцов и приказчиков, богатых торговых людей. В 1647 г. было доставлено в Якутский острог на 5 кочах 6985 колымских соболей, оцененных в 8979 руб. В последующие годы количество вывозимых соболей возросло[1].

Исследователи отмечают взаимное обогащение бытовыми и хозяйственными традициями между русскими переселенцами и местным населением. Так, местное население получило от русских новые охотничьи приспособления: ловушки, западни, огнестрельное кремневое оружие, новейшие средства ловли рыбы. Была введена денежная система, способствующая развитию торговли и внутреннего рынка. С развитием торговли появилось разнообразие продуктов, улучшилось питание народа за счет хлеба, чая, соли и других продуктов. Изменился облик жилых строений. В домашний обиход вошли новые предметы. Появилась одежда из хлопчатобумажной ткани, сукна, шерсти и другие товары[2].

В то же время русские люди нигде более в Сибири, чем на северо-востоке Якутии, не заимствовали столь многие элементы материальной и духовной культуры аборигенов, что и облегчило процесс адаптации их в новых экстремальных природно-климатических условиях. Это прежде всего относится к пище, жилищу и промысловой одежде[3].

Несмотря на относительно мирное сосуществование русского и коренного населения, конфликты случались, и они нашли свое отражение в письменных документах. Известно, что в 1662 г. русские промышленники обратились к государю с жалобой, что их насильно привлекают к несению военной службы по причине нехватки людей, и просили освободить их от уплаты государственных пошлин. Еще ранее, в 1661 г., конфликт произошел между промышленниками и торговыми людьми из-за собранного ясака и других товаров и отправки их в Якутск[4].

Противоречия между русскими первопроходцами были заметны и ранее, еще накануне основания Стадухинского острога. Осень и зиму 1642–1643 гг. Дмитрий Зырян (Ярило) с товарищами провел на Алазейском поселении. А с наступлением лета они собрались на Колыму. Имея небольшую группу людей, Зырян долго не решался пойти на разведку[5].

Но дело приняло неожиданный оборот: почти следом за Зыряном по морю на Алазею пришел отряд Михаила Стадухина и Семена Дежнева. С их прибытием силы русских на Алазее значительно увеличились.

Исследователи отмечают, что между двумя группами казаков, очевидно, существовали недружелюбные отношения. Поэтому к Зыряну поехал Семен Дежнев, хорошо его знавший по совместной службе на Индигирке. Зырян согласился соединить отряды. Большинство казаков было из отряда Стадухина, что и предопределило выбор предводителя объединенного отряда[6].

---

[1] Садовникова А.А. Освоение Колымского края русскими землепроходцами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 12. – С. 69–72.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Строгова Е.А. Стадухинский острог в исторических исследованиях // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. – Омск, 2011. – С. 238–242.

[5] Сергеев О.И., Чернавская В.Н. Казак М.В. Стадухин – исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках: Историко-археологическое исследование. Т. 3. – Владивосток, 1994. – С. 56–70.

[6] Там же.

СТАДУХИНСКИЙ ОСТРОГ

Стадухинский, по-другому Нижнеколымский, острог основан во время похода Михаила Стадухина и Дмитрия Зыряна на Колыму в 1644 г. на большом острове[7].

Остров образован основным руслом р. Колымы и в 8 км от устья ее левой протокой Стадухинской. Как и большая часть левобережья Колымы, остров представляет собой плоскую низкую (4–7 м над уровнем моря) равнину с многочисленными старичными озерами, соединенными между собой узкими протоками — висками[8].

Вначале было построено зимовье для сбора ясака с местного населения. Позже зимовье расширили и перестроили в острог. Некоторые исследователи считают, что Нижнеколымское зимовье основано раньше 1644 г. и острог построен не на его, а на другом месте[9].

Сейчас это место представляет собой травянистую поляну площадью 11 264 кв. м, среди тундры, поросшей кустарником. На поляне видно возвышение — береговой вал размерами 80×25 м, протянувшийся по линии север–юг, под углом 10 градусов к руслу протоки. Юго-западная часть берегового вала смыта и продолжает размываться протокой. Поверхность здесь неровная, благодаря культурному слою поросла густой высокой (до 0,8 м) травой, имеются многочисленные бугры и ямы от древних построек[10].

В период относительно недолгого своего существования (28 лет) Стадухинский острог являлся административным центром Нижней Колымы и частично Чукотки. Его основание и существование связаны не только с необходимостью сбора ясака с местного населе-

---

[7] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48; Садовникова А.А. Освоение Колымского края русскими землепроходцами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 12. — С. 69–72; Ягловский С.А. Археологические памятники Нижнеколымского района // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2021. — № 1(34). — С. 17–28.

[8] Там же.

[9] Строгова Е.А. Стадухинский острог в исторических исследованиях // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 238–242.

[10] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48.

Река Колыма. Место расположения Стадухинского острога

ния, но и сбора отрядов для открытия новых земель[11].

Вот что известно об основателе острога, давшего ему свое имя. Михаил Васильевич Стадухин — енисейский казак, впоследствии якутский казачий десятник, казачий атаман, был организатором походов на р. Оймекон (правый приток Индигирки) в 1641–1642 гг., рр. Анадырь, Пенжину, Охоту, Тауй в 50-х гг. XVII в. Он земляк Дежнева; как и Дежневы, Стадухины происходили из Пинеги, по праву считающейся родиной полярных мореходов. На Лену они явились почти всей семьей. Смелый и в то же время высокомерный, своенравный, подчас любой ценой добивавшийся права быть первым, что наглядно проявилось в его грубом поведении на Анадыре в 1650 г., — таков он в исторической литературе. Всю свою жизнь Стадухин фактически провел на государевой службе «в дальной государевой вотчине» на р. Лене и других реках северо-востока Азии. Он начал свою службу на Лене в 1630 г. и погиб в верховьях Индигирки в 1666 г. (или в 1665 г.), отдав «государевой службе» около 36 лет жизни[12].

Про Колыму и населяющий ее народ М.В. Стадухин писал, что «на Колыме де реке был он для государева ясачного сбору два годы, а Колыма де река велика, есть с Лену-реку, идет в море также, что и Лена под тот же ветер, под восток и под север, а по той де Колыме реке живут иноземцы, колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди и язык у них свой»[13].

Сам острог располагался на правом берегу протоки Стадухинской, всего на 4–5 м выше стояния уровня воды Колымы в межень. Это впоследствии привело к частым затоплениям в период паводков. Как итог, в 1672 г. поселение было перенесено на левый берег Колымы напротив устья р. Анюя, где сейчас располагается с. Нижнеколымск. Местные жители — русские старожилы низовьев Колымы — до настоящего времени называют место первоначального острога «старый город»[14].

Впервые как археологический памятник поселение было обследовано в 1959 г. С.А. Федосеевой — участницей комплексной Юкагирской экспедиции АН СССР на Колыму. В ходе этих работ был снят глазомерный план памятника и проведены локальные земляные работы. Было вскрыто 1 захоронение и расчищены оклады 2 домов[15].

В 1989 г. и в 1990 г. на месте острога проводились археологические раскопки экспедицией Якутского государственного университета под руководством А.Н. Алексеева. Была произведена приборная геодезическая съемка и на ее основе составлен более точный топографический план[16].

За 2 полевых сезона раскопами изучена площадь в 284 кв. м. Это позволило частично исследовать остатки 4 построек. Из-за мерзлоты культурный слой в раскопах не удалось докопать до материка[17].

Была собрана богатая археологическая коллекция, состоящая из нескольких тысяч находок из металлов, дерева, стекла, фарфора и фаянса, ткани, камня, кости, бересты. Исследования планировалось продолжить, т. к. объект сильно разрушался протокой. Однако из-за прекращения бюджетного финансирования археологических исследований в 1990-х гг. работы больше не проводились[18].

В 2006 г. памятник посетила сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН Е.А. Строгова, которая обнаружила существенные разрушения культурного слоя протокой Стадухинской. Было принято решение провести рекогносциро-

---

[11] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48; Садовникова А.А. Освоение Колымского края русскими землепроходцами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 12. — С. 69–72; Строгова Е.А. Стадухинский острог в исторических исследованиях // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 238–242.

[12] Сергеев О.И., Чернавская В.Н. Казак М.В. Стадухин — исследователь Северо-Востока Азии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках: Историко-археологическое исследование. Т. 3. — Владивосток, 1994. — С. 56–70.

[13] Цит. по: Садовникова А.А. Освоение Колымского края русскими землепроходцами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 12. — С. 69–72 — С. 69.

[14] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48; Садовникова А.А. Освоение Колымского края русскими землепроходцами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 12. — С. 69–72.

[15] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

вочные исследования технического состояния Стадухинского поселения и возобновить аварийно-спасательные раскопки. Эти работы удалось организовать лишь несколько лет спустя.

В 2009 г. экспедиционная группа НПО «Северная археология 1» под руководством Г.П. Визгалова при участии Е.А. Строговой провели рекогносцировочное обследование памятника.

Обследование показало, что обрыв берега смещается, центральная и южная часть поселения продолжают интенсивно разрушаться. Раскоп 1989 г. почти полностью разрушен рекой, от него осталось лишь несколько квадратных метров. Из раскопов 1990 г. полностью сохранился раскоп № 3, раскоп № 2 смыт рекой наполовину, а раскоп № 1 начинал разрушаться. Было установлено, что за 19 лет смыто не менее 500 кв. м культурного слоя.

В 2010 г. были начаты археологические раскопки внутри сохранившихся раскопов 1990 г. и на участке между раскопами № 1, 2, 3 1990 г. Работы 2010 г. велись тремя раскопами общей площадью 165 кв. м.

Раскоп № 1 площадью 31 кв. м полностью совпадал с раскопом 1 1990 г. Каких либо остатков построек в раскопе 1 обнаружено не было. Этот участок представлял собой часть двора хозяйственно-жилого комплекса (3-частный дом «изба-сени-изба») и хозяйственный пристрой, раскопанный в 1989 г. Судя по слою, этот участок был местом свалки домашних отбросов и навоза. В юго-восточном углу раскопа 1 был обнаружен массив из обожженной глины, который подстилался линзой сырой глины, возможно это были остатки летней печи. Только в раскопе 1 удалось расчистить культурный слой до слоя синей глины, отделяющей нижний строительный горизонт.

В раскопе 2 площадью 134 кв. м была докопана северная часть двухкамерной постройки № 2, частично раскопанной в 1990 г., и исследован участок между постройками № 2 и 3. В раскопе 3 1990 г. была полностью докопана хозяйственная постройка № 3.

Основная масса находок связана с рыболовным и охотничьим промыслами и снаряжением. Это ножи, железные наконечники стрел, костяной хвостовик от составного лука, железные и костяные наконечники остроги, деревянные стрелы — томары и т. д. Найдены поплавки: для ставных сетей в виде деревянных планок, для неводных сетей в виде овальных дощечек. Грузила: для ставных сетей в виде обруча из ветки с привязанным камнем, обернутым в кожу или тряпицу, для неводных сетей в виде камня, зашитого в берестяной мешок. Найдены деревянные «табурки» — застежки, используемые для пристегивания подледных сетей.

Необычно для русских поселений других территорий выглядят в коллекции каменные скребки из расколотых вдоль галек, которые свидетельствуют о проживании на поселении женщин-аборигенок. Аналогичные скребки были найдены при раскопках Стадухинского поселения в 1989 г. и Алазейского острога. Такие каменные скребки для обработки шкур использовались юкагирами, эвенами (название кочай) и чукчами (название нуврэн) до XX в.[19]

Важной находкой в раскопках стали фрагменты судовых деталей — обломки досок бортового набора от маломерных и средних речных судов, шитых вицами. Кроме железных скоб, это первые детали судов конца XVII — начала XVIII в., найденные на северо-востоке Сибири[20].

Собранные на поселении костные остатки были определены сотрудником Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН кандидатом биологических наук Т.В. Лобановой. Из определимых костей (1708 образцов) больше всего принадлежало лосю (648 шт.) и северному оленю (558 шт.). Значительно меньше было костей зайца (35), собаки (85), коровы (31), незначительно костей песца (12) и единичны кости лисицы (6), горностая (2), моржа (2), лошади (2), росомахи (1). Также найдены 2 кости мамонта и 1 тазовая кость человека. Кроме этого 255 костей были рыбьими и 62 птичьими, но они пока еще не определялись до вида[21].

Из перечисленного выше видно, что у жителей поселения главное место в потреблении мяса играли копытные — лось и олень. На современном уровне зоологической науки пока невозможно отличать по костям оленей домашних от диких, поэтому масштабы охоты на дикого оленя определить невозможно. Учи-

[19] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48; Сериков Ю.Б., Визгалов Г.П., Коноваленко М.В. Каменные изделия Стадухинского острога на Нижней Колыме (Республика Саха (Якутия)) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 3(34). — С. 35–43.

[20] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме: результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. — Омск, 2011. — С. 40–48.

[21] Там же.

Находки из раскопа на месте Стадухинского острога: оловянный нательный крест (нач. XVIII в.), счетные жетоны (сер. XVIII в.), ножницы для снятия свечного нагара

тывая, что лось значительно крупнее оленя, можно утверждать, что его роль в мясной пище населения была главной. Найденные при раскопках длинные наконечники стрел из бивня мамонта и метаподий копытных животных явно предназначались для охоты на лося и оленя[22].

Костей коровы найдено немного, но они принадлежали всем частям скелета, в том числе найдены кости черепа и метаподии. Можно утверждать, что корова на поселении была, но ее было немного, вероятно только для получения молока[23]. Лошадь у русских использовалась в пищу в исключительных случаях, поэтому найденные 2 кости говорят лишь об ее присутствии на поселении. Много ли содержали лошадей на поселении и разводили ли их, пока еще не выяснено[24].

При относительно небольшой площади раскопок было найдено много костей собаки. Они принадлежали в основном двум скелетам, но на поселении найдено уже минимум 6 особей. Собак обычно закапывают на удалении от поселения, поэтому чем объясняется их присутствие в культурном слое, пока не ясно. Так же как и непонятно пока нахождение тазовой кости человека близ постройки № 1[25].

Удивительно малое количество костей зайца (который в изобилии водится в тальниковых зарослях Колымской низины) на поселении объясняется тем, что население было достаточно обеспечено мясом за счет охоты на лося и оленя. Малое для промыслового региона количество пушных животных объясняется добычей их на значительном удалении от поселения. То есть в острог привозили уже шкурки животных, а значит, в конце XVII — XVIII вв. промысловых пушных животных в непосредственной близости от ясачного зимовья уже не было[26].

Проживание в зимовье представителей аборигенных народов косвенно подтверждается тем, что многие метаподии и фаланги копытных расколоты вдоль для доставания костного мозга. Такой способ доставания костного мозга до сих пор обычен при трапезе у северных народов[27].

Результаты исследований 2009–2010 гг. показали, что дальнейшие раскопки Стадухинского поселения являются перспективными для науки и необходимыми для сохранения археологического наследия. Значение материалов острога на Стадухинской протоке и в том, что поселение, просуществовав около 120 лет, было заброшено и здесь больше не возникало поздних строений. То есть коллекции, полученные при его раскопках, могут являться эталонными для более чем столетнего периода с середины XVII в. до 60-х гг. XVIII в. Все население острога переехало в с. Нижнеколымское, поэтому исследования на этом месте могут выявить преемственность традиций в культуре русского населения северо-востока Сибири. Потомки жителей и старого, и нового острогов сегодня проживают в с. Походск, расположенном на 50 км ниже по течению от Стадухинского поселения. Важным является необходимость продолжить этнологические исследования, начатые еще А.Г. Чикачевым, с целью получения информации о материальной культуре русского старожильческого населения Нижней Колымы[28].

[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же.

ЗАШИВЕРСК, ЗАШИВЕРСКИЙ ОСТРОГ, ИНДИГИРСКИЙ ОСТРОГ

Зашиверск, вначале известный как зимовье, острог, а затем город, находился за полярным кругом в «юкагирской землице», на территории современной Саха (Якутии), где проживали племена юкагиров, эвенов, якутов. Он пережил несколько этапов развития и упадка[29]. В период своего расцвета Зашиверск известен как опорный пункт продвижения землепроходцев и путешественников на Дальний Восток, организации посольств для переговоров с чукотскими племенами, важный центр сбора ясака, торговли и управления регионом.

В 1650–1680-х гг. «за шиверами» (за порогами) в устье Момы возникло поселение в виде зимовья, к концу 1660-х гг. оно разрослось до размеров небольшого острожка. Его застройка представляла собой комплекс из «ясачных изб» и амбаров, которые располагались по периметру огражденной территории. До 1700 г. рост поселения шел за счет жилой застройки вне стен острога. Посреди острога возвели часовню. В первой трети XVIII в. острог перенесли ниже каньона Момского хребта, на берег Индигирки. На юг от острога высились горные хребты, на север простиралась тундра с многочисленными озерами и топкими болотами. Площадь Зашиверского острога увеличилась до размеров, установленных в 1969–1971 гг. экспедициями под руководством академика А.П. Окладникова. Основные сооружения старого острога были перенесены в новый путем сплава по Индигирке. До 1787 г. на новом месте острог занимал ту же площадь, что и прежде, и сохранял свои оборонительные функции, путем пере-

[29] См.: Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 95 с.; Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. — М.: Наука, 1977. — 212 с.

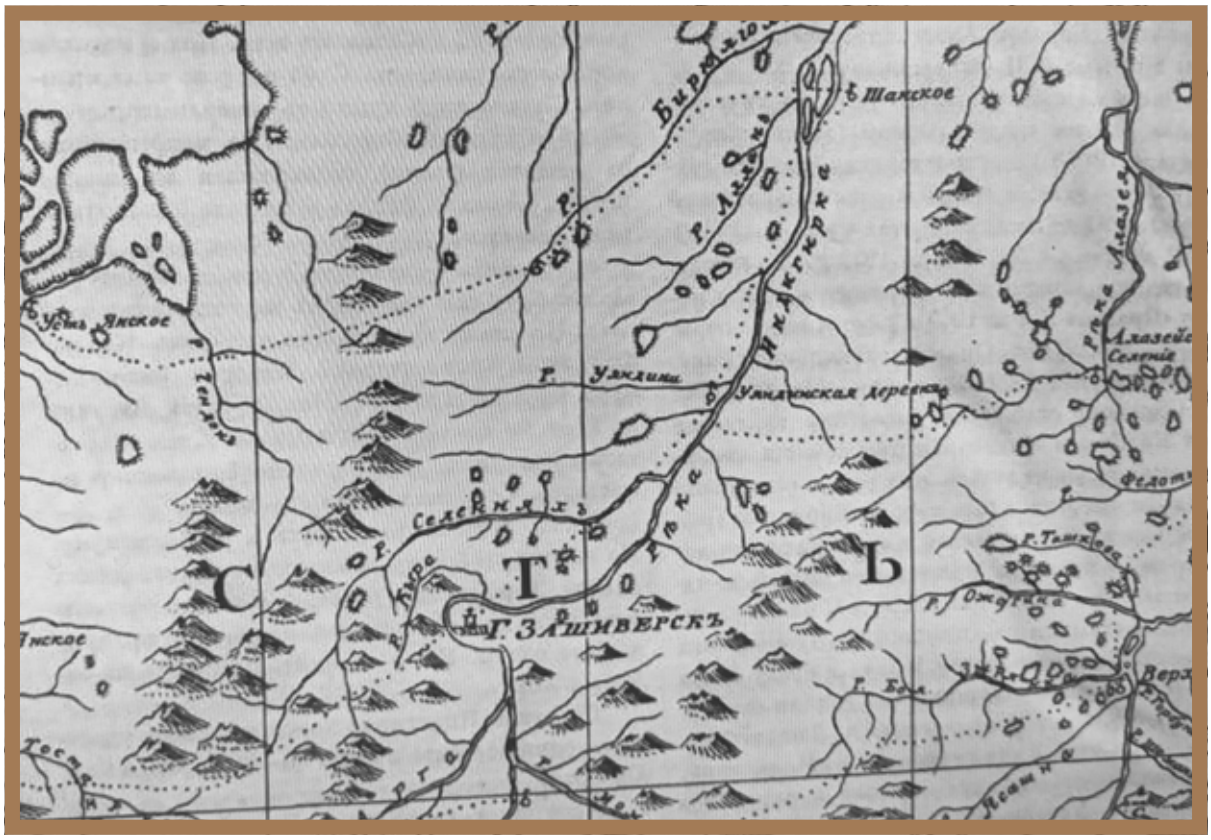
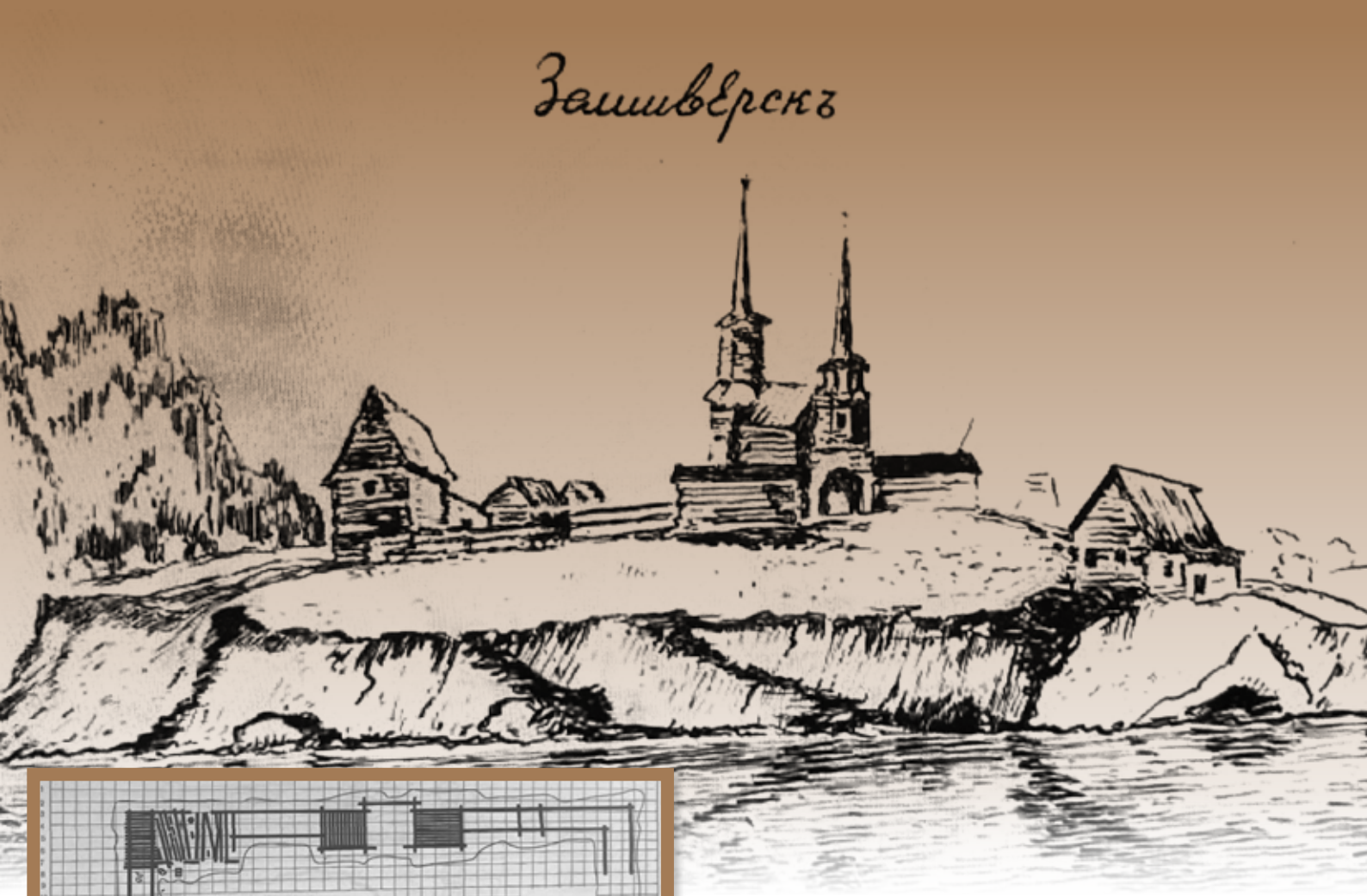
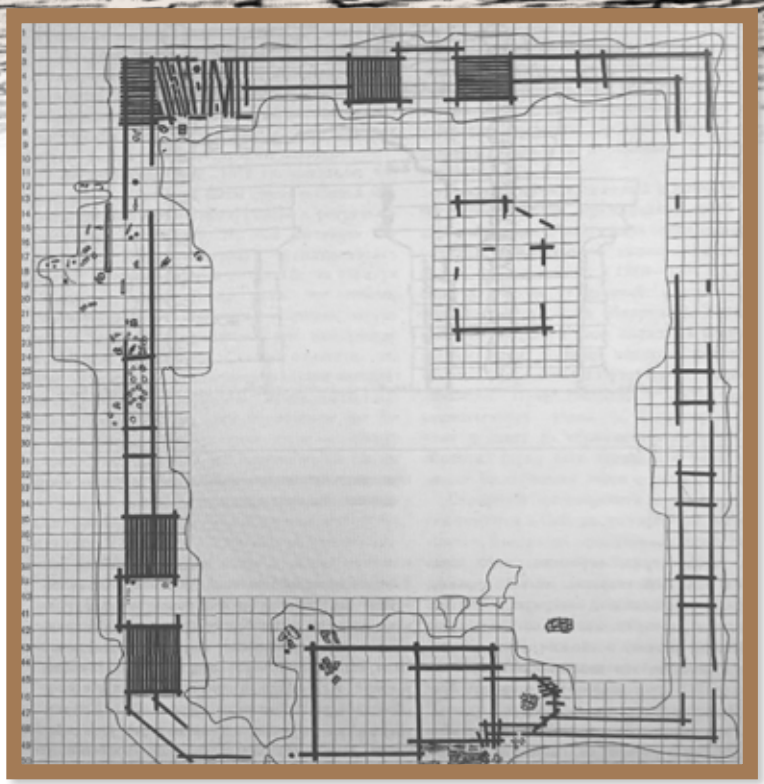

Схема расположения Зашиверска в XVII–XVIII вв.

Город Зашиверск. Рисунок Ф.Ф. Матюшкина от 29 ноября 1820 г., сделанный им во время посещения города

Схематичный план раскопа Зашиверского острога по исследованиям 1969–1971 гг.

стройки усиливая символическое значение своих сооружений. Был создан эффектный ансамбль, сочетающий высокое здание шатровой церкви с приделом и шатровую колокольню на северной башне, что дало городу выразительный речной фасад. От заполярного города до ближайшего селения было более 300 км. Численность поселения к концу XVIII в. составила около 500 человек.

В следующее десятилетие Зашиверск потерял функции крепости, превращаясь в открытое поселение, в центре которого был построен типичный погостный ансамбль из 3 сооружений: холодной церкви, теплой церкви и расположенной рядом с ними отдельно стоящей колокольни. Толчком к перестройке центра поселения послужил пожар, уничтоживший крепостные стены, а вместе с ними и постройки северной части крепости, в том числе и церковь. Уцелели в пожаре массивный амбар в северо-западном углу и расположенная рядом с ним аманатская изба, которая существовала и в 1798 г., что отмечено на плане этого года, и в 1830-е гг.

В 1798–1840 гг. Зашиверск снова подвергся перестройке, что было связано с утверждением статуса города как административного центра. Возникла идея зональной планировки города с выделением военно-административного ядра города, для чего

Археологические находки из раскопок в Зашиверске

Раскопки острога. Удален дерновый слой, обнаружена основа крепостной стены

и восстановили на месте исчезнувшего около полувека назад острога его копию, повторив его размеры и ориентацию. Стены этого, последнего, зашиверского острога вновь сделали срубными, хотя они не достигали высоты настоящего оборонного сооружения. В южной части стены размещалась Спасская церковь.

После 1840 г. город стремительно опустел из-за эпидемий оспы и изменения транспортных путей. В 1853 г. Спасская церковь в Зашиверске была упразднена. Последующая история города сводится к медленному обветшанию и разрушению. На его месте сохранились только здания церкви и руины колокольни, которые в 1970-е гг. после проведения археологических и историко-архитектурных исследований были вывезены в г. Новосибирск и восстановлены в Историко-архитектурном музее Института истории, филологии и философии СО АН СССР (затем Институт археологии и этнографии СО РАН).

Зашиверск упоминается в документах начиная с середины XVII в., в которых описаны строения острога[30]. На чертежах Семена Ремезова, составленных в конце XVII — первых годах XVIII в., обозначен «Зашиверский острожек». Затем следует 30-летний перерыв, от которого не дошло ни одного упоминания о Зашиверске. Долгое время сведения о Зашиверске представляют собой краткие упоминания в записках путешественников. В 1730-е гг. в материалах, отложившихся в т. н. «портфелях Миллера», появляются сведения

[30] См.: Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 95 с.; Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 212 с.

Раскоп у колокольни. Зачистка пола соседнего с башней помещения

об остроге, в котором было 2 ворот, несколько стволов огнестрельного оружия. В записках участника Великой Северной экспедиции Якоба Линденау Индигирский (Зашиверский) острог характеризуется как значительное укрепление с гарнизоном в 35 служилых людей и со Спасской церковью. Конец 1780-х гг. оставил первое изображение Зашиверска в 2 рисунках участника экспедиции Сарычева-Биллингса по северо-востоку Сибири, художника Л. Воронина. На рисунках заметное место занимает изображение церкви и колокольни. С одного из рисунков была снята копия, опубликованная в начале XIX в. в Париже в книге о путешествии Биллингса. В начале 1820-х гг. Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф. Врангеля, зарисовывает то, что осталось к тому времени от Зашиверска, в т. ч. и церковь с колокольней. В середине 1830-х гг. здание церкви было обследовано комиссией, описавшей состояние ее разрушений. В 1888 г. верхоянский благочинный иерей А. Берденников составил описание руины Зашиверской церкви, к тому времени уже 30 лет как переставшей быть действующим храмом.

Только в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Зашиверск становится местом работы нескольких научных экспедиций, организованных Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством академика А.П. Окладникова. Были проведены археологические раскопки острога и историко-архитектурное обследование зданий Спасской церкви и колокольни.

Немногочисленные, но интересные результаты дали раскопки, проведенные по периметру существовавшего некогда острога, а также на месте церкви. В мерзлоте на глубине 35 см были обнаружены остатки срубных крепостных стен, выполненных сплошными «тарасами», когда продольные бревна стены, отстоящие друг от друга на расстоянии в 2 м, связывались поперечными бревенчатыми перевязками. На небольших отрезках стен, где сохранность дерева оказалась лучше, а грунт позволил углубить раскопки, получены материалы, говорящие о 2 разновременных укреплениях, построенных по одной линии. Оба эти сооружения были в свое время уничтожены огнем, между слоями золы и обугленного дерева обнаружилась прослойка речного песка, являвшегося, возможно, следом затопления площадки. Удалось проследить остатки больших по размерам, чем клети стен, срубов сооружений, примыкавших с севера и юга к колокольне, сруб крупного строения длиной 8–10 м в северо-западном углу укрепления и срубы клетей в середине северной, обращенной к реке стены. Под полами этих срубов и в створе стены найдены стеклянные бусы, поделки из кости и рога, железный нож без рукоятки, куски слюды, каменные скребла, несколько медных монет XVIII в. Монеты 1705, 1763, 1766, 1767 гг. были обнаружены в окладных венцах трапезной, что говорит о том, что

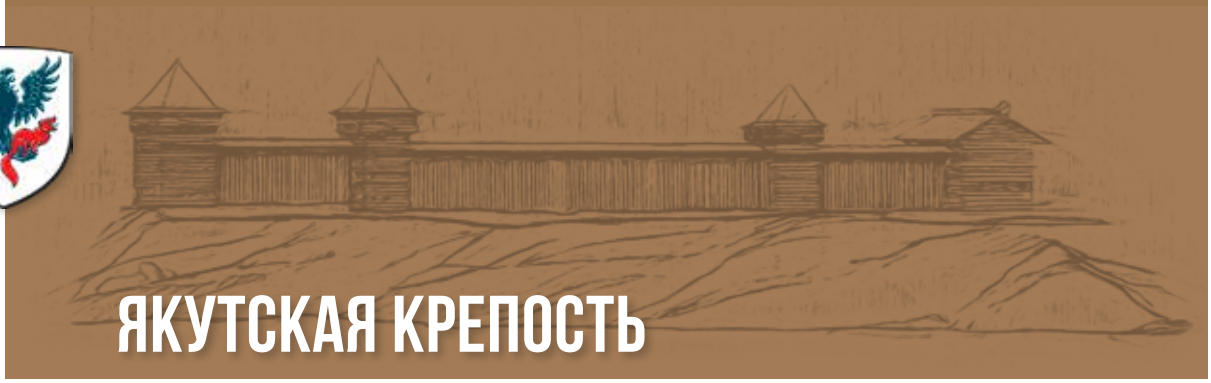
Спасская церковь из Зашиверска с колокольней
в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. 2017 г.

Карта-схема бассейна р. Индигирки

венцы были положены уже после 1767 г. Установлено, что длина северной стены с башнями равнялась 38 м. В 15 м от колокольни на наружной стене острога обнаружены отходы косторезной мастерской. Работы на месте острога были краткими — приближалась ранняя полярная осень. Вскрыв периметр острога, археологи не успели раскопать всю его внутреннюю площадь. Однако заложенные ими шурфы в центре острога показали существование большого срубного сооружения, по остаткам и ориентации его можно определить как церковь с двумя апсидами, имеющими стыковку некоторых стен под тупым углом.

Участники экспедиции 1971 г. разобрали строение церкви и остатки колокольни и перевезли их в Новосибирск, где Зашиверская церковь с колокольней в 1980-х гг. возобновили свое существование в реконструированном виде.

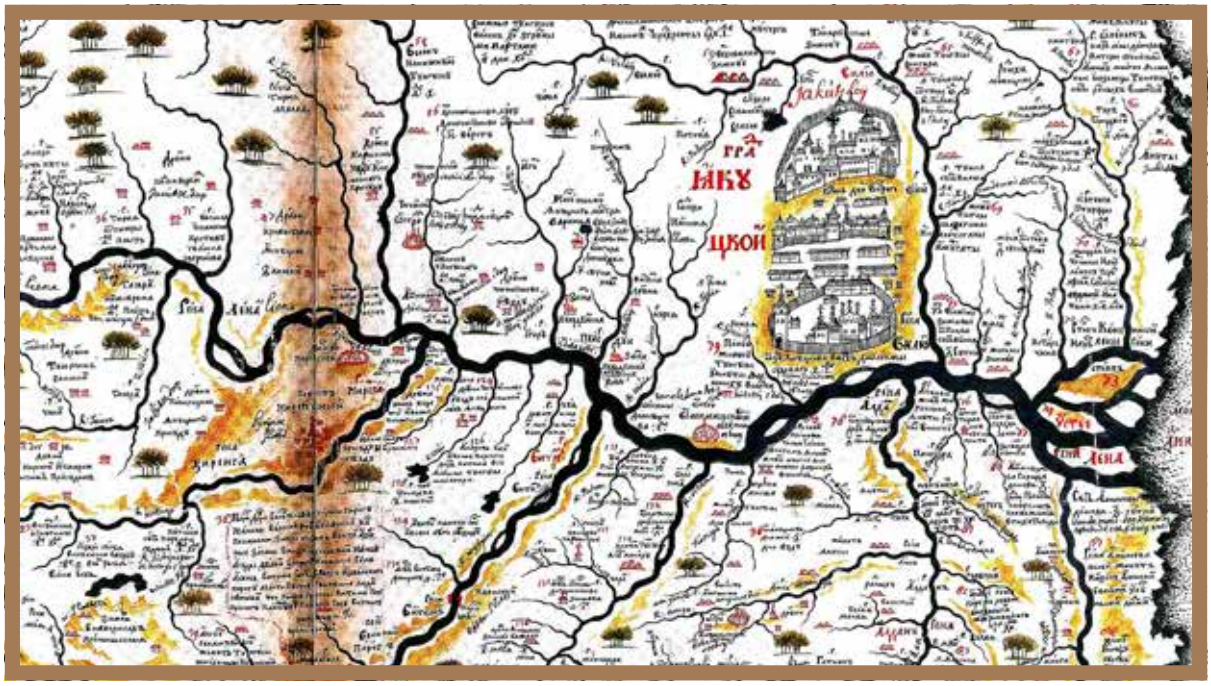
ЯКУТСКАЯ КРЕПОСТЬ

В процессе русской колонизации огромного сибирского региона с конца XVI и до начала XVIII столетий здесь возводились первые поселения самого разного назначения — от промысловых зимовий до сельских деревень, слобод и укрепленных городов. Как правило, все первые поселения имели укрепления для защиты жителей от нападения аборигенов. Среди поселений XVII в. большой интерес для науки представляют деревянные сибирские крепости, воплотившие в себе лучшие достижения русской крепостной архитектуры предшествующего периода. Сибирские крепости интересны тем, что, наряду с традициями, в них русские градодельцы учитывали географические и климатические условия Сибири и вносили при строительстве крепостей соответствующие коррективы. На рисунках и гравюрах XVIII в. с изображением сибирских городов хорошо видно, какую важную композиционную роль в формировании городского силуэта выполняли вертикали крепостных башен и церквей. Утратив в XVIII в. свою защитную функцию, деревянные крепости были со временем снесены и лишь остатки некоторых из них в виде отдельных башен и элементов срубных стен сохранялись до начала XX в. До настоящего времени сохранились по две башни Братского и Казымского острогов и по одной — от Якутской, Бельской и Илимской крепостей.

Из многочисленных крепостей Сибири наибольший интерес, пожалуй, представляет Якутская деревянная крепость, немым свидетельством которой является единственная из 16 ее башен, находящаяся на территории музея в центре города Якутска. Научный интерес к Якутской крепости начал проявляться еще с середины XIX в., когда ее остатки стали объектом зарисовок и описаний. Можно вспомнить рисунки с видом Якутской крепости, выполненные И. Булычовым, Н. Щукиным, В.Г. Короленко. Более того, оставшиеся башни были воспроизведены в деревянных моделях (макеты). Вместе с тем ни один из исследователей того времени на основе сохранившихся документов и материалов не сделал даже попытки графически воссоздать образную и полную характеристику Якутской крепости, представляющей собой выдающееся произведение древнерусской деревянной крепостной архитектуры XVII столетия.

Якутский острог. Фото 1902 г.

План Якутска конца XVII в. в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова

Систематизацию имеющихся материалов относительно Якутской крепости и некоторых других сибирских крепостей провел в начале XX в. историк архитектуры Н.В. Султанов, опубликовавший свое исследование в 1907 г. Исследуя Якутскую крепость, Н.В. Султанов опирался в основном на те документы, что были «под рукой», а многочисленные архивные материалы остались в стороне от его внимания. Не проводил он и натурного обследования остатков Якутской крепости. И тем не менее нельзя не оценить колоссальный труд историка архитектуры, сделавшего попытку обобщить имеющиеся сведения по сибирским деревянным крепостям.

Сохранившиеся многочисленные архивные источники и другие исторические материалы позволяют с хронологической точностью проследить строительство Якутской крепости с момента ее основания в 1632 г. и до 1681–1687 гг., когда был построен новый город с мощными рублеными стенами и 8 башнями, а также обрамлявшим его по всему периметру острогом с таким же количеством башен. Челобитные воевод, составленные ими при передаче острога друг другу, росписные списки, описания, ведомости, сведения — все эти документы раскрывают не только историю Якутска, но и взаимоотношения русских с местными народами, ход освоения Восточной Сибири, торгово-экономические отношения, процесс налаживания хозяйственной жизни.

Основанный в 1632 г., первоначально острог назывался Ленским. Основатель будущего Якутска сотник Петр Бекетов ставил острожек в осеннее время, торопился успеть до зимы, а потому выбору места не уделил должного внимания. Докладывая в конце сентября в Москву, Петр Бекетов писал о том, что поставил он «с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачново збору и для приезду якутцких людей. А преж тово на Лене реке и в якутцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новой острожек я, Петрушка, против якуцкова князца Мамыкова улусу и меж иными многими улусами середи всей земли». Располагаясь в центре территории относительно расселения аборигенов, с которых собирали ясак, острог в этом отношении обладал удобством, но место, где его срубил Бекетов, было низким. «...И оной острог не у места, понеже место тесное и ниское, по вся весны водою поимала», — сообщалось в одном из документов.

Через два года после основания острог затопило водой и он развалился, поэтому Иван Галкин в 1634 г. подыскал более удобное место — тоже на правом берегу Лены, но на несколько десятков верст выше прежнего места. Новый острожек как пункт ясачного сбора состоял из 3 изб и 2 амбаров, над которыми для защиты были устроены нагородни, а в стенах прорублены бойницы для отражения нападения. Постройки казаки огородили тыновой стеной, над воротами поставили караульню. К 1641 г. вокруг острога сформировался небольшой посад из 24 изб и полусотни якутских юрт, в которых проживало около 300 человек.

С 1638 г. в Якутске было введено воеводское правление. Первые воеводы Петр Головин и Максим Глебов, отправляясь из столицы Московии, получили царский

наказ — «из тех острожков старых поставити новый острог где пригоже, чтоб тот острог был на угожем месте». Предстояло новое переселение. Некоторое время воеводы жили в прежнем остроге, но наводнение 1642 г. подстегнуло их к поиску более высокого места. Они перенесли острог, поставив его на «Эюковом лугу». Из старого острога перевезли самые прочные постройки и собрали их вновь. Крепость же пришлось строить заново, по всем правилам фортификационного искусства. К возведению острога приступили в апреле 1643 г. и к осени почти закончили строительство, которое осуществлялось специальной группой из 40 казаков под руководством Алексея Бедарева. Отправляя в Москву челобитную, Петр Головин сообщил в ней и сведения о новом остроге. Крепость представляла собой прямоугольную, почти квадратную в плане форму с периметром тыновых стен в 333 сажени. Четыре башни были поставлены по углам, а еще четыре — в середине каждой из стен (проездные башни). На всех башнях имелись дозорные смотровые вышки. С этого времени острог стал именоваться Якутским.

Внутри крепости казаки срубили храм во имя преподобного отца Михаила Малеина и шатровую церковь Живоначальной Троицы, поставили привезенные из прежнего острога амбары для провианта, срубили воеводскую избу («приказ двойной на подклетах с сенями»), аманатскую избу, погреб, пушечные амбары. За пределами острожных стен были поставлены хозяйственные амбары, гостиный двор, избы для казаков и другие постройки. Здесь же, под острогом, стали селиться и якуты.

С конца 40-х годов Якутский острог становится не только центром нового воеводства, но и опорной базой, с которой снаряжались экспедиции к берегам Тихого океана, на Амур, Оленек, Колыму, Анадырь и в другие отдаленные места. Именно отсюда отправлялись в свои походы Иван Москвитин, Василий Поярков, Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, а в конце XVIII в. и Владимир Атласов, открывший Камчатку. Во вновь открытых землях русские землепроходцы ставили укрепленные зимовья и остроги. Можно с большой долей уверенности утверждать, что образцом для новых острогов служила и Якутская деревянная крепость. Наверняка в составе отрядов находились якутские казаки, владевшие плотничьим ремеслом и принимавшие деятельное участие в возведении якутских укреплений. Впрочем, в то время русский мужик одинаково мастерски владел как топором, так и оружием.

В 1663 г. в 200–300 саженях к северу от острога был основан Якутский Спасский монастырь, просуществовавший до XX в. В 60–70-е гг. XVII в. в Якутске появляются посадские люди. Для них в 1678 г. были выделены четыре зоны: для детей боярских и прочих служилых людей; для торговых людей; для старообрядцев; для прочих ссыльных. Однако и новая крепость вновь и вновь подвергалась разрушениям от наводнений. Вода часто подступала непосредственно к крепости, и воеводы переносили то одну, то другую башню на более возвышенное место. Так, воевода Ф.И. Бибиков в своей отписке сообщал следующее: «...в прошлом де во 186 году (1678 — Н.К.) Якуцкого острогу наугольную башню перенесли и поставили на другой стороне острогу, да во 184 году болшую башню водою подмыло, и тое башню перенесли и поставили на другой стороне острогу, и острожную де стену, которая от реки по вся годы водою подмывает же, и тое острожную стену по вся годы переставливают, а ныне де под-

Якутск конца XVII столетия. Художник И.В. Попов

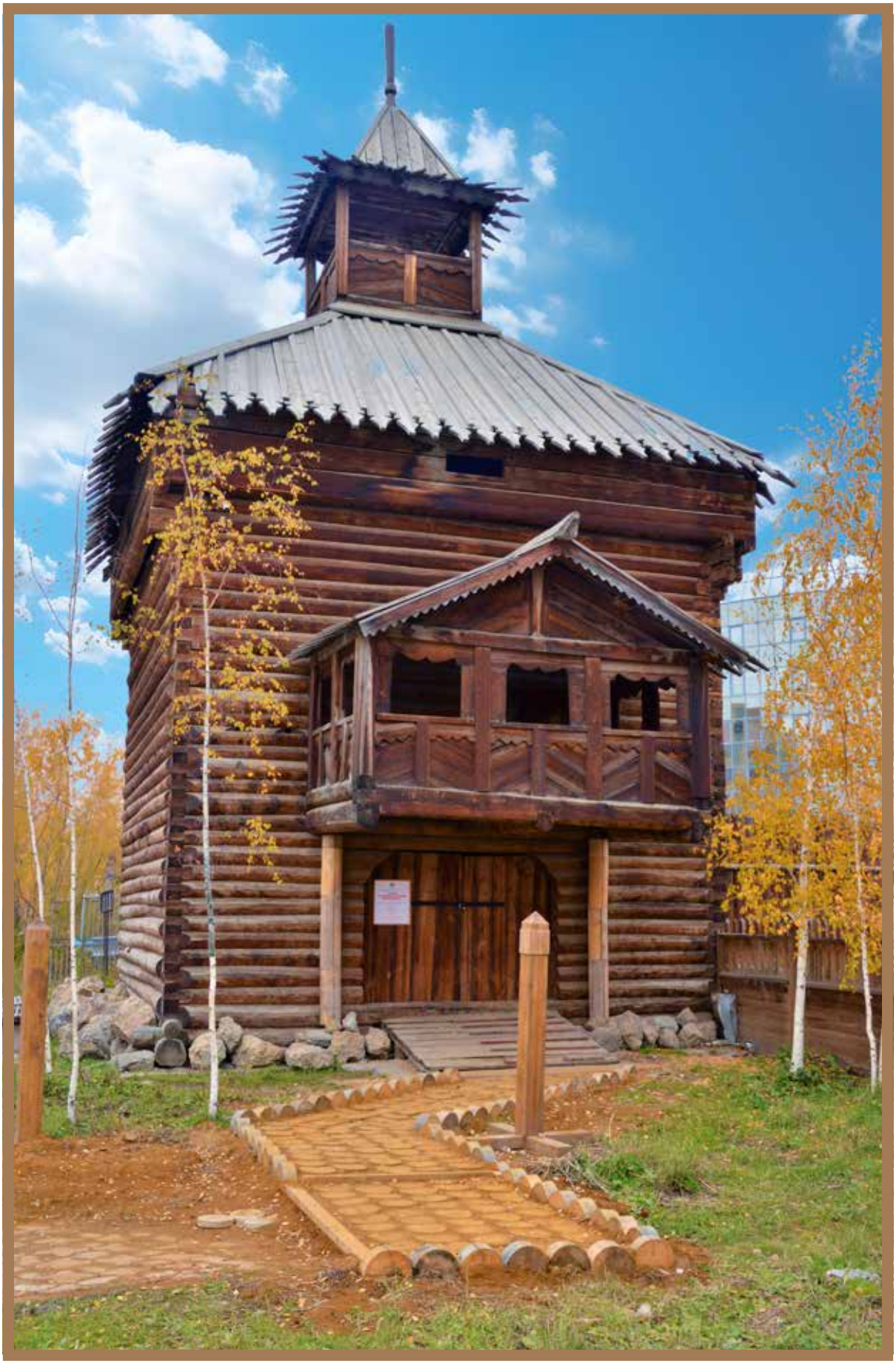
мыло до воеводского двора и до приказной избы и до казенных амбаров, и им де якуцким жителем острогу и соборной церкви и приказные избы и казенных амбаров и воеводских дворов переносить нечем».

Как видим, воеводы собственными силами делали лишь текущий ремонт крепости, а новую возводить без царского указа не имели права, да и возможностей у них для этого было маловато. Подробно объясняя ситуацию в посылаемых отписках, они надеялись на разрешение проблемы и помощь со стороны. Спустя несколько лет в Якутск поступил царский указ с разрешением о переносе крепости на новое место: «И ныне мы Великий государь указали на Лене в Якуцком делать город новой рубленой не в один год, а старой острог и надолбы и крепости починить якуцкими всяких чинов служилыми и жилецкими людьми, чтоб в том остроге жить было бесстрашно; а делать новой город якуцкими ж служилыми и всякими жилецкими людьми, а в прибавку взять плотников в Енисейску и в Илимском; а где быть новому городу обыскать и описать подле посаду порожее место, где пристойно, чтоб в крепких и в угожих местах и водою не подмывало... а город новой делать каков пристойно, смотря по тамошнему делу, и не в один год; а к тому городовому делу взять плотников из служилых или из посадских людей к якуцким служилым и посадским людем в прибавку из Енисейска сорок, из Илимского 20 человек, не замотчав; а на то городовое строенье послать из енисейских доходов денег 300 рублев, опричь тех денег, которые велено посылать на Лену по 3000 рублев на год... а гвоздье и всякие железные припасы на то городовое дело ковать в Якутцком из старых ломаных якорей, и которые ж якори в расход не годятца, и из иного железа, из какого доведетца...»

Строительство очередной Якутской крепости начал вновь прибывший воевода И.В. Приклонский. Отыскав на лугу новое место «против старого острогу от посаду крайнего к матерой стороне сажени с 200, а от реки до городового места, где быть городу, сажен с 400», воевода приступил к заготовке леса, а в июле 1681 г., после прибытия из Енисейска и Илимска 55 человек, — к строительству нового города. Почти все работы были закончены в 1683 г. Конфигурация крепости осталась прежней, только стены были уже не тыновыми, а срубными, в них стояли 8 башен (2 проездные и 6 угловых). Длина каждой стены составляла 60 саженей. В высоту глухие башни поднимались на 9, а проезжие — на 12 и 14 саженей. В мае 1684 г. Иван Приклонский, передавая крепость новому воеводе Матвею Кровкову, сообщил в Москву: «И тот, государь, новой город, четыре стены с башнями, сделан наготово, и стены и башни покрыты тесом... и тому городу написав чертеж, послал я холоп твой к тебе великому государю царю к Москве с отпискою». В отписке воевода со всеми подробностями описал крепость с башнями и их размеры. Невыгодные для себя подробности воевода не стал отмечать в отписке, в частности о том, что крепость осталась недостроенной. Зато Матвей Кровков отметил в своей отписке, которую тоже направил царю, все недостатки.

«Принял у воеводы Ивана Приклонского город новой рубленой, в стенах семь башен; да в том же городе в стене на углу церковь новую две службы, и та, государи, церковь и город не достроены, стены у города и башни крыты в один тес без нащелников; мерою тот город в длину и поперег с поля с волных сторон по штидесят сажень стена, а внутри в городе по 57 сажень стена; да в том же городе приказная изба да караулна не достроены; а та изба перенесена бывшего дьяка Федора Тонкова, а тое избу он Федор в Якутцком в прошлых годех строил своими денгами. А олтари у той церкви выпущены за город... да осмая, государи, башня, что была в городе в стене на углу, где ныне заведена церковь, и та башня с городовою стеною с четырми клетками перенесена и поставлена на поле без кровли; а церкви, великие государи, в городовой стене быть непристойно: в приход неприятелских людей пушки поставить и ратным людем с ружьем стоять нельзя и оборонять с дву... (стен) нечем».

В 1685 г. М.О. Кровков велел казакам, торговым и промышленным людям делать вокруг рубленой квадратной в плане крепости еще одну, такой же конфигурации, но с тыновыми стенами и тоже с 8 башнями. Делалось это «для осадного времени, для береженья якуцких всяких чинов людей». Дело в том, что якутскому воеводе пришло сообщение с Амура о том, что нависла опасность со стороны Китая. Албазинский воевода предлагал укрепить устье р. Олекмы и Якутский острог. Матвею Кровкову удалось убедить жителей Якутского острога провести необходимые мероприятия для защиты крепости. Стены острожной крепости отстояли от прежней с восточной стороны на 60 саженей, а с трех остальных сторон на 40 саженей. Из старой крепости, построенной еще в 1643 г., сюда перенесли гостиный двор, таможню и другие казенные строения, а также несколько хорошо сохранившихся башен. Так в течение 1681–1687 гг. Якутская крепость была

Деревянная башня Якутского острога. Реконструкция

отстроена заново, получив два периметра стен с 16 башнями. Она представляла собой величественную композицию с многочисленными шатрами башен и завершениями церквей. Особенно великолепно крепость смотрелась со стороны реки. Город быстро рос и обрастал посадом. На рубеже XVII и XVIII столетий в нем было уже 245 жилых дворов, а население насчитывало примерно 1500 человек.

Самый страшный бич деревянных городов — это пожары. Во время большого пожара, который произошел в Якутске в 1701 г., сгорели несколько построек внутри рубленой крепости — соборная церковь, приказная изба, караульня, казенный амбар, а также часть срубных стен и несколько башен с южной и восточной сторон. Восстановление крепости производилось через год. Вместо утраченной части срубных стен поставили новые, но уже иной, упрощенной конструкции — заборами «в лапу». Более того, часть стены длиной в 16 саженей возвели каменной кладкой. В конце первого десятилетия XVIII в. на территории Якутской крепости появляются первые каменные строения: приказная изба с кладовой палатой, соборная Троицкая церковь. Кстати, здание приказной избы стало первой каменной постройкой в условиях вечной мерзлоты.

Характер ремонта крепости после пожара 1701 г. свидетельствовал о том, что она постепенно стала утрачивать свои военно-оборонительные функции. Клети ее срубных стен стали использовать для хозяйственных надобностей. В последующие десятилетия обветшавшие конструкции бывшей крепости почти перестали ремонтировать. В росписном списке 1759 г. Якутск предстает как «город деревянной рубленой ветхой, в том числе забор рубленой в лапу, в нем 5 башень, да 2 стены каменныя между канцеляриею и церковию каменною в вышину по 2 сажени и по 2 аршина, в тех каменных стенах две прикалитки; кругом того города мерою 211 сажень...» Данный список представляет огромную историческую ценность, поскольку в нем подробно перечисляются почти все постройки жилого, культового, хозяйственного и административного назначения, существовавшие в городе и остроге. Их перечень позволяет представить не только в целом планировочную структуру Якутской крепости середины XVIII в., но и планировку отдельных зданий.

«Да в том же городе в городовой стене от проезжих ворот канцелярия; при ней сени и кладовая сборной ясашной и денежной казне палата каменная, да при ней же канцелярии приделана судейская деревянная с перерубом. В том же городе казенной воевоцкой дом деревянной ветхой, а в том доме строения 3 горницы небольшия; при них 10 окончин слюдяных, в той же стопе мелких изб 4, в том числе одна малая, в них никаких окончин не имеется; оной дом крыт тесом, кругом крышка с перилами. Позади того двора поварная изба с перерубом, а в перерубе казенка; в них 2 печи, у них задвижки железныя;...подле караулки над проезжими воротами в городовой крепости образ Нерукотворенной, на другой стороне образ Архангела Хранителя. Кладовых 4 амбара ветхие, крышки новыя построены в бытность полковника Жеребятникова, в том числе 3 с перилами».

Таким образом, из текста приведенного росписного списка видно, что в городе (ядро крепости) осталось всего 5 башен, а развалившиеся и погоревшие стены были заменены «рубленым в лапу» забором (заплот). С такой же степенью подробностей было сделано и описание внешней крепости Якутска. «Кругом того города острог деревянной ветхой, а в том остроге в станах и на углах 8 башень, в том числе 2 проезжих, крыты тесом, кругом того острогу и с башнями 558 сажень...»

В начале 1786 г., совершая свое знаменитое путешествие по северо-восточной части Сибири, в Якутск приехал Г.А. Сарычев. В путевом дневнике он записал, что Якутск «есть самый старинный из всех здешних городов. Старая деревянная крепость с башнями существует еще и ныне, однако в некоторых местах уже обвалилась. В ней каменное казенное строение и церковь, кроме которой еще две каменные же церкви: одна в монастыре, другая в городе, а две деревянные. В прочем все дома обывательские, деревянные, построенные на старинный русский вкус; между ними по разным местам рассеяны якутские юрты».

Кроме письменных материалов, в архивохранилищах России хранится большое количество и графических домументов, относящихся к истории Якутской крепости — планы, обмеры остатков крепости, фотографии и зарисовки. Последовательно, в хронологическом порядке рассматривая их, можно наглядно представить все те изменения, которые происходили и с самой крепостью, и с планировкой Якутска. Так, например, на плане 1768 г. можно видеть планировочную композицию крепости с конфигурацией «квадрат в квадрате» и хаотичную застройку примыкающего к крепости посада. Уже следующий чертеж 1798 г.

показывает как бы два совмещенных плана. Один, с той же двухчастной крепостью и хаотичной застройкой, а другой, наложенный на него, — регулярной планировки, с одинаковыми прямоугольными кварталами и прямыми улицами, параллельными и перпендикулярными друг другу. На всех последующих планах XIX в. присутствует упорядоченная застройка, прочерчены улицы, показаны лишь остатки крепости в виде фрагментов стен и единичных башен.

Начиная с 70-х годов XIX в. местные власти предпринимали неоднократные попытки к сломке остатков Якутской крепости, чему усиленное сопротивление оказывала императорская Археологическая комиссия. По ее настоянию были выполнены обмеры сохранявшихся остатков, точные макеты башен и стен, техническое описание и фотографии. Исследователь сибирских городов В.И. Кочедамов отмечал в одной из своих работ, что после того, как эти материалы были использованы Н.В. Султановым, три архивных дела с описаниями и чертежами некоторых сибирских крепостей, в том числе и Якутской, бесследно исчезли.

В начале XX в. от 16-башенной Якутской крепости сохранялись два прясла срубной стены и четыре башни. Постепенно исчезли и они. Ныне существующая и единственная сохранившаяся башня этой крепости является западной проездной башней внешнего периметра крепостных укреплений Якутска. Последняя ее переборка и реставрация производились в 1983 г. под руководством доктора архитектуры А.В. Ополовникова.

Якутская крепость — прекрасный образец русского деревянного зодчества. Она как бы подвела итог многовековой деятельности русских по строительству оборонных сооружений. Крепость эта — наглядный пример высокого мастерства русских градодельцев.

Для истории архитектуры якутских оборонительных сооружений большое значение имеют росписные архивные списки. Наряду с общими историческими сведениями в них встречается довольно много данных о размерах крепости, количестве башен и характере планировочной структуры. Все сведения о крепости относятся к различным этапам ее развития, поэтому важен строгий и тщательный отбор только необходимых документов, наиболее полно характеризующих период расцвета архитектуры крепости, которого она достигла после завершения строительства в 1681–1687 гг. Именно от этого времени сохранялась до недавнего времени 1 из 16 крепостных башен. Указанный выше период крепости характеризуют и все росписные списки и описания, составленные после 1685 г. и сохранившиеся в архивах.

Таким образом, облик памятника в данном случае складывается из первоначального его вида, без традиционных наслоений, поскольку позднее крепость не перестраивалась, а лишь исчезали отдельные ее элементы, что и было зафиксировано в многочисленных документах, отложившихся в архивохранилищах. Все сведения о крепости после XVII в. относятся в большей степени к ее остаткам, которые примерно с первой половины XVII столетия стали фиксироваться в рисунках, а затем в фотографиях, чертежах и моделях. С начала XVIII в. в Якутске началось, пусть и редкое, каменное строительство, поэтому деревянные постройки на территории крепости стали постепенно исчезать — то ли от пожаров, то ли от старения и уничтожения. В 1824 г. была сломана острожная стена, а к середине XIX в. от рубленой крепости оставалась целиком одна только западная стена с тремя башнями, зафиксированная на рисунках. Именно к этому времени относятся первые изображения памятника, сделанные Щукиным и Булычовым. Надо сказать, что рисунки, выполненные Щукиным, не отличались особой документальной точностью, поэтому они в большей степени условны. Зато изображение части крепости с пятью сохранившимися башнями, сделанное Булычовым, носит вполне правдоподобный характер, отличаясь даже некоторой фотографичностью. Пожалуй, это наиболее ранние документальные изображения, если не считать планов и чертежей сибирских острогов, в том числе и Якутской крепости, изображенных в Чертежной книге Сибири, составленной С.У. Ремезовым еще в начале XVIII в. Кроме того, в XIX столетии В. Киприянов в своих очерках по истории русской архитектуры приводил в качестве иллюстраций чертежи фасадов (в виде разверток) одной из стен крепости, а уже в конце XIX в. имелись архивные дела с чертежами и описаниями Якутской и некоторых других сибирских крепостей.

Примерно с конца 1870-х гг. началась многолетняя письменная дискуссия между якутской администрацией, министерством внутренних дел, иркутским генерал-губернатором и императорской Археологической комиссией на тему: «Сносить или не сносить?» Более четверти столетия продолжалась эта волокита, пока, наконец, в 1907 г. Археологическая комиссия не сообщила якутскому губернатору свою просьбу «принять все зависящие от него меры для под-

держания острога»[1]. Правда, несколькими годами ранее, в 1904 г., та же комиссия давала свое согласие на разборку, то есть снос остатков уникальной в своем роде деревянной крепости, правда при условии изготовления под наблюдением архитектора точной деревянной модели, новых фотографий крупного размера, составления подробного технического описания остатков стен и башен и нанесения их на план. Почти тридцать лет переписки понадобилось для того, чтобы определить ценность Якутского острога как «единственного образчика деревянных крепостных сооружений XVI–XVII веков не только в России, но и во всей Европе»[2].

Естественным образом встает главный вопрос — каковы же те сведения, из которых складывается наше представление об архитектуре крепостных сооружений Якутска и которые необходимы для воссоздания (будь то в графической реконструкции или восстановление в натуре) реконструкции его облика? Первый и едва ли не основной источник — это единственная сохранившаяся башня острога. Сюда же следует отнести и документальные фотографии с изображениями других башен, а также фрагмент крепостной стены. Следующая группа сведений и данных — росписные списки и описания сооружений крепости, сделанные сразу же после окончания строительства во второй половине XVII в. и позднее — в начале и середине XVIII столетия. Росписные списки и описания дополняются графическими материалами (изображение крепости С. Ремезовым, Н. Щукиным, И. Булычовым и другими исследователями), составляющими третью группу источников.

Уточнению возникающих неясностей по поводу отдельных форм или конструкций могут помочь письменные источники, относящиеся не только к данному памятнику, но и ко всему оборонному деревянному зодчеству. Все они группируются вместе и представляют, таким образом, дополнительный пласт источников. Следует также отметить, что графическая реконструкция не может быть начата без детального обследования в натуре не только самого памятника, но и других сохранившихся деревянных крепостных сооружений в Сибири. Знание деревянного зодчества и особенностей оборонной архитектуры помогает правильно ориентироваться во всем многообразии архитектурно-конструктивных форм и приемов, находить среди них наиболее типичные и характерные, присущие не какому-то одному, а целому ряду памятников оборонной архитектуры.

В архитектуре стен и башен Якутской деревянной крепости было сконцентрировано, пожалуй, самое типичное из сибирского деревянного зодчества. Это позволяет выделить памятник из числа других и отнести его к выдающимся образцам крепостной архитектуры Руси. Основная особенность Якутской крепости заключается в ее планировочной структуре. В отличие от других сибирских, а также и древнерусских крепостей Якутск имел в плане два одинаковой конфигурации прямоугольника (почти квадраты): внутренний — собственно город, со срубными стенами, и внешний, огражденный тыновыми стенами. Симметричное расположение башен в углах и в серединах сторон квадратов еще более выявляло регулярность планировки, вносило в нее определенные классические черты. Примечательно, что планировка эта даже в чем-то напоминала планы идеальных городов эпохи Возрождения. Шестнадцать башен в сочетании с тыновыми и мощными срубными стенами создавали величественную, монументальную архитектурно-художественную композицию. Крепость олицетворяла собой силу и мощь Русского государства.

Для воссоздания планировочной структуры Якутской крепости необходимы данные о размерах и конструкции ее стен. О них сохранились сведения в исторических документах. В частности, в 1682 г. воевода Приклонский доложил в Москву о строительстве рубленого города, не преминув отметить при этом, что «те... четыре стены мерою в длину по 60 сажен, а поперек в ширину по две сажени, а с кровлею до охлупня в вышину же мерою по две сажени с полусаженью печатных»[3]. Новый воевода, Кровков, в 1684 г. увидел при осмотре, что крепость не достроена, но подтвердил в своей отписке ее габариты. Ведомость 1701 г. приводит те же сведения относительно размеров города и, кроме того, показывает величину острожных стен. Они отстояли от городовых (срубных) стен на 60 саженей с восточной стороны и на 40 саженей от остальных трех стен города. Сведения о размерах острога и города подтверждаются также и росписным списком, составленным в 1715 г.

---

[1] Там же. С. 117.

[2] Там же. С. 116.

[3] Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб., 1867. — С. 313–314.

После пожара, случившегося в начале XVIII столетия, значительно пострадали восточная и южная стены города, в котором после пожара осталось всего 5 башен, в острожных же стенах сохранялись все 8 башен. Вместо сгоревших прясел стен рубленого города был поставлен забор, «рублен в лапу». С этого времени в пределах города стали появляться и первые каменные постройки: приказная изба, кладовая, отдельные участки стен, церковь Троицы. Деревянные постройки города и острога все больше и больше приходили в ветхость. Правда, воеводы прилагали некоторые усилия к тому, чтобы исправить башни и стены, но это в большинстве своем были лишь робкие попытки, создававшие видимость заботы о памятнике старины. А впрочем, Якутскую крепость таковой они наверняка не считали.

В таком же количестве (5 и 8) башни сохранялись и в середине XVIII в., как показывает ведомость Якутска, составленная в 1759 г. Спустя семь лет, в 1766 г., геодезистами Чемесовым и Турчаниновым был выполнен план Якутской крепости и ее окрестностей, который почти в точности соответствует данным росписных списков и описаний. Таким образом, размеры и конфигурация стен и башен Якутской деревянной крепости легко воссоздаются благодаря сохранившимся историческим документам.

Воссоздание в графической реконструкции архитектуры Якутской крепости облегчается не столько сохранившимися историческими документами, сколько вещественными остатками самой крепости. Фрагменты стен и башен были изображены в чертежах, фотографиях и моделях. Имея точные габариты стен и зная их конструктивное устройство, остается воспроизвести облик крепости в формах, традиционных не только для сибирской крепостной архитектуры, но и вполне конкретных для данного памятника. Мера условности в этом случае (при наличии вещественных остатков и большого количества исторических документов) будет незначительной.

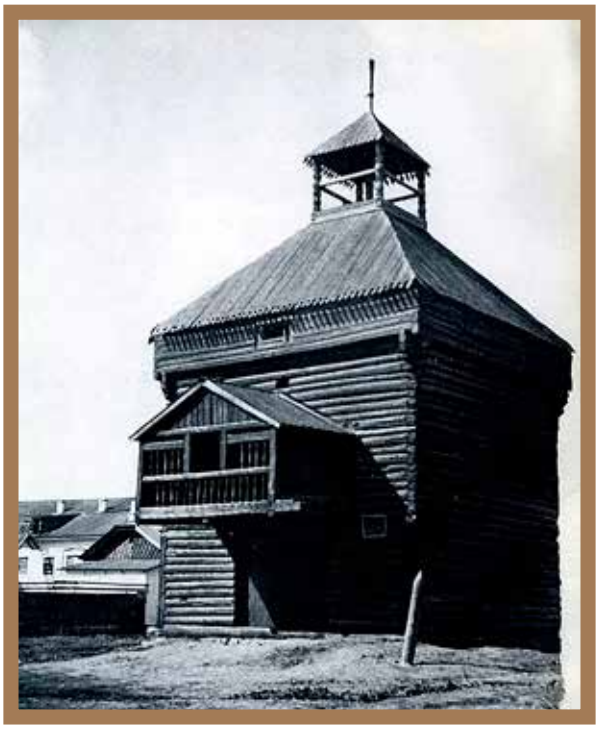
Согласно описанию крепости воеводой Приклонским, угловые глухие башни Якутска были квадратными в плане и имели размеры 3×3 сажени, а высота их составляла 9 саженей (около 19,5 м). Такими же были и 2 глухие башни, расположенные в боковых стенах. Самая крупная башня — главная проездная, расположенная в середине восточной стены; ее размеры в плане составляли 6×6 саженей, а высота — 14 (почти 30 м). Вторая проездная башня высотой была чуть пониже (12 саженей). Расстояние между всеми башнями было одинаковым. Как доносил в Москву воевода Приклонский, «промежду башнями во всех четырех стенах мерою в длину по 30 сажень печатных от башни до башни»[4].

О характере конструктивного устройства и размерах острожных башен свидетельствует сохранившаяся западная проездная башня. Рубленая «в лапу», размером в плане 4×4 сажени, с навесными часовнями, она стала эталоном при графической реконструкции других башен Якутской крепости. Квадратный в плане сруб, круговой облам, шатер рубленый «костром» (способом «в реж»), двери на деревянных пятах, лестницы и сторожевая вышка наверху — все эти элементы в натуре красноречивее самых подробных и детальных описаний и графических чертежей. Именно они (вещественные остатки) позволяют с достаточно высокой степенью достоверности воссоздать хотя бы графически (в проекте) все якутские башни в отдельности и в то же время получить яркое и наглядное представление о композиции крепости в целом. Не возникает в принципе затруднений и при восстановлении конструкции и архитектуры срубных и острожных стен Якутска. Натурные фотографии и обмерные чертежи сохранявшейся до недавнего времени единственной башни в данном случае — именно тот материал, на базе которого основывается их графическая реконструкция. Основные размеры стен и отдельных ячеек достаточно подробно были обозначены в работе Н. Султанова. Сохранившиеся документальные фотографии показывают не только конструкцию самой стены, но и способ соединения ее с башнями. Размещение бойниц в башнях и стенах позволяет судить о системе организации обороны этой крепости. Из фотографий видно, что в башнях и в стенах бойницы верхнего боя располагались на одном уровне. Все ячейки (клетки) стен имели сообщение друг с другом, а также с башнями. Таким образом, оборона в верхнем ярусе (относительно башен это средний ярус обороны) была довольно гибкой, подвижной. Защитники могли свободно перемещаться по всей стене, обходя крепость по периметру, концентрируя силы на нужных участках. Уровень мостов (перекрытий) в стенах и башнях был одинаковым, что создавало определенное удобство при движении защитников.

В объемно-пространственной композиции Якутской деревянной крепости отразились

[4] Там же. С. 313.

лучшие достижения древнерусского крепостного деревянного зодчества. Почти вековая практика строительства в суровых условиях Сибири нашла здесь наиболее концентрированное выражение. Трудно переоценить значение Якутской деревянной крепости для истории оборонительного зодчества, для реставрационной науки и практики. Воссоздание архитектурного облика крепости, основанное на глубоко достоверном материале, позволяет не только представить образную характеристику конкретного оборонительного сооружения, но и продемонстрировать возможность достижения положительных результатов при реконструкции других подобных памятников русского деревянного зодчества.

Башня Якутского острога, 1955–1964 гг. Фото Н.Н. Немнонова

Реконструкция надвратной башни якутского острога, 1988 г. Автор Н.П. Крадин

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Слово «Ямал» переводится с ненецкого языка как «край земли». Первые сведения о нем и о коренных народах, населяющих эти земли — ненцах и хантах (тогда они именовались самоедами и остяками), относятся к XI в. Еще раньше на Ямал попали новгородские купцы, которые представляли себе фантастические богатства северной земли и ее людей. Путешественники рассказывали, что белки там падают на землю как дождь, а р. Обь можно перейти по спинам осетров. «Самородный зверинец», «кладовая мягкой рухляди» привлекала торговых людей и новгородские рати. С 1187 г. нижняя Обь входила в «волости подданные» Великого Новгорода, а после его падения перешла к московским князьям, к титулам которых с 1502 г. добавились «Обдорские» и «Югорские».

В 1592 г. царь Федор снарядил поход для окончательного покорения земель «великой Оби». В 1595 г. один из казацких отрядов построил укрепление под названием Обдорск. В 1601 г. на р. Таз появился острог Мангазея, превратившийся в главную базу ясачных операций, охватывающих территорию до Лены и Енисея. Поступление пушнины принесло казне дополнительные доходы, расширило торговый оборот с заграницей. В 1660 г. сибирская казна вносила свыше 600 тысяч рублей или около одной трети доходной части в бюджет государства.

Современная территория Ямало-Ненецкого автономного округа входила в Березовский и Мангазейский уезды Тобольской губернии. В крае развернулась широкая торговля пушниной, северной белорыбицей, мамонтовой костью, рыбьим клеем, птичьим пером, березовой чагой, лодками, меховой одеждой и другими товарами. Этому способствовала знаменитая Обдорская ярмарка. В январе-феврале сюда съезжались ненцы и ханты, собирались купцы Тобольской, Енисейской, Архангельской губерний. Денежной единицей служил белый песец. Ярмарка по обороту капиталов была одной из первых в Тобольской губернии.

К началу XX в. из Обдорска ежегодно вывозилось на рынки до 200 тысяч пудов рыбы и около 50 тысяч шкурок песца, лисы, белки, горностая и других пушных зверей. Постепенно росло население, менялось административное деление[1].

Березовский уезд включал восточный склон Полярного Урала, Нижнее Приобье, полуостров Ямал. Среди 20 уездов, на которые делилась Сибирь в XVII в., Березовский и Мангазейский занимали особое положение. Вместе с Якутским уездом они образовывали северную окраину Сибири. Оба уезда отличались от прочих огромными площадями и крайней малочисленностью населения.

В конце XVI — первой половине XVII в. в заполярной Сибири создана система взаимосвязанных укрепленных поселений (Обдорск, Мангазея, Жиганск, Березов, Верхне-, Средне- и Нижне-Колымск). Не все из них просуществовали до наших дней и превратились в города[2].

---

[1] История Ямала // Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа: [сайт]. — URL: https://yanao.ru/region/obshchie-svedeniya/istoria.php (дата обращения: 26.08.2024).

[2] Прудникова Н.Г. Обдорская крепость и ее архитектурные особенности // Полярный круг. — 2015. — URL: https://polkrug.ru/news/gorod/den-goroda/3104-obdorskaya-krepost-i-ee-arhitekturnye-osobennosti (дата обращения: 26.08.2024).

ОБДОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Сибирские заполярные города-крепости немногочисленны. Обдорск (с 1933 г. Салехард) — самый древний среди них и единственный в мире город, стоящий на Полярном круге. Название «Обдорск» — коми-зырянское, обозначающее место близ (дор) Оби, а Салехард — ненецкое, в переводе на русский язык звучащее как селение (сале) на мысу (хард). Отсюда и старинное русское название крепости — Носовой городок. В некоторых летописных источниках встречаются названия Назов или Назова. Вероятно, это искаженное звучание слова «низовой», то есть поселение в низовьях Оби.

В 1593 г. казаками было построено шесть укреплений: Юильское, Березовское, Казымское, Сартыньинское, Кодское и Обдорское. В том же 1593 г. служилые во главе с воеводой Никифором Траханиотовым срубили первые венцы Обдорской крепости. В 1595 г. здесь уже стоял небольшой острог, в котором еще долгое время не было постоянного караула и «жилецких людей». Постоянные жители появились в Обдорске только в 1635 г.[3] В том же году острог был переименован в Обдорскую заставу, которую впоследствии стали называть Обдорской крепостью. В задачи Обдорской крепости входил контроль за передвижением товаров на пути в крупнейший по тем временам центр ярмарочной торговли за Полярным кругом — Мангазею.

Крепость представляла собой небольшой четырехугольник, огороженный стоячим тыном с двумя смотровыми и двумя проезжими башнями. Внутри нее располагался типичный для подобных острогов набор административных и жилых построек, а также Васильевская церковь, срубленная в 1602 г.[4]

В 1730–1731 гг. по указу Анны Иоанновны деревянные укрепления обновили. В крепости была создана «годовая обережь» — по-

[3] Там же.

[4] О нас // Историко-архитектурный комплекс «Обдорский острог»: [сайт]. — URL: https://ostrog.yanao.ru/company/ (дата обращения: 26.08.2024).

Историко-архитектурный комплекс «Обдорский острог», 2021 г. Вид сверху. Фото Д. Ткачева

стоянный казачий отряд для защиты ясачных ненцев от кочевых ненцев и для предотвращения их нападения на саму крепость. Первоначально из Березова было выслано 50 казаков с последующим увеличением их числа. В 1754 г. оно достигало максимальной величины — 100 человек. К середине XVIII в. крепость представляла собою довольно значительное военное поселение, в котором стояли «две пушки железные со станками и колесами». Во второй половине XVIII в. Обдорская крепость начинает утрачивать свое военно-оборонительное значение. В 1799 г. находящийся в ней военный гарнизон был расформирован. Застава была преобразована в центр Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии — село Обдорск. В 1807 г. стены и башни деревянного острога по распоряжению Тобольского губернатора А.М. Корнилова были снесены «за ветхостью». Их нет и на рисунках, относящихся к началу XIX столетия[5].

В XIX в. в жизни Обдорска начинают все более преобладать торгово-промысловые черты. При этом он продолжал играть важную роль в сборе ясака у коренных жителей края — ненцев и хантов. Ясак включал в себя преимущественно имевшую большую ценность «мягкую рухлядь» — меха соболя, песца, лисицы, горностая, белки, ондатры и некоторых других животных, обитавших в крае. В Обдорске, благодаря богатству ценными породами рыбы вод Полуя и Оби, всегда были хорошо развиты рыбные промыслы.

С начала XIX в. в Обдорске с 15 декабря по 25 января стала проводиться крупная зимняя ярмарка. По обороту средств она была одной из первых в Тобольской губернии. Традиционно на Обдорскую ярмарку съезжались купцы из многих городов Русского Севера и Сибири. Они везли сюда муку и хлеб, изделия из металлов и украшения, сукно, вино и табак, а увозили меха, моржовые клыки, рыбу, птичье перо и другие промысловые богатства Севера. Как отмечали современники, в то время в Обдорске сформировался целый квартал из торговых складов, а амбаров в нем было втрое больше, чем жилых домов.

В середине XIX в. Обдорск становится центром православной миссии на Ямале. Христианизация, как правило, встречала у ненцев и хантов сопротивление или носила поверхностный характер. Однако благодаря деятельности отдельных подвижников в некоторых случаях она имела заметные результаты[6].

Схема расположения объектов в Историко-архитектурном комплексе «Обдорский острог». Источник: https://ostrog.yanao.ru/virtual-map/

Вплоть до начала XX в. Обдорск оставался последним, самым северным населенным пунктом в низовьях Оби. Дальше по Оби, вплоть до берегов Карского моря, встречались лишь редкие чумы ханты и ненцев, а позже — редкие постройки русских торговцев.

Первые укрепленные поселения русских в Сибири строились по тому же принципу, что крепости и монастыри — на стратегически важных рубежах, на пересечении сухопутных дорог, на водных торговых путях, в устьях рек. Чаще всего использовались высокие места, откуда был хороший круговой обзор, или, наоборот, низменные, заболоченные территории, где на большом протяжении не было оврагов, лесов или каких-либо других укрытий.

По архитектурной композиции они являлись однотипными. Традиционные приемы возведения деревянных крепостей были чрезвычайно практичны и строго соотносились с композиционно-художественными задачами построения отдельных масс и объемов.

На основании крайне скудных изображений Обдорска, а также из рассказов

[5] Прудникова Н.Г. Обдорская крепость и ее архитектурные особенности // Полярный круг. — 2015. — URL: https://polkrug.ru/news/gorod/den-goroda/3104-obdorskaya-krepost-i-ee-arhitekturnye-osobennosti (дата обращения: 26.08.2024).

[6] О нас // Историко-архитектурный комплекс «Обдорский острог»: [сайт]. — URL: https://ostrog.yanao.ru/company/ (дата обращения: 26.08.2024).

очевидцев можно представить себе более поздний облик города, относящийся к XIX в. Историческое место размещения Обдорской крепости — правый крутой берег Оби, место неподалеку от впадения в нее р. Полуй. Ее островерхие стены, состоящие из вертикально поставленных, заостренных вверху бревен, неправильным пятиугольником стоят на берегу, повторяя линии рельефа.

На крутом берегу Полуя были заложены колокольня — самое высокое здание города — и 2 деревянные церкви — приходская (1602) и походная, принадлежавшая местной христианской миссии, выезжавшей к стойбищам ханты и ненцев для обращения их в христианскую веру и для совершения различных церковных обрядов. Храм представлял собой четырехугольный сруб под высокой двускатной кровлей, к которому с запада примыкала трапезная с крыльцом, а с востока — алтарный прируб. Двускатные кровли церкви — тесовые, уложенные двумя рядами внахлест: стыки черного нижнего теса перекрываются верхним красным тесом. Свисающие края верхних тесин завершены усеченными пиками, имеющими чуть плавные, вогнутые контуры, далекие от сухой прямолинейности. Храм увенчан одной главой с крестом на рубленом восьмерике и барабане. Крыльцо церкви двухвсходное, или распашное, с лестницами с северной и южной сторон, подводящими к открытой площадке-рундуку перед главным входом. С северной стороны церкви возвышалась шатровая колокольня. Основу ее составлял традиционный «восьмерик на четверике» — повсеместно встречавшийся на Руси прием построения шатровых колоколен и церквей. Верх восьмерика завершался повалом — плавным расширением сруба, благодаря которому увеличивалось пространство звонницы над ним.

Остальные постройки города (около 50 изб) располагались рядами вдоль реки, образуя просторные улицы.

Внутри крепости разрешалось ставить дворы воеводам, пушкарям, стрельцам и священнослужителям. За ее пределами размещался остальной неслужилый люд: торговцы, ремесленники, а в тех местах, где были пашенные земли, — крестьяне. В заполярных городах, в том числе и в Обдорске, количество русских людей, живущих за пределами городских стен, изначально было невелико, в основном здесь стояли чумы аборигенов.

В срединной части Обдорской крепости на видных местах стояли две большие бревенчатые избы: воеводский дом и приказная изба. Ближе к крепостным стенам размещались «жилецкие дома» для постоянного, оседлого или осадного, казачьего населения крепости. Кроме этого, были баньки и амбары, среди которых были не только придомовые, но и казенные, где хранились арсенал крепости, продовольственные запасы и проч. Остяцкое и самоедское население всей Обдорской волости, съезжавшееся сюда во время ясачного сбора и ярмарок, всегда размещало свои чумы неподалеку от крепости, а особо почетным гостям, например князьям или родовым старейшинам, предоставлялось место для установки чума внутри крепостных стен.

В XIX в. Обдорск являлся самым привлекательным заполярным городом России. Сейчас нередко первым заполярным городом Сибири называют Мангазею, возникшую по меньшей мере на полдесятилетия позже Обдорского (Низового) городка. Однако слава и блеск Мангазеи были недолгими.

В 2006 г. на историческом месте у слияния рр. Полуй и Обь начал свою работу современный историко-архитектурный комплекс «Обдорский острог». Реконструкция стен и башен была начата под руководством архитектора А.В. Ополовникова еще в 1992 г. и осуществлялась в соответствии с обликом острога 1641 г., когда была построена четырехбашенная крепость.

Освоение Заполярья — захватывающая история жизни русского народа. Несмотря на то, что о ней немало написано, до сегодняшнего дня ранняя архитектура остается малоизученной[7].

---

[7] Прудникова Н.Г. Обдорская крепость и ее архитектурные особенности // Полярный круг. — 2015. — URL: https://polkrug.ru/news/gorod/den-goroda/3104-obdorskaya-krepost-i-ee-arhitekturnye-osobennosti (дата обращения: 26.08.2024).

Никольская сторожевая башня. Источник: https://ural-meridian.ru/news/217/

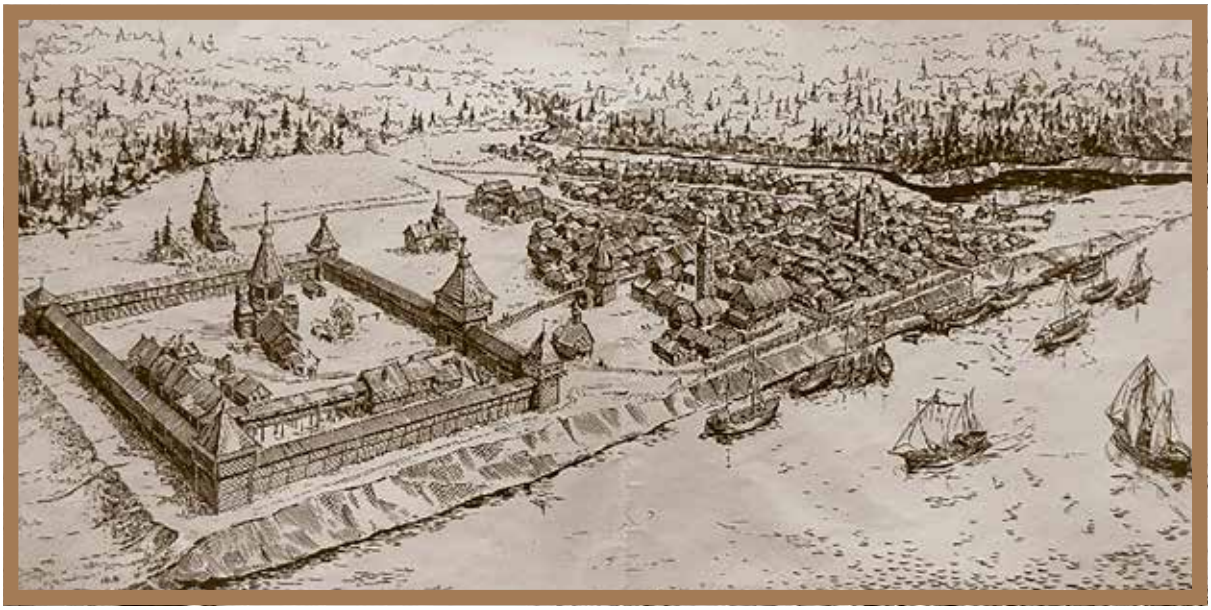
МАНГАЗЕЯ

«Златокипящая вотчина государева», «сибирская сокровищница», «соболиный Клондайк» — как только не называли этот древнерусский сибирский город-крепость, просуществовавший чуть более 70 лет, а затем на долгие годы исчезнувший из памяти людской. Слишком быстро оскудел пушной промысел, да к тому же новые, более выгодные пути в Сибирь были проложены южнее, поэтому Мангазея стала приходить в упадок, а затем и вовсе прекратила свое существование. Ее перенесли на р. Туруханн, где с 1660 г. существовал Троицкий монастырь.

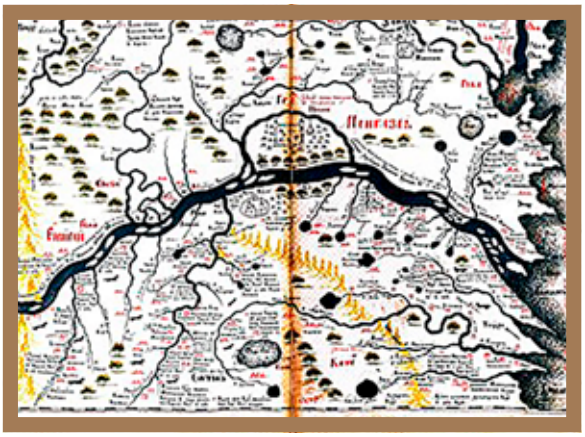
Старый город, покинутый и заброшенный, постепенно пустел и разрушался,

Мангазея. Вид со стороны посада. Реконструкция Н.П. Крадина

Мангазейский острог с посадом. Реконструкция по раскопкам М.И. Белова

Мангазея в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова

зарос лесом, сровнялся с землей и забылся. И только в советское время, когда историки начали планомерное изучение процессов освоения Сибири русскими, появились исследования и о Мангазее. Выяснению архитектурного облика Мангазейской крепости посвятил свои работы В.И. Кочедамов.

Менее всего сохранилось документов, проливающих свет на самый ранний период — основания Мангазеи. Первая экспедиция Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова в 1600 г. окончилась неудачей. Так и осталось загадкой, дошел ли князь Шаховской до места и основал ли острог. Не дождавшись результатов первого похода, правительство послало второй, более значительный отряд казаков под предводительством Василия Мосальского и Савлука Пушкина.

Учитывая сложные сибирские условия и полное отсутствие сведений о казаках Мирона Шаховского, новым воеводам предписывалось идти в Мангазею быстро, чтобы успеть до заморозков. На всем пути следования воеводы обязаны были «пробирать сведения о своих предшественниках, а по прибытии на реку Таз использовать

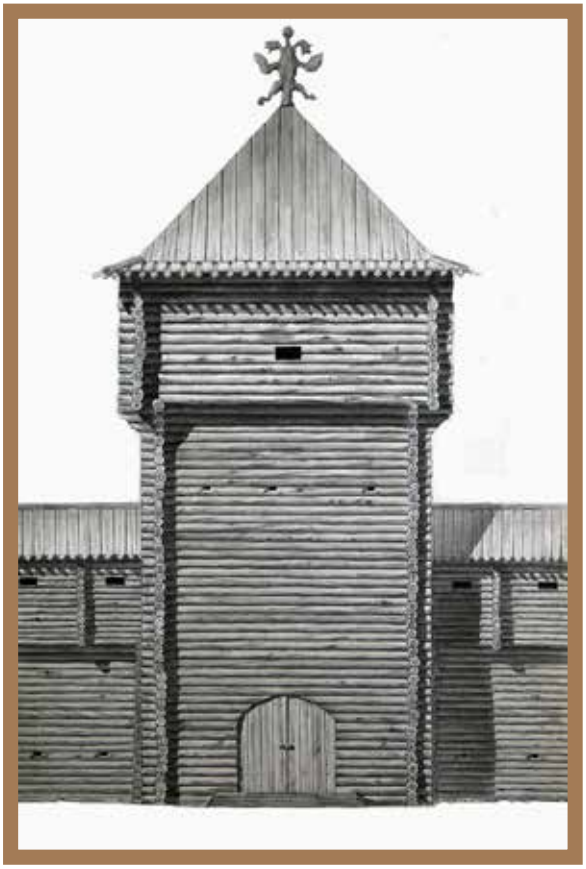
Угловая Ратиловская башня в разрезе. Реконструкция Н.П. Крадина

под укрепление какой-нибудь из городков промышленников.

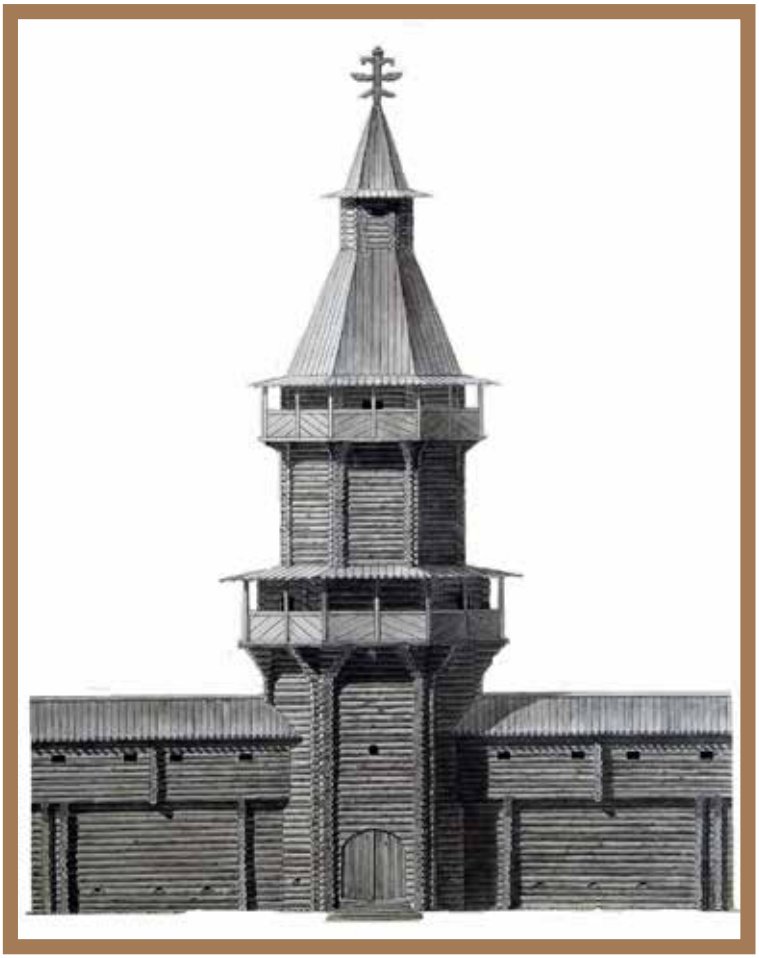
Неизвестно, было ли исполнено полностью предписание правительства, но документы того времени свидетельствуют, что до 1603 г. острог уже существовал.

Можно считать, что первый Мангазейский острог с оградой из тына был заложен в 1601 г. О планировке, композиции и архитектурном облике этого первого Мангазейского острога сведений нет. Но они есть о городе-крепости, который был поставлен на его месте в 1607 г. Взамен тыновых в ней появились срубные стены, а в них пять башен. Основные параметры стен и прясел Мангазейской крепости также известны: общая длина срубных стен составляла 281 м, а высота более 3 м.

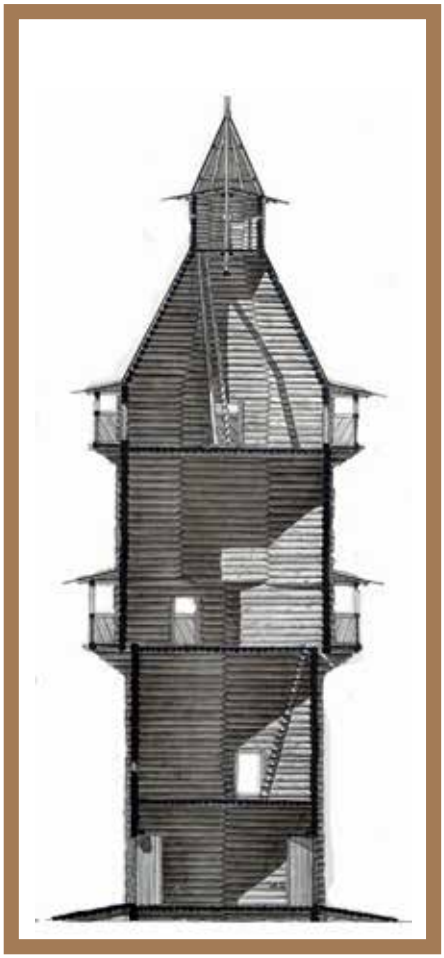
Детальные археологические изыскания, проведенные на месте Мангазеи в 1968–1973 гг., позволили получить ценнейшие материалы и выполнить детальную фиксацию планировочной структуры города и каждого здания в отдельности. Как показали раскопки, стены, башни и другие постройки Мангазеи ставились непосредственно

Фасад проездной Спасской башни. Реконструкция Н.П. Крадина

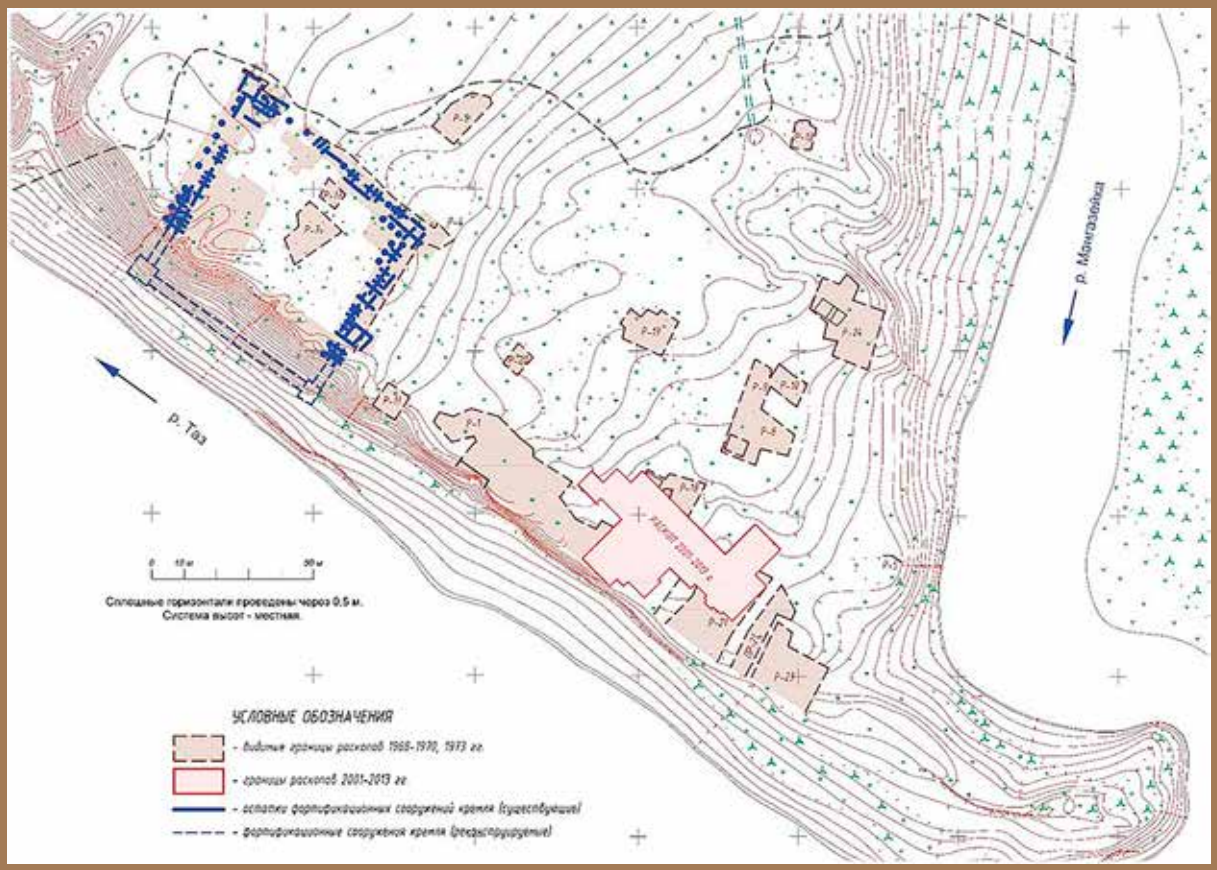
Фасад башни.
Реконструкция Н.П. Крадина

Башня в разрезе.
Реконструкция Н.П. Крадина

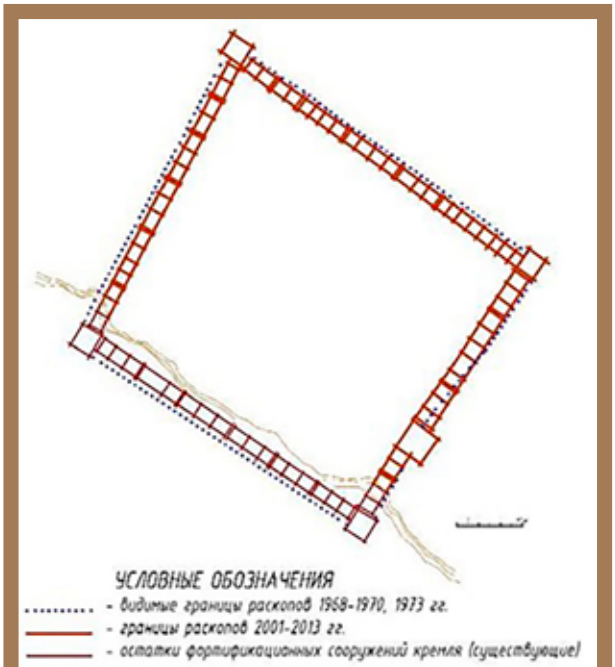

Городище Мангазея. Вид с запада. Фото Г.П. Визгалова

Остатки конструкций оборонительных сооружений Мангазеи, зафиксированные в ходе раскопок 1968–1970, 1973 гг., совмещенные с генеральным планом объекта культурного наследия

на грунт, прямо на слой щепы. Вечная мерзлота здешних мест способствовала хорошей сохранности нижних венцов строений, и по этой причине не было необходимости устраивать специальные фундаменты. Сохранившиеся под слоем дерна в довольно хорошем состоянии нижние венцы различных построек Мангазеи стали, с одной стороны, подтверждением данных ее исторического письменного описания, а с другой — послужили основой для достоверной графической реконструкции и отдельных башен, и крепости в целом. Новые данные позволили уточнить основные параметры крепости в трех ее измерениях, ее архитектурно-конструктивный строй, характер и формы отдельных частей и деталей[8].

План крепости Мангазея. Реконструкция по раскопкам М.И. Белова и О.В. Овсянникова

[8] Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — URL: https://a-nevsky.ru/books/russkoye-derevyannoe-oboronnoe-zodchestvo12.html (дата обращения: 26.08.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- **МОГИЛЕВСКИЙ Константин Ильич** — кандидат исторических наук, заместитель Министра науки и высшего образования Российской Федерации (г. Москва)
- **Гагкуев Руслан Григорьевич** — доктор исторических наук, исполнительный директор фонда «История Отечества», председатель Правления Российского исторического общества, ведущий научный сотрудник ФГБУН Института российской истории Российской академии наук (г. Москва)
- **Багрин Егор Андреевич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» (г. Санкт-Петербург)
- **Базаров Биликто Александрович** — руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ)
- **Нолев Евгений Владимирович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, ответственный секретарь отделения Российского исторического общества в Республике Бурятия (г. Улан-Удэ)
- **Миягашев Денис Алексеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ)
- **Корусенко Михаил Андреевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Омск)
- **Герасимов Юрий Викторович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Омск)
- **Крих Анна Алексеевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций ФГАОУ ВО «Омский государственный технический университет» (г. Омск)
- **Маслюженко Денис Николаевич** — кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет» (г. Курган)
- **Виноградов Роман Олегович** — старший инспектор отдела государственного контроля (надзора) Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (г. Ханты-Мансийск)
- **Новиков Игорь Константинович** — руководитель учебно-исследовательской археологической лаборатории, старший преподаватель кафедры «История и документоведение» ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет» (г. Курган)
- **Забияко Андрей Павлович** — доктор философский наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории, главный научный сотрудник лаборатории археологии и антропологии ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет» (г. Благовещенск)
- **Трухин Владимир Ильич** — краевед (г. Благовещенск)
- **Черкасов Андрей Николаевич** — археолог, руководитель Албазинской археологической экспедиции (г. Москва)
- **Чёрная Мария Петровна** — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой археологии и исторического краеведения ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск), заведующая Лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)
- **Визгалов Георгий Петрович** — кандидат исторических наук, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы, научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, директор ООО «НПО Северная археология — 1» (г. Сургут)
- **Селянина Марина Юрьевна** — доцент, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор МБУК «Сургутский краеведческий музей» (г. Сургут)
- **Крадин Николай Петрович** — доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектуры и урбанистики ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (г. Хабаровск)
- **Крадин Николай Николаевич** — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток)
- **Бородовский Андрей Павлович** — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)
- **Чибышев Павел Васильевич** — директор частного историко-краеведческого музея «Редут Соляной Поворот» (г. Омск)
- **Скобелев Сергей Григорьевич** — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (г. Новосибирск)
- **Кениг Александр Владимирович** — кандидат исторических наук, доцент, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы, заведующий Югорской лабораторией археологии и этнологии ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Ханты-Мансийск)

- **Майничева Анна Юрьевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского отдела ФГБОУ ВО Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (г. Новосибирск)
- **Новиков Андрей Владиленович** — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла ФГБУН Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)
- **Горохов Сергей Валерьевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (г. Новосибирск)
- **Понкратова Ирина Юрьевна** — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (г. Магадан)
- **Константинов Александр Васильевич** — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита)
- **Константинова Наталья Николаевна** — кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Читинской области, научный сотрудник ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей имени А.К. Кузнецова» (г. Чита)
- **Горлышкин Никита Евгеньевич** — ведущий инженер лаборатории археологии ФГБУН Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово)
- **Тулуш Демир Константинович** — кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии ОСП ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан», главный специалист Центра археологических исследований ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва» (г. Казань, г. Кызыл)
- **Корчагин Павел Анатольевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Пермь).
- **Зах Виктор Алексеевич** — доктор исторических наук, заведующий сектором археологических и природных реконструкций Института проблем освоения Севера ФГБУН Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень)
- **Аношко Оксана Михайловна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень)
- **Рафикова Татьяна Николаевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института проблем освоения Севера ФГБУН Федерального исследовательского центра Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень)
- **Харинский Артур Викторович** — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель научно-исследовательской лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск)
- **Яровой Борис Павлович** — преподаватель, заведующий лабораторией ГБПОУ ИО «Иркутский техникум архитектуры и строительства», аспирант Института архитектуры, строительства и дизайна ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск)
- **Коваль Владимир Юрьевич** — кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии Российской академии наук (г. Москва)
- **Иванюк Сергей Александрович** — кандидат исторических наук, директор Центрального музея связи имени А.С. Попова (г. Волгоград)
- **Хайрутдинов Рамиль Равилович** — кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Республике Татарстан (г. Казань)
- **Валеев Рафаэль Миргасимович** — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всемирного культурного наследия Института международных отношений ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань)
- **Ситдиков Айрат Габитович** — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, руководитель (директор) ОСП ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан», заведующий кафедрой археологии и реставрации наследия Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань)
- **Сайфутдинова Гузель Маратовна** — кандидат технических наук, доцент, заведующая отделом геоинформационных технологий ОСП ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан», доцент кафедры геофизики и геоинформационных технологий Института геологии и нефтегазовых технологий ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань)
- **Хамидуллин Булат Лиронович** — кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры ОСП ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения имени М.Х. Хасанова» (г. Казань)
- **Хуснуллина Алия Азатовна** — младший научный сотрудник информационно-редакционного отдела ОСП ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань)

Отпечатано в типографии «АСТЕР Петербург»
194044, Санкт-Петербург, улица Менделеевская, дом 9
Тел.: (812) 603 25 25
https://www.print-aster.ru/